

Документ подписан простой электронной подписью

Информация о владельце:

ФИО: Кулинченко Виктор Васильевич

Должность: Директор

Дата подписания: 21.03.2022 14:11:10

Уникальный идентификатор: 735d42842d0216140de62a96e22a5064769e33a8

## ПРАВО И ПРАКТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ НИИ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА И КУБАНСКОЙ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ

Адвокатской палаты Краснодарского края - М.: НИИ ИЭП, 2022. - №2. - 257 с.

Главный редактор Шахкелдов Фридрих Григорьевич – доктор юридических наук, профессор.

Редакционная коллегия:  
Андреевская Елена – доктор юридических наук, профессор;

Андриановская Ирина Ивановна - доктор юридических наук, профессор;  
Астафьева Ольга Николаевна – доктор философских наук, профессор;  
Бочкарева Екатерина Александровна - доктор юридических наук, профессор;  
Баркова Элеонора Владиленовна – доктор философских наук, профессор;  
Выпханова Галина Викторовна – доктор юридических наук, профессор;  
Гайдамашко Игорь Вячеславович – академик РАО, доктор психологических наук, профессор;  
Горлова Ирина Ивановна – доктор философских наук, профессор;  
Го Сяоли – доктор филологических наук, профессор;  
Дашин Алексей Викторович – доктор юридических наук, профессор;  
Дмитренко Андрей Петрович – доктор юридических наук, профессор;  
Епифанов Александр Егорович – доктор юридических наук, профессор;  
Жаворонкова Наталья Григорьевна – доктор юридических наук, профессор;  
Жеребцов Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор;  
Залиханов Михаил Чоккаевич – академик РАН, доктор географических наук, профессор;  
Иншакова Агнесса Олеговна – доктор юридических наук, профессор;  
Камышанский Владимир Павлович – доктор юридических наук, профессор;  
Карев Борис Анатольевич – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО;  
Кибильник Алексей Григорьевич – доктор юридических наук, профессор;  
Курдюк Петр Михайлович – доктор юридических наук, профессор;  
Леванова Елена Александровна – доктор педагогических наук, профессор;  
Лозовский Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор;  
Ломов Станислав Петрович – академик РАО и РАХ, доктор педагогических наук, профессор;  
Меретуков Гайса Мосович – доктор юридических наук, профессор;  
Мирошник Светлана Валентиновна – доктор юридических наук, профессор;  
Ображиев Константин Викторович – доктор юридических наук, доцент;  
Овсянникова Татьяна Анатольевна – доктор философских наук, профессор;  
Попова Юлия Александровна – доктор юридических наук, профессор;  
Рыжаков Михаил Викторович – академик РАО, доктор педагогических наук, профессор;  
Садохин Александр Петрович – доктор культурологии, профессор;  
Сапфирова Аполлинария Александровна – доктор юридических наук, профессор;  
Снигирёва Ирина Олеговна – доктор юридических наук, профессор;  
Соловей Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор;  
Турицын Игорь Викторович – доктор исторических наук, профессор.  
Фендоглу Хасан Тахсин – доктор юридических наук, профессор;  
Шадже Азамат Мухамчериевич – доктор юридических наук, профессор.  
Адрес редакции: 119192, Москва, Мичуринский проспект 16, к.267. Тел. +7 (495) 227-24-13. E-mail: info@helri.com; pip@helri.com; Сайт: www.helri.com  
ISSN 2411-2275

© «Право и практика»; Авторы публикаций.

## LAW AND PRACTICE

SCIENTIFIC JOURNAL OF HISTORY, ECONOMICS AND LAW RESEARCH INSTITUTE AND OF KUBAN COLLEGIUM OF ADVOCATES OF THE BAR OF KRASNODAR REGION. - M.: HELRI, 2022. - № 2. - 257 p.

### Editor-in-chief:

Shahkeldov, Friedrich G. - Doctor of Law, Professor.

### Board of editors:

Andreevska, Elena - Doctor of Law, Professor;  
Andrianovskaya, Irina I. - Doctor of Law, Professor;  
Astafieva, Olga N. – Doctor of Philosophy, Professor;  
Bochkareva, Ekaterina A. - Doctor of Law, Professor;  
Barkova, Eleonora V. – Doctor of Philosophy, Professor;  
Vypkhanova, Galina V. - Doctor of Law, Professor;  
Gaidamashko, Igor V. – Doctor of Psychology, Professor, the Corresponding Member of the Russian Academy of Education;  
Gorlova, Irina I. – Doctor of Philosophy, Professor;  
Go Syaoli – Doctor of Philology, Professor;  
Dashin, Alexey V. - Doctor of Law, Professor;  
Dmitrenko, Andrey P. – Doctor of Law, Professor;  
Epifanov, Alexander E. – Doctor of Law, Professor;  
Zhavoronkova, Natalya G. - Doctor of Law, Professor;  
Zherebtsov, Alexey N. - Doctor of Law, Professor;  
Zalikhonov, Mikhail Ch. – Doctor of Geography, Professor, the Academician of the Russian Academy of Sciences;  
Inshakova, Agnessa O. - Doctor of Law, Professor;  
Kamyshansky, Vladimir P. - Doctor of Law, Professor;  
Karev, Boris A. – Doctor of Pedagogics, Professor;  
Kibilnik, Aleksey G. - Doctor of Law, Professor;  
Kurdyuk, Petr M. - Doctor of Law, Professor;  
Levanova, Elena A. – Doctor of Pedagogics, Professor;  
Lozovsky, Denis N. - Doctor of Law, Professor;  
Lomov, Stanislav P. – Doctor of Pedagogy, Professor, the Academician of the Russian Academy of Education, the Academician of the Russian Academy of Arts;  
Meretukov, Gaysa M. – Doctor of Law, Professor;  
Miroshnik, Svetlana V. - Doctor of Law, Professor;  
Obrazhiev, Constantin V., – Doctor of Law, Associate Professor;  
Ovsyannikova, Tatiana A., – Doctor of Philosophy, Professor;  
Popova, Julia A. - Doctor of Law, Professor;  
Ryzhakov, Mikhail V. – Doctor of Pedagogy, Professor, the Academician of the Russian Academy of Education;  
Sadokhine Alexander P. – Doctor of Cultural Studies, Professor;  
Sapfirova, Apollinaria A. - Doctor of Law, Professor;  
Snigiryova, Irina O. – Doctor of Law, Professor;  
Solovey, Yuri P. - Doctor of Law, Professor;  
Turitsyn, Igor V. – Doctor of History, Professor;  
Fendogli, Hasan Tahsin – Doctor of Law, Professor;  
Shadzhe, Azamat M. - Doctor of Law, Professor.  
ISSN 2411-2275

© «Law and practice»; Authors of the publications

# ОГЛАВЛЕНИЕ

## ПРАВО

### ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПРАВА

<b>МИНЕЕВА И.А.</b> «УСТАВ БЛАГОЧИНИЯ» КАК НАЧАЛО СИСТЕМНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ	5
<b>ГОЛОВИНОВ А.В., ГОЛОВИНОВА Ю.В.</b> ПРОБЛЕМЫ ТЮРЕМНОГО СОДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ Н.М. ЯДРИНЦЕВА	9
<b>ЧЕРКЕСОВА Л.И.</b> ВЕРХНЯЯ ПАЛАТА ПАРЛАМЕНТА 1906-1917 ГОДОВ (ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)	13
<b>ИЩЕНКО А.А., СМЕТАНА Н.В. ФЕДОРЕНКО С.А.</b> ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И РАЦИОНАЛИЗАТОРОВ В СССР И РОССИИ	19
<b>УПОРОВ И.В., ШЕУДЖЕН Н.А., ШВЕЦ А.А.</b> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИИ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	25
<b>ЧЕРКЕСОВА Л.И.</b> ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РСФСР: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	31
<b>ЯРМОНОВА Е.Н.</b> К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	36
<b>ЛУНЕВА Е.В., ПОГОДИНА О.Н., ФИЛИНОВ В.П., МАТВЕЕВ П.А.</b> ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНЕ И НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	39
<b>ШАПСУГОВА М.Д.</b> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК МАТЕРИАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПРАВА В МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ	45

### ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<b>ЗАПОЛЬСКИЙ С.В., СМОРЧКОВА Л.Н.</b> СОВМЕСТНОЕ ВЕДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ НОВЕЛЛЫ	50
<b>МАЗЕИН А.В.</b> УНИФИКАЦИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	55
<b>ГЛАЗУНОВА И.В.</b> ПЕРЕДАЧА ПОЛНОМОЧИЙ КАК ОДИН ИЗ ЭФФЕКТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	59
<b>ДЯДЬКИН О.Н.</b> К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ	65
<b>ВОЛКОВА В.В., ПЕТРУШКИНА А.В.</b> ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА ПООЩРЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	70
<b>ЯВОРСКИЙ М.А., САБЛИНА Е.А., ЦЫМБАЛЮК М.С.</b> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	73
<b>СМОРЧКОВА Л.Н.</b> О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	77
<b>ВАСИЛЬЕВА Е.Г.</b> ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ: СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	82
<b>КРОХИНА Ю.А.</b> МЕТОДЫ НАЛОГОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В ФИСКАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	89
<b>ОКУЛИЧ Н.В.</b> О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ УТОЧНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	94
<b>ГОЛУБУШИНА Л.Г.</b> О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ У РАБОТОДАТЕЛЕЙ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТРУДА ИНОСТРАННЫХ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ: ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ	98

## УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<b>ПРОВОТОРОВ Р.А.</b> УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ	104
<b>ДЗУКАЕВА Н.Г.</b> УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА СОУЧАСТИЯ ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ	109
<b>БОХАН А.П., ДОНЧЕНКО В.Е., ЛАВРЕНКО А.В., ЧМЫРЁВ С.Н.</b> ПРЕДМЕТ МЕЛКОГО ХИЩЕНИЯ КАК ПРИЗНАК РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВИДОВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	113
<b>ТРАВЕНКО Е.Н., ПОРОДЕНКО В.А., ЛАПТЕВ Д.А.</b> ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПАЦИЕНТА ИЗ МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	117
<b>ЗОТОВ А.Ю.</b> ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СОВРЕМЕННОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ	121
<b>ВАЛЕНТОНИС А.С., ПИРОГОВ В.П.</b> КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ДЕЯНИЙ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ	126
<b>КОЛИЕВ В.В., ШАХКЕЛДОВ Ф.Г.</b> ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	131
<b>ПШАВА В.В., СОКОЛОВ А.Б., ГАЛДИНА Э.О.</b> К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	135
<b>ШАХКЕЛДОВ Ф.Г.</b> ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	138
<b>БАХМАДОВ Б.Д.</b> КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАДИИ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ВВИДУ НОВЫХ ИЛИ ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ	144
<b>КУРТЫНОВ И.В., АФНАСЬЕВ М.А.</b> ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ТРАНСПОРТЕ	149
<b>ГАВРИЛОВ Д.А., ГАВРИЛОВА В.Д.</b> К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И НАЦИЗМУ	153
<b>ЛАГОДИНА Е.И.</b> НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ СДЕЛОК КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ НЕДВИЖИМОСТИ	157
<b>ЗЕЛЕНСКАЯ Л.А.</b> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	161

## ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<b>ВИЛЬДАНОВА М.М.</b> ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД САНКЦИЙ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ ГОСУДАРСТВ	166
<b>МАСЛЕННИКОВА Л.В., ШИРОКАЯ П.А., ОБЛОГИН Д.Д.</b> СОСТАВ И РАЗМЕР ДЕНЕЖНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПРИЗНАНИЯ ДОЛЖНИКА БАНКРОТОМ	173
<b>ГОРДЕЕВ П.А., ЛАМБАЕВ Ж.Т.</b> ПРЕДЕЛЫ ДИСПОЗИТИВНОСТИ В РЕГУЛИРОВАНИИ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В НЕПУБЛИЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ	177
<b>ТАРАСОВА Ю.А., ПОРУНОВА О.Г.</b> К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ	183
<b>МИХАЙЛОВА С.Ю., АЛЕКСАНДРОВА Н.В., КАРПОВ А.В.</b> ЭВОЛЮЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ЦИФРОВОГО ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	188
<b>МИХАЙЛОВА С.Ю., ИВАНОВА Е.В.</b> ПРАВОВЫЕ СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ «ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ»	194
<b>ПОРУНОВА О.Г., АВЯСОВ М.А., ТАРАСОВА Ю.А.</b> ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	197

<b>БЕЛАЯ О. В. КИЦАЙ Ю.А.</b> ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ИНФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЕГР ЗАГС	<b>201</b>
<b>ВИКТОРОВ В.Ю., МАТВЕЕВ П.А., ТОЛСТОВА И.А., КОВШЕВАЦКИЙ В.И.</b> СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ	<b>206</b>
<b>ФАДЕЕВ А.В.</b> К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПОРЯДКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОСТАВЩИКА	<b>210</b>

### **МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО**

<b>МАМЕДОВА В.Я.</b> ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ШУШИНСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ КАК ДОКУМЕНТА МИРА, ДРУЖБЫ И ВЗАИМОПОМОЩИ	<b>215</b>
--	------------

### **ФИЛОСОФИЯ**

<b>ТУРКУЛЕЦ А.В., ТУРКУЛЕЦ С.Е.</b> СОЦИАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОГО ДИСКУРСА	<b>220</b>
<b>БАРКОВА Э.В., БУЗСКАЯ О.М.</b> КАТЕГОРИЯ «ГАРМОНИЯ» В ЭКОФИЛОСОФСКОМ ОСВОЕНИИ СОИЗМЕРИМОСТИ ЧЕЛОВЕКА, КУЛЬТУРЫ, ПРИРОДЫ И КОСМОСА	<b>223</b>
<b>РАУ И.</b> СОН И СНОВИДЕНИЯ, ИХ ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ ЖИЗНИ	<b>230</b>
<b>ПОНИЗОВКИНА И.Ф.</b> КОНЦЕПЦИЯ ДЕБИОЛОГИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА: ТУПИК ИЛИ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	<b>241</b>
<b>САХАРОВА М.В.</b> ВАГОНЕТКОЛОГИЯ: РАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР, ЦЕННОСТИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ	<b>244</b>
<b>КОСТИН П.А.</b> ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФИЛОСОФСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	<b>248</b>

### **ПЕДАГОГИКА**

<b>КАЗАРЯН Ш.Е., ГРИГОРЯН А.Э.</b> ФОРМИРОВАНИЕ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ	<b>255</b>
--	------------

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПРАВА

УДК 340.130.5(47+57)P«1782»

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-5-9

МИНЕЕВА И.А.

«УСТАВ БЛАГОЧИНИЯ» КАК НАЧАЛО СИСТЕМНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ  
ПОЛИЦЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ

**Ключевые слова:** полицейское право, Устав благочиния, Екатерина Вторая, А.А. Безбородко, полицейская служба, городская полиция, регулярное государство, управа благочиния, кварталный надзиратель, частный пристав.

В статье рассмотрен опыт системной регламентации полицейской службы на основе принятого 8 апреля 1782 г. Екатериной II «Устава благочиния». Объектом исследования выступили политико-правовые отношения, сформировавшиеся в конце XVIII века под влиянием регламентирующих охранительных процессов. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как установление в документе принципов, на которых строится полицейская служба, компетенции, функции ведомства, требования должностного соответствия для полицейских чинов, регламентация режима и порядка несения службы. Особое внимание уделяется юридической технике «Устава благочиния». В ходе исследования использовались сравнительный и исторический методы, системный анализ и контекстологический анализ текста. Научная новизна заключается в том, что автором впервые предпринята попытка проанализировать «Устав благочиния» не как документ, определивший структуру и круг полномочий городской полиции, а в качестве источника системной регламентации полицейской службы, как профессиональной деятельности по обеспечению ряда государственных функций, прежде всего, правоохранительной. Особым вкладом в разработку темы является обращение к нормативным правовым актам, подготовившим исследуемый документ, и памятникам политико-правовой мысли, определившим его идеологию. Показано, что «Устав благочиния» положил начало профилизации полицейской службы, как самостоятельной разновидности государственной службы Российской империи.

MINEEVA, I.A.

«THE CHARTER OF THE DEANERY» AS THE BEGINNING OF THE SYSTEMATIC REGULATION  
OF THE POLICE SERVICE

**Key words:** police law, the charter of the deanery, Ekaterina the Second, A.A. Bezborodko, police service, city police, regular state, deanery board, quarterly supervisor, private bailiff.

The article considers the experience of systemic regulation of the police service on the basis of the "Charter of the Deanery" adopted on April 8, 1782 by Catherine II. The object of the study was the political and legal relations that were formed at the end of the 18th century under the influence of regulatory protective processes. The author examines in detail such aspects of the topic as establishing in the document the principles on which the police service is built, competencies, functions of the department, requirements for official compliance for police officers, regulation of the regime and order of service. Particular attention is paid to the legal technique of the "Charter of the Deanery". The study used comparative and historical methods, system analysis and contextual analysis of the text. Scientific novelty lies in the fact that the author for the first time made an attempt to analyze the "Charter of the Deanery" not as a document that determined the structure and terms of reference of the city police, but as a source of systemic regulation of the police service, as a professional activity to ensure a number of state functions, primarily law enforcement. A special contribution to the development of the topic is the appeal to the normative legal acts that prepared the document under study, and the monuments of political and legal thought that determined its ideology. It is shown that the "Charter of the Deanery" marked the beginning of the profiling of the police service, as an independent type of public service of the Russian Empire.

Подписанный Екатериной II 8 апреля 1782 г. «Устав благочиния» (в момент принятия документ назывался «Устав благочиния или полицейский») [1, с. 461-488] явился первым в истории отечественного права документом, системно регламентировавшим полицейскую службу. Ранее принимавшиеся документы, к примеру, Пункты, данные Санкт-Петербургскому Генерал-Полицмейстеру от 25 мая 1718 г. [2, с. 569-571], Высочайшая резолюция от 23 апреля 1733 г. на доклад Полицмейстерской Канцелярии «Об учреждении Полиции в городах» [3, с. 93], Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г. [4, с. 229-304], касались либо отдельно столицы, либо содержательно не охватывали различные аспекты полицейской службы в пределах Российской империи.

Выделяя триаду, свойственную классификации государственной службы, связывая ее деление с гражданским, военным и придворным поприщем, как законодатель, так и политико-правовые писатели не акцентировали внимание на правоохранительной, судебной и дипломатической деятельности. Обращая тем самым внимание на самую укрупненную её функциональную направленность, не проецируя дальнейшую детализацию функций государственной службы. В итоге, правоохранительная служба не была выделена в рассматриваемый период в качестве самостоятельной, и в полицию на руководящие посты в течение не только XVIII, но и всего XIX века назначались как военные, так и гражданские чины. Военнослужащие чаще допускались к руководству полицией, однако процент «гражданского» генералитета был также высок [5, с. 18-19]. Кроме того, чиновники полицейского ведомства,

которые состояли при канцеляриях, могли привлекаться и к непосредственно полицейской службе [6, с. 41].

Интересно в этой связи политико-правовое наследие отечественного ученого-правоведа А.Я. Поленова (1738 – 1816 гг.), посвятившего отдельные труды исследованию правового положения крепостных крестьян. Рассуждая о правоохранительной службе и, в частности, о целесообразности учреждения деревенской полиции, он писал: «Полиция может по справедливости почесться за непоколебимую подпору народной безопасности; для того неотменно нужно оную учредить и содержать в полной силе не токмо в городах, но в деревнях» [7, с. 20]. Функциональные обязанности деревенских полицейских должны были включать достаточно обширный круг обязанностей, начиная от борьбы с преступностью, заканчивая поддержанием противопожарной дисциплины и даже благоустройством сельской территории. Предполагая сложности с подбором кадров для новой службы («Самая трудность состоит в приискании способных и исправных в своей должности...» [7, с. 21]), он предлагает сделать сельскую полицию подотчетной городской, которой вменить в обязанность проводить периодические инспекции. Именно подчинение сельской полиции соответствующей городской властной структуре позволяет, на наш взгляд, утверждать, что А.Я. Поленов рассматривал службу в сельской полиции не как общественную деятельность, а как разновидность государственной службы.

Основной разработчик «Устава благочиния» дипломат А.А. Безбородко (1747-1799 гг.) [8, с. 111; 9, с. 121] и Екатерина II при разработке документа о городской полиции, которая «должна быть примером взаимоотношений в обществе» [10, с. 121] и определении требований к соответствующим должностным лицам и их функциональных обязанностей, по всей вероятности, желали совместить юридическую определенность формулировок с соответствующими религиозными постулатами, а также построить «Устав благочиния» на базе политико-правовой мысли эпохи Просвещения. В результате, появился по-своему уникальный нормативный правовой акт, послуживший достойным началом формализации и профилизации полицейской службы, несмотря на неминуемые при начале любого большого дела просчеты.

Словарь Владимира Даля определяет «благочиние» как «послушание, порядок, спокойствие; приличие, благопристойность» [10, с. 95]. Полиция, таким образом, была призвана, прежде всего, обеспечивать консервативные ценности, устоявшийся порядок: «56. Управа Благочиния не дозволяет в городе гражданину вчинать новизну в том, на что узаконение есть; всякую же новизну, узаконению противную, пресекает в самом начале» [1, с. 466-467]. Соответственно этим моральным категориям, формулировались полномочия полиции, которая охраняла религиозные, семейные и общественные ценности. Кроме этого, полиция, согласно документу, сочетала в себе черты правоохранительного органа с коммунально-бытовыми, санитарно-эпидемиологическими функциями, технического надзора, полномочиями по контролю цен на продовольственные товары и т.д. Следует отметить, что обширные функции полиции с явно недостаточными для их реализации штатами были характерны и для более раннего периода – с момента образования в Санкт-Петербурге Петром I [11, с. 82], [12, с. 71] и утверждения им 25 мая 1718 г. Пунктов, данных Санкт-Петербургскому Генерал-Полицмейстеру [2, с. 569-571].

Документ, хоть и не вполне системно, но формулировал принципы, на которых строится полицейская служба. Так, идея равного доступа к защите со стороны закона, объективно не сопоставимая с реалиями второй половины XVIII века [13, с. 292-293], усматривается в пункте 44: «Управа Благочиния выслушивает всех без изъятия, убогих, богатых, сильных, бессильных, знатных и незнатных» [1, с. 465]. Нетерпимость к коррупции явствует из подпункта XV пункта 41: «Воздержание от взяток; ибо ослепляют глаза, и развращают ум и сердце, устам же налагают узду» [1, с. 465]. Индивидуальный подход к каждому нарушению закона провозглашался пунктом 45: «Управа Благочиния во всякой вине, проступке или преступлении объясняет, с намерением или без намерения то учинено» [1, с. 465]. При этом впервые в истории российского права устанавливался принцип применения только опубликованных нормативных правовых актов: «Управа Благочиния не взыскивает с людей исполнения по закону, буде тот закон не обнародован» (п. 48) [1, с. 466]. Декларированные принципы по своему характеру несколько опережали своё время и не могли быть реализованы целиком, однако, как некая юридическая и морально-этическая максима, были безусловно ценны.

Важным в плане обособления полицейской службы как если не вида, то разновидности государственной службы, является выделение в «Уставе благочиния» отдельного раздела «О чинах». Согласно ему, все полицейские чины были внесены в Табель о рангах, то есть официально инкорпорированы в служебный механизм Российской империи. Сформулированы в документе и характеристики должностного соответствия полицейских чинов, которые предполагали рассудительность, добросовестное отношение к службе и нетерпимость к коррупции. Интересно отметить, что основным путем определения на должности полицейской службы являлось назначение губернскими и городскими властями. На низовом уровне предусматривалось и избрание, с последующим утверждением официальными властными институтами (п. 27) [1, с. 463].

В «Уставе благочиния» неоднократно подчеркивается, что полиция является государственной службой, полностью финансируемой государством и не зависимой в силу этого от частных лиц и их объединений: «37. Управа благочиния дела ведомства своего отправляет, не требуя никакого рода заплаты за дело...» [1, с. 464]. И.А. Коноваловым и Б.Б. Шиманисом полицейские были охарактеризованы в качестве социальной группы, «оторванной условиями... службы от участия в предпринимательских отношениях и полностью зависящей от государственного жалования» [14, с. 35]. В этой связи следует также солидаризироваться с Н.Л. Федневой, пришедшей к выводу, что «полицию в городах предлагалось создавать как специализированную гражданскую службу на возмездной основе с назначением полицейских чиновников от короны» [15, с. 55].

На оперативный характер полицейской службы указывает предписанный пунктом 40 режим её несения: «Управа Благочиния не имеет определенного в году времени для заседания, но во всякое время собирается в городе, когда сведает, что непорядок учинился» [1, с. 464]. Полицейская служба характеризуется как постоянная. В этой связи, на нее не распространялся режим праздничных дней: «61. Управа Благочиния имеет смотреть и чинить взыскание, дыбы в воскресенье и праздник запрещенное в те дни в городе не производилось; ей же самой в те дни подтверждается отправление должности и службы относительно общей тишины и безопасности...» [1, с. 467]. Напротив, закон напрямую указывал на повышение интенсивности службы в выходные и праздничные дни.

Рассматриваемый документ регламентировал также условия несения службы и определял некоторые ее обязательные правила. Так, прогрессивным для своего времени следует признать требование иметь тексты нормативных правовых актов: «54. В Управе Благочиния иметь узаконения и Учреждения в заседательной горнице» [1, с. 466]. По часам устанавливался регламент получения донесений о происшествиях и дальнейших докладов по иерархии городской полицейской службы.

Полиции вменялись не только правоохранительные, но и воспитательные функции. Именно в этом разрезе следует понимать такие, например, полномочия квартального надзирателя: (п. 154) «...имеет попечение, чтобы молодые и младшие почитали старых и старших, и о повиновении слуг и служанок хозяевам и хозяйкам во всяком добре» [1, с. 474-475]. В весьма общем виде, указывающем скорее на воспитательный, чем на правоохранительный характер, сформулированы полномочия Частного Пристава: «89. Частный Пристав имеет смотрение, чтоб в его части ни что не принималось противное службе Императорского Величества и общему добру» [1, с. 470].

Управа Благочиния призвана была следить за развитием одобренных государством институтов (п. 64) и противодействовать всяким организациям, выходящим за рамки российских узаконений (п. 65). В этой связи исследователями Г.К. Артамоновой и А.А. Мухортовым отмечена закономерная вовлеченность полиции в работу по усилению государственного контроля за корпоративными объединениями на фоне повышения активности общества [16, с. 68]. Вместе с тем, полицию в отличие, например, от Особой экспедиции при Сенате, нельзя назвать карающим органом, поскольку она не имела никакой юрисдикции в области политических дел. Даже противодействие уголовной преступности вменялось в обязанность Частному Приставу лишь в третью очередь – после охранения религиозных и морально-этических норм: «88. Частному Приставу поручается в его части и предписывается бдение, дабы: 1) Ни что не принималось закон Божий нарушающее. 2) Чтоб общий порядок сохранен был во всех вещах. 3) Чтоб уголовные преступления не остались без наказания, не смотря на лице» [1, с. 470]. Сама по себе такая



формулировка не умаляет значения борьбы с преступностью, но избранная законодателем последовательность весьма показательна.

Таким образом, «Устав Благочиния» представляет собой достаточно передовой для своего времени документ, не лишенный, однако, некоторых недостатков. С принятием проанализированного нормативного правового акта полицейская служба получила не локальное, а полноценное системное регулирование как с точки зрения территориального распространения, так и в плане объема регламентированных вопросов. Полиция представляется в нем важным элементом единого правоохранительного механизма, сталкивающимся с большинством нарушений закона. Кроме этого, на полицейских служащих возлагаются функции по охране от нарушений морали, обычаев и религиозных норм, поскольку в содержание благочиния входят все без исключения социальные нормы.

В «Уставе благочиния» четко и, если говорить об объеме полномочий, сообразно силам и штатам городской полиции, прописана её компетенция. С точки зрения юридической техники, закон несовершенен в том плане, что сочетает в себе нормы полицейского, уголовного и уголовно-процессуального права. Вместе с тем, учитывая правовую культуру исследуемого исторического периода, это может быть представлено как достоинство документа, который можно было использовать в повседневной службе, не отвлекаясь на другие нормативные правовые акты. Качество и эффективность документа подтверждается также тем, что определенная часть его норм была реципирована в более поздние нормативные правовые акты.

### Литература и источники

1. Устав благочиния или полицейский от 08 апреля 1782 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое. 1649 – 1825 гг. / Под ред. М.М. Сперанского (в 45-и томах). – СПб.: Тип II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 21. Ст. 15. 379.
2. Пункты, данные С. Петербургскому Генерал – Полицмейстеру от 25 мая 1718 г. // ПСЗРИ. Собрание первое. 1649 – 1825 гг. / Под ред. М.М. Сперанского (в 45-и томах). СПб.: Тип II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 5. Ст. 3203.
3. Высочайшая резолюция от 23 апреля 1733 г. на доклад Полицмейстерской Канцелярии «Об учреждении Полиции в городах» // ПСЗРИ. Собрание первое. 1649 – 1825 гг. / Под ред. М.М. Сперанского (в 45-и томах). – СПб.: Тип II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 9. Ст. 6378.
4. Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г. // ПСЗРИ. Собрание первое. 1649 – 1825 гг. / Под ред. М.М. Сперанского (в 45-и томах). СПб.: Тип II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 20. Ст. 14392.
5. Гутман Н.Ю., Кудин В.А., Сальников В.П. Руководители полиции Санкт-Петербурга – столицы Российской империи // Юридическая наука: история и современность. 2018. №1.
6. Николаенко П.Д. А.Д. Балашов – первый министр полиции России: монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016.
7. Поленов А.Я. О крепостном состоянии крестьян в России. Исследование заданной от вольного экономического общества задачи: «Что полезнее для общества – чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?» // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века/ Под общ. ред. И.Я. Щипанова. В 2-х т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. Т.2.
8. Лаптева Ю.В. Основные тенденции в рассуждениях отечественных мыслителей 60-80-х годов XVIII века о роли закона в государстве // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №18 (309). История. Вып. 56. - С.
9. Лаптева Ю.В. Проблема служения в рассуждениях дворянских мыслителей второй половины XVIII века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №4 (18): в 2-х ч. Ч. II.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т.1.
11. Облицов И.А. Структура полицейских органов России по «Уставу благочиния, или полицейскому» // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. №4 (16).
12. Пинигин М.Г. Штаты полиции России в XVIII веке // Агропродовольственная политика России. 2016. 4 (52).
13. Карпов И.В. Становление института обязанностей государственных служащих в России в соответствии с законодательством XV – XIX веков // Вестник Самарского государственного университета. 2011. №1/1 (82).
14. Коновалов И.А., Шиманис Б.Б. Организация городской полиции по «Уставу Благочиния или Полицейскому» // Правоприменение. 2017. Т. 1. №2.
15. Феднева Н.Л. К вопросу об истории разработки «Устава Благочиния, или Полицейского» // Международный журнал конституционного и государственного права. 2017. №2.
31. Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Полицейская реформа Екатерины II // Правовое поле современной экономики. 2012. №11.

### References and Sources

1. Ustav blagochinija ili policejskij ot 08 aprelya 1782 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). Sobranie pervoe. 1649-1825 gg./ Pod red. M.M. Speranskogo (v 45-i tomah). – SPb.: Tip II Otdeleniya Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1830. T.21. St. 15. 379.
2. Punkty, dannye S. Peterburgskomu General – Policmejsteru ot 25 maya 1718 g. // PSZRI. Sobranie pervoe. 1649 – 1825 gg. / Pod red. M.M. Speranskogo (v 45-i tomah). SPb.: Tip II Otdeleniya Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1830. T.5. St. 3203.



3. Vysochajshaya rezolyuciya ot 23 aprelya 1733 g. na доклад Policmejsterskoj Kancelyarii «Ob uchrezhdenii Policii v gorodah» // PSZRI. Sobranie pervoe. 1649 – 1825 gg. / Pod red. M.M. Speranskogo (v 45-i tomah). – Spb.: Tip II Otdeleniya Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. T. 9. St. 6378.
4. Uchrezhdeniya dlya upravleniya Gubernij Vserossijskoj Imperii ot 7 noyabrya 1775 g. // PSZRI. Sobranie pervoe. 1649 – 1825 gg. / Pod red. M.M. Speranskogo (v 45-i tomah). Spb.: Tip II Otdeleniya Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. T. 20. St. 14392.
5. Gutman N.Yu., Kudin V.A., Sal'nikov V.P. Rukovoditeli policii Sankt-Peterburga – stolicy Rossijskoj imperii // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2018. №1.
6. Nikolaenko P.D. A.D. Balashov – pervyj ministr policii Rossii: monografiya. SPb.: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2016.
7. Polenov A.Ya. O krepostnom sostoyanii krest'yan v Rossii. Issledovanie zadannoj ot vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva zadachi: «Chto poleznee dlya obshchestva – chtob krest'yanin imel v sobstvennosti zemlyu ili tokmo dvizhimoe imenie, i skol' daleko ego prava na to ili drugoe imenie prostirat'sya dolzhny?» // Izbrannye proizvedeniya russkih myslitelej vtoroj poloviny XVIII veka. V 2-h t. Pod obshchey red. I.YA. SHCHipanova. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1952. T.2.
8. Lapteva Yu.V. Osnovnye tendencii v rassuzhdeniyah otechestvennyh myslitelej 60-80-h godov XVIII veka o roli zakona v gosudarstve // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. №18 (309). Istoriya. Vyp. 56. - S.
9. Lapteva Yu.V. Problema sluzheniya v rassuzhdeniyah dvoryanskikh myslitelej vtoroj poloviny XVIII veka // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. №4 (18): v 2-h ch. CH. II.
10. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1955. T.1.
11. Oblicov I.A. Struktura policejskih organov Rossii po «Ustavu blagochiniya, ili policejskomu» // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2011. №4 (16).
12. Pinigin M.G. Shtaty policii Rossii v XVIII veke // Agroproduktivnaya politika Rossii. 2016. 4 (52).
13. Karpov I.V. Stanovlenie instituta obyazannostej gosudarstvennyh sluzhashchih v Rossii v sootvetstvii s zakonodatel'stvom XV – XIX vekov // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. №1/1 (82).
14. Konovalov I.A., Shimanis B.B. Organizaciya gorodskoj policii po «Ustavu Blagochiniya ili Policejskomu» // Pravoprimenenie. 2017. T. 1. №2.
15. Fedneva N.L. K voprosu ob istorii razrabotki «Ustava Blagochiniya, ili Policejskogo» // Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. 2017. №2.
31. Artamonova G.K., Muhortov A.A. Policejskaya reforma Ekateriny II // Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki. 2012. №11.

**МИНЕЕВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА** – судья Нижегородского областного суда (mineeva1r@yandex.ru).  
**MINEEVA, IRINA A.** - Judge of the Nizhny Novgorod Regional Court (mineeva1r@yandex.ru).

УДК 340.143

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-9-12

**ГОЛОВИНОВ А.В., ГОЛОВИНОВА Ю.В.**  
**ПРОБЛЕМЫ ТЮРЕМНОГО СОДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ Н.М. ЯДРИНЦЕВА**

**Ключевые слова:** исправительная политика, пенитенциаристика, тюрьмоведение, осужденные, режим содержания, Н.М. Ядринцев, областничество.

Статья посвящена реконструкции политико-правовых воззрений основоположника движения сибирского демократического регионализма (областничества) Николая Михайловича Ядринцева. Цель публикации показать гуманистическую позицию Н.М. Ядринцева в области тюрьмоведения и обозначить актуальные проблемы содержания правонарушителей и подследственных в пенитенциариях Российской империи во второй половине XIX века. Авторами установлено, что базовой константой в пенитенциарных воззрениях сибирского областника выступает идея решительного отказа от длительного содержания подследственных и осужденных в одиночных камерах. Одиночные камеры, по многочисленным фактам, представленным лидером движения областников, совершенно лишены исправительного значения.

**GOLOVINOV, A.V., GOLOVINOVA, Y.V.**  
**PROBLEMS OF PRISON CONTAINMENT OF CONVICTED IN PENITENTIARY VIEWS N.M. YADRINTSEVA**

**Key words:** penitentiary, prison science, negative, N.M. Yadrintsev, regionalism

The article is devoted to the reconstruction of the political and legal views of the founder of the movement of Siberian democratic regionalism (regionalism) Nikolai Mikhailovich Yadrintsev. The purpose of the publication is to show the humanistic concentration of N.M. Yadrintsev in the field of prison science and to identify the actual problems of the actual detention of offenders and those under investigation in the penitentiaries of the Russian Empire on Tuesday. half XIX. The authors of the idea found that the basis of the constant in the penitentiary views of the Siberian regional community of allergic diseases is the content of under investigation and allergic diseases in solitary confinement. Solitary cells, according to the multitude of facts presented by the impulses of the movement of the regionalists, are completely devoid of corrective value.

При изучении истории государства и права определённую ценность имеют источники личного происхождения – воспоминания, переписка, автобиографические сведения. В общем и целом, биографический подход в науке истории государства и права, являясь вспомогательным, в то же время позволяет обогащать представления о тех или иных явлениях правовой политики в исторической ретроспективе. Биографический подход, по мнению современного исследователя, пройдя многовековой путь своего развития в осмыслении историко-правовых процессов через личностный фактор, к настоящему времени получил статус одного из инструментальных подходов к изучению исторических источников и явлений [1]. В данном случае любопытным выступает личный опыт арестанта и возникшая впоследствии философско-правовая рефлексия Николая Михайловича Ядринцева в области осторожного бытия заключённых.

Николай Михайлович Ядринцев – основоположник политико-правовой идеологии сибирского областничества второй половины XIX – начала XX вв., внес значительный вклад в дело постижения феномена наказания, механизмов его влияния на исправление преступников и переустройство пенитенциарной системы Российской империи. Справедливости ради, необходимо отметить, что юридической науке и, в частности, пенитенциаристике известны имена сибирских областников, но, увы, только в самом общем контексте. Современные исследователи проблем исполнения наказания рассматривают наследие Н.М. Ядринцева при изучении истории дореволюционных пенитенциарных органов и учреждений, иногда в рамках пенитенциарной психологии. В работах таких историков и юристов как И.В. Упоров [2], В.Б. Лебедев [3], С.А. Кутякин [4], А.А. Иванов [5] и А.М. Фумм [6], в той или иной степени, акцентируется идеи Н.М. Ядринцева о нравственности в тюрьме, о перевоспитании преступников, тюремной общине, отмене ссылки как вида наказания и т.д.

Любопытной выглядит позиция известного специалиста по юридической психологии В.М. Позднякова. Современный исследователь обнаруживает реальное влияние Н.М. Ядринцева на развитие отечественной юридико-психологической теории, а также исправительной пенитенциарной практики в дореволюционный период. Более того, В.М. Поздняков отмечает, что при разработке Л.И. Петражицким теории «психологии права» им активно использовались идеи данного сибирского исследователя [7].

Обращает на себя внимание факт того, что авторы наших дней ссылаются преимущественно на один труд Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке». За кадром исследовательского интереса юридического сообщества до сих пор остается наследие классика областничества о тюремной системе, о гуманистических методах исправления преступников, о пагубности ссылки, представленного как в монументальном труде Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония», так и в целой серии статей в дореволюционных журналах «Голос», «Дело», «Неделя», «Вестник Европы», а также в эпистолярном наследии мыслителей областнического направления.

Специальных публикаций, в рамках которых были бы систематизированы философско-правовые взгляды основоположников областничества о целях и задачах наказания, методах исправления и нравственном перевоспитании преступников на текущий момент явно недостаточно.

Вместе с тем, не только сугубо теоретические разработки лидера областнического движения в сфере пенитенциаристики могут представлять интерес для юридических исследований. Практическое и эвристическое значение имеет и непосредственная причастность Н.М. Ядринцева к тюремным преобразованиям 1870-1880-х гг. В бытность службы личным секретарем председателя комиссии по реформированию тюрем В.А. Соллогуба он непосредственно принимал посильное участие в деле преобразования системы исполнения наказания в имперской России.

Три года, проведенные в Омском остроге, позволили сибирскому областнику сформировать гуманистическую позицию в области тюремного содержания и обозначить актуальные проблемы собственно содержания правонарушителей и подсудимых в пенитенциариях Российской Империи. В конечном счете, основные пенитенциарные идеи он систематизировал в публикации крупнейшей работы «Русская община в тюрьме и ссылке», изданной в Санкт-Петербурге в 1872 году [8]. Как восхищенно отмечал выдающийся социолог и публицист С.Н. Южаков: «книга эта первый крупный литературный труд, сделавший Ядринцеву имя и причисливший его к авторитетам по русскому тюремному делу» [9, с. 67].

В фокусе историко-биографического подхода отметим, что Н.М. Ядринцев дает немало описаний своих личных (в т.ч. первых) впечатлений от острога. «Помню, началась весна, – писал молодой Николай Михайлович, - широко разлившиеся реки спокойно и ровно легли по равнинам, отразив светлое весеннее небо, деревья зазеленели и покрылись пушистыми серьгами, молодая черемуха как невеста убралась белыми гирляндами <...> Все звало к жизни, к любви, к счастью! ... В такое то время меня подвезли к большому каменному зданию Омского острога» [10, с. 55]. Воспоминания плавно переносят нас в те угрожающие жизненные обстоятельства, с которыми пришлось столкнуться герою нашей статьи. Вполне понятно, что цитируемые строчки легко иллюстрируют органицизм и натурфилософский контур всего спектра мировоззренческих ориентиров Н.М. Ядринцева. Свобода, литературно представленная сибиряком в ярких красках

весны, выступает здесь ничем иным как актом оживления и надежды. Антитезой свободы личности, как состояния любви и счастья, становится каменное сооружение острога, как нечто мертвое и безнадежное. Очень эмоционально была описана камера, в которой содержался сибирский публицист. Так, в его личных воспоминаниях находим: «Я осмотрел комнату. Это была обыкновенная секретная камера, шагов 6 в длину и шага 3 в ширину. Свет тускло пробивался в запыленные и загаженные мухами рамы, решетка делала окно еще темнее. Стены комнаты были покрыты красными пятнами – следы ожесточенной борьбы кого-то с клопами. <...> Под кроватью, в слое пыли, валялась портянка и деревянный обрубок, залитый салом – след прежнего жильца. Кто он был? убийца, вор или разбойник?» [10, с. 57].

Гуманизм политико-правового творчества Н.М. Ядринцева выражался вообще в безмерно высоком представлении о человеческой природе. Такой антропологизм побуждал сибирского областника определить собственно факт наличия мотивов преступлений и личности самих преступников. Противоправность областник связывал со злом. С точки зрения современного автора, причины существования такого зла заключались, по мнению Н.М. Ядринцева, не в самой человеческой природе, как таковой, а в нечеловеческих и противочеловеческих общественных условиях, которые негативно воздействуют на развитие человеческих качеств. Социальная несправедливость и сословный строй с привилегиями являются источниками преступлений. Нищета и отчаянное положение толкают на преступления бедняков. Но и высшие классы тоже склонны к преступлениям, несмотря на их более высокое положение в обществе и материальный достаток. Представители этих классов склонны к нарушению чужих прав, особенно прав людей, стоящих ниже на социальной лестнице [11]. Лидер движения областников констатировал: «Для всестороннего знакомства с преступлением и преступником одинаково необходимы, как исследования зависимости человека от внешних условий, так и обстоятельное изучение индивидуального характера личности, раскрывающее ту силу упругости, какая дана человеку для сопротивления этим неблагоприятным внешним условиям. Изучение человеческих характеров должно замыкать круг общего научного исследования причин преступлений. А так как уголовная статистика в объяснении преступлений нисходит от общего к частному, то исследование индивидуальных преступлений, идя, наоборот, от частного к общему, будет служить проверкой общих и конечных выводов» [12, с. 162].

Интересно, что условия заточения так впечатлили эмоционального юношу, что позднее, причислив свое имя к науке тюрьмоведения, он будет решительно выступать против одиночного содержания заключенных и подследственных. Об этом он подробно станет писать в центральных журналах дореволюционной России и, в конечном счете, резюмирует на страницах фундаментальной книги «Русская община в тюрьме и ссылке», которая, в общем то, есть также и результат личной драмы и собственного опыта арестанта. Первые дни пребывания в одиночной камере Николай Михайлович характеризовал так: «Секретная становилась все темнее и темнее, стены ее как будто сжимались, как будто давили на меня. Проклятие! Да какая же это могила! Шевельнулось в уме моем... Вот каково было первое впечатление от моего нового жилища <...> Мне пришлось вынести всю тяжесть одиночного подследственного заключения и самую суровую тюремную обстановку» [10, с. 59].

Апеллируя к собственному психическому состоянию, лидер областнического движения задолго до известного основоположника психологической теории права Л.И. Петражицкого размышлял о пенитенциарной психологии. Любопытно отметить, что впервые на данный фрагмент наследия Н.М. Ядринцева обратил внимание авторитетный специалист по юридической психологии В.М. Поздняков [7].

Подробно анализируя как собственные ощущения и переживания, так и исследуя психологическое состояние других одиночных арестантов, Н.М. Ядринцев констатирует болезненно-раздражительное состояние подследственных и заключенных. Логично возникал вопрос об исправительном значении такого содержания заключенных. Несколько месяцев, проведенных в Омском остроге, утвердили Николая Михайловича в мысли о том, что правонарушители, содержащиеся в условиях одиночного заточения, только огрубляются и ресоциализировались. «Преступники грубые и неразвитые, - пришел к выводу герой нашей статьи, - сидевшие долго в уединении на цепи, являлись впоследствии еще озлобленнее и безпощаднее, из них выходили самые страшные мстители и убийцы. Это можно видеть из жизни многих наших

каторжных, сживавших на цепи. Долгое уединение воспитывало желчными и озлобленными даже людей развитых...» [10, с. 61]. Как видим, именно пытливый ум и устойчивость психологического состояния спасали сибирского общественного деятеля от мыслей о безысходности и ненависти.

Таким образом, подводя итоги можно констатировать, что в публицистическом и философско-правовом наследии Н.М. Ядринцева представлен внушительный опыт рефлексии об условиях содержания заключенных. Базовой константой в пенитенциарных воззрениях сибирского областника выступает идея решительного отказа от длительного содержания подследственных и осужденных в одиночных камерах. Одиночные камеры, по многочисленным фактам, представленным лидером движения областников, совершенно лишены исправительного значения.

#### Литература и источники

1. Кодан С.В. Биографический подход в инструментарии историко-юридического исследования: место в познавательных практиках, понятие, междисциплинарные взаимодействия // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2018. №4.
2. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв.: Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
3. Лебедев В. Б., Степанова Е. В. В. А. Соллоуб и его роль в реформировании уголовно-исполнительной системы (1870–1874 гг.) // Пенитенциарная наука. 2013. №3 (23).
4. Кутякин С.А. Криминальная оппозиция мест лишения свободы (социально-криминологический аспект) // Гуманитарно-пенитенциарный вестник : науч.-публицист. альманах, 2008. Вып. 3. С.15
5. Иванов А.А. Лидеры областнического движения о роли уголовной ссылки в освоении Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4-3(64)
6. Фумм А.М. Английская прогрессивная система тюремного заключения: история и современность // Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. 2011. № 4 (16).
7. Поздняков В. М. Психология просоциального соучастования осужденных в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2007. №1
8. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. Исследования и наблюдения за жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Сравнение различных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основа новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опыту русской тюремной общины. СПб., 1872.
9. Южаков С.Н. Памяти Н.М. Ядринцева // На сибирские темы: сборник в пользу томских воскресных школ и Гоголевского народного дома. Санкт-Петербург. 1905
10. Ядринцев Н.М. Секретная (из записок подследственного арестанта)// Дело: учено-литературный журнал. СПб., 1869. № 5.
11. Васильев С.Ф. Антроподицея Николая Ядринцева // Очерки зарождения философской мысли в Сибири и на Алтае. Барнаул, 2013
12. Ядринцев Н.М. Преступники по изображению романтической и натуральной школы // Дело. 1872. № 6. отд. 1.

#### References and Sources

1. Kodan S.V. Biograficheskiy podhod v instrumentarii istoriko-yuridicheskogo issledovaniya: mesto v poznavatel'nyh praktikah, ponyatie, mezhdisciplinarnye vzaimodejstviya // Istoriko-pravovye problemy: Novyj rakurs. 2018. №4.
2. Uporov I.V. Penitenciamnaya politika Rossii v XVIII-XX vv.: Istoriko-pravovoj analiz tendencij razvitiya. SPb.: YUridicheskij centr Press, 2004.
3. Lebedev V. B., Stepanova E. V. V. A. Sollogub i ego rol' v reformirovanii ugovolno-ispolnitel'noj sistemy (1870–1874 gg.) // Penitenciamnaya nauka. 2013. №3 (23).
4. Kutyakin S.A. Kriminal'naya oppozitsiya mest lisheniya svobody (social'no-kriminologicheskij aspekt) // Gumanitarno-penitenciamnyj vestnik : nauch.-publicist. al'manah, 2008. Vyp. 3. S.15
5. Ivanov A.A. Lidery oblastnicheskogo dvizheniya o roli ugovolnoj ssylki v osvoenii Sibiri // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. №4-3(64)
6. Fumm A.M. Anglijskaya progressivnaya sistema tyuremnogo zaklyucheniya: istoriya i sovremennost' // Vestnik instituta. Nauchno-prakticheskij zhurnal Vologodskogo instituta prava i ekonomiki FSIN. 2011. № 4 (16).
7. Pozdnyakov V. M. Psihologiya prosocial'nogo souchastvovaniya osuzhdennyh v mestah lisheniya svobody // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2007. №1
8. Yadrincev N.M. Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke. Issledovaniya i nablyudeniya za zhizn'yu tyuremnyh, ssyl'nyh i brodyazheskih obshchin. Sravnenie razlichnyh sistem nakazaniya u nas i v Zapadnoj Evrope. Osнова novoj racional'noj sistemy ispravleniya soglasno vyvodom penitenciamnoj nauki i opytu russkoj tyuremnoj obshchiny. SPb., 1872.
9. Yuzhakov S.N. Pamyati N.M. YAdrinceva // Na sibirskie temy: sbornik v pol'zu tomskih voskresnyh shkol i Gogolevskogo narodnogo doma. Sankt-Peterburg. 1905
10. Yadrincev N.M. Sekretnaya (iz zapisok podsledstvennogo arestanta) // Delo: ucheno-literaturnyj zhurnal. SPb., 1869. № 5
11. Vasil'ev S.F. Antropodiceya Nikolaya YAdrinceva // Ocherki zarozhdeniya filosofskoj mysli v Sibiri i na Altae. Barnaul, 2013
12. Yadrincev N.M. Prestupniki po izobrazheniyu romanticheskoy i natural'noj shkoly // Delo. 1872. № 6. otd. 1.

**ГОЛОВИНОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ** - кандидат философских наук, доцент, Алтайский государственный университет, доцент кафедры конституционного и международного права (alex-golovinov@mail.ru).

**ГОЛОВИНОВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА** - кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, доцент кафедры правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин. **GOLOVINOV, ALEXANDR V.** - Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Altai State University, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law (alex-golovinov@mail.ru).

**GOLOVINOVA, YULIA V.** - Ph.D. in History, Associate Professor, Altai State Pedagogical University, Associate Professor of the Department of Law and Methods of Teaching Social and Economic Disciplines (yu.golovinoва@mail.ru).

**ЧЕРКЕСОВА Л.И.**  
**ВЕРХНЯЯ ПАЛАТА ПАРЛАМЕНТА 1906-1917 ГОДОВ**  
**(ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)**

**Ключевые слова:** Государственный совет Российской империи, Госссовет, совещательный орган, законосовещательный орган, верхняя палата Парламента.

Конституционные преобразования современной России, одним из сегментов которых стала трансформация правового статуса Государственного совета Российской Федерации в конституционный государственный орган, обращают внимание на исторические события 1904-1906 года, послужившие импульсом к конституционной эволюции самодержавия, введению парламентского правления и реорганизации Государственного совета Российской империи из совещательного органа, в верхнюю палату Парламента. При этом понимание роли и места в системе публичной власти Госссовета Российской Федерации в текущем историческом периоде развития общественных процессов невозможно без осмысления историко-правовых аспектов формирования и функционирования реорганизованного Госссовета Российской империи. Статья одержит результаты исследования порядка формирования Госссовета Российской империи, полномочий принципов и механизмов их реализации в период с 1906 по 1917 гг.

**CHERKESOVA, L.I.**  
**UPPER HOUSE OF PARLIAMENT 1906-1917 (HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS)**

**Key words:** The State Council of the Russian Empire, the State Council, an advisory body, a legislative advisory body, the upper house of Parliament.

The constitutional transformations of modern Russia, one of the segments of which was the transformation of the legal status of the State Council of the Russian Federation into a constitutional state body, draw attention to the historical events of 1904-1906, which served as an impetus to the constitutional evolution of the autocracy, the introduction of parliamentary rule and the reorganization of the State Council of the Russian Empire from an advisory body to the upper house of Parliament. At the same time, understanding the role and place in the system of public power of the State Council of the Russian Federation in the current historical period of development of social processes is impossible without understanding the historical and legal aspects of the formation and functioning of the reorganized State Council of the Russian Empire. This article contains the results of a study of the procedure for the formation of the State Council of the Russian Empire, the powers of the principles and mechanisms for their implementation in the period from 1906 to 1917.

В современных условиях трансформации правовой и государственной системы России весьма актуально концептуализировать теоретико-методологическое представление о сущности института отечественных законодательных органов посредством исследования их институциональных и функциональных характеристик, поскольку прозрачность и эффективность данных институтов существенно влияют на стабильность, уровень развития и авторитет государства. Стремление к формированию понимания оптимальной парадигмы построения государства предопределяет интерес государствоведов к дореволюционной истории органов власти. При этом неизменное внимание привлекает исторический период переустройства государственного уклада России начала XX века и, как элемент раскрытия механизмов «монархического конституционализма», Государственный совет Российской империи (далее – Госссовет) в роли верхней палаты парламента, поскольку именно Госссовет явился ключевым сегментом данных процессов.

Госссовет, образованный в 1810 году по инициативе М.М. Сперанского, в качестве высшего законосовещательного органа при Государе без каких-либо существенных изменений функционировал почти сто лет. Безусловно, происходило варьирование, а иногда и выхолащивание отдельных его компетенций. В то же время неизменным оставались его основная функция – «рассмотрение законопроектов перед утверждением Государем» и отсутствие права на законодательную инициативу. При этом для императора Госссовет был удобен, способствуя размытию ответственности, учитывая условно коллегиальный формат принятия решений. Все это было обусловлено не только нежеланием министров утратить приоритет влияния на Государя, но и стремлением господствующего класса соблюдать и поддерживать основной принцип самодержавия – незыблемость монархической власти.

Для всего столетнего периода деятельности Госссовета в качестве законосовещательного органа (XIX – начало XX века) для Российской империи было характерно наличие большого количества идей монархического конституционализма представителей либерального дворянства (ограничение самодержавия, представительное правление, законность, предоставление народу прав и свобод), революционного движения (ликвидации крепостного права и самодержавия) и другие [1, с. 27-41]. На этом фоне Госссовет подвергался резкой критике.

Сторонники идеи М.М. Сперанского (о Госсовете, как органе во главе трех независимых ветвей власти [2, с. 240], способном изменить представление о законе и законности, стоящем на страже законности) высказывались о необходимости его преобразования, что соответственно привело бы и к изменениям структуры и механизмов государственного управления. Обсуждалась возможность введения выборности состава Госсовета, четкого разграничения уровней нормативных актов (законодательные и подзаконные), конкретизации полномочий высших органов управления государством, передачи в полное ведение Госсовета права по изданию законов, исключив возможность прямых докладов Государю. Причем такого рода изменения не могли повлиять на основы существующего государственного устройства, однако, существенно усилили бы роль Госсовета в законотворческом процессе, в некоторой мере ослабив роль Государя, что было на тот момент неприемлемо, учитывая «верноподданнические» чувства сановников и нежелание самого царя лишиться безграничной власти.

Рубеж XIX-XX веков для России – это время великих потрясений и ожиданий. Русско-японская война (1904- 1905 гг.), события января 1905 года («кровавое воскресенье»), народное недовольство политикой императора, практически полное отсутствие гражданских прав у народа послужили поводом массовых протестных политических выступлений против монархии и привели к Первой русской революции 1905 - 1907 годов, итогом которой стала реформа государственной власти и политического устройства страны, а именно – ограничение самодержавия и преобразование абсолютизма в конституционную монархию. Манифестом Николая II от 6 августа 1905 года «Об учреждении Государственной Думы» был образован законосовещательный орган – Государственная Дума. Этого было недостаточно для нейтрализации недовольства протестующих. Вынужденной мерой стал Манифест 17 октября 1905 года [3], закрепивший основные свободы граждан: неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов.

Манифест, ставший отправной точкой изменения государственного строя Российской империи, не только обществом, но и Николаем II по существу виделся как конституционный акт (в послании Д.Ф. Трепову Государь указал, что «России дарована конституция») [4, с. 148-149]. Таким образом, рассматриваемый временной период ознаменовался конституционной эволюцией самодержавия, важнейшим атрибутом которой стало введение парламентского правления.

Также Манифестом от 17 октября 1905 года будущая Государственная Дума из законосовещательного органа была модернизирована в орган законодательный. Происходящие события (придание Думе законодательного статуса и расширение электората) отразились и на статусе Госсовета Российской империи, по существу предопределив неизбежность его реформирования [5, л. 800] из законосовещательного органа в законодательный – верхнюю палату парламента [6, с. 42]. В основе понимания причин причастности именно Госсовета к трансформации представительных органов власти можно рассматривать различные факторы: необходимость гармонизации политического пространства, учитывая чрезмерный радикализм Государственной Думы [7, с. 13]; понимание, что функция «согласие государственного порядка» в существующем формате утратила целесообразность [8, с. 70], и другие.

«Нельзя ставить Государственную Думу наряду с Государем, - заявлял С.Ю. Витте, - между ними должен быть поставлен Государственный совет в обновленном составе. Совет должен быть второю палатою и являться необходимым противовесом Думе, умирняя ее» [9, с.245]. Анализ деятельности обновленного Госсовета детерминируемой его компетенцией (аналогичной компетенции Государственной Думы) позволяет утверждать, что основополагающая миссия Госсовета - буферная, поскольку он должен был сглаживать конфликты между Государем и народным представительством – либерально настроенной Думой, одновременно разделяя ответственность за отклонение радикальных законодательных предложений [10, с. 64-66]. Российская империя пошла по пути английской парламентской традиции – Госсовет должен был стоять на страже интересов высшей бюрократии и сословных интересов дворянства [7, с.3]. В конечном итоге это послужило сдерживающим фактором развития конституционной формы правления в России.

Существенным и весьма прогрессивным явилось изменение порядка формирования Госсовета посредством введения «выборного элемента», что привело к необходимости подготовки новой редакции Учреждения Государственного совета, как обозначил Николай II – «для согласования деятельности обоих законосовещательных учреждений» [11, с. 5-6]. В результате были изданы Манифест «Об изменении

Учреждения Государственного Совета и пересмотре учреждения Государственной Думы» от 20 февраля 1906 года [12] и Указ «О переустройстве Учреждения Государственного совета» [13].

Согласно положениям Манифеста, Госсовет и Дума равноправны и едины в рамках парламента. Однако приоритет Госсовета прослеживается из нормативных и иных официальных документов (например, Госсовет в них всегда упоминался перед Думой) [14, с. 172], в схеме принятия законов процедура одобрения Госсоветом была заключительной перед утверждением Государем, которому законопроект представлял председатель Госсовета. Более того, материальное содержание членов Госсовета было выше, чем членов Госдумы [15, с. 13].

Финалом процесса преобразования Госсовета и завершения формирования нормативной правовой основы его функционирования можно считать утверждение Высочайшими Указами «Учреждения Государственного Совета» [16] и Основных государственных законов [17], опубликованными 24 апреля 1906 года и вошедшими в Свод законов Российской империи [18]. При этом интересен по своей сути документ «Учреждение Государственного Совета» (далее - Учреждение Госсовета), включивший в себя положения февральских Манифеста и Указа, а также Учреждения 1901 года [19], который по существу, можно квалифицировать как кодифицированный нормативный правовой акт [11, с. 23; 14, с. 170; 20, с. 209].

В результате фундаментом, закрепляющим правовой статус Госсовета и основу формирования и функционирования, явились Основные государственные законы и Учреждение Госсовета. При этом детализация данных вопросов (порядок избрания, ответственность, процедура рассмотрения законопроектов и бюджета) содержалась в Учреждении Государственной думы [21], Положении о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г., Правилах о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов [22]. Внутренний регламент Госсовета устанавливался Наказом Государственного совета [23, с. 4].

Функционально с момента своего преобразования Госсовет стал сопоставим с типичными для того времени «верхними палатами» национальных парламента [24, с. 164]. Госсовету была предоставлена достаточно широкая компетенция, которая охватывала практически все сферы государственной деятельности. Ключевыми и наиболее емкими были обозначены законодательные полномочия: классическое для верхних палат парламента рассмотрение принятых Думой законопроектов с последующим их одобрением либо отклонением, а также полномочие, не свойственное в нашем понимании для верхней палаты Парламента, – систематизация нормативных правовых актов Российской империи. Кроме того, была реализована давняя идея – Госсовет наделили правом законодательной инициативы (статья 43 Учреждения Госсовета и 107 Основных государственных законов).

Госсовет также наделялся и иными функциями, ранее ему присущими и получившими свое развитие, а именно:

- контрольные: рассмотрение отчетов Министерства финансов, Государственного Банка и др.;

- управленческие (распорядительно-исполнительные): присвоение почетных званий (титулов графа, барона ...), учреждение заповедных имений, возмещение убытков за имущество, изъятое для государственных нужд и др.;

- судебные: вопросы о придании суду членов Госсовета, Думы, Министров, Генерал-губернаторов и других высших чинов Российской империи, а также рассмотрение жалоб на определения департаментов Правительствующего Сената.

Право законодательной инициативы (за исключением основных государственных законов, право на предложение изменить которые имел только император) официально за Госсоветом было закреплено впервые, тогда как на практике, будучи еще законосовещательным органом при Государе, Госсовет нередко давал поручения министрам о подготовке законопроектов. При этом исходя из процедуры подготовки законодательных предложений, установленной статьей 43 Учреждения Госсовета, можно утверждать, что комментируемым правом наделялись не сами парламентарии, а именно Госсовет как верхняя палата парламента [25, с. 240].

Порядок подготовки предложений по изменению законодательства весьма неоднозначен и содержал ряд пробелов регулирования. В частности, для рассмотрения инициативных законодательных предложений Госсовета как минимум 30 членов Госсовета должны были подать заявление о намерении с приложением пояснений и законопроекта. При этом законопроект может



быть не сформирован окончательно, а содержать только тезисы, позволяющие понять концепцию предложений. Данный пакет документов является основанием для вынесения Председателем Госсовета вопроса о законодательной инициативе на рассмотрение (статья 54 Учреждения Госсовета). Не менее чем за месяц до рассмотрения информация о законодательной инициативе и просьба о разработке соответствующего законопроекта направлялись профильному министру. На этом этапе и возникает неопределенность. Руководствуясь статьей 46 Учреждения Госсовета, Госсовет вправе обратиться за разъяснениями к министрам. Однако сроки рассмотрения такого обращения и обязанность министров исполнять такого рода поручения Госсовета в законодательстве отсутствовали. Госсовет также в целях реализации своего полномочия по законодательной инициативе мог образовать комиссию. На практике данное полномочие реализовывалось крайне редко и, как следствие, реальные механизмы выработаны не были.

Изменения существенным образом затронули и порядок формирования Госсовета. В период деятельности Госсовета в качестве законосовещательного органа при монархе (1810-1906 годы) формировался он Государем. Прогрессивным элементом проведенной реформы можно обозначить привнесение в процедуру формирования Госсовета двух демократических признаков (на практике оказавшимися весьма условными): выборность части состава и сменяемость его членов (статья 2 Учреждения Госсовета). Таким образом, Госсовет стал в некотором роде представительским органом.

Статьей 3 Учреждения Госсовета определено, что Госсовет возглавляет Председатель, ежегодно определяемый Государем из списка назначаемых членов Госсовета. Закреплялась также обязанность членов Госсовета по принятию присяги, а также о последствиях отказа от присяги (член Госсовета слагал свои полномочия).

Госсовет состоял из двух сегментов, состав одного из которых ежегодно утверждался Государем, а второй формировался посредством проведения выборов. Согласно статье 9 Учреждения Госсовета должно быть равное количество избираемых и назначаемых членов Госсовета. При этом реальное количество назначенных Высочайшей волей членов Госсовета значительно превышало необходимое для паритета. В целях соблюдения законности к присутствию на заседаниях Госсовета допускались не все назначенные члены Госсовета. Например, к моменту проведения первого заседания было назначено 120 членов Госсовета, тогда как на заседании присутствовали только 98 [26, с. 61]. При этом члены Госсовета назначались бессрочно (были несменяемы) и пользовались привилегиями независимо от присутствия. К присутствию на заседаниях Госсовета ежегодно утверждались лица как из списков уже назначенных членов Госсовета, так и вновь назначаемых (статья 10 Учреждения Госсовета). Введение данной процедуры (ежегодное утверждение и опубликование списков присутствующих) являлось необходимым рычагом воздействия на назначаемых членов Госсовета в целях их полного подчинения воле Государя и, как следствие, механизмом, обеспечивающим возможность максимального влияния монархии на решения Госсовета.

Выборность обеспечивалась следующим образом. Члены Госсовета выборного сегмента избирались на девять лет с ротацией третьей части его состава каждые три года. При этом статья 12 Учреждения Госсовета содержит целый ряд критериев, предъявляемых к избираемым: имущественные, образовательные (среднее образование и выше), возрастные (не младше 40 лет). Предполагалось, что соответствие данным требованиям обеспечит присутствие в Госсовете достаточно грамотных и опытных граждан с умеренно консервативными политическими взглядами и, соответственно, позволит обеспечить политическую поддержку Императору. Особо хотелось бы отметить содержащееся в статье 20 Учреждения Госсовета условие к избираемым в Госсовет представителям – отсутствие иностранного гражданства. Таким образом, отсекалась возможность иностранного влияния на государственные дела России.

Весьма своеобразным и не поддающимся логике представляется также подход к выбору сословных и корпоративных групп избирателей и к распределению квот между ними. Статьей 12 Учреждения Госсовета определено пять таких образований, которые условно можно разделить на две группы: по принадлежности к определенному сословию (губернские и земские собрания - 34 чел., дворянские общества - 18 чел., съезд землевладельцев - 26 чел., и духовенство православной церкви - 6 чел.) и по роду деятельности (Академия наук и университеты - 6 чел., совет торговли и мануфактур, местные комитеты торговли и мануфактур, биржевые комитеты и купеческие управы - 12 чел.). С одной стороны, усматривается попытка охватить все слои общества, с другой стороны, совершенно

очевидно, что в результате народное представительство как таковое отсутствовало, а большинство избранных - дворянского сословия, что явилось безусловной гарантией некоего консерватизма при принятии решений и поддержки Императора.

Исторически чрезвычайно важным, но отнюдь не случайным, событием является следующее – в реформированном Госсовете впервые появилось представительство от научного сообщества. С первого дня существования Госсвета (1810 год) была нормативно закреплена возможность присутствия на заседаниях без права голоса компетентных представителей, которыми зачастую оказывались ученые, в том числе и юристы. Наука всегда рассматривалась как кузница кадров государственной службы, а юридическая наука - как инструмент правовой подготовки чиновников [27, с. 93]. Отдельные исследователи отмечают, что официальному закреплению представительства от науки также послужил и опыт западных верхних палат парламента (например, Пруссии) [10, с. 292].

История Государственного Совета Российской Империи, созданного как законосовещательный орган при Монархе в 1810 году и преобразованного в 1906 году в верхнюю палату Парламента, завершилась после Октябрьской революции. Февральская революция 1917 года, крах Российской самодержавной монархии, Октябрьская революция и, как следствие, упразднение учреждений, созданных самодержавием [8, с. 73; 28, с. 257], в том числе и Госсвета. Однако его деятельность, роль и место в системе публичной власти вызывают интерес и на современном этапе развития общества и государства.

По результатам проведенного исследования отмечаем.

Правовая оценка положения реформированного Госсвета в системе органов государственной власти Российской империи требует учета как исторического, так и политического контекста в его деятельности. Реформа Госсвета 1906 года явилась закономерным этапом произошедших на фоне событий 1904-1905 годов изменений в государственном устройстве и системе государственного управления России.

Манифест 17 октября 1905 года в рамках рассматриваемого временного периода можно признать в некотором роде конституционным актом, провозгласившим основные права граждан и заложившим фундамент трансформации государственного устройства Российской империи.

Введение парламентского правления привело к преобразованию Госсвета из законосовещательного, по сути абсолютно монархического, «карманного» органа при монархе, в конституционный орган [29, с. 522] – верхнюю палату Парламента, являющуюся самостоятельным участником законодательного процесса.

Учреждение Государственного совета от 23 апреля 1906 года явилось воплощением политических мировоззрений эпохи конституционной монархии, с одной стороны демонстрируя движение в сторону демократизации, с другой – законодательно минимизируя последствия демонополизации законодательной монархической власти.

Реформированный Госсвет стал отчасти копией верхних палат парламентов западноевропейских государств с более обширной компетенцией, включавшей в себя не только законодательную, но и отдельные контрольные, управленческие и судебные функции. Госсвет - это функционально интегрированный государственный орган, реализующий одновременно законодательные и исполнительно-распорядительные полномочия.

Госсвет в связи с появлением в порядке формирования демократических признаков (выборность части состава и сменяемость) по формальным основаниям можно квалифицировать в качестве представительского органа. В тоже время реализация демократических элементов на практике была весьма условна, поскольку законодательно установленная процедура не предполагала возможность наличия в составе Госсвета народного представительства, а являлась механизмом, обеспечивающим возможность максимального влияния монархии на решения Госсвета.

В результате, данный орган характеризовался высокой степенью бюрократизации и стал арбитром между либеральными проявлениями Госдумы и Государем, по существу – советом чиновников, решения которых были далеки от идеи законности, а подчинялись целесообразности, исходя из монархических интересов Государя [30, л.л. 63-79]. В тоже время гарантированное вовлечение в законодательные и управленческие процессы более широких кругов населения страны (в том числе предпринимателей и представителей науки) формально можно рассматривать как весьма прогрессивное и значимое событие в контексте конституционного строительства.

### Литература и источники.

1. Шульженко Ю.Л. Вопросы конституционализма в конституционных проектах XIX в. в России // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 1.

2. Wayne, S. J. The Legislative Presidency. N.Y.: Harper& Row publishers, 1978.
3. П.С.З. Собр. 3. Т. XXV. № 26 803.
4. П.С.З. Собр. 3 1905 г. СПб. 1908. Т. XXVI. № 27 423, С. 148-149.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1162. Оп.4. Д. 1.
6. Тихонова Е.С. Развитие совещательных органов при главе государства: истоки и становление. // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2021. № 3 (14).
7. Арчegov С.Б. Верхняя законодательная палата Российской империи по Учреждению Государственного совета 1906 года. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2010. № 3.
8. Алиева З.И. Реформированный Государственный совет Российской империи (1906-1917 гг.) и его роль в модернизации государства. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. №1 (167).
9. Царскосельские совещания// Былое. 1917. №3.
10. Деев А.Ю. Государственный совет Российской империи, 1894–1905 гг. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2002.
11. Бородин А. П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999.
12. Высочайший Манифест от 20 февраля 1906 года Об изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы (СПб., 1906) - РуссПортал. Историческая библиотека русской цивилизации (russportal.ru) // URL:[https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1906\\_02\\_20\\_01](https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1906_02_20_01). (дата обращения: 12.03.2022). П.С.З. Собр. 3. Т. XXV. № 27 423.
13. П.С.З. Собр. 3. Т. XXV. № 27 425.
14. Мальцева И. В. Реформа Государственного совета в России в 1906 году // Правоведение. 1994. № 5–6.
15. Алексеев В. П. Первый русский парламент. М., 1906.
16. П.С.З. Собр. 3. Т. XXVI. № 27 808, № 27 808.
17. П.С.З. Собр. 3. Т. XXVI. № 27 808, № 27 805.
18. Свод законов Российской империи // URL: <https://civil.consultant.ru/code/;pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire>. (дата обращения: 12.03.2022).
19. Учреждение государственного совета от 30 марта 1901 г. // П.С.З. Собр. 3. Т. XXI. № 19 883.
20. Степанский А.Д. Реформа Государственного совета в 1906 г. // Вопросы архивоведения и истории государственных учреждений СССР. М., 1965.
21. П.С.З. Собр. 3. Т. XXV. № 27 424.
22. П.С.З. Собр. 3. Т. XXVI. № 26 662, 27 505.
23. Юртаева Е. А. Государственный совет в России (1906–1917 гг.). М., 2001.
24. Верхогляд А. С. Становление и развитие Государственного совета как палаты высшего законодательного органа Российской Империи // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 5.
25. Шаланд Л.А. Русское государственное право. Юрьев, 1908.
26. Демин В. А. Верхняя Палата Российской Империи 1906–1917. М., 2006.
27. Волосникова Л.М., Чеботарев Г.Н. Правовой статус университетов: история и современность. М., 2007.
28. Кулянов Р.В. Государственный Совет Российской империи до и после реформы 1906 г. // Вестник истории, литературы, искусства. 2016. Т.11.
29. Кистьяковский Б.А. Государственное право (общее и русское) / Лекции Б.А. Кистьяковского, читанные в Московском коммерческом институте в 1908-1909 академическом году. СПб., 1909.
30. РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. (записка С.Е. Крыжановского).

#### References and Sources

1. Shul'zhenko Yu.L. Voprosy konstitucionalizma v konstitucionnyh proektah XIX v. v Rossii // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2020. Т. 15. № 1.
2. Wayne, S. J. The Legislative Presidency. N.Y.: Harper& Row publishers, 1978.
3. P.S.Z. Sobr. 3. T. XXV. № 26 803.
4. P.S.Z. Sobr. 3 1905 g. SPb. 1908. T. XXVI. № 27 423, S. 148-149.
5. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F.1162. Op.4. D. 1.
6. Tihonova E.S. Razvitie soveshchatel'nyh organov pri glave gosudarstva: istoki i stanovlenie. // Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniya. 2021. № 3 (14).
7. Archegov S.B. Verhnyaya zakonodatel'naya palata Rossijskoj imperii po Uchrezhdeniyu Gosudarstvennogo soveta 1906 goda. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2010. № 3.
8. Alieva Z.I. Reformirovannyj Gosudarstvennyj sovet Rossijskoj imperii (1906-1917 gg.) i ego rol' v modernizacii gosudarstva. // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshestvennye nauki. 2012. №1 (167).
9. Carskosel'skie soveshchaniya// Byloe. 1917. №3.
10. Deev A.Yu. Gosudarstvennyj sovet Rossijskoj imperii, 1894–1905 gg. Diss. ... kand. polit. nauk. M., 2002.
11. Borodin A. P. Gosudarstvennyj sovet Rossii (1906–1917). Kirov, 1999.
12. Vysochajshij Manifest ot 20 fevralya 1906 goda Ob izmenenii uchrezhdeniya Gosudarstvennogo Soveta i o peresmotre uchrezhdeniya Gosudarstvennoj Dumy (SPb., 1906) - RussPortal. Istoricheskaya biblioteka russkoj civilizacii (russportal.ru) // URL:[https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1906\\_02\\_20\\_01](https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1906_02_20_01). (data obrashcheniya: 12.03.2022). P.S.Z. Sobr. 3. T. XXV. № 27 423.
13. P.S.Z. Sobr. 3. T. XXV. № 27 425.
14. Mal'ceva I. V. Reforma Gosudarstvennogo soveta v Rossii v 1906 godu // Pravovedenie. 1994. № 5–6.
15. Alekseev V. P. Pervyj russkij parlament. M., 1906.
16. P.S.Z. Sobr. 3. T. XXVI. № 27 808, № 27 808.
17. P.S.Z. Sobr. 3. T. XXVI. № 27 808, № 27 805.
18. Svod zakonov Rossijskoj imperii // URL: <https://civil.consultant.ru/code/;pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire>. (data obrashcheniya: 12.03.2022).
19. Uchrezhdenie gosudarstvennogo soveta ot 30 marta 1901 g. // P.S.Z. Sobr. 3. T. HKHI. № 19 883.
20. Stepanskij A.D. Reforma Gosudarstvennogo soveta v 1906 g. // Voprosy arhivovedeniya i istorii gosudarstvennyh uchrezhdenij SSSR. M., 1965.
21. P.S.Z. Sobr. 3. T. XXV. № 27 424.
22. P.S.Z. Sobr. 3. T. XXVI. № 26 662, 27 505.
23. Yurtaeva E. A. Gosudarstvennyj sovet v Rossii (1906–1917 gg.). M., 2001.
24. Verhoglyad A. S. Stanovlenie i razvitie Gosudarstvennogo soveta kak palaty vysshego zakonodatel'nogo organa Rossijskoj Imperii // Obshestvo: politika, ekonomika, pravo. 2016. № 5.
25. Shaland L.A. Russkoe gosudarstvennoe pravo. YU'ev, 1908.

26. Demin V. A. Verhnyaya Palata Rossijskoj Imperii 1906–1917. M., 2006.  
27. Volosnikova L.M., Chebotarev G.N. Pravovoj status universitetov: istoriya i sovremennost'. M., 2007.  
28. Kulyanov R.V. Gosudarstvennyj Sovet Rossijskoj imperii do i posle reformy 1906 g. // Vestnik istorii, literatury, iskusstva. 2016. T.11.  
29. Kistyakovskij B.A. Gosudarstvennoe pravo (obshchee i russkoe) / Lekcii B.A. Kistyakovskogo, chitannye v Moskovskom kommercheskom institute v 1908-1909 akademicheskom godu. SPb., 1909.  
30. RGIA. F. 1544. Op. 1. D. 16. (zapiska S.E. Kryzhanovskogo).

**ЧЕРКЕСОВА ЛАРИСА ИВАНОВНА** – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН (L5060412@mail.u).

**CHERKESOVA, LARISA I.** – Ph.D. in Law, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

УДК 340.130.568(47)

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-19-25

**ИЩЕНКО А.А., СМЕТАНА Н.В. ФЕДОРЕНКО С.А.**

## **ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И РАЦИОНАЛИЗАТОРОВ В СССР И РОССИИ**

**Ключевые слова:** изобретательство, инновации, научно-технический прогресс, новаторство, рационализатор.

Статья посвящена исследованию историко-правовых аспектов процесса становления и развития Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов. Показано, что государство уделяло данной проблематике внимание еще с момента принятия в 1812 году первого по своему юридическому значению акта в России по охране изобретений – Манифестъ «О привилегиях на разныя изобрѣтѣнія и открытія въ художествахъ и ремеслахъ». Однако условия для существенной активизации данной работы возникли лишь в СССР. Акцентировано внимание на ключевых предпосылках зарождения Всесоюзного общества изобретателей, особенностях его деятельности. Предметно рассмотрены основы возрождения в 1950-х годах Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов, сложности функционирования данной организации и достигнутые результаты. Раскрыты ключевые направления деятельности Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов в современных условиях и его значимость для будущего технологического развития государства.

**ISHCHENKO, A.A., SMETANA, N.V., FEDORENKO, S.A.**

### **LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF THE ALL-RUSSIAN ORGANIZATION OF INVENTORS AND INNOVATORS IN THE USSR AND RUSSIA**

**Key words:** invention, innovation, scientific and technological progress, innovation, innovator.

The article is devoted to the study of the historical and legal aspects of the formation and development of the All-Russian Society of Inventors and Innovators. It is shown that the state has been paying attention to this issue since the adoption in 1812 of the first legal act in Russia on the protection of inventions - the Manifesto "On Privileges for Various Inventions and Discoveries in Arts and Crafts". However, the conditions for a significant intensification of this work arose only in the USSR. Attention is focused on the key prerequisites for the emergence of the All-Union Society of Inventors, the features of its activities. The fundamentals of the revival in the 1950s of the All-Union Society of Inventors and Innovators, the complexity of the functioning of this organization and the results achieved are considered in detail. The key activities of the All-Russian Society of Inventors and Innovators in modern conditions and its significance for the future technological development of the state are revealed.

Всероссийское общество изобретателей и рационализаторов прошло довольно тернистый путь становления и развития, который характеризуется активными трансформациями, взлетами и падениями, постоянной необходимостью соответствия велениям времени, удовлетворению потребностей государства и граждан, основан на высоком качестве изобретений и рационализаторских предложений, последующей возможности их широкого внедрения в массы. В 2022 году отмечается юбилей – 90-летие Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов. Исходной точкой отсчета организации считается проведение в 1932 году учредительного Всесоюзного съезда новаторов. Однако изобретательство стало активно развиваться еще на заре промышленной революции, благодаря таланту и пытливому уму русских мастеров, когда потребности в отечественных аналогах передовых зарубежных разработок стали как никогда актуальными для дальнейшего экономического развития России. Вместе с тем возникла и необходимость применения различных новаторских технологических решений в отечественных реалиях.

С момента принятия в 1812 году первого по своему юридическому значению акта в России по охране изобретений – Манифестъ «О привилегияхъ на разныя изобрѣтѣнія и открытія въ художествахъ и ремеслахъ» [1, с. 355-356], содержащего всего 21 параграф (статью), по сути ознаменовавшего защиту со стороны государства изобретений и рационализаторских предложений, и на протяжении последующих 120 лет данная интеллектуальная деятельность не выходила за рамки сугубо индивидуальной сферы. Изобретательское дело, в силу своей специфики, так и не перешло во всеобщий разряд, а было присуще лишь отдельным категориям граждан, что, конечно же, не способствовало воплощению широких новаторских возможностей.

Последующие исторические события показали ошибочность такого подхода и необходимость более всеобъемлющей поддержки местных Кулибиных, активной популяризации изобретательства и рационализаторства на территории всего государства.

Качественный скачок в данной сфере произошел лишь с предоставлением широких возможностей изобретателям, созданием условий для их активной деятельности в рамках всеобщей индустриализации, внедрения передовых разработок в народное хозяйство, восстановлением и развитием экономики, но уже советского государства. Активизация изобретательской и рационализаторской деятельности среди советских граждан, их поддержка с различных сторон и необходимость систематизации данных начинаний обусловили появление широкой сети различных изобретательских органов, действовавших на общесоюзном и республиканском уровне, при региональных совнархозах, зачастую в пределах предприятий. При этом все более и более набирающая обороты новаторская деятельность на местах не всегда была тесно связана с производственным процессом, проявлялась в инициативном порядке, одновременно способствуя популяризации движения изобретателей-рационализаторов, повышению качества их творчества.

Результаты инновационных подходов изобретателей и рационализаторов начали находить свое систематическое отражение в специализированном научно-популярном иллюстрированном ежемесячном журнале «Рационализатор», который стал выходить с 1929 года и содержал в себе десятки различных новаторских решений советских граждан. Первый номер журнала удостоился приветственного слова – «Массы, вместо единиц» от выдающегося ученого Альберта Эйнштейна.

При этом к 1930 году возникла необходимость централизации указанной деятельности, придания ей упорядоченного организационного характера. Итогом такого процесса стало постановление Президиума Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов о начале организации массового добровольного Всесоюзного общества изобретателей [2]. Это решение нашло поддержку в ЦК ВКП(б), принявшем Постановление «О положении массового изобретательства под углом влияния на рационализацию производства» от 26 октября 1930 г., в котором детализированы ключевые задачи новой организации, направленные на реализацию государственной политики в сфере технического творчества, созданию условий на превращение движения изобретателей-рационализаторов в массовое [3, с. 36].

В условиях активной индустриализации, деятельность государства была направлена не только на привлечение значительного количества новаторов в народное хозяйство, последующее внедрение результатов их изобретательской и рационализаторской деятельности, но также и на создание соответствующих финансовых стимулов (фонды содействия изобретательству и рационализации), которые предусматривались, согласно совместному решению Центрального исполнительного комитета и Правительства Советского Союза от 13 августа 1931 г., на всех предприятиях. Также несколькими месяцами ранее обозначенными органами было принято постановление о предоставлении различных льгот для изобретателей и новаторов производства [4, с. 145].

Вместе с тем, понадобилось еще почти полтора года целенаправленной работы Организационного бюро, прежде чем удалось воплотить в жизнь данные инициативы – создать Центральный совет общества, привести Первое заседание Президиума (7 февраля 1931 г.) И только к 15 января 1932 г. в Москве был открыт I учредительный съезд Всесоюзного общества изобретателей (ВОИЗ), позволивший объединить под единые начала несколько сотен тысяч изобретателей всего государства. Принятый Устав Общества в качестве высшего руководящего органа определил Всесоюзный съезд, непосредственные же функции на постоянной основе реализовывал Центральный совет, его президиум, а на местах – республиканские, краевые и областные конференции либо съезды, различные советы (на предприятиях и учреждениях, на крупных предприятиях – цеховые советы), а также президиумы советов. Организационная структура Общества при Центральном совете по своей форме соответствовала велениям времени и включала: президиум, организационно-массовый, оборонный отдел, а также различные секторы, издательство [2].

Однако в данном виде Всесоюзное общество просуществовало всего шесть лет – до 1938 года и в последующем, согласно предложению Президиума ВЦСПС, постановлением Правительства СССР оно было ликвидировано с передачей функций в сфере изобретательско-

рационализаторской деятельности профсоюзным органам [3, с. 38]. Также на почти два десятилетия прекратил свое существование и журнал «Изобретатель», что нанесло значительный ущерб возможностям новаторов по обмену опытом и ознакомлению с передовыми достижениями отечественной научно-технической мысли. Советскими исследователями справедливо отмечается, что именно практика последующих лет свидетельствовала об ошибочности принятого решения – передачи руководства изобретательским делом в различные наркоматы (министерства) и профсоюзы. Децентрализация не позволила создать для новаторов условия, аналогично ранее существовавшим [5, с. 39].

Причины реорганизационных изменений заключались в неэффективности управленческой деятельности, отрыве административного аппарата от производства и фактических потребностей рационализаторов, низком уровне взаимодействия руководящих органов Общества и первичных ячеек. Возложение на профсоюзы не свойственных для них организационных функций в изобретательско-рационализаторской сфере также не позволило исправить ситуацию и привело к значительному снижению новаторского движения и внедрению в производства инновационных решений, нарушило выстраиваемый процесс подготовки новаторов, взаимодействия их между собой, оказания профессиональной помощи и поддержки.

Тем не менее, за столько короткий срок заложенные Всесоюзным обществом изобретателей основы позволили объединить в централизованном порядке различные сообщества новаторов, которые стали неотъемлемым элементом индустриальных предприятий, унифицировать подходы, преодолеть административные барьеры, получить экономические ресурсы, что значительно расширило возможности по внедрению в практическую плоскость различных рационализаторских инициатив граждан. Между различными ячейками общества среди разнообразных предприятий советского государства были организованы социалистические соревнования на выявление лучших сообществ изобретателей. Это позволило значительно улучшить качество изобретательско-рационализаторской деятельности на местах, привлечь значительное количество новых членов.

Значительный вклад изобретателей стал серьезным подспорьем промышленности в трудный период Великой Отечественной войны. Рационализаторские предложения тружеников позволили в кратчайшие сроки перестроить экономику на военные рельсы, запустить промышленные предприятия в новых индустриальных районах Урала и Сибири, освоить передовые методы производства, повышать технические нормы, изыскать резервы для реализации новаторских идей, их последующего внедрения в практическую сферу, качественно и количественно увеличить производительность труда. Это позволило внедрить за военные годы десятки тысяч новаторских предложений, сэкономить сотни миллионов рублей.

В военные и послевоенные годы непосредственное руководство изобретательской и рационализаторской деятельностью осуществляли профсоюзы, поскольку именно эти органы курировали новаторство на протяжении двух десятилетий (1938 – 1958 годы). Однако необходимость качественной перестройки подходов в сфере промышленности, более инновационное и всеохватывающее внедрение изобретений и рационализаторских предложений трудящихся, неэффективность существующей системы сподвигло руководящие органы на проведение качественных реформ, централизацию данной сферы, то есть возврат к ранее существовавшей форме – функционирования единого специализированного органа.

Необходимость перестройки стала активно обсуждаться в 1955 году на высшем партийном и правительственном уровне, а также Всесоюзном совещании работников промышленности, где акцентировалось внимание на несоответствии производительности труда в Советском Союзе по сравнению с передовыми государствами того времени, что обуславливалось низким уровнем использования инновационных технологий. Закономерно, что вместе с восстановлением промышленности СССР возникла необходимость активизации научно-технического прогресса, где изобретательская и рационализаторская работа вышла на первый план и стала рассматриваться как одна из важнейших государственных задач. Поэтому не удивительно, что в феврале 1956 г. при Правительстве СССР создан Комитет по делам изобретений и открытий, а уже 17-19 октября проведено Всесоюзное совещание изобретателей, рационализаторов и новаторов производства, где принимали непосредственное участие руководители партии и правительства. В итоге были отмечены пути дальнейшего массового развития и выхода на более качественный уровень изобретательства и рационализаторства, в соответствии со стоящими актуальными задачами перед

народным хозяйством, его технологического оснащения средствами и автоматизации производства [4, с. 149-150].

Одновременно с данными процессами возобновилась в 1956 году практика издания специализированного ежемесячного журнала, который первоначально именовался «Изобретательство в СССР», а спустя два года произошла смена названия «Изобретатель и рационализатор», где в качестве учредителя выступило созданное Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов.

При этом, как отмечают исследователи, Комитет не имел соответствующей сети подразделений на местах, фактически это ограничивало его участие в эволюционировании изобретательского и рационализаторского дела. Да и сами решения комитета по поводу внедрения изобретений в практической плоскости носили для министерств и ведомств не императивный, а лишь рекомендательный характер. Выходом из сложившейся ситуации стало создание общественной организации изобретателей и рационализаторов через «инициативы снизу». Такой подход нашел активный отклик среди Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов, что вернуло в жизнь в январе 1958 года функционирование общественной организации изобретателей и рационализаторов (Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов – ВОИР) [6, с. 283].

Возвращение к истокам функционирования специализированного органа в сфере изобретательско-рационализаторской деятельности являлось ярким маркером необходимости в условиях командно-административной системы жесткого управления в данной области.

Руководящая роль новой организацией была отведена ВЦСПС. Цель проводимых организационных мероприятий заключалась в привлечении широкого круга граждан – новаторов в новую структуру, достижение более эффективной системы внедрения результатов инновационной деятельности в производственный процесс. В итоге, по мнению инициаторов данных изменений, это могло позволить в кратчайшие сроки выйти на новый качественный уровень технического творчества трудящихся, обеспечить ускоренный процесс между появлением новых новаторских идей и их последующего применения, активизации возможностей обмена опытом между различными предприятиями, через жесткую централизацию.

Организационный принцип построения ВОИР отчасти учитывал опыт функционирования ВОИР, начиная от первичных ячеек на предприятиях, соответствующих обществ на уровне областей, краёв, республик и Всесоюзным обществом на государственном уровне. Также детально прорабатывался вопрос материального стимулирования новаторов, путем аккумуляции денежных средств предприятий, полученных за счет экономии с целью произведения выплат авторам изобретений и рационализаторских предложений.

Конечно, возникали и определенные сложности с функционированием новой структурой. В частности, исследователи на основе скрупулезного анализа архивных материалов того исторического периода отмечают, что первоначально региональные отделения не достигли поставленных целей, так как часть из них фактически не приступила к работе в отведенные сроки, лишь номинально существовали только на бумаге. Причины заключались в отсутствии стремления инженерно-технических работников, новаторов производства активно вступать во вновь созданную организацию из-за неясности стоящих перед ней задач, отсутствие связей между существующими структурами (бюро рационализаторов и изобретателей, бюро технической инвентаризации), стойкой уверенности, что данный ВОИР – это новая контролирующая организация, а не сообщество по оказанию помощи изобретателям и рационализаторам [6, с. 287]. Здесь конечно же стоит отметить неудовлетворительную работу региональных организаций, которые на первых порах не смогли эффективно организовать поставленную работу и донести до широких масс ключевые задачи всесоюзного объединения. И как показала дальнейшая практика, активизация усилий в этом направлении, выстраивание единой организационной структуры, четкое взаимодействие между органами власти на местах, руководителями предприятий и учреждений, широкая просветительская работа с техническими кадрами принесла свои положительные итоги.

Первый общегосударственный съезд нового объединения – Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов состоялся только в сентябре 1959 года [7]. На данном нем было заявлено, что главная задача новой организации заключается в мобилизации творческой



инициативы новаторов производства, а также рационализаторов и изобретателей и новаторов на ускорение технического прогресса в различных отраслях народного хозяйства [8, с. 47].

Первоначальные задачи перед ВОИР стали реализовываться в конце 1950-х годов, когда изобретательство и рационализаторство вновь приобретает характер массового движения, включающего в себя более двух миллионов человек, начинает качественно влиять на научно-технический прогресс. По сравнению с 1950 годом, в 1960 году удельный вес изобретателей и рационализаторов среди всех работников промышленности увеличился с 3,9% до 10,9% [5, с. 39]. Конечно, на данном этапе возникали и определенные сложности: так, Общество не обладало самостоятельностью, зависело от государственных и партийных органов, не имело реальных рычагов влияния, отмечаются и иные проблемы [6, с. 294-295], которые были первоначально заложены в саму структуру и не до конца просчитаны.

Даже учитывая ряд недостатков, общая задача – привлечение новаторов в новую организацию успешно решалась, в период с 1959 по 1966 год, количество членов общества возросло в три раза и составило 4,2 млн. граждан, а на пике своей деятельности объединяло более 14 млн. членов. Функциональной основой работы ВОИР стал территориально-отраслевой принцип. На протяжении 1960-70-х годов гг. общество инициировало множество организационно-массовых мероприятий, которые были направлены на привлечение подрастающего поколения рационализаторской работе в различных отраслях народного хозяйства [9, с. 140].

На протяжении последующих трех десятилетий своего существования в советский период, несмотря на сложности, ВОИР через специальные фонды оказывало существенную материальную поддержку участникам сообщества, обеспечивало их социальную защиту; активно организовывало методическую и экспертно-консультационную помощь, являлось инициатором различных контрактов по поводу разработки и внедрения новой техники и технологических решений, а также оставалось органом общественного контроля по обеспечению соблюдения законодательных норм в сфере изобретательства и рационализаторства [10].

В результате удалось добиться активизации процессов внедрения передовой техники, была выполнена одна из ключевых задач – более широкое привлечение изобретателей и рационализаторов в производственный процесс. Использование креативного подхода, здоровой инициативы, активного исследовательского интереса, а также наличие мотивации к повышению эффективности производства требовало и соответствующей системы управления, программной основы. Все это было реализовано уже на Втором съезде Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов, который состоялся 29 ноября 1963 года. В рамках данного мероприятия был утвержден Устав организации, в последующем неоднократно дополнялся на общесоюзных съездах (III – 23 мая 1968 года, IV – 2 марта 1973 года, V – 6 апреля 1978 года) [11]. Устав определил задачи Всесоюзной организации рационализаторов и изобретателей, права и обязанности членов общества, организационное строение, в основе которого был декларирован демократический централизм (что фактически не соответствовало действительности), высшие органы управления, а также территориальные и первичные организации, средства объединения; в заключительных положениях акцентировалось внимание на правах органов ВОИР как юридических лиц. Высокие достижения, достигнутые обществом изобретателей и рационализаторов, не остались незамеченными, были высоко оценены: в 1973 году ВОИР награждено высокой наградой – орденом Ленина, а специализированный журнал «Изобретатель и рационализатор» – орденом Знак Почёта (в 1979 г), в 1981 году утверждено Почетное звание «Заслуженный изобретатель СССР» [12].

Реформы 1980-х годов также не обошли стороной ВОИР, которое активно трансформировалось под складывающиеся условия, развивалось, однако, не в полной мере успевало за велением времени, а стагнация промышленного производства нарушила дальнейшие возможности развития общества в существовавших условиях.

Распад единого советского государства, также негативно отразился на всей промышленности России, затронув непосредственно и деятельность новаторов. Очень активный, лавинообразный переход к рыночным условиям в кратчайший сроки, отсутствие выверенного государственного подхода, снижение эффективности общественных механизмов защиты прав и интересов изобретателей и рационализаторов, а также отсутствие новой законодательной базы в сфере интеллектуальной собственности привели к стагнации всего сообщества новаторов. Но при

этом за счет усилий энтузиастов, акцентировании внимания органов власти, постепенно ситуацию удалось стабилизировать и перевести в правовое русло, путем принятия соответствующих нормативных правовых актов. Запоздалый характер мер и неблагоприятная экономическая ситуация все же привели к оттоку высококвалифицированных специалистов за рубеж, а низкая востребованность изобретений обусловили очень медленное восстановление. Несмотря на это фундаментальные основы организации были сохранены, образовано новое объединение – Всероссийское общество изобретателей и рационализаторов, I учредительный съезд которого состоялся 21 марта 1991 г. и ознаменовался принятием Устава Общественной организации и программных документов. На указанный момент в Обществе состояло около 3,5 млн. членов [10]. На основе данных решений строится работа ВОИР в современных условиях, каждые пять лет проводятся съезды, на которых делегаты обсуждают поистине судьбоносные решения для последующего инновационного развития промышленности государства, новаторского дела, определяют наиболее оптимальные направления для развития технического потенциала изобретателей и рационализаторов.

Традиции изобретателей-рационализаторов сохраняются и в настоящее время. Дело новаторов не забыто и активно продолжается последователями, благодаря чему внедряются инновационные решения в городское хозяйство, активно распространяется новаторское дело в медицинских учреждениях, рационализаторские предложения осваиваются в градостроительной сфере и т. д. Несмотря на сложный период после развала советского государства и оттока значительного количества высококвалифицированных специалистов, ситуация стабилизировалась, активно происходит создание кадрового потенциала, в том числе и за счет проведения обучающих мероприятий с подрастающим поколением, происходит демонстрация передовых достижений, где новаторы имеют возможность продемонстрировать свои изобретения и рационализаторские предложения, возобновилась практика морального стимулирования, активно проводится информационная поддержка [13].

В настоящее время развитие Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов продолжается, как и ранее, поэтапно, действует принятая на пятилетний период (2017 – 2022 годы) программа развития общества [14]. Количество участников Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов в настоящее время включает более 100 тыс. человек, которые организационно входят в состав 11 республиканских, 6 краевых, 43 областных Советов ВОИР, а также свыше 150 организаций среднего звена, функционирующих на районно-городском уровне.

Как и девяносто лет назад цель Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов остается неизменной – оказание помощи и содействие изобретателям и рационализаторам, активная популяризация среди масс науки и техники, обеспечение качественного инновационного и технологического прорыва отечественной экономике, закладывание основ перехода к новому технологическому укладу. А в текущих реалиях жесткой санкционной политики, ограничения доступа к современным технологиям, необходимость технологического прорыва актуальна как некогда. Поэтому приоритетной задачей Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов является преодоление современных вызовов, что ставит перед объединением, как многие десятилетия назад, новые задачи и жесткие сроки по их выполнению, от эффективности которых зависит технологическое будущее России. Исторический опыт деятельности общества изобретателей и рационализаторов свидетельствует, что в трудные для государства периоды именно эта категория работников через соответствующую систему мобилизации их новаторского интереса и внедрения в практическую плоскость представленных идей является технологической опорой государства.

### Литература и источники

1. О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах: Манифест от 17 июня 1812 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. В 50 томах. Т XXXII. 1812 - 1815 гг. СПб: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1135 с.
2. Путеводители по российским архивам // URL: <https://guides.rusarchives.ru/funds/6/vsesoyuznye-obshchestva-izobretateley-i-racionalizatorov-voir-obedinenny-fond-1930-1938> (дата обращения: 30.05.2022).
3. Барышева Н. Р. Из истории всесоюзного общества изобретателей // Вестник Кемеровского государственного университета, 2014 № 2 (58) Т. 2. С. 36-39.
4. Познанский В.С. О развитии массового рабочего изобретательства и рационализаторства в СССР // Вопросы истории. 1960. №3. С. 138-153.
5. Алексеев Г.П. Движение изобретателей и рационализаторов в СССР // Вопросы истории. 1969. № 9. С. 30-48.

6. Пинаева Д.А. Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов в системе государственной политики, направленной на ускорение научно-технического прогресса в конце 1950-х - начале 1960-х годов (на примере деятельности Татарского областного совета ВОИР) // Научный диалог. 2017. №10. С. 280-299.
7. Материалы Первого съезда Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (22-24 сентября 1959 г.). М., 1959. 32 с.
8. Фокин Л.В. Из истории борьбы изобретателей и рационализаторов Москвы за технический прогресс // Вопросы истории. 1961. № 3. С. 45-62.
9. Викторов А.Г. Оценка истории деятельности Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР) с позиции современной науки // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №8(50). С. 138-140.
10. История ВОИР. URL: <http://www.ros-voir.ru/ru/about-page> (дата обращения: 30.05.2022).
11. Устав Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов// URL: <https://docs.cntd.ru/document/901400367> (Дата обращения: 30.05.2022).
12. Об установлении почетного звания «Заслуженный изобретатель СССР»: Указ Президиум Верховного Совета СССР от 28 декабря 1981 г. № 6277-X // Ведомости Верховного Совета СССР, 1982 г № 1 ст. 1.
13. Московская городская организация ВОИР: 60 лет на службе городу. URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/prez-zezulin-26062018.pdf> (Дата обращения: 30.05.2022).
14. Программа развития Общественной организации «Всероссийское общество изобретателей и рационализаторов» (ВОИР) на период 2017 – 2022 гг. URL: [https://voir44.ru/upload/Программа%20развития%20ВОИР\\_2022.pdf](https://voir44.ru/upload/Программа%20развития%20ВОИР_2022.pdf) (Дата обращения: 30.05.2022).

#### References and Sources

1. O privilegijah" na raznyya izobrazheniya i otkrytiya v" hudozhestvah" i remeslah": Manifest" ot 17 iyunya 1812 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe. V 50 tomah. T XXXII. 1812 - 1815 gg. SPb: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelarii, 1830. 1135 c.
2. Putevoditeli po rossijskim arhivam // URL: <https://guides.rusarchives.ru/funds/6/vsesoyuznye-obshchestva-izobretateley-i-racionalizatorov-voir-obedinenyy-fond-1930-1938> (data obrashcheniya: 30.05.2022).
3. Barysheva N. R. Iz istorii vsesoyuznogo obshchestva izobretateley // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014 № 2 (58) T. 2. S. 36-39.
4. Poznanskij V.S. O razvitii massovogo rabocheho izobretatel'stva i racionalizatorstva v SSSR // Voprosy istorii. 1960. №3. S. 138-153.
5. Alekseev G.P. Dvizhenie izobretateley i racionalizatorov v SSSR // Voprosy istorii. 1969. № 9. С. 30-48.
6. Pinaeva D.A. Vsesoyuznoe obshchestvo izobretateley i racionalizatorov v sisteme gosudarstvennoj politiki, napravlennoj na uskorenie nauchno-tehnicheskogo progressa v konce 1950-h - nachale 1960-h godov (na primere deyatelnosti Tatarskogo oblastnogo soveta VOIR) // Nauchnyj dialog. 2017. №10. S. 280-299.
7. Materialy Pervogo s'ezda Vsesoyuznogo obshchestva izobretateley i racionalizatorov (22-24 sentyabrya 1959 g.). M., 1959. 32 s.
8. Fokin L.V. Iz istorii borby izobretateley i racionalizatorov Moskvy za tekhnicheskij progress // Voprosy istorii. 1961. № 3. С. 45-62.
9. Viktorov A.G. Ocenka istorii deyatelnosti Vsesoyuznogo obshchestva izobretateley i racionalizatorov (VOIR) s pozicii sovremennogo nauki // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2016. №8(50). S. 138-140.
10. Istoriya VOIR. URL: <http://www.ros-voir.ru/ru/about-page> (data obrashcheniya: 30.05.2022).
11. Ustav Vsesoyuznogo obshchestva izobretateley i racionalizatorov// URL: <https://docs.cntd.ru/document/901400367> (Data obrashcheniya: 30.05.2022).
12. Ob ustanovlenii pochetnogo zvanija «Zasluzhennyj izobretatel' SSSR»: Ukaz Prezidium Verhovnogo Soveta SSSR ot 28 dekabrya 1981 g. № 6277-X // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR, 1982 g № 1 st. 1.
13. Moskovskaya gorodskaya organizaciya VOIR: 60 let na sluzhbe gorodu. URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/prez-zezulin-26062018.pdf> (Data obrashcheniya: 30.05.2022).
14. Programma razvitiya Obshchestvennoj organizacii «Vserossijskoe obshchestvo izobretateley i racionalizatorov» (VOIR) na period 2017 – 2022 gg. URL: [https://voir44.ru/upload/Programma%20razvitiya%20VOIR\\_2022.pdf](https://voir44.ru/upload/Programma%20razvitiya%20VOIR_2022.pdf) (Data obrashcheniya: 30.05.2022).

**ИЩЕНКО АНТОН АНАТОЛЬЕВИЧ** – кандидат экономических наук, Председатель Центрального Совета Общественной организации «Всероссийское общество изобретателей и рационализаторов» ([info@ros-voir.ru](mailto:info@ros-voir.ru))

**ФЕДОРЕНКО СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ** – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых и процессуальных дисциплин Кубанского института социэкономки и права (филиал) «Академия труда и социальных отношений» ([fedorenkosergey79@yandex.ru](mailto:fedorenkosergey79@yandex.ru))

**СМЕТАНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА** – студентка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ ([smetanav@mail.ru](mailto:smetanav@mail.ru))

**ISHCHENKO, ANTON A.** – Ph.D. in Economics, Chairman of the Central Council of the Public Organization “All-Russian Society of Inventors and Innovators” ([info@ros-voir.ru](mailto:info@ros-voir.ru))

**FEDORENKO, SERGEY A.** – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Legal and Procedural Disciplines of the Kuban Institute of Socioeconomics and Law (branch) “Academy of Labor and Social Relations” ([fedorenkosergey79@yandex.ru](mailto:fedorenkosergey79@yandex.ru))

**SMETANA, NATALIA V.** – student of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation ([smetanav@mail.ru](mailto:smetanav@mail.ru)).

УДК 342.341

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-25-31

**УПОРОВ И.В., ШЕУДЖЕН Н.А., ШВЕЦ А.А.**

## **ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИИ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**Ключевые слова:** конституция, государственная идеология, абсолютизм, социализм, капитализм, интересы, КПСС, народ.

В статье исследуются особенности закрепления государственной идеологии в российских и советских конституциях: Основных государственных законах Российской империи 1906 г., нескольких советских конституциях СССР и РСФСР, Конституции России 1993 года. Анализируются нормы соответствующих законодательных актов, научные труды по заявленной теме. Отмечается, что в наибольшей степени идеологические принципы являлись предметом конституционно-правового регулирования в советский период, особенно в Конституции СССР 1977 г., то есть, в условиях политико-идеологического противостояния социалистических и

капиталистических стран. Обоснован вывод о том, что с учетом глобализации, функционирования ООН и других межгосударственных институтов, категория «государственная идеология» для практического применения устарела, уступив место «интересам личности», «интересам общества», «интересам государства» и т.д. Данные категории, на основе общепризнанных международных норм, должны индивидуализироваться для каждого государства. Авторы полагают, что действующая Конституция России отвечает данным требованиям.

UPOROV, I.V., SHEUDZHEN, N.A., SHVETS, A.A.

STATE IDEOLOGY OF RUSSIA IN THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL DIMENSION: HISTORICAL ASPECT

**Key words:** constitution, state ideology, absolutism, socialism, capitalism, interests, CPSU, people.

The article examines the features of fixing the state ideology in Russian and Soviet constitutions: the Fundamental State Laws of the Russian Empire of 1906, several Soviet constitutions of the USSR and the RSFSR, the Russian Constitution of 1993. The norms of the relevant legislative acts, scientific papers on the stated topic are analyzed. It is noted that, to the greatest extent, ideological principles were the subject of constitutional and legal regulation in the Soviet period, especially in the Constitution of the USSR of 1977, that is, in the conditions of political and ideological confrontation between socialist and capitalist countries. The conclusion is substantiated that, taking into account globalization, the functioning of the UN and other interstate institutions, the category of "state ideology" for practical application has become outdated, giving way to "the interests of the individual", "the interests of society", "the interests of the state", etc. These categories, on the basis of generally recognized international norms, must be individualized for each state. The authors believe that the current Constitution of Russia meets these requirements.

О появлении в России конституционно-правовых актов можно говорить, очевидно, лишь с учреждением в 1906 г. Государственной Думы и придании дополнительных полномочий Государственному Совету, после чего новая редакция Основных государственных законов от 23 апреля того же года [1] (ОГЗ) стала многими авторами рассматриваться как первая Конституция России [2]. Мы полагаем, что с этим, при всех оговорках, следует согласиться, учитывая, по меньшей мере, создание общегосударственного выборного законодательного органа и выделения в ОГЗ главы о правах и свободах граждан.

В ОГЗ государственная идеология специально не регулировалась. Но в ряде норм все же можно усмотреть идеологическую направляющую, которую имел в виду император Николай II, подписывая ОГЗ, вопреки своим убеждениям. И ожидаемо, с учетом его позиции по поводу демократических перемен в других странах, она была связана с незыблемостью самодержавия. В этом смысле характерна ст. 4 ОГЗ: «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его, не только за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает» [1]. Данная формула, в несколько иной редакции, впервые была дана Петром I, который четко закрепил принцип абсолютизма в России. С этим принципом Николай II никак не хотел расставаться, несмотря на совершенно иные реалии государственно-правовых отношений в цивилизованном мире начала XX в. Об этом же свидетельствует и ст. 10 ОГЗ, где, в частности, указано, что «власть управления во всем ее объеме принадлежит государю императору в пределах всего государства Российского» [1]. Об этом же говорит и значительный объем регулирования вопросов наследования престола, в т.ч. совершеннолетия государя императора, вступления его на престол и присяги, а также нормы о «священном короновании и миропомазании», о титуле его императорского величества (главы 2-6), об учреждении императорской фамилии (Раздел второй, состоящий из 6 глав). А вот глава 8 («О правах и обязанностях российских подданных») оказалась сравнительно небольшой. В ней ничего не говорилось о значимости института прав человека. Более того, эта глава, противореча своему названию, начиналась не с прав, а со «священной обязанности каждого русского подданного» защищать «Престол и Отечество». Как видно, престол был поставлен на первое место – выше Отечества.

Такой подход к государственной идеологии целенаправленно был выработан еще в начале XIX в., когда, например, во время войны с Францией одна из песен российского ополчения называлась «За Царя, за Русь Святую!», позже появился девиз «за Веру, Царя и Отечество». А после восстания декабристов, имевших свою четко выраженную идеологию, российская власть, озаботившись своей идеологией, пришла к известной триаде «Самодержавие. Православие. Народность» (встречается разный порядок слов), где самодержавие - исторически сложившаяся и устоявшаяся форма правления; православная вера - хранитель нравственности и основа традиций народа; народность - единство царя и народа, выступающее гарантом от социальных потрясений [3, с. 661]. Впрочем, в текст ОГЗ эту триаду власть так и не решилась ввести.

Временное правительство, в силу кратковременности своей деятельности, не успело принять конституционный акт (вероятно, это была бы конституция европейского типа). А после октября 1917 г. взявшие власть в свои руки большевики решительно и коренным образом

опрокинули и принцип самодержавия, и принципы государственного управления, которыми руководствовались «временщики». Первая же Конституция РСФСР 1918 г. [4] была пронизана новой государственной идеологией, что было вполне объяснимо, поскольку советское государство создавалось на достаточно глубоко проработанной коммунистической идее. Так, ст. 1 и 2 установили: «Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам... Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик» [4]. В ст. 3 ставились основные задачи, в числе которых - уничтожение эксплуатации человека человеком, устранение деления общества на классы, победа социализма во всех странах. В переходный период требовалось (ст. 9) установить «диктатуру городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства» для достижения указанных выше задач. Провозглашались народовластие; переход средств производства в собственность государства; отделение церкви от государства; свобода собраний, митингов, шествий; бесплатность образования; обязанность трудиться и защищать социалистическое Отечество.

Нужно также иметь в виду, что Конституция РСФСР 1918 г. принималась в период революционного кризиса, острейшей политической борьбы за власть, поэтому и некоторые формулировки были довольно жесткими («беспощадное подавление эксплуататоров», «вырвать человечество из когтей финансового капитала», «уничтожение паразитических слоев общества» и др.). Однако они наглядно показывали государственную идеологию советского государства.

Следует заметить, что большинство норм, раскрывающих государственную идеологию в Конституции РСФСР 1918 г., в дальнейшем переходили во все последующие советские конституции, но со все менее радикальными и более объемными и точными формулировками.

Первая союзная Конституция СССР 1924 г. [5] отразила факт создания СССР и включила в себя Декларацию об образовании СССР (Раздел первый), где и были сосредоточены некоторые ключевые идеологические положения. Так, констатировалось, что в лагере капитализма – «национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны», а в лагере социализма – «взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов» [5]. В остальном Конституция СССР 1925 г. регулировала федеративные отношения. Более конкретные нормы идеологического характера содержались в республиканских конституциях, принятых на основе союзной Конституции. Так, в Конституции РСФСР 1925 г. [6] в ст. 2 подчеркивалось, что РСФСР является «социалистическим государством рабочих и крестьян». Согласно ст. 15: «вся земля, леса, недра, воды, а равно фабрики и заводы, железнодорожный, водный и воздушный транспорт и средства связи составляют собственность Рабоче-Крестьянского государства». В этой Конституции сделана прямая ссылка на Конституцию РСФСР 1918 г. и, соответственно, их нормы были схожими.

В следующей союзной («сталинской») Конституции СССР 1936 г. [7] государственная идеология достаточно ясно выражена в Главе первой («Общественное устройство»), состоящей из 11 статей, и главе 10 («Основные права и обязанности граждан»), состоящей из 26 статей. В ст. 1 объявляется, что СССР является «социалистическим государством рабочих и крестьян», власть в стране принадлежит трудящимся города и деревни, которые осуществляют ее через Советы депутатов трудящихся (ст. 2). Значительное место уделено экономической основе СССР – таковой являлась «социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства» (ст. 4). Вместе с тем допускалось «мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда» [7] (ст. 9). В ст. 12 закреплялся ставший широко известным принцип: «В СССР осуществляется принцип социализма: "от каждого по его способности, каждому — по его труду"» [7].

В ст. 126 впервые появилась норма о руководящей роли коммунистической партии: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков),

являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» [7]. Указанную конституционную норму можно считать, очевидно, квинтэссенцией государственной идеологии СССР, и до конца существования СССР данная норма, в несколько иной формулировке, будет иметь место. В Конституции РСФСР 1937 г. интересующие нас нормы дублируются из союзной Конституции.

В «брежневской» Конституции СССР 1977 г. [8] идеологическая составляющая выражена еще более отчетливо, прежде всего за счет довольно обширной и пространной преамбулы, указавшей, что «в СССР построено развитое социалистическое общество». Далее была дана характеристика этого общества. В частности, отмечалось, что это – «общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей - советский народ» [8]. Такое общество считалось закономерным этапом на пути к коммунизму, и именно бесклассовое коммунистическое общество, функционирующее на основе общественного самоуправления, является «высшей целью Советского государства». Определены были и главные задачи социалистического «общенародного государства». Конкретизировалась здесь и роль КПСС (ст.6): «Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма» [8].

Эта Конституция принималась в мирное время, когда позади были революционный кризис, Вторая мировая война. Поэтому в ней уже не было формулировок типа «полного подавления буржуазии», как и формулировок о классовой борьбе. Напротив, говорилось о сближении классов (рабочих и крестьян). Достаточно содержательно характеризует государственную идеологию ст. 9: «Основным направлением развития политической системы советского общества является дальнейшее развертывание социалистической демократии: все более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества, совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, усиление народного контроля, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, расширение гласности, постоянный учет общественного мнения» [8].

В Конституции РСФСР 1978 г. [9] преамбула значительно сокращена, но в ней очень кратко и четко представлена идеологическая составляющая: «Народ Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, руководствуясь идеями научного коммунизма, осознавая себя неотъемлемой частью всего советского народа, сохраняя преемственность идей и принципов Конституции РСФСР 1918 года, Конституции РСФСР 1925 года, Конституции РСФСР 1937 года и в соответствии с Конституцией (Основным Законом) Союза ССР, закрепившей основы общественного строя и политики СССР, установившей права, свободы и обязанности граждан, принципы организации и цели социалистического общенародного государства, принимает и провозглашает настоящую Конституцию» [9]. В остальном «идеологические» нормы дублировали союзную Конституцию СССР 1977 г.

Следует также заметить, что наибольший объем «идеологических» норм в Конституциях 1977 и 1978 гг. во многом, если не в решающей степени, был обусловлен решениями КПСС. И, прежде всего, речь идет о XXII съезде КПСС (1961), где сначала в докладе Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, а затем в принятой на этом форуме новой редакции Программы КПСС, очень смело и, как оказалось, опрометчиво, было объявлено о том, что к 1980 г. «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» [10, с. 74]. Однако в реальности социально-экономическая ситуация в СССР стала лишь ухудшаться, перманентные кризисные явления привели к необходимости принятия радикальных мер. И такая попытка была предпринята в годы известной «горбачевской» перестройки, оказавшейся в итоге безуспешной. Идея социализма-коммунизма в общественном сознании жителей СССР довольно быстро угасла, а вслед за этим в 1991 г. перестало существовать и основанное на этой идеологии советское государство.

В 1993 г. была принята новая Конституция России, в которой отвергалась советская государственность, и был в целом определен европейский путь развития. По поводу идеологии

был избран подход, исключаяющий такую: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ч. 2 ст. 13 Конституции России). Такое жесткое предписание требует своего пояснения. Начнем с того, что в СССР государственная идеология опиралась на соответствующие теоретические положения научного коммунизма. При этом сосуществовали и конкурировали мировые системы социализма и капитализма. Но если применительно к СССР и другим социалистическим странам имелась достаточно четко сформулированные идеологические постулаты (народовластие, отсутствие частной собственности на средства производства и землю, плановая экономика, определенные нравственные устои на основе «морального кодекса строителя коммунизма», руководящая роль компартии, невозможность неограниченного обогащения отдельных людей, приоритет общественных интересов над личными и др.), то подобной стройной теории научного капитализма (на уровне учения Маркса-Ленина) разработано не было. Это, конечно, не значит, что капитализм, как форма организации общества и государства, не имеет своих характерных черт – они есть (институт прибавочной стоимости, конкуренция, частная собственность на средства производства и землю и др.), но исследовались, чаще всего, как «антонимы социализму» [11, с. 110] и в контексте экономической деятельности, но не как некий маяк для будущего человечества. При этом теория научного коммунизма предполагала «неизбежную гибель» капитализма.

Как показала жизнь, «погиб» как раз социализм (очевидно, невозможно выстраивать социальные отношения на десятилетия вперед по заранее разработанным лекалам, ввиду чрезвычайной сложности этих отношений), а капитализм, развивающийся не по глобальным теориям, а естественным образом, в России оказался востребованным, что и было зафиксировано в Конституции России (прежде всего в ст. 8, 9). Мы полагаем также, что уже к концу XX в. между социалистическими и капиталистическими странами было больше общего, чем различий (например, принцип народовластия, равного избирательного права, наличие парламента, равенство граждан перед законом, личная неприкосновенность и в целом личная свобода и т.д.). И не случайно с такой внешней легкостью российский народ принял решение отказаться от социализма и вернуться в капитализм при голосовании за проект «капиталистической» Конституции России 12 декабря 1993 г. (но, разумеется, не в капитализм времен Российской империи, а в капитализм, сформировавшийся путем своей эволюции к концу XX в.).

В этом контексте, на наш взгляд, вести разговор о государственной идеологии в нормах конституций представляется нецелесообразным. При желании можно, конечно, в Конституции России выделить ряд норм и их совокупность назвать официальной государственной идеологией в виде установок, касающихся, в частности, «форм осуществления власти и её распределения между соответствующими органами; положения человека в обществе и государстве; политических и социальных отношений, по поводу собственности, труда и власти; политического режима» [12, с. 503-504]. А.В. Арапов считает, что «текст Конституции РФ задает нам три основных столпа конституционной идеологии: приверженность духовно-нравственным традициям, народовластие и республиканское правление, национальная безопасность» [13, с. 9]. Однако в таком случае эта же государственная идеология будет у абсолютного большинства государств.

Согласно другой точке зрения, в России не должно быть обязательной идеологии, но должна быть государственная идеология, и «главным ориентиром для формирования российской конституционной правовой идеологии должны стать права, свободы и законные интересы граждан Российской Федерации» [14, с. 199]. Здесь также, на наш взгляд, сформулирована универсальная почти для всех государств позиция. Тогда возникает вопрос – какой смысл относить эту и подобные ей универсальные позиции к идеологии отдельного государства? В свою очередь, Е.Б. Абакумова полагает, что государственная идеология может быть обязательной: «если идеология признаётся в действующем конституционно-правовом законодательстве явлением, присущим таким субъектам, как политическая партия, то невозможно, чтобы идеология не была бы обязательной, хотя бы для какого-то круга субъектов, например, для членов соответствующей политической партии» [15, с. 57]; а если эта партия правящая, как, например, в последнее время партия «Единая Россия», имеющая конституционное большинство, то получается, что идеология данной партии, облакаемая в законы, становится обязательной для общества.

Мы полагаем, что в стремительно меняющемся мире сама эта категория «государственная идеология» применительно к реальным конституционно-правовым отношениям уже устарела. Она



была актуальна лишь в период существования социалистической системы. В настоящее время идет активный процесс глобализации, что находит отражение в создании и развитии ООН и множества других международных организаций, принимаются соответствующие международные акты, отражаемые в нормах конституций и других законов. Совершенно очевидно, что в мире сформировались некие устоявшиеся ценности, признаваемые практически во всех странах (народовластие, равенство перед законом, личная неприкосновенность, свобода предпринимательства и т.д.), поскольку они отражают интересы большинства жителей в каждом из государств и закрепляются юридически, прежде всего в конституционных актах. Поэтому категория «государственная идеология» должна остаться предметом общественного и научного обсуждения, и скорее в историческом аспекте, но не в практическом конституционном регулировании, где главенствуют такие категории, как «интересы личности», «интересы общества», «интересы государства» и т.д.

Соревнование между странами уже давно идет не по идеологическим принципам, а по уровню жизни населения, по развитию экономики, в спорте и т.д. Другое дело, что в каждом государстве имеются свои особенности, традиции, и они, конечно, должны индивидуализировать общепринятые международные нормы. Так, для России, как государства с самой большой в мире территорией, присуще более централизованное управление, с сильной властью Президента России. И такие нормы имеются в Конституции России. Специфика России находит отражение в конституционных поправках-2020 [16]. В частности, они касаются усиления социальных гарантий граждан, укрепления суверенитета России, защиты института брака, как союза мужчины и женщины и др. Но и такого рода особенные черты российского государства на данном этапе его развития вряд правильно именовать составляющими государственной идеологии, поскольку речь идет не о совокупности неких взглядов и воззрений об устройстве государства, а о реальных интересах многонационального российского народа, воля которого отражается в Конституции России, принятой этим народом.

### Литература и источники

1. Свод Основных Государственных Законов // Свод Законов Российской Империи. Том первый. Часть I. М.: Типогр. А.А. Левенсона, 1910. С. 1-19.
2. Шульженко Ю.Л. Основные государственные законы 1906 г. - начало реального практического конституционализма в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 3 (24). С. 24-36.
3. Ососков Г.В. Официальная идеология Российской империи XIX века «Православие – самодержавие – народность» (социально-философский анализ) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 659-663.
4. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
5. Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (Принят Постановлением ЦИК от 06.07.1923 г. и в оконч. ред. Постановлением акции II Съезда Советов СССР от 31.01.1924 г. М., 1924).
6. Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925 г. «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» (вместе с «Конституцией (Основным Законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики») // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.
8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // ВС СССР. 1977. N 41. Ст. 617.
9. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. N 15. Ст. 407.
10. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17-31 октября 1961 г. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1962. 593 с.
11. Наумова Е.И. История понятия «Капитализм»: от политического лозунга к научному термину // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 1 (18). С. 108-115.
12. Авакьян С. А. Конституционное право России. М.: Инфра-М, 2010. Т.1. 864 с.
13. Арапов А.В. Конституционная идеология и ее философские обоснования // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2016. № 4 (20). С. 9-15.
14. Зиновьев И.П., Колесников Ю.А., Мельников В.Ю. Идеология как общественный и государственный институт // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 196-200.
15. Абакумова Е. Б. К вопросу правового значения государственной идеологии в Российской федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 51-57.
16. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения – 30.04.2022 г.).

### References and Sources

1. Svod Osnovnyh Gosudarstvennyh Zakonov // Svod Zakonov Rossijskoj Imperii. Tom pervyj. Chast' I. М.: Tipogr. А.А. Levensona, 1910. S. 1-19.

2. Shul'zhenko Yu.L. Osnovnye gosudarstvennye zakony 1906 g. - nachalo real'nogo prakticheskogo konstitucionalizma v Rossii // Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. 2019. № 3 (24). S. 24-36.
3. Ososkov G.V. Oficial'naya ideologiya Rossijskoj imperii XIX veka «Pravoslavie – samodержavie – narodnost'» (social'no-filosofskij analiz) // Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. M.: INION RAN, 2017. S. 659-663.
4. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki (prinyata V Vserossijskim s"ezdom Sovetov 10.07.1918) // SU RSFSR. 1918. № 51. St. 582.
5. Osnovnoj zakon (Konstituciya) Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik (Prinyat Postanovleniem CIK ot 06.07.1923 g. i v okonch. red. Postanovleniem akcii II S"ezda Sovetov SSSR ot 31.01. 1924 g. M., 1924.
6. Postanovlenie XII Vserossijskogo S"ezda Sovetov ot 11.05.1925 g. «Ob utverzhenii teksta Konstitucii (Osnovnogo Zakona) RSFSR» (vmeste s «Konstituciej (Osnovnym Zakonom) Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki)» // SU RSFSR. 1925. № 30. St. 218.
7. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik (utv. Postanovleniem CHrezvychajnogo VIII S"ezda Sovetov SSSR ot 05.12.1936) // Izvestiya CIK SSSR i VCIK. 1936. № 283.
8. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik (prinyata VS SSSR 07.10.1977) // VS SSSR. 1977. N 41. St. 617.
9. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Sovetskoj Federativnoj Socialisticheskoj Respubliki (prinyata VS RSFSR 12.04.1978) // Vedomosti VS RSFSR. 1978. N 15. St. 407.
10. XXII s"ezd Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Soyuza. 17-31 oktyabrya 1961 g. Stenograficheskij otchet. T. 1. M.: Gospolitizdat, 1962. 593 s.
11. Naumova E.I. Istoriya ponyatiya «Kapitalizm»: ot politicheskogo lozunga k nauchnomu terminu // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. 2015. № 1 (18). S. 108-115.
12. Avak'yan S. A. Konstitucionnoe pravo Rossii. M.: Infra-M, 2010. T.1. 864 s.
13. Arapov A.V. Konstitucionnaya ideologiya i ee filosofskie obosnovaniya // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. 2016. №4(20). S.9-15.
14. Zinov'ev I.P., Kolesnikov Yu.A., Mel'nikov V.Yu. Ideologiya kak obshchestvennyj i gosudarstvennyj institut // Social'no-politicheskie nauki. 2016. № 4. S. 196-200.
15. Abakumova E.B. K voprosu pravovogo znacheniya gosudarstvennoj ideologii v Rossijskoj federacii // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2018. № 2. S. 51-57.
16. Zakon Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 14.03.2020 N 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti» // SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya – 30.04.2022 g.).

**УПОРОВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ** – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России (kiap\_krdu@mvd.ru).

**ШЕУДЖЕН НУРДИН АСЛАНОВИЧ** - кандидат исторических наук, доцент, Краснодарский университет МВД России (kiap\_krdu@mvd.ru).

**ШВЕЦ А.А.** - кандидат юридических наук, доцент, Краснодарский университет МВД России (kiap\_krdu@mvd.ru).

**UPOROV, IVAN V.** - Doctor of History, Ph.D. in Law, Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

**SHEUDZHEN, NURDIN A.** – Ph.D. in History, Associate Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (kiap\_krdu@mvd.ru).

**SHVETS, A.A.** - Ph.D. in Law, Associate Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

УДК 342.58

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-31-36

**ЧЕРКЕСОВА Л.И.**

## **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РСФСР: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

**Ключевые слова:** Государственный совет РСФСР, Госсовет, совещательный орган, Госсекретарь РСФСР, Госсоветник РСФСР.

Государственный орган, содержащий в своем наименовании слова «государственный совет», образовывался и функционировал в России не единожды. Это совещательный орган при Императоре – Государственный совет Российской империи 1810-1906 годов; верхняя палата Парламента – Государственный совет Российской империи 1906-1917 годов; Государственный совет РСФСР 1991 года; Государственный совет Российской Федерации 2000 года и получивший статус конституционного государственного органа – Государственный совет Российской Федерации 2020 года. Осмысление современных процессов формирования и функционирования, как системы органов государственной власти, так и отдельных государственных органов происходит через призму историко-правовых процессов. При наличии многочисленных исследований ученых историков, политиков и правоведов эволюции Госсоветов Российской империи и Российской Федерации попытки научной оценки Госсовета РСФСР безосновательно не предпринимались. Данная статья источниковедческого характера, содержит результаты исследования порядка формирования и функционирования Госсовета РСФСР 1991 года.

**CHERKESOVA, L.I.**

**STATE COUNCIL OF THE RSFSR: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS**

**Key words:** The State Council of the RSFSR, the State Council, the advisory body, the State Secretary of the RSFSR, the State Counselor of the RSFSR.

The state body, which contains the words "state council" in its name, was formed and functioned in Russia more than once. These are: the advisory body under the Emperor - the State Council of the Russian Empire in 1810-1906; the upper house of Parliament is the State Council of the Russian Empire of 1906-1917; State Council of the RSFSR in 1991; The State Council of the Russian Federation in 2000 and received the status of a constitutional state body - the State Council of the Russian Federation in 2020. Comprehension of modern processes of formation and functioning of both the system of state authorities and individual state bodies occurs through the prism of historical and legal processes. In the presence of numerous studies by historians, politicians and legal scholars of the evolution of the State Councils of the Russian Empire and the Russian Federation, attempts to scientifically assess the State Council of the RSFSR were not groundlessly made. This article is of a source study nature, contains the results of a study of the order of formation and functioning of the State Council of the RSFSR in 1991.

Девяностые годы прошлого века – время перемен и потрясений. Март 1990 года был ознаменован III Внеочередным Съездом народных депутатов СССР, отменой монопольного положения КПСС, провозглашением многопартийной политической системы, введением поста

президента [1] и другими событиями. В это время были сформированы правовые институциональные предпосылки многопартийности, как фактора размежевания власти и формирования нового облика гражданского общества [2, с.11]. Все это открывало широкие возможности для эволюционного развития гражданского общества и политической системы России, внедрения демократических принципов, создания правового государства, проведения экономических и политических реформ. На фоне разрастающегося кризиса власти, предстоящей трансформации и переформатирования государственного устройства, в РСФСР возникла острая необходимость создания коллегиального государственного органа, способствующего Президенту РСФСР в вопросах формирования стратегии национального развития и координации деятельности органов государственного управления. Указом Президента РСФСР от 19 июля 1991 года [3] был образован Государственный совет при Президенте РСФСР (Госсовет РСФСР) со статусом постоянно действующего совещательного органа.

К сожалению, деятельность Госсовета РСФСР практически не освещена ни учеными, ни политиками – о нем лишь упоминают в работах, посвященных госсоветам иных периодов функционирования государства. Вероятно, данный факт обусловлен слишком коротким сроком его существования, а также отсутствием каких-либо доступных документов, характеризующих результаты его функционирования. Полагаем, что при осмыслении историко-правовых аспектов государственных органов, носивших название «государственный совет», возникает необходимость дать оценку и Госсовету РСФСР, чтобы исключить в дальнейшем допущенные в прошлом изъяны при его формировании и функционировании.

В августе 1991 года было утверждено Положение о Государственном совете при Президенте РСФСР [4] (далее – Положение), которым определены задачи и порядок организации его деятельности. Задачи, поставленные перед Госсоветом РСФСР (раздел 2 Положения), являлись весьма многоплановыми. Условно их можно сгруппировать по трем группам:

1 группа – глобальные, конституционного уровня: подготовка стратегических документов в различных областях, в том числе по вопросам государственной безопасности и внешней политики; обеспечение суверенитета и целостности территории республики; определение направлений реформы исполнительной власти, экономической реформы и бюджетной политики; формирование вектора развития законодательства посредством законотворческой деятельности Президента РСФСР.

2 группа – прикладные: определение механизмов повышения эффективности реализации стратегии общенационального развития, деятельности органов госуправления РСФСР; анализ проведения экономической реформы; подготовка долгосрочных и краткосрочных программ и проектов по различным вопросам экономической и социальной политики; рассмотрение законопроектов и проектов иных нормативных правовых актов и подготовка проектов указов Президента РСФСР по вопросам внутренней и внешней политики.

3 группа – управленческие: обеспечение взаимодействия Президента РСФСР и органов госуправления РСФСР с органами управления Союза ССР, союзных республик, с политическими партиями, общественными и религиозными организациями; координации деятельности органов госуправления РСФСР.

Можно констатировать, что деятельность Госсовета РСФСР охватывала практически все направления внешней и внутренней политики республики. Широкомасштабность и фундаментальность стоявших перед Госсоветом РСФСР задач, высокий уровень персонального состава (без права замены), а также тот факт, что возглавлял его Президент РСФСР, с одной стороны, подчеркивают стратегическую и политическую значимость данного органа. Однако, с другой стороны, совещательный статус и указание в Положении на рекомендательный характер выработанных им решений в некоторой степени снижали отводимую ему роль в происходящих трансформационных государственных процессах.

Примечательно, что перечень задач далеко выходил за рамки целей его создания, сформулированных в определении понятия Госсовета РСФСР (раздел 1 Положения) - разработка стратегии общенационального развития и координация деятельности органов государственного управления РСФСР по реализации данной стратегии.

Весьма важным являлся принцип формирования Госсовета РСФСР, поскольку именно он оказал существенное влияние на эффективность деятельности данной структуры. Указом о

создании Госсовета РСФСР был утвержден его состав в количестве 17 должностных лиц (в августе - октябре состав Госсовета был дополнен еще 5 должностными лицами [5-8]). Госсовет РСФСР возглавлял Президент РСФСР. В состав Госсовета РСФСР входили Вице-президент, Председатель Совета Министров РСФСР, Государственный секретарь РСФСР, начальник Контрольного управления Администрации Президента РСФСР, руководители ключевых органов государственной власти РСФСР (министерства внутренних дел, иностранных дел, финансов, юстиции, печати и массовой информации, Комитета государственной безопасности, Государственных комитетов по оборонным вопросам, по делам науки и высшей школы), а также девять государственных советников по различным сферам функционирования государства (экономической, правовой, обороне, безопасности, федеративным вопросам, экологии и здравоохранению, образованию и культуре и др.).

При этом должности Госсекретаря РСФСР и Госссоветников РСФСР, учрежденные Президентом РСФСР непосредственно для Госсовета РСФСР, назначение и освобождение от которых отнесено к компетенции Президента РСФСР (разделы 4 и 5 Положения), являлись новеллой. Госсекретарь РСФСР являлся ключевой фигурой Госсовета РСФСР (после Президента РСФСР), организатором и координатором его деятельности, а также председателем в отсутствие Президента РСФСР. Положением о Государственном секретаре РСФСР и его Канцелярии (распоряжение Президента РСФСР от 14.08.1991 № 17-рп) закреплялись функции и полномочия Госсекретаря РСФСР. При этом функции Госсекретаря РСФСР дублировали задачи Госсовета РСФСР в части координации деятельности органов госуправления по вопросам внешней политики, госбезопасности, суверенитета и территориальной целостности. Более того, анализ полномочий и функций Госсекретаря РСФСР демонстрирует высокий уровень значимости данной должности не только в деятельности Госсовета РСФСР, но и в республике в целом.

На протяжении всего времени существования Госсовета РСФСР должность Госсекретаря РСФСР занимал Г.Э. Бурбулис, успешно организовавший победу Б.Н. Ельцина на выборах Президента РСФСР. Как функционально значимая должность, так и приближенность к Б.Н. Ельцину позволили Г.Э. Бурбулису, по существу, стать вторым лицом республики и оказывать существенное влияние на принятие судьбоносных решений.

Как уже отмечалось выше, в состав Госсовета РСФСР была включена государственная должность – Государственный советник РСФСР, которая также являлась нововведением в перечне государственных должностей рассматриваемого периода. В отличие от министров и руководителей комитетов, входивших в состав Госсовета РСФСР, Госссоветникам РСФСР в Положении о Государственном совете при Президенте РСФСР посвящен отдельный раздел 5, в котором указывалось на особый статус данных членов Госсовета РСФСР и на наличие дополнительных функций и полномочий, которые определялись специальными положениями [9-12]. Такого рода конструкция состава Госсовета РСФСР, условно и не только, поделила его на два блока – госссоветники и «рядовые» министры. При этом госссоветники, наделенные административной властью, позиционировали себя как высшие руководители республики, подменяя собой соответствующих их полномочиям руководителей органов госуправления, либо давая им указания и контролируя их деятельность [13, с. 228], что препятствовало работе министров, дезорганизовывало, лишало возможности проявления инициативы и креативности. Все вопросы с Президентом РСФСР решались только через Госсекретаря РСФСР, либо Госссоветников РСФСР. Документы и проекты нормативных правовых актов проходили оценку Госссоветниками РСФСР, затем Госсекретарем и, соответственно, подвергались корректировке, что не позволяло простым министрам донести свою позицию до Президента РСФСР.

Следствием сложившихся взаимоотношений и порядка организации работы Госсовета РСФСР являлось возникшее противостояние этих двух блоков, «дворцовые интриги», борьба за влияние. Очень точно Госсовет РСФСР охарактеризовал Министр юстиции РСФСР Н.В. Федоров: «Госсовет — это такая неконституционная опухоль при президенте» [14]. Отдельные министры (А.В. Козырев, М.Н. Полторанин, Н.В. Федоров) высказывались за реорганизацию Госсовета РСФСР. Однако, учитывая сильную позицию Председателя Совета Министров РСФСР И.С. Силаева, а также возможность использовать Госсовет РСФСР в качестве инструмента противодействия аппарату премьер-министра, они так и не решились данное мнение довести до Президента РСФСР.

Безусловно, происходящее оказало прямое воздействие на эффективность деятельности Госсовета РСФСР. Можно резюмировать, что за весь период его существования не было принято каких-либо существенных, реально государственно-значимых решений. Имеющийся потенциал не был использован в силу сложившихся обстоятельств, деятельность его была практически незаметна [13, с. 228]. Роль и место Госсовета РСФСР в системе органов госуправления РСФСР представлялись неопределенными не только ввиду отсутствия эффективности деятельности, но и в связи с возникающими вопросами о правомерности его создания. В то же время легитимизацию правового статуса Госсовета РСФСР предполагалось обеспечить Конституцией, в частности, в проекте Конституции Российской Федерации от 24 октября 1991 г. [15, с. 592] содержалась статья 101 Главы XVIII, касающаяся Госсовета, по существу дублировавшая положения Указов Президента РСФСР. Однако Б.Н. Ельцин, усмотрев в этом (закрепление конституционного статуса) вероятность усиления политической силы Госсовета, позволяющее ему стать органом, ограничивающим его властные полномочия [13, с. 228]. При проведении провозглашенных в октябре 1991 года радикальных экономических реформ [16], на время которых Президент РСФСР сам возглавил Правительство РСФСР [17], такое положение было нежелательно, поскольку могло замедлять процесс принятия политически и экономически судьбоносных для России программ и решений, существенным образом отразится на их содержательной составляющей, а также темпах и качестве реализации принятых программ и решений.

В результате, в ноябре 1991 года Президентом РСФСР было принято решение сконцентрировать власть на площадке реорганизованного для проведения реформ Правительства РСФСР. Учитывая вышеизложенное, а также наличие конституционного органа под руководством Президента РСФСР [18] - Совета безопасности РСФСР [19], был сделан вывод о потере актуальности Госсовета РСФСР и принято решение о его ликвидации [20].

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что необходимость образования постоянно действующего совещательного органа, возглавляемого Президентом РСФСР (Госсовет РСФСР), была обусловлена внутренними и внешними аспектами, такими как политическая трансформация, переформатирование власти и государственного устройства. Госсовет РСФСР, наделенный широким кругом полномочий, включавших в себя подготовку стратегических документов и определение векторов развития в области внешней и внутренней политики, государственной безопасности, общенационального развития, трансформации исполнительной власти, а также координатора реализации программ и проектов, в том числе законотворческой деятельности, вполне мог бы занять ключевую позицию в системе органов госуправления РСФСР.

Однако за время своего существования Госсовет РСФСР практически никак не обозначил себя в качестве ведущего, доминирующего органа при принятии решений Президентом РСФСР. Причиной послужило несколько факторов: во-первых, рекомендательный характер его решений, во-вторых, отсутствие судьбоносных системных решений ввиду внутренней несогласованности и разобщенности действий членов Госсовета РСФСР, возникших в связи со спецификой его формирования. Проблемы эффективности функционирования Госсовета РСФСР были заложены при определении его состава, способствовавшего размежеванию на две диаметрально противоположные группы – «простые министры» и Государственные советники (наделяемые целым рядом дополнительных административно-властных полномочий) и породившего конфликты, дезорганизацию, отсутствие инициативы и разобщенность.

Ликвидация Госсовета РСФСР была предрешена не только бездеятельностью, но и опасением, что при его конституционно-правовой легитимизации уровень политической значимости данного органа будет значительно усилен и, соответственно, появится возможность стать сдерживающим фактором, ограничивающим власть Президента РСФСР при проведении радикальных экономических реформ. Госсовет РСФСР, просуществовав неполные четыре месяца и даже не сформировав полного комплекта правоустанавливающих документов (не были приняты все предусмотренные Указами Президента РСФСР нормативные правовые документы), регламентирующей его деятельность, канул в небытие, не оставив ни в истории, ни в политической жизни республики в какой-то мере значимых решений.

### Литература и источники.

1. Закон СССР от 14.03.1990 № 1360-1 «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) СССР» // URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/zakony/185465/>? (дата обращения 24.04.2022.).

2. Оломпиев К.С. Властные институты и гражданское общество: эволюция взаимоотношений в переходный период отечественной истории (1985-1991 годы). // *Ars Administrandi. Искусство управления*. 2017. Т. 9. № 1.
3. Указ Президента РСФСР от 19.07.1991 № 12 «О Государственном совете при Президенте РСФСР». // URL: 20-gossovet-aprf.pdf (rusarchives.ru) (дата обращения 04.04.2022.).
4. Распоряжение Президента РСФСР от 14.08.1991 № 17-рп «Об утверждении Положения о Государственном совете при Президенте РСФСР и о Государственном секретаре РСФСР и его Канцелярии». // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/106> (дата обращения: 10.04.2022.).
5. Указ Президента РСФСР от 14.08.1991 № 46 «О дополнении состава Государственного совета при Президенте РСФСР» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/99> (дата обращения: 10.04.2022.).
6. Указ Президента РСФСР от 10.09.1991 № 114 «О дополнении состава Государственного совета при Президенте РСФСР» // URL:<http://kremlin.ru/acts/bank/181> (дата обращения: 10.04.2022.).
7. Указ Президента РСФСР от 13.09.1991 № 118«О дополнении состава Государственного совета при Президенте РСФСР» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/190> (дата обращения: 10.04.2022.).
8. Указ Президента РСФСР от 22.10.1991 № 150«О дополнении состава Государственного совета при Президенте РСФСР» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/326> (дата обращения: 10.04.2022.).
9. Распоряжение Президента РСФСР от 13.08.1991. № 16-рп «Об утверждении Положения о Государственном советнике РСФСР по правовой политике и его Службе». // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/97> (дата обращения: 10.04.2022.).
10. Распоряжение Президента РСФСР от 07.10.1991. № 51-рп «Об утверждении Положения о Государственном советнике РСФСР по экологии и здравоохранению и его Службе». // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/258> (дата обращения: 10.04.2022.).
11. Распоряжение Президента РСФСР от 20.10.1991. № 61-рп «Об утверждении Положения о Государственном советнике РСФСР по обороне и его Службе». // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/310> (дата обращения: 10.04.2022.).
12. Распоряжение Президента РСФСР от 25.10.1991. № 65-рп «Об утверждении Положения о Государственном советнике РСФСР по взаимодействию с общественными объединениями и его Службе». // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/339> (дата обращения: 10.04.2022.).
13. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015.
14. Поспелова Ю. Госсовет РСФСР упразднен // *Коммерсант Власть*. 1991. 11 ноября. № 43.
15. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. Т. 2: 1991 год / под общ.ред. О.Г. Румянцева. М.: ВолтерсКлувер, 2008.
16. Выступление Президента РСФСР Б.Н. Ельцина на 13 заседании V Съезда народных депутатов РСФСР 28 октября 1991 года. // Стенограмма 13 заседания V Съезда народных депутатов РСФСР от 28.10.1991. // URL: [gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/707](http://gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/707) (дата обращения 22.04.2022.).
17. Указ Президента РСФСР от 06.11.1991. № 171 «О реорганизации Правительства РСФСР» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/381> (дата обращения: 10.04.2022.).
18. Закон РСФСР от 24.04.1991. № 1098-1 «О Президенте РСФСР.» // URL:[pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011228&rdk=&backlink=1&ysclid=l2ejflsm88](http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011228&rdk=&backlink=1&ysclid=l2ejflsm88) (дата обращения: 25.04.2022.).
19. Закон РСФСР от 24.05.1991. № 1326-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР». // URL: <https://geostart.ru/doc/read/15434/4> (дата обращения: 21.04.2022.).
20. Указ Президента РСФСР от 06.11.1992. № 172 «Об организации работы Правительства РСФСР в условиях экономической реформы.» // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=29844&> (дата обращения: 21.04.2022.).

**References and Sources**

1. Zakon SSSR ot 14.03.1990 № 1360-1 «Ob uchrezhdenii posta Prezidenta SSSR i vnesenii izmenenij i dopolnenij v Konstituciyu (Osnovnoj zakon) SSSR» // URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/zakony/185465/> (data obrashcheniya 24.04.2022.).
2. Olompiev K.S. Vlastnye instituty i grazhdanskoe obshchestvo: evolyuciya vzaimootnoshenij v perekhodnyj period otechestvennoj istorii (1985-1991 gody). // *Ars Administrandi. Iskusstvo upravleniya*. 2017. T. 9. № 1.
3. Ukaz Prezidenta RSFSR ot 19.07.1991 № 12 «O Gosudarstvennom sovete pri Prezidente RSFSR». // URL: 20-gossovet-aprf.pdf (rusarchives.ru) (data obrashcheniya 04.04.2022.).
4. Rasporyazhenie Prezidenta RSFSR ot 14.08.1991 № 17-рп «Ob utverzhdenii Polozheniya o Gosudarstvennom sovete pri Prezidente RSFSR i o Gosudarstvennom sekretare RSFSR i ego Kancelyarii». // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/106> (data obrashcheniya: 10.04.2022.).
5. Ukaz Prezidenta RSFSR ot 14.08.1991 № 46 «O dopolnenii sostava Gosudarstvennogo soveta pri Prezidente RSFSR» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/99> (data obrashcheniya: 10.04.2022.).
6. Ukaz Prezidenta RSFSR ot 10.09.1991 № 114 «O dopolnenii sostava Gosudarstvennogo soveta pri Prezidente RSFSR» // URL:<http://kremlin.ru/acts/bank/181> (data obrashcheniya: 10.04.2022.).
7. Ukaz Prezidenta RSFSR ot 13.09.1991 № 118«O dopolnenii sostava Gosudarstvennogo soveta pri Prezidente RSFSR» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/190> (data obrashcheniya: 10.04.2022.).
8. Ukaz Prezidenta RSFSR ot 22.10.1991 № 150«O dopolnenii sostava Gosudarstvennogo soveta pri Prezidente RSFSR» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/326> (data obrashcheniya: 10.04.2022.).
9. Rasporyazhenie Prezidenta RSFSR ot 13.08.1991. № 16-рп «Ob utverzhdenii Polozheniya o Gosudarstvennom sovetnike RSFSR po pravovoj politike i ego Sluzhbe». // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/97> (data obrashcheniya: 10.04.2022.).
10. Rasporyazhenie Prezidenta RSFSR ot 07.10.1991. № 51-рп «Ob utverzhdenii Polozheniya o Gosudarstvennom sovetnike RSFSR po ekologii i zdorooxraneniyu i ego Sluzhbe». // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/258> (data obrashcheniya: 10.04.2022.).
11. Rasporyazhenie Prezidenta RSFSR ot 20.10.1991. № 61-рп «Ob utverzhdenii Polozheniya o Gosudarstvennom sovetnike RSFSR po oborone i ego Sluzhbe». // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/310> (data obrashcheniya: 10.04.2022.).
12. Rasporyazhenie Prezidenta RSFSR ot 25.10.1991. № 65-рп «Ob utverzhdenii Polozheniya o Gosudarstvennom sovetnike RSFSR po vzaimodejstviyu s obshchestvennymi ob"edineniyami i ego Sluzhbe». // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/339> (data obrashcheniya: 10.04.2022.).
13. Avak'yan S.A. Konstitucionnyj leksikon: Gosudarstvenno-pravovoj terminologicheskij slovar'. M.: YUsticinform, 2015.
14. Pospelova YU. Gossovets RSFSR uprazhden // *Komersant Vlast'*. 1991. 11 noyabrya. № 43.
15. Iz istorii sozdaniya Konstitucii Rossijskoj Federacii. Konstitucionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993 gg.): v 6 t. T. 2: 1991 god / pod obshch.red. O.G. Rumyanцева. M.: VoltersKluver, 2008.
16. Vystuplenie Prezidenta RSFSR B.N. El'cina na 13 zasedanii V S"ezda narodnyh deputatov RSFSR 28 oktyabrya 1991 goda. // Stenogramma 13 zasedaniya V S"ezda narodnyh deputatov RSFSR ot 28.10.1991. // URL: [gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/707](http://gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/707) (data obrashcheniya 22.04.2022.).

17. Ukaz Prezidenta RSFSR ot 06.11.1991. № 171 «O reorganizacii Pravitel'stva RSFSR» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/381> (data obrashcheniya: 10.04.2022).
18. Zakon RSFSR ot 24.04.1991. № 1098-I «O Prezidente RSFSR.» // URL: [pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011228&rdk=&backlink=1&ysclid=12ejflsm88](http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011228&rdk=&backlink=1&ysclid=12ejflsm88) (data obrashcheniya: 25.04.2022.).
19. Zakon RSFSR ot 24.05.1991. № 1326-1 «Ob izmeneniyah i dopolneniyah Konstitucii (Osnovnogo Zakona) RSFSR.» // URL: <https://geostart.ru/doc/read/15434/4> (data obrashcheniya: 21.04.2022.).
20. Ukaz Prezidenta RSFSR ot 06.11.1992. № 172 «Ob organizacii raboty Pravitel'stva RSFSR v usloviyah ekonomicheskoy reformy.» // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=29844&> (data obrashcheniya: 21.04.2022.).

**ЧЕРКЕСОВА ЛАРИСА ИВАНОВНА** – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН (L5060412@mail.ru).

**SHERKESOVA, LARISA I.** - PhD in Law, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

УДК 340.114.5/6

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-36-39

**ЯРМОНОВА Е.Н.**

## **К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

**Ключевые слова:** правовая культура, правоприменительная деятельность законотворческая деятельность, правовой нигилизм, общественные отношения, нормативно-правовые акты.

В статье дан анализ феномена правового нигилизма, рассмотрены различные подходы к этому понятию, дано соотношение понятий правовая культура и правовой нигилизм. В рамках исследования акцентируется внимание на причинах и видах правового нигилизма. Отмечается, что правовой нигилизм выступает явлением, присущим как российскому обществу, так и другим социумам. Он присутствует постоянно, хотя его формы меняются на протяжении истории. Наиболее распространенной объективной причиной правового нигилизма является несовершенство нормативно-правового регулирования наиболее важных общественных отношений. Такое несовершенство может объясняться, как невозможностью своевременно вносить изменения в ходе быстро меняющихся жизненных обстоятельств, так и возникшими противоречиями при несоответствии нормативно-правовых актов различного уровня, например, федерального, регионального и муниципального. В статье определено, что правовой нигилизм разрушает все основания построения гражданского общества и правового государства в нашей стране.

**YARMONOVA, E.N.**

**LEGAL NIHILISM AND DOMESTIC LEGAL CULTURE**

**Key words:** legal culture, legal nihilism, law enforcement activity, legislative activity, public relations, normative legal acts.

The article provides an analysis of legal nihilism, considers various approaches to this concept, and gives the relationship between the concepts of legal culture and legal nihilism. The study focuses on the causes and types of legal nihilism. It is noted that legal nihilism is a phenomenon inherent in both Russian society and other societies. It is constantly present, although its forms change throughout history. The most common objective reason for legal nihilism is the imperfection of legal regulation of the most important social relations. Such imperfection can be explained both by the inability to make timely changes in the course of rapidly changing life circumstances, and by the contradictions that have arisen due to inconsistencies in regulatory legal acts at various levels, for example, federal, regional and municipal. The article determines that legal nihilism destroys all the foundations for building civil society and the rule of law in our country.

Рассматривая соотношение правовой культуры и правового нигилизма следует признать, что эти понятия неразрывно связаны. Понятие правового нигилизма имеет долгую историю, и подход к его характеристике был в течение длительного времени весьма неоднозначным. Ситуация дополнительно осложняется тем, что очень часто правовой нигилизм развивается в совокупности с другими видами нигилизма – нравственным, идеологическим, политическим и другими. В этой связи отметим, что само понятие нигилизм имеет происхождение от латинского термина, который дословно можно перевести как ничто. Само это слово дает возможность видеть в целом негативный подход к пониманию и самого явления, который наиболее часто встречается в современной юридической науке в отношении к данному понятию.

Анализ понятия правового нигилизма невозможен без изучения признаков правового нигилизма. Можно выделить следующие признаки правового нигилизма, которые позволяют более подробно проанализировать данное понятие и еще более подробно остановиться на соотношении правового нигилизма с правовой культурой:

- отсутствие положительных оценок основных правовых явлений;
- наличие деструктивного отношения к правовым нормам, установленным в государстве;
- жестко критичное отношение к общечеловеческим ценностям и негативное отношение к ним.

Рассматривая правовой нигилизм, можно столкнуться с разнообразными подходами к его определению. Все эти определения основываются, как правило, на характеристике устойчивого негативного отношения к праву, которое формируется или у отдельно взятого индивида или в целом в общественном сознании. Выражая основы правового нигилизма, субъекты отрицают



социальную ценность права, отказываются признавать необходимость создавать обеспечение приоритетов личности в любом развитом современном обществе. Помимо негативного отношения к праву, лица, поведение которых отличает правовой нигилизм, готовы достигать поставленных целей неправовыми средствами. Даже при осуществлении действий, соответствующих нормативно правовым актам, данные субъекты делают это только под угрозой наказания, либо в каких-либо корыстных целях.

В качестве причин развития правового нигилизма можно выделить отсутствие экономической и политической стабильности в обществе, развитие криминогенной обстановки, социальную несправедливость, коррупционность в деятельности чиновничьего аппарата и т.д. Помимо субъективных оснований развития правового нигилизма, таких как низкий уровень правовой культуры и правосознания, учеными юристами выделяются и объективные причины такие как, например, коллизии законодательства. Данные противоречия могут возникать на различных уровнях, в том числе при наличии противоречий между федеральным законодательством, законодательством субъектов федерации и актами, принимаемыми на муниципальном уровне. В частности, по мнению Л.П. Рассказова: «в новейшей российской истории правовой нигилизм получил «подкрепление» в результате «войны законов» между союзным центром и российским, провозглашения политики безбрежного суверенитета, несогласованности действий представительных и исполнительных органов на всех уровнях, не отлаженности механизма приведения в действие принимаемых законов, длительности процесса осуществления реформ, подмены законности целесообразностью» [1, с. 265].

Объективные причины правового нигилизма оперативно устраняются, налаживается достойный уровень законотворческой деятельности, устраняются противоречия в нормативных актах различного уровня. Более сложно происходит устранение субъективных причин правового нигилизма. Только длительная работа в сфере правового воспитания, правосознания и повышения правовой культуры могут повлиять на устранение правового нигилизма. Такое изменение проходит на протяжении длительного времени. Многие авторы отмечают, что подобные изменения могут происходить на протяжении нескольких поколений, так как правовые подходы и традиции часто передаются также из поколения в поколение.

Для российской правовой практики в отдельных случаях характерно недостаточно высокое уважение к праву. Отдельные категории индивидов проявляют негативное отношение ко многим правовым явлениям. Субъекты права, как индивидуальные, так и коллективные, в обыденной жизни регулярно проявляют неуважение к праву. Встречаются случаи, когда субъекты права проявляют желание тем или иным образом обойти закон. При этом они часто пытаются решить свои проблемы не правовыми средствами, а с использованием связей с нужными людьми или с применением материальной или иной заинтересованности по отношению к тем лицам, которые могут решить их проблемы. В данной связи степень правового нигилизма у различных индивидов или определенного социального слоя общества оценивается неоднозначно.

Крайним проявлением правового нигилизма можно рассматривать идейные положения и нормы, которые сформированы в преступной среде. Такие взгляды и идеи прямо противоположны идеям законности и уважения права. Распространение идей правового нигилизма в обществе приводит к росту преступности и формированию криминогенной обстановки в государстве.

Отдельно необходимо остановиться также на состоянии духовности общества. Чем уровень духовности данного народа и отдельных его индивидов и социальных групп выше, тем проще проводить мероприятия по устранению причин правового нигилизма и повышению уровня правосознания.

Правовой нигилизм на обыденном уровне проявляется в правовой неосведомленности и недоверии к праву. Такую точку зрения высказывают, в частности, Лазарев В.В. и Липень С.В. Низкая правовая культура населения (основой которой является правосознание) стала особенно заметна с развитием демократизации политической жизни общества, либерализации экономики [2, с. 335]. В советский период нашей истории проблемам правового нигилизма и развитию правовой культуры уделялось недостаточно внимания. На практике такие проблемы существовали, но в теории замалчивались и сглаживались.

Понятие правового нигилизма дает Н.И. Матузов, рассматривая его как «негативное отношение субъекта (группы, класса) к определенным ценностям, нормам, взглядам, идеалам, а

подчас и всем сторонам человеческого бытия». Сущность же правового нигилизма, по мнению ученого, состоит «в общем негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку» [3, с. 689].

Следует также остановиться на таких вопросах как низкая подготовленность граждан к участию в правовой жизни общества, а также особое отношение к праву данных субъектов. Эти аспекты тоже могут быть рассмотрены как причины возникновения правового нигилизма. Основы правового нигилизма состоят во многом в низком правовом воспитании большинства населения. Проведение мероприятий по правовому воспитанию граждан должно рассматриваться в рамках целого комплекса мер, которые направлены на преодоление основ возникновения правового нигилизма. Особое внимание следует уделить тотальному правовому нигилизму, который присутствует не только в сознании обычных граждан, но и присущ специалистам в области права и лицам, выполняющим управленческие функции. Правовой нигилизм сотрудников правоохранительных органов и лиц, которые осуществляют бюрократические функции, представляет отдельную серьезную проблему, так как именно он существенно влияет на правоприменительную практику и может способствовать развитию правового нигилизма у широких групп населения.

Правовой нигилизм выступает явлением, присущим как российской, так и мировой повседневности. Он присутствует регулярно, хотя его формы меняются на протяжении всей истории. Меняются не только формы проявления и существования правового нигилизма, но и его основания. Наиболее распространенной объективной причиной этого является несовершенство нормативно-правового регулирования наиболее важных общественных отношений. Такое несовершенство может объясняться, как невозможностью своевременно вносить изменения в ходе быстро меняющихся жизненных обстоятельств, появления новых сфер жизни общества, так и возникшими противоречиями при несоответствии нормативно-правовых актов различного уровня, например, федерального, регионального и муниципального. Помимо таких объективных причин несовершенства правового регулирования, существуют и субъективные причины, обусловленные несовершенством работы законодательных органов. Отдельно в качестве основания правового нигилизма можно рассматривать правоприменительную деятельность государственных органов и должностных лиц, судебную и административную практику. Несоответствие представлений индивида о праве и других правовых явлениях, входящих в правовую систему, приводят к формированию правового нигилизма. При этом отдельные элементы правового нигилизма могут пронизывать все общество.

Правовой нигилизм в качестве своих оснований имеет также психологическое основание. В данном случае следует говорить об определенной совокупности чувств и идей, которые возникают у общества по отношению к праву. Психологическая основа правового нигилизма имеет сложный и не устойчивый характер, одним из их основных признаков является изменчивость под воздействием каких-либо обстоятельств. Данные психологические основания порождаются в большинстве своем неудовлетворенностью субъектами правового регулирования. В отдельных случаях неудовлетворенность может возникать на основании правоприменительной деятельности, которая не отражает все положительные моменты действующих правовых норм под воздействием коррупционных и иных негативных проявлений. Все это приводит к тому, что у большей части населения возникают негативные эмоции по отношению к отдельным нормам права или всему праву, что, при отсутствии достаточных знаний о праве, приводит к развитию правового нигилизма. Так неудовлетворенность правового регулирования в отдельных сферах может приводить к неудовлетворенности всем государственно-правовым механизмом. Проанализировав эту ситуацию можно говорить о том, что для устранения правового нигилизма следует осуществлять меры по устранению недостатков механизма правового регулирования.

Соотношение правовой культуры и правового нигилизма обусловлено зависимостью данных явлений от правосознания. Причем эти правовые понятия существуют и развиваются одновременно. Важнейшим показателем правовой культуры общества выступает уровень правосознания общества [4]. При низком уровне правосознания в обществе или в отдельных слоях населения правовая культура не может находиться на должном уровне. В этой связи следует осуществлять работу по информационному обеспечению повышения уровня правосознания и повышения правовой культуры. Особое значение в данной работе должны сыграть средства

массовой информации, призванные содействовать формированию правового сознания и общественного мнения. Помимо средств массовой информации, пропаганда правовых знаний должна возлагаться и на другие субъекты права.

Рассматривая правовой нигилизм, как основание увеличения преступности, можно говорить о том, что деятельность по его преодолению является наиболее важной и может рассматриваться как первейшая цель деятельности государства, отдельных государственных органов и должностных лиц. Построение правового государства и формирование развитого гражданского общества невозможно без устранения правового нигилизма в обществе. Устранение правового нигилизма имеет большое практическое значение, так как правовой нигилизм можно рассматривать как основание развития преступности в государстве.

Правовой нигилизм составляет угрозу для развития любого общества, в том числе и российского. Наличие в обществе в целом или в отдельных его слоях большого количества граждан, для которых характерно отсутствие высокого уровня правосознания, приводит к необходимости осуществления различных мер по устранению правового нигилизма и повышению уровня правовой культуры. В этой связи следует уделять особое внимание повышению уровня правосознания и правовой культуры подростков и молодежи. Необходимо проводить занятия с этой категорией граждан, устраняя правовой нигилизм, повышая уважение к праву и устраняя пробелы в знаниях права. В современной ситуации следует особое внимание уделить изменениям в административном и уголовном законодательстве в сфере ответственности за правонарушения террористической и экстремистской направленности. Такие занятия не только послужат устранению правового нигилизма, но и обеспечат профилактику преступлений террористической и экстремистской направленности.

#### Литература и источники

1. Рассказов Л.П. Теория государства и права: учебник. М.: Риор, 2016.
2. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019.
3. Матузов Н.И., Воротников А.А., Кулапов В.Л. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А. В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юр. Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2018.
4. Ярмонова Е.Н. Основные подходы к исследованию правовой культуры в современной юридической науке// Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 2. С. 120-126.

#### References and Sources

1. Rasskazov L.P. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: Rior, 2016.
2. Lazarev V.V., Lipen' S.V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. 5-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2019.
3. Matuzov N.I., Vorotnikov A.A., Kulapov V.L. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lekciy / pod red. N.I. Matuzova, A. V. Mal'ko. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Yur. Norma: NIC INFRA-M, 2018.
4. Yarmonova E.N. Osnovnye podhody k issledovaniyu pravovoj kul'tury v sovremennoj yuridicheskoy nauke// Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2021. № 2. S. 120-126.

**ЯРМОНОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА** – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой правовых дисциплин филиала Кубанского государственного университета в г. Армавир (vlada02@mail.ru)

**YARMONOVA, ELENA N.** - Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Legal Disciplines of the branch of the Kuban State University in Armavir (vlada02@mail.ru)

УДК 340.155.8:347.19

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-39-45

### **ЛУНЕВА Е.В., ПОГОДИНА О.Н., ФИЛИНОВ В.П., МАТВЕЕВ П.А. ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНЕ И НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

**Ключевые слова:** гражданское право, юридическое лицо, теории юридического лица, признаки юридических лиц.

В статье представлен широкий спектр мнений отечественных и зарубежных ученых, характеризующих юридическое лицо, как правовой феномен. В числе самых популярных и распространенных теорий правовой природы юридического лица авторы выделяют теорию фикции, теорию реальности, теорию целевого имущества, теорию интереса, а также теорию искусственной правосубъектности. Сложность указанного феномена не позволяет выработать универсальную теоретическую концепцию. Отмечается, что в Российской Федерации в нормативно закрепленных признаках юридического лица явно прослеживается теория искусственной правосубъектности. В рамках данной теории законодатель определяет юридическое лицо как обладающую обособленным имуществом организацию, отвечающую данным имуществом по своим самостоятельно приобретенным и реализуемым обязательствам.

**LUNEVA, E.V., POGODINA, O.N., FILINOV, V.P., MATVEEV, P.A.**

**BASIC THEORIES OF THE LEGAL NATURE OF A LEGAL ENTITY IN MODERN DOCTRINE AND THE NORMATIVE CONSOLIDATION OF THE SIGNS OF A LEGAL ENTITY IN DOMESTIC LEGISLATION**

**Key words:** civil law, legal entity, theories of a legal entity, signs of legal entities.

The article presents a wide range of opinions of domestic and foreign scientists characterizing a legal entity as a legal phenomenon. Among the most popular and widespread theories of the legal nature of a legal entity, the authors distinguish the theory of fiction, the theory of reality, the theory of target property, the theory of interest, as well as the theory of artificial legal personality. The complexity of this phenomenon does not allow developing a universal theoretical concept. It is noted that in the Russian Federation, the theory of artificial legal personality is clearly traced in the normatively fixed features of a legal entity. Within the framework of this theory, the legislator defines a legal entity as an organization that has separate property and is liable with this property for its independently acquired and realized obligations.

Впервые конструкция юридического лица появилась в римском праве. Римляне полагали, что в качестве субъекта правоотношений могут выступать не только люди, т.е. физические лица, но и людские объединения, которые в гражданском обороте участвуют как одно целое, отличающееся от составляющих их физических лиц. К подобным объединениям физических лиц, отличающимся самостоятельностью в принятии решений и т.д., римляне относили союзы представителей одной религии, союзы представителей одной профессии, местные гражданские общины и т.д. [1]. При этом римское право все же не знало легального определения юридического лица, формулируя только лишь его отдельные признаки. Поэтому в настоящее время достаточно сложно сделать выводы относительно того, какого подхода к пониманию сущности юридического лица придерживались римляне [2]. Однако с уверенностью можно говорить, что термины «союз» и «совокупность», будучи предтечами рассматриваемого понятия, употреблялись как применительно к объединениям лиц, так и применительно к вещам, объединенным в одно целое. Иными словами, в разных ситуациях римляне могли видеть в юридическом лице как организацию физических лиц, так и имущественную общность.

Поскольку конструкция юридического лица отличается продолжительной историей, ее содержание, признаки и другие особенности представляли и представляют собой пользующийся значительной популярностью предмет исследований, актуальный на протяжении столетий. В конечном счете, в рамках юриспруденции сформировались так называемые теории правовой природы юридического лица, в числе самых популярных и распространенных среди которых можно назвать теорию фикции, теорию реальности, теорию целевого имущества, теорию интереса, а также теорию искусственной правосубъектности.

Теория фикции, появившись в XII в., является исторически первой теорией правовой природы юридического лица. Однако окончательно сформулирована она была только в XIX в. в исследованиях Ф.К. Савиньи, Э.Р. Бирлинга и т.д. Представители данной теории полагали, что юридическое лицо следует определять, как совокупность отдельных физических лиц, посредством прибегания к правовой фикции рассматриваемых в качестве единого лица. Соответственно, если придерживаться данной теории, следует считать, что государство, используя при формировании соответствующего законодательства правовую фикцию, фактически создает тем самым своеобразный искусственный субъект права, существование которого допускается для достижения целей, поставленных составляющими его физическими лицами [3].

Несколько иначе оценивает правовую природу юридического лица теория целевого имущества, основоположниками которой являлись А. Бринц, Э. Беккер и т.д. Представители данной теории считали, что субъект права в данном случае отсутствует в принципе; он не является чем-то реальным, в связи с чем юридическое лицо в гражданских правоотношениях есть не что иное, как имущество данного субъекта или, как вариант, та цель, которую он преследует, участвуя в рассматриваемых правоотношениях. Современный отечественный сторонник данной теории, Е.А. Суханов, утверждает, что указанные правоотношения обладают имущественным характером, что и составляет их специфику. Получается, что в качестве субъектов указанных отношений могут выступать только обладающие имуществом лица, что требует наличия имущества и от юридических лиц, причем обособленного от имущества учредителей. С этой целью составляющие юридическое лицо физические лица отчуждают часть принадлежащего им имущества в пользу юридического лица, тем самым создавая новый субъект права, отличающийся самостоятельностью [4].

Еще одна теория правовой природы юридического лица – теория реальности, разработанная И.Э. Кунце, Д.И. Мейером, И.А. Покровским и т.д. В отличие от рассмотренных выше теорий, в данной теории юридическое лицо воспринимается не как искусственный, а как

реальный субъект гражданских правоотношений, осуществляющий деятельность самостоятельно посредством своих органов [5]. Отмеченные общие положения, стоит заметить, конкретизируются в рамках отдельных «подтеорий», включая:

1. органическую теорию, в рамках которой юридическим лицом признается социальный организм, обладающий определенным сходством с физиологическим устройством человека (И.Э. Кунце и т.д.);
2. теорию социальной реальности, определяющую юридическое лицо в качестве реального, но бестелесного субъекта гражданских правоотношений (Д.И. Мейер и т.д.);
3. теорию состояния, понимающую юридическое лицо как реального субъекта гражданских правоотношений, сформированного посредством наделения его имуществом (Р. Леонард и т.д.);
4. теорию организации, в рамках которой юридическое лицо рассматривается как своеобразное социальное образование, используемое физическими лицами для достижения своих целей (О.А. Красавчиков и т.д.).

Исходя из этого, можно заключить, что некоторые из описанных теорий правовой природы юридического лица, включая теорию фикции, теорию целевого имущества и теорию реальности, воспринимают юридическое лицо в качестве самостоятельного субъекта гражданских правоотношений. Однако другие теории, включая теорию интереса и др., все же склонны понимать юридическое лицо как искусственный субъект гражданских правоотношений, создаваемый физическими лицами в каких-либо своих целях (А.П. Сергеев, например, таких физических лиц называет выгодоприобретателями [6]). Особняком стоит теория коллектива, определяющая юридическое лицо как совокупность людей, коллектив работников, который и обладает правосубъектностью (такой точки зрения придерживались, в частности, О.С. Иоффе и т.д.) [7].

Нам представляется верной теория искусственной правосубъектности юридического лица, напрямую вытекающая из теории фикции, однако отличающаяся от нее некоторыми положениями. Согласно рассматриваемой теории правовой природы юридического лица, юридическое лицо является самостоятельным субъектом гражданских правоотношений, самостоятельно создавая для себя права и обязанности, поскольку такое положение вещей вытекает из действующего законодательства, в котором юридическое лицо – это субъект права, а коллектив работников – нет. Изложенное позволяет нам определить юридическое лицо в качестве субъекта гражданских правоотношений, отличающегося искусственным характером, созданного для достижения определенных целей и обладающего правами и обязанностями [8].

Как отмечает Д.В. Азаров, легальное определение какого-либо правового явления должно обладать не только смысловой, но также и юридической нагрузкой, являться строго определенным, максимально содержательным и, по возможности, кратким [9]. Действующее гражданское законодательство в п. 1 ст. 48 содержит вполне соответствующее указанным требованиям легальное определение юридического лица как организации, имеющей обособленное имущество, которым она отвечает по своим обязательствам, а также обладающей возможностью от своего имени приобретать и осуществлять широкий спектр прав и обязанностей. Вполне очевидно, что легальное определение юридического лица, содержащееся в п. 1 ст. 48 ГК РФ, содержит ряд присущих юридическим лицам признаков, к которым относится организационное единство, имущественная обособленность и правосубъектность.

Подход законодателя к понятию и признакам юридического лица с теми или иными поправками прослеживается и в отечественной юриспруденции. В частности, Н.В. Александрова, определяя юридическое лицо, отмечает, что данная правовая категория подразумевает наличие определенного статуса, организационного единства, самостоятельности и ответственности в гражданском обороте [10]. В свою очередь, Н.И. Косякова, определяя рассматриваемое правовое явление, заключает, что юридические лица представляют собой организации, создание которых осуществляется преимущественно для решения социально-экономических задач и которые характеризуются наличием структурного единства, имущественной обособленности и, как следствие, самостоятельности в гражданском обороте, в том числе и самостоятельности в несении ответственности [11]. Что же касается признаков юридического лица, то Е.А. Суханов, например, в их определении придерживается позиции законодателя и относит к ним наличие обособленного имущества и, соответственно, вытекающее из этого признака самостоятельное осуществление

юридическим лицом своих прав и обязанностей, включая и несение ответственности по своим обязательствам [12]. Указанные признаки юридического лица называет также и В.П. Мозолин, который, однако, дополняет их признаком организационного единства, а также признаком правосубъектности, т.е. способности самостоятельно участвовать в гражданских правоотношениях, а также защищать свои интересы в судебных органах [13]. Немаловажно при этом то, что данные признаки, за исключением организационного единства, характеризуются автором как экономический, материально-правовой и процессуально-правовой соответственно.

В целом, подобный подход к признакам юридического лица разделяет и А.П. Сергеев, который называет в их числе организационное единство, правосубъектность, обособленное имущество, а также несение самостоятельной ответственности по обязательствам, predetermined наличием у юридического лица обособленного имущества [6]. Схожей точки зрения придерживаются Н.В. Борисовская и Н.В. Корбанкова, которые полагают, что у юридического лица имеются такие признаки, как принадлежность ему обособленного имущества, возможность самостоятельно реализовывать права и обязанности, включая и выступление в суде в защиту своих интересов, а также организационное единство [14], а также Е.Г. Опыхтина, также подразумевающая под признаками юридического лица организационное единство, имущественную обособленность, самостоятельное участие в гражданских правоотношениях и т.д. [15]. Указанный подход к пониманию признаков юридического лица разделяют также и другие ученые, включая А.Г. Григорьеву [16], Г.З. Хафизова [17], С.А. Алексеева [18].

Тем не менее, наряду с подходами к понятию и признакам юридического лица, фактически дублирующими легальное определение, содержащееся в п. 1 ст. 48 ГК РФ, в отечественной правовой науке существуют и иные подходы. Так, В.К. Андреев и А.Е. Кирпичев полагают, что в числе признаков юридического лица можно назвать наличие у него обособленного имущества, которым оно отвечает по своим обязательствам, а также ответственность по обязательствам всем принадлежащим ему имуществом [19], что сужает круг признаков юридического лица.

Несколько по-другому понимает присущие юридическому лицу признаки В.Н. Цирюльников, который отнюдь не ограничивается организационным единством, имущественной обособленностью и имущественной ответственностью на началах самостоятельности, относя к числу указанных признаков также и другие, в числе которых признаки, которые можно именовать индивидуализирующими – наличие учредительных документов, государственную регистрацию, наименование, организационно-правовую форму существования и т.д. Немаловажно при этом то, что, по мнению автора, первая категория признаков является определяющей, поскольку отсутствие хотя бы одного из указанных признаков позволяет сделать вывод об отсутствии юридического лица как такового, в то время как значение второй категории признаков юридического лица заключается в том, что они позволяют индивидуализировать юридическое лицо [20]. В целом, подобной точки зрения придерживается и В.П. Камышанский, который также относит к признакам юридического лица организационное единство, имущественную обособленность, самостоятельную имущественную ответственность, однако отмечает также и такой признак, как наличие своего имени [21]. В свою очередь, В.А. Болдырев предлагает относить к признакам юридического лица и наличие баланса или сметы организации [22]. Вполне очевидно, что указанные подходы отличаются расширительным толкованием признаков юридического лица.

Стоит заметить, что расширительно толкует признаки юридического лица и А.Н. Кирсанов, который в их числе называет следующие: 1. юридическое лицо ведет свою деятельность независимо от составляющих его физических лиц; 2. волеизъявление юридического лица также является самостоятельным, независимым от составляющих его физических лиц; 3. юридическому лицу принадлежит имущество, обособленное от имущества составляющих его физических лиц; 4. обособленное имущество, принадлежащее юридическому лицу, позволяет ему нести самостоятельную ответственность по взятым на себя обязательствам; 5. юридическое лицо обладает правосубъектностью, т.е. возможностью создавать для себя права и обязанности посредством заключения сделок и т.д. [23].

В целом, подобной точки зрения придерживается и Н.В. Козлова, которая относит к числу признаков юридического лица следующие: 1. осуществление юридическим лицом деятельность независимо от составляющих его физических лиц (данный признак обычно кратко обозначают как организационное единство); 2. обладание юридическим лицом самостоятельными интересами и

волеизъявлением, независимым от составляющих его физических лиц; 3. самостоятельное участие юридического лица в гражданских правоотношениях посредством заключения договоров, выступления в суде и т.д.; 4. принадлежность юридическому лицу имущества, отделенного, обособленного от имущества составляющих его физических лиц, и, как следствие, самостоятельное несение юридическим лицом юридической ответственности; 5. наличие у юридического лица процессуальной правоспособности, проявляющейся в наличии у него права защищать свои интересы в суде и т.д. [24]

Вполне очевидно, что подходы к признакам юридического лица, которые отличаются расширительным их толкованием, все же сводятся к признакам юридического лица, вытекающим из п. 1 ст. 48 ГК РФ, т.е. к организационному единству, имущественной обособленности и правосубъектности, которые, на наш взгляд, являются основными и вбирают в себя все многообразие признаков юридического лица, отмечаемое придерживающимися расширительного толкования авторами. Так, например, правосубъектность вбирает в себя самостоятельное участие юридического лица в правоотношениях, самостоятельную имущественную ответственность юридического лица по своим обязательствам и выступление его в гражданском обороте и при разрешении споров в судах от собственного имени.

Организационное единство, как признак юридического лица, напрямую не указано в п. 1 ст. 48 ГК РФ, хотя законодатель и использует понятие «организация». В то же время указанный признак является исходным и системообразующим признаком любого юридического лица. Содержание указанного признака в отечественной правовой науке трактуется по-разному, но в целом ученые исходят из того, что организационное единство выражается посредством независимости существования юридического лица от его учредителей и т.д. На наш взгляд, наиболее точно указанный признак раскрывает А.В. Булат, полагающий, что в его содержание входит система органов или, как вариант, группа учредителей (участников), обеспечивающих реализацию правосубъектности юридического лица [25].

В отличие от признака организационного единства, отраженного в действующем гражданском законодательстве косвенно, признак имущественной обособленности отражен в п. 1 ст. 48 напрямую. Данный признак подразумевает, что юридическое лицо должно обладать собственным имуществом, не пересекающимся с имуществом учредителей (участников), при этом речь идет о физическом, организационном и правовом разграничении имущества непосредственно юридического лица и лиц, действующих от его имени и в его интересах. Исходя из этого имущественную обособленность можно определить как предоставление юридическому лицу определенного объема прав и обязанностей в отношении закрепленного за ним имущества, позволяющего ему вступать в имущественные правоотношения. В целом, подобной точки зрения придерживается и Ю.В. Стройкина, отмечающая, что имущественная обособленность может быть определена как ключевой признак юридического лица, составляющий основу его правосубъектности и предполагающий наличие имущества на праве собственности или другом праве, которое позволяет юридическому лицу являться полноценным участником гражданского оборота [26], а также другие ученые [27].

Что же касается правосубъектности как признака юридического лица, то она, на наш взгляд, заключается в том, что юридическое лицо является субъектом права, т.е. самостоятельно участвует в правоотношениях, несет ответственность по своим обязательствам и т.д. Более подробно указанный признак и его отдельные элементы, в частности, правоспособность и деликтоспособность, будет рассмотрен нами в следующем параграфе.

Таким образом, среди множества теорий, объясняющих правовую природу юридических лиц, верной представляется нам теория искусственной правосубъектности, признающая за юридическим лицом статус самостоятельного субъекта гражданских правоотношений, обладающего собственным, обособленным от составляющих его физических лиц имуществом и потому способного создавать и реализовывать права и обязанности, нести ответственность и т.д. По сути, данная теория правовой природы юридического лица положена в основу соответствующих норм действующего гражданского законодательства, поскольку законодатель определяет юридическое лицо как обладающую обособленным имуществом организацию, отвечающую данным имуществом по своим самостоятельно приобретенным и реализуемым обязательствам.

## Литература и источники

1. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник. М.: Норма, 2006. 784 с.
2. Горбунов М.А. Юридические лица в римском праве // Вестник Московского университета МВД России. 2009. №5. С.91-96.
3. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. Пособие. М.: Статут, 2003. 318 с.
4. Российское гражданское право: учебник. В 2-х т. Т. 1 / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2014. 325 с.
5. Матвеев П.А. Теории сущности юридического лица в отечественной правовой науке // Юрист. 2017. № 20. С. 28-30.
6. Гражданское право: учебник. В 3-х т. Т. 1 / Под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2010. 250 с.
7. Акатова Н.С., Артемьев А.А., Архипов М.И., Баранова Т.Л., Малышева О.С. и др. Социально-экономическая политика и современное государство. Тверь: Твер. гос. университет, 2018. 278 с.
8. Матвеев П.А. Правовые концепции доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2018. № 1. С. 18-21.
9. Азаров Д.В. Эволюция понятия юридического лица в советский и постсоветский периоды российской истории // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 198-201.
10. Александрова Н.В. Современные научные концепции о природе юридического лица // Вестник Российского университета кооперации. 2013. № 2 (12). С. 40-45.
11. Косьякова Н.И. Юридические лица как субъекты правоотношений // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 11. С. 71-76.
12. Российское гражданское право: учебник. В 2-х т. Т. 1 / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2014. 325 с.
13. Гражданское право: учебник. В 2-х т. Т. 1 / Под ред. В.П. Мозолина. М.: Проспект, 2015. 345 с.
14. Борисовская Н.В., Корбанкова Н.В. Юридические лица как субъекты гражданских правоотношений. Особенности гражданско-правового статуса отдельных видов юридических лиц // Научное мнение. 2015. № 11-3. С. 108-110.
15. Опытина Е.Г. Юридические лица как субъекты гражданских правоотношений: метод. Пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 210 с.
16. Григорьева А.Г. Понятие и признаки юридического лица // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2017. № 73-74 (1-2). С. 10-16.
17. Хафизова Г.З. Юридические лица: учебное пособие. М.: ИД «АТиСО», 2014. 153 с.
18. Гражданское право: учебник. В 3-х т. Т.1 / Под общ. ред. С.А. Степанова. М.: Проспект; Институт частного права, 2010. 379 с.
19. Андреев В.К., Кирпичев А.Е. Юридические лица. Введение в корпоративное право: лекция. М.: РАП, 2014. 400 с.
20. Цирульников В.Н. Определение юридического лица как субъекта гражданского права. Волгоград: ВА МВД России, 2001. 68 с.
21. Гражданское право: учебник. В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 543 с.
22. Болдырев В.А. Наличие баланса или сметы организации как признак юридического лица // Имущественные отношения в РФ. 2011. № 12(123). С. 6-16.
23. Кирсанов А.Н. Очерк о сравнительно-правовом исследовании природы юридических лиц: монография. М.: РУДН, 2011. 242 с.
24. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие. М.: Статут, 2003. 318 с.
25. Булат А.В. Признак организационного единства юридического лица в системе гражданско-правовых организационных правоотношений // Власть Закона. 2013. № 3 (15). С. 140-144.
26. Стройкина Ю.В. Понятие и сущность признака «имущественная обособленность» в конструкции коммерческой организации // Власть Закона. 2010. № 1. С. 111-121.
27. Цветков А.А., Чулюкова С.А., Свищева В.С. Проблемы имущественной обособленности как конструктивного признака юридического лица // Высшее образование сегодня. 2014. № 10. С. 105-108.

## References and Sources

1. Dozhdev D.V. Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik. M.: Norma, 2006. 784 s.
2. Gorbunov M.A. Yuridicheskie lica v rimskom prave // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2009. №5. S.91-96.
3. Kozlova N.V. Ponyatie i sushchnost' yuridicheskogo lica. Ocherk istorii i teorii: ucheb. Posobie. M.: Statut, 2003. 318 s.
4. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik. V 2-h t. T. 1 / Otv. red. E.A. Suhanov. M.: Statut, 2014. 325 s.
5. Matveev P.A. Teorii sushchnosti yuridicheskogo lica v otechestvennoj pravovoj nauke // YUrist. 2017. № 20. S. 28-30.
6. Grazhdanskoe pravo: uchebnik. V 3-h t. T. 1 / Pod red. A.P. Sergeeva. M.: Prospekt, 2010. 250 s.
7. Akatova N.S., Artem'ev A.A., Arhipov M.I., Baranova T.L., Malysheva O.S. i dr. Social'no-ekonomicheskaya politika i sovremennoe gosudarstvo. Tver': Tver. gos. universitet, 2018. 278 s.
8. Matveev P.A. Pravovye koncepcii doli v ustavnom kapitale obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu // Grazhdanskoe pravo. 2018. №1. S.18-21.
9. Azarov D.V. Evolyuciya ponyatiya yuridicheskogo lica v sovetskij i postsovetskij periody rossijskoj istorii // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2. S. 198-201.
10. Aleksandrova N.V. Sovremennye nauchnye koncepcii o prirode yuridicheskogo lica // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. 2013. № 2 (12). S. 40-45.
11. Kosyakova N.I. Yuridicheskie lica kak sub"ekty pravootnoshenij // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2013. № 11. S. 71-76.
12. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik. V 2-h t. T. 1 / Otv. red. E.A. Suhanov. M.: Statut, 2014. 325 s.
13. Grazhdanskoe pravo: uchebnik. V 2-h t. T. 1 / Pod red. V.P. Mozolina. M.: Prospekt, 2015. 345 s.
14. Borisovskaya N.V., Korbankova N.V. Yuridicheskie lica kak sub"ekty grazhdanskih pravootnoshenij. Osobennosti grazhdansko-pravovogo statusa otdel'nyh vidov yuridicheskikh lic // Nauchnoe mnenie. 2015. № 11-3. S. 108-110.
15. Opyhtina E.G. Yuridicheskie lica kak sub"ekty grazhdanskih pravootnoshenij: metod. Posobie. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2014. 210 s.
16. Grigor'eva A.G. Ponyatie i priznaki yuridicheskogo lica // Ekonomika. Pravo. Pechat'. Vestnik KSEI. 2017. № 73-74 (1-2). S. 10-16.
17. Hafizova G.Z. Yuridicheskie lica: uchebnoe posobie. M.: ID «ATiSO», 2014. 153 s.
18. Grazhdanskoe pravo: uchebnik. V 3-h t. T. 1 / Pod obshch. red. S.A. Stepanova. M.: Prospekt; Institut chastnogo prava, 2010. 379 s.
19. Andreev V.K., Kirpichev A.E. Yuridicheskie lica. Vvedenie v korporativnoe pravo: lekcija. M.: RAP, 2014. 400 s.
20. Cirul'nikov V.N. Opredelenie yuridicheskogo lica kak sub"ekta grazhdanskogo prava. Volgograd: VA MVD Rossii, 2001. 68 s.
21. Grazhdanskoe pravo: uchebnik. V 2 ch. Ch. 1 / Pod red. V.P. Kamyshanskogo, N.M. Korshunova, V.I. Ivanova. M.: YUNITI-DANA, 2012. 543 s.
22. Boldyrev V.A. Nalichie balansa ili smety organizacii kak priznak yuridicheskogo lica // Imushchestvennye otnosheniya v RF. 2011. № 12(123). S. 6-16.



23. Kirsanov A.N. Oчерk o sravnitel'no-pravovom issledovanii prirody yuridicheskikh lic: monografiya. M.: RUDN, 2011. 242 s.
24. Kozlova N.V. Ponyatie i sushchnost' yuridicheskogo lica. Oчерk istorii i teorii: ucheb. posobie. M.: Statut, 2003. 318 s.
25. Bulat A.V. Priznak organizatsionnogo edinstva yuridicheskogo lica v sisteme grazhdansko-pravovykh organizatsionnykh pravootnoshenij // Vlast' Zakona. 2013. № 3(15). S. 140-144.
26. Strojkina Yu.V. Ponyatie i sushchnost' priznaka «imushchestvennaya obosoblennost'» v konstrukcii kommercheskoj organizatsii // Vlast' Zakona. 2010. № 1. S. 111-121.
27. Cvetkov A.A., Chulyukova S.A., Svishcheva V.S. Problemy imushchestvennoj obosoblennosti kak konstruktivnogo priznaka yuridicheskogo lica // Vysshee obrazovanie segodnya. 2014. № 10. S. 105-108.

**ЛУНЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА** – доктор экономических наук, доцент, директор Филиала Российского государственного социального университета в г. Клину Московской области (LunevaEV@rgsu.net).

**ПОГОДИНА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА** – кандидат экономических наук, доцент, Филиал Российского государственного социального университета в г. Клину Московской области (PogodinaON@rgsu.net).

**ФИЛИНОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ** – кандидат экономических наук, доцент, Филиал Российского государственного социального университета в г. Клину Московской области (FilinovVP@rgsu.net).

**МАТВЕЕВ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ** – старший преподаватель Филиала Российского государственного социального университета в г. Клину Московской области (matveev.ur@mail.ru).

**LUNEVA, ELENA V.** – Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the Branch of the Russian State Social University in Klin, Moscow Region (LunevaEV@rgsu.net).

**POGODINA, OLGA N.** – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Branch of the Russian State Social University in Klin, Moscow Region (PogodinaON@rgsu.net).

**FILINOV, VLADIMIR P.** – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Branch of the Russian State Social University in Klin, Moscow Region (PogodinaON@rgsu.net).

**MATVEEV, PAVEL A.** - Senior Lecturer of the Branch of the Russian State Social University in Klin, Moscow Region.

УДК 340.13

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-45-49

**ШАПСУГОВА М.Д.**

## **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК МАТЕРИАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПРАВА В МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ**

**Ключевые слова:** мобилизационная экономика, энергокризис, экономика роста, экономическая деятельность, технологический уклад, цифровизация.

Обеспечение экономики ресурсами для ее воспроизводства является гарантией экономической независимости и государственного суверенитета. Глобальный энергетический кризис выявил проблему энергоперехода, возникающую в процессе фундаментальных изменений в экономике в процессе изменения способа производства и перехода к новым энергоемким технологиям на фоне цифровизации. Объективно развивающиеся условия экономической деятельности, включая беспрецедентные санкции, современные вызовы для российской экономики неизбежно приводят к превращению внутренней экономической системы России из открытой рыночной в закрытую мобилизационную. Процессы трансформации затрагивают все звенья и знаменуют переход к новой экономической системе – экономике роста. Поскольку экономика является материальным источником права, скорость трансформации должна обеспечиваться немедленным реагированием на вызовы.

**SHAPSUGOVA, M.D.**

### **ECONOMIC TRANSFORMATIONS AS A MATERIAL SOURCE OF LAW IN THE MOBILIZATION ECONOMY**

**Key words:** mobilization economy, energy crisis, growth economy, economic activity, technological structure, digitalization.

Providing the economy with resources for its reproduction is a guarantee of economic independence and State sovereignty. The global energy crisis has revealed the problem of energy transfer arising in the process of fundamental changes in the economy in the process of changing the mode of production and the transition to new energy-intensive technologies (digitization). Objectively developing conditions of economic activity, including unprecedented sanctions, modern challenges for the Russian economy inevitably lead to the transformation of the internal economic system of Russia from an open market to a closed mobilization. Transformation processes affect all links and mark the transition to a new economic system – the economy of growth. Since the economy is a source of substantive law, the speed of transition should be ensured by an immediate response to the challenges of legislators.

Условия жизни общества являются материальным источником права. Экономическая система, как материально-правовой источник, – это система экономических отношений, развивающаяся в процессе хозяйственной деятельности субъектов. Совокупность факторов формирует национальную экономическую систему, которую можно определить как совокупность устойчивых особенностей экономических и социальных отношений в одной стране, отличающих ее от других стран [1]. Тип национальной экономической системы в конкретной стране формируется под влиянием ряда условий: особенностей исторического развития, технологической структуры, формы правления, политической структуры, административно-территориального деления, способа производства, механизмов распределения, степени открытости экономики, доминирующих форм собственности.

Закрытость экономики, необходимость защиты государственного суверенитета в сочетании со сверхзадачей экономического роста и развития оставляют единственно возможной

трансформацию экономики по мобилизационному типу с концентрацией и централизованным управлением ресурсами. Такая концентрация возможна только на основе универсального объединяющего принципа. Законодательно принципы экономики роста были закреплены в статье 75.1 Конституции РФ, в которой солидарность была определена как основной принцип экономической деятельности. Именно принцип солидарности воплощает национальное объединяющее начало. В хозяйственной деятельности он проявляется как совместный труд (отчуждение) и совместное потребление (присвоение).

Отношения сотрудничества формируются главным образом в процессе труда и представляют собой унификацию трудовых усилий работников независимо от различий в индивидуальных значениях затрат на полезную работу каждой из их физических энергий. Это выражается в скоординированном - синхронном или выполненном в определенном порядке - отчуждении нескольких или многих людей от их энергии, направленной на создание, хранение и транспортировку продукта или комплекса продуктов [2, с. 48]. Отношения сотрудничества также формируются как личное потребление вещей и услуг в результате совместных, скоординированных усилий. Основная причина проста: производится больше товаров, чем может потребить отдельный человек. Во многих случаях совместное личное потребление осуществляется из-за относительно более высокой экономической эффективности производства и потребления предметов, полезность отдельных единиц которых превышает потребности человека. Например, строительство многоквартирных домов и их совместное использование, как правило, дешевле, чем строительство и эксплуатация отдельных для этого количества домохозяйств, и, кроме того, достигается экономия земли. Общественный транспорт потребляет меньше ресурсов, чем индивидуальный. Экономичнее организация массовых зрелищных услуг и т.д. [2, с. 48]. Также отношения сотрудничества определяют, в чьих интересах ведется производство. Наконец, эти отношения, например, объединение преимущественно ручного или машинного труда, как и социально-экономические, вызывают к жизни различные конкретно-исторические типы производства и общества [2, с. 49].

Прогресс производительных сил привел к радикальному изменению социально-экономической системы. Раньше люди одного пола, выполнявшие примерно одинаковую работу, находились в примерно одинаковых условиях. Усложнение инструментов и технологий теперь потребовало углубления разделения труда, выходящего за рамки пола и возраста. Взрослые каждого пола разделились на группы, которые использовали разные технологии и их компоненты и, как следствие, оказывали в разной степени неблагоприятное воздействие на условия жизни [2, с. 88]. Экономическая независимость государства основана на обеспеченности экономики ресурсами для ее воспроизводства. Потенциал мощности основного источника энергии в рамках технологического уклада определяет производственные возможности экономики и перспективы экономического роста. Каждый энергопереход, как переход от старых энергоносителей к новым, приводит к повышению производительности за счет высвобождения дополнительной энергии. Эти процессы сопровождали первый энергопереход на уголь, второй энергопереход на нефть, третий энергопереход на газ. В настоящее время обсуждается возможность четвертого энергоперехода - на возобновляемые источники энергии. Необходимость поиска новых источников энергии по экологическим соображениям, в принципе, неоспорима, как из-за необходимости сокращения вредных выбросов, так и из-за необходимости сохранения недр. С другой стороны, цифровизация также требует увеличения производства энергии. А этого не могут обеспечить возобновляемые источники энергии. В более широком смысле мы можем говорить о переходе на альтернативные источники, такие как гидроэнергетика и ядерная энергетика.

Повестка дня четвертого (пятого, шестого) энергетического перехода особенно актуальна для стран, у которых нет собственных углеводородных ресурсов, что создает угрозу их суверенитету. В то же время страны, богатые углеводородами, не заинтересованы в осуществлении энергетического перехода в той форме, которая была предложена первыми, поскольку их суверенитет основан на углеводородной энергии. Эскалация конфликта интересов в конечном итоге приводит к энергетическому, экономическому и правовому кризису. Энергия становится важнейшим фактором производства, ее нехватка приводит к экономическим, политическим и социальным кризисам.

С учетом сложившейся внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуации, экономическая система России, приобретающая мобилизационный характер, находится в состоянии трансформации, что означает в первую очередь трансформацию элементов экономической системы.

Кризисные трансформационные тенденции наблюдаются во всем мире, что требует пересмотра государственных подходов к управлению экономикой. Как отмечает Е.А. Олейников, «переход к многополярному миру требует закономерного отказа от экономикса и замены теории экономической унификации теорией национального хозяйства... утверждающей многообразие хозяйственных форм и национальных моделей» [3, с. 134-135]. Экономическая теория развивается по пути индивидуализации экономического развития национального хозяйства.

Экономическое развитие (прогресс) является целью экономической системы. Национальная экономическая система динамична, изменчива, экономические системы претерпевают трансформации. Под экономической трансформацией понимают «процесс преобразования системных характеристик экономической деятельности на любом ее уровне, который охватывает все стороны деятельности данного структурного уровня и приводит к преобразованию субъектов, объектов, способов (методов, технологий), ресурсного потенциала и форм самого процесса экономической деятельности, изменению ее целевой направленности, пространственных и временных характеристик» [4, с. 81-82].

Развитие экономических систем происходит в процессе замены одних элементов экономической системы (субъектов, объектов, целей, методов, типов ресурсов) другими (постепенно, эволюционно, либо внезапно, революционно). Созревание изменений происходит медленно, затем совокупный эффект приводит к технологическому скачку, внедрению инновационной идеи в производство, что приводит к изменению технологической структуры. Ключевыми факторами производства в процессе трансформации экономических систем по мобилизационному типу являются новые технологии, энергия и труд, человеческий капитал. Таким образом мы наблюдаем переход к новому типу экономической системы – модернизационной экономике (экономике роста).

Экономическая система, как материально-правовой источник, - это система экономических отношений, развивающаяся в процессе хозяйственной деятельности субъектов. Экономическая система - это система человеческой деятельности, связанная с материальным производством, воспроизводством социального продукта (товаров, услуг). С юридической точки зрения хозяйственная деятельность людей опосредуется правовым статусом физического или юридического лица [4, с. 34]. С юридической точки зрения экономическая деятельность людей опосредуется правовым статусом физического или юридического лица.

Экономическая система – это открытая система, которая стремится к равновесию, но, ее рост обеспечивается нарушением равновесия. При этом экономическая система конструируется по определенной модели, в зависимости от целей ее существования.

Экономические системы классифицируются по следующим критериям:

1. В зависимости от доминирующей формы собственности и способа распределения ресурсов: традиционная, плановая, рыночная, смешанная. Традиционная экономическая система строится на общинной собственности, плановая – на общественной и плановом централизованном распределении, рыночная – на частной собственности и децентрализованном распределении, смешанная – является многоукладной (государственная собственность существует наряду с частной, имеются черты централизованного и децентрализованного распределения), трансформирующейся (сохраняет элементы плановой и рыночной системы, соотношение элементов определяется стадией трансформации) и сочетает черты рыночной и плановой.

2. В зависимости от технологического уклада: доиндустриальная, индустриальная, постиндустриальная.

3. В зависимости от общественно-экономической формации: феодализм, капитализм, социализм;

4. По характеру взаимодействия с экономиками других государств: открытая, закрытая.

Тип экономической системы в отдельно взятой стране формируется под влиянием совокупности факторов: особенности исторического развития, форма правления, политическое устройство, административно-территориальное деление, способ производства и других.

На российскую экономику в настоящее время влияет совокупность факторов, которые трансформируют сложившуюся в постперестроечный период экономическую систему: санкции, ковидные ограничения, присоединение территорий, пятая промышленная революция (шестая на подходе) наряду с сохранившейся многоукладностью в экономике, цифровизация. В правовом отношении в 2020 году произошла конституционализация формирующихся экономических отношений, рыночная экономика от капиталистического начала движение в сторону социализма. Об этом нам говорит новелла статьи 75.1 Конституции РФ, закрепившая солидарность основным принципом осуществления экономической деятельности. Таким образом, экономика России сегодня носит смешанный постиндустриальный характер, постепенно приобретая черты закрытой.

С учетом сложившейся внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуации. экономическая система России, приобретающая мобилизационный характер, находится в состоянии трансформации, что означает в первую очередь трансформацию элементов экономической системы.

Экономическое развитие (прогресс) является целью экономической системы. Национальная экономическая система динамична, изменчива, экономические системы претерпевают трансформации. Под экономической трансформацией понимают процесс трансформации системных особенностей хозяйственной деятельности на любом уровне, охватывающий все аспекты деятельности этого структурного уровня и приводящий к трансформации субъектов, объектов, методов (методов, технологий), ресурсного потенциала и форм самого хозяйственного процесса, изменяя его целевую направленность, пространственные и временные характеристики [4, с. 81-82].

Значительные изменения в экономической структуре связаны с промышленными революциями и изменением технологической структуры. Прогресс экономических систем происходит в процессе замещения одних элементов экономической системы другими (постепенный, эволюционный и резкий, революционный). Созревание изменений происходит медленно, затем накопительный эффект приводит к технологическому скачку, внедрению инновационной идеи в производство, что приводит к смене технологического уклада.

Промышленная революция связана с технологическими прорывами, а также переходами к новым видам энергии. Поскольку новые производства, их качественный и количественный рост влекут увеличение энергопотребления. Любой процесс преобразования в упрощенной форме представляет собой изменение состояний системы, то есть изменение значений всех параметров, совокупность которых характеризует состояние [4, с. 157-158].

Модель будущей экономической системы и будущего регулирования под влиянием цифровизации, пятой и шестой промышленной революции (индустрия 5.0 и 6.0) будет строиться на началах социализма: человеческий становится основным фактором производства, формируется общественная собственность на общие блага (шеринговая экономика), осуществляется переход на новый всеобщий денежный эквивалент – энергию, устраняется посредничество.

Изменение технологического уклада предопределяет развитие трансформационной экономики по мобилизационному типу.

Мобилизационная экономика, или экономика роста, ориентирована на максимальную концентрацию ресурсов и централизацию управления ими.

Индивид участвует в процессах производства, распределения, обмена и потребления – то есть на всех стадиях общественного производства как владелец факторов производства (экономических ресурсов) и субъект управления факторами производства.

Владельцы факторов производства имеют факторный доход. Право на факторный доход определяется вкладом в создание стоимости/ ценности.

Экономические отношения по сути своей представляют собой отношения присвоения-отчуждения, в процессе экономической деятельности человек изымает ресурсы из окружающей среды, перерабатывает их и отчуждает.

Поэтому социально-экономические отношения представляют собой совокупность сил, энергии людей для реализации и повышения эффективности их экономического взаимодействия с природой. Они образуются из-за ограниченной силы каждого человека, который не имеет возможности производить и потреблять в одиночку. Их также можно назвать отношениями общественного отчуждения и присвоения [2, с. 47].

Экономическая деятельность по своему характеру является совместной деятельностью индивидов, а потому строится на началах сотрудничества. В мобилизационной экономике кооперация, солидарность и отношения сотрудничества выходят на первый план. Отношения сотрудничества составляют основу социально-экономических отношений и, по сути, представляют собой совокупность сил и энергий людей для реализации и повышения эффективности их экономического взаимодействия с природой [2, с. 47].

Кооперация труда и совместное личное потребление образуют общественную форму присвоения средств и результатов производства [2, с. 49].

Кооперация труда представляет собой определенный общественный способ соединения работников со средствами производства. Объединение людей в производстве означает, что каждый участвует в нем непосредственно в своих интересах, для удовлетворения своих потребностей. Таким образом, и отношения сотрудничества определяют, в чьих интересах ведется производство. Наконец, эти отношения, например, объединение преимущественно ручного или машинного труда, как и социально-экономические, вызывает к жизни различные конкретно-исторические типы производства и общества [2, с. 49].

Прогресс производительных сил привел к коренному изменению социально-экономической системы. Раньше люди одного пола выполняя примерно одинаковый труд, находились в приблизительно равноценных условиях. Теперь усложнение и разрастание числа видов орудий и технологий потребовали углубления разделения труда, выхода его за рамки половозрастной сути, - товарищеского. Взрослые каждого пола разделившись на группы, применявшие разные технологии и их компоненты, и вследствие этого попали в разные по степени неблагоприятного воздействия на человека производственные условия [2, с. 88].

Подводя итоги, отметим, что суверенитет является фундаментом независимости государства. Экономическая независимость, в свою очередь, основывается на обеспеченности экономики ресурсами для ее воспроизводства. Потенциал мощности источника энергии предопределяет производственные возможности экономики и перспективы экономического роста. Обеспеченность экономики ресурсами для ее воспроизводства является гарантией экономической независимости и государственного суверенитета.

Мировой энергетический кризис высветил проблему энергоперехода, возникающую в процессе фундаментальных сдвигов в экономике в ходе процессов смены способа производства, перехода на новые энергоемкие технологии (цифровизация). Объективно складывающиеся условия осуществления экономической деятельности, в том числе беспрецедентные санкции, современные вызовы российской экономике неизбежно ведут к трансформации отечественной экономической системы из рыночной в мобилизационную.

Процессы трансформации затрагивают все звенья, обозначая переход к новой экономической системе – экономике роста. Поскольку экономика представляет собой материальный источник права, скорость перехода должна быть обеспечена мгновенной реакцией на вызовы со стороны законодателя.

### Литература и источники

1. Дырочкин А.В. К вопросу об изучении национальной экономической модели // Экономическая теория. 2021. №2(55).// <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-02/researching-national-economic-system> (дата обращения 31.03.2022).
2. Афанасьев С.Л. Будущее общество. М.: Изд-во МГУ им. Н.Э. Баумана, 2000. 568 с.
3. Олейников А.А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства // Успехи современного естествознания. 2010. № 2.
4. Королев Е.А. Организационно-экономический механизм трансформации промышленных комплексов Дис. ... докт. экон. наук. Екатеринбург, 2003. 533 с.

### References and Sources

1. Dyrochkin A.V. K voprosu ob izuchenii nacional'noj ekonomicheskoy modeli // Ekonomicheskaya teoriya. 2021. №2(55).// <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-02/researching-national-economic-system> (data obrashcheniya 31.03.2022).
2. Afanas'ev S.L. Budushchee obshchestvo. M.: Izd-vo MGU im. N.E. Baumana, 2000. 568 s.
3. Olejnikov A.A. Ekonomicheskaya teoriya. Politicheskaya ekonomiya nacional'nogo hozyajstva// Uspekhi sovremenno go estestvoznaniya. 2010. №2.
4. Korolev E.A. Organizacionno-ekonomicheskij mekhanizm transformacii promyshlennykh kompleksov. Dis. ... dokt. ekon. nauk. Ekaterinburg, 2003. 533 s.

---

**ШАПСУГОВА М.Д.** - кандидат юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук.  
**SHAPSUGOVA M.D.** – Ph.D. in Law, Associate Professor, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (shapsugova@gmail.com).

---

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 342.41

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-50-55

**ЗАПОЛЬСКИЙ С.В., СМОРЧКОВА Л.Н.  
СОВМЕСТНОЕ ВЕДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СУБЪЕКТОВ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ НОВЕЛЛЫ**

**Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации, совместное ведение, федерализм, социальные сферы, правовое регулирование, управление.

В статье представлено авторское видение слабо освещенного в научной юридической литературе вопроса, касающегося конституционных новелл в отношении предметов совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Подробно анализируются пункты «д», «е», «ж» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации, в которые были внесены изменения в результате принятия в 2020 году Закона Российской Федерации о поправке, а также пункт «ж.1», которым статья 72 была дополнена. Авторы предлагают свое мнение не только в отношении новых положений, но и в целом оценивают значимость круга вопросов совместного ведения для российского федерализма. Обоснован вывод о том, что изменения в содержании статьи 72, внесенные в результате принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, являются логичными, структурно встроенными с соблюдением элементарных правил системологии, оправданными существующим правовым регулированием, а также политикой государства.

**ZAPOLSKY, S.V., SMORCHKOVA, L.N.  
JOINT MANAGEMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN  
FEDERATION: CONSTITUTIONAL NOVELS**

**Key words:** Constitution of the Russian Federation, joint jurisdiction, federalism, social spheres, legal regulation, management.

The article presents the author's vision of the issue, poorly covered in the scientific legal literature, concerning constitutional novels in relation to the subjects of joint jurisdiction of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation. Paragraphs "e", "f", "g" of part 1 of Article 72 of the Constitution of the Russian Federation, which were amended as a result of the adoption in 2020 of the Law of the Russian Federation on the amendment, as well as paragraph "g.1", which article 72 has been added. The authors offer their opinion not only on the new provisions, but also in general assess the significance of the range of issues of joint jurisdiction for Russian federalism. The conclusion is substantiated that the changes in the content of Article 72, introduced as a result of the adoption of the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ, are logical, structurally built-in in compliance with the elementary rules of systemology, justified by the existing legal regulation as well as state policy.

Оценке и переосмыслению новелл, внесенных в Конституцию Российской Федерации Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», посвящено немало научных и публицистических статей, однако внимание общественности в основном привлекают изменения по определенному ряду наиболее остро обсуждаемых и проблемных моментов. В то же время некоторые другие положения Конституции Российской Федерации также подверглись достаточно существенной переработке, но комментарии и авторитетные мнения по ним в официальной прессе практически отсутствуют. Одной из такого рода статей является статья 72 Конституции Российской Федерации, посвященная вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Отнесение ряда государственно значимых вопросов к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов воплощает собой внутреннюю сущность национально-территориального федерализма, положенного в основу российской государственности. Правовая и политическая определенность статуса субъекта Российской Федерации формируется не путем наделения теми или иными полномочиями, как это делается в ряде иностранных государств, а путем централизации возможных вопросов государственного строительства в функциях Российской Федерации и определения совместного ведения Российской Федерации и субъекта Российской Федерации. За пределами этих изъятий субъект Российской Федерации обладает полной государственной властью.

Общие принципы и порядок разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации на основе исчерпывающего перечня статьи 72 Конституции Российской Федерации, Федеративного договора и иных договоров о разграничении предметов ведения и полномочий, заключенных в соответствии с Конституцией Российской Федерации, устанавливаются Федеральным законом от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах

организации законодательных (представительных) и исполнительных органов и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Важной особенностью статьи 72 является то, что она закрепляет круг полномочий субъекта Российской Федерации не только на самостоятельно принимаемые меры, но и на участие в законотворческой деятельности в рамках всей Российской Федерации. Для этого субъектам Российской Федерации предоставлено право участвовать в подготовке и в рассмотрении проектов федеральных законов по предметам совместного ведения с Российской Федерации в установленном указанным Федеральным законом порядке. Согласованная система федерального законодательства позволяет субъектам Российской Федерации проявлять самостоятельность при реализации правотворческих полномочий, что является гарантией их субъектовых прав [1].

Помимо законодательной сферы в осуществлении совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации значимую роль играет взаимодействие органов исполнительной власти по отдельным направлениям социально-экономической политики как реализация положения части 2 статьи 77 Конституции Российской Федерации об образовании единой системы исполнительной власти в Российской Федерации.

С.Е. Чаннов говорит о сложностях оптимального разграничения предметов ведения между федеральным центром и регионами, что обуславливается необходимостью решения как минимум двух противоречивых задач: обеспечить самостоятельное развитие субъектов федерации с учетом индивидуальных особенностей каждого из них и, с другой стороны, сохранить единство федеративного государства, не допустив при этом чрезмерного неравенства различных входящих в его состав территорий [2]. В этом отношении определение предметов совместного ведения всегда выступает в качестве инструмента, создающего некий баланс.

Основу совместного ведения составляет обеспечение соответствия конституций и законов республик, уставов, законов и иных нормативных правовых актов краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Конституции Российской Федерации и федеральным законам, поскольку затрагивает сферу государственного строительства, основанную на принципе верховенства федерального закона – залога ценности и единства России как государства (пункт «а» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации).

Речь идет не только о формальном (текстуальном) соответствии, но, прежде всего, о вхождении всего законодательства субъектов Российской Федерации в федеральную конституционно-правовую систему, что совершенно необходимо для существования единого правового пространства страны и принципиального общего регулирования политических, социальных и экономических отношений, возникающих в российском обществе.

Субъекты Российской Федерации обладают возможностью принятия в инициативном порядке законодательных и иных нормативных правовых актов в случаях, если инициатива Российской Федерации отсутствует или запаздывает, а возникшие потребности требуют оперативного законодательного разрешения. Отдельная область принятия законов субъектов Российской Федерации по вопросам, относящимся к совместному ведению, преследует цель применения федеральных законов с учетом региональных особенностей.

Дела о соответствии Конституции Российской Федерации конституций, уставов, законов и иных нормативных актов субъектов Российской Федерации разрешает Конституционный Суд Российской Федерации, который может признать эти акты неконституционными, в связи с чем они утрачивают силу.

Совместное ведение распространяется на защиту прав и свобод человека и гражданина; защиту прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон; вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами; разграничение государственной собственности. Эти сферы совместного ведения закреплены в пунктах «б», «в», «г» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации, которые так же, как и пункт «а» сохранили свою первоначальную редакцию.

А далее в статье 72 закреплена ряд положений, подвергшихся дополнениям и уточнениям в результате принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ. Речь идет о пунктах «д», «е», «ж», а также о пункте

«ж.1»), являющимся новеллой. Все их объединяет то, что они раскрывают те социальные сферы, потребность совместного регулирования которых для Российской Федерацией, для субъектов Российской Федерации крайне важна. В то же время в первоначальной редакции статьи 72 не были учтены отдельные составляющие этих сфер, что провоцировало коллизионные споры и обусловило внесение изменений в процессе принятия поправки в основной закон.

Пункт «д» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации касается таких сфер совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации как: природопользование; сельское хозяйство; охрана окружающей среды и обеспечения экологической безопасности; особо охраняемые природные территории; охрана памятников истории и культуры.

Правовое регулирование вопросов природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, особо охраняемых природных территорий осуществляется как на федеральном уровне, так и на субъектовом в соответствии с распределением полномочий в Федеральном законе от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Федеральном законе от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», федеральных законах, регулирующих отношения по использованию природных ресурсов.

Полномочия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия закреплены в Федеральном законе от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Этим же Федеральным законом установлены категории историко-культурного значения объектов культурного наследия – федерального значения, регионального значения, местного (муниципального) значения, дифференцирующие их правовой режим.

Включение вопросов охраны памятников истории и культуры при отнесении к совместному ведению в один пункт с вопросами, так или иначе связанными с охраной окружающей среды, вызывает сомнения в своей правильности, однако законодатель не стал корректировать этот казус, по возможности сохранив первоначальный текст Конституции Российской Федерации там, где это было возможно. Принципиально важно, что охрана памятников истории и культуры остается в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, независимо от места (пункта) закрепления в статье 72, хотя проблема совершенствования правовой регламентации охраны памятников истории и культуры и на федеральном, и на региональном уровнях остается актуальной [3].

Новацией пункта «г» части 1 статьи 72 является внесение в него такой сферы совместного ведения, как сельское хозяйство. До внесения в пункт «д» дополнения, касающегося сельского хозяйства, эта сфера общественных отношений относилась к ведению субъектов Российской Федерации в порядке, определенном статьей 73 Конституции Российской Федерации. В то же время фактически сельскохозяйственные отношения регулируются не только законодательством субъектов Российской Федерации. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2006 года № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» правовое регулирование отношений в сфере развития сельского хозяйства, устойчивого развития сельских территорий осуществляется также данным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Таким образом, представляется верным решение внести дополнение в пункт «г» части 1 статьи 72, включив по тексту такой вопрос совместного ведения как «сельское хозяйство» между «природопользованием» и «охраной окружающей среды», поскольку сельскохозяйственная деятельность неизбежно и неразрывно связана с этими сферами.

Пункт «е» части 1 статьи 72 помимо общих вопросов воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта был дополнен такой сферой совместного ведения как формирование и реализация молодежной политики. Разграничение полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в сфере образования, включая вопросы воспитания, осуществлено в Федеральном законе от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в области формирования и реализации государственной научно-технической политики – в Федеральном законе от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке



и государственной научно-технической политике», в области культуры – в Основах законодательства Российской Федерации о культуре, в области физической культуры и спорта – в Федеральном законе от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

Вопросы молодежной политики до внесения соответствующего дополнения в пункт «е» статьи 72 не были сколько-нибудь последовательно урегулированы ни на федеральном, ни на региональном уровне. В настоящее время принят Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Актуальность его обусловлена необходимостью определения целей, принципов, основных направлений и форм реализации молодежной политики, а также регулирования отношений, возникающих между субъектами, осуществляющими деятельность в сфере молодежной политики в Российской Федерации. Принятие данного федерального закона стало важным этапом в процессе конституционализации молодежной политики на федеральном уровне [4], а в дальнейшем с принятием соответствующих законов субъектов Российской Федерации – и на региональном (например, Закон города Москвы от 15 декабря 2021 года № 36 «О молодежной политике в городе Москве»).

Пункт «ж» части 1 статьи 72 подвергся более сложной переработке. Координация вопросов здравоохранения изначально являлась предметом совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, однако эта сфера общественных отношений в редакции Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ была существенно раскрыта путем конкретизации отдельных зон ответственности федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Федеральным законом от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» разграничены полномочия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны здоровья. При этом видится, что конституционное выделение в структуре сферы здравоохранения вопросов обеспечения оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранения и укрепления общественного здоровья, создания условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью, потребует последовательного внесения изменений как в федеральное законодательство в сфере охраны здоровья, так и в нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации.

Социальная защита граждан, включая их социальное обеспечение, является одной из важнейших задач государства, характеризует его социальную сущность и социальную политику (статья 6 Конституции Российской Федерации). В целях реализации конституционных гарантий социальной защиты граждан в Российской Федерации действует более десяти различных федеральных законов (законов Российской Федерации). Во многих из них разграничены полномочия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с предметом регулирования. При этом субъекты Российской Федерации за счет своих бюджетных средств могут устанавливать дополнительные к федеральным меры социальной защиты.

Сфера защиты семьи, материнства и детства была исключена из пункта «ж» части 1 статьи 72, но не потому, что более не относится к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, а потому, что была расширена и выделена в отдельный пункт «ж.1». Таким образом, пункт «ж.1» части 1 статьи 72 по своей сущности не является абсолютной новацией новой редакции Конституции Российской Федерации, но безусловно, это новелла по форме изложения и системного расположения в структуре статьи.

Вопросы защиты семьи, материнства, отцовства и детства, и ранее являющиеся предметом совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, были дополнены положениями о защите института брака как союза мужчины и женщины; о создании условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях. С одной стороны, введенная новация является продолжением уже сложившегося правового регулирования в сфере семейного права. С другой стороны, она является отражением традиций и ценностей российского общества, а потому защита этих

общественных отношений и на федеральном, и на субъектовом уровне имеет такое важное значение в текущий политический момент [5].

Правовые отношения в сфере защиты семьи, материнства, отцовства, детства, как и многие другие, носят комплексный характер, а потому более четкое распределение прав и обязанностей по вопросам, включенным в пункт «ж.1», между Российской Федерацией и ее субъектами содержится не только в Семейном кодексе Российской Федерации, но и в Жилищном, Трудовом кодексах Российской Федерации, в других федеральных законах.

Статья 72 Конституции Российской Федерации закрепляет и другие сферы общественных отношений, являющихся предметом совместного ведения с момента ее принятия и не подвергшиеся изменению в 2020 году – осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий; установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации; административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды; кадры судебных и правоохранительных органов; адвокатура, нотариат; защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей; установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления; координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, выполнение международных договоров Российской Федерации (пункты «з», «и», «к», «л», «м», «н», «о»).

В целом, статья 72 Конституции Российской Федерации провозглашает равную меру распространения и гарантирует единообразие полномочий всех видов субъектов Российской Федерации в сфере совместного ведения с Российской Федерацией, что является залогом бесконфликтного сосуществования национального и территориального федерализма, отражает полиэтничность национального состава страны, исторические традиции ее формирования, создает равные условия и предпосылки для развития всех субъектов Российской Федерации и в то же время обеспечивает соблюдение общефедеральных стандартов прав человека на всей территории государства. Часть 2 статьи 72 реализует принцип, заложенный в статье 5 Конституции Российской Федерации, о равноправии субъектов Российской Федерации.

Изменения, внесенные в содержание статьи 72 в результате принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ являются логичными, структурно встроенными с соблюдением элементарных правил системологии, оправданными существующим правовым регулированием, а также политикой государства, проводимой в сферах осуществления сельского хозяйства, реализации молодежной политики, координации вопросов здравоохранения, защиты института брака как союза мужчины и женщины, создания условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях.

#### Литература и источники

1. Гацולהва А.Х., Созанов З.А. К вопросу о проблемах реализации субъектами Российской Федерации правотворческих полномочий по предметам совместного и исключительного ведения // Ленинградский юридический журнал. 2020. №2. С.84-91.
2. Чаннов С.Е. Разграничение полномочий по предметам совместного ведения в контексте бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. 2020. № 5. С. 12–20.
3. Нудненко Л.А. Проблемы правовой регламентации охраны памятников истории и культуры в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 2. С. 38-42.
4. Меркулов П.А. Новый федеральный закон как завершение процесса конституционализации молодежной политики в Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. № 2. С. 4-19.
5. Архирейская Т.Ю., Салимов Р.Н. Защита семьи, сохранение традиционных семейных ценностей в контексте конституционной реформы 2020 г. // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 2. С. 5-11.

#### References and Sources

1. Gatsolayeva A.Kh., Sozanov Z.A. K voprosu o problemakh realizatsii sub'yektami Rossiyskoy Federatsii pravotvorcheskikh polnomochiy po predmetam sovmestnogo i iskl'yuchitel'nogo vedeniya // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. 2020. № 2. S. 84–91.
2. Channov S.Ye. Razgranicheniye polnomochiy po predmetam sovmestnogo vedeniya v kontekste byudzhetoyn obeshchennosti sub'yektov Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2020. T. 20. № 5. S. 12–20.
3. Nudnenko L.A. Problemy pravovoy reglamentatsii okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury v Rossii // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. 2010. № 2. S. 38–42.
4. Merkulov P.A. Novyy federal'nyy zakon kak zaversheniye protsess konstitutsionalizatsii molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik povolzhskogo instituta upravleniya. 2021. T. 21. № 2. S. 4–19.

5. Arkhireyskaya T.Yu., Salimov R.N. Zashchita sem'i, sokhraneniye traditsionnykh semeynykh tseinnostey v kontekste konstitutsionnoy reformy 2020 g. // Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2021. № 2. S. 5–11.

**ЗАПОЛЬСКИЙ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ** – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

**СМОРЧКОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА** – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (l.smorchkova@mail.ru).

**ZAPOLSKY, SERGEY V.** – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (zapolsky@mail.ru).

**SMORCHKOVA, LARISA N.** – Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (l.smorchkova@mail.ru).

УДК 342.92

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-55-59

**МАЗЕИН А.В.**

## **УНИФИКАЦИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ**

**Ключевые слова:** публичная власть, субъекты Российской Федерации, исполнительные органы, высшее должностное лицо, правительство, министерство, принцип единства системы.

В настоящее время в субъектах Российской Федерации фиксируется многообразие наименований исполнительных органов. Федеральным законом от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ установлены требования к наименованиям должности высшего должностного лица и высшего исполнительного органа. В этой связи автором проведен анализ законодательства субъектов РФ и выявлены их существующие наименования, в том числе 7 видов наименований должности высшего должностного лица и 5 наименований высшего исполнительного органа. Отмечено, что в 5 субъектах РФ наименования должностей высших должностных лиц не соответствуют Федеральному закону от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ. Также выявлено, что во всех субъектах РФ функционируют 2 468 иных исполнительных органов государственной власти, наименования которых можно дифференцировать на 14 типов. При этом автором отмечается необходимость унификации соответствующих наименований с учетом реализуемых такими органами функций при сохранении 6 наименований.

**MAZEIN, A.V.**

## **UNIFICATION OF THE NAMES OF THE EXECUTIVE BODIES OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF UNITY OF THE SYSTEM OF PUBLIC POWER**

**Key words:** public authority, subjects of the Russian Federation, executive bodies, governor, government, ministry, the principle of unity of the system.

Currently, a variety of names of executive bodies is recorded in the subjects of the Russian Federation. Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021 establishes requirements for the titles of the position of the highest official and the highest executive body. In this regard, the author analyzes the legislation of the subjects of the Russian Federation and identifies their existing names, including 7 types of names of the position of the highest official and 5 names of the highest executive body. It is noted that in 5 subjects of the Russian Federation, the names of positions of senior officials do not comply with Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021. It was also revealed that 2,468 other executive bodies of state power function in all subjects of the Russian Federation, the names of which can be differentiated into 14 types. At the same time, the author notes the need to unify the corresponding names, taking into account the functions implemented by such bodies and the preservation of 6 names.

Законом о поправке к Конституции Российской Федерации, принятым в 2020 году, на конституционном уровне оформлена идея построения единой системы публичной власти. Эту систему формируют федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности. Именно объединение этих элементов в единую систему публичной власти должно обеспечить «решение стратегических задач развития Российской Федерации» [1, с. 28]. Анализируя конструкцию единой системы публичной власти, профессор М.Н. Кобзарь-Фролова отмечает, что вышеназванные группы органов формируют ее подсистемы [2]. Очевидно, что каждая подобная подсистема самостоятельна и имеет собственные принципы построения. В частности, общие принципы организации публичной власти в субъектах РФ заложены принятым в конце 2021 года Федеральным законом от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [3].

Одним из принципов, закрепленных рассматриваемым Федеральным законом, является принцип единства системы публичной власти. Именно он должен обеспечить «согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан» [4]. Ранее этот принцип не был закреплен в ныне утратившем силу Федеральном законе от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

В целом, Федеральным законом № 414-ФЗ выстраивается «обновленная модель организации и деятельности органов публичной власти на территориях субъектов Российской Федерации» – закрепляются требования к их системе и подходы к установлению их правового статуса [5]. Например, частью 1 статьи 31 данного закона определено, что в систему исполнительных органов субъекта РФ входят: 1) высшее должностное лицо; 2) высший исполнительный орган; 3) иные исполнительные органы. Таким образом, фактически выделяются высшие органы власти и иные органы. Приведенные положения определяют архитектуру системы исполнительных органов субъекта РФ в более явном виде, чем это было сделано Федеральным законом от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ. Такой вывод основан на том, что Федеральный закон № 184-ФЗ только в наиболее общем смысле определял, что в субъекте РФ устанавливается система органов исполнительной власти во главе с высшим исполнительным органом государственной власти. При этом установление должности высшего должностного лица, в соответствии с абзацем 2 статьи 2 Федерального закона № 184-ФЗ, было правом субъекта РФ.

Кроме регулирования содержательных вопросов формирования системы публичной власти, в законе от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ определяются и некоторые внешние атрибуты – возможные наименования органов, специфика их внутренней организации. Указанные требования также должны быть непременно учтены в законодательстве субъектов РФ.

Одним из нововведений Федерального закона № 414-ФЗ является регулирование наименований высших исполнительных органов, также данным законом уточняются требования к наименованию должности высшего должностного лица субъекта РФ. Рассмотрим их отдельно, а также сделаем выводы, каким образом могут измениться соответствующие наименования в будущем.

1. Наименование должности высшего должностного лица.

Федеральным законом от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ было установлено единственное требование, появившееся в 2010 году, – требование о недопустимости использования в наименовании слов и словосочетаний, составляющих наименование должности главы государства – Президента РФ. Ранее наименование должности высшего должностного лица «Президент» имело место в некоторых субъектах РФ, но впоследствии большинство из них, кроме Республики Татарстан, привели свои конституции (уставы) в соответствие с изменениями федерального законодательства [6].

Федеральным законом от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ вопросы наименований должности высшего должностного лица регулируются частями 4 и 5 статьи 20. В первоначальной редакции части 4 статьи 20 было установлено, что наименованием должности высшего должностного лица является «Глава» с дальнейшим указанием наименования субъекта РФ. Позднее Федеральным законом от 14 марта 2022 года № 60-ФЗ данные требования были изменены:

1) установлено, что допускается также использовать в наименовании должности высшего должностного лица слово «Губернатор»;

2) установлено, что должность высшего должностного лица города федерального значения может иметь не только наименования «Глава» или «Губернатор», но и «Мэр».

Также необходимо отметить, что федеральный закон допускает установление конституцией (уставом) субъекта РФ с учетом его исторических, национальных и иных традиций дополнительного наименования должности высшего должностного лица. При этом дополнительное наименование должно указываться после наименования «Глава», «Губернатор», «Мэр». Кроме того, федеральным законом предъявляется требование к такому дополнительному наименованию – оно не может содержать слов и словосочетаний, составляющих наименование должности главы государства (Президента РФ).

В настоящее время в некоторых субъектах РФ наименования должности высшего должностного лица не соответствует рассмотренным положениям Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ. Автором по результатам анализа конституций (уставов) субъектов РФ выявлено 7 видов наименований: «Глава», «Глава – Председатель Правительства», «Глава Администрации», «Глава администрации (губернатор)», «Губернатор», «Мэр», «Президент». Информация об их распространенности представлена в таблице 1.

## ПРАВО

**Таблица 1.** Наименования высших должностных лиц субъектов РФ (2021 год)

Наименование должности высшего должностного лица	Республика	Край	Область	Город федерального значения	Автономная область	Автономный округ
Глава	19	-	-	-	-	-
Глава – Председатель Правительства	2	-	-	-	-	-
Глава Администрации	-	-	2	-	-	-
Глава администрации (губернатор)	-	1	-	-	-	-
Губернатор	-	8	44	2	1	4
Мэр	-	-	-	1	-	-
Президент	1	-	-	-	-	-

Источник: разработано автором

Таким образом, существующие наименования должностей высших должностных лиц не соответствуют требованиям Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ только в 5 субъектах РФ, в которых в настоящее время установлены следующие наименования:

- 1) «Глава Администрации» (в Липецкой и Тамбовской областях);
- 2) «Глава администрации (губернатор)» (в Краснодарском крае);
- 3) «Президент» (в Республике Татарстан);
- 4) «Глава – Председатель Правительства Республики Тыва» (в Республике Тыва).

При этом существующее наименование должности высшего должностного лица Республики Хакасия – «Глава Республики Хакасия – Председатель Правительства Республики Хакасия», формально соответствует требованиям Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ, поскольку после наименования «Глава» указано наименование субъекта РФ, а далее приводится дополнительное наименование.

### 2. Наименование высшего исполнительного органа.

Федеральным законом от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ требования к наименованиям высших исполнительных органов субъектов РФ не устанавливались. При этом пунктом 3 статьи 20 определялось, что соответствующие наименования устанавливаются конституцией (уставом) и законами субъектов РФ.

Поэтому положения части 3 статьи 32 Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ являются безусловным нововведением по этому вопросу. Рассматриваемыми изменениями устанавливается, что наименованием высшего исполнительного органа субъекта РФ является «Правительство» с дальнейшим указанием наименования субъекта РФ. Также федеральный закон допускает установление конституцией (уставом) субъекта РФ с учетом его исторических, национальных и иных традиций другого наименования высшего исполнительного органа.

Автором по результатам анализа конституций (уставов) субъектов РФ выявлено 5 наименований: «Администрация», «Кабинет Министров», «Кабинет Министров – Правительство», «Правительство», «Совет Министров». Информация о распространенности наименований высших исполнительных органов представлена в таблице 2.

**Таблица 2.** Наименования высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ.

Наименование	Республика	Край	Область	Город федерального значения	Автономная область	Автономный округ
Администрация	-	1	9	-	-	1
Кабинет Министров	2	-	-	-	-	-
Кабинет Министров – Правительство	1	-	-	-	-	-
Правительство	18	8	37	3	1	3
Совет Министров	1	-	-	-	-	-

Источник: разработано автором

Проведенный автором анализ показал, что в 70 субъектах РФ в качестве высшего исполнительного органа государственной власти функционирует Правительство, что в полной мере соответствует положениям Федерального закона № 414-ФЗ. Наименования, избранные в других субъектах, тоже могут считаться соответствующими федеральному законодательству как установленные с учетом исторических, национальных и иных традиций субъекта РФ.

Отметим, что идея о закреплении на уровне федерального закона однотипных наименований высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ не является новой. В частности, с подобным предложением в 2007 году выступал З. В. Баликоев [7].

### 3. Наименования иных исполнительных органов.

По данному вопросу необходимо подчеркнуть, что ни Федеральным законом от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ, ни Федеральным законом от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ вопросы наименований иных исполнительных органов не урегулированы.

Проведенный автором анализ регионального законодательства показывает, что в совокупности во всех субъектах РФ функционируют 2 468 иных исполнительных органов государственной власти (без учета их территориальных органов). Наименования соответствующих органов можно дифференцировать на 14 типов (табл. 3).

**Таблица 4.** Типы иных исполнительных органов государственной власти субъектов РФ.

Тип органа	Количество субъектов РФ, в которых созданы соответствующие органы	Общее количество созданных органов в субъектах РФ
Министерство	58	901
Управление	55	296
Инспекция	51	132
Комитет	40	294
Представительство	39	58
Департамент	33	446
Служба	27	94
Администрация	24	43
Главное управление	17	68
Агентство	16	71
Аппарат	17	17
Государственный комитет	12	39
Комиссия	8	8
Центральный аппарат	1	1

Источник: разработано автором

Отметим, что количество типов иных исполнительных органов государственной власти различается в субъектах РФ. Например, в Псковской области создано 20 иных исполнительных органов, все из которых имеют наименование «комитет». С другой стороны, в Кемеровской области одновременно функционируют Администрация Правительства, 17 министерств, 5 департаментов, 2 комитета, 1 комиссия, 2 главных управления, 5 управлений, 2 инспекции, 1 представительство. В этой связи предлагаем рассмотреть вопрос об унификации наименований иных исполнительных органов. В связи с этим автор считает возможным установить наименования в зависимости от специфики осуществляемых функций, объема компетенции и основных используемых форм управленческих действий: «министерство», «служба», «агентство», «управление», «аппарат высшего должностного лица и (или) высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ», «представительство субъекта РФ».

По результатам проведенного анализа необходимо сделать вывод, что формированию единой системы публичной власти должна способствовать среди прочего унификация подходов к наименованиям исполнительных органов. В условиях единой правовой системы такой подход является допустимым с той оговоркой, что в субъектах РФ исполнительные органы могут иметь иные наименования, обусловленные историческими, национальными и иными традициями. Таким образом, органы, осуществляющие аналогичные функции, должны по общему правилу иметь одинаковые наименования в разных субъектах РФ.

#### Литература и источники

1. Щукина Т.В. Трансформация системы публичного управления в Российской Федерации: новые стратегии и направления интеграции: монография. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2019. 242 с.

2. Кобзарь-Фролова, М. Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 2. С. 192–203.
3. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. – Москва, 1997–2021. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2022).
4. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З // КонсультантПлюс : [сайт]. – Москва, 1997–2021. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2022).
5. Законопроект № 1256381-7 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности: офиц. сайт. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1256381-7> (дата обращения 15.03.2022).
6. Конституция Республики Татарстан от 6 ноября 1992 года // КонсультантПлюс: [сайт]. – Москва, 1997–2021. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.05.2021).
7. Баликов З.В. Административно-правовой статус органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: по материалам Республики Северная Осетия – Алания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 155 с.

**References and Sources**

1. Shchukina T.V. Transformaciya sistemy publichnogo upravleniya v Rossijskoj Federacii: novye strategii i napravleniya integracii: monografiya. Voronezh : Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaya kniga», 2019. 242 s.
2. Kobzar'-Frolova, M. N. Sistema organov publichnoj vlasti Rossijskoj Federacii: ponyatie, harakternye priznaki, vzaimodejstvie // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2021. № 2. S. 192–203.
3. Ob obshchih principah organizacii publichnoj vlasti v sub'ektah Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 21 dekabrya 2021 goda № 414-FZ // Konsul'tantPlyus: [sajt]. – Moskva, 1997–2021. – URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 15.03.2022).
4. O sootvetstvii polozheniyam glav 1, 2 i 9 Konstitucii Rossijskoj Federacii ne vstupivshih v silu polozhenij Zakona Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti», a takzhe o sootvetstvii Konstitucii Rossijskoj Federacii poryadka vstupleniya v silu stat'i 1 dannogo Zakona v svyazi s zaprosom Prezidenta Rossijskoj Federacii: zaklyuchenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.03.2020 № 1-Z // Konsul'tantPlyus : [sajt]. – Moskva, 1997–2021. – URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 15.03.2022).
5. Zakonoproekt № 1256381-7 «Ob obshchih principah organizacii publichnoj vlasti v sub'ektah Rossijskoj Federacii» // Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatelnosti: ofic. sajт. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1256381-7> (data obrashcheniya 15.03.2022).
6. Konstituciya Respubliki Tatarstan ot 6 noyabrya 1992 goda // Konsul'tantPlyus: [sajt]. – Moskva, 1997–2021. – URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 12.05.2021).
7. Balikoev Z.V. Administrativno-pravovoj status organov ispolnitel'noj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii: po materialam Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2007. 155 s.

**МАЗЕИН АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ** - старший преподаватель кафедры правового обеспечения государственного управления и национальной безопасности Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации ([mazein-av@ranepa.ru](mailto:mazein-av@ranepa.ru)).

**MAZEIN, ARTEM V.** - Senior Lecturer at the Department of Legal Support of Public Administration and National Security of the Ural Institute of Management-branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

УДК 342.9

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-59-64

**ГЛАЗУНОВА И.В.**

**ПЕРЕДАЧА ПОЛНОМОЧИЙ КАК ОДИН ИЗ ЭФФЕКТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ  
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**Ключевые слова:** делегирование полномочий, административная реформа, государственная функция, государственная услуга, административно-правовое регулирование, метод регулирования, орган исполнительной власти, негосударственный сектор, единая система публичной власти.

В настоящее время конституционными преобразованиями фактически обусловлен новый этап административной реформы. В качестве основы для создания моделей эффективных инструментов современного администрирования автором предложен российский опыт проведения административной реформы начала XXI века. Исследуется характер связи задач отечественной административной реформы с применяемыми правовыми методами их достижения. Сделан вывод о том, что одним из наиболее эффективных механизмов стало делегирование полномочий. В этой связи особенно перспективными автор считает такие направления проведения научных исследований, как делегирование функций по оказанию некоторых публичных услуг негосударственным структурам перераспределение полномочий между федеральными и региональными органами исполнительной власти, государственными органами исполнительной власти и муниципальными органами власти, прежде всего в условиях реализации особых правовых режимов.

**GLAZUNOVA, I.V.**

**TRANSFER OF POWERS AS ONE OF THE EFFECTIVE MECHANISMS OF ADMINISTRATIVE LEGAL REGULATION**

**Key words:** delegation of powers, administrative reform, public function, public service, administrative and legal regulation, method of regulation, executive authority, non-state sector, unified system of public authority.

At present, constitutional reforms have actually caused a new stage of administrative reform. As a basis for creating models of effective tools for modern administration, the author proposes the Russian experience of administrative reform at the beginning of the 21st century. The nature of the connection between the tasks of the domestic administrative reform and the legal methods used to achieve them is investigated. It is concluded that one of the most effective mechanisms was the delegation of authority. In this regard, the author considers especially promising

such areas of scientific research as the delegation of functions for the provision of certain public services to non-state structures, the redistribution of powers between federal and regional executive authorities, state executive authorities and municipal authorities, primarily in the context of the implementation of special legal regimes.

Принятие в июле 2020 г. поправок к Конституции РФ [19], определивших изменение общей конфигурации публичной власти, существенную корректировку перечня полномочий органов государственной власти и местного самоуправления в России, знаменуют переломный момент в развитии государственного управления. Эти значимые перемены затронули все органы государственной власти и, в значительной степени - органы исполнительной власти [11]. В этих условиях, как никогда ранее, возрастает актуальность разработки вопросов распределения полномочий между органами единой системы публичной власти. Одновременно результаты деятельности публичной власти по хозяйственному, социально-культурному и административно-политическому строительству на уровне субъектов Российской Федерации в значительной степени зависят от эффективности взаимодействия не только федеральных органов исполнительной власти, ФОИВ и органов исполнительной власти субъектов РФ, но и на уровне органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, состояния нормативной правовой базы, регулирующей данную сферу общественных отношений. Для создания правовой «оболочки» реализации новаций, закрепленных в действующей Конституции РФ после внесения поправок, требуется значительная работа законодателя.

Добрым фундаментом для создания моделей качественных инструментов реформирования и современного администрирования является, в том числе российский опыт проведения реформы в первом десятилетии XXI века, последовавшей спустя 10 лет после событий начала 90-х гг. прошлого века. (Результатом этих событий была крупномасштабная смена общественного и государственного строя, всего уклада жизни [9, с. 17].)

В силу того, что административная реформа, как и реформа государственного управления, являясь по сути производной от реформы конституционной, развивала достигнутые в результате конституционных преобразований изменения, то преобразования, реализуемые в рамках реформы 2003-2005 гг. и 2006-2010 гг., были связаны с развитием положений, закрепленных в Конституции РФ 1993 года.

Административная реформа, осуществляемая исполнительной ветвью государственной власти (органы исполнительной власти - ОИВ), на своем начальном этапе имела целью укрепление государственной власти в стране, разграничение полномочий между различными элементами бюрократической сети. Ее центральным звеном явилась реорганизация системы и структуры федеральных органов исполнительной власти. Задача совершенствования деятельности органов исполнительной власти продолжала оставаться актуальной на всех этапах реформирования. При этом в ходе реформы произошло смещение акцентов решения задач: на первый план вышла уже не проблема установления и разграничения функций и полномочий ОИВ, оптимизации их системы и структуры, но повышение эффективности их деятельности, в развитие чего была определена и принципиально новая цель проведения административной реформы, состоящая в повышении качества и доступности государственных услуг.

Реализация выбранной руководством страны модели государственного управления - модели «отзывчивой демократии», позиционирующей государственную власть как действующую «открыто, прозрачно, ставя во главу угла интересы граждан, доступную внешнему контролю, рационально организованную, ответственную и пользующуюся уважением в обществе» [6, с. 173], обусловила огромные масштабы изменений в связи с развитием механизма делегирования полномочий в целях исполнения государственных функций.

Попытки повысить качество государственного управления реализовывались также посредством передачи полномочий, которое осуществлялось как «по горизонтали», так и «по вертикали» структуры органов исполнительной власти и органов местного самоуправления.

Реализация реформы системы исполнительной власти отразилась на взаимоотношениях органов государственной власти (федеральных и региональных) и органов местного самоуправления. В 2012-2014 гг. были разработаны и введены в практику правовой механизм делегирования отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления, а также принципиально новый механизм перераспределения полномочий, предусматривающий передачу отдельных полномочий органов местного самоуправления органам государственной



власти субъекта Российской Федерации [12]. Эти два механизма в совокупности становятся основными способами так называемого «огосударствления» местной власти [5, с. 85]. При этом оценка названным возможностям передачи полномочий между ОИВ субъекта РФ и ОМСУ оценивается специалистами по-разному – от критических до восторженных [5; 7].

Кроме того, возникло и получило широкое распространение новое направление делегирования полномочий, обусловленное передачей государственных функций и соответствующих полномочий, в том числе финансово-правового характера, негосударственному сектору экономики (в том числе, государственные корпорации; управляющие компании; организации, оказывающие государственные услуги; финансовые институты развития, созданные в различных организационно-правовых формах).

В этой связи напомним, что Гражданским кодексом Российской Федерации (ГК РФ) установлено, что субъектом права федеральной государственной собственности является в целом Российская Федерация как публично-правовое образование, а также определено, что федеральные органы государственной власти выступают в имущественном обороте от имени государства и осуществляют возложенные на них правомочия собственника в соответствии со своей компетенцией (ст. 124, 125). Для управления перечисленными объектами создаются и специализированные органы федеральной исполнительной власти.

Знаковым решением стало делегирование полномочий по осуществлению от имени России государственного управления имуществом. Так, например, полномочиями по осуществлению от имени России государственного управления использования атомной энергии наделена государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» [13].

Правовое регулирование, управление и распоряжение собственностью в сфере федерального транспорта и путей сообщения Российская Федерация осуществляет на основании федерального закона [14], которым установлены экономические, правовые и организационные особенности функционирования железнодорожного транспорта общего пользования, а также государственного регулирования в области железнодорожного транспорта необщего пользования.

Управление объектами других видов федерального транспорта осуществляется посредством приватизации государственного имущества и создания акционерных обществ с государственным участием, регулирование деятельности которых осуществляется на основе норм ГК РФ, а также отдельных федеральных законов. Функции регулирования и управления федеральными транспортом и путями сообщения выполняют также специализированные федеральные органы исполнительной власти (Федеральное агентство морского и речного транспорта (Росморречфлот), Федеральное агентство воздушного транспорта (Росавиация), Федеральное агентство железнодорожного транспорта (Росжелдор) [15-17]).

Логике ограничения дееспособности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в части административно-правового управления территориальным развитием следовал ряд решений о возможности передачи исполнения части полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и органов Фонда социального страхования Российской Федерации частному юридическому лицу – управляющей компании. В частности, согласно ст. 5 Федерального закона от 28.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» управляющей компании было поручено решать на территории опережающего социально-экономического развития (ТОР) значительную часть вопросов, ранее включенных в полномочия органов исполнительной власти и органов местного самоуправления соответствующего муниципального образования. Причем в таком подходе новацией является не только передача большого количества полномочий органов власти разного уровня частному лицу, но и серьезное ограничение возможности указанных органов участвовать в управлении и развитии соответствующих территорий [2; 8, с. 14-16, 19].

Во исполнение такого приоритетного направления как снижение ограничений вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства был принят закон о передаче саморегулируемым организациям некоторых государственных функций (под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и

содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил) [18].

В 2006 г. была определена такая принципиально новая цель проведения административной реформы, как повышение качества и доступности государственных услуг. Достижение этой цели сопряжено с воплощением идеи создания эффективного, компактного, «сервисно-ориентированного» государства. Термин «компактность» применительно к государству означает, что роль государства в жизни общества должна быть ограничена необходимостью обеспечения реализации прав и свобод (во всех сферах жизни, в том числе в сфере экономической деятельности). Одним из приоритетов проводимой в России реформы отечественной системы государственного управления становится построение так называемого «сервисного» (сервисно-ориентированного) государства, в котором оказание государственных и муниципальных (публичных) услуг (государством или от его имени) гражданину, субъектам предпринимательства, предстает как его основная функция.

В этой связи приведем авторитетное и справедливое, на наш взгляд, мнение о том, что государство и государственная власть выполняли и будут выполнять значительное число иных функций, которые нельзя свести исключительно к задачам оказания услуг [1, с. 40]. Ограничение же функций государства исключительно оказанием публичных услуг, служением индивиду, является преувеличением и даже лукавством.

Правовым фундаментом в этой сфере деятельности ОИВ стал Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», где в статье 2 дано определение «государственная услуга – это деятельность по реализации функций соответствующего органа исполнительной власти, которая осуществляется по запросам заявителей».

Характерной особенностью реализации сервисной функции является внедрение стандартов и регламентов оказания государственных услуг, использование технологии «одного (или единого) окна» при взаимодействии получателей услуг и государства, целенаправленный переход к оказанию услуг в электронной форме. Необходимым шагом стало создание и внедрение механизмов формирования «перечня» (реестра) оказываемых государственных услуг и наделения соответствующими полномочиями органов, их оказывающих, а также разработка стандартов качества оказания услуг.

К числу органов, оказывающих государственную (муниципальную) услугу, законодателем отнесены как органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, так и организации, уполномоченные оказывать государственную (муниципальную) услугу на основании правового акта исполнительного органа государственной власти или договора о выполнении работ или оказании услуг для государственных (муниципальных) нужд. При этом существенную долю услуг (публичные услуги в сфере образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, культуры и т. п.) органы государственной власти и органы местного самоуправления (далее – ОМСУ) оказывают не непосредственно, а через профильные государственные учреждения и организации (например, созданные в различных организационно-правовых формах школы, поликлиники, больницы, жилищно-эксплуатационные организации и др.). Следовательно, прямое предоставление государственных (муниципальных) услуг именно государственными (муниципальными) органами не является обязательным требованием при предоставлении таких услуг (и обязательным признаком государственной услуги).

Как отмечается исследователями, функции по предоставлению государственных и муниципальных услуг могут быть переданы также в негосударственный сектор, что, в свою очередь, актуализирует необходимость разработки теоретических основ договорных форм сотрудничества органов государственной власти и органов местного самоуправления с бизнес-сообществом, с негосударственным сектором в целом в интересах оптимизации порядка предоставления государственных и муниципальных услуг, развития государственно-частного партнерства, а также реорганизации бюджетных государственных и муниципальных учреждений в автономные [1, с. 47].

Принятие поправок к Конституции Российской Федерации [19] определило существенное изменение конфигурации отечественной публичной власти, содержание «портфеля» функций и полномочий органов государственной власти и местного самоуправления в России.

Поправочным Законом вводится понятие «единство публичной власти», идея о котором давно предлагалась и обсуждалась, а тенденции сближения государственной и муниципальной власти проявлялись в последнее десятилетие. Однако содержание понятия «единство публичной власти» не имеет легитимного определения. В Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» определение данного понятия подменено перечнем органов, входящих в единую систему публичной власти.

Не вносит в этой части определенности и Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», содержащий перечень органов, входящие в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации: федеральные органы государственной власти и иные федеральные государственные органы осуществляют свои полномочия на территории субъекта Российской Федерации непосредственно или через создаваемые ими территориальные органы во взаимодействии с органами государственной власти субъекта Российской Федерации, иными государственными органами субъекта Российской Федерации, органами местного самоуправления, действующими на территории субъекта Российской Федерации (пункт 3 ст. 1).

Содержание понятия единой системы исполнительной власти в Российской Федерации таким же образом, т. е. через перечисление, дано в части 2 статьи 77 Конституции Российской Федерации: «В пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации».

Начало нового этапа конституционно-правовой реформы, с одновременным продолжением реализации административной, муниципальной и иных реформ управления в Российской Федерации, а также совпадение этого момента с наступлением так называемой «новой нормальности», обусловленной пандемией коронавирусной инфекции, когда «в условиях глобальной социально-экономической дестабилизации, в правовой практике разница между обычным и чрезвычайными режимами управления стирается» [4, с. 116], определяют как никогда актуальную повестку по разработке вопросов распределения полномочий между органами единой системы публичной власти.

На основании изложенного в целях совершенствования форм и методов деятельности ОИВ в сфере административно-правового регулирования представляются перспективными такие направления проведения научных исследований, как: 1. Делегирование некоторых функций негосударственным структурам (установлении перечня видов услуг, критериев отбора исполнителей, разработка форм и условий сотрудничества). 2. Делегирование и перераспределение полномочий между федеральными и региональными органами исполнительной власти, государственными органами исполнительной власти и муниципальными органами власти. Повышение роли субъектов Российской Федерации, их органов исполнительной власти в условиях реализации особых правовых режимов (особых экономических режимов, экспериментальных правовых режимов), а также противодействия новым угрозам и вызовам (в т.ч. в период введения режима повышенной готовности в связи с распространением вирусной инфекции COVID-19).

### Литература и источники

1. Барциц И.Н. Понятие «публичная услуга» в контексте Федерального закона № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и вне его // Государство и право. 2013. № 10. С. 40-51.
2. Глазунова И.В., Бондаренко А.А. Взаимодействие органов публичной власти города Москвы и муниципальных образований при реализации государственных полномочий (административно-правовой аспект) // Муниципальная академия. 2019. №3. С.16-20.
3. Глазунова И.В. Правовое регулирование современных форм и методов достижения целей административного реформирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 4. С. 146-153.
4. Гришковец А.А. Специфика режимов управления в условиях «новой нормальности» // Единство публичной власти в условиях современного общества: сборник трудов Центра исследования проблем территориального управления и самоуправления/ отв. ред. В.В. Балытников. М.: ИИУ МГОУ, 2020. С. 115-119.
5. Зубарев С.М. К вопросу об огосударствлении местного самоуправления // Lex Russica. 2018. № 12 (145). С. 83-89.
6. Комаровский В.С. Административная реформа в Российской Федерации// Полис. Политические исследования. 2005. № 4. С. 172-178.

7. Не барьер, а грань сопряжения: Научный доклад об актуальных проблемах и перспективах развития современной отечественной модели разграничения полномочий между региональным и муниципальным уровнями власти / В. В. Балытников, А. А. Горбылёв, Е. Н. Михайлов и др. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 28 с.
8. Петухов Р.В. Развитие территорий муниципальных образований: проблема баланса интересов // Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: Изменение баланса интересов государственной власти и местного самоуправления / Под ред. Е. С. Шугриной. М: Изд-во «Проспект», 2017. С. 14-19.
9. Проблемы социально-экономического и политического развития России/ Отв. ред. Н.Ю. Хаманева. М.: Юристъ, 2001.
10. Публичная власть: система, компетенции: монография/ под общ. ред. М.Н. Кобзарь-Фроловой. Воронеж: Научная книга, 2021. 237 с.
11. Редкоус В.М. Основные направления нового этапа административной реформы в Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 8. С. 15-18.
12. Федеральный закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
13. Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
14. Федеральный закон от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
15. Постановление Правительства РФ от 23.07.2004 № 371 «Об утверждении Положения о Федеральном агентстве морского и речного транспорта» // // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
16. Постановление Правительства РФ от 30.07.2004 № 396 «Об утверждении Положения о Федеральном агентстве воздушного транспорта» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
17. Постановление Правительства РФ от 30.07.2004 № 397 «Об утверждении Положения о Федеральном агентстве железнодорожного транспорта» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
18. ст. 2 Федерального закона от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
19. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru/>

**Literature and Sources**

1. Barcic I.N. Ponyatie «publichnaya usługa» v kontekste Federal'nogo zakona № 210-FZ «Ob organizacii predostavleniya gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug» i vne ego // Gosudarstvo i pravo. 2013. № 10. S. 40-51.
2. Glazunova I.V., Bondarenko A.A. Vzaimodejstvie organov publichnoj vlasti goroda Moskvy i municipal'nyh obrazovanij pri realizacii gosudarstvennyh polnomochij (administrativno-pravovoj aspekt) // Municipal'naya akademiya. 2019. №3. S.16-20.
3. Glazunova I.V. Pravovoe regulirovanie sovremennyh form i metodov dostizheniya celej administrativnogo reformirovaniya // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2021. № 4. S. 146-153.
4. Grishkovec A.A. Specifika rezhimov upravleniya v usloviyah «novoj normal'nosti» // Edinstvo publichnoj vlasti v usloviyah sovremennogo obshchestva: sbornik trudov Centra issledovaniya problem territorial'nogo upravleniya i samoupravleniya/ отв. ред. V.V. Balytnikov. М.: ИИУ МГОУ, 2020. S. 115-119.
5. Zubarev S.M. K voprosu ob ogosudarstvenii mestnogo samoupravleniya // Lex Russica. 2018. № 12 (145). S. 83-89.
6. Komarovskij V.S. Administrativnaya reforma v Rossijskoj Federacii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2005. № 4. S. 172-178.
7. Не бар'ер, а гран' сопряжения: Научный доклад об актуальных проблемах и перспективах развития современной отечественной модели разграничения полномочий между региональным и муниципальным уровнями власти / В. В. Балытников, А. А. Горбылёв, Е. Н. Михайлов и др. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 28 с.
8. Петухов Р.В. Развитие территорий муниципальных образований: проблема баланса интересов // Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: Изменение баланса интересов государственной власти и местного самоуправления / Под ред. Е. С. Шугриной. М: Изд-во «Проспект», 2017. С. 14-19.
9. Problemy social'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Rossii/ Отв. ред. Н.Ю. Хаманева. М.: Юристъ, 2001.
10. Publichnaya vlast': sistema, kompetencii: monografiya/ pod obshch. ред. М.Н. Кобзарь-Фроловой. Воронеж: Научная книга, 2021. 237 с.
11. Redkous V.M. Osnovnye napravleniya novogo etapa administrativnoj reformy v Rossijskoj Federacii // Zakon i pravo. 2020. № 8. S. 15-18.
12. Federal'nyj zakon ot 27.05.2014 № 136-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'yu 26.3 Federal'nogo zakona «Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii» i Federal'nyj zakon «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
13. Federal'nyj zakon ot 01.12.2007 № 317-FZ «O Gosudarstvennoj korporacii po atomnoj energii «Rosatom» // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
14. Federal'nyj zakon ot 10.01.2003 № 17-FZ «O zheleznodorozhnom transporte v Rossijskoj Federacii» // // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
15. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23.07.2004 № 371 «Ob utverzhenii Polozheniya o Federal'nom agentstve morskogo i rechnogo transporta» // // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
16. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.07.2004 № 396 «Ob utverzhenii Polozheniya o Federal'nom agentstve vozdušnogo transporta» // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
17. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.07.2004 № 397 «Ob utverzhenii Polozheniya o Federal'nom agentstve zheleznodorozhnogo transporta» // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
18. st. 2 Federal'nogo zakona ot 01.12.2007 № 315-FZ «O samoreguliruemym organizacijah» // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
19. Zakon Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 14.03.2020 № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru/>

**ГЛАЗУНОВА ИНЕССА ВЛАДИМИРОВНА** - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук.

**GLAZUNOVA, INESSA V.** - Ph.D. in Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences ([ginesa@mail.ru](mailto:ginesa@mail.ru)).

**ДЯДЬКИН О.Н.**  
**К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ**

**Ключевые слова:** административные правонарушения, уголовный закон, преюдиция в уголовном процессе, административная преюдиция, прокурор.

В статье проведен анализ законодательства об административных правонарушениях, уголовного и уголовно-процессуального законов, а также теоретических работ авторов о применении административной преюдиции в России. На его основе дополнены характеристики административной преюдиции и предложены поправки и изменения в КоАП РФ и УПК РФ. Для объективного и качественного расследования уголовных дел автор предлагает ввести в практику возбуждение и административное расследование дел об административных правонарушениях, при неоднократном совершении которых наступает уголовная ответственность, возложив это на должностных лиц подразделений дознания районных органов внутренних дел. Следует внести изменения в КоАП РФ в части производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных соответственно статьями 12.9 (ч. 7) и 12.15 (ч. 5), предусмотрев по делам данной категории обычное производство. Санкцию ст. 212<sup>1</sup> УК РФ в виде принудительных работ и лишения свободы снизить до трех лет, тем самым отнести данное общественно опасное деяние к преступлению небольшой тяжести.

**DYADKIN, O.N.**  
**ON THE QUESTION OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE**

**Key words:** administrative offenses, criminal law, prejudice in criminal proceedings, administrative prejudice, prosecutor.

The article analyzes the legislation on administrative offenses, criminal and criminal procedure laws, as well as the theoretical works of the authors on the application of administrative prejudice in Russia. On its basis, the characteristics of the administrative prejudice are supplemented and amendments and changes to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are proposed. For an objective and high-quality investigation of criminal cases, the author proposes to introduce into practice the initiation and administrative investigation of cases of administrative offenses, the repeated commission of which leads to criminal liability, by placing this on the officials of the inquiry units of the district internal affairs bodies. Amendments should be made to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in terms of proceedings in cases of administrative offenses provided for, respectively, in Articles 12.9 (part 7) and 12.15 (part 5), providing for ordinary proceedings in cases of this category. The sanction of Art. 212<sup>1</sup> of the Criminal Code of the Russian Federation in the form of forced labor and imprisonment to be reduced to three years, thereby classifying this socially dangerous act as a crime of minor gravity.

Законодательство об административных правонарушениях (КоАП РФ) и Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) разрабатываются и принимаются, среди прочего, и с целью предупреждения противоправных деяний. Следует заметить, что основными средствами достижения данных задач служат соответствующие наказания, которые представляют собой неблагоприятные последствия для лиц, совершивших противоправные деликты – административно правонарушения и преступления. Между тем, возникает вопрос о некоторых недочетах, имеющих в них место. Так, если УК РФ предусмотрел одной из своих задач предупреждение преступлений, то из анализа положений КоАП РФ проследить этого невозможно. Среди множества задач (ст. 1.2 КоАП РФ) предупреждение относится исключительно к административным правонарушениям. Что касается цели административного наказания (ст. 3.1 КоАП РФ), то законодатель распространил ее на все правонарушения. По нашему мнению, это в полной мере относится также и к преступлениям,

Нужно также заметить, что КоАП РФ и УК РФ объединяет еще одно правовое явление – административная преюдиция. Несмотря на то, что она фиксируется в статьях Особенной части уголовного закона и научные исследования по указанной проблеме проводят специалисты в области уголовного права [1], не стоит забывать о совершении первоначально административно-правового деликта лицом, которое остается подвернутым административному наказанию определенное время. Отсутствие такого условия исключает административную преюдицию.

Отечественное законодательство не содержит дефиниции «административная преюдиция». На постсоветском пространстве только Республика Беларусь в своем УК в ст. 32 закрепила ее официальное определение: «В случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение» [2].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепил в ст. 90 определение преюдиции, относящейся больше к процедуре доказывания по уголовным делам. Согласно данной норме, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со статьями 226<sup>9</sup>, 316 или 317<sup>7</sup> УПК РФ, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в

рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. Следует сразу отметить, что решения, принятые в ходе производства по делам об административных правонарушениях, требуют дополнительной проверки и оценки с помощью уголовно-процессуальных процедур, поскольку «не вписываются» в правила ст. 90 УПК РФ. На это указала и высшая судебная инстанция РФ в частном случае применительно к ст. 314<sup>1</sup> УК РФ. Так, п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314<sup>1</sup> Уголовного кодекса Российской Федерации» [3] закрепляет обязательность проверки обстоятельств, явившихся основанием установления административного надзора, а также привлечения лица к административной ответственности по части 1 и части 3 статьи 19.24 КоАП РФ, иной статье глав 6, 19 или 20 КоАП РФ, поскольку не определяют выводы суда о виновности подсудимого в совершении преступления, предусмотренного статьей 314<sup>1</sup> УК РФ. По этой причине требуется проведение уголовно-процессуальных процедур. Подобный подход необходим и для других анализируемых нами юридических дел.

Вместе с тем, отечественное законодательство уже закрепляло нормы с административной преюдицией. Ярким примером этому служит УК РСФСР 1960 года [4], в котором преступления с административной преюдицией закреплялись в главах 4 «Преступления против политических, трудовых, иных прав и свобод граждан», 5 «Хозяйственные преступления» (самый большой массив преступлений с административной преюдицией), 7 «Преступления против правосудия», 9 «Преступления против порядка управления», 10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». Наиболее строгие санкции рассматриваемой категории предусматривали лишение свободы в пределах от 6 месяцев до 2 лет. Исключением из этого правила стала ч. 1 ст. 225<sup>1</sup> «Незаконные посев или выращивание масличного мака и конопли» - до 3-х лет лишения свободы.

Анализ рассматриваемых преступлений позволяет сделать следующие выводы: 1) уголовная ответственность наступала за такое же (такие же) нарушение (нарушения), то есть при повторном нарушении правил, предусматривающем административную ответственность; 2) субъектом уголовно-правового деликта становилось лицо, на которое было наложено административное взыскание; 3) важным условием реализации данного правила служил отрезок времени, в течение которого было выявлено повторное нарушение установленных правил – в ряде уголовно-правовых норм это «в течение года после наложения административного взыскания», в других – «если эти действия совершены после применения мер административного взыскания», в третьих – «за нарушение указанных правил были в течение года подвергнуты административному взысканию» и др. При этом законодатель не причислял к субъектам данных преступлений лиц, которые после осуждения за данные деяния, вновь совершали аналогичные нарушения (аналогичное нарушение) (речь идет о совершении аналогичных административных правонарушений, которые в совокупности и составили преступление).

Вступивший в силу с 1 января 1997 года УК РФ [5] сначала не содержал преступлений с административной преюдицией. Процесс включения в число преступлений деяний, повлекших административную ответственность, начался в 2011 году, когда федеральным законом от 21.09.2011 г. статьей 151<sup>1</sup> была установлена уголовная ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. Субъектом такого деликта становилось лицо, которое до этого привлекалось к административной ответственности за аналогичное нарушение, а срок, в течение которого сохранялись уголовно-правовые последствия, тогда составлял 180 дней. И после этого число преступлений, субъектами которых становились лица, подвергнутые административному наказанию за аналогичные нарушения, продолжало расти. В 2014 году прибавилось 4 состава преступлений, в 2015 – 2; в 2016 – 3; в 2021 – 1, и на сегодняшний день преступлений с административной преюдицией в УК РФ насчитывается 11. Вместе с тем, легального определения административной преюдиции и ее признаков нет, что порождает научные дискуссии. Поставим перед собой задачу обозначить и предложить выход по их решению.

Сначала проанализируем действующие уголовно-правовые нормы с административной преюдицией. В их диспозициях данное обстоятельство выражается посредством включения в нее словосочетания «лицом, подвергнутым административному наказанию» (преобладающее среди

других вариантов, например, ст. 116<sup>1</sup> УК), «если это деяние совершено неоднократно» (ст. 151<sup>1</sup>), «неоднократное несоблюдение лицом ...» (как пример, ст. 314<sup>1</sup>) и др.

Во-вторых, признание деяния преступным возможно только после совершения виновным лицом одного или нескольких аналогичных административно-правовых деликтов. Следует заметить, что это допустимо обычно в период подвергнутости административному наказанию (ее сроки и правила исчисления фиксированы в ст. 4.6 КоАП РФ) или в течение 180 суток после неоднократного привлечения к административной ответственности (ст. 212<sup>1</sup> УК РФ). При этом выделяем тот факт, что дела об административных правонарушениях, которые впоследствии могут быть признаны преступлениями, рассматриваются в порядке ст. 23.1 КоАП РФ судьями. Исключением из этого правила служат составы правонарушений, предусмотренных статьями 20.17, 19.24 (часть 1), 12.9 (часть 7), 12.15 (ч. 5). Последние два деликта посягают на безопасность дорожного движения, дела о них судьями не рассматриваются при условии фиксации их специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме, способными технически закрепить данные нарушения, по этой причине соответствующие дела находятся в подведомственности соответствующих должностных лиц ОВД (полиции).

Что касается ч. 2 ст. 20.17 и ч. 1 ст. 19.24 КоАП РФ, то дела о них передаются судьям от соответствующих должностных лиц, которые делегировали право рассмотрения их судьям. В этой связи в продолжение развития решений высших судебных инстанций РФ и их значения, необходимо говорить об объективном и справедливом постановлении о назначении административных наказаний вообще, и, в частности по делам, влекущим уголовно-правовые последствия. В этой связи предлагаем внести изменения в ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ, предусмотрев самостоятельное рассмотрение дел о правонарушениях, предусмотренных статьями 20.17 и 19.24 КоАП РФ, судьями. Применительно к оценке доказательств к статьям 12.9 и 12.15 КоАП РФ, то рассмотрение таких дел должностными лицами ОВД (полиции) в случае фиксации нарушений техническими средствами, работающими автоматически, видится проблематичным. По нашему мнению, это может создать в будущем определенные сложности в случае их повторного нарушения, когда встанет вопрос о привлечении виновного водителя уже к уголовной ответственности. Данная проблема требует самостоятельного решения по следующим причинам.

Первая проявляется в том, что фиксация правонарушения в области дорожного движения или благоустройства территории допускается техническим средством, работающим в автоматическом режиме, и исключительно поводом возбуждения дела об административном правонарушении превышения скоростного режима водителями служит показание технического прибора. И в таких случаях в соответствии с ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ проводится особое производство по делу. Суть его заключается в том, что основным доказательством по делу являются показания специального технического средства, протокол об административном правонарушении не составляется, а процедура вынесения постановления по делу об административном правонарушении должностным лицом ОВД (полиции) не предусматривает участие правонарушителя.

Другая проблема и, по нашему мнению, основная кроется в назначенном наказании. Согласно ч. 3.1 ст. 4.1 КоАП РФ наличие в санкции только лишения специального права или административного ареста обязывает начальника центра автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения государственной инспекции безопасности дорожного движения в нашем примере назначать административный штраф в размере пяти тысяч рублей. Очевидным становится тот факт, что априори ст. 264<sup>2</sup> УК РФ не будет реализована, так как законодатель уже изначально в качестве субъекта данного преступления установил лицо, которое не только подвергнуто административному наказанию за совершение правонарушений в области дорожного движения, но и в то же время за указанные административно-правовые деликты должно понести административное наказание в виде лишения специального права. Для устранения обозначенных проблем следует изменить порядок рассмотрения дела об административном правонарушении, установленном специальным техническим средством, способным фиксировать событие противоправного деяния. Мы предлагаем применительно к делам об административных правонарушениях в области дорожного движения и предусмотревших УК РФ за их неоднократное нарушение уголовную ответственность, закрепить обычный порядок его осуществления. Он заключается в проведении административного

расследования, составлении протокола о правонарушении, рассмотрении дела с участием лица, в отношении которого ведется производство, и пр.

Нельзя обойти стороной юридическое закрепление определения субъекта данного преступления – лицо, подвергнутое административному наказанию и лишенное права управления транспортными средствами. В таком случае данную дефиницию можно объяснить так: а) совершил одно из указанных правонарушений, за что его судья лишил права управления данным видом транспорта на определенный срок, или б) водитель допустил соответствующее нарушение правил дорожного движения, будучи уже лишенным такого специального права. Если мы понимаем под субъектом преступления водителя (п. а)), то редакция ч. 1 ст. 264<sup>2</sup> требует изменения – слова «и лишенным права управления транспортными средствами...» заменить на сочетание слов «в виде лишения права управления транспортными средствами...».

По нашему убеждению, применяя условия административной преюдиции, факт наличия состава административного правонарушения и назначения наказания за его совершение должны обеспечиваться не только судебным рассмотрением, но и участием в данном деле прокурора. По этой причине предлагаем дополнить текст ч. 2 ст. 25.12, предусмотрев после слов «совершенном несовершеннолетним» словосочетанием «об административных правонарушениях, предусмотренных статьями ...». И далее вставить перечисление частей статей (статей), которые заканчиваются словами «если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния». Анализ норм КоАП РФ с такими словами позволяет резюмировать, что к ним относятся административные правонарушения: 1) по конструкции схожи с преступлениями, но их, как правило, отличает наступивший вред; 2) наличие административной подвергнутости за административное правонарушение и совершение аналогичного административного деликта. Перечисленные деликты сложны при квалификации, и, как следствие, в этом процессе могут возникнуть определенные проблемы в выборе УК РФ или КоАП РФ.

В-третьих, сопоставляя определение административной преюдиции белорусских законодателей с санкциями статьями УК РФ, можем заметить, что преступления, совершенные лицами, подвергнутыми административным наказаниям, как правило, относятся к категории общественно опасных деяний небольшой тяжести. Это правильно, поскольку административное правонарушение при определенных условиях уголовного закона изменяет свое качество постепенно. Вместе с тем, вызывает спор возможное уголовное наказание за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212<sup>1</sup>). Санкция до 5 лишения свободы относит данное деяние к преступлениям средней тяжести. На наш взгляд, наличие административной подвергнутости и совершение лицом в указанный период аналогичного нарушения могут образовывать состав преступления, относящегося к ч. 2 ст. 15 УК РФ – к преступлениям небольшой тяжести. По этой причине предлагаем санкцию указанной уголовно-правовой нормы в части принудительных работ и лишения свободы снизить до трех лет.

В-четвертых, любая юридическая норма претворяется в жизнь только в рамках соответствующего юридического процесса. Применительно к заявленной теме мы должны проанализировать нормы российского уголовно-процессуального закона, затрагивающие проблемы предварительного расследования уголовных дел анализируемой категории.

Анализ статей 150 и 151 УПК РФ показал, что в основном уголовные дела с административной преюдицией расследуются в форме дознания, большая их часть подпадает под юрисдикцию органов внутренних дел, и только дознание по ст. 157 УК РФ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» осуществляют сотрудники органов принудительного исполнения Российской Федерации. Особо следует выделить статьи 212<sup>1</sup> и 284<sup>1</sup> УК РФ, так как уголовные дела об указанных преступлениях расследуют следователи органов внутренних дел и Следственного комитета РФ.

Вместе с тем, для объективного расследования данных уголовных дел необходимо качественное установление первичного факта совершения административного правонарушения, допущение которого в будущем может повлечь уголовную ответственность. С этой целью анализу были подвергнуты положения ст. 28.3 КоАП РФ, закрепляющие полномочия должностных лиц публичных органов на составление протоколов об административных правонарушениях. Следует отметить, что указанные должностные лица имеют также права на применение мер обеспечения



производства по делам о правонарушениях и сбор доказательств по делу, что имеет важное юридическое значение. Дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 6.1<sup>1</sup>, 14.16 (ч. 2.1), 5.35<sup>1</sup>, 7.27 (ч. 2), 14.17<sup>1</sup>, 20.2, 20.17 (ч. 2), 12.8 (ч. 1), 12.9 (ч. 7), 12.15 (ч. 5), 19.24 КоАП РФ, возбуждаются должностными лицами ОВД (полиции). И только дело об административном правонарушении по ст. 20.33 КоАП РФ вправе возбудить должностные лица органов, уполномоченных на осуществление функций в сфере контроля (надзора) за деятельностью некоммерческих организаций, в том числе структурных подразделений международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, общественных объединений, политических партий и религиозных организаций. В этом случае речь идет о сотрудниках Минюста России и его территориальных органах.

Отмечаем, что перечень должностных лиц ОВД, которым предоставляется право протоколировать административные правонарушения, устанавливается правовым актом МВД России [6]. Указанный список выглядит объемным, поскольку в нем перечислены должности центрального аппарата и территориальных органов различного уровня системы МВД России, в соответствии с которыми сотрудники ОВД (полиции) вправе осуществлять процессуальные действия. В силу важности и качественного составления документов по рассматриваемой нами в работе кругу дел об административных правонарушениях, предлагаем на практике возбуждение и расследование таких дел поручать должностным лицам подразделений дознания районных территориальных органов внутренних дел.

Для данных сотрудников основной задачей служит расследование дел об административных правонарушениях и уголовных деликтах, что может говорить об их процессуальной компетентности. К примеру, в отличие от них участковые уполномоченные полиции, правомочные также составлять процессуальные документы, выполняют и массу других функций: по охране общественного порядка, по профилактике правонарушений и др.

В данной статье мы не смогли охватить все существующие коллизии и проблемы, касающиеся административной преюдиции, и рассматриваемые нами вопросы требуют дальнейшего осмысления и дачи на них ответов.

Вместе с тем, можем подвести определенный итог, содержащий следующие выводы.

1. Преступлением с административной юрисдикцией признать общественно опасное деяние, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию, неоднократно и относящееся к преступлениям небольшой тяжести.

2. Для объективного и качественного расследования уголовных дел ввести в практику возбуждение и административное расследование дел об административных правонарушениях, при неоднократном совершении которых наступает уголовная ответственность, возложив это на должностных лиц подразделений дознания районных органов внутренних дел.

3. Внести изменения в КоАП РФ в части производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных соответственно статьями 12.9 (ч. 7) и 12.15 (ч. 5). В таких случаях предусмотреть обычное производство по делам данной категории.

4. Санкцию ст. 212<sup>1</sup> УК РФ в виде принудительных работ и лишения свободы снизить до 3 лет, тем самым отнеся данное общественно опасное деяние к преступлению небольшой тяжести.

### Литература и источники

1. Любавина М.А. Административная преюдиция в уголовном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 215 с.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.01.2022 г.). - URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=30414984](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984) (дата обращения: 20.01.2022).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2016 г. № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 314<sup>1</sup> Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 1 июня. № 117.
4. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. ст. 591 (утр. силу).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. ст. 2954.
6. Приказ МВД России от 30.08.2017 № 685 (ред. от 27.08.2021) «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2017 № 48613) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 20.10.2017.

### References and Sources

1. Lyubavina M.A. Administrativnaya preyudiciya v ugovnom prave. Dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2018. 215 s.
2. Ugolovnyj kodeks Respubliki Belarus' ot 9 iyulya 1999 goda № 275-Z (s izmeneniyami i dopolnениями po sostoyaniyu na 05.01.2022 g.). - URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=30414984](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984) (data obrashcheniya: 20.01.2022).
3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24 maya 2016 g. № 21 «O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah, predusmotrennyh stat'ej 3141 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2016. 1 iyunya. № 117.

4. Ugolovnyj kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 27.10.1960) // Vedomosti VS RSFSR. 1960. № 40. st. 591 (utr. silu).  
5. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ // SZ RF. 1996. № 25. st. 2954.  
6. Prikaz MVD Rossii ot 30.08.2017 № 685 (red. ot 27.08.2021) «O dolzhnostnyh lichah sistemy Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, upolnomochennyh sostavlyat' protokoly ob administrativnyh pravonarusheniyah i osushchestvlyat' administrativnoe zaderzhanie» (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 19.10.2017 № 48613) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>, 20.10.2017.

**ДЯДЬКИН ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых ([krimvggu@mail.ru](mailto:krimvggu@mail.ru)).

**DYADKIN, OLEG N.** – Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs ([krimvggu@mail.ru](mailto:krimvggu@mail.ru)).

УДК 342.98

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-70-73

**ВОЛКОВА В.В., ПЕТРУШКИНА А.В.**  
**ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА ПОощРЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**Ключевые слова:** стимулирование труда, поощрительное правоотношение, заслуга, награда, государственная служба, правовые ограничения.

В статье рассмотрены актуальные аспекты реализации права на поощрение государственного служащего в контексте стимулирования его труда. В качестве главного ограничения данного права предлагается рассматривать неограниченную дискрецию руководителя при принятии решения о возбуждении поощрительного производства. Сделан вывод о необходимости дальнейшей нормативной и доктринальной разработки ключевых категорий поощрительных правоотношений для создания гарантий реализации права государственного служащего на поощрение его труда. При этом отмечается, что в основе практической реализации субъективных прав служащих на поощрение, при условии достижения ими необходимых для этого показателей служебной деятельности, лежит разработка положений о гарантиях поощрения в системе государственной гражданской службы.

**VOLKOVA, V.V., PETRUSHKINA, A.V.**  
**RESTRICTION OF THE RIGHT TO ENCOURAGE: ISSUES OF LEGAL REGULATION**

**Key words:** labor stimulation, incentive legal relationship, merit, reward, civil service, legal restrictions.

The article discusses the actual aspects of the realization of the right to encourage a civil servant in the context of stimulating his work. As the main limitation of this right, it is proposed to consider the unlimited discretion of the head when deciding to initiate incentive proceedings. The conclusion is made about the need for further normative and doctrinal development of key categories of incentive legal relations in order to create guarantees for the realization of the right of a civil servant to encourage his work. At the same time, it is noted that the basis for the practical implementation of the subjective rights of employees to encouragement, provided they achieve the performance indicators necessary for this, is the development of provisions on guarantees of encouragement in the civil service system.

Обращение в проблеме правовых ограничений права государственных служащих на поощрение их труда обусловлено слабой нормативно-правовой и доктринальной разработкой вопроса. Между тем, создание эффективной системы стимулирования труда государственных служащих является значимым направлением государственной кадровой политики. Меры поощрения является важным компонентом стимулирования работы государственных служащих и выступают эффективным средством повышения производительности труда. Мотивация и стимулирование персонала организации играют важную роль в достижении успеха любого предприятия. Особую важность построение процесса мотивации и стимулирования сотрудников приобретает в государственных организациях, что определено важностью выполнения функций государственными служащими. Качество выполнения государственными служащими возложенных на них обязанностей напрямую влияет на степень удовлетворенности населением работой властей, лояльность к представителям власти и всему государству в целом. Престиж государства, комфорт жизни населения зависят от качества выполнения государственными служащими своих должностных обязанностей, от их заинтересованности в достижении высокой продуктивности рабочей деятельности. Эффективно построенная система мотивации государственных служащих способна повысить заинтересованность государственных служащих к работе, снизить риск коррупционных проявлений [3, с. 84].

Повышение эффективности системы мотивации государственных служащих невозможно без анализа существующей системы мотивации, выявления недостатков и достоинств данной системы в целях определения направлений для последующего совершенствования процесса мотивации и управления персоналом на государственной службе. Качественно построенная система мотивации и стимулирования труда способна повысить престиж профессии государственного служащего и, как следствие, обеспечить приток квалифицированных,

мотивированных к труду кадров на государственную службу [2, с. 25]. Заметим, что сегодня в России не существует нормативного правового акта, который был бы направлен исключительно на установление и последующее регулирование тех или иных видов поощрений, а также порядок их применения в отношении государственных служащих.

Вознаграждение представляет собой все, что является ценным для сотрудника и выплачивается ему за его деятельность. В качестве такого вознаграждения могут выступать как материальные и нематериальные внешние поощрения, так и такие же внутренние поощрения.

Важнейшей правовой проблемой применения мер поощрения по отношению к государственным служащим остается вопрос о границах усмотрения руководителя, поскольку в процессе стимулирования труда именно ему принадлежат полномочия относительно принятия решения о применении данных мер. Фактически вопрос об ограничении права государственных служащих на поощрения их труда находится в компетенции поощряющего субъекта и образует самостоятельное дискреционное полномочие.

Проблемным является факт неограниченности данной дискреции, так как в структуре поощрительного правоотношения на государственной службе полезный результат трудовой деятельности служащего превалирует над формальной правомерностью применения меры поощрения. Иначе говоря, здесь наблюдается значительный дисбаланс, необоснованное преобладание содержания над юридической формой при решении вопроса о применении меры поощрения по отношению к государственному служащему.

Дискреционные полномочия поощряющего субъекта на гражданской службе фактически сводят применение поощрения к личной инициативе руководителя, который оценивает необходимость и соразмерность применения поощрения, исходя из собственных субъективных представлений об обстоятельствах работы и личности подчиненного служащего. Как широко известно из юридической доктрины реализация дискреционных полномочий по самому своему существу предполагает отсутствие внешнего предписания. Внешнее воздействие исключается для ситуаций, когда руководящее решение принимается соответствующим должностным лицом без внешнего воздействия. Однако фактически в этом случае можно поставить под сомнение сам факт существования у государственного служащего права на поощрение, так как право предполагает существование механизма его реализации безотносительно к субъективным оценкам кого-либо. Кроме того, правовой статус государственного служащего также предполагает наличие определенных правовых гарантий, однако в ситуации дискреции руководителя не приходится говорить о безусловном возникновении поощрительного правоотношения.

Для примера можно вспомнить грамоты, медали, звания ветерана труда, премии, доски почета, трудовые соревнования, пропаганда стахановского движения и так далее. Однако, большинство из указанных мотивационных ресурсов со временем приобрело традиционно-рутинный характер. Так, почетные грамоты выдавались практически всем сотрудникам предприятия, имеющим определенный стаж работы, вне зависимости от интенсивности и эффективности их работы, а звание ветерана труда часто присваивалось по достижении определенного возраста и не несло никаких льгот и преференций. Лишь с переходом страны от плановой экономики к рыночной и снижением уровня жизни населения в переходный период при повышении оплаты общественного транспорта и услуг ЖКХ, звание ветерана труда получило материальное подкрепление в виде льгот при оплате квартиры и проезде в общественном транспорте. Премии также часто имели весьма условное мотивационное значение, так как выплачивались всем сотрудникам, не имеющим взысканий, и в строго фиксированной одинаковой для всех сумме [4, с. 40].

Таким образом, осуществлялось не стимулирование работы сотрудника, а скорее наоборот не поощрение плохой работы, что, несмотря на внешнюю схожесть, имеет большое различие. В первом случае стимулирование труда работника призвано повышать эффективность его работы, во втором случае (не поощрение плохой работы) - работнику не было необходимости повышать эффективность труда, достаточно было не совершать серьезных проступков (вовремя приходить на работу, не выпивать на рабочем месте, не прогуливать).

Следует обратить особенное внимание на ограничение права на поощрение в части получения государственных наград. Сформировавшаяся сегодня практика поощрения со стороны государства наглядно демонстрирует тенденцию развития как государственного, так и

регионального перечня наград. В качестве основания для такого рода поощрений выступает исключительно заслуга после осуществления ее правовой оценки [5, с. 174-175].

Государственные награды регионального уровня закрепляются в нормативно-правовых актах соответствующего субъекта Федерации. Источники, учреждающие государственные награды субъектов Федерации могут включать как один основной акт о наградах - специальный закон или указ главы субъекта Федерации, так и несколько законов, а также подзаконных актов высших органов государственной власти субъекта Федерации. Отметим, что в основе российской наградной системы лежит совокупность нормативно-правовых актов, направленных на регулирование учреждения и порядка присвоения государственных наград. Государственные награды различаются по правовой природе (ордена, медали, почетные звания); старшинству (различные степени ордена); уровню (федеральные и региональные); правовым последствиям (возникновение прав на предоставление социальных льгот и преимуществ).

Ограничение права на поощрения в рамках наградных правоотношений связано, в первую очередь, с реализацией ряда принципов действия наградного механизма. В контексте вышеизложенного представляется важным остановиться на принципах построения наградного механизма. При этом действие общеправового принципа гласности в наградных отношениях представляется ещё непроработанным. Содержание принципа гласности в процессе поощрения государственными наградами состоит в максимальной информационной открытости от первой стадии и до последней. Представляется, что реализация на практике принципов гласности и открытости может состоять в широком освещении в средствах массовой информации, создании специализированного интернет-портала, как на федеральном уровне, так и на региональном. Осуществления данных принципов на практике будет способствовать повышению престижа служения интересам Отечества, и стимулировать активную гражданскую позицию граждан.

Следует отметить, что на сегодняшний день одна из наиболее существенных и важных моделей заслуженного поведения – это «безупречная и эффективная государственная служба». Именно данная правовая конструкция представляет собой единственное юридическое основание для поощрения государственных служащих.

Обратим внимание на тот факт, что юридическая доктрина рассматривает указанную правовую конструкцию как достаточно дискуссионную по причине достаточно неоднозначной сущности. При этом необходимо исключить вариант отказа от данной категории, так как ее отсутствие будет существенным барьером на пути правовой квалификации заслуживающего поощрения поведения государственного служащего. Это превратит поощрение в нереализуемый на практике теоретический конструкт.

В настоящее время происходит совершенствование института государственного поощрения, как механизма государственного управления, и его проецирование на различные сферы общественно-политической и социально-экономической жизни страны. Стимулирование государственно значимой деятельности включает на сегодняшний день широкий спектр сфер, включающих не только военную службу, которая являлась первостепенной для государства, но и сферу образования, культуры, науки, и, что особенно важно в современных реалиях России - демографическую. При этом одной из характерных тенденций современной системы государственного поощрения является не только установление почетных званий, наград и проч., формирующих морально-нравственную составляющую государственного поощрения, но и материальное стимулирование, выступающее неотъемлемым атрибутом мотивационного воздействия с целью достижения государственно значимых целей в рамках государственного управления. Не вызывает сомнений тот факт, что усмотрение руководителя в контексте как поощрительных, так и наградных правоотношений, выступает важнейшим ограничителем права государственного служащего на поощрение.

Для совершенствования доктринальных и нормативно-правовых основ реализации дискреционных полномочий должностных лиц при разрешении вопроса о применении поощрения можно предложить следующие средства. Требуется совершенствование нормативно-правового обоснования заслуги как единственного основания применения поощрения к государственному служащему. В законодательстве о государственной гражданской службе необходимо зафиксировать безупречность и эффективность труда государственного служащего в качестве основания применения поощрения.

Разработка нормативных показателей результативности труда государственного служащего также является эффективным средством преодоления ограничений в праве на поощрение. На текущий момент констатация результативности осуществляется преимущественно в рамках института аттестации государственного служащего. Между тем вопрос об оценке результативности труда может стать предметом самостоятельного изучения независимой экспертной комиссии, заключение которой станет основанием для безусловного применения мер поощрения по отношению к государственному служащему. Также дополнительным средством гарантирования реализации права на поощрения для государственного служащего может стать возможность судебного обжалования отказа должностного лица (руководителя) в возбуждении поощрительного производства и как итог в отказе о применении поощрения. Отказ в возбуждении поощрительного производства должен быть оформлен в виде мотивированного решения, которое и будет выступать предметом судебного обжалования.

Таким образом, в основе практической реализации субъективных прав служащих на поощрение, при условии достижения ими необходимых для этого показателей служебной деятельности, лежит разработка положений о гарантиях поощрения в системе государственной гражданской службы. Кроме того, необходимо обратить внимание на тот факт, что именно указанные разработки могут быть впоследствии закреплены не только на федеральном, но также и на региональном уровне служебного законодательства России. Благодаря этому право государственного служащего на поощрение перейдет из разряда формально декларируемого конструкта и станет реальной процедурой, производство которой обретет достаточный фундамент в виде соответствующих нормативных предписаний административного и служебного законодательства.

#### Литература и источники

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля. № 144.
2. Волкова В.В. Реализация института поощрения в современном праве (теоретико-правовой аспект) // Российское правосудие. 2022. № 3. С. 24-29.
3. Дзарасов М.Э. К вопросу о правовом регулировании поощрения работников // Вестник Московского университета. Сер. 26: Государственный аудит. 2021. № 2. С. 83-91.
4. Петров А.Я. Поощрения за труд: фундаментальные правовые аспекты // Законодательство. 2021. № 1. С. 40-44.
5. Селютина Е.Н., Холодов В.А. Эволюция системы поощрений в отечественной юридико-технической практике государственного управления // Вестник государственного и муниципального управления. 2021. Т. 10. № 1 (39). С. 168-178.

#### References and Sources

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 2020. 4 iyulya. № 144.
2. Volkova V.V. Realizaciya instituta pooshchreniya v sovremennom prave (teoretiko-pravovoj aspekt) // Rossijskoe pravosudie. 2022. № 3. S. 24-29.
3. Dzarasov M.E. K voprosu o pravovom regulirovanii pooshchreniya rabotnikov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 26: Gosudarstvennyj audit. 2021. № 2. S. 83-91.
4. Petrov A.Ya. Pooshchreniya za trud: fundamental'nye pravovye aspekty // Zakonodatel'stvo. 2021. № 1. S. 40-44.
5. Selyutina E.N., Holodov V.A. Evolyuciya sistemy pooshchrenij v otechestvennoj yuridiko-tehnicheskoy praktike gosudarstvennogo upravleniya // Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2021. T. 10. № 1 (39). S. 168-178.

**ВОЛКОВА ВИКТОРИЯ ВЛАДИМИРОВНА** - кандидат юридических наук, доцент, кафедра административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского университета правосудия (г. Краснодар).

**ПЕТРУШКИНА АННА ВАСИЛЬЕВНА** – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского университета правосудия (г. Краснодар) (joesline@yandex.ru)

**VOLKOVA, VICTORIA V.** – Ph.D. in Law, Associate Professor, Northern Caucasian branch of Russian State University of Justice (Krasnodar) (www.truba.ru@mail.ru)

**PETRUSHKINA ANNA VASILIEVNA** – Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the North Caucasian Branch of the Russian University of Justice (Krasnodar) (joesline@yandex.ru)

УДК 342.9

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-73-77

**ЯВОРСКИЙ М.А., САБЛИНА Е.А., ЦЫМБАЛЮК М.С.**

## **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

**Ключевые слова:** административное право, правоохранительные органы, технологии искусственного интеллекта, «Big data».

Работа посвящена вопросам использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) и «Big data» в деятельности правоохранительных органов. В статье представлены некоторые направления применения автоматизированных интеллектуальных процессов в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, административно-юрисдикционной деятельности правоохранительных органов, возможные пути совершенствования использования в правоохранительных структурах указанных технологий, сформулированы задачи, направленные на решение «проблемных областей» их применения. В частности,

отмечается, что уже сегодня информационные технологии применяются в раскрытии и расследовании более 80% правонарушений. Внимание обращается на успешный опыт внедрения в России аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», являющегося гибридной системой и имеющего интегрированную модульную архитектуру. В рамках комплекса действуют и тестируются различные подсистемы: охранно-пожарная, инженерная (аварийная) сигнализация, система мониторинга доступа в технические помещения, система диспетчеризации лифтового хозяйства, система включения и выключения инженерного оборудования, общедомовая и индивидуальная интегрированная система подсчета ресурсов и др.

**YAVORSKY, M.A., SABLINA, E.A., TSYMBALYUK, M.S.  
USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN ADMINISTRATIVE AND JURISDICTIONAL ACTIVITIES OF LAW  
ENFORCEMENT AGENCIES**

**Key words:** administrative law, law enforcement agencies, artificial intelligence technologies, "Big data".

The work is devoted to the use of artificial intelligence (AI) and Big data technologies in the activities of law enforcement agencies. The article presents some areas of application of automated intellectual processes in the field of public order and public safety, administrative and jurisdictional activities of law enforcement agencies, possible ways to improve the use of these technologies in law enforcement structures, formulated tasks aimed at solving the "problem areas" of their application. In particular, it is noted that even today information technologies are used in the disclosure and investigation of more than 80% of offenses. Attention is drawn to the successful experience of implementing in Russia the Safe City hardware and software complex, which is a hybrid system and has an integrated modular architecture. Within the framework of the complex, various subsystems operate and are tested: security and fire, engineering (emergency) alarm systems, an access monitoring system to technical premises, an elevator dispatching system, a system for turning on and off engineering equipment, a general house and an individual integrated system for calculating resources, etc.

Социально-экономические преобразования и достижения в области цифровой науки и техники, неизбежно требуют радикальных перемен в организации и процессах управления государственными органами. В последние годы технологии ИИ и «Big data» - это одна из самых быстрорастущих сфер [1]. Они широко применяются в государственном и частном секторе: в различных отраслях экономики и промышленности, в транспорте, в медицине, в информационной сфере и других областях жизни современного общества. Современные средства анализа данных позволяют решить задачи поиска скрытых закономерностей в имеющейся информации; проанализировать интересы и узнать предпочтения людей, получить данные о их здоровье и передвижениях; составить психологический портрет личности, определить черты, которые объединяют группы людей; выявить «поведенческие аномалии» и «горячие точки»; установить финансовые возможности человека, его расходы, данные о транзакциях и т.д. Список возможностей методик анализа и систематического извлечения больших объемов данных постоянно расширяется. Среди основных направлений применения автоматизированных интеллектуальных процессов можно выделить сбор информации, хранение и обработку информации, аналитические и прогнозные модели, осуществление цифровых расследований, обеспечение коммуникаций и взаимодействия.

В подавляющем большинстве стран правоохранительные структуры также используют технологии «Big data». Указанные массивы информации применяются и для того, чтобы раскрывать и даже оценивать вероятность совершения преступлений, что способствует их предотвращению [2]. С помощью анализа информационных массивов определяется и прогнозируется социальная реакция на совершенные преступления, выявляются потенциально опасные группы в социальных сетях и т.д. [3].

Информационным технологиям в последние годы уделяют все больше внимания представители самых разных наук – технических, экономических, социологических, педагогических и т.д. Анализ научных работ специалистов в области экономики, технических наук, социологии, информационной безопасности показывает значительный интерес к вопросам использования цифровых технологий в различных сферах жизни общества. Общественность всё больше поворачивается в сторону понимания важности цифровой экономики, цифровой трансформации и цифрового развития государственной и общественной сфер. Однако изучение возможностей использования технологий ИИ и «Big data» в юридической науке и практике, в том числе в сфере обеспечения правопорядка и общественной безопасности только набирает обороты. Проблемные вопросы их применения остаются недостаточно освещенным в литературе.

Авторами на основе анализа научной литературы, нормативных актов, правоприменительной практики и других источников проведен анализ применения автоматизированных интеллектуальных процессов в следственной, оперативно-розыскной деятельности, в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Были сформулированы задачи и пути совершенствования практики применения указанных

технологий. Цифровая правоохранительная деятельность, по мнению авторов, должна стать элементом единой модели социальной системы будущего. Для обеспечения конкурентоспособности нашего общества необходимо развивать правоохранительную систему с опережающими технологиями управления данной сферы. В условиях информационно-технического прогресса указанные технологии должны стать ключевым фактором оптимизации деятельности органов правопорядка.

Решение проблем обеспечения общественной безопасности и общественного порядка, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений без информационных технологий сложно представить. Массивы данных оперативно-розыскного, оперативно-справочного и экспертного предназначения обрабатывают автоматизированные информационно-справочные системы; автоматизированные информационно-поисковые системы; автоматизированные экспертные системы, обеспечивающие проведение судебных экспертиз; автоматизированные системы для создания портретов; автоматизированные дактилоскопические информационные системы и др. В практику работы правоохранительных органов внедряются возможности сети Интернет по выявлению преступлений, научной организации их расследования, координации полицейской деятельности в целом. Технологии ИИ и «Big data» помогают оптимизации дорожного движения с целью безопасности и фиксации нарушений правил дорожного движения. С помощью них осуществляется оперативная идентификация криминальных событий и лиц, обеспечивается безопасность охраняемых объектов и информационных систем органов власти, учреждений и организаций различных форм собственности.

В России в муниципальных образованиях внедрён аппаратно-программный комплекс «Безопасный город». С технологической точки система «Безопасный город» является гибридной и имеет интегрированную модульную архитектуру. В рамках комплекса действуют и тестируются различные подсистемы: охранно-пожарная, инженерная (аварийная) сигнализация, система мониторинга доступа в технические помещения, система диспетчеризации лифтового хозяйства, система включения и выключения инженерного оборудования, общедомовая и индивидуальная интегрированная система подсчета ресурсов, диспетчерская экстренная (голосовая) связь, геоинформационная (топографическая) система, система контроля транспортных потоков. Таким образом, комплекс «Безопасный город» является многоуровневой интеллектуальной системой (ИИ) управления безопасностью, способный прогнозировать, реагировать, осуществлять мониторинг и предупреждать возможные угрозы, контролировать процесс устранения последствий. К сожалению, несмотря на явный экономический и социальный эффекты, в настоящее время обеспечить все (пусть даже крупные) города подобными комплексами не представляется возможным ни одной стране в мире, однако очевидно, что со временем территориальный охват подобными системами будет только расти как в России, так и за рубежом.

Как справедливо отмечают некоторые авторы, использование ИИ является предпочтительным средством в борьбе с наркотрафиком, нелегальной миграцией, киберпреступлениями, незаконным оборотом оружия и радиоактивных материалов, пиратством и терроризмом [4]. Анализ следственно-судебной практики и проведенный опрос сотрудников правоохранительных органов показывает, что информационные технологии применяются в раскрытии и расследовании более 80% правонарушений.

Внедряемые сегодня для правоохранительных органов и спецслужб аналитические средства и комплексы, основанные на технологии ИИ, способны:

1. Быстро получить (в режиме онлайн) доступ к информации, оценить ее качественные и количественные параметры. В настоящее время разработаны и применяются специализированные программные комплексы, позволяющие осуществлять поиск и, что самое важное, систематизировать огромный объем данных из Интернет-источников в условиях «информационного шума» и информационной «перегруженности» (спама, контекстной рекламы, повторяющихся сообщений и т.д.), которые затрудняют восприятие искомой информации.

2. Подвергать анализу информацию о совершаемых правонарушениях, в том числе архивные данные о преступности. Так действующие информационные системы, анализируя данные о правонарушениях, способны предсказывать вероятное время и место их совершения, что способствует сокращению преступности. Анализ цифровых данных позволяет осуществлять контролируемый криминологический эксперимент, принимать решения, направленные на

изменение криминогенной ситуации. Автоматизированный анализ больших массивов данных облегчает проверку гипотез о причинах и условиях совершения правонарушений и об оптимальных мерах их предупреждения для выработки эффективных форм и методов профилактики правонарушений.

3. Обнаружить скрытые связи между объектами и процессами (людьми, автомобилями, мобильными телефонами, местами и т.д.). Информационная осведомленность правоохранительных органов, обобщение и интерпретация данных способствует установлению преступных социальных связей. Программные комплексы способны устанавливать активных участников той или иной группы и формы их взаимодействия. Таким образом можно выявить мнение пользователей социальных сетей по какому-либо обсуждаемому вопросу, теме, событию и т.д. Нейросеть позволяет, обнаружив схожие правонарушения, или, например, серийные преступления (многоэпизодные преступные деяния), совершенные в разных регионах страны, выявить закономерности и предложить следователю эти дела объединить.

4. Осуществить розыск и задержание преступников. Технологии машинного распознавания лиц в видеопотоке по полному или частичному изображению позволяют идентифицировать разыскиваемое органами правопорядка лицо даже в местах массового пребывания людей (вокзалы, аэропорты, стадионы и т.д.). Подобные технологии успешно применялись в России на Зимних Олимпийских играх 2014 года, а также в ходе Чемпионата мира по футболу 2018 года. Существующие программные комплексы распознавания голосов на основе сравнительного анализа с образцами, которые имеются у правоохранительных органов, в режиме реального времени позволяют идентифицировать личность, определить локацию звонившего лица, автоматически поставить телефон на прослушку и записывать все разговоры.

5. Технологии искусственного интеллекта помогают моделировать тактические действия по задержанию правонарушителей, следственные ситуации первоначального этапа расследования, способствуют процессу выдвижения версий, определения направлений расследования преступлений.

6. Отдельным сектором развития применения цифровых технологий, в том числе ИИ и «Big data» является пенитенциарные органы, которые в России входят в систему правоохранительных органов, обладают собственными аналитическими, техническими и оперативными подразделениями. На основе результатов применения ИИ осуществляется сбор и обработка данных и принятия решений в различных сферах деятельности тюремных учреждений. Технологии ИИ могут быть использованы для контроля за осужденными, обеспечения безопасности (в том числе с использованием видео аналитики и прогнозирования поведения осужденных и персонала пенитенциарных учреждений). Технологии ИИ с успехом можно применять и в деятельности пенитенциарных психологов, персонала тыловой, юридической и кадровой служб.

Таким образом технологии ИИ могут быть применены во многих направлениях деятельности органов безопасности и правопорядка, пенитенциарных учреждениях: следственной, оперативно-розыскной, организационной и управленческой деятельности и т.д.

Применение цифровых технологий в правоохранительной системе России сталкивается с рядом проблем, которые существенно снижают результативность деятельности правоохранительных органов. Среди направлений совершенствования использования в правоохранительных структурах технологий ИИ и «Big data» выделяют:

- объединение в единое хранилище информации из разрозненных источников;
- развитие программного обеспечения, позволяющего выявлять нужную информацию;
- использование программно-аппаратных решений, ускоряющих обработку огромных массивов структурированной и неструктурированной информации;
- автоматизированное документирование фактов преступных посягательств на охраняемые (контролируемые) объекты.

Реализация возможностей использования технологий ИИ и «Big data» в деятельности правоохранительных органов требует решения целого ряда задач:

- правовая регламентация использования технологий ИИ и «Big data» требует значительных изменений (особенно уголовно-процессуальное законодательство);



- необходимо повысить уровень цифровых компетенций сотрудников органов правопорядка в вопросах использования технологий ИИ и «Big data»;
- следует активизировать разработку методических рекомендаций по использованию технологий ИИ и «Big data», обеспечить ими органы следствия, дознания, экспертные подразделения и т.д.;
- требуется ускорить оснащение правоохранительных органов специализированными информационными системами, перспективными программными и аппаратными средствами;
- следует увеличить сроки хранения информации, передаваемой через сеть Интернет;
- необходимо дальнейшее развитие цифрового документирования фактов преступных посягательств на охраняемые (контролируемые) объекты;
- необходимо продолжить развертывание программно-аппаратных устройств спутниковой навигации, приобретаемых для нужд правоохранительных органов;
- требуется разработать новые способы и защищенные устройства для хранения, обработки больших объемов данных и ускорения процессов передачи информации.

Указанные «проблемные области» и принципиальные уязвимости применения технологий ИИ и «Big data» стоят на пути совершенствования системы безопасности в целом. Их устранение позволит интегрировать существующие учеты (оперативно-справочные, розыскные, криминалистические, профилактические и регистрационные, лиц, освобожденных из мест лишения свободы и т.д.), обеспечит принятие адекватных управленческих решений, значительно повысит уровень безопасности и эффективность раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Полагаем, что решению этих задач будет также способствовать создание единых централизованных операционных центров по обеспечению общественной безопасности.

В ближайшем будущем цифровые технологии будут проникать все шире в правоохранительную сферу и таким образом находить себе новые применения. Формирование цифровой компетентности сотрудников правоохранительных органов наряду с юридической, психологической и специальной подготовкой станет одним из основных требований образования полицейского. Технологии ИИ и «Big data» открывают огромные перспективы для борьбы с преступностью и совершенствования правоохранительной деятельности.

#### Литература и источники

1. Saheb T, Saheb T. Understanding the development trends of big data technologies: an analysis of patents and the cited scholarly works. // Journal of Big Data, 7 (12).
2. Smith G., Moses L & Chan, J. The challenges of doing criminology in the big data era: towards a digital and data-driven approach // British Journal of Criminology. 2017. №57 (2). P. 259-274.
3. Williams L, Burnap P. Cyberhate on social media in the aftermath of Woolwich: a case study in computational criminology and big data // British Journal of Criminology. 2016. №56 (2). P. 211-238.
4. Bachmeier L. Countering terrorism: suspects without suspicion and (pre-)suspects under surveillance. In: Sieber U., Mitsilegas V., Mylonopoulos C., Billis E., Knust N. (eds). Alternative systems of crime control. Duncker Humboldt, Berlin, 2018. P. 171-191.

**ЯВОРСКИЙ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ** – кандидат юридических наук, доцент Института права Самарского государственного экономического университета (yavorm@mail.ru)

**САБЛИНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА** – магистрант Института права Самарского государственного экономического университета (ea\_sablina@mail.ru)

**ЦЫМБАЛЮК МАРИЯ СЕРГЕЕВНА** – магистрант Института права Самарского государственного экономического университета (Masha.tymbalyuk@yandex.ru)

**YAVORSKY, MAXIM A.** – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Institute of Law of the Samara State Economic University.

**SABLINA, EKATERINA A.** - master student of the Institute of Law of the Samara State University of Economics.

**TSYMBALYUK, MARIYA S.** – master student of the Institute of Law of the Samara State University of Economics.

УДК 347.73

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-77-82

**СМОРЧКОВА Л.Н.**

## **О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**Ключевые слова:** проект Бюджетного кодекса, участники бюджетных отношений, бюджетно-правовой статус, казенное учреждение, бюджетное учреждение, сметно-бюджетное финансирование.

Автор обращается к вопросу необходимости принятия нового Бюджетного кодекса Российской Федерации и предлагает внести изменения в нормы, регулирующие участие в бюджетных отношениях казенных и бюджетных учреждений. В бюджетно-правовом статусе казенного учреждения должна быть учтена их функциональная неравнозначность, поскольку часть казенных учреждений являются органами публичной власти. Также видится, что в перспективе развития бюджетного права бюджетное учреждение может участвовать в бюджетных отношениях в качестве участника бюджетного процесса, частичное финансовое обеспечение деятельности

которого осуществляется за счет средств соответствующего бюджета на основании бюджетной сметы. Обоснован вывод о том, что принятие нового Бюджетного кодекса Российской Федерации является крайне актуальным и неизбежным, посредством чего, при должной научной проработке проекта, возможно скорректировать коллизии, имеющиеся в действующем бюджетно-правовом регулировании.

**SMORCHKOVA, L.N.  
ON SOME ISSUES OF REFORMING BUDGET LEGISLATION**

**Keywords:** draft Budget Code, participants in budgetary relations, budgetary and legal status, state institution, budgetary institution, budgetary financing.

The author returns to the question of the need to adopt a new Budget Code of the Russian Federation and proposes to amend the rules governing the participation in budgetary relations of state and budgetary institutions. In the budgetary and legal status of a state institution, their functional inequivalence should be taken into account, since some state institutions are public authorities. It is also seen that in the perspective of the development of budgetary law, a budgetary institution can participate in budgetary relations as a participant in the budgetary process, the partial financial support of which is carried out at the expense of the corresponding budget on the basis of the budget estimate. The conclusion is substantiated that the adoption of the new Budget Code of the Russian Federation is extremely relevant and inevitable, whereby, with proper scientific study of the project, it is possible to correct the conflicts that exist in the current budgetary and legal regulation.

Эпидемиологические, социально-экономические, политические потрясения последних лет и необходимость оперативного юридического реагирования на них направили научно-правовую мысль несколько в сторону от ранее решаемых системных проблем. Но они никуда не делись и, как часто бывает в кризисные периоды, стали еще более актуальными. Одной из таких недорешенных проблем стало принятие нового Бюджетного кодекса Российской Федерации. Несомненная потребность в принятии нового Бюджетного кодекса стала очевидной около 10 лет назад, были разработаны и представлены в открытый доступ для обсуждения несколько проектов [1, 2]. В обосновании одного из них, подготовленного Минфином России, говорилось о необходимости консолидации в единой системе ранее принятых законодательных актов в сфере бюджетных отношений, устранения неточностей и внутренних противоречий, принятия системного, удобного для правоприменения кодифицированного акта.

Однако упомянутый проект так и не был внесен в законодательный орган, Минфину было поручено представить новую редакцию. В соответствии с планом законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации на 2020 год, внесение проекта нового Бюджетного кодекса в Государственную Думу должно было быть обеспечено не позднее 30 сентября 2020 года. Но на сегодняшний момент он так и не внесен, по данным официального портала на рассмотрении в Государственной Думе находятся около 15 законопроектов, вносящих различные фрагментарные изменения в действующий кодекс.

Действительно, приходится согласиться, что Бюджетный кодекс Российской Федерации (БК РФ) от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ даже с учетом всех многочисленных изменений и дополнений не вполне соответствует современной стадии развития общественных отношений и не справляется с текущими задачами. Высокая динамичность финансового законодательства, спровоцированная мировым кризисом и перманентными процессами модернизации отечественной социально-экономической сферы, обуславливают насущность оптимизации правового регулирования бюджетных отношений [3].

При этом важный аспект составляет именно научная проработка проекта нового Бюджетного кодекса, что позволило бы решить системную задачу недопущения правовых пробелов, внешних и внутренних коллизий. В науке бюджетного права перманентно констатируется, что именно доктринальное право, как доминирующий государственный регулятор, должно проникнуть в бюджетные отношения, поскольку действующее бюджетное законодательство носит скорее процессуальный, чем материальный характер [4, 5].

Одной из стратегических задач современной России является не только поддержание отечественной экономики на конкурентоспособном уровне, но и ее развитие и интенсификация производственных процессов. Повысить эффективность общественного производства возможно различными способами, один из них – путем совершенствования правового регулирования всех видов отношений, складывающихся у участников производственного процесса. В случаях, когда такими участниками являются субъекты бюджетных отношений, совершенствованием бюджетно-правового регулирования также можно повлиять на интенсификацию общественного производства. Выявление противоречий в бюджетно-правовой сфере и причин, их вызывающих, поиск наиболее оптимальных правовых решений их системного воплощения в бюджетном законодательстве должны составить основу для формирования предложений по

совершенствованию норм бюджетного права в рамках нового Бюджетного кодекса, поскольку вопрос его принятия – вопрос времени.

В соответствии с действующим бюджетным законодательством субъектами бюджетных отношений являются государственные и муниципальные учреждения всех трех типов – казенные, бюджетные и автономные. Они же могут быть и действительно являются участниками общественного производства, потому как каждый тип учреждения при соблюдении определенных в законе условий может осуществлять приносящую доходы деятельность. Учреждения этих типов в соответствии со своей правовой сущностью создаются публично-правовым образованием (государственным или муниципальным) для выполнения функций некоммерческого характера. Однако при современной структуре экономических отношений любое учреждение вынужденно или целенаправленно в той или иной мере участвует в хозяйственной деятельности. Казенное – в наименьшей степени, автономное – в наибольшей. Поэтому и необходимо рассматривать учреждения в качестве субъектов общественного производства. А совершенствование бюджетно-правового регулирования отношений с их участием позволит не только более рационально использовать бюджетные средства, но и стимулировать их экономические резервы.

Несмотря на единообразную организационно-правовую форму – учреждение, типы учреждений имеют различный не только гражданско-правовой, но и бюджетно-правовой статус. При этом бюджетно-правовой статус казенных и бюджетных учреждений содержит противоречия, имеющие гражданско-правовую природу, но которые можно было бы учесть и нейтрализовать именно посредством совершенствования бюджетно-правового регулирования. Из всех трех типов учреждений участником бюджетного процесса является только казенное учреждение. В качестве участника бюджетного процесса, казенное учреждение может осуществлять как бюджетные полномочия получателя бюджетных средств в случае, когда оно находится в ведении органа государственной власти (государственного органа), органа местного самоуправления, осуществляющего бюджетные полномочия главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств, так и бюджетные полномочия главного администратора (администратора) доходов бюджета в случае, когда оно само является органом государственной власти, органом местного самоуправления, в ведении которого находятся получатели бюджетных средств.

Противоречие состоит в том, в соответствии со своим бюджетно-правовым статусом абсолютно все казенные учреждения как участники бюджетного процесса, являются не только получателями бюджетных средств, но также могут выполнять бюджетные полномочия главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств и/или главного администратора (администратора) доходов бюджета, хотя на самом деле это не так. Огромное количество казенных учреждений никогда не выполняли, не могут и не должны выполнять полномочия распорядителя бюджетных средств, поскольку в соответствии со своим функционалом не являются органами публичной власти. Однако по своему гражданско-правовому статусу они являются казенными учреждениями (хотя не все, и это отдельная проблема), и БК РФ, выделяя обе категории, в то же время не придерживается единой терминологии, что допускает различное толкование.

Собственно, эта проблема не является чисто бюджетно-правовой, а носит системный характер. Истоки данного противоречия лежат в несовершенстве правовой идентификации органов публичной власти как юридических лиц. В действующем российском праве четко не определяется, являются ли органы публичной власти самостоятельными юридическими лицами, и, если являются, то в какую организационно-правовую форму они должны быть облечены и какими особенностями гражданской и бюджетной правосубъектности обладать.

С одной стороны, для вступления как в гражданско-правовые, так и в бюджетно-правовые отношения от имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации органам государственной власти не нужен самостоятельный статус юридического лица. В соответствии с пунктом 1 статьи 125 ГК РФ и аналогичным правовым подходом в бюджетном законодательстве органы государственной власти от имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов. С другой стороны, они также вступают в имущественные и финансовые правоотношения от своего имени – владеют имуществом, заключают различного рода договоры в целях обеспечения своего

функционирования, являются получателями средств федерального бюджета по смете, а также бюджетных ассигнований, имеют право защищать свои имущественные и личные неимущественные права в суде.

В российской правовой науке до сегодняшнего момента не выработан единый подход к решению вопроса наделения органов государственной власти статусом юридического лица. С одной стороны, есть мнение, что неправомерно распространять на органы государственной власти права и обязанности, обусловленные обладанием статуса юридического лица [6]. Другие ученые не видят проблемы в том, что в соответствии с современной классификацией юридических лиц органы государственной власти могут выступать в правоотношениях от своего имени как государственные учреждения [7]. Третьи предлагают для государственных учреждений, являющихся по сути своей деятельности органами государственной власти, ввести понятие «юридическое лицо публичного права», поскольку по характеру осуществления своей деятельности и по правовой природе они отличаются от иных государственных учреждений [8].

При всех тех существенных изменениях, коснувшихся российского законодательства в части регламентирования системы юридических лиц, за последнее десятилетие вопрос о правовом статусе органов государственной власти так и не был решен [9]. Применительно к бюджетно-правовому регулированию необходимо более четкое понимание сложившейся коллизии и разведение бюджетно-правовых статусов органов публичной власти, являющихся по своей организационно-правовой форме казенными учреждениями, но имеющими право выступать распорядителями бюджетных средств, от иных казенных учреждений, которые могут участвовать в бюджетном процессе только как получатели. В отличие от казенных учреждений, бюджетное и автономное учреждения не являются участниками бюджетного процесса, они выступают в бюджетных отношениях в качестве получателей субсидий на выполнение государственного (муниципального) задания, что представляется лингвистически странным в отношении именно бюджетных учреждений. Вопросу, почему так получилось в российском законодательстве, посвящено достаточное количество научных работ [10, 11]. Но именно нормами бюджетного права возможно скорректировать имеющуюся ситуацию.

Как автономные, так и бюджетные учреждения активно участвуют в общественном производстве в качестве субъектов, предоставляющих широкий спектр услуг, прежде всего в социально-культурной сфере. Проблема финансовой выживаемости стимулирует, с одной стороны, расширять спектр видов осуществляемой приносящей доходы деятельности, но с другой – «бороться» за финансово обеспечиваемые государственные (муниципальные) задания. Ни то, ни другое не гарантирует стабильность в функционировании государственных и муниципальных бюджетных учреждений, а ведь на них базируется вся социальная сфера государства. Это и здравоохранение, и образование, и культура, и искусство, и наука. Иными словами, это социальная стабильность государства, неразрывно связанная с его экономической стабильностью [12].

В соответствии с действующим бюджетным законодательством в бюджетно-правовых статусах бюджетного и автономного учреждений отсутствуют существенные различия. При условии незначительных различий их гражданско-правовых статусов это, прежде всего, актуализирует вопрос о необходимости наличия практически идентичных типов государственных (муниципальных) учреждений.

Представляется, что если бюджетное учреждение социальной направленности создано специально для реализации конституционных обязательств государства в определенной сфере, надлено в этих целях государственным или муниципальным имуществом, в том числе недвижимым и особо ценным движимым, в нем стабильно на протяжении многих лет оказывают услуги большому количеству граждан (обучение, лечение, спортивная подготовка, повышение культурного уровня и т.д.), то какой смысл получать финансирование этой деятельности посредством субсидий на осуществление государственного (муниципального) задания, а не просто в таком же объеме по смете? Ведь помимо различного рода дестабилизирующих социальную сферу факторов, это еще и может способствовать развитию коррупционных отношений.

По мнению автора, участие бюджетного учреждения в бюджетных отношениях не в качестве получателя субсидий, а в качестве участника бюджетного процесса, финансовое обеспечение деятельности которого частично может осуществляться за счет средств соответствующего бюджета на основании бюджетной сметы, является логичным, не увеличит

нагрузку на бюджеты всех уровней, но при этом укрепит правовое положение бюджетных учреждений в качестве участников общественного производства в сфере услуг и тем самым будет способствовать его интенсификации. Одновременно реализация данного предложения даст эффект разграничения бюджетно-правовых статусов бюджетного и автономного учреждений, а также вновь сделает бюджетное учреждение действительно отвечающим своему наименованию – бюджетным.

В представленных ранее на публичное обсуждение проектах нового Бюджетного кодекса прослеживается общая тенденция в отношении определения особенностей участия в бюджетных отношениях казенного и бюджетного учреждений. И она состоит в том, что бюджетно-правовой статус этих субъектов по существу не меняется. Тот факт, что соответствующие нормы проектов Бюджетного кодекса, касающиеся казенного и бюджетного учреждений, практически полностью совпадают с действующими (имеются только незначительные терминологические различия), может характеризовать анализируемые проекты как недостаточно отвечающими задачам правового регулирования реальных бюджетных отношений, в которые вступают казенные и бюджетные учреждения.

В целом по результатам анализа, произведенного в данной статье, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, принятие нового Бюджетного кодекса Российской Федерации является крайне актуальным и неизбежным, посредством чего при должной научной проработке проекта возможно скорректировать коллизии, имеющиеся в действующем бюджетно-правовом регулировании.

Во-вторых, в бюджетно-правовом статусе казенных учреждений не учтен тот факт, что ряд из них являются органами публичной власти и могут выступать как получателями, и так и распорядителями бюджетных средств, но не все. Эту системную проблему можно решить посредством совершенствования норм бюджетного права, разграничив две категории участников бюджетного процесса, являющихся по своему гражданско-правовому статусу казенными учреждениями.

В-третьих, подлежат пересмотру нормы бюджетного права, в настоящее время уравнивающие бюджетно-правовой статус бюджетных и автономных учреждений. Автор полагает, что бюджетные учреждения для выполнения своих государственных (муниципальных) функций должны, как и ранее, быть участниками бюджетного процесса, получателями бюджетных средств, а их деятельность должна частично (в размере, определенном для выполнения своих основных функций) финансироваться по смете.

### Литература и источники

1. Горбунова О.Н., Пешкова Х.В., Вершило Т.А. О необходимости совершенствования текста проекта Бюджетного кодекса РФ // Финансовое право. 2016. № 7. С. 37-40.
2. Болтинова О.В. К вопросу о новой редакции Бюджетного кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 5. С. 47-54.
3. Бехер В.В. Особенности реформирования бюджетного законодательства в контексте принятия новой редакции Бюджетного кодекса Российской Федерации // Информационная безопасность регионов. 2015. № 4. С. 80-83.
4. Пискотин М.И. Советское бюджетное право. Основные проблемы. М.: Юридическая литература, 1971. 312 с.
5. Запольский С.В. Бюджетное право: вызовы XXI века // Бюджетное право и финансовая деятельность государства на современном этапе (к 90-летию со дня рождения М.И. Пискотина). М.: РГУП, 2015. С. 59-73.
6. Бердашкевич А.П. Органы государственной власти как юридические лица // Законность. 2000. № 11. С. 30-32.
7. Боженок С.Я. К вопросу о признании государственных органов юридическими лицами // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 6. Т. 2. М., 2006. С. 510-513.
8. Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. М.: Норма, 2007. 352 с.
9. Козлова С.А. Являются ли органы власти казенными учреждениями? // Административное и муниципальное право. 2011. № 12. С. 16-23.
10. Серова О.А. Правовые аспекты изменения типа учреждения в процессе реформы бюджетного сектора // Финансовое право. 2011. № 2. С. 14-17.
11. Малиновская О.В., Скобелева И.П. Изменение типов бюджетных учреждений в рамках развития реформы бюджетного процесса в России // Финансы и кредит. 2011. № 6. С. 2-9.
12. Сморгачева Л.Н. К вопросу о сущности современного российского государства: административно-бюджетный подход // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2018. Т. 18. № 4. С. 96-102.

### References and Sources

1. Gorbunova O.N., Peshkova Kh.V., Vershilo T.A. O neobkhodimosti sovershenstvovaniya teksta proyekta Byudzhetnogo kodeksa RF // Finansovoye pravo. 2016. № 7. S. 37–40.
2. Boltinova O.V. K voprosu o novoy redaktsii Byudzhetnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2016. № 5. S. 47–54.
3. Bekher V.V. Osobennosti reformirovaniya byudzhetnogo zakonodatel'stva v kontekste prinyatiya novoy redaktsii Byudzhetnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii // Informatsionnaya bezopasnost' regionov. 2015. № 4. S. 80–83.

4. Piskotin M.I. Sovetskoye byudzhethnoye pravo. Osnovnyye problemy. M.: Yuridicheskaya literatura, 1971. 312 s.
5. Zapol'skiy S.V. Byudzhethnoye pravo: vyzovy XXI veka // Byudzhethnoye pravo i finansovaya deyatel'nost' gosudarstva na sovremennom etape (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya M.I. Piskotina). M.: RGUP, 2015. S. 59–73.
6. Berdashkevich A.P. Organy gosudarstvennoy vlasti kak yuridicheskiye litsa // Zakonnost'. 2000. № 11. S. 30–32.
7. Bozhenok S.YA. K voprosu o priznanii gosudarstvennykh organov yuridicheskimi litsami // Nauchnyye trudy. Rossiyskaya akademiya yuridicheskikh nauk. Vyp. 6. T. 2. M., 2006. S. 510–513.
8. Chirkin V. Ye. Yuridicheskoye litso publichnogo prava. M., 2007. 352 s.
9. Kozlova S.A. Yavlyayutsya li organy vlasti kazennymi uchrezhdeniyami? // Administrativnoye i munitsipal'noye pravo. 2011. № 12. S. 16–23.
10. Serova O.A. Pravovyye aspekty izmeneniya tipa uchrezhdeniya v protsesse reformy byudzhethnogo sektora // Finansovoye pravo. 2011. № 2. S. 14–17.
11. Malinovskaya O.V., Skobeleva I.P. Izmeneniye tipov byudzhethnykh uchrezhdeniy v ramkakh razvitiya reformy byudzhethnogo protsesssa v Rossii // Finansy i kredit. 2011. № 6. S. 2–9.
12. Smorchkova L.N. K voprosu o sushchnosti sovremennogo rossiyskogo gosudarstva: administrativno-byudzhethnyy podkhod // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». 2018. Tom 18, № 4. S. 96–102.

**СМОРЧКОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА** – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (l.smorchkova@mail.ru).

**SMORCHKOVA, LARISA N.** – Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (l.smorchkova@mail.ru).

УДК 347.73

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-82-89

**ВАСИЛЬЕВА Е.Г.**

## **ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ: СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**Ключевые слова:** структурная трансформация экономики, диверсификация, реконструкция налогового администрирования, цифровой камеральный контроль, камеральная проверка, НДФЛ, налоговый вычет, ПК АИС «Налог-3».

В статье рассматриваются вопросы трансформации налогового контроля, правового регулирования налоговых отношений в условиях цифровой экономики, совершенствования правового регулирования в данном направлении. Проведенный автором анализ существующих форм налогового контроля в условиях развития цифровой трансформации общественных отношений показал, что потребуются диверсификация доктринальных подходов в правовом регулировании налоговой системы, налогов, сборов, страховых взносов, принципов и элементов налогообложения, налогового администрирования и формах налогового контроля. В ходе проведенного исследования автор рассмотрены современные инструменты налогового контроля в РФ, дополнившие НК РФ, в части проведения налоговых проверок, применения налоговых вычетов, доступа к банковской тайне. Автором выявлены и охарактеризованы ключевые аспекты нововведений, проанализированы отдельные положения при осуществлении налогового контроля, налогового администрирования. Выявлены положительные черты и отмечены определенные сложности в процессе реализации новых инструментов налогового контроля в современных условиях.

**VASILYEVA, E.G.**

## **TRANSFORMATION OF TAX CONTROL: MODERN MODEL OF LEGAL REGULATION**

**Key words:** structural transformation of the economy, diversification, reconstruction of tax administration, digital desk control, desk audit, personal income tax, tax deduction, PC AIS «Tax-3».

The article deals with the issues of transformation of tax control, legal regulation of tax relations in the digital economy, improvement of legal regulation in this direction. The author's analysis of existing forms of tax control in the context of the development of digital transformation of public relations has shown that it will require the diversification of doctrinal approaches in the legal regulation of the tax system, taxes, fees, insurance premiums, principles and elements of taxation, tax administration and forms of tax control. In the course of the study, the author considers modern tools of tax control in the Russian Federation, which have supplemented the Tax Code of the Russian Federation, in terms of conducting tax audits, applying tax deductions, access to bank secrecy. The author identifies and characterizes the key aspects of innovations, analyzes individual provisions in the implementation of tax control, tax administration. Positive features are revealed.

В настоящее время происходит релевантная трансформация правового регулирования налоговых отношений в условиях динамично развивающейся цифровой экономики. Переход общества к новому развитию цифровой экономики побуждает государства реализовывать новую, усовершенствованную политику, трансформирующую многие общественные институты, процессы и социально-экономическую систему страны. Правительством РФ, утверждена программа по развитию цифровой экономики РФ. Реализация данной программы осуществляется с целью повышения конкурентоспособности страны, качества жизни граждан, обеспечения экономического роста и национального суверенитета. Цели реализации государственной программы состоят в создании экосистемы цифровой экономики [1].

Правовые реалии цифровизации в значительной степени определяют место российской экономики в системе формирующегося глобального цифрового рынка. В сложившихся реалиях представляется необходимым разработку новой целостной правовой концепции применения современных финансовых технологий, внедрение «цифрового налогового контроля» для соблюдения фискальных интересов государства в условиях динамично

развивающейся цифровой трансформации общества. В этой связи особую важность представляет цифровая трансформация правового регулирования налоговых отношений. Также трансформация концептуальных подходов к правовому регулированию налоговых отношений в контексте реформирования процедуры и порядка проведения налогового контроля, путем внедрения современных финансовых технологий (цифрового налогового контроля). В связи с цифровой трансформацией налоговых отношений осуществляется переход на новый уровень налогового администрирования.

Отметим, что цифровая трансформация выделена в качестве основополагающей цели развития РФ на период до 2030 г. [2]. В Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 гг., в целях ускоренного внедрения цифровых технологий обеспечивается решение целого ряда задач, в числе которых: 1) создание системы правового регулирования цифровой экономики, включая создание законодательных основ для формирования единой цифровой среды и электронного гражданского оборота; 2) создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных; 3) выведение отечественного программного обеспечения на мировой рынок; 4) переход к «облачной» цифровой платформе предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме; 5) создание системы контроля технологий, которые не контролируются действующим законодательством; 6) частичное возмещение затрат российским организациям на разработку цифровых платформ и программных продуктов [3].

Таким образом, в настоящее время назрела необходимость разработки новых правовых решений в сфере налогообложения цифровой экономики, поступательного развития и трансформации налогового администрирования, в рамках совершенствования и конструирования действующих форм налогового контроля в рамках развития новых цифровых технологий.

Институт налогового контроля как сложное правовое явление постоянно развивается, в связи, с чем всегда актуальны вопросы совершенствования данного института. Несмотря на произошедшие достаточно серьезные изменения в законодательном обеспечении налогового администрирования и контроля за исполнением налогового законодательства по вопросам взаимоотношения государства и налогоплательщиков в части осуществления налогового контроля, продолжают иметь место нерешенные вопросы в связи с развитием новых финансовых технологий. Несмотря на стабильное законодательство в части осуществления мероприятий налогового контроля, деятельность в сфере контроля за соблюдением налогового законодательства может быть еще более эффективной в условиях динамично развивающейся цифровой трансформации общества. В настоящее время РФ находится в начале пути выработки и создания национальной правовой политики регулирования сферы новых финансовых технологий. Действующее налоговое администрирование направлено на внедрение и практическое применение современных цифровых технологий в финансовой сфере с учетом новой виртуальной реальности, виртуализации современной экономики. Финансы становятся виртуальными, главным приоритетом выступают финансовые активы в результате нового качества развития экономических отношений и финансовых технологий. В связи с появлением новых институтов и модернизацией старых остаются отдельные моменты, связанные с несовершенствами в правовом регулировании налогового контроля, требующие особого внимания вопросы, связанные с проведением основной формы налогового контроля - налоговых проверок. С развитием цифровой экономики существенно возросли требования к качеству проведения налогового контроля, повышения ряда методических и технических его характеристик. Остается актуальной проблемой совершенствование технологий проведения налогового контроля. Деятельность налоговых органов в части осуществления и проведения налогового контроля регламентируется следующими нормативно-правовыми актами: Законом РФ «О налоговых органах Российской Федерации» от 21.03.1991 № 943-1 [4], постановлением Правительства РФ «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» от 30.09.2004 № 506 [5], Налоговым кодексом Российской Федерации (далее – НК РФ). В этой связи представляется наиболее целесообразным наличие единого акта, регулирующего статус налоговых органов для эффективного осуществления налогового контроля. Что послужит поводом для дальнейшего осуществления мер по совершенствованию налогового администрирования в описываемой области.

Налоговый контроль – это вид государственного финансового контроля, его можно определить, как особый институт в сфере финансовых отношений, осуществляемый уполномоченными государственными органами. Представляется более точным данное определение, исходя из принципа системности налогового контроля. Проблема повышения эффективности осуществления налогового контроля всегда актуальна особенно в динамично развивающемся цифровом пространстве. Указанному способствует интенсивное развитие налогового законодательства, цифровых технологий, интегрирование и цифровизация процессов сбора, обработки и хранения информации.

Наиболее краткая ее характеристика свидетельствует о следующем. Продолжительный период времени процедура и порядок проведения камеральной налоговой проверки не подвергался существенным изменениям. Положения статьи 88 НК РФ, долгое время были неизменными, корректировались частично и не имели такого существенного резонансного значения. На основании ранее действующего законодательства, камеральная налоговая проверка проводилась в следующем порядке. Инициатором проверки всегда выступал только налогоплательщик, поскольку камеральная проверка могла быть начата только при подаче в налоговый орган декларации (расчета). Т.е. инициировать камеральную проверку налоговый орган не имел право, у него отсутствовали возможности, с учетом положений ст. 88 НК РФ, даже несмотря на то, что налогоплательщик мог полностью уклоняться от представления документов в инспекцию. В настоящее время ситуация изменилась с появлением нового пункта 1.2 в статье 88 НК РФ. Законодатель указал: «В случае, если налоговая декларация по налогу на доходы физических лиц в отношении доходов, полученных налогоплательщиком от продажи либо в результате дарения недвижимого имущества, не представлена в налоговый орган в установленный срок в соответствии с пп. 2 п. 1 и п. 3 ст. 228, п.1 ст. 229 НК РФ, камеральная налоговая проверка проводится в соответствии с настоящей статьей на основе имеющихся у налоговых органов документов (информации) о таком налогоплательщике и об указанных доходах. При наличии обстоятельств, указанных в абзаце первом настоящего пункта, камеральная налоговая проверка проводится в течение трех месяцев со дня, следующего за днем истечения установленного срока уплаты налога по соответствующим доходам. При проведении в соответствии с абзацем первым настоящего пункта камеральной налоговой проверки налоговый орган вправе требовать у налогоплательщика представить в течение пяти дней необходимые пояснения».

Таким образом положения статьи 88 НК РФ были дополнены пунктом 1.2, расширяющим полномочия налоговых органов в части проведения камеральных налоговых проверок в случае непредставления налоговых деклараций по налогу на доходы физических лиц (форма 3-НДФЛ) в отношении доходов, полученных налогоплательщиком от продажи либо в результате дарения недвижимого имущества, на основании имеющихся у налоговых органов документов (информации) о таком налогоплательщике и об указанных доходах. Новая редакция пункта 1.2 НК РФ вступила в силу с 01.01.2021 на основании Федерального закона от 29.09.2019 № 325-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [6]. С учетом выше изложенного, налогоплательщикам за 2021 год (налоговый период), начиная с 2022 года, налоговый орган сможет производить доначисления НДФЛ не дожидаясь от них представления налоговых деклараций. Все доначисления налоговые органы смогут производить в специализированной компьютерной программе (ПК АИС «Налог-3» в ветке «Налоговое администрирование\Физические лица\4.02. Контрольная работа ФЛ — НДФЛ\02.) и предоставлять налогоплательщику. Уточню, если налогоплательщик в 2020 году продал недвижимость раньше минимального срока владения (3 года или 5 лет) либо получили ее в подарок не от близкого родственника и не предоставил налоговую декларацию по НДФЛ, налоговые органы начиная с 2021 года могут провести камеральную проверку и доначислить НДФЛ без поданной налогоплательщиком декларации.

На основании описываемых изменений, ФНС России подготовило письмо от 8 июля 2021 г. № ЕА-4-15/9587@ «О проведении камеральной налоговой проверки в соответствии с п. 1.2 ст. 88 НК РФ», указав следующее: «Предварительный расчет сумм налога с доходов физических лиц, полученных от продажи либо в результате получения в дар недвижимого имущества, осуществляется в ПК АИС «Налог-3» в ветке «Налоговое администрирование\Физические лица\4.02. Контрольная работа ФЛ — НДФЛ\02. Расчеты НДФЛ по продаже и (или) дарению



объектов недвижимости». В дальнейшем сведения из данной ветки поступают для проведения камеральной налоговой проверки. При автоматизированном расчете учитывается, что для доходов от продажи недвижимого имущества, в отношении которых предусмотрена налоговая ставка, установленная пунктом 1.1 статьи 224 НК РФ, налоговая база определяется как денежное выражение таких доходов, подлежащих налогообложению, уменьшенных на сумму налоговых вычетов, предусмотренных подпунктом 1 пункта 2 статьи 220 НК РФ. Проведение камеральной налоговой проверки в соответствии с пунктом 1.2 статьи 88 НК РФ и оформление ее результатов осуществляется в ветке «Налоговое администрирование\Контрольная работа (налоговые проверки)\122. Камеральная налоговая проверка НДС\04. Реестр расчетов по продаже и (или) дарению объектов недвижимости в подлежащих КНП в соответствии с п. 1.2 ст. 88 НК», в которой по сроку, соответствующему дню, следующему за днем истечения установленного срока уплаты налога на доходы физических лиц, формируется указанный реестр. При подтверждении по результатам проверки факта неисполнения налогоплательщиком обязанности по представлению налоговой декларации, установленной пунктом 1 статьи 229 НК РФ, налоговым органом применяются меры ответственности, предусмотренные пунктом 1 статьи 119 НК РФ, с учетом обстоятельств, смягчающих ответственность за совершение налогового правонарушения» [7]. В указанном письме обращается внимание, что: «в ПК АИС «Налог-3» технологическим процессом 103.06.06.00.0160 «Расчет НДС и камеральная налоговая проверка на основе имеющихся у налоговых органов документов (информации) о продаже либо дарении недвижимого имущества», в рамках которого реализовано проведение вышеуказанной камеральной налоговой проверки, не предусмотрено автоматическое закрытие камеральной проверки по истечении трехмесячного срока» [7]. Следовательно, можно говорить о появлении нового вида налогового администрирования – цифрового налогового камерального контроля. Трансформации существующей формы налогового контроля – стандартной камеральной налоговой проверки.

В связи с указанным обстоятельством, действия налогового органа могут послужить причиной неправомерного и несвоевременного проведения камеральной проверки, в случаях, когда налогоплательщик будет освобожден от уплаты НДС и (или) представления налоговой декларации. Соответственно, необходимо разделять сроки предоставления налоговой декларации по НДС для получения налоговых вычетов (сроки отсутствуют, такие декларации можно представить в любое время в течение всего года, без каких-либо налоговых санкций) и уплаты налогов (не позднее 30 апреля после окончания очередного налогового периода). ФНС России в письме № ЕА-4-15/16364@ от 24.11.2021 описала возможные случаи привлечения к ответственности по результатам камеральной проверки, проведенной в связи с непредставлением декларации 3-НДС [8].

Важно перечислить все случаи, при которых возможны необоснованные требования со стороны налоговых органов. Федеральный закон от 2 июля 2021 года № 305-ФЗ [9] изменил порядок представления декларации по форме 3-НДС для граждан при продаже бюджетного имущества. Федеральный закон от 2 июля 2021 года № 305-ФЗ внес поправки в статью 229 НК РФ, отменяющие обязанность физических лиц подавать в инспекцию налоговую декларацию при продаже недвижимого имущества (жилых домов, квартир, комнат, садовых домов или земельных участков) на сумму до 1 000 000 рублей, а иного имущества (транспорта, гаражей и т.д.) – до 250 000 рублей. «Налогоплательщики вправе не указывать в налоговой декларации сумму всех полученных в налоговом периоде доходов от продажи недвижимого имущества, указанного в абзаце втором подпункта 1 пункта 2 статьи 220 НК РФ, если в отношении такого недвижимого имущества налогоплательщик в налоговом периоде имеет право на имущественный налоговый вычет в размере, предусмотренном абзацем вторым подпункта 1 пункта 2 статьи 220 НК РФ, и если сумма всех таких доходов от продажи такого имущества в налоговом периоде не превышает установленный размер такого имущественного налогового вычета». «Налогоплательщики также вправе не указывать в налоговой декларации сумму всех полученных в налоговом периоде доходов от продажи недвижимого имущества, указанного в абзаце третьем подпункта 1 пункта 2 статьи 220 НК РФ, и (или) сумму всех полученных в налоговом периоде доходов от продажи имущества, указанного в абзаце четвертом подпункта 1 пункта 2 статьи 220 НК РФ, если в отношении такого недвижимого имущества (имущества) налогоплательщик в налоговом периоде имеет право на имущественный налоговый вычет в размере, предусмотренном абзацем третьим и

(или) четвертым подпункта 1 пункта 2 статьи 220 НК РФ, и если сумма всех таких доходов от продажи такого недвижимого имущества (имущества) в налоговом периоде не превышает установленный размер такого имущественного налогового вычета». Таким образом, если доход от продажи недвижимого имущества меньше установленного налогового вычета – 1 000 000 руб. или 250 000 руб., декларацию 3-НДФЛ можно не подавать, соответственно и налог к уплате не возникает. Указанные нововведения будут применяться в отношении физических лиц, продавших имущество в 2021 году, т.е. начиная с налогового периода 2021 года, не ранее. От представления налоговой декларации за 2021 год и уплаты НДФЛ освобождаются доходы семей с двумя и более детьми, полученные от продажи в 2021 году жилья, независимо от срока нахождения такого жилья в их собственности [10]. Данный порядок применяется при соблюдении следующих условий: возраст детей налогоплательщика – до 18 лет (или до 24 лет в случае обучения ребенка на очной форме обучения); кадастровая стоимость проданного жилого помещения не превышает 50 млн рублей; налогоплательщику (членам его семьи) на дату отчуждения проданного жилья не принадлежит в совокупности более 50% в праве собственности на иное жилое помещение с общей площадью, превышающей общую площадь купленного взамен старого жилого помещения; до 30 апреля 2022 года налогоплательщиком (членами его семьи) приобретено в собственность другое жилье (при долевом строительстве – оплачена полная стоимость приобретаемого жилого помещения по договору); общая площадь приобретенного жилого помещения превышает по площади (или по кадастровой стоимости) проданное жилье. Дополнительно, нововведение будет распространяться в случае, если такие доходы получит несовершеннолетний ребенок из такой семьи от продажи объекта имущества.

Появление нового вида налогового администрирования – цифрового налогового камерального контроля, трансформация существующей формы налогового контроля может создать определенные сложности при осуществлении камеральной проверки. Цифровизация налогового контроля затронет следующее. Особенно это отразится на моменте окончания срока проведения камеральной налоговой проверки. Также безусловно данное обстоятельство послужит причиной увеличения нагрузки на налоговое администрирование в связи с вступлением в силу Закона № 325-ФЗ. Представляется необходимым в целях недопущения нарушения сроков, установленных пунктом 1.2 статьи 88 НК РФ, наиболее эффективно организовать работу территориальных налоговых органов для обеспечения проведения и своевременного завершения камеральных проверок (несмотря на то, что многие технические процессы запускаются и выполняются автоматически в рамках АИС). Так, предварительный расчет сумм НДФЛ, полученных от продажи либо в результате получения в дар недвижимого имущества, будет осуществляться в ПК АИС «Налог-3». Данный расчет будет действовать до того момента, пока налогоплательщик не подтвердит, либо опровергнет произведенные программой доначисления, путем представления налоговой декларации, или пояснений налоговому органу. Ранее существующий порядок проведения камеральной налоговой проверки действовать уже не будет, когда налоговый орган не имел право самостоятельно доначислять налогоплательщику НДФЛ, в случае игнорирования налогового органа при проведении мероприятий налогового контроля. Необходимо отметить, что измененный, дополненный порядок проведения камеральной проверки по НДФЛ существенно ограничил права налогоплательщиков, фактически подвел определенную черту о невозможности не предоставления налоговому органу достоверной, наиболее полной и необходимой информации при осуществлении мероприятий налогового контроля в ходе камеральной налоговой проверки, тем более игнорирования налоговых органов.

Следует отметить, что преимущество камерального контроля в том, что он позволяет с наименьшими затратами времени и усилий со стороны налогового органа проверить большое число налогоплательщиков на основе представленных ими налоговых деклараций и других документов, а теперь и без направления в налоговый орган необходимых документов со стороны налогоплательщика. В рамках существующих реалий, новый порядок представляется необходимым и перспективным направлением совершенствования процедуры камеральных проверок с целью повышения собираемости налогов. Данное нововведение, внедрение в практику работы налоговых органов автоматизированных систем их сопровождения является новым этапом широко проводимой цифровизации, способствующей усовершенствованию и развитию налогового контроля в рамках проводимой цифровизации налогового администрирования и

появлению новой цифровой формы камеральной проверки. Безусловно и ожидаемо в настоящее время в период расширения цифровой экономики большое внимание уделять новым разработкам в этой области (автоматизированная информационная система «Налог» на сайте ФНС России, развитие автоматизированной информационной системы ФНС России). Таким образом данная программа с учетом новых полномочий налоговых органов позволит на основе данных налоговой отчетности, данных поступающих в налоговые органы выявлять сферы возможных налоговых правонарушений (преступлений), определять потенциальный размер доначислений и, следовательно, концентрировать внимание проверяющих на соответствующих направлениях проведения камеральной проверки.

Федеральный закон от 02.07.2021 № 305-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11] внес в ст. 229 НК РФ значительные изменения, скорректировавшие порядок сдачи физическими лицами налоговых деклараций по форме 3-НДФЛ в случаях получения доходов от продажи своего имущества. Так, названным Федеральным законом № 305-ФЗ скорректирован и пункт 4 ст. 229 НК РФ. На основании произведенных изменений, налогоплательщики с 2022 года в ряде случаев могут не указывать в декларации по форме 3-НДФЛ доходы от продажи недвижимости до истечения 3 и 5 лет владения. В частности, в декларации можно не отражать доходы, если в отношении объекта гражданин пользуется правом на имущественный вычет. При этом стоимость проданной недвижимости или совокупность доходов от продажи нескольких объектов не должны превышать предельный размер вычета: 1 000 000 руб. – для жилья, садовых домов и земельных участков (абз. 2 пп. 1 п. 2 ст. 220 НК РФ); 250 000 руб. – для иной недвижимости (абз. 3 и 4 пп. 1 п. 2 ст. 220 НК РФ). Таким образом, налогоплательщикам не нужно будет подавать в налоговую инспекцию декларацию по форме 3-НДФЛ при продаже недвижимого имущества (жилых домов, квартир, комнат, садовых домов или земельных участков) на сумму до 1 000 000 руб., а иного имущества (транспорта, гаражей и т. д.) – до 250 000 руб.

Также необходимо отметить, что с 1 января 2020 года расширен перечень применения минимального трехлетнего срока для освобождения от уплаты НДФЛ. В настоящее время при продаже собственником единственного жилого помещения минимальный предельный срок владения сокращается с пяти до трех лет. При этом на момент перехода права собственности на проданное жилое помещение (или долю в нем) физическое лицо не должно владеть другим жилым помещением. Кроме того, нужно учитывать не только недвижимость самого продавца, но и объекты, находящиеся в совместной собственности супругов. Следовательно, если у налогоплательщика в собственности одна квартира, которая продана через три года с момента приобретения, налогоплательщик освобождается от представления декларации и уплаты НДФЛ, но при определенных условиях. В данном случае, есть одно исключение. Если второе жилье было куплено продавцом или его женой (мужем) в течение 90 дней до даты регистрации перехода права собственности на реализованный объект, то такое жилье не учитывается. Другими словами, даже при наличии подобной недвижимости (приобретенной не более чем за 90 дней до дня перехода права собственности на проданный объект к покупателю) минимальный предельный срок владения проданным объектом составит 3 года. Нововведения касаются не только квартир, но и земельных участков с жилыми домами и хозяйственными постройками. Условия освобождения от уплаты НДФЛ те же (такие правила действуют с 1 января 2020 года). Данные изменения регламентированы Федеральным законом от 26.07.2019 №210-ФЗ [12].

Подводя итоги отметим. С учетом принятых нововведений, следует говорить об усилении мер налогового администрирования, которые обязательно отразятся на налогоплательщиках и иных участниках налоговых отношений. В результате дополнений положений ст. 88 НК РФ появились новые требования при проведении камеральной налоговой проверки в случае непредставления налогоплательщиком декларации 3-НДФЛ в отношении доходов, полученных от продажи недвижимости либо в результате получения ее в дар. Однозначно, указанные изменения будут способствовать существенному усилению налогового администрирования, что безусловно может привести к увеличению налоговых споров, досудебному разбирательству, поскольку не у всех налогоплательщиков оформлен личный кабинет на сайте ФНС России, многие налогоплательщики до сих пор не следят за соблюдением налоговой дисциплины, пытаются всячески обойти и уйти от уплаты налогов, безответственно относятся к соблюдению

действующего налогового законодательства и зачастую игнорируют законные требования налоговых органов. Убеждены, что назрела необходимость в надлежащем правовом обеспечении защиты фискальных интересов государства в условиях трансформации цифровой экономики. Поступательно развивающаяся цифровизация экономики оказывает существенное воздействие на развитие налогово-правовых отношений в новых реалиях. Что безусловно отражается на изменении механизмов налогового контроля. Так для надлежащего обеспечения соблюдения фискальных интересов государства необходимо подвергнуть трансформации доктринальные подходы в правовом регулировании налоговой системы, налогов, сборов, страховых взносов, принципов и элементов налогообложения, налогового администрирования и налогового контроля.

Представляется, что новые технологии полностью способны автоматизировать процессы налогового администрирования, налогового контроля, но для эффективного их функционирования необходимо с учетом постоянно развивающихся цифровых технологий совершенствовать законодательство о налогах и сборах. Это необходимо для того, чтобы введение новых форм и методов такой деятельности потребовало соответствующего законодательного закрепления, с целью избежания конкуренции между новыми и действующими формами контроля и налогового администрирования. Трансформация существующих форм и методов налогового контроля, налогового администрирования потребует введение новых гарантий, прав участников налоговых отношений, а также соответствующих способов их реализации с целью соблюдения их прав и законных интересов в налоговой сфере с целью создания новой модернизированной – цифровой формы современного налогового контроля (камеральной проверки).

### Литература и источники

1. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. // Электронный ресурс <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 14.04.2022).
2. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.
3. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов. // URL: [https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/10/main/ONBNiTTP\\_2020-2022.pdf](https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/10/main/ONBNiTTP_2020-2022.pdf) (дата обращения: 14.04.2022).
4. Закон РФ «О налоговых органах Российской Федерации» от 21.03.1991 № 943-1// Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 15. Ст. 492.
5. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» от 30.09.2004 № 506 // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3961.
6. Федерального закона от 29.09.2019 № 325-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 39. Ст. 5375.
7. Письмо ФНС России от 8 июля 2021 г. № ЕА-4-15/9587@ «О проведении камеральной налоговой проверки в соответствии с п. 1.2 ст. 88 НК РФ» // СПС Консультант Плюс.
8. Письмо Федеральной налоговой службы от 24 ноября 2021 г. № ЕА-4-15/16364@ «О привлечении к ответственности по результатам камеральной налоговой проверки в соответствии с п. 1.2. ст. 88 НК РФ» // СПС Гарант.
9. Федеральный закон от 02.07.2021 № 305-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст.5133.
10. Федеральный закон от 29.11.2021 № 382-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 49 (часть I). Ст. 8146.
11. Федеральный закон от 02.07.2021 № 305-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст.5133.
12. Федеральный закон от 26.07.2019 № 210-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4112.

### References and Sources

1. The program «Digital Economy of the Russian Federation» was approved by the order of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 № 1632-r. // Electronic resource <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (date of access: 14.04.2022).
2. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 № 474 «On the national goals of the development of the Russian Federation for the period until 2030» // СЗ RF. 2020. № 30. Art. 4884.
3. The main directions of the budget, tax and customs tariff policy for 2020 and for the planning period of 2021 and 2022. URL: [https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/10/main/ONBNiTTP\\_2020-2022.pdf](https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/10/main/ONBNiTTP_2020-2022.pdf) (Accessed 14.04.2022).
4. Law of the Russian Federation «On the tax authorities of the Russian Federation» dated March 21, 1991 № 943-1// Vedomosti SND i VS RSFSR. 1991. № 15. Art. 492.
5. Decree of the Government of the Russian Federation «On approval of the Regulations on the Federal Tax Service» dated September 30, 2004 № 506 // СЗ RF. 2004. № 40. Art. 3961.
6. Federal Law № 325-FZ of September 29, 2019 «On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation» // SZ RF. 2019. № 39. Art. 5375.
7. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated July 8, 2021 № ЕА-4-15 / 9587@ «On conducting a desk tax audit in accordance with clause 1.2 of Art. 88 of the Tax Code of the Russian Federation» // SPS Consultant Plus.
8. Letter of the Federal Tax Service dated November 24, 2021 № ЕА-4-15/16364@ «On holding liable based on the results of a desk tax audit in accordance with clause 1.2. Art. 88 of the Tax Code of the Russian Federation» // SPS Garant.

9. Federal Law № 305-FZ of July 2, 2021 «On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // CZ RF. 2021. № 27 (part I). Article 5133.

10. Federal Law № 382-FZ of November 29, 2021 «On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation» // SZ RF. 2021. № 49 (part I). Art. 8146.

11. Federal Law № 305-FZ of July 2, 2021 «On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // CZ RF. 2021. № 27 (part I). Article 5133.

12. Federal Law of July 26, 2019 № 210-FZ «On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // SZ RF. 2019. № 30. Art. 4112.

**ВАСИЛЬЕВА ЕВГЕНИЯ ГРИГОРЬЕВНА** – кандидат юридических наук, доцент, кафедра административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Краснодар).

**VASILYEVA, EVGENIYA G.** – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar (vasileva\_e80@mail.ru).

УДК 336.2

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-89-93

**КРОХИНА Ю.А.**

## **МЕТОДЫ НАЛОГОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В ФИСКАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

**Ключевые слова:** налоговая экспертиза, налоговая реконструкция, экономико-криминалистический анализ, расчетно-аналитический метод.

В настоящее время неуклонно возрастает потребность в использовании специальных знаний в процессе привлечения к ответственности за неуплату налогов. Экспертиза может быть назначена в административном, арбитражном и уголовном процессах в ситуациях, когда необходимо установить сумму подлежащих уплате в бюджет и фактически уплаченных налогов в связи с совершением каких-либо финансовых или хозяйственных операций. Вместе с тем анализ правоприменительной практики показывает, что участники всех стадий рассмотрения налоговых споров сталкиваются с трудностями при оценке целесообразности проведения экспертизы, определении круга вопросов, которые должны быть поставлены перед экспертом. Исходя из сущности налоговой экспертизы, обоснована возможность применения при ее производстве общенаучных методов, разработанных экономическими, статистическими, экономико-правовыми науками. Автором аргументирован вывод о наличии у налоговой экспертизы также и автономных методов, к числу которых относятся расчетно-аналитические и документальные приемы.

**KROKHINA, Yu.A.**

## **METHODS OF TAX EXPERTISE AS A TOOL FOR RESOLVING CONFLICTS IN FISCAL RELATIONS**

**Key words:** tax expertise; tax reconstruction; economic and forensic analysis; calculation-analytical method.

At present, the need to use special knowledge in the process of bringing to responsibility for tax evasion is steadily increasing. Expertise can be appointed in administrative, arbitration and criminal proceedings in situations where it is necessary to establish the amount of taxes payable to the budget and actually paid taxes in connection with the performance of any financial or business transactions. At the same time, the analysis of law enforcement practice shows that participants at all stages of tax disputes are faced with difficulties in assessing the feasibility of conducting an examination, determining the range of questions that should be posed to an expert. Based on the essence of tax expertise, the possibility of using general scientific methods developed by economic, statistical, economic and legal sciences in its production is substantiated. The author substantiates the conclusion that the tax expertise also has autonomous methods, which include calculation-analytical and documentary methods.

Согласно ч. 1 ст. 95 НК РФ, в необходимых случаях для участия в проведении конкретных действий по осуществлению налогового контроля, в том числе при проведении выездных налоговых проверок, на договорной основе может быть привлечен эксперт. Экспертиза назначается в случае, если для разъяснения возникающих вопросов требуются специальные познания в науке, искусстве, технике или ремесле. Эксперты и специалисты привлекаются как на досудебной, так и в судебной стадиях разрешения налогового спора.

Постановление Пленума ВС РФ от 26.11.2019 №48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» обобщило судебную практику и ввело в уголовный процесс ряд новых концептуальных идей в процедурах доказывания по делам об уклонении от уплаты обязательных платежей. Вместе с тем, данное Постановление имеет важное значение в целом для налогового процесса, поскольку уголовное преследование по рассматриваемой категории дел почти всегда является последствием налогового спора и арбитражного разбирательства. Напомним, что до 06.03.2022 следственные органы имели право возбуждать уголовные дела по налоговым преступлениям на основе информации, полученной из различных источников, в том числе полученной самостоятельно. 04.03.2022 в статьи 140 и 144 УПК РФ внесены изменения, согласно которым возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях стало возможным только на основании данных налоговой проверки [1].

Новеллы осуществления уголовного преследования по налоговым преступлениям актуализируют вопросы учета разъяснений Пленума №48 при проведении налоговых проверок, в

первую очередь концептуального положения о необходимости определения истинного размера налоговой обязанности. ВС РФ указал, что при определении размера налоговой обязанности «необходимо учитывать в совокупности все факторы, как увеличивающие, так и уменьшающие размер неуплаченных налогов, сборов и страховых взносов» (п. 14). В практике производства налоговой экспертизы это правило означает, что должны быть учтены все ранее не заявленные налогоплательщиком льготы, не учтенные расходы, не примененные вычеты, имеющиеся суммы переплаты и другие обстоятельства, влияющие на установление размера налоговой недоимки. Безусловно, эксперт должен восстановить («реконструировать») названные юридические факты при ответе на вопросы, поставленные перед ним налоговым органом, следствием, самим налогоплательщиком или его защитником. От правильного ответа на данные вопросы зависит установление размера налоговой недоимки и, следовательно, факта состава преступления и его квалификация.

Тем самым, основываясь на положениях Пленума № 48, налоговая экспертиза должна осуществить полную реконструкцию налоговых обязательств на основе правильного исчисления суммы налога, подлежащей уплате в бюджет и имеющейся переплаты обязательных платежей в иные периоды (если таковая имеется). В этом заключается суть комплексного применения налогового законодательства, исключая избирательный подход только для доначисления недоимки. Правило комплексной налоговой реконструкции находит применение в аргументации ВС РФ и нижестоящих судов по ряду решений [2].

Налоговая экспертиза имеет свою историю, научную основу и обширную эмпирическую базу. В научной литературе не прекращаются дискуссии относительно наличия у судебно-бухгалтерской и судебно-экономической экспертизы автономных методов [3, с. 59; 4, с. 59-71]. Ответ на данный вопрос позволяет признать или опровергнуть возможность наличия собственного метода судебной налоговой экспертизы.

Обоснованы две концепции.

Первая не признает специфику метода судебной налоговой экспертизы, поскольку, по мнению представителей данной версии, общие экспертные методы исследования приоритетны [5, с. 579-586]. Основной аргумент заключается в том, что при производстве любой экспертизы относительно фискальных обязательств главным способом экспертного исследования будут выступать моделирование, построение, реконструкция элементов юридического состава конкретного налога.

Вторая позиция, напротив, основывается на признании автономии метода судебной налоговой экспертизы [5, с. 14-17; 6, с. 69-72; 7, с. 66-71].

На наш взгляд, вопрос о методах следует решать исходя из сущности налоговой экспертизы.

Экспертиза налоговой деятельности предполагает проведение следующих мероприятий:

- изучение аналитических и синтетических счетов;
- определение размера денежных расчетов, которые не подлежат налогообложению;
- проверка достоверности предоставленных отчетов по налоговым обязательствам перед государством;
- проверка выполняемых налоговых требований при формировании налоговой базы;
- фиксирование уплаты налогов за установленный временной промежуток.

Названные процессы обуславливают необходимость применения как общих, так и автономных методов налоговой реконструкции.

Для проведения налоговой реконструкции могут быть применены общенаучные, общие со всеми отраслями науки методы, разработанные экономическими, статистическими, экономико-правовыми науками, применение которых позволит эксперту решить задачи, стоящие перед судебной налоговой экспертизой (налоговой реконструкцией).

К автономным приемам судебной налоговой экспертизы следует отнести расчетно-аналитические и документальные методы.

Расчетно-аналитические методы включают аналитические процедуры, используемые экспертом при проведении судебной налоговой экспертизы. Применение в судебной налоговой экспертизе расчетно-аналитических методов позволяет установить признаки неполного

исчисления налогов, подлежащих уплате в бюджет. Ведущая роль среди расчетно-аналитических методов принадлежит методам экономического и экономико-криминалистического анализа.

Следует отметить, что приемы, выработанные анализом хозяйственной деятельности как экономической наукой и практикой, потенциально пригодны для целей диагностики неправомерного поведения субъектов экономической деятельности, в том числе и в сфере налогообложения. Вместе с тем, неправильно было бы полностью отождествлять эти приемы с методами экономико-криминалистического анализа. Прежде всего, экономический анализ и экономико-криминалистический анализ имеют разные цели.

Экономический анализ призван выявлять причины изменений в состоянии средств, их источниках и финансовых результатах работы организации под влиянием хозяйственной деятельности для принятия оптимальных управленческих решений. Другими словами, экономический анализ является необходимым условием организации управления предприятием. Его цели связаны с экономикой. Экономико-криминалистический анализ, как вид практической деятельности, должен выявлять причины изменений в состоянии средств, их источниках и финансовых результатах работы организации под влиянием противоправных действий, совершаемых в процессе хозяйственной деятельности. Как отрасль научных знаний экономико-криминалистический анализ исследует закономерности отражения противоправной деятельности в экономической информации, а также разрабатывает приемы, направленные на обнаружение признаков и следов противоправной деятельности в этой информации. Таким образом, экономико-криминалистический анализ призван обеспечить необходимой информацией процесс обнаружения и раскрытия преступления, в том числе и при проведении судебной налоговой экспертизы. Следовательно, его цель связана не с экономикой, а с правоохранительной деятельностью.

Несмотря на различие целей, эти два вида анализа имеют и общие основания. Прежде всего – это общие источники информации. Для проведения и того и другого анализа обычно используются данные статистической, финансовой, налоговой, внутрипроизводственной отчетности; записи на счетах в регистрах бухгалтерского и налогового учетов; материалы оперативно-хозяйственного учета. Для целей экономико-криминалистического анализа используются также и данные неофициального учета, полученные при проведении оперативно-следственных действий.

Следующий фактор, который можно отнести к общим, – изменение показателей работы предприятия как под влиянием экономической, так и под влиянием противоправной деятельности. Однако если под влиянием экономической деятельности показатели работы предприятия могут как улучшиться, так и ухудшиться, то под влияние противоправной деятельности показатели работы обычно ухудшаются, поскольку предприятие, как правило, является жертвой преступления. Вместе с тем, это правило не всегда применимо. Так, преступления в сфере налоговых правоотношений причиняют вред государству, а не предприятию, уклоняющемуся от уплаты налогов и (или) сборов. Следовательно, под влиянием преступлений в сфере налоговых правоотношений показатели работы предприятия могут и улучшиться, особенно финансовые показатели.

Однако если преступления в сфере налоговых правоотношений связаны с неотражением в официальном учете финансово-хозяйственных операций, то и влияния на показатели работы они не оказывают. Эти особенности необходимо учитывать при исследовании закономерностей отражения преступлений в экономической информации. То обстоятельство, что показатели работы предприятия изменяются как под влиянием экономической, так и под влиянием преступной деятельности, предопределяет потенциальную возможность использования приемов экономического анализа для целей экономико-криминалистического анализа.

Так, в экономическом анализе широко используется метод сравнения. Обычно при анализе производится сравнение: плановых и фактических показателей для оценки степени выполнения плана; показателей деятельности за ряд периодов в динамике для определения тенденций развития; показателей анализируемого предприятия с показателями передовых предприятий отрасли, действующих в сопоставимых условиях; показателей анализируемого предприятия с показателями других аналогичных предприятий для оценки занимаемого положения на рынке;

показателей до и после осуществления каких-либо организационных мероприятий для определения их влияния на результаты деятельности.

Этот метод может использоваться и в экономико-криминалистическом анализе для диагностики противоправной деятельности в сфере экономики, а также для выявления потенциально криминогенных объектов. Так, сравнение сумм выручки, затрат на производство и продажу, величины исчисленных налогов на прибыль и на добавленную стоимость у различных организаций, занимающихся однородной деятельностью и в сопоставимых условиях, позволяет выявить организации, уклоняющиеся от уплаты налогов и (или) сборов. Такие приемы могут использоваться для выделения объектов, на которых целесообразно проведение проверочных, мероприятий.

Однако для того, чтобы можно было проводить сравнение, необходимо приводить показатели в сопоставимый вид. Как правило, для этого показатели в абсолютных величинах (в единицах меры, веса, объема, стоимости и др.), переводят в относительные величины (коэффициенты, проценты и др.).

В экономическом анализе широко используется и метод группировки экономической информации, который основан на делении массива изучаемой совокупности на качественно однородные группы. Могут применяться типологические, структурные и аналитические группировки. Например, при типологических группировках могут выделять группы предприятий по формам собственности, по роду деятельности и другим признакам. Структурные группировки позволяют исследовать внутреннее строение анализируемых показателей, определять в них соотношение отдельных частей. Например, удельный вес поступлений от различных налогов в общей сумме доходов бюджета.

В экономико-криминалистическом анализе метод группировки также находит применение. Однако здесь для проведения группировки показателей важно выделить признак, реагирующий на способ противоправной деятельности. Например, при проведении судебной налоговой экспертизы, можно проводить группировку однородных предприятий по уровню прибыли на рубль выручки от продаж. При занятии одинаковым бизнесом в сопоставимых условиях соотношение затрат и прибыли должно быть примерно одинаковым. Следовательно, размер прибыли на рубль выручки также должен быть примерно одинаков. Если провести группировку по этому признаку, то можно выявить предприятия, где размер прибыли на рубль выручки самый низкий. Именно такие предприятия имеет смысл углубленному исследованию в первую очередь.

Одной из важных целей при проведении экономического анализа является определение величины влияния отдельных факторов на изменение исследуемого показателя. Для этих целей обычно проводится факторный анализ, который и предназначен для выявления причин отклонений тех или иных показателей от заданных параметров. Факторный анализ основан на методе элиминирования, то есть устранении воздействия всех факторов, кроме одного, на величину исследуемого показателя. Этот метод также может использоваться для целей экономико-криминалистического анализа. Однако для этого необходимо определить факторы, реагирующие на способ противоправной деятельности. По мнению С.П. Голубятникова, заслуживают внимания три типа рассогласованности в соотношении взаимосвязанных показателей:

1) однонаправленная рассогласованность количественных изменений обобщающего показателя и количественных показателей, характеризующих используемые ресурсы;

2) рассогласованность изменения объема продукции с каким-либо одним из показателей потребленных ресурсов;

3) рассогласованность при сравнении результатов факторного анализа объема продукции в группе аналогичных по роду деятельности предприятий [8, с. 27].

Первый тип рассогласованности применительно к экономико-криминалистическому анализу признаков противоправной деятельности в сфере налоговых правоотношений имеет место, в таких ситуациях, когда при росте в динамике затрат на материальные и трудовые ресурсы объем выручки от продаж не изменяется или снижается. Такое положение может являться признаком сокрытия выручки от продаж с целью уклонения от уплаты налогов на прибыль и на добавленную стоимость, налоговая база у которых, как известно, напрямую зависит от размера выручки от продаж.



Второй тип рассогласованности применительно к экономико-криминалистическому анализу признаков противоправной деятельности в сфере налоговых правоотношений имеет место в таких ситуациях, когда объем изготовленной продукции не соответствует (меньше, чем должен быть) при затратах, например, электроэнергии на работу оборудования цехов основного производства. Данное несоответствие может являться признаком выпуска официально неучтенной продукции, которая, соответственно, и продается вне официального учета. Тем самым достигается уклонение от уплаты ряда налогов с организаций и физических лиц (налог на прибыль, налог на добавленную стоимость, налог на доходы физических лиц, платежи в государственные внебюджетные фонды).

Третий тип рассогласованности применительно к экономико-криминалистическому анализу признаков противоправной деятельности в сфере налоговых правоотношений имеет место в таких ситуациях, когда, например, величина прибыли на рубль продаж у одного из предприятий из группы однородных, работающих в сопоставимых условиях, ниже, чем у остальных предприятий. Это может являться признаком уклонения от уплаты налога на прибыль данной организацией. Могут иметь место и другие типы рассогласованности показателей деятельности организаций и физических лиц-предпринимателей, реагирующие на способы противоправной деятельности в сфере налоговых правоотношений.

Изложенное свидетельствует о возможности и необходимости использования методов и приемов экономического анализа в целях судебной налоговой экспертизы. Институт налоговой экспертизы имеет большие перспективы применения на всех стадиях налогового контроля и процесса, а также в качестве самостоятельного вида судебной экспертизы. На наш взгляд, целесообразно разработать единую методологию проведения данного вида исследований, что позволит обеспечить равенство в защите как фискальных прав государства, так и имущественных прав налогоплательщиков.

#### **Литература и источники**

1. Федеральный закон N 80928-8 «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (Об уточнении порядка возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 198 - 199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации)»
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.06.2021 N Ф05-13668/2021 по делу N А40-199023/2019.
3. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2018.
4. Шаблова Е.Г., Городнова Н.В., Жевняк О.В. Понятие судебной экономической экспертизы: экономический и юридический подходы и ограничение понятия от смежных категорий // Вестник арбитражной практики. 2020. №6.
5. Савицкий А.А. Судебная экономическая экспертиза: современное состояние, перспективы развития // Вопросы экспертной практики. 2019. №51.
6. Казачкова З.М., Казачков В.А. Экспертиза в налоговом праве и процессе: инструментальный подход // Налоги. 2018. №1.
7. Бондарь Н.Н., Виноградова М.М. Судебная экономическая экспертиза: формирование, современное состояние и перспективы развития // Вопросы экспертной практики. 2019. №51.
8. Звягин С.А., Стрыгина И.Е. Экономическая экспертиза: современная классификация и особенности использования в сфере противодействия экономическим правонарушениям // Бухгалтерский учет и налогообложение в бюджетных организациях. 2018. №10.
9. Голубятников С.П., Мамкин А.Н., Тимченко В.А. Экономико-криминалистический анализ. Н. Новгород, 2002.

#### **References and Sources**

1. Federal'nyj zakon N 80928-8 «O vnesenii izmenenij v stat'i 140 i 144 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» (Ob utocnhenii poryadka vzbuzhdeniya ugolovnyh del o prestupleniyah, predusmotrennyh stat'yami 198 - 199.4 Ugolovno kodeksa Rossijskoj Federacii)»
2. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 21.06.2021 N F05-13668/2021 po delu N A40-199023/2019.
3. Rossinskaya E.R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugolovnom processe: monografiya. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, INFRA-M, 2018.
4. Shablova E.G., Gorodnova N.V., Zhevnyak O.V. Ponyatie sudebnoj ekonomicheskoy ekspertizy: ekonomicheskij i yuridicheskij podhody i otgranichenie ponyatiya ot smezhnyh kategorij // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2020. №6.
5. Savickij A.A. Sudebnaya ekonomicheskaya ekspertiza: sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya // Voprosy ekspertnoj praktiki. 2019. №51.
6. Kazachkova Z.M., Kazachkov V.A. Ekspertiza v nalogovom prave i processe: instrumental'nyj podhod // Nalogi. 2018. №1.
7. Bondar' N.N., Vinogradova M.M. Sudebnaya ekonomicheskaya ekspertiza: formirovanie, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Voprosy ekspertnoj praktiki. 2019. №51.
8. Zvyagin S.A., Strygina I.E. Ekonomicheskaya ekspertiza: sovremennaya klassifikaciya i osobennosti ispol'zovaniya v sfere protivodejstviya ekonomicheskim pravonarusheniyam // Buhgalterskij uchet i nalogooblozhenie v byudzhethnyh organizacijah. 2018. №10.
9. Golubyatnikov S.P., Mamkin A.N., Timchenko V.A. Ekonomiko-kriminalisticheskij analiz. N. Novgorod, 2002.

---

**КРОХИНА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА** - доктор юридических наук, профессор, кафедра гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Плеханова, заведующая кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. Ломоносова (jkrokhina@mail.ru).

**KROKHINA, YULIA A.** - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics; Head of the Department of Legal Disciplines, Graduate School of State Audit (Faculty), Moscow State University.

---

**ОКУЛИЧ Н.В.**  
**О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ УТОЧНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ**  
**ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**Ключевые слова:** земельный фонд, государственное управление земельным фондом, категории земель, целевое назначение, принципы земельного законодательства, правовой режим земель, зонирование территорий, вид разрешенного использования, градостроительный регламент.

Государственное управление земельным фондом страны выступает одним из приоритетных направлений земельной политики государства. Законодатель в п.1 ст.6 ЗК РФ определяет подходы к управлению земельными ресурсами страны: земля рассматривается как природный объект и является частью окружающей природной среды; согласно другому подходу: земля также выступает основным стратегическим природным ресурсом государства. В статье обосновывается необходимость целевого использования природных ресурсов. Использование земельного фонда страны осуществляется в соответствии с целями, которые указываются в стратегических программах – например, в Основах государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012-2017 годы, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 3 марта 2012 г. № 297-р. и других документах. В статье даны предложения по совершенствованию порядка определения правового режима земельных участков путем законодательного определения базовых понятий земельного законодательства; решения других вопросов, связанных с определением правового режима земельного участка (уточнения вида разрешенного использования земельных участков и др.). Обосновывается необходимость сохранения института категоризации земель.

**OKULICH, N.V.**  
**ON THE EXPEDIENCY OF CLARIFYING SOME BASIC CONCEPTS OF LAND LEGISLATION**

**Key words:** land fund, state management of the land fund, category of land, purpose, justification of land legislation, Judicial regime of land, land zoning, type of permitted use, town planning regulations.

State management of the country's land fund is one of the priority areas of the state's land policy. The legislator in paragraph 1 of article 6 of the Land Code of the Russian Federation defines approaches to the management of the country's land resources: land is considered as a natural object and is part of the natural environment; according to another approach: land also acts as the main strategic natural resource of the state. The article substantiates the need for targeted use of natural resources. The use of the land fund of the country is carried out in accordance with the goals that are indicated in the strategic programs - for example, in the Fundamentals of the State Policy for the Use of the Land Fund of the Russian Federation for 2012-2017, approved. Decree of the Government of the Russian Federation of March 3, 2012 No. 297-r. and other documents. The article proposes the improvement of the procedure for determining the legal regime of land plots through the legislative definition of the basic concepts of land legislation; resolution of other issues related to the determination of the legal regime of a land plot (clarification of the type of permitted use of land plots, etc.); and substantiates the need to preserve the institution of land categorization.

Согласно данным федеральной статистической отчетности, площадь земельного фонда Российской Федерации на 1 января 2019 года составила 1 712 519,1 тыс. га [1, с. 7]. Земля – это основной стратегический ресурс государства, которым оно распоряжается в целях решения стоящих перед ним экономических, политических, социальных и других задач. Управление земельным фондом страны является одной из центральных задач внутренней государственной политики. По неофициальным данным Росреестра треть земельного фонда страны – 583 млн. гектаров используется для нужд сельского хозяйства [2, с. 11]. Учитывая существующие проблемы, которые имеются в развитии отечественного сельского хозяйства, нельзя не видеть, что сегодня в России имеется огромное количество заброшенных полей, и глядя на указанные выше неофициальные статистические данные Росреестра, невольно задумываешься об эффективности государственной политики в области земельных отношений.

На наш взгляд, усугубляет сложившуюся ситуацию тот факт, что сложившееся законодательство в области земельных отношений носит непоследовательный, а нередко и противоречивый характер. В предложенной статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы в области регулирования земельных отношений и предлагаются варианты их решения.

Земельным законодательством РФ (ЗК РФ) состав земель России разделен на 7 категорий. При этом базовым критерием выделения земель в отдельную категорию выступает их целевое назначение. Одним из принципов земельного законодательства в п.п. 8 п.1 ст.1 ЗК РФ определен принцип категоризации: все земли по целевому назначению разделены на категории, правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к определенной категории и вида разрешенного использования (ВРИ) в соответствии с зонированием территорий и требованиями законодательства. Этот принцип конкретизирован в п. 2 ст. 7 Земельного кодекса РФ.

По мнению О.И. Крассова, нашедшее отражение в ЗК РФ представление о правовом режиме земель не имеет общего характера и неприменимо ко всем категориям земель, так как вид разрешенного использования земельного участка автор связывает с процедурой градостроительного зонирования [3, с. 336].

Согласно п.4 ст.36 Градостроительного кодекса РФ (ГрК РФ), градостроительный регламент не распространяется на земельные участки:

- в границах территорий памятников и ансамблей, включенных в Реестр объектов культурного наследия (ОКН) народов России и других случаях, установленных законодательством об охране ОКН;

- в границах территорий общего пользования;

- предназначенные для размещения линейных объектов и (или) занятые линейными объектами; и др.

- предоставленные для добычи полезных ископаемых.

Также градостроительные регламенты не устанавливаются для земель лесного фонда, земель, покрытых поверхностными водами, земель запаса, земель особо охраняемых природных территорий (за исключением земель лечебно-оздоровительных местностей и курортов), сельскохозяйственных угодий в составе земель сельхозназначения), земельных участков, расположенных в границах особых экономических зон и территорий опережающего социально-экономического развития (п.6 ст.36 ГрК РФ).

Но поскольку виды разрешенного использования земельных участков определяются градостроительными регламентами, то получается, что в отношении перечисленных территорий и земель ВРИ не устанавливаются (коль скоро нет градостроительного регламента). Из содержания абз.3 п.2 ст.7 Земельного кодекса следует, что ВРИ земельного участка должен определяться в соответствии с Классификатором, утвержденным уполномоченным органом государственной власти. В настоящий момент действует Классификатор видов разрешенного использования земельных участков (утв. приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 1 сентября 2014 года № 540) (далее - Классификатор ВРИ).

На наш взгляд, существующий подход законодателя к регулированию вопросов установления правового режима земель на уровне подзаконного акта не решает всех проблем и противоречий в правовом регулировании. Принятый Минэкономразвития РФ Классификатор ВРИ носит узковедомственный характер. Как известно, на момент принятия Классификатора ВРИ, полномочиями по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере земельных отношений, помимо Минэкономразвития РФ, обладало Министерство сельского хозяйства РФ (применительно к землям сельхозназначения), Минприроды РФ (в отношении некоторых других земель). Поэтому, утвердив Классификатор своим приказом (без участия Минсельхоза и Минприроды), Минэкономразвития РФ вышел за рамки предоставленных ему полномочий в области нормативного регулирования земельных отношений. В настоящий момент Постановлением Правительства РФ от 12 февраля 2020 г. № 131 (в ред. Постановления Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2020 г. № 496) полномочия Минэкономразвития РФ в части осуществления функций по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию земельных отношений переданы Росреестру РФ.

Конструкция ВРИ подходит не для всех категорий земель: например, земли запаса полностью изъяты из оборота, и в большинстве случаев их использование невозможно в соответствии с п.2 ст.103 Земельного кодекса РФ. Установление ВРИ на землях водного фонда нецелесообразно. Классификатор ВРИ не сможет снять все противоречия при определении правового режима земель в отношении какой-либо территории, поэтому отсылка Земельного кодекса к подзаконному акту не является универсальным решением существующей проблемы. Такая отсылка в литературе расценивается как упущение законодателя, которое не может быть восполнено на уровне подзаконного регулирования [3, с. 361], и предлагается подход, согласно которому необходимо отличать ВРИ земельного участка от конкретного целевого назначения: ВРИ может быть определен только в случаях, прямо указанных в законе – в остальных случаях речь идет о конкретном целевом назначении земельного участка [3, с. 363].

Так как норма п.2 ст.7 ЗК РФ и базовый принцип земельного законодательства, указанный в пп.8 ст.1 ЗК РФ, относятся к Общей части Земельного кодекса РФ, они должны задавать единые параметры правового режима для всех земельных участков, независимо вида территориальной зоны и категории земель. Но из сопоставления норм Земельного и Градостроительного кодексов видно, что правовое регулирование вопросов, связанных с определением правового режима земель, носит непоследовательный и противоречивый характер. Эти противоречия следует

устранить. В Земельном кодексе на сегодняшний день отсутствуют определения понятий «категория земель», «целевое назначение», «вид разрешенного использования». Но вопросы относительно содержания указанных понятий, их соотношении, роли и месте в системе земельного права освещаются в юридической литературе [4-8].

В Экологическом словаре «целевое назначение» земель определяется как критерий подразделения земель на категории и критерий правомерности использования земельного участка при решении вопроса о прекращении права на земельный участок [9, с. 362]. Категория земель – единица классификации состава земель РФ в зависимости от целевого назначения [9, с. 147]. Общепринято в теории, что «категория» выступает единицей классификацией, а «целевое назначение» ее основанием. О.И. Крассов раскрывает понятие категории земель следующим образом: «это совокупность более или менее однородных по своему целевому или функциональному назначению земельных участков, выделенных в качестве особой группы в зависимости от их природного, социального, экономического или экологического значения» [3, с. 337]. Автор обращает внимание на особенности некоторых категорий земель: например, в категории земель запаса целевое назначение отсутствует, в землях населенных пунктов – в основе выделения их в отдельную категорию лежит их функциональное назначение, а не целевое, так как внутри последней категории может иметь место разное целевое назначение [3, с. 337].

Следует заметить, что каждая из категорий земель имеет особенности: например, земли запаса – это земли, находящиеся в резерве; земельные участки в составе данной категории не могут использоваться до перевода их в другую категорию (за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом), принадлежать юридическим и физическим лицам. Хотя у земель запаса формально отсутствует целевое назначение, тем не менее, трудно отрицать тот факт, что определенные цели преследуются при принятии уполномоченным органом власти решения о включении земельных участков в запас. Земельные участки могут резервироваться под какие-либо цели в будущем либо в целях восстановления деградированных в результате антропогенного воздействия земель принимается решение о консервации земель. Поэтому, вряд ли можно считать логической ошибкой, как пишут некоторые авторы [10, с. 3], разграничение в ст.7 Земельного кодекса РФ земель из состава земельного фонда страны на несколько категорий по целевому назначению по причине отсутствия целевого назначения у земель запаса.

В составе земель населенных пунктов образуются территориальные зоны. В состав последних входят земельные участки с разным функциональным назначением. При принятии решения о выделении территориальных зон перед органом местного самоуправления стоят задачи обеспечения социально-экономического развития городов, поселений. В целом, земли населенных пунктов как часть единого земельного фонда страны имеют, на мой взгляд, общее целевое назначение – создание, развитие городской инфраструктуры и обеспечение комфортной среды для проживания населения мегаполиса. Поэтому можно подытожить, что критерий «целевое назначение» выражает специфику правового режима земель, выделенных в единую группу (катеорию). На отнесение земель к одной из категорий влияют несколько факторов: социальное, экономическое значение земель и др. В теории отмечается, что формирование цели, в соответствии с которой предполагается использование земельного фонда, носит субъективный характер [5, с. 27]. Необходимо отметить, что подход целевого пользования природными ресурсами, который положен в основу института категоризации земель, является фундаментальным принципом природоресурсного права [5, с. 27]. Помимо земли, как природного ресурса, в отношении других природных объектов также широко применяется принцип целевого использования (например, в водном и лесном законодательстве - в п.4 ст.3 Водного кодекса РФ и п. 9 ст. 1 Лесного кодекса РФ).

Так, п. 9 ст.1 Лесного кодекса России в качестве основного принципа, на котором основываются лесное законодательство и правовое регулирование лесных отношений, закрепляет положение о том, что использование лесов осуществляется в соответствии с их целевым назначением, а также с видами лесов и выполняемыми ими полезными функциями. В данной связи, на наш взгляд, принцип целевого пользования природными ресурсами сегодня следует рассматривать исключительно как неотъемлемую составляющую концепции рационального природопользования. Осуществление рационального природопользования основано на базовых положениях Конституции России. В ст.9 ч.1 главы 1 Конституции России содержится важная гарантия приоритета публичных – государственных, общественных интересов при использовании

природных ресурсов над частными, в т.ч. коммерческими. Выражается данный конституционный принцип в том, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов России. В ч.1 ст.9 Конституции указано, что земля является природным ресурсом и соответственно, земельные ресурсы страны должны использоваться эффективно, рационально – в соответствии с их целевым назначением.

Научно обоснованный, концептуальный подход должен применяться при определении целей, в соответствии с которыми планируется использование земельного фонда страны, его части. На основе последнего только возможно обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие государства, рациональное использование природных ресурсов.

Следует отметить, что уяснение определений указанных понятий имеет еще и практическое значение: например, в ст.8.8 КоАП РФ предусмотрена ответственность за «использование земельного участка не по целевому назначению, невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению».

Конституционный суд РФ в Постановлении от 16 октября 2020 № 42-П по делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ в связи с жалобой гражданки М.Г. Анциновой признал указанную норму противоречащей положениям Конституции РФ. Суд указал, что ч.1 ст. 8.8 КоАП РФ создает неопределенность в правовом регулировании, в частности, в вопросе о возможности привлечения собственника (гражданки М.Г. Анциновой) к административной ответственности за использование земельного участка не по целевому назначению.

Исходя из изложенного, стоит обратить внимание на необходимость законодательного определения в Земельном кодексе РФ таких базовых понятий для отрасли земельного права как «категория земель», «целевое назначение» и «вид разрешенного использования». На уровне федерального законодательства должны быть установлены четкие критерии, позволяющие отличать «целевое назначение» от «нецелевого». Также, на мой взгляд, необходимо изучение и разработка вопросов, связанных с особенностями правового режима подкатегорий земель; конкретизация в земельном законодательстве некоторых вопросов в определении ВРИ земельных участков либо их конкретного целевого назначения.

Государственное управление земельным фондом страны выступает одним из приоритетных направлений земельной политики государства. Согласно ст.6 Земельного кодекса России от 25.10.2001 №136-ФЗ (ред. от 28.05.2002) земля (земельный участок) являются основными объектами земельных правоотношений. Законодатель в п.1 ст.6 ЗК РФ определяет подходы в управлении земельными ресурсами страны: земля рассматривается как природный объект и является частью окружающей природной среды; согласно другому подходу: земля также выступает основным стратегическим природным ресурсом государства. Земля как природный ресурс рассматривается в качестве основного экономического базиса в области социально-экономических отношений: является пространственной основой различных видов экономической деятельности, и выступает в качестве средства производства в сельскохозяйственной и др. видах деятельности. В статье обосновывается необходимость целевого использования природных ресурсов. При этом действующее земельное законодательство нуждается в совершенствовании: вопросы, связанные с разрешенным использованием земельного участка (установления ВРИ земельного участка) должны регулироваться преимущественно в земельном законодательстве. Градостроительное законодательство, которое содержит перечень ВРИ земельных участков в градостроительных регламентах может носить вспомогательный характер при установлении правового режима земельного участка.

### Литература и источники

1. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2018 году // <https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/>
2. Ибрагимов К.Х. Правовая сущность понятия «категория земель сельскохозяйственного назначения» или нужны ли категории земель вообще? //Аграрное и земельное право. 2017. №10(154). С. 9-17.
3. Крассов О.И. Земельное право. 4-е изд. Перераб. и доп. М.: НОРМА,ИНФРА-М, 2014.
4. Липски С.А. О целевом назначении земельных участков и делении земельного фонда на категории в современных условиях // Право и инвестиции. 2011. № 2 (47). С.76-81.
5. Мельников Н.Н., Анисимов А.П. Системно-структурный анализ категорий «целевое назначение» и «разрешенное использование» в природоресурсных отраслях права// Журнал российского права. 2013. № 11. С. 27-35.
6. Мысов Д.И. Деление земель на категории по целевому назначению как принцип современного земельного права //Аграрное и земельное право. 2008. №9 (45). С.138-141.
7. Мысов Д.И. К вопросу о понятии категорий земель // Аграрное и земельное право. 2008. №7(43). С.57-61.

8. Буров В.А. Развитие представлений о категории земель в отечественной земельно-правовой науке // *Аграрное и земельное право*. 2008. №8 (44). С.75-81.
9. Голиченков А.К. *Экологическое право России: словарь юридических терминов: Учебное пособие*. - М., 2008.
10. Волков Г.А. Правовые проблемы разграничения земель на категории по целевому назначению // *Экологическое право*. 2005. № 2.

**References and Sources**

1. Gosudarstvennyj (nacional'nyj) доклад o sostoyanii i ispol'zovanii zemel' v Rossijskoj Federacii v 2018 godu // <https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/>
2. Ibragimov K.H. Pravovaya sushchnost' ponyatiya «kategoriya zemel' sel'skohozyajstvennogo naznacheniya» ili nuzhny li kategorii zemel' voobshche? // *Аграрное и земельное право*. 2017. №10(154). С. 9-17.
3. Krassov O.I. *Zemel'noe pravo*. 4-e izd. Pererab. i dop. М.: NORMA, INFRA-M, 2014.
4. Lipski S.A. O celevom naznachenii zemel'nyh uchastkov i delenii zemel'nogo fonda na kategorii v sovremennykh usloviyah // *Pravo i investicii*. 2011. № 2 (47). С.76-81.
5. Mel'nikov N.N., Anisimov A.P. Sistemno-strukturnyj analiz kategorij «celevoe naznachenie» i «razreshennoe ispol'zovanie» v prirodoresursnykh otraslyah prava // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2013. № 11. С. 27-35.
6. Mysov D.I. Delenie zemel' na kategorii po celevomu naznacheniyu kak princip sovremennogo zemel'nogo prava // *Аграрное и земельное право*. 2008. №9 (45). С.138-141.
7. Mysov D.I. K voprosu o ponyatii kategorij zemel' // *Аграрное и земельное право*. 2008. №7(43). С.57-61.
8. Буров В.А. Развитие представлений о категории земель в отечественной земельно-правовой науке // *Аграрное и земельное право*. 2008. №8(44). С.75-81.
9. Golichenkov A.K. *Ekologicheskoe pravo Rossii: slovar' yuridicheskikh terminov: Uchebnoe posobie*. - М., 2008.
10. Volkov G.A. *Pravovye problemy razgranicheniya zemel' na kategorii po celevomu naznacheniyu* // *Ekologicheskoe pravo*. 2005. № 2.

**ОКУЛИЧ НАТАЛЬЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА** - сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права, Института государства и права РАН (okulich\_1992@mail.ru).

**OKULICH, NATALIA V.** - Employee of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

УДК 349.2

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-98-104

**ГОЛУБУШИНА Л.Г.**

**О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ У РАБОТОДАТЕЛЕЙ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТРУДА ИНОСТРАННЫХ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ: ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

**Ключевые слова:** иностранные граждане, высококвалифицированный специалист, трудовой договор, заработная плата, обзор, судебная практика.

В статье рассматриваются наиболее распространенные причины, по которым у работодателей возникают судебные споры в связи с привлечением и использованием труда высококвалифицированных иностранных граждан. Показано, что большинство судебных актов связано с обжалованием работодателями решений территориальных органов МВД России о привлечении их к административной ответственности по части 4 статьи 18.15 КоАП РФ, то есть в связи с не уведомлением или нарушением установленного порядка и (или) формы уведомления об исполнении обязательств по выплате заработной платы высококвалифицированным специалистам. При этом суды используют единообразный подход при рассмотрении споров в данной сфере. По мнению автора, подход, используемый судами, при разрешении судебных споров, обеспечивает как защиту прав иностранных высококвалифицированных работников, так и контроль за применением иностранной рабочей силы в РФ.

**GOLUBUSHINA, L.G.**

**ON SOME TOPICAL PROBLEMS ARISING FROM EMPLOYERS WHEN USING THE LABOR OF FOREIGN HIGHLY SKILLED SPECIALISTS: A REVIEW OF JUDICIAL PRACTICE**

**Key words:** foreign citizens, highly qualified specialist, employment contract, salary, review, judicial practice.

The article discusses the most common reasons why employers have litigation in connection with the involvement and use of labor of highly qualified foreign citizens. It is shown that the majority of judicial acts are connected with the appeal by employers of decisions of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia on bringing them to administrative responsibility under part 4 of article 18.15 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, that is, due to failure to notify or violation of the established procedure and (or) form of notification of the fulfillment of obligations on the payment of wages to highly qualified specialists. At the same time, the courts use a uniform approach when considering disputes in this area. According to the author, the approach used by the courts in resolving litigation ensures both the protection of the rights of foreign highly qualified workers and control over the use of foreign labor in the Russian Federation.

В последние годы в России наблюдается тенденция к увеличению количества иностранных граждан, привлекаемых работодателями в качестве высококвалифицированных специалистов. Согласно данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2021 году иностранным высококвалифицированным специалистам выдано 46 691 разрешений на работу [1], в 2020 году – 20 528 разрешений [2]. При этом количество разрешений на работу, оформленных иностранным высококвалифицированным специалистам за 1 квартал текущего года, составляет 9 589 разрешений, что в полтора раза превышает показатели аналогичного периода в 2021 году (7 902

разрешений) [3]. Учитывая данную тенденцию, а также принимая во внимание, что судебная практика выполняет существенную роль в устранении неясностей и неопределенностей, возникающих в нормах права [4, с. 257], представляется целесообразным провести анализ материалов судебной практики в сфере применения судами РФ законодательства, регулирующего вопросы привлечения и использования труда иностранных граждан в качестве высококвалифицированных специалистов в РФ.

Придерживаясь позиции сторонников «широкого» подхода к определению понятия «судебная практика» (С.С. Алексеев, С.Ю. Головина, А.В. Цихоцкий, В.В. Ярков) [5, с. 340; 6, с. 100, 7, с. 165; 8, с. 55], и относя к ней результат деятельности всех судов, входящих в судебную систему РФ, который выражается в постановлениях Конституционного Суда РФ, решениях и определениях Верховного Суда РФ, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, а также во вступивших в законную силу судебных актах арбитражных судов и судов общей юрисдикции, проведем обзор материалов судебной практики, акцентируя внимание на наиболее распространенных нарушениях, которые допускают работодатели в связи с использованием труда иностранных высококвалифицированных специалистов.

1. Работодатель обязан уведомить территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в субъекте Российской Федерации, на территории которого иностранный высококвалифицированный специалист осуществляет трудовую деятельность, о заключении и прекращении (расторжении) трудового договора в срок, не превышающий трех рабочих дней с даты заключения или прекращения (расторжения) соответствующего договора.

В статье 13 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [9] (далее также – Закон о правовом положении иностранных граждан) содержатся общие требования, предъявляемые к осуществлению иностранными гражданами трудовой деятельности в Российской Федерации. Исходя из пункта 8 статьи 13 Закона о правовом положении иностранных граждан [9], работодатели, привлекающие и использующие для осуществления трудовой деятельности иностранного гражданина, обязаны уведомлять территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в субъекте Российской Федерации, на территории которого данный иностранный гражданин осуществляет трудовую деятельность, о заключении и прекращении (расторжении) с данным иностранным гражданином трудового договора в срок, не превышающий трех рабочих дней с даты заключения или прекращения (расторжения) трудового договора.

Конституционный Суд Российской Федерации «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 18.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, части второй статьи 67 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца первого пункта 8 статьи 13 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки А.А. Викторовой» в своем постановлении от 04.02.2020 № 7-П [10] также пришел к выводу о том, что обязанность уведомлять о заключении и прекращении (расторжении) трудового договора с иностранным работником возлагается на всех работодателей, привлекающих и использующих для осуществления трудовой деятельности иностранных граждан, независимо от статуса иностранного гражданина, а также основания его пребывания (проживания) и осуществления им трудовой деятельности на территории России. Аналогичный вывод о необходимости подачи работодателями, использующими труд иностранных высококвалифицированных специалистов, уведомлений о заключении и прекращении (расторжении) с ними трудового договора содержится в решении Верховного Суда Республики Крым от 28.03.2018 по делу № 12-206/2018, постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2022 № 13АП-43000/21 по делу № А56-87249/2021 и др.

При этом работодателям следует помнить, что трудовой договор с иностранным гражданином, привлекаемым в качестве высококвалифицированного специалиста, на момент подачи работодателем документов для получения иностранным высококвалифицированным специалистом разрешения на работу не является вступившим в законную силу, так как действие трудового договора обусловлено получением данным иностранным гражданином разрешения на работу, сведения о котором в силу статьи 327.2 ТК РФ должны быть указаны в трудовом договоре (например, см. решение Московского городского суда от 14.05.2020 по делу № 7-3956/2020).



Суды отклоняют доводы работодателей о предоставлении ими трудового договора при обращении в орган МВД России с ходатайством о привлечении высококвалифицированного специалиста для выдачи иностранному гражданину разрешения на работу, так как законодательством установлена определенная процедура, регламентирующая порядок и сроки предоставления уведомления о заключении трудового договора с иностранным гражданином (например, см. решение Московского городского суда от 14.05.2020 по делу № 7-3956/2020, решение Верховного Суда Республики Крым от 28.03.2018 по делу № 12-206/2018, постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 20.08.2018 № 05АП-5230/18, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03.10.2016 № Ф03-4335/16 и др.).

Необходимо также отметить, что работодателю не удастся избежать ответственности за неуведомление или нарушение установленного порядка и (или) формы уведомления о заключении и расторжении трудовых договоров с иностранными высококвалифицированными работниками даже при наличии у работодателя заключенного агентского договора или договора на оказание услуг, поскольку, как справедливо указывают суды, данная обязанность на основании пункта 8 статьи 13 Закона о правовом положении иностранных граждан возложена именно на работодателя (например, см. постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2021 по делу № 16-1820/2021, постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 20.08.2018 № 05АП-5230/18 и др.).

2. Работодатель обязан ежеквартально не позднее последнего рабочего дня месяца, следующего за отчетным кварталом, уведомлять об исполнении обязательств по выплате заработной платы иностранному высококвалифицированному работнику федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел или его уполномоченный территориальный орган, который выдал разрешение на работу иностранному высококвалифицированному специалисту.

Несмотря на то, что данная обязанность установлена непосредственно в пункте 13 статьи 13.2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [11], регламентирующей особенности осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами – высококвалифицированными специалистами, анализ материалов судебной практики показал, что большинство судебных актов связано с обжалованием работодателями решений МВД России (его территориальных органов) о привлечении их к административной ответственности, предусмотренной частью 4 статьи 18.15 КоАП РФ, то есть в связи с неуведомлением или нарушением установленного порядка и (или) формы уведомления об исполнении обязательств по выплате заработной платы высококвалифицированным специалистам.

При этом, как следует из фактических обстоятельств судебных дел, некоторые работодатели либо игнорируют исполнение данной обязанности (например, см. постановления Верховного Суда РФ от 15.08.2016 № 308-АД16-8223 по делу № А32-25261/2015, от 18.08.2016 № 308-АД16-8421 по делу № А32-25263/2015, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 01.11.2016 по делу № А32-18152/2016, решение Хабаровского краевого суда от 21.12.2016 по делу № 21-1355/2016, решения Московского городского суда от 20.10.2016 по делу № 7-13087/16, от 20.10.2016 по делу № 7-13088/16, от 21.10.2021 по делу № 7-16072/2021, и др.), либо исполняют ее ненадлежащим образом. В последнем случае речь идет о следующих нарушениях со стороны работодателей:

*а) нарушение срока, установленного для подачи уведомления* (например, см. решения Московского городского суда от 24.03.2021 по делу № 7-3950/2021, от 21.05.2021 по делу № 7-7430/2021, от 09.08.2021 по делу № 7-11653/2021, от 15.10.2021 по делу № 7-15722/2021, от 21.12.2021 по делу № 7-20217/2021, постановления Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.02.2021 по делу № 16-756/2021, от 24.03.2021 по делу № 16-828/2021 и др.).

Например, как следует из решения Московского городского суда от 21.12.2021 по делу № 7-20217/2021, работодатель 28 января 2021 года направил по Почте России в адрес федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, уведомление об исполнении обязательств по выплате иностранному высококвалифицированному специалисту заработной платы за 4-й квартал 2020 г. Однако уведомление не было доставлено адресату по вине Почты России, о чем Почтой России составлен акт. В связи с этим 05 февраля 2021 года работодатель повторно отправил данное уведомление.



В суде представитель работодателя ссылаясь на то, что нарушение срока уведомления произошло не по вине общества, а по вине Почты России, утеревшего такое уведомление, а смещение срока направления уведомления является незначительным и с учетом добросовестного поведения общества имеются основания для освобождения его от наказания.

Вместе с тем суд пришел к выводу о том, что работодатель допустил нарушение п. 13 ст. 13.2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан», так как не выполнил свою публично-правовую обязанность, возложенную на него законодательством, регламентирующую трудовую деятельность иностранных граждан в РФ. Кроме того, суд указал, что уведомление может быть направлено работодателем, привлекающим высококвалифицированных специалистов, в федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел или его уполномоченный территориальный орган на бумажном носителе, а также подано в электронной форме с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет, включая единый портал государственных и муниципальных услуг.

*б) нарушение требований, установленных к форме и(или) порядку подачи уведомления, например:*

- направление уведомления по форме, недействующей на момент ее подачи (например, см. определение Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 308-ЭС19-8871 по делу № А32-42357/2018, решения Московского городского суда от 05.08.2021 по делу № 7-11481/2021, от 01.10.2021 по делу № 7-14623/2021, от 01.10.2021 по делу № 7-14640/2021, от 01.10.2021 по делу № 7-14656/2021, решение Санкт-Петербургского городского суда от 17.08.2021 по делу № 7-1605/2021, постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.04.2021 по делу № 16-2947/2021 и др.);

- направление уведомления с нарушением порядка подачи, установленного федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, а именно:

- направление уведомления с незаполненными полями уведомления (например, см. решение Санкт-Петербургского городского суда от 17.08.2021 по делу № 7-1606/2021);

- использование сокращений в уведомлении (например, см. постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.05.2020 по делу № 16-2085/2020);

- указание недостоверных сведений в уведомлении (например, см. решения Санкт-Петербургского городского суда от 20.07.2021 по делу № 7-1418/2021, от 20.07.2021 по делу № 7-1419/2021, от 20.07.2021 по делу № 7-1420/2021, от 20.07.2021 по делу № 7-1421/2021);

- направление уведомления в непрошитом виде, с отсутствием нумерации и заверительной надписи на оборотной стороне последнего листа (например, см. решения Московского городского суда от 07.10.2021 по делу № 7-15135/2021, от 01.12.2021 по делу № 7-18686/2021, решение Красноярского краевого суда от 16.02.2022 по делу № 7п-168/2022);

- направление уведомления ненадлежащему органу (напр., постановления Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.12.2020 по делу №16-6803/2020, от 22.11.21 по делу №16-7381/2021, от 22.11.21 по делу №16-7387/2021, от 22.11.21 по делу № 16-7385/2021 и др.).

3. В случае перерыва в осуществлении трудовой деятельности в РФ высококвалифицированного иностранного специалиста (например, вследствие болезни специалиста, пребывания его в отпуске без сохранения заработной платы и по другим обстоятельствам) работодатель обязан выплачивать ему заработную плату в соответствии с требованиями, установленными п. 1.4 статьи 13.2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Как следует из Определения Судебной коллегии по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21 октября 2021 г. по делу № 8Г-6007/2021[88-6577/2021], иностранный работник <...>, осуществляющий трудовую деятельность в РФ в качестве высококвалифицированного специалиста, обратился в суд с иском к работодателю о взыскании оплаты за период временной нетрудоспособности, среднего заработка за время вынужденного прогула и компенсации морального вреда. Истец мотивировал свои требования тем, что на основании трудового договора <...> и приказа <...> был принят на работу к ответчику в качестве иностранного высококвалифицированного специалиста на должность заместителя руководителя проекта производственного отдела. <...> он был уволен по инициативе

работодателя, однако решением Уссурийского районного суда Приморского края от <...> восстановлен на работе. <...> работодатель издал приказ об отстранении его от работы, которое решением суда <...> признано незаконным. Ввиду невыплаты ему заработной платы свыше 15 дней, <...> он направил работодателю заявление, в котором известил о приостановлении с <...> трудовой деятельности до полного погашения задолженности по заработной плате. <...> на его счет поступила денежная сумма, взысканная по решению суда от <...>, <...> он прибыл на работу, но не был допущен охраной на территорию структурного подразделения, в последующие дни его также не допускали к работе. В период с <...> по <...> он находился на амбулаторном лечении. За период с <...> по <...> (16 рабочих дней) работодатель не выплатил ему заработную плату, также не оплатил больничные листы.

Уссурийский районный суд Приморского края решением от 25 декабря 2020 г. иски требования удовлетворил частично, взыскав с работодателя в пользу иностранного работника средний заработок за время вынужденного прогула, компенсацию морального вреда.

Данное решение было обжаловано иностранным работником. Судебная коллегия по гражданским делам Приморского краевого суда отменила решение суда первой инстанции в части отказа в удовлетворении исковых требований о взыскании среднего заработка за период временной нетрудоспособности иностранного высококвалифицированного работника, и приняла в указной части новое решение о взыскании с работодателя в пользу иностранного работника средней заработной платы за период нетрудоспособности в размере 749 324, 95 рублей, ссылаясь на положения статьи 13.2 Федерального закона № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», и исходя из того, что заработная плата иностранного работника, являющегося высококвалифицированным специалистом, должна составлять не менее 167 000 рублей в месяц, а одним из условий привлечения к трудовой деятельности высококвалифицированного специалиста в Российской Федерации является соблюдение работодателем гарантии получения таким работником вознаграждения не менее трехкратной суммы установленного в законе ежемесячного размера заработной платы. Установив, что заработная плата в период временной нетрудоспособности истцу работодателем не начислялась и не выплачивалась, суд пришел к выводу, что такая оплата должна быть произведена.

Принимая во внимание установленное нарушение трудовых прав работника, Судебная коллегия по гражданским делам Приморского краевого суда также изменила решение суда первой инстанции в части размера компенсации морального вреда и в части подлежащей взысканию с ответчика в бюджет госпошлины. Судебная коллегия по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции оставила без изменения данное апелляционное определение, а кассационную жалобу работодателя – без удовлетворения.

В кассационной жалобе представитель работодателя ссылался на положения ч. 4.1 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», в соответствии с которой иностранные граждане, временно пребывающие и работающие на территории Российской Федерации по трудовым договорам, являющиеся высококвалифицированными специалистами, к застрахованным лицам по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности не относятся.

Суд кассационной инстанции не согласился с доводами ответчика о том, что действующее законодательство не предусматривает обязанности работодателя по оплате иностранному гражданину, принятому на работу в качестве высококвалифицированного специалиста временной нетрудоспособности, поскольку права на получение пособия за счет средств Фонда Социального страхования РФ он не имеет, не свидетельствует об ошибочности суждений приведенных в оспариваемом судебном акте, и указал, что то обстоятельство, что в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» иностранные граждане, временно пребывающие и работающие на территории Российской Федерации по трудовым договорам, являющиеся высококвалифицированными специалистами, к застрахованным лицам по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности не относятся, не исключает возможности применения к спорным правоотношениям Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»

положения которого (п.1.4 ст.13.2) обязывают работодателя в случае перерыва в осуществлении высококвалифицированным специалистом трудовой деятельности в связи с его болезнью, сохранять за таким работником заработную плату, уровень которой в совокупности за три месяца должен составлять не менее трех месячных минимумов, установленных Законом. Суд также указал, что расчет положенной истцу суммы произведен судом исходя из установленного среднего заработка работника, с учетом количества рабочих дней, в которые работник по уважительным причинам был лишен возможности трудиться.

Таким образом, в рассматриваемом деле работодатель допустил ошибку, посчитав положения ч. 1 и ч. 4.1 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [9] приоритетными по отношению к положениям п. 1.4 ст. 13.2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Вместе с тем в данном случае специальными являются положения Закона о правовом положении иностранных граждан, устанавливающие обязанность работодателя в случае перерыва в осуществлении высококвалифицированным специалистом трудовой деятельности в связи с его болезнью, сохранять за таким работником заработную плату, уровень которой в совокупности за три месяца должен составлять не менее трех месячных минимумов, предусмотренных соответствующим подпунктом пункта 1 статьи 13.2 указанного закона.

Схожая позиция содержится в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21.10.2021 по делу № 8Г-6007/2021, постановлении Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2022 № 14АП-10753/21 по делу № А52-3963/2021, постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.08.2021 № 17АП8198/21 по делу № А60-6265/2021 и др.

При этом следует отметить, что перечень оснований, вследствие которых иностранные высококвалифицированные работники могут иметь перерыв в осуществлении трудовой деятельности в РФ, является открытым. К таким основаниям, помимо болезни иностранного высококвалифицированного специалиста и пребывания его в отпуске без сохранения заработной платы, суды относят случаи запрета авиасообщения, ограничений пересечения границы, эпидемии, и указывают, что эти случаи также не освобождают работодателя от исполнения обязательств, предусмотренных пунктами 1 и 1.4 статьи 13.2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (например, см. постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.08.2021 № 17АП8198/21 по делу № А60-6265/2021).

Рассмотрев материалы судебной практики, можно прийти к выводу о том, что наиболее распространенной ошибкой работодателей, использующих труд иностранных высококвалифицированных специалистов, является неправильное применение специальных норм, содержащихся в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и устанавливающих особенности осуществления иностранными высококвалифицированными специалистами трудовой деятельности в РФ. При этом суды используют единообразный подход при рассмотрении споров в данной сфере. Представляется, что подход, используемый судами, при разрешении судебных споров, обеспечивает как защиту прав иностранных высококвалифицированных работников, так и контроль за применением иностранной рабочей силы в РФ.

### Литература и источники

1. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - декабрь 2021 года [Электронный ресурс] // МВД России [Официальный сайт]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104434/> (дата обращения: 27.04.2022).
2. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - декабрь 2020 года [Электронный ресурс] // МВД России [Официальный сайт]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689548/> (дата обращения: 27.04.2022).
3. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - март 2022 года [Электронный ресурс] // МВД России [Официальный сайт]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/29644597/> (дата обращения: 27.04.2022).
4. Глотова И.А. Понятие судебной практики и ее значение для регулирования трудовых отношений. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 2(37).
5. Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2 т. М.: Юридическая литература, 1982.

6. Головина С.Ю. Роль судебной практики в формировании понятийного аппарата трудового права. // Вестник Омского университета. 1997. Вып. 3.
7. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.
8. Ярков В.В. Статус судебной практики в России: некоторые вопросы. // Тенденции развития гражданского процессуального права России: Сборник научных статей. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2008.
9. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04.02.2020 № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 18.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, части второй статьи 67 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца первого пункта 8 статьи 13 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А.А. Викторовой» // СЗ РФ. 2020. № 6. Ст. 744.
11. Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // СР РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 18.

**References and Sources**

1. Svodka osnovnykh pokazatelej deyatelnosti po migracionnoj situacii v Rossijskoj Federacii za yanvar' - dekabr' 2021 goda [Elektronnyj resurs] // MVD Rossii [Ofic. sajtl]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104434/> (data obrashcheniya: 27.04.2022).
2. Svodka osnovnykh pokazatelej deyatelnosti po migracionnoj situacii v Rossijskoj Federacii za yanvar' - dekabr' 2020 goda [Elektronnyj resurs] // MVD Rossii [Ofic. sajtl]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689548/> (data obrashcheniya: 27.04.2022).
3. Svodka osnovnykh pokazatelej deyatelnosti po migracionnoj situacii v Rossijskoj Federacii za yanvar' - mart 2022 goda [Elektronnyj resurs] // MVD Rossii [Ofic. sajtl]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/29644597/> (data obrashcheniya: 27.04.2022).
4. Glotova I.A. Ponyatie sudebnoj praktiki i ee znachenie dlya regulirovaniya trudovyh odnoszenij. // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2019. № 2(37).
5. Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava: kurs v 2 t. M.: Yuridicheskaya literatura, 1982.
6. Golovina S. Yu. Rol' sudebnoj praktiki v formirovanii ponyatijnogo apparata trudovogo prava. // Vestnik Omskogo universiteta. 1997. Vyp. 3.
7. Cihockij A.V. Teoreticheskie problemy effektivnosti pravosudiya po grazhdanskim delam: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1997.
8. Yarkov V.V. Status sudebnoj praktiki v Rossii: nekotorye voprosy. // Tendencii razvitiya grazhdanskogo processual'nogo prava Rossii: Sbornik nauchnyh statej. SPb.: Yuridicheskij centr «Press», 2008.
9. Federal'nyj zakon ot 25.07.2002 № 115-FZ «O pravovom polozhenii inostrannyh grazhdan v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2002. № 30. St. 3032.
10. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 04.02.2020 № 7-P «Po delu o provere konstitucionnosti punkta 1 primechanij k stat'e 18.15 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah, chasti vtoroj stat'i 67 Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i abzaca pervogo punkta 8 stat'i 13 Federal'nogo zakona «O pravovom polozhenii inostrannyh grazhdan v Rossijskoj Federacii» v svyazi s zhaloboj grazhdanki A.A. Viktorovoj» // SZ RF. 2020. № 6. St. 744.
11. Federal'nyj zakon ot 29.12.2006 № 255-FZ «Ob obyazatel'nom social'nom strahovanii na sluchaj vremennoj netrudosposobnosti i v svyazi s materinstvom» // CP RF. 2007. № 1 (1 ch.). St. 18.

**ГОЛУБУШИНА ЛАРИСА ГРИГОРЬЕВНА** – начальник юридического отдела Государственного бюджетного учреждения города Москвы «Московский Олимпийский центр водного спорта» Департамента спорта города Москвы.

**GOLUBUSHINA, LARISA G.** - Head of the Legal Department of the State Budgetary Institution of the City of Moscow "Moscow Olympic Water Sports Center" of the Department of Sports of the City of Moscow (golubushina-larisa@mail.ru).

## УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.415

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-104-109

**ПРОВОТОРОВ Р.А.**

### УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ

**Ключевые слова:** избирательные комиссии, осуществление полномочий, воспрепятствование работе, нарушение избирательного законодательства, уголовная ответственность.

В статье проведен анализ уголовно-правовой охраны деятельности членов избирательных комиссий, как органов, призванных обеспечивать реализацию избирательных прав граждан. На основе исследования действующего уголовного законодательства, автор приходит к выводу о наличии правовых пробелов в установлении мер уголовной ответственности за наиболее общественно опасные посягательства в сфере деятельности организаторов выборов. Наличие статуса коллегиального органа и формирование избирательных комиссий из представителей различных политических сил порой приводят к возникновению внутреннего конфликта интересов и возможному злоупотреблению правами члена избирательной комиссии с правом решающего голоса. Особое значение в последнее время приобретает правовая защита государственной автоматизированной системы «Выборы», вмешательство в работу которой может произойти как внутри системы – сотрудником, который имеет доступ к системе ГАС «Выборы», так и извне – с использованием вирусного программного обеспечения. Поскольку статья 141 УК РФ содержит несколько составов преступлений, по мнению автора, ответственность за вмешательство в работу автоматизированной системы «Выборы» следует предусмотреть в самостоятельной статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

**PROVOTOROV, R.A.**

**CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF THE ACTIVITIES OF ELECTION COMMISSIONS**

**Key words:** election commissions, exercise of powers, obstruction of work, violation of electoral legislation, criminal liability

The article provides an analysis of the criminal law protection of the activities of members of election commissions as bodies designed to ensure the implementation of citizens' electoral rights. Based on a study of the current criminal legislation, the author comes to the conclusion that there are legal gaps in establishing measures of criminal liability for the most socially dangerous encroachments in the field of activity of

election organizers. The presence of the status of a collegial body and the formation of election commissions from representatives of various political forces sometimes leads to an internal conflict of interest and possible abuse of the rights of a voting member of an election commission. Of particular importance recently is the legal protection of the state automated system "Elections", interference in the work of which can occur both inside the system - by an employee who has access to the system of the State Automated System "Vybery", and from the outside - using virus software. Since article 141 of the Criminal Code of the Russian Federation contains several elements of crime, in the author's opinion, liability for interference in the work of the automated system "Vybery" should be provided for in a separate article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Избирательный процесс в России, как известно, обеспечивает система специально создаваемых органов – избирательных комиссий различного уровня. В силу конфликтности избирательного процесса, как такового, работа членов комиссий в ряде случаев сопровождается осуществлением противоправных действий, направленных на воспрепятствование их деятельности. Однако анализ научной литературы свидетельствует о том, что вопросам уголовно-правовой охраны деятельности избирательных комиссий не уделяется должного внимания.

Уголовно-правовая защита реализации полномочий членов избирательных комиссий рассматривается в контексте уголовно-правовой защиты избирательных прав граждан в порядке ст. 141 Уголовного кодекса Российской Федерации: «...воспрепятствование работе избирательных комиссий, комиссий референдума либо деятельности члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанной с исполнением им своих обязанностей наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года».

Часть вторая вышеприведенной статьи указывает на способы совершения уголовно-наказуемого деяния и влияет на квалификацию: «соединенные с подкупом, обманом, принуждением, применением насилия либо с угрозой его применения; совершенные лицом с использованием своего служебного положения; совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой». Относительно возможных вариантов воспрепятствования деятельности избирательной комиссии или комиссии референдума С.Д. Князев отмечает, что «сюда могут относиться действия по: а) срыву их заседаний; б) блокированию помещений; в) лишению возможности для членов избирательной комиссии работать в ее составе; г) созданию условий, препятствующих выдаче избирательных бюллетеней; д) созданию условий, которые препятствуют подведению итогов голосования» [1, с. 54-56].

В данной связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что в одной статье уголовного закона России сформулирована ответственность за нарушение прав личности, которая обладает избирательным правом и участвует в избирательном процессе по своей воле и своему усмотрению и ответственность за нарушение прав лица, исполняющего свои служебные обязанности – члена избирательной комиссии. Нужно отметить, что статья 141 Уголовного кодекса Российской Федерации подразумевает два различных по содержанию состава преступления: во-первых, это преступление против осуществления гражданином избирательных прав, а во-вторых, это преступление, направленное на вмешательство в работу избирательной комиссии и ее членов, что порождает различные точки зрения на характеристику объекта преступления, регламентированного ст. 141 УК РФ, при выстраивании систематизации уголовно-правовых норм в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом родовым объектом преступлений против избирательных прав являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную жизнедеятельность личности, видовой объект преступлений против избирательных прав – это общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. Т.Д. Устинова считает, что «преступление, предусмотренное ст. 141 УК РФ, посягает на избирательное право или право гражданина на участие в референдуме» [2, с. 357]. Б.Д. Завидов указывает, что «непосредственный объект посягательства может варьироваться от способа осуществления преступного деяния, указанного в ст. 141 УК РФ» [3].

Избирательная комиссия, и, соответственно, члены избирательных комиссий обладают особым статусом, могут быть различного уровня, могут обладать или не обладать правом решающего голоса. Член комиссии с правом совещательного голоса обладает равными правами с членом комиссии с правом решающего голоса по вопросам подготовки и проведения выборов или референдума, за исключением права: а) выдавать и подписывать бюллетени, открывающие

удостоверения; б) участвовать в сортировке, подсчете и погашении бюллетеней; в) составлять протокол об итогах голосования, о результатах выборов или референдума; г) участвовать в голосовании при принятии решения по вопросу, отнесенному к компетенции соответствующей комиссии, и подписывать решение комиссии; д) составлять протоколы об административных правонарушениях.

При этом споры в науке конституционного права не утихают по поводу статуса члена избирательной комиссии. Член избирательной комиссии, работающий на постоянной основе, с правом решающего голоса является государственным гражданским служащим или же он замещает государственную должность. На такого члена избирательной комиссии возложены дополнительные запреты и ограничения, а также кандидатура такого члена избирательной комиссии должна соответствовать повышенным требованиям в соответствии с законодательством [4-6]. Однако законодатель не обозначил в формулировке статьи уголовного закона эти различия. Следовательно, уголовная ответственность наступает за воспрепятствование работе любого члена избирательной комиссии любого уровня.

Законодатель также не очертил форму и способы воспрепятствования. Таким образом, любое действие (или бездействие), направленное на правомерную деятельность члена избирательной комиссии будет рассматриваться как воспрепятствование работе и подлежать уголовному наказанию. При этом законодатель сознательно ввел именно уголовную ответственность за такое вмешательство в деятельность избирательных комиссий, говоря тем самым, что охрана избирательного процесса в нашей стране направлена на установление подлинного демократического режима и, следовательно, любое воспрепятствование деятельности членов избирательной комиссии будет преследоваться в рамках уголовного законодательства.

При изменении избирательного процесса, а именно его технической стороны, в Уголовный кодекс России в 2003 году была введена ч. 3 ст. 141 УК РФ [7]. По данным справочно-правовой системы «Консультант Плюс», в апелляционных окружных судах рассматривалось всего два случая вмешательства с использованием должностного положения в осуществление избирательной комиссией ее полномочий за все время с момента ее введения [8].

При этом, часть третья, как и часть первая рассматриваемой статьи уголовного законодательства России, содержит два состава преступления: во первых, вмешательство с использованием должностного или служебного положения в осуществление своих полномочий избирательной комиссией или комиссии референдума, установленных законодательством о выборах и референдумах, с целью повлиять на ее решения, а именно, требование или указание должностного лица по вопросам регистрации кандидатов, списка кандидатов, подсчета голосов избирателей, участников референдума и по другим вопросам, относящимся исключительно к компетенции избирательной комиссии, комиссии референдума; во-вторых, неправомерное вмешательство в работу Государственной автоматизированной системы Российской Федерации (ГАС) «Выборы». При этом в литературе указывается на неограниченность способов вмешательства в работу избирательной комиссии, указанных в ч. 3 ст. 141 УК РФ, где перечень способов вмешательства является открытым. Как отмечается авторами исследований, при описании преступлений против избирательных прав законодателем недостаточно последовательно решается вопрос по определению статуса признака использования служебного положения. В составе воспрепятствования работе избирательной комиссии (п. «б» ч. 2 ст. 141) данный признак указан законодателем в качестве квалифицирующего, в составе вмешательства в осуществление избирательной комиссией ее полномочий (ч. 3 ст. 141) – конструктивного признака основного состава. Причем речь идет об использовании не только служебного, но и должностного положения [9, с. 76].

Наличие статуса коллегиального органа и формирование избирательных комиссий из представителей различных политических сил порой приводит к возникновению внутреннего конфликта интересов и возможному злоупотреблению правами члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, что также должно попасть в поле зрения законодателя [10, с. 328].

Однако, на наш взгляд, формулировка статьи не совсем учитывает весь объем негативного влияния на члена избирательной комиссии, охватывая только те полномочия, которые «связаны с исполнением им своих служебных полномочий». При этом вполне вероятна ситуация, что на члена избирательной комиссии может осуществляться как физическое, так и психологическое



давление или его угроза его применения. Член избирательной комиссии может получить угрозы как личность – не во время исполнения служебных полномочий [11]. Следовательно, из формулировки статьи следует исключить указание на исполнение членом избирательной комиссии термин «служебных» полномочий.

В некоторых странах постсоветского пространства норма уголовного закона, регламентирующая уголовно-правовую ответственность за нарушение прав членов избирательных комиссий, сформулирована схожим образом. При этом, в Уголовном кодексе Республики Беларусь формулировка статьи за воспрепятствование деятельности избирательной комиссии указывает на способ совершения противоправного деяния, когда как в Уголовном кодексе Российской Федерации статья сформулирована так, что уголовно-наказуемым является сам факт воспрепятствования, без указания на конкретный способ давления на членов избирательной комиссии.

В частности, ст. 191 УК РБ имеет следующее содержание по рассматриваемому вопросу: «...воспрепятствование работе Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов, избирательных комиссий, комиссий по референдуму или комиссий по проведению голосования об отзыве депутата, совершенное с применением насилия, угрозы, обмана, подкупа или иным способом...» [12]. Однако, перечень способов совершения преступлений против членов избирательных комиссий в Уголовном кодексе Республики Беларусь остается открытым.

Уголовное законодательство Республики Таджикистан воспроизводит формулировку, содержащуюся в Уголовном кодексе России [13]. В Уголовном кодексе Республики Кыргызстан ответственность за преступления против избирательных прав граждан регламентирована в ч. 1 ст. 195, а ответственность за преступления против членов избирательных комиссий в ч. 2 ст. 195. Часть третья освещает квалифицирующие признаки, относящиеся к первой и второй частям [14]. Уголовный кодекс Республики Туркменистан в главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» [15] в ст. 149 и в ст. 150 перечисляет способы совершения преступных деяний в отношении только избирательных прав граждан. Таким образом, бывшие союзные республики имеют схожую регламентацию правонарушений в отношении вмешательства в деятельность избирательной комиссии. Однако одни включают эти нормы в главы, посвященные ответственности за преступления против личности (Беларусь, Таджикистан, Кыргызстан), другие (Туркменистан) - не считают это преступлением против личности.

В настоящее время стремительное развитие информационных технологий позволило автоматизировать избирательный процесс. Сегодня мы видим процесс его совершенствования, когда за последние двадцать лет в избирательный процесс были внедрены дистанционные способы подсчета голосов, голосование на цифровых избирательных участках, прошедший в 2020 году эксперимент по применению дистанционного электронного голосования через сеть Интернет. Н.Ю. Турищева в этой связи отмечает, что «качественное усложнение природы и характера применяемых цифровых электоральных технологий ведет к дальнейшему преобладанию инновационных, технологических по своему содержанию процессов... Важнейшее значение в этом процессе имеет использование платформы ГАС «Выборы», информационные ресурсы которой позволяют в рамках конкретной избирательной кампании оперативно анализировать и передавать на избирательные участки огромные объемы сведений о фактическом перемещении избирателей с обеспечением условия однократного предоставления возможности проголосовать» [16, с. 40].

Вмешательство в работу Государственной автоматизированной системы «Выборы» может произвести как должностное лицо, так и лицо, не связанное служебными обязанностями. При этом, вмешательство может произойти как внутри системы – сотрудником, который имеет доступ к системе ГАС «Выборы», так и извне – с использованием вирусного программного обеспечения. При этом такое вмешательство способно существенным образом исказить волеизъявление граждан, что может повлиять на легитимность проведенных избирательных кампаний.

Таким образом, в одной статье 141 УК РФ сформулированы несколько составов преступлений, за которые наступает уголовная ответственность, что затрудняет ее применение на практике. По нашему мнению, ответственность за вмешательство в работу Государственной автоматизированной системы «Выборы» следует предусмотреть в самостоятельной статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Как известно, в избирательном процессе избиратель выступает как его активный участник, отдавая свой голос на выборах, а член избирательной комиссии – является организатором проведения выборов. На это указали В.Е. Чуров и Б.С. Эбзеев, подчеркнув, что избирательные комиссии относятся к органам управления избирательным процессом [17, с. 19]. В этой связи представляется необходимым конкретизировать формы уголовно-правовой охраны деятельности членов избирательных комиссий, выполняющих важнейшие функции организации и управления избирательным процессом.

## Литература и источники

1. Князев С.Д. Актуальное диссертационное исследование о правовых презумпциях в избирательном праве Российской Федерации // Избирательное право. 2012. № 3. С. 54–56.
2. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Отв. ред. А.И. Рарог. М., 2017. 781 с.
3. Завидов Б.Д. Уголовно-правовой анализ преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2022).
4. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2022).
5. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2022).
6. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2022).
7. Федеральный закон от 04.07.2003 № 94-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.04.2022).
8. Апелляционное постановление Московского городского суда по делу № 10-5184/2021 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.04.2022).
9. Турищева Н.Ю. Признаки, дифференцирующие уголовную ответственность за преступления против избирательных прав // Государство и право. 2011. № 1. С. 70-78.
10. Турищева Н.Ю. Злоупотребление правами члена комиссии как способ воспрепятствования ее деятельности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина. М., 2012. С. 327-332.
11. Апелляционное постановление Московского городского суда от 24.04.2019 по делу № 10-7267/2019 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.04.2022).
12. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09 июля 1999 года № 275-3 (с изм. и доп. По состоянию на 05.01.2022) // URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=30414984&sub\\_id=1900000&pos=1743;-54#pos=1743;-54](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&sub_id=1900000&pos=1743;-54#pos=1743;-54) (дата обращения 02.04.2022).
13. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изм. и доп. По сост. на 23.12.2021) // URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=30397325&pos=1309;-44#pos=1309;-44](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&pos=1309;-44#pos=1309;-44) (дата обращения: 02.04.2022).
14. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изменениями от 18.01.2022) // URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=36675065&sub\\_id=1950000&pos=1948;-54#pos=1948;-54](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&sub_id=1950000&pos=1948;-54#pos=1948;-54) (дата обращения: 02.04.2022).
15. Уголовный кодекс Республики Туркменистан от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.11.2021) // URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=31295286&pos=1115;-54#pos=1115;-54](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286&pos=1115;-54#pos=1115;-54) (дата обращения: 02.04.2022).
16. Турищева Н.Ю. Активное избирательное право: развитие форм реализации // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 37-47.
17. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель // Журнал российского права. 2011. № 11. С. 5-20.

## References and Sources

1. Knyazev S.D. Aktual'noe dissertatsionnoe issledovanie o pravovyh prezumpciyah v izbiratel'nom prave Rossijskoj Federacii // Izbiratel'noe pravo. 2012. № 3. S. 54–56.
2. Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya / Otв. red. A.I. Rarog. M., 2017. 781 s.
3. Zavidov B.D. Ugolovno-pravovoj analiz prestuplenij protiv konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 01.04.2022).
4. Federal'nyj zakon ot 7 maya 2013 g. № 79-FZ «O zaprete otdel'nym kategoriyam lic otkryvat' i imet' scheta (vklady), hranit' nalichnye denezhnye sredstva i cennosti v inostrannyh bankah, raspolozhennyh za predelami territorii Rossijskoj Federacii, vladet' i (ili) pol'zovat'sya inostrannymi finansovymi instrumentami» // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 01.04.2022).
5. Federal'nyj zakon ot 3 dekabrya 2012 g. № 230-FZ «O kontrole za sootvetstviem raskhodov lic, zameshchayushchih gosudarstvennye dolzhnosti, i inyh lic ih dohodam» // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 01.04.2022).
6. Federal'nyj zakon ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ «O protivodejstvii korupcii» // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 01.04.2022).
7. Federal'nyj zakon ot 04.07.2003 № 94-FZ «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona «Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossijskoj Federacii» // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 03.04.2022).
8. Apellyacionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda po delu № 10-5184/2021 // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 03.04.2022).
9. Turishcheva N.Yu. Priznaki, differenciruyushchie ugovolnyuyu otvetstvennost' za prestupleniya protiv izbiratel'nyh prav // Gosudarstvo i pravo. 2011. № 1. S. 70-78.



10. Turishcheva N.Yu. Zloupotreblenie pravami chlena komissii kak sposob vosprepyatstvovaniya ee deyatelnosti // Uголовное право: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya imeni O.E. Kutafina. M., 2012. S. 327-332.
11. Apellyacionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 24.04.2019 po delu № 10-7267/2019 // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 03.04.2022).
12. Uголовный кодекс Respubliki Belarus' ot 09 iyulya 1999 goda № 275-3 (s izm. i dop. Po sostoyaniyu na 05.01.2022) // URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=30414984&sub\\_id=1900000&pos=1743;-54#pos=1743;-54](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&sub_id=1900000&pos=1743;-54#pos=1743;-54) (data obrashcheniya 02.04.2022).
13. Uголовный кодекс Respubliki Tadjikistan ot 21 maya 1998 g. № 574 (s iz. I dop. Po sost. na 23.12.2021) // URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=30397325&pos=1309;-44#pos=1309;-44](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&pos=1309;-44#pos=1309;-44) (data obrashcheniya: 02.04.2022).
14. Uголовный кодекс Kyrgyzskoy Respubliki ot 28 oktyabrya 2021 g. № 127 (s izmeneniyami ot 18.01.2022) // URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=36675065&sub\\_id=1950000&pos=1948;-54#pos=1948;-54](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&sub_id=1950000&pos=1948;-54#pos=1948;-54) (data obrashcheniya: 02.04.2022).
15. Uголовный кодекс Respubliki Turkmenistan ot 12 iyunya 1997 g. № 222-I (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 13.11.2021) // URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=31295286&pos=1115;-54#pos=1115;-54](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286&pos=1115;-54#pos=1115;-54) (data obrashcheniya: 02.04.2022).
16. Turishcheva N.YU. Aktivnoe izbiratel'noe pravo: razvitie form realizacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. № 6. S. 37-47.
17. Churov V.E., Ebzeev B.S. Demokratiya i upravlenie izbiratel'nym processom: otechestvennaya model' // Zhurnal rossijskogo prava. 2011. № 11. S. 5-20.

**ПРОВТОРОВ РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ** - преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (provotorov.r.a@mail.ru).

**PROVOTOROV, ROMAN A.** - Lecturer at the Department of Tactical and Special Training, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

УДК 348.368

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-109-113

**ДЗУКАЕВА Н.Г.**

## **УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА СОУЧАСТИЯ ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ**

**Ключевые слова:** дача взятки, получение взятки, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничество, соучастие, специальный субъект, квалификация, уголовная ответственность.

В статье рассматриваются проблемы квалификации соучастия во взяточничестве. Анализируются материалы современной судебной практики по данной проблеме. Выявлены особенности квалификации соучастия общего субъекта в получении взятки, соотношении данного преступления с посредничеством во взяточничестве. Отмечено очевидное противоречие положений действующего УК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, связанное с тем, что, вопреки предписаниям ч. 4 ст. 34 УК РФ, действия лица, не обладающего признаками специального субъекта, могут быть квалифицированы как соисполнительство в получении взятки при условии совершения этого преступления организованной группой. Обоснован вывод о наличии потребности в реформировании соответствующих нормативных конструкций о соучастии в преступлении, в частности об исключении ч. 4 ст. 34 из УК РФ, корректировке нормативных предписаний об организованной группе.

**DZUKAEVA, N.G.**

### **CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT OF COMPLICITY IN BRIBERY: CURRENT TRENDS IN JUDICIAL PRACTICE**

**Key words:** give bribes; taking a bribe; mediation in bribery; petty bribery; mediation; special subject; qualification; criminal liability.

The article deals with the problems of qualification of complicity in bribery. The materials of modern judicial practice are analyzed. The peculiarities of the qualification of the complicity of a common subject in receiving a bribe, the correlation of this crime with mediation in bribery are revealed. An obvious contradiction between the provisions of the current Criminal Code of the Russian Federation and the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation is noted, due to the fact that, contrary to the prescriptions of Part 4 of Art. 34 of the Criminal Code of the Russian Federation, the actions of a person who does not have the characteristics of a special subject can be qualified as co-execution in taking a bribe, provided that this crime is committed by an organized group. The conclusion is substantiated that there is a need to reform the relevant normative structures on complicity in a crime, in particular, the exclusion of Part 4 of Art. 34 of the Criminal Code of the Russian Federation, the adjustment of regulatory requirements for an organized group.

В условиях активизации государственной антикоррупционной политики, механизмы взяточничества приобретают всё более сложные черты. Нередко взяточничество совершается с помощью посредников. Лица, виновные в совершении таких преступлений, предпринимают меры по конспирации совершаемых ими общественно опасных деяний, часто прибегая к помощи других лиц, в том числе не обладающих признаками специального субъекта, предусмотренного ст. 290 УК РФ. В итоге, правоприменитель сталкивается с проблемой оценки действий соучастников взяточничества.

Следует отметить, что проблема квалификации соучастия общего субъекта во взяточничестве не нова. Дело в том, что именно участие в совершении анализируемого преступления лиц, не обладающих соответствующими должностными полномочиями, зачастую используется виновными для маскировки своего преступления. В то же время на практике не исключены и ситуации, когда большую часть криминальной активности при совершении взяточничества осуществляет общий субъект. С учётом положений ч. 4 ст. 34 УК РФ, несмотря на весомый, а может быть даже и преобладающий вклад общего субъекта в совершение такого преступления, соучастники взяточничества – общие субъекты ранее (до введения Федеральным

законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ в УК РФ ст. 291<sup>1</sup>) несли уголовную ответственность исключительно в качестве организатора, подстрекателя или пособника преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ.

Как отмечалось в судебной практике, если в получении взятки должностным лицом участвовал государственный служащий, либо служащий органов местного самоуправления, не являющийся должностным лицом, содеянное им рассматривается как соучастие в получении взятки. Однако роль некоторых соучастников взяточничества является столь многогранной, что нередко возникает проблема квалификации действий лица как соучастия в получении взятки и в её даче. Одновременное применение двух норм уголовного закона, то есть ст.ст. 290, 291 УК РФ, безусловно, не отвечает требованиям принципа справедливости. В этих условиях теория и практика уголовного права склонялась к идее о целесообразности квалификации действий соответствующего лица по ст. 290 или ст. 291 УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ в зависимости от того, кому больше способствовал соучастник. Однако очевидно, что в ряде случаев определить эту грань практически невозможно.

Во многом по причине необходимости устранения указанных правоприменительных сложностей отечественное уголовное законодательство было дополнено самостоятельным предписанием об ответственности за посредничество во взяточничестве. Это нововведение повлияло, в том числе, на вопросы уголовно-правовой оценки участия общего субъекта при совершении взяточничества.

В условиях изменившегося законодательства высшей судебной инстанцией были сформулированы разъяснения правоприменителю по результатам обобщения материалов судебной практики. Пленум Верховного Суда РФ в своём постановлении от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» указывает, что взятка или коммерческий подкуп квалифицируются как совершённые группой лиц по предварительному сговору при условии наличия не менее двух лиц, наделённых соответствующими должностными (управленческими) полномочиями. В отсутствие таких признаков действия этих лиц могут быть квалифицированы в качестве посредничества во взяточничестве или коммерческом подкупе [1].

В.Ф. Щепельков и Н.И. Пряхина обращают внимание на то, что посредничество во взяточничестве, по сути, представляет собой соучастие в получении (даче) взятки [2, с. 48-51]. Причём, исходя из приведённой выше позиции Пленума Верховного Суда РФ, соучастие во взяточничестве безотносительно роли виновного лица может рассматриваться как посредничество во взяточничестве. Хотя очевидно, что посредничество во взяточничестве подразумевает в первую очередь пособничество совершению данного преступления. Конечно, не исключено, что посредник будет выполнять роли организатора или подстрекателя преступления, но не стоит упускать из виду такую организаторскую или подстрекательскую деятельность, которая не будет являться посредничеством. Иными словами, не любое соучастие во взяточничестве подлежит квалификации как посредничество. Например, возможна организация получения должностным лицом взятки в условиях неокказания какого-либо содействия лицу, дающему взятку, то есть такое поведение не образует признаки посредничества во взяточничестве.

Вместе с тем изложенная рекомендация Пленума Верховного Суда подчёркивает правило ч. 4 ст. 34 УК РФ о невозможности квалификации действий общего субъекта в качестве исполнителя по ст. 290 УК РФ. А, как известно, субъект посредничества во взяточничестве общий.

Однако обязательно стоит учитывать, что далеко не все действия лица, не обладающего признаками специального субъекта состава получения взятки, и участвующего в данном преступлении, надлежит квалифицировать в качестве посредничества во взяточничестве. В анализируемом акте Пленума Верховного Суда РФ указывается, что ответственность по наступает при наличии к тому оснований. То есть это означает возможность квалификации действий соучастников взяточничества по ст. 290 УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

Вместе с тем возникает вопрос о разграничении соучастия в получении взятки, имея в виду роли организатора, подстрекателя или пособника, и соответственно посредника в получении взятки. Как неоднократно подчёркивалось в юридической литературе, фигура посредника выделена искусственно, поскольку такая криминальная активность существовала, практически, всегда, а не является каким-то новым видом поведения.

И если в действиях лица одновременно усматриваются признаки соучастия в получении взятки и посредничества во взяточничестве, то они подлежат уголовно-правовой оценке только по ст. 291<sup>1</sup> УК РФ. Одновременное вменение ст. 290 УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ и ст. 291<sup>1</sup> УК РФ возможно только при реальной совокупности преступлений, то есть, когда лицом совершено два или более деяния, одно из которых представляет собой посредничество во взяточничестве, а другое, например, состоит в организации получения взятки.

При этом совершение лицом одного деяния не может быть квалифицировано одновременно по ст. 291<sup>1</sup> УК РФ и по ст. 290 УК РФ со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ. Применению в таком случае подлежит ст. 291<sup>1</sup> УК РФ как более специальная норма. Объясняется это тем, что в этой норме уголовного закона конкретизирована форма и содержание пособнических действий.

Между тем данные выводы ставятся под сомнение тем фактом, что обязательным признаком посреднических действий при взяточничестве выступает их значительный размер. То есть посредничество во взяточничестве наказуемо исключительно при сумме взятки, превышающей двадцать пять тысяч рублей, тогда как минимальный криминально образующий порог состава взятки, предусмотренного ст. 290 УК РФ – это сумма свыше десяти тысяч рублей (при меньшем размере имеет место мелкое взяточничество – ст. 291<sup>2</sup> УК РФ).

В этой связи посредничество во взяточничестве на сумму до двадцати пяти тысяч рублей (включительно) не может быть квалифицировано по ст. 291<sup>1</sup> УК РФ. В научной литературе высказывалось мнение об отсутствии каких-либо препятствий для уголовно-правовой оценки такого деяния в рамках соучастия в совершении преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, однако высшей судебной инстанцией по этому поводу даны противоположные разъяснения [1].

По такому же пути идет современная судебная практика: лицо, признанное посредником в получении взятки, ввиду того, что её размер составлял пятнадцать тысяч рублей, то есть не достигал значительного размера, не привлекалось к уголовной ответственности [3].

Нельзя не отметить тот факт, что ошибочным в анализируемом примере является и утверждение о том, что данный сотрудник полиции не являлся специальным субъектом, поскольку производство по конкретному делу об административном правонарушении было поручено другому инспектору. Как минимум, здесь терминологически неверно указывать на то, что такое лицо не является специальным субъектом. Ведь, указанный сотрудник полиции безусловно должностное лицо – представитель власти. Другое дело, что в рассмотренном случае он не имел полномочий по принятию окончательного решения – составление протокола об административном правонарушении либо вынести постановление о прекращении дела.

Возвращаясь к вопросу о порядке квалификации соучастия в получении взятки, считаем целесообразным отметить следующее. Буквальное толкование действующего уголовного закона позволяет утверждать, что действия лица, не обладающего признаками специального субъекта, могут быть квалифицированы в качестве организаторства, подстрекательства или пособничества взяточничеству. При этом, если соучастие во взяточничестве обладает признаками посредничества в совершении данного преступления, то приоритетному применению подлежит ст. 291<sup>1</sup> УК РФ. Однако при недостижении размера взятки суммы свыше двадцати пяти тысяч рублей, квалификация содеянного по данной норме уголовного закона исключается.

Следует отметить, что изложенные рекомендации по квалификации соучастия в преступлении со специальным субъектом в известной степени имеют вынужденный характер. На наш взгляд, описанная ситуация, при которой посредничество во взяточничестве имеет место только при достижении значительного размера взятки, является логически неверной. Ещё большей ошибкой является непривлечение соучастников в получении взятки в размере, не превышающем двадцать пять тысяч рублей, к уголовной ответственности. В то же время эти погрешности предопределены не чем иным, как дефектами нормативных конструкций соответствующих уголовно-правовых предписаний. Исправление ситуации возможно лишь посредством произведения корректировок отечественного уголовного законодательства. И оптимальным путём для такого изменения является исключение из диспозиции ч. 1 ст. 291<sup>1</sup> УК РФ указания на минимальный размер предмета преступления, ограниченный суммой значительного размера свыше двадцати пяти тысяч рублей.

Соучастие в форме соисполнительства при совершении преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, возможно только при наличии не менее двух специальных субъектов преступления

– должностных лиц, что объясняется особенностями законодательной конструкции объективной стороны этого общественно опасного деяния. Криминальным в рамках рассматриваемого состава преступления является лишь получение взятки должностным лицом, выполнить хотя бы часть объективной стороны преступления общий субъект не может.

Однако этот вывод в теории уголовного права опровергается. Критикуя положения ч. 4 ст. 34 УК РФ о невозможности квалификации соучастия общего субъекта в преступлении со специальным субъектом в качестве соисполнительства, специалистами обращается внимание на то, что из этого правила существуют исключения. Они имеют место как в случаях выполнения лицом хотя бы части объективной стороны конкретного состава преступления, так и в случаях совершения преступления организованной группой [4, с. 28].

Как выше нами обозначено, выполнение части объективной стороны получения взятки невозможно общим субъектом. А что касается организованной группы, то здесь ситуация обстоит намного сложнее. Высшей судебной инстанцией по этому поводу сформулировано следующее разъяснение, согласно которому в организованную группу при совершении взятничества или коммерческого подкупа могут входить, в том числе и лица, не обладающие соответствующими признаками специального субъекта. При этом действия данных лиц подлежат квалификации по ст. 290 или ст. 204 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ [1].

Анализируя должностные преступления, И.Е. Горемычкин приходит к выводу, что при совершении преступления в составе организованной группы достаточно даже одного лица, обладающего признаками специального субъекта [5, с. 118].

Полагаем, что такие рассуждения в полной мере соответствуют квалификационным правилам, предложенным Пленумом Верховного Суда РФ. И здесь важно выделить два момента:

- форма соучастия в виде организованной группы имеет место даже при наличии всего лишь одного исполнителя преступления;
- действия всех соучастников взятничества, совершённого организованной группой, квалифицируются как соисполнительство в совершении преступления.

Однако обоснование для таких рекомендаций правоприменителю в анализируемом постановлении Пленума Верховного Суда РФ не приводится. Обращение же к нормативному материалу не только не подтверждает изложенные правила, а скорее напротив – опровергает их.

Традиционно считается, что формы соучастия, закреплённые ст. 35 УК РФ, выстроены по принципу иерархии от простых к сложным. Причём более сложная форма соучастия обладает всеми признаками предыдущей и снабжена дополнительными характеристиками. Как видно, приведённое выше разъяснение этим правилам не подчиняется, поскольку группа лиц и группа лиц по предварительному сговору подразумевают наличие не менее двух соисполнителей преступления. Следовательно, организованная группа также должна характеризоваться не менее чем двумя соисполнителями преступления. С другой стороны, указание о том, что действия всех членов организованной группы квалифицируются как соисполнительство этот вопрос закрывает.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что при совершении взятничества организованной группой какие-либо проблемы квалификации соучастия в таком преступлении общих субъектов отсутствуют, поскольку их поведение подлежит уголовно-правовой оценке в качестве соисполнительства. Получается, что, вопреки предписаниям ч. 4 ст. 34 УК РФ, действия лица, не обладающего признаками специального субъекта, могут быть квалифицированы как соисполнительство в получении взятки при условии совершения этого преступления организованной группой. В таком случае обнаруживается очевидное противоречие положений действующего УК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Вне всяких сомнений можно констатировать наличие острой потребности в реформировании соответствующих нормативных конструкций о соучастии в преступлении. Практика диктует необходимость исключения ч. 4 ст. 34 из УК РФ. А, помимо этого, уже можно говорить об актуальности и целесообразности корректировки нормативных предписаний об организованной группе. Соответствующие правила о квалификации действий участников организованной группы в качестве соисполнителей должны найти законодательное отражение.

### Литература и источники

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взятничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9. (ред. от 24.12.2019).

- Щепельков В.Ф., Пряхина Н.И. Допустимо ли квалифицировать посредничество во взяточничестве как соучастие в даче или получении взятки? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 6. С. 48-51.
- Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.09.2020 по делу № 77-657/2020 // Официальный сайт Пятого кассационного суда общей юрисдикции / URL: <https://5kas.sudrf.ru/>.
- Кладков А. Квалификация преступлений, совершённых в соучастии // Законность. 1998. № 8.
- Горемычкин И.Е. Уголовно-правовые нормы о групповых преступлениях в институте соучастия: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

**References and Sources**

- Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 09.07.2013 № 24 «O sudebnoj praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inyh korrupcionnyh prestupleniyah» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2013. № 9. (red. ot 24.12.2019).
- Shchepel'kov V.F., Pryanina N.I. Dopustimo li kvalificirovat' posrednichestvo vo vzyatochnichestve kak souchastie v dache ili poluchenii vzyatki? // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2012. № 6. S. 48-51.
- Kassacionnoe opredelenie Pyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 14.09.2020 po delu № 77-657/2020 // Oficial'nyj sajt Pyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii / URL: <https://5kas.sudrf.ru/>.
- Kladkov A. Kvalifikaciya prestuplenij, sovershyonnyh v souchastii // Zakonnost'. 1998. № 8.
- Goremychkin I.E. Ugolovno-pravovye normy o grupovyh prestupleniyah v institute souchastiya: Dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2020.

**ДЗУКАЕВА НАТАЛЬЯ ГЕННАДИЕВНА** - соискатель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (NataliDz1993@mail.ru).

**DZUKAEVA, NATALYA G.** - applicant at the Department of Criminal Law, Criminology and Penitentiary Law at St.-Petersburg Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation (NataliDz1993@mail.ru).

УДК 343.7

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-113-117

**БОХАН А.П., ДОНЧЕНКО В.Е., ЛАВРЕНКО А.В., ЧМЫРЁВ С.Н.**  
**ПРЕДМЕТ МЕЛКОГО ХИЩЕНИЯ КАК ПРИЗНАК РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВИДОВ**  
**ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

**Ключевые слова:** предмет хищения, мелкое хищение, вещный признак, экономический признак, ущерб от хищения, размер хищения.

В представленной статье дано понятие предмета хищения, определены и раскрыты признаки предмета хищения чужого имущества. В результате проведённого исследования выявлены спорные вопросы, возникающие при отграничении уголовно наказуемого мелкого хищения от мелкого хищения и иных ненасильственных хищений и предложены пути устранения выявленных пробелов в правоприменительной практике по рассматриваемой категории уголовных дел. Установлено, что, ввиду отсутствия конкретного нижнего порога повторного совершения мелкого хищения, сложилась неоднозначная практика в применении ст. 158.1 УК РФ в отношении лиц, подвергнутых административному наказанию по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, совершивших мелкое хищение, предусмотренное частью 1 ст. 7.27 КоАП РФ.

**BOKHAN, A.P., DONCHENKO, V.E., LAVRENKO, A.V., CHMYRYOV, S.N.**  
**THE SUBJECT OF PETTY THEFT AS A SIGN OF DELINEATION OF TYPES OF LIABILITY**

**Key words:** subject of theft, petty theft, real sign, economic sign, damage from theft, amount of theft.

The presented article gives the concept of the subject of theft, defines and discloses the signs of the subject of theft of someone else's property. As a result of the study, controversial issues arising from the separation of criminally punishable petty theft from petty theft and other non-violent theft were identified and ways were proposed to eliminate the identified gaps in law enforcement practice in the category of criminal cases under consideration. It was revealed that, due to the absence of a specific lower threshold for the repeated commission of petty theft, there is an ambiguous practice in the application of Art. 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to persons subjected to administrative punishment under Part 2 of Art. 7.27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, who committed petty theft, provided for in part 1 of Art. 7.27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Под предметом хищения принято понимать имущество, которое включает в себя предметы материального мира, – как одушевленные, так и не одушевленные. Благодаря предмету хищения, возможно отграничение уголовно наказуемого мелкого хищения от мелкого хищения и иных ненасильственных хищений, предусматривающих административную ответственность. Возможно также отграничение вещей, имеющих специфическую материальную и культурную ценность, предметов, изъятых из свободного оборота и пр.

Предмет хищения, в том числе и мелкого, является собирательным понятием, под которым понимают чужое имущество, ряд признаков, которого отражены в ст. 128 ГК РФ. Согласно ст. 130 ГК РФ, вещи могут быть движимые и недвижимые. Однако необходимо понимать, что не все понятия гражданского права могут быть применимы без изменений в уголовном праве. Поэтому в теории уголовного права придерживаются той позиции, что недвижимость не может быть предметом традиционных тайных, открытых и насильственных хищений. Вместе с тем, по мнению отдельных исследователей, недвижимость может быть предметом кражи, если ее перемещение осуществимо без потери стоимости и назначения [1, с. 7].

Необходимо согласиться с Н.А. Лопашенко, что предмет хищения – чужое имущество, в уголовном законодательстве понимается в узком формате, в отличии от гражданского законодательства [2]. Также обращает на себя внимание точка зрения М.П. Ефимовой, состоящая в том, что устоявшееся понятие предмета хищения, предлагаемое уголовным законом и наукой уголовного права, «вышло за рамки современных экономических отношений» [3, с. 341]. Связано это с признаками предмета хищения (вещный, экономический, юридический).

Вещный признак может быть применим для понятия имущества лишь исключительно в рамках уголовного права, что приводит к возникновению разных определений понятия «имущество». Камнем преткновения здесь является вопрос о том, считать ли имуществом «физическую материальную субстанцию», что означает принятие идеи «уголовно-правовой фикции», или же применять гражданско-правовое определение, что неизбежно приведет к изменению статей, предусматривающих ответственность за мошенничество и вымогательство [4].

А.В. Шульга и Н.А. Лопашенко указывают на необходимость признавать имуществом и нематериальные блага, так как собственность уже вышла за рамки устоявшихся вещных отношений – в сферу высоких технологий и информационного поля, где важным аспектом является защита интеллектуальной собственности [5, с. 31; 6, с. 33-35]. С ними не согласны А.И. Бойцов и М.И. Третьяк, считающие, что настало время остановить проникновение в понятие предмета хищения гражданско-правовых определений. Поэтому предметом хищения могут признаваться лишь вещи и денежные средства. Объясняют они это тем, что понятие «хищение» охватывает посягательства чужих благ и предупреждает безвозмездное изъятие вещи. В связи с этим, нет необходимости внесения изменений для определения всех происходящих трансформаций в преступлениях сфере экономики [7, с. 110; 8, с. 193].

Однако не идентичность понятий имущества не создает межотраслевой коллизии, так как круг охватываемых ими отношений разный.

Таким образом, согласно вещному (физическому) признаку, предметом мелкого хищения являются вещи, материально выделенные, реально существующие, обладающие определенными параметрами. Не являются предметом мелкого хищения различные виды энергии, лишенные вещного характера (электрическая, тепловая); информация (в том числе компьютерная), в силу их невещественной природы (невещного характера); интеллектуальная собственность, понимаемая в гражданском праве как «охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации». Предмет мелкого хищения – это всегда движимое имущество, деньги, драгоценности, техника, цветные металлы и др.

К экономическому признаку мелкого хищения, с точки зрения уголовно-правовой науки, относят материальную ценность, а также приложение человеческого труда [2]. Следовательно, предметом мелкого хищения является вещь, у которой есть определенная экономическая ценность: в ее создание должен быть вложен человеческий труд, она должна обладать стоимостью не более 2500 руб., что также называется потребительской стоимостью. Объекты, не созданные трудом человека, не обладающие стоимостью, не могут выступать в качестве предмета хищения, что является признаком меновой стоимости. Благодаря этому признаку происходит разграничение от экологических преступлений. Но при квалификации мелких хищений необходимо помнить, что согласно ст. 137 ГК РФ животные тоже являются имуществом. В связи с этим происходит разделений вещей на одушевленные и не одушевленные, а животных делят на диких и выращенных человеком в домашнем хозяйстве.

По стоимости похищенного уголовно наказуемое хищение отграничивают от административного, что, по мнению И.А. Клепицкого, не позволяет перенять опыт европейских государств, где цена и экономическая стоимость не оказывают влияния на квалификацию хищения. Это связано с тем, что кража посягает на право собственности. Причинение имущественного ущерба в указанном случае является не столь важным. Однако мошенничество является преступлением против имущества причиняя ущерб, а не только нарушает право [9, с. 15].

Стоимость похищенного имущества, исходя из текста ППВС РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», устанавливается фактической стоимостью похищенного на момент совершения хищения или по результатам экспертизы. При этом цена товара, как видно на примерах хищений из магазинов, может быть розничной и закупочной. Розничная цена включает торговую наценку, затраты на содержание товара,

связанные с логистикой, упаковкой и хранением. Также необходимо учитывать, что до момента продажи товара покупателю собственник несет расходы по аренде помещения, заработной плате, охране, что также входит в стоимость товара. Поэтому, определяя стоимость похищенного, нужно оценивать фактический ущерб, нанесенный собственнику, и умысел виновного: на какую сумму он намеревался совершить хищение исходя из ценников.

В соответствии с юридическим признаком вещь должна быть не только чужой, но и находящейся в чьей-либо собственности или в законном владении.

Хищение похищенного может быть признано преступлением, так как в такой ситуации нарушаются общие положения права собственности. В связи с этим А.И. Бойцов указывает, что хищение чего-либо у незаконного владельца обладает такой же общественной опасностью, что приводит к противоправному получению благ в ущерб другим лицам [10, с. 106]. Учитывая отсутствие нормы, предусматривающей ответственность за хищение ранее похищенного имущества, Н.А. Лопашенко предложила ввести уголовную ответственность за «нарушение законного порядка приобретения права собственности или законного владения имуществом» [2].

Предметом хищения не могут быть бесхозные вещи. В связи с этим интересным представляется вопрос, связанный с находкой, кладом или иным имуществом, вышедшим из ведения собственника или законного владельца в силу каких-либо обстоятельств. Как правило, при соблюдении положений ст.ст. 227, 228 ГК РФ такие предметы не могут являться предметом хищения. Также не являются предметом мелкого хищения виды имущества, полностью или частично изъятые из гражданского оборота.

В ходе проведенного исследования И.А. Музафаровым было выявлено, что предмет мелкого хищения в последние 40 лет имеет тенденцию к изменению в зависимости от экономической ситуации в стране и конкретного региона, что подтверждается материалами административного и уголовного судопроизводства, результатами научных исследований. При этом автор справедливо подчеркивает, что такая закономерность была характерна для населения всей России данного периода. Это обстоятельство является дополнительным аргументом социальной важности поиска мер уголовно правового противостояния хищениям в небольших размерах, в быту именуемых «мелким хищением» [11, с. 68].

Монографические исследования причин, условий и особенностей кражи небольших размеров в последние годы не проводились. С учетом данного обстоятельства в рамках данной статьи мы проанализировали как предмет, так и способы хищения.

При возбуждении уголовных дел необходимо понимать, что понятие ущерба и размера хищения не являются до конца идентичными [12]. Установление точной суммы ущерба при совершении мелкого хищения лицом, подвергнутым административному наказанию, имеет важное значение при квалификации содеянного. Зачастую ущерб по уголовному делу определяется со слов потерпевшего, без учета фактической стоимости на момент совершения преступления, что не позволяет объективно определить сумму причиненного ущерба и приводит к отмене постановлений о возбуждении уголовного дела и возврату прокурорами уголовных дел для дополнительного расследования.

Важные этапы в установлении цены предмета хищения изложены в методических рекомендациях правоохранительных органов (например, «Алгоритм действий сотрудников подразделений дознания по реализации положений федеральных законов от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ и № 326-ФЗ»), разработанных Департаментом организации дознания МВД РФ [13, с. 495]. В качестве обязательного требования указанные методические рекомендации предусматривают наличие в материалах уголовного дела документа, подтверждающего стоимость похищенного (согласно складывающейся судебной- следственной практике и соответствующие требованиям, предъявляемым органами прокуратуры и суда) [14]. Мелкие хищения наиболее латентные и распространенные преступления против собственности. Поэтому в настоящее время не существует однозначного подхода к определению стоимости похищенного имущества и, как следствие, причиненного потерпевшему материального ущерба. Особенно важно это учитывать при разграничении уголовно наказуемого деяния и административного правонарушения при совершении мелких хищений из магазинов. И связано это прежде всего с вопросом о включении налога на добавленную стоимость в сумму причиненного ущерба. Необходимо учитывать, что в ст. 143 НК РФ налог на НДС оплачивают как организации, так и индивидуальные

предприниматели. Объектом налогообложения по НДС являются действия по реализации товаров (работ, услуг). Во время торговли сумма НДС складывается с первоначальной стоимостью товара в тот момент, когда его выставляют на продажу. Практика в виду этих обстоятельств, учитывает, что на предприятие предполагавшей продать товар, который похитили, возложена обязанность по уплате этого налога, поэтому его сумма подлежит включению в размер причиненного хищением ущерба. Учитывая вышеизложенное сумму ущерба, необходимо определять из закупочной цены товара, с учетом уплаченного НДС, если организацией или индивидуальным предпринимателем, которому причинен ущерб, фактически понесены расходы по уплате НДС. Торговая наценка в данном случае не должна входить в стоимость ущерба, так как она является упущенной выгодой.

В результате проведенного исследования выявлено, что, ввиду отсутствия конкретного нижнего порога повторного совершения мелкого хищения, сложилась неоднозначная практика в применении ст. 158.1 УК РФ в отношении лиц, подвергнутых административному наказанию по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, совершивших мелкое хищение, предусмотренное частью 1 ст. 7.27 КоАП РФ. Отметим, что отсутствие установленного законом размера хищения не выводит такое деяние в категорию административного правонарушения, а в случае иных квалифицирующих признаков содеянное квалифицируется по другим частям ст.ст. 158 - 160 УК РФ. Так, одним из объективных признаков мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, позволяющим отграничить его от иных составов преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ, необходимо отнести предмет хищения.

Считаем возможным дополнение п.17.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» формулировкой: «Уголовная ответственность по ст. 158.1 УК РФ наступает при условии, если на момент совершения хищения чужого имущества стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты виновный является лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение чужого имущества стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей».

#### Литература и источники

1. Шурухнов Н.Г. Расследование краж: практическое пособие. М., 1999.
2. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М., 2012 // СПС КонсультантПлюс.
3. Ефимова М.П. Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию // Молодой ученый. 2017. № 11 (145).
4. Иванов Н.Г. Парадоксы уголовного закона // Государство и право. 1998. № 3. С. 50-58.
5. Шульга А.В. Имущество как предмет преступлений против собственности и его влияние на содержание объекта данных преступлений // Российский следователь. 2012. № 2.
6. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. М., 2012.
7. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002.
8. Третьяк М.И. Об объекте преступлений против собственности // Общество и право. 2011. № 3.
9. Клепичкий И.А. Недвижимость как предмет хищения и вымогательства // Государство и право. 2000. № 12.
10. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000.
11. Музафаров И.А. Уголовная ответственность за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию: вопросы теории и практики: дис. ...канд. юрид. наук. Казань. 2021.
12. Пикуров Н.И. Применение нового уголовного законодательства (ст. 116.1, 157 и 158.1 УК РФ в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г.) во взаимосвязи с нормами и институтами других отраслей права // Уголовное право. 2016. № 6 // СПС КонсультантПлюс.
13. Музафаров И.А. О практике реализации положений ст. 158.1 УК РФ (по материалам судебной практики Республики Татарстан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 4.
14. Алгоритм действий сотрудников подразделений дознания по реализации положений федеральных законов от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ и 326-ФЗ // Документ опубликован не был.

#### References and Sources

1. Shuruhnov N.G. Rassledovanie krazh: prakticheskoe posobie. M., 1999.
2. Lopashenko N.A. Posyagatel'stva na sobstvennost': monografiya. M., 2012 // SPS Konsul'tantPlyus.
3. Efimova M.P. Melkoe hishchenie, sovershennoe licom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu // Molodoy uchenyj. 2017. № 11 (145).
4. Ivanov N.G. Paradoksy ugovornogo zakona // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 3. S. 50-58.
5. Shul'ga A.V. Imushchestvo kak predmet prestuplenij protiv sobstvennosti i ego vliyanie na sodержanie ob'ekta dannyh prestuplenij // Rossijskij sledovatel'. 2012. № 2.
6. Lopashenko N.A. Prestupleniya protiv sobstvennosti. M., 2012.
7. Bojcov A.I. Prestupleniya protiv sobstvennosti. SPb., 2002.
8. Tret'yak M.I. Ob ob'ekte prestuplenij protiv sobstvennosti // Obshchestvo i pravo. 2011. № 3.
9. Klepichkij I.A. Nedvizhimost' kak predmet hishcheniya i vymogatel'stva // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 12.
10. Kochoi S.M. Otvetstvennost' za korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti. M., 2000.
11. Muzafarov I.A. Ugolovnaya otvetstvennost' za melkoe hishchenie, sovershennoe licom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu: voprosy teorii i praktiki: dis. ...kand. jurid. nauk. Kazan'. 2021.
12. Pikurov N.I. Primenenie novogo ugovornogo zakonodatel'stva (st. 116.1, 157 i 158.1 UK RF v redakcii Federal'nogo zakona ot 3 iyulya 2016 g.) vo vzaimosvyazi s normami i institutami drugih otraslej prava // Ugolovnoe pravo. 2016. № 6 // SPS Konsul'tantPlyus.



13. Muzafarov I.A. O praktike realizacii polozhenij st. 158 1 UK RF (po materialam sudebnoj praktiki Respubliki Tatarstan) // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. T. 9. № 4.

14. Algoritm dejstvij sotrudnikov podrazdelenij doznaniya po realizacii polozhenij federal'nyh zakonov ot 3 iyulya 2016 g. № 323-FZ i 326-FZ // Dokument opublikovan ne byl.

**БОХАН АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ** – кандидат юридических наук, доцент, Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России (boxan@mail.ru).

**ДОНЧЕНКО ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ** – преподаватель Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (boxan@mail.ru)

**ЛАВРЕНКО АНАСТАСИЯ ВИТАЛЬЕВНА** – преподаватель Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России (boxan@mail.ru)

**ЧМЫРЁВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ** - кандидат юридических наук, доцент, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России (boxan@mail.ru)

**ВОКХАН, ANDREY P.** – Ph.D. in Law, Associate Professor, Novorossiysk Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

**DONCHENKO, VLADIMIR E.** - teacher of the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

**LAVRENKO, ANASTASIA V.** - teacher of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

**CHMYREV, SERGEY N.** - Ph.D. in Law, Associate Professor, Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

УДК 343.2/7

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-117-121

**ТРАВЕНКО Е.Н., ПОРОДЕНКО В.А., ЛАПТЕВ Д.А.**  
**ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПАЦИЕНТА ИЗ МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ:**  
**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

**Ключевые слова:** медицинская организация, безвестно отсутствующий пациент, нормативно-правовое регулирование.

В статье рассматривается весьма нередкий в медицинской деятельности казус – неожиданная пропажа пациента в медицинской организации. Отображаются уголовно-правовые аспекты понятия безвестно отсутствующего лица. Приводятся существующие на современном этапе отдельные федеральные и региональные положения, регулирующие действия органов правопорядка и граждан в случае непредвиденного исчезновения гражданина. Особо отмечается, что в Российской Федерации не допускается отказ в оказании медицинской помощи (Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ, ст. 11). В случаях наступления смерти пациента, выписка за нарушение режима лечения может квалифицироваться как неоказание медицинской помощи без уважительных причин (по ч. 2 ст. 124 УК РФ). В данной связи, в случаях, когда исчезновение пациента постфактум прикрывается выпиской, следует трактовать как неоконченный случай оказания медицинской услуги, что может расцениваться как дефект оказания медицинской помощи, связанный с невыполнением диагностических и (или) лечебных мероприятий в соответствии с порядком оказания медицинской помощи и стандартами медицинской помощи. Обосновывается необходимость нормативно-правового регулирования данной проблемы для медицинских организаций.

**TRAVENKO, E.N., PORODENKO, V.A., LAPTEV, D.A.**  
**DISAPPEARANCE OF A PATIENT FROM A MEDICAL ORGANIZATION: LEGAL ASPECTS**

**Key words:** medical organization, missing patient, legal regulation.

The article discusses a very common incident in medical practice - the unexpected disappearance of a patient in a medical organization. The criminal-legal aspects of the concept of a missing person are displayed. Separate federal and regional provisions existing at the present stage that regulate the actions of law enforcement agencies and citizens in the event of an unforeseen disappearance of a citizen are given. It is especially noted that in the Russian Federation it is not allowed to refuse to provide medical care (Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ, Art. 11). In cases of death of the patient, an extract for violation of the treatment regimen can be qualified as a failure to provide medical care without good reason (under part 2 of article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation). In this regard, in cases where the disappearance of a patient after the fact is covered by an extract, it should be interpreted as an incomplete case of the provision of medical services, which can be regarded as a defect in the provision of medical care associated with the failure to perform diagnostic and (or) therapeutic measures in accordance with the procedure for the provision of medical care and standards of medical care. The necessity of legal regulation of this problem for medical organizations is substantiated.

В настоящее время в публикациях (в частности, в таких информационных ресурсах как «Доктор Питер» [1], «Такие дела» [2], «Блокнот» [3] и др.) обсуждаются вопросы, связанные с пропажей пациентов из медицинских организаций. Несмотря на то, что статистики таких лиц не ведется, на текущий момент разрешение подобных ситуаций с правовой точки зрения является весьма необходимым.

Законодательство рассматривает исчезнувшее лицо как «безвестно отсутствующее» (абз. 1 ст. 42 ГК РФ) [4]. В уголовно-правовом понимании – это потерпевший (ст. 42 УПК РФ) [5], и его неожиданное исчезновение сопряжено с определенными противоправными деяниями (похищение человека (ст. 126 УК РФ), причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) и т.д. При этом одним из оснований полагать наличие преступления в отношении без вести пропавшего лица является отсутствие сведений о его судьбе и местонахождении в течение трех суток [6].

Как верно отмечает Н.А. Цыбизова [7], легальное определение «без вести пропавшего» дается в Инструкции «Об организации и тактике розыскной работы», утвержденной приказом МВД в 1993 г. [8]: «без вести пропавшим считается лицо, исчезнувшее внезапно, без видимых причин, местонахождение и судьба которого остаются неизвестными».

Заявление о проведении розыска в отделение полиции (Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 г. №3-ФЗ, ст. 12) имеет право подать любое лицо, заинтересованное в этом действии [9]. Любая информация о совершенных противоправных деяниях (в том числе и сведения об исчезновении лица) принимается и регистрируется дежурной частью МВД. После подачи заявления у заявителя остается отрывной талон-уведомление, подтверждающий факт обращения. Обстоятельства безвестного исчезновения лица выясняются [10], уведомляется дежурный следователь Следственного комитета РФ, а также определяется состав следственно-оперативной (оперативной) группы. Проводя поиск безвестно отсутствующего лица (правила т. н. «трех суток ожидания» не существует), правоохранительные органы осуществляют соответствующие оперативно-розыскные мероприятия (опрос, контроль корреспонденции и т. д.). В розыске широко используются результаты видеонаблюдения, в том числе и при поиске пропавших пациентов, если медицинская организация оснащена видеокамерами. Медицинские организации обязаны вести непрерывное видеонаблюдение на территории, а также архивировать и хранить видеофайлы в течение 30 дней [11]. Данное требование является обязательным при оформлении паспорта антитеррористической защищенности (в рамках выполнения мероприятий по противодействию терроризму) [12]. Это требование не распространяется на медицинские организации, занимающие часть здания и не имеющие отдельных (самостоятельных) входов и выходов (например, стоматологическая клиника на 2-м этаже торгово-развлекательного комплекса) [13].

Из материалов уголовного дела №... (по признакам преступления по ч. 2 ст. 109 УК РФ), возбужденного по факту смерти пациента Н., следует, что свидетель М., дежурный врач-кардиолог отделения неотложной кардиологии около 18 часов вечера узнал об отсутствии гражданина Н. длительное время в палате. Совместно с медицинскими работниками отделения и сотрудниками охраны были обследованы помещения главного корпуса, а также территория больницы, однако местонахождение гражданина Н. не было установлено. Жене пациента об этом сообщено по телефону. В 18 часов 30 минут гражданин Н. в отделении не появился, в связи с чем врач М. оформил выписку пациента за нарушение режима лечения. Около 01 часа 00 минут врач осуществил звонок по телефону в полицию, сотрудник которой прибыл в отделение около 07 часов 00 минут. Около 12.00 пациент был случайно обнаружен этажом ниже в служебном туалете.

В выводах проведенной судебно-медицинской экспертизы по данному уголовному делу, отвечая на вопрос о дефектах оказания медицинской помощи, экспертная комиссия, анализируя имеющееся в материалах положение о лечебно-охранительном режиме в медицинской организации (утверждено приказом главного врача), отметила, что в нем не перечислены меры, которые должен принять персонал при внезапном исчезновении пациента при не уведомлении им близких родственников и персонала больницы о месте своего нахождения, оставлении пациентом в палате верхней одежды и теплой обуви в холодное время года, ценных вещей, в том числе мобильного телефона и важных личных документов – как это произошло в случае с гр-ном Н. В данном документе имелось только указание на необходимость передачи сообщения заведующему отделением, однако отметок об уведомлении, так же, как и объективных фактов, подтверждающих самовольный уход гр-на Н., не имелось. Из приведенного положения однозначно не усматривалось, как должен поступить заведующий отделением, а также необходимо ли было уведомлять территориальные органы МВД РФ о фактах безвестного исчезновения пациента.

В анализируемых материалах дела в отношении сведений о видеонаблюдении в медицинской организации, данные ограничивались показаниями жены гр-на Н., которая по телефону просила врача о просмотре записей с видеокамер, но получила ответ, что у врача нет доступа к файлам видеоархива, и просмотр возможен в рабочие часы с разрешения начальника службы безопасности. Локальных нормативных актов, предусматривающих подобную ситуацию, в медицинской организации не имелось. Очевидно, что камеры открытой видеофиксации не могли быть установлены в помещении служебного туалета (ст. 137 УК «Нарушение неприкосновенности частной жизни»), где был обнаружен гражданин Н., но в коридорах, по которым проходил пациент, могло бы быть зафиксировано его передвижение.

Из материалов дела следует, что пациенту был поставлен диагноз: «Мелкоочаговый (не Q-инфаркт миокарда) передне-боковой области левого желудочка сердца; мерцательная аритмия, тахисистолическая форма». Лечащий врач, обладая соответствующей квалификацией и профессиональной компетенцией, должен был предвидеть, что больному необходимо было соблюдать предельно минимальную двигательную активность, и малейшая неконтролируемая физическая нагрузка могла обусловить неблагоприятные последствия для пациента. Однако рациональный двигательный режим больному не был определен. Об его установлении и обеспечении (уходе) в упомянутом «Положении о лечебно-охранительном режиме» нет ни слова.

Данные действия касаются организационно-распорядительной (управленческой) деятельности внутри медицинской организации и определяют объективную сторону деяния, квалифицирующегося по ч. 2 ст. 293 УК РФ (ненадлежащее исполнение должностным лицом обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, повлекшее по неосторожности смерть человека).

Обеспечение ухода при оказании медицинской помощи закрепляется в ст. 6 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации» [14], но детального определения «ухода» законодательно не установлено. Тем не менее, на официальном уровне предусматривается определенное разъяснение [15] информационного характера в отношении термина «уход», и в узком значении он представляет собой комплекс манипулятивных вмешательств, выполняемых медицинской сестрой самостоятельно или по назначению врача и направленных на удовлетворение базовых (в первую очередь физиологических) потребностей пациента. При этом выделяется два вида ухода: общий и специальный. Общий медицинский уход – это мероприятия, проводимые независимо от характера болезни. Специальный медицинский уход – это мероприятия, применяемые только при определенных заболеваниях (болезни легких, сердца, желудочно-кишечного тракта и других).

В профессиональном стандарте младшей медицинской сестры по уходу за больными в трудовых функциях [16] не указано, о каком виде ухода идет речь, но сообщается, что он должен быть профессиональным, а по перечисленным манипуляциям можно предположить, что этот тип уход относится к общему, не зависящему от характера болезни. Такое весьма обобщенное нормативно-правовое регулирование системы ухода за пациентом (в том числе, в части рациональной двигательной активности, оправления естественных нужд и т.д.) исключает квалификацию содеянного по правилам ст. 293 УК РФ и обусловило выбор правоприменителем нормы ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности) при квалификации содеянного.

С учетом изложенного, осуществленную в таких условиях выписку данного пациента из стационара комиссия экспертов посчитала необоснованной.

В настоящее время отсутствуют какие-либо правовые нормы, допускающие возможность отказа в медицинской помощи в следствие нарушения пациентом предписанного режима при условии угрозы его жизни. Напротив, не допускается отказ в оказании медицинской помощи (Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ, ст. 11). В случаях наступления смерти пациента, выписка за нарушение режима лечения может квалифицироваться как неоказание медицинской помощи без уважительных причин (по ч. 2 ст. 124 УК РФ).

В рассматриваемом случае было бы неверным считать, что лечащий врач в полной мере осознавал (субъективная сторона) то, что гражданин Н. находился в критическом состоянии и у него возникала неотложная необходимость оказать первую медицинскую помощь больному, конкретное место расположения которого не было определено, что исключает квалификацию содеянного по ст. 124 УК РФ. Данный вывод не предопределяет правовую оценку совершенного деяния судом, хотя и является важным для квалификации допущенных медицинскими работниками нарушений.

В ст. 772 ГК РФ указывается на публичность договора оказания медицинских услуг. Следовательно, медицинские организации не могут не оказывать свои услуги, если у них есть возможность их предоставлять. В случае досрочной выписки пациента из стационара за нарушение предписанного режима можно говорить о неоконченном случае оказания медицинской услуги. Это может расцениваться как дефект оказания медицинской помощи, связанный с невыполнением диагностических и (или) лечебных мероприятий в соответствии с порядком и стандартами оказания медицинской помощи (п.п. 3 и 6 «Порядок проведения контроля объемов,

сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию застрахованным лицам, а также ее финансового обеспечения» утвержден Приказом Министерства здравоохранения РФ от 19.03.2021 г. №231-н) [17].

Указанные дефекты при оказании медицинской помощи могут рассматриваться в плоскости нарушения норм административного законодательства – ч. 3 ст. 19.20 КоАП РФ (в части неправомерного управленческого решения, сопряженного с грубым нарушением лицензионных требований), ч. 1 ст. 14.4 КоАП РФ (в части предоставления медицинской услуги ненадлежащего качества) и др.

Таким образом, следует признать отсутствие единой правовой базы для случаев исчезновения пациента в самой медицинской организации или при выходе за ее пределы. На наш взгляд, устранить возникающие последствия для медицинской организации и медицинских работников разработкой внутреннего локального нормативного акта, по примеру инструкции о поэтапных действиях при увольнении работника, пропавшего без вести [18] можно, но в целом это не решает обозначенной проблемы. По-видимому, назрела необходимость правового урегулирования и разработки четких инструкций для медицинских организаций в таких случаях.

### Литература и источники

1. Заблудившаяся в НИИ Джанелидзе петербурженка два дня пролежала в подвале без сознания // Информационный ресурс «Доктор Питер»: Публикация от 17.08.2017 года; URL: <https://doctorpiter.ru/articles/17608/> 12.03.2022.
2. Пожилые люди теряются, прохожие сдают их в больницы. А потом родственники обнаруживают их в моргах. Почему? // Информационный ресурс «Такие дела»: Публикация от 04.06.2017 года; URL: <https://takiedela.ru/2019/06/naydena-pogibla/> 12.03.2022.
3. В Волгограде при странных обстоятельствах пропал пациент больницы № 25. Информационный ресурс «Блокнот»: Публикация от 29.11.2021 года; URL: <https://bloknot-volgograd.ru/news/v-volgograde-iz-bolnitsy-propal-patsient-zhena-pro-1420553/> 13.03.2022
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СПС Гарант: URL: <https://base.garant.ru/10164072/> 12.03.2022.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001г. № 174-ФЗ: СПС Гарант: URL: <https://base.garant.ru/12125178/> 12.03.2022.
6. Инструкция о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с исчезновением лиц (п. 4), утв. Приказами МВД РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета при прокуратуре РФ от 16.01.2015г. № 38/14/5: СПС Гарант: URL: <https://base.garant.ru/70904152/> 12.03.2022.
7. Цыбизова Н.А. Безвестное отсутствие граждан по российскому гражданскому праву. Дис. ... канд. юр. наук. М., 2018.
8. Текст правового акта не приводится в связи с содержанием положений для служебного пользования // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс»: URL: <https://docs.cntd.ru/document/901759673/> 12.03.2022.
9. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011г. № 3-ФЗ // СПС Гарант: URL: <https://base.garant.ru/12182530/> 12.03.2022; Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995г. № 144-ФЗ (п. 4 ч. 1 ст. 7): СПС Гарант: URL: <https://base.garant.ru/10104229/> 12.03.2022.
10. Инструкция о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с исчезновением лиц (п. 4), утв. Приказами МВД РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета при прокуратуре РФ от 16.01.2015г. № 38/14/5: СПС Гарант: URL: <https://base.garant.ru/70904152/> 12.03.2022.
11. Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий): Постановление Правительства от 25.03.2015г. № 272 (п. 30, п. п. «д» п. 32, п. 38, п. п. «а» п. 39) // СПС Гарант: URL: <https://base.garant.ru/70937940/> 12.03.2022.
12. Требования к антитеррористической защищенности объектов (территорий) министерства здравоохранения Российской Федерации и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства здравоохранения Российской Федерации (п. п. «б» п. 16), утв. Постановлением правительства РФ от 13.01.2017г. № 8 // СПС Гарант: URL: <https://base.garant.ru/71588134/> 12.03.2022.
13. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006г. № 35-ФЗ // СПС Гарант: URL: <https://base.garant.ru/12145408/> 12.03.2022.
14. Разъяснения по вопросам применения требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства здравоохранения РФ и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства здравоохранения РФ, утв. Постановлением Правительства РФ от 13.01.2017г. № 8: Письмо Минздрава РФ от 13.05.2019г. № 14-3/И/2-4057 // СПС Консультант Плюс: URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_350325/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350325/) 12.03.2022.
15. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон № 323-ФЗ // СПС Гарант: URL: <https://base.garant.ru/12191967/> 12.03.2022.
16. Письмо Минздравсоцразвития РФ от 25.04.2005 № 10227/МЗ-14 «О толковании термина «специальный медицинский уход» // СПС Консультант Плюс: URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_53659/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53659/) 12.03.2022.
17. Профессиональный стандарт: Младший медицинский персонал (утв. Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 12 января 2016 года № 2н) // СПС Гарант: URL: <https://base.garant.ru/71325102/> 12.03.2022.
18. Порядок проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию застрахованным лицам, а также ее финансового обеспечения, утв. Приказом Министерства здравоохранения РФ от 19.03.2021г. № 231-н // СПС Гарант: URL: <https://base.garant.ru/400761901/> 12.03.2022.

19. Давыдова Е.В. Что делать, если работник пропал без вести? // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2019. № 5. // URL: <https://www.audar-press.ru/magazine/otdel-kadrov-v-uchrezhdenii/2019-5/> 12.03.2022.

## References and Sources

1. Zabludivshayasya v NII Dzhanelidze peterburzhenka dva dnya prolezhalazha v podvale bez soznaniya // Informacionnyj resurs «Doktor Piter»: Publikaciya ot 17.08.2017 goda; URL: <https://doctorpiter.ru/articles/17608/> 12.03.2022.
2. Pozhilye lyudi teryayutsya, prohozhie sdayut ih v bol'nicy. A potom rodstvenniki obnaruzhivayut ih v morgah. Pochemu? // Informacionnyj resurs «Takie dela»: Publikaciya ot 04.06.2017 goda; URL: <https://takiedela.ru/2019/06/naydena-pogibla/> 12.03.2022.
3. V Volgograde pri strannyh obstoyatel'stvah propal pacient bol'nicy № 25. Informacionnyj resurs «Bloknot»: Publikaciya ot 29.11.2021 goda; URL: <https://bloknot-volgograd.ru/news/v-volgograde-iz-bolnitsy-propal-patsient-zhena-pro-1420553/> 13.03.2022
4. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 g. № 51-FZ // SPS Garant: URL: <https://base.garant.ru/10164072/> 12.03.2022.
5. Ugolovno-processual'nyj kodeks RF ot 18.12.2001g. № 174-FZ: SPS Garant: URL: <https://base.garant.ru/12125178/> 12.03.2022.
6. Instrukciya o poryadke rassmotreniya zayavlenij, soobshchenij o prestupleniyah i inoj informacii o proisshestviyah, svyazannyh s ischeznoeniem lic (p. 4), utv. Prikazami MVD RF, General'noj prokuratury RF, Sledstvennogo komiteta pri prokurature RF ot 16.01.2015g. № 38/14/5: SPS Garant: URL: <https://base.garant.ru/70904152/> 12.03.2022.
7. Cybizova N.A. Bezvestnoe otsutstvie grazhdan po rossijskomu grazhdanskomu pravu. Dis. ... kand. jur. nauk. M., 2018.
8. Tekst pravovogo akta ne privoditsya v svyazi s soderzhaniem polozenij dlya sluzhebno go pol'zovaniya // Elektronnyj fond normativno-tekhnicheskoy i normativno-pravovoj informacii Konsorciuma «Kodeks»: URL: <https://docs.cntd.ru/document/901759673/> 12.03.2022.
9. O policii: Federal'nyj zakon ot 07.02.2011g. № 3-FZ // SPS Garant: URL: <https://base.garant.ru/12182530/> 12.03.2022; Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti: Federal'nyj zakon ot 12.08.1995g. № 144-FZ (p. 4 ch. 1 st. 7): SPS Garant: URL: <https://base.garant.ru/10104229/> 12.03.2022.
10. Instrukciya o poryadke rassmotreniya zayavlenij, soobshchenij o prestupleniyah i inoj informacii o proisshestviyah, svyazannyh s ischeznoeniem lic (p. 4), utv. Prikazami MVD RF, General'noj prokuratury RF, Sledstvennogo komiteta pri prokurature RF ot 16.01.2015g. № 38/14/5: SPS Garant: URL: <https://base.garant.ru/70904152/> 12.03.2022.
11. Ob utverzhenii trebovanij k antiterroristicheskoy zashchishchennosti mest massovogo prebyvaniya lyudej i ob"ektov (territorij), podlezhashchih obyazatel'noj ohrane vojskami nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, i form pasportov bezopasnosti takih mest i ob"ektov (territorij): Postanovlenie Pravitel'stva ot 25.03.2015g. № 272 (p. 30, p. p. «d» p. 32, p. 38, p. p. «a» p. 39) // SPS Garant: URL: <https://base.garant.ru/70937940/> 12.03.2022.
12. Trebovaniya k antiterroristicheskoy zashchishchennosti ob"ektov (territorij) ministerstva zdavoohraneniya Rossijskoj Federacii i ob"ektov (territorij), odnosyashchihysya k sfere deyatel'nosti Ministerstva zdavoohraneniya Rossijskoj Federacii (p. p. «b» p. 16), utv. Postanovleniem pravitel'stva RF ot 13.01.2017g. № 8 // SPS Garant: URL: <https://base.garant.ru/71588134/> 12.03.2022.
13. O protivodejstvii terrorizmu: Federal'nyj zakon ot 06.03.2006g. № 35-FZ // SPS Garant: URL: <https://base.garant.ru/12145408/> 12.03.2022.
14. Raz'yasneniya po voprosam primeneniya trebovanij k antiterroristicheskoy zashchishchennosti ob"ektov (territorij) Ministerstva zdavoohraneniya RF i ob"ektov (territorij), odnosyashchihysya k sfere deyatel'nosti Ministerstva zdavoohraneniya RF, utv. Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 13.01.2017g. № 8: Pis'mo Minzdrava RF ot 13.05.2019g. № 14-3/12-4057 // SPS Konsul'tant Plyus: URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_350325/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350325/) 12.03.2022.
15. Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon № 323-FZ // SPS Garant: URL: <https://base.garant.ru/12191967/> 12.03.2022.
16. Pis'mo Minzdravsocrazvitiya RF ot 25.04.2005 № 10227/MZ-14 «O tolkovanii termina «special'nyj medicinskij uhod» // SPS Konsul'tant Plyus: URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_53659/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53659/) 12.03.2022.
17. Professional'nyj standart: Mladshij medicinskij personal (utv. Prikazom Ministerstva truda i social'noj zashchity Rossijskoj Federacii ot 12 yanvarya 2016 goda № 2n) // SPS Garant: URL: <https://base.garant.ru/71325102/> 12.03.2022.
18. Poryadok provedeniya kontrolya ob"emov, srokov, kachestva i uslovij predostavleniya medicinskoj pomoshchi po obyazatel'nomu medicinskomu strahovaniyu zastrahovannym licam, a takzhe ee finansovogo obespecheniya, utv. Prikazom Ministerstva zdavoohraneniya RF ot 19.03.2021g. № 231-n // SPS Garant: URL: <https://base.garant.ru/400761901/> 12.03.2022.
19. Davydova E.V. Chto delat', esli rabotnik propal bez vesti? // Otdel kadrov gosudarstvennogo (municipal'nogo) uchrezhdeniya. 2019. № 5. // URL: <https://www.audar-press.ru/magazine/otdel-kadrov-v-uchrezhdenii/2019-5/> 12.03.2022.

**ПОРОДЕНКО ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ** – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой судебной медицины, Кубанский государственный медицинский университет (porodenko52@mail.ru).

**ТРАВЕНКО ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА** – доктор медицинских наук, доцент кафедры судебной медицины, Кубанский государственный медицинский университет (elenaschon@yandex.ru)

**ЛАПТЕВ ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ** – ассистент кафедры судебной медицины, Кубанский государственный медицинский университет (laptev.90@mail.ru)

**PORODENKO, VALERY A.** – Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Department of Forensic Medicine, Kuban State Medical University (porodenko52@mail.ru).

**TRAVENKO, ELENA N.** – Doctor of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Forensic Medicine, Kuban State Medical University (elenaschon@yandex.ru)

**LAPTEV, DMITRY A.** – Assistant of the Department of Forensic Medicine, Kuban State Medical University (laptev.90@mail.ru).

УДК 343.61

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-121-126

**ЗОТОВ А.Ю.**

## **ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СОВРЕМЕННОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ**

**Ключевые слова:** убийство, причинение тяжкого вреда здоровью человека, угроза убийством, угроза причинения тяжкого вреда здоровью человека.

Охрана личности от любых угроз и посягательств принципиально важна, что подтверждает государственная правоохранительная политика, в которой данный вид охраны является одним из главных направлений деятельности. Важность защиты личности, ее права на здоровье подкрепляет и конституционное положение, провозгласившее права и свободы человека наивысшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Положения, направленные на то, чтобы защищать блага, принадлежащие всем гражданам российского общества, имеют особую ценность и конкретизированы в Уголовном кодексе РФ. Данное деяние может составлять около 25% в общей структуре насильственных преступлений. Отмечено, что, проводя различие между обнаружением умысла и угрозой убийства, нужно

учитывать объект преступления и способность виновного оказывать на него негативное влияние. Подчеркнуто, что ряд проблемных вопросов, связанных с квалификацией ст. 119 УК РФ, могут быть связаны с тем, что нет четкого разграничения между угрозой и насилием.

ZOTOV, A.Yu.

## PROBLEMS OF QUALIFICATION OF DEATH THREATS OR INFLICTION OF SERIOUS HARM TO HEALTH ARISING IN MODERN INVESTIGATIVE AND JUDICIAL PRACTICE

**Key words:** murder, causing serious harm to human health, threat of murder, threat of causing serious harm to human health.

The protection of the individual from any threats and encroachments is fundamentally important, which is confirmed by the state policy, in which this type of protection is one of the main areas of activity. The importance of protecting the individual and his right to health is also reinforced by the constitutional provision that proclaimed human rights and freedoms the highest value (Article 2 of the Constitution of the Russian Federation). The provisions aimed at protecting the benefits belonging to all citizens of Russian society are of particular value and are specified in the Criminal Code of the Russian Federation. This act may account for about 25% of the total structure of violent crimes. It is noted that, making a distinction between the detection of intent and the threat of murder, it is necessary to take into account the object of the crime and the ability of the perpetrator to exert a negative influence on it. It is emphasized that a number of problematic issues related to the qualification of Art. 119 of the Criminal Code of the Russian Federation may be related to the fact that there is no clear distinction between threat and violence.

В следственной и судебной практике нередко возникают сложности, связанные с квалификацией угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. По мнению Д.А. Гарбатовича, в практической деятельности немало случаев необоснованного осуждения лица, по сути, являвшегося невиновным, поскольку в процессе предварительного расследования неверно определялись форма вины, либо мотивы и цели преступного деяния. Анализируя статистику, он констатирует, что удельный вес ошибок может достигать 40-50% в общей массе дел [1, с. 89].

Как правило, многие сложности обусловлены проблемами, связанными с разграничением угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью от смежных составов. Зачастую правоприменители сталкиваются с трудностями в процессе разграничения между угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и обнаружением умысла. В литературе можно встретить мнение, что «обнаружение умысла является ничем иным, как высказыванием намерения совершить преступление». Угроза и намерение едины в том, что при них нельзя исключить «телодвижения или жесты, которые могут подтверждать совершение преступления» [2, с. 163]. Объединяющим между двумя указанными категориями является и тот факт, что извещение намерения человек, которому это извещение направлено, может воспринять как угрозу. Например, «М. на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений к А., в ходе конфликта с последней, имея намерения запугать ее и вызвать чувство боязни перед ним, действуя умышленно, держа в обеих руках кухонный и складной ножи, и направляя их в сторону А. высказывал в ее адрес угрозу убийством словами «Не боишься, что я тебя сейчас завалю!». А. восприняла обращение к ней как угрозу» [3].

Считаем, что, проводя различие между обнаружением умысла и угрозой убийства, нужно учитывать объект преступления и способность виновного оказывать на него негативное влияние. Например, если исходить из того, что объектом такого преступления как убийство является жизнь человека, то форма передачи информации (высказана она устно или передана потерпевшему в письменном виде) значения не имеет, поскольку информация, как совокупность тех или иных сведений, не может причинить смерть другому лицу. Виновный только говорит о своих намерениях, но не совершает их, что лишает действия виновного свойств посягательства.

Обнаружение умысла по факту является единством внутреннего содержания (человек намерен убить). Однако в угрозе убийством такое единство не усматривается. Виновный старается запугать другое лицо, вызвать в нем страх, под действием которого лицо совершает то, что желает виновный. Виновный по факту покушается на преступление. Выскажем глубокую убежденность в том, что рассматривать угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в качестве формы обнаружения умысла не вполне корректно, поскольку такая угроза представляет собой самостоятельный состав преступления.

Анализ правоприменения позволяет утверждать, что, в целом, суды верно квалифицируют деяние по ст. 119 УК РФ, при этом устанавливают не только наличие реального намерения причинить смерть или тяжкий вред здоровью, но и то, что угроза намеренно высказана с целью устрашения потерпевшего и в форме, дающей основания опасаться, что она будет воплощена.

Рассматривая проблемные вопросы, касающиеся квалификации изучаемого преступления, внимание привлекло определение Верховного Суда Чувашской Республики, которым в 2019 г.

Ануфриев был признан виновным в том, что убил свою супругу. Интерес указанное определение представляет тем, что им же Ануфриев был оправдан по обвинению в угрозе убийством. До печального инцидента женщина многократно обращалась в полицию и давала показания, из которых, как следует из документа, «не следовало, что угрозы носили реальный характер и что у нее были основания опасаться того, что они будут осуществлены». Учитывая, что супруга виновного не предупреждалась об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, «это не позволило суду оценивать показания и взять их в основу обвинения». Отец девушки не согласился с тем, что «невозможность получить по объективным причинам (в том числе из-за того, что человек уже мертв) показания потерпевшего, является препятствием к оценке реальности и непосредственности угрозы». Также было высказано мнение, что сложившееся положение дел с применением ст. 119 УК РФ не позволяет учитывать специфику семейного насилия и привлекать к уголовной ответственности за угрозу убийством того, кто позднее действительно способен убить. Относительно указанного дела интерес представляет позиция Конституционного суда, который в случае наличия «обоснованных жалоб» обязал должностных лиц правоохранительных органов принимать меры по обеспечению защиты потерпевших, поскольку высказанные в их адрес угрозы представляют собой одну из форм психологического насилия, что влечет появление у последних чувства страха за свою жизнь.

Анализируемый состав преступления является средством обеспечения превентивной защиты жизни человека как наивысшей ценности в нашей стране. Более того, как следует из позиции суда: «если нет показаний потерпевшего (его гибель) угроза убийством может подтверждаться достаточной совокупностью других достоверных доказательств». В числе таких доказательств суд указывает на записи камер видеонаблюдения, показаний очевидцев или сотрудников социальных служб, к которым могла обращаться жертва. Уже сам факт причинения смерти или вреда здоровью, который следует за угрозой убийством, тем более подтверждает намеренное устрашение потерпевшего. Суд счел, что отказ в возбуждении уголовного дела по ст. 119 УК РФ и непринятие мер по преследованию виновного – это нарушение защиты достоинства личности от угроз, как формы психологического насилия и по предотвращению преступлений, сопряженных с такими угрозами. Подобные действия должностных лиц суд рекомендует квалифицировать как халатность (ч. 2 ст. 293 УК РФ) [4].

В современной следственной и судебной практике возникают вопросы, связанные с разграничением анализируемого преступления и приготовлением к убийству или покушению на него. Некоторые авторы высказываются за квалификацию таких преступлений по совокупности, другие считают, что деяние следует квалифицировать как приготовление к убийству [5, с. 860 б, с. 950-952]. Приведем пример, иллюстрирующий перекалфикацию покушения на убийство по ч. 3 ст. 30, п. «б», «е» ч. 2 ст. 105 на ч. 1 ст. 119 УК РФ. В соответствии с приговором: Х., находящийся в нетрезвом состоянии взял охотничье ружье и вместе со своим другом отправился в магазин, в котором стал угрожать продавщице магазина Ж., направив на нее оружие. Когда в помещение зашел Г., виновный перенаправил оружие на него, при этом заявив, что убьет. Увидев это, друг вывел Х. из магазина. Однако на улице тот опять столкнулся с Г. и продолжил высказывать угрозы, направив на него оружие. Некоторое время спустя он выстрелил в сторону Г., однако в него не попал. В суде сторона обвинения настаивала на том, что Х. должен быть привлечен к ответственности по ч. 3 ст. 30, п. «б», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Позиция обосновывалась установленным фактом выстрела в сторону потерпевшего, произведенного с маленького расстояния. Сторона защиты настаивала на том, что у виновного не было умысла на лишение потерпевшего жизни, его действия подпадают под ч. 1 ст. 119 УК РФ. В результате суд согласился с позицией защиты и признал Х. виновным по ч. 1 ст. 119 УК РФ [7]. В приведенном примере наиболее близка позиция стороны обвинения. Выскажем согласие с С.В. Бородиным в том, что «если угроза сопровождается конкретными действиями, то деяние нужно квалифицировать как приготовление к убийству» [8, с. 77].

За любыми высказываниями могут последовать действия и тогда в отношении виновного придется говорить о более опасном преступлении. Однако нельзя не принимать во внимание временной промежуток между угрозой и конкретными действиями. Если бы между угрозой убийством и действиями, реализующими угрозу, был временной промежуток, вот тогда можно было бы говорить о квалификации преступления по совокупности (приготовление, покушение).

В литературе встречается точка зрения, что разграничивать угрозу и приготовление к убийству следует с учетом ч. 1 ст. 30 УК РФ, в которой речь идет о признаках приготовления к преступлению. Когда человек подготавливается к тому, чтобы совершить убийство, он совершает ряд действий, которые в целом еще не направлены на осуществление убийства и в момент подготовки еще не угрожают объекту посягательства. Любые действия, предполагающие подготовку, как правило, совершаются тайно. Более того, подготавливаясь к убийству, лицо надеется, что в случае его совершения, ему удастся избежать ответственности. Сказанное вполне обоснованно позволяет утверждать, что сложностей при разграничении угрозы убийством и приготовления к убийству не должно возникать. Особенно если учитывать признак, отграничивающий эти категории друг от друга: осведомленность потерпевшего. Угроза всегда доводится до сознания потерпевшего: «Ч. на почве сложившихся личных неприязненных отношений с сожителем его матери, подошел к нему и опрокинув на пол начал высказывать угрозы, типа: «сейчас убью, ты достал, не могу с тобой жить вместе, сейчас убью и проблем будет меньше. Все угрозы произносились, когда виновный сидел на валявшемся на полу потерпевшем и обхватив правой рукой его шею, виновный с силой предплечьем руки сдавливал шею потерпевшего, отчего последний стал задыхаться, так как ему не хватало воздуха, осознавая реальность угрозы» [9].

Для того чтобы угроза убийством квалифицирована была верно, нужно принимать во внимание обстановку, в которой угроза высказывалась; способ её выражения; характер отношений виновного и потерпевшего и др. Учитывая перечисленные факты можно делать вывод о том, что преступление квалифицировано правильно. Приведем примеры, в которых суды правильно квалифицировали действия виновного по ч. 1 ст. 119 УК РФ.

1. «В ходе возникшего конфликта, Х. реализовав свой преступный умысел, направленный на угрозу убийством, держа в своих руках обрез гладкоствольного, двуствольного охотничьего ружья модели ИЖ-12, подошел к потерпевшей и направил в ее сторону оружие, неоднократно высказывая в адрес последней угрозы убийством, говоря, что «застрелит ее». Потерпевшая, с учетом сложившейся обстановки, а также учитывая крайне агрессивное состояние Ж. данную угрозу убийством в свой адрес воспринимала реально» [10].

2. «Находясь в состоянии алкогольного опьянения, на почве внезапно возникших неприязненных отношений к А.М.Б. и П.В.И., М. учинил скандал с последними, в ходе которого у него возник преступный умысел, направленный на запугивание и угрозу убийством А.М.Б. и П.В.И. С целью реализации своего преступного умысла М., являясь агрессивно настроенным, вооружился сковородой и, высказывая слова угрозы убийством «Я тебя убью!», нанес потерпевшей П.В.И. один удар сковородой по голове, отчего она упала на пол, чем причинил ей телесные повреждения в виде поверхностной раны головы на фоне ушиба мягких тканей, которые оцениваются как не причинившие вреда здоровью. Затем, в это же время М., действуя умышленно, желая напугать потерпевшую А.М.Б., но, не имея умысла на убийство последней, продолжая удерживать в руке сковороду, желая, чтобы потерпевшая восприняла угрозу убийством и его действия как реальную опасность для своей жизни и здоровья, подошел к потерпевшей А.М.Б. на близкое расстояние, замахнулся сковородой на потерпевшую со словами угрозы убийством: «Я тебя сейчас порешу!», нанес один удар по голове потерпевшей А.М.Б., тем самым причинил ей телесное повреждение в виде ушиба мягких тканей головы, которое относится к категории повреждений, не причинивших вреда здоровью, создавая тем самым угрозу для ее жизни и здоровья, и, не давая потерпевшей возможности усомниться в реальности высказанных им угроз.

Слова угрозы убийством и действия М. потерпевшие А.М.Б. и П.В.И. восприняли как реальную опасность для своей жизни и здоровья, на что у них имелись все основания опасаться осуществления этой угрозы, поскольку М. физически сильнее их, находился в состоянии алкогольного опьянения, был агрессивно настроен по отношению к потерпевшим, сопровождал угрозу убийством активными действиями» [11].

В практике судов встречаются уголовные дела, по которым деяние виновного квалифицируется по совокупности преступлений. Так, «К. угрожая П. насилием, стал требовать у нее денежные средства в сумме 500 руб. 00 коп., не получив желаемого, К. стал угрожать П. поджогом дома, а затем нанес ей несколько ударов по голове. После чего, получив от П. требуемую сумму, К. с места преступления скрылся, распорядившись деньгами по своему усмотрению.



Спустя несколько часов К. вернулся к П. и на ее замечание, в его адрес, повалил ее на пол, затем нанеся несколько ударов по различным частям тела, схватил обеими руками за горло и путем сдавливания горла, стал душить, высказывая в ее адрес угрозы убийством. Действия виновного суд квалифицировал по ч. 2 ст. 163 УК РФ и ст. 119 УК РФ» [12]. Считаем, что, разграничивая анализируемое преступление с вымогательством, нужно определять характер угрозы, если она носит определенный характер, то проблем в квалификации возникать не должно.

Не является редкостью, когда угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью используется как способ подавить возможное или реальное сопротивление при изнасиловании. В данном случае, если угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью была выражена после произошедшего изнасилования или совершения насильственных действий сексуального характера, то деяние нужно квалифицировать по совокупности ч. 1 ст. 131 (или ч. 1 ст. 132 УК РФ) и ст. 119 УК РФ. Так, «суд верно квалифицировал действия виновного по п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132, ч. 1 ст. 119 УК РФ, признав В. виновным в совершении действий, предусмотренных составами указанных статей. Суд установил, что «угроза убийством потерпевшей была высказана осужденным не в процессе ее изнасилования и насильственных действий сексуального характера, а после того, как указанные действия были совершены. Угроза высказывалась не для подавления воли потерпевшей к сопротивлению для облегчения совершения преступлений сексуального характера, а имела направленность на сокрытие совершенного преступления» [13].

Считаем, что ряд проблемных вопросов, связанных с квалификацией ст. 119 УК РФ могут быть связаны с тем, что нет четкого разграничения между угрозой и насилем. Насилие – это категория уголовно-правовая, вобравшая в себя физическое и психическое воздействие: лицо умышленно применяет физическую силу по отношению к другому лицу, воздействуя на его физическую неприкосновенность и причиняя физическую боль, а также вреда здоровью или жизни. Угроза может выражаться только в активной форме поведения. В понятие угрозы применения насилия входит не только озвучивание преступных намерений. Человек больше опасается не только высказанной угрозы, а возможности ее исполнения.

Итак, приходим к следующему выводу: в современной следственной и судебной практике может возникать немало сложностей, связанных с квалификацией угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Для того чтобы эти сложности не возникали, необходимо разработать практические рекомендации, к которым в случае необходимости могли бы обратиться сотрудники правоохранительных органов. В данных рекомендациях нужно последовательно представить признаки, позволяющие разграничивать ст. 119 УК РФ со смежными составами, указать, что состав ст. 119 УК РФ является самостоятельным и не имеет отношения к форме обнаружения умысла (эта форма только косвенно связана с самим преступлением), при разграничении угрозы убийством, которая предшествовала убийству или покушению на него следует учитывать следующие факты: период времени, прошедший от угрозы до приготовления к убийству, покушению на него или его совершения; особенности действий виновного; возможности предпринятых действий виновного. В этих же рекомендациях нужно сделать акцент на том, что, квалифицируя угрозу, следует анализировать ее характер (определенная угроза должна квалифицироваться по общей норме; высказывание угрозы после совершения основного преступления – по совокупности).

### Литература и источники

1. Гарбатович Д.А. Квалификация уголовно-правовых деяний по субъективной стороне: монография. М.: Юрлитинформ, 2009.
2. Изосимов С.В., Овчинников М.А. Отграничение угрозы убийством от обнаружения умысла, приготовления к убийству и покушения на убийство // Черные дыры в Российском законодательстве. 2006. № 3. С. 159-163.
3. Приговор суда по ч. 1 ст. 119 УК РФ № 1-958/2017. Вынесен Ленинским районным судом // База данных судебных решений «Судебные и нормативные акты РФ».
4. КС: Привлечь к уголовной ответственности за угрозу убийством можно и без показаний жертвы [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-privlech-k-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-ugrozu-ubiystvom-mozhno-i-bez-pokazaniy-zhertvy/> (дата обращения: 02.05.2022).
5. Шадрин Л.В. Отграничение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью от смежных составов преступлений // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2013. Т.3.
6. Ахъядов Э.С. Приготовление к убийству: вопросы теории // Молодой ученый. 2016. №10.
7. Суд прислушался к доводам защиты о том, что показания подсудимого об отсутствии умысла на убийство не были опровергнуты [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-po-naznacheniyu-dobilas-perekvalifikatsii-pokusheniya-na-ubiystvo-na-menee-tyazhkoe-deyanie/> (дата обращения: 02.05.2022).
8. Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М.: Юрист, 1994.

9. Приговор суда по ч. 1 ст. 119 УК РФ № 1-849/2017. Вынесен советским районным судом г. Красноярска // База данных судебных решений «Судебные и нормативные акты РФ».
10. Приговор суда по ч. 1 ст. 119 УК РФ № 1-521/2017. Вынесен октябрьским районным судом г. Ростова-на-Дону // База данных судебных решений «Судебные и нормативные акты РФ».
11. Приговор суда по ч. 1 ст. 119 УК РФ № 1-733/2017. Вынесен Свердловским районным судом г. Иркутска // База данных судебных решений «Судебные и нормативные акты РФ».
12. Официальный сайт Карачаевского районного суда Брянской области [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://karachevsky.brj.sudrf.ru> (дата обращения: 02.05.2022).
13. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 мая 2013 г. № 64-АПУ13-4 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации.

**References and Sources**

1. Garbatovich D.A. Kvalifikaciya ugovolno-pravovyh deyanij po sub"ektivnoj storone: monografiya. M.: YUritinform, 2009.
2. Izosimov S.V., Ovchinnikov M.A. Otgranichenie ugrozy ubijstvom ot obnaruzheniya umysla, prigotovleniya k ubijstvu i pokusheniya na ubijstvo // СНernye дыry v Rossijskom zakonodatel'stve. 2006. № 3. S. 159-163.
3. Prigovor suda po ch. 1 st. 119 UK RF № 1-958/2017. Vynesen Leninskim rajonnym sudom // Baza dannyh sudebnyh reshenij «Sudebnye i normativnye акты RF».
4. KS: Privlech' k ugovolnoj otvetstvennosti za ugrozu ubijstvom možno i bez pokazanij zhertvy [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-privlech-k-ugolovnoj-otvetstvennosti-za-ugrozu-ubiystvom-mozhno-i-bez-pokazaniy-zhertvy/> (data obrashcheniya: 02.05.2022).
5. SHadrina L.V. Otgranichenie ugrozy ubijstvom ili prichineniem tyazhkogo vreda zdorov'yu ot smezhnyh sostavov prestuplenij // Konzept. Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal. 2013. T.3.
6. Ah'yadov E.S. Prigotovlenie k ubijstvu: voprosy teorii // Molodoy uchenyj. 2016. №10.
7. Sud prislushalsya k dovodam zashchity o tom, chto pokazaniya podsudimogo ob otsutstvii umysla na ubijstvo ne byli oprovergnuty [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-po-naznacheniyu-dobilas-perekvalifikatsii-pokusheniya-na-ubiystvo-na-meneetyazhkoe-deyanie/> (data obrashcheniya: 02.05.2022).
8. Borodin S.V. Otvetstvennost' za ubijstvo: kvalifikaciya i nakazanie po rossijskomu pravu. M.: YUrist, 1994.
9. Prigovor suda po ch. 1 st. 119 UK RF № 1-849/2017. Vynesen sovetским rajonnym sudom g. Krasnoyarska // Baza dannyh sudebnyh reshenij «Sudebnye i normativnye акты RF».
10. Prigovor suda po ch. 1 st. 119 UK RF № 1-521/2017. Vynesen oktyabr'skim rajonnym sudom g. Rostova-na-Donu // Baza dannyh sudebnyh reshenij «Sudebnye i normativnye акты RF».
11. Prigovor suda po ch. 1 st. 119 UK RF № 1-733/2017. Vynesen Sverdlovskim rajonnym sudom g. Irkutskaja // Baza dannyh sudebnyh reshenij «Sudebnye i normativnye акты RF».
12. Oficial'nyj sajт Karachaevskogo rajonnogo suda Bryanskoj oblasti [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: <http://karachevsky.brj.sudrf.ru> (data obrashcheniya: 02.05.2022).
13. Opređenje Sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Verhovnogo Suda RF ot 23 maya 2013 g. № 64-APU13-4 [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajт Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii.

**ЗОТОВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

**ZOTOV, ALEKSEY Yu.** – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (b-a-baracus@mail.ru).

УДК 343.97

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-126-131

**ВАЛЕНТОНИС А.С., ПИРОГОВ В.П.**  
**КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ДЕЯНИЙ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ  
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ  
ИНФОРМАЦИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ**

**Ключевые слова:** криминализация, дифференциация уголовной ответственности, компьютерная информация, киберпреступления, уголовное законодательство стран Северной Америки.

В статье предпринята попытка исследовать уровень и детализацию криминализации деяний в сфере компьютерной информации по законодательству стран Северной Америки, а также проанализировать дифференциацию уголовной ответственности за соответствующие преступные посягательства Североамериканским законодателем. Автором сформулирован вывод о том, что большое значение имеет криминализация преступлений в сфере компьютерной информации, коррелирующая со складывающимся в обществе правоотношениям и тенденциями их развития. Анализ составов, криминализированных американским и канадским законодателями, а также дифференциация уголовной ответственности за исследуемый вид преступлений позволили сформулировать вывод о соответствии действующих уголовно-правовых запретов запросам общества и уровню технологического прогресса.

**VALENTONIS, A.S., PIROGOV, V.P.**  
**CRIMINALIZATION OF ACTS AND DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES IN THE FIELD OF  
COMPUTER INFORMATION ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE COUNTRIES OF NORTH AMERICA**

**Key words:** criminalization, differentiation of criminal responsibility, computer information, cybercrime, criminal legislation of North American countries.

The article examines the level and detail of criminalization of acts in the field of computer information under the legislation of the countries of North America. The principles of differentiation of criminal responsibility for the corresponding criminal encroachments by the North American legislator are analyzed. The conclusion is formulated about the great importance of criminalization of crimes in the field of computer information, corresponding to the legal relations developing in society and the trends of their development. The analysis of the compositions criminalized by American and Canadian legislators, as well as the differentiation of criminal liability for crimes in the field of computer

information, allowed us to formulate a conclusion about the compliance of the current criminal law prohibitions with the needs of society and the level of technological progress.

Криминализация деяний представляет собой закрепление уголовно-правовой ответственности за их совершение в соответствующем законодательстве. Данное определение носит достаточно общий характер, чтобы быть применимым к любой правовой системе вне зависимости от национальной принадлежности. Именно такой подход представляется приемлемым в целях настоящего исследования, носящего компаративистский характер. Упоминая о криминализации преступлений в сфере компьютерной информации по законодательству стран Северной Америки, необходимо понимать, что речь, в основном, идет о двух государствах с довольно разной уголовно-правовой доктриной – Соединенных Штатах Америки (США) и Канаде.

Представляется целесообразным подробнее остановиться на перечне криминализированных преступлений в сфере компьютерной информации по законодательству указанных стран Северной Америки. Вопросам криминализации преступлений, связанных с компьютерной информацией, в Североамериканских странах уделяется достаточно существенный объем внимания с конца XX века. С начала XXI века вопросы борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации выносятся на государственный и межгосударственный уровень. Большинство соответствующих мероприятий проходило и проходит под эгидой Организации Объединенных Наций (ООН).

Так, в 2005 году в рамках конгресса по преступности, организованного ООН, оживленной была секция борьбы с киберпреступностью. В рамках конгресса участники пришли к обоснованным выводам о том, что цифровые технологии в начале XXI века предоставляют обычным гражданам возможность наносить значительный ущерб. Данному этапу развития научно-технического прогресса во взаимосвязи с государственной уголовно-правовой политикой свойственны три тенденции компьютерной преступности: изошренность, коммерциализация и интеграция. Изошренность подразумевает, что преступники сегодня обладают большими навыками и способностями. Преступление следует за возможностью, а развитие в любом его проявлении неизменно повлечет формирование новых возможностей. К упомянутым возможностям следует отнести, например, беспроводные сети, облачные хранилища и иные достижения IT технологий. Коммерческий характер киберпреступности проявляется в том, что хакеры предлагают свои услуги на возмездной основе, иными словами, хулиганские мотивы претерпели трансформацию в корыстные [1, с. 8-14]. Интеграция предполагает симбиоз различных преступных посягательств в целях достижения поставленной преступной цели [2]. В докладах также акцентировалось внимание на отсутствии значимых успехов в сфере противодействия кибертерроризму. Следовательно, на данном уровне был зафиксирован факт отставания уголовно-правового противодействия развитию преступных методов и способов по совершению преступных посягательств. Поэтому в целях борьбы с киберпреступностью важно стремиться к гармонизации уголовного законодательства для создания единой системы взаимопомощи. Технологии, без сомнения, будут продолжать развиваться, причем не поступательно, а скачкообразно. И по мере того, как это происходит, повышенное внимание следует уделять именно криминализации преступлений в сфере компьютерной информации.

После обоснования вывода о существенном значении криминализации преступлений в сфере компьютерной информации следует перейти непосредственно к исследованию имеющихся на современном этапе развития уголовного права в США и Канаде составов преступлений в сфере компьютерной информации. В качестве одного из факторов, обуславливающих необходимость адекватной криминализации преступлений в сфере компьютерной информации, необходимо обозначить уровень существенности ущерба, причиняемого подобными посягательствами. Так, Агентство Statista приводит консолидированные данные по затратам на ликвидацию последствий от преступлений, связанных с компьютерной информацией на территории США (в расчет принимается исключительно затраты коммерческих хозяйствующих субъектов, т.е. компаний, без учета ущерба, причиненного частным лицам или убытков, понесенных государственными органами власти). Согласно указанным исследованиям, средние затраты на ликвидацию последствий от преступлений, связанных с компьютерной информацией на территории США, имеют тенденцию к постоянному стабильному росту и в 2020 году составили 8,64 млн. долл. (в 2019 – 8,19 млн., в 2018 – 7,91 млн., в 2017 – 7,35 млн., в 2016 – 7,01 млн. долл. [3]).

В Канаде интерес к преступлениям, связанным с компьютерной информацией, также весьма отчетливо проявился со второй половины 90-х гг. XX века и был обусловлен, прежде всего, существенным увеличением соответствующих деяний в доле преступлений, причиняющих имущественный или моральный ущерб. Именно этим периодом датируются первые официальные опросы, проводимые в отношении киберпреступности. Следует отметить и тот факт, что оптимизация уголовного законодательства в Канаде, как правило, неразрывно связана с доктринальным подходом [4, с. 126]. Практика проведения опросов с целью дальнейшего применения их результатов для совершенствования действующего законодательства вообще распространена в этой стране.

Киберпреступность, согласно официальной информации, представленной на открытых интернет-ресурсах Канады, представляет собой сложное явление, а ее нетрадиционные характеристики создают различные проблемы для полицейских служб и системы уголовного правосудия в целом. Отсутствие надежной информации о киберпреступности было определено как серьезное препятствие для разработки стратегий предупреждения преступности, направленных на борьбу с киберпреступностью [5]. Сбор надежной статистики киберпреступлений требует стандартизированного определения [6, с. 157]. В исследовании Uniform Crime Reporting Survey было принято определение киберпреступности, разработанное Канадским полицейским колледжем: «уголовное преступление с использованием компьютера в качестве объекта преступления или инструмента, используемого для совершения существенного компонента преступления» [7]. С учетом этого, киберпреступления можно разделить на две основные категории: инциденты, в которых компьютеры или Интернет становятся целью преступления, например, взлом компьютеров и несанкционированное использование компьютерных систем, и инциденты, в которых компьютеры или Интернет являются инструментом, используемым для совершения преступления (такого, как заманивание ребенка с помощью компьютера или мошенничество через Интернет и пр.).

На основе объективных данных о значении раскрытия и необходимости превенции киберпреступлений целесообразным представляется переход непосредственно к исследованию конкретных составов уголовно-правовых посягательств, ответственность за которые предусмотрена законодательством Канады и США. В Канаде действует Уголовный кодекс [8] (УКК), в рамках структуры которого преступления в сфере компьютерной информации не выделены в отдельный раздел. На первом месте по статистике находится взлом (несанкционированный доступ). Это преступление, в соответствии с УКК, заключается в мошенническом получении, использовании, контроле, доступе или перехвате компьютерных систем или функций. Соответствующие положения УКК, запрещающие взлом (т.е. несанкционированный доступ), представляют собой совокупность следующих норм: раздел 184 УКК - перехват частных сообщений; раздел 342.1 УКК - получение мошенническим путем компьютерных услуг или перехват функций ИТ; раздел 380 (I) - вымогательство; раздел 430 - изменение, повреждение или уничтожение компьютерных данных; вмешательство в правомерное использование компьютерных данных. Преступным деянием в Канаде признается и фишинг. Фишинг может представлять собой мошенничество, в соответствии со статьей 380(1) УКК. Кроме того, в Канаде криминализованы такие деяния, которые принято называть атаками «отказ в обслуживании». В соответствии со статьей 430(1.1) УКК, воспрепятствование, прерывание или вмешательство в законное использование компьютера является преступлением (отказ в доступе к компьютерным данным лицу, имеющему право на доступ к ним). Максимальное наказание за такое преступление составляет 10 лет лишения свободы.

Кроме того, канадское законодательство по борьбе со спамом («CASL»), хотя и не признаваемым уголовным преступлением, запрещает отправку нежелательных коммерческих электронных сообщений («CEMS»). Любое лицо, нарушающее CASL, может быть подвергнуто административному денежному штрафу в размере до 1 000 000 долларов США в случае применения к физическому лицу и до 10 000 000 долларов США в случае любого другого субъекта. К числу киберпреступлений относится и заражение ИТ-систем вредоносными программами (в том числе программами-вымогателями, шпионскими программами, червями, троянами и вирусами). В соответствии со статьей 430(1.1) УКК, как отмечалось, совершение противоправных действий в связи с компьютерными данными является преступлением. Максимальное наказание за такое

преступление составляет 10 лет тюремного заключения. Однако если жизни человека угрожает опасность, преступники подлежат пожизненному тюремному заключению. Кроме того, раздел 8(1) CASL запрещает любому лицу в ходе коммерческой деятельности, независимо от ожидания прибыли: (I) устанавливать компьютерную программу в компьютерной системе любого другого лица; или (II) отправлять электронное сообщение с этой компьютерной системы, если только они не получают явное согласие владельца компьютерной системы или авторизованного пользователя, или если это лицо действует в соответствии с постановлением суда.

Также криминализованы распространение, продажа или предложение для продажи оборудования, программного обеспечения или других инструментов, используемых для совершения киберпреступлений. Это преступление, предусмотренное статьей 342.2 УКК, влечет максимальное наказание два года тюремного заключения и/или конфискация любого устройства, связанного с преступлением. Определение «устройства» дается в разделе 342.2 УКК и включает: (I) компонент устройства; и (II) компьютерную программу (т.е. компьютерные данные, представляющие инструкции, которые при выполнении в компьютерной системе заставляют компьютерную систему выполнять функцию).

УКК предусматривает уголовную ответственность и за владение или использование аппаратных средств, программного обеспечения или других инструментов, используемых для совершения киберпреступлений. Преступлением, предусмотренным разделом 342.2 УКК, является «без законного оправдания владение, импорт, получение для использования, распространение или предоставление в распоряжение устройства, разработанного или адаптированного в первую очередь для совершения киберпреступлений, зная, что устройство использовалось или предназначено для совершения киберпреступлений, запрещенных разделами 342.1 или 430 УКК. Максимальное наказание такое же, как указано выше, т.е. два года тюремного заключения и/или конфискация любого устройства, связанного с преступлением.

Разделы 402.2 и 403 УКК запрещают кражу личных данных и мошенничество с личными данными, соответственно. Что касается кражи личных данных, то получение или обладание идентификационной информацией другого лица с намерением использования ее для совершения обвиняемым преступления, такого как мошенничество, обман или ложь, является уголовно наказуемым. Кроме того, любое лицо, которое передает, предоставляет, распространяет, продает или предлагает идентификационную информацию другого лица для тех же целей, будет виновно в совершении уголовного преступления. Что касается мошенничества, оно считается преступлением, обманным путем перевоплощающим одного человека в другого, живого или мертвого, с целью: (I) извлечения выгоды для себя или другого лица; (II) для получения какой-либо вещи в собственность или долю в любой собственности; (III) кражи личности – подмены другого лица; или (IV) избежания ареста или преследования, воспрепятствование, искажение отправления правосудия. Примечательно, что УКК не ограничивает вышеупомянутые преступления каким-либо одним средством. Максимальное наказание за кражу личных данных, в соответствии с разделом 402.2, составляет пять лет тюремного заключения, а максимальное наказание за мошенничество с личными данными, в соответствии со статьей 403, составляет 10 лет тюремного заключения. Электронная кража неимущественных прав (например, нарушение конфиденциальности нынешним или бывшим сотрудником или нарушение авторских прав [9, с. 344]), конкретно не подпадает под действие УКК. Однако в зависимости от того как осуществляется электронная кража и что украдено, это может рассматриваться как преступление, подлежащее обвинению в соответствии с одним из многочисленных запретов на мошеннические операции, содержащихся в УКК.

В дополнение, следует упомянуть, что раздел 322 УКК имеет дело с кражей в целом. И многие из его запретов, направленных против кражи, также будут охватывать электронную кражу. Принципиальный подход Верховного суда Канады к электронной краже заключается в том, что нематериальное имущество, отличное от кражи личных данных, не считается собственностью (см. *R. v. Stewart*, [1988] [10]) для целей раздела 322 УКК. С тех пор эта интерпретация была применена к данным и изображениям, которые также не могут быть предметом кражи, в соответствии со статьей 322, хотя они могут быть предметом других уголовных преступлений

Обход технологических мер защиты, а равно производство, импорт, распространение, предложение для продажи или аренды, или предоставление технологий, устройств или

компонентов в целях обхода мер технологической защиты, в соответствии с разделом 41.1 Закона об авторском праве [11], также признается уголовным преступлением. Сознательный обход мер технологической защиты в коммерческих целях является уголовным преступлением, в соответствии с разделом 42(3.1) Закона об авторском праве, и может повлечь за собой максимальное наказание в виде штрафа в размере 1 000 000 долларов США и /или тюремное заключение сроком на пять лет.

Канадские законы о конфиденциальности, включая законодательство, касающееся личной информации о здоровье, также содержат положения, запрещающие несанкционированный сбор, использование, раскрытие и доступ к личной информации («PI»). Незапрошенное тестирование на проникновение (т.е. использование ИТ-системы без разрешения ее владельца для определения ее уязвимостей и слабых мест) может рассматриваться как преступление, в соответствии со статьей 342.1 УКК. Незапрошенное тестирование на проникновение также может рассматриваться как вред в соответствии с разделом 430 (1.1) УКК. Любая другая деятельность, которая отрицательно влияет или угрожает безопасности, конфиденциальности, целостности или доступности любой ИТ-системы, инфраструктуры, сети связи, устройства или данных подпадает под иные разделы УКК. В соответствии со статьей 184 УКК, сознательный перехват частной переписки любого лица является преступлением, которое карается максимальным наказанием в виде лишения свободы на срок до пяти лет. Хотя понятие «перехват», в целом, требует прослушивания или записи одновременного общения, в R. v. TELUS Communications Co., [2013] 2 SCR 3 [12], незаконный перехват также применяется для захвата текстовых сообщений, которые хранятся на компьютере поставщика телекоммуникационных услуг.

Кроме того, в соответствии со статьей 83.2 УКК, любое лицо, которое совершает преступление, подлежащее обвинению в соответствии с этим или любым другим Актом парламента, в интересах, по указанию или в сотрудничестве с террористической группой, виновно в преступлении, подлежащем обвинению, и подлежит пожизненному заключению. Определение понятия «террористической деятельности», в соответствии с разделом 83.01, включает действие, которое вызывает серьезные вмешательства или серьезное нарушение основных услуг, объектов или систем, будь то государственные или частные, за исключением ненасильственной пропаганды, протеста, несогласия или прекращения работы; прочие деяния могут квалифицироваться как «кибертерроризм». В соответствии с разделом 19 Закона об информационной безопасности (R.S.C., 1985, с. O-5) [13], любое лицо также является преступником, если оно обманным путем и без соответствующего права сообщает коммерческую тайну другому лицу или получает, сохраняет, изменяет или уничтожает коммерческую тайну для нанесения ущерба экономическим интересам Канады, международным отношениям или национальной обороне/национальной безопасности. Максимальное наказание по статье 19 Security of Information Act составляет 10 лет тюремного заключения.

Итак, проведенное исследование показало общую значимость и насущную необходимость криминализации преступлений в сфере компьютерной информации, адекватной складывающимся в обществе правоотношениям и тенденциям их развития. Анализ составов, криминализированных американским и канадским законодателями, а также дифференциация уголовной ответственности за исследуемый вид преступлений позволяют сформулировать вывод о соответствии данных уголовно-правовых запретов запросам общества и уровню технологического прогресса.

### Литература и источники

1. Литвишко П.А. Юрисдикционные и международно-правовые аспекты обеспечительных и конфискационных мер в отношении виртуальных активов // Законность. 2021. № 3. С. 8-14.
2. Криминализация компьютерных правонарушений как обязательное условие. Пресс релиз SOC/CP/332 от 22.04.2005 // [Электронный источник] Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <https://www.un.org/press/en/2005/soccp332.doc.htm> (дата обращения 25.04.2022)
3. Average organizational cost to a business in the United States after a data breach from 2006 to 2020(in million U.S. dollars) // [Электронный источник] Statista.com - Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/273575/average-organizational-cost-incurred-by-a-data-breach/> (дата обращения 26.04.2022)
4. Сергеев Д.Н. Законотворчество в системе уголовно-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 1. С. 125-133.
5. Smyth S.M., Carleton R. Measuring the Extent of Cyber-Fraud: A Discussion Paper on Potential Methods and Data Sources. Prepared for Research and National Coordination Organized Crime Division, Law Enforcement and Policing Branch, Public Safety Canada, 2011. No. 020, catalogue no. PS144/2011E-PDF. [Электронный источник] Publications.gc.ca. – Режим доступа: [http://publications.gc.ca/collections/collection\\_2011/sp-ps/PS14-4-2011-eng.pdf](http://publications.gc.ca/collections/collection_2011/sp-ps/PS14-4-2011-eng.pdf) (дата обращения 27.04.2022)

6. Жижина М.В., Завьялова Д.В. Возбуждение уголовного дела по факту преступления в сфере компьютерной информации: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12.
7. Kowalski M. 2002. Cyber-Crime: Issues, Data Sources, and Feasibility of Collecting Police-Reported Statistics. Canadian Centre for Justice Statistics. Statistics Canada Catalogue no. 85-558-X.
8. Criminal Code (R.S.C., 1985, c. C-46) Act current to 2021-12-13 and last amended on 2021-08-27 [Электронный источник] Laws-lois.justice.gc.ca - Режим доступа: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/> (дата обращения 26.04.2022)
9. Козубенко Ю.В. Защита авторских прав на программы для ЭВМ в уголовном, административном и гражданском судопроизводстве: Монография. М.: Волтерс Клувер, 2009. 344 с.
10. R. v. Stewart, 1988 CanLII 86 (SCC), [1988] 1 SCR 963. [Электронный источник] Официальный сайт CanLII. – Режим доступа: <https://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/1988/1988canlii86/1988canlii86.html> (дата обращения 27.04.2022)
11. Copyright Act (R.S.C., 1985, c. C-42). Act current to 2021-12-13 and last amended on 2020-07-01. [Электронный источник] laws-lois.justice.gc.ca – Режим доступа: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-42/Index.html> (дата обращения 27.04.2022)
12. R. v. TELUS Communications Co., [2013] 2 SCR 3. [Электронный источник] scc-csc.lexum.com – Режим доступа: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/en/item/12936/index.do> (дата обращения 28.04.2022)
13. Security of Information Act (R.S.C., 1985, c. O-5). Act current to 2021-12-13 and last amended on 2019-07-12. [Электронный источник] laws-lois.justice.gc.ca – Режим доступа: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/o-5/> (дата обращения 28.04.2022)

**References and Sources**

1. Litvishko P.A. Yurisdikcionnye i mezhdunarodno-pravovye aspekty obespechitel'nyh i konfiskacionnyh mer v otnoshenii virtual'nyh aktivov // Zakonnost'. 2021. № 3. S. 8-14.
2. Kriminalizatsiya komp'yuternykh pravonarushenij kak obyazatel'noe uslovie. Press reliz SOC/CP/332 ot 22.04.2005 // [Elektronnyj istochnik] Oficial'nyj sajt OON. – Rezhim dostupa: <https://www.un.org/press/en/2005/soccp332.doc.htm> (data obrashcheniya 25.04.2022)
3. Average organizational cost to a business in the United States after a data breach from 2006 to 2020(in million U.S. dollars) // [Elektronnyj istochnik] Statista.com - Rezhim dostupa: <https://www.statista.com/statistics/273575/average-organizational-cost-incurred-by-a-data-breach/> (data obrashcheniya 26.04.2022)
4. Sergeev D.N. Zakonotvorchestvo v sisteme ugovovno-pravovogo regulirovaniya // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. 2018. № 1. S. 125-133.
5. Smyth S.M., Carleton R. Measuring the Extent of Cyber-Fraud: A Discussion Paper on Potential Methods and Data Sources. Prepared for Research and National Coordination Organized Crime Division, Law Enforcement and Policing Branch, Public Safety Canada, 2011. No. 020, catalogue no. PS144/2011E-PDF. [Elektronnyj istochnik] Publications.gc.ca. – Rezhim dostupa: [http://publications.gc.ca/collections/collection\\_2011/sp-ps/PS14-4-2011-eng.pdf](http://publications.gc.ca/collections/collection_2011/sp-ps/PS14-4-2011-eng.pdf) (data obrashcheniya 27.04.2022)
6. Zhizhina M.V., Zav'yalova D.V. Vozbuzhdenie ugovovnogo dela po faktu prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii: rossijskij i zarubezhnyj opyt // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. № 12.
7. Kowalski M. 2002. Cyber-Crime: Issues, Data Sources, and Feasibility of Collecting Police-Reported Statistics. Canadian Centre for Justice Statistics. Statistics Canada Catalogue no. 85-558-X.
8. Criminal Code (R.S.C., 1985, c. C-46) Act current to 2021-12-13 and last amended on 2021-08-27 [Elektronnyj istochnik] Laws-lois.justice.gc.ca - Rezhim dostupa: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/> (data obrashcheniya 26.04.2022)
9. Kozubenko YU.V. Zashchita avtorskih prav na programmy dlya EVM v ugovovnom, administrativnom i grazhdanskom sudoproizvodstve: Monografiya. M.: Volters Kluver, 2009. 344 s.
10. R. v. Stewart, 1988 CanLII 86 (SCC), [1988] 1 SCR 963. [Elektronnyj istochnik] Oficial'nyj sajt CanLII. – Rezhim dostupa: <https://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/1988/1988canlii86/1988canlii86.html> (data obrashcheniya 27.04.2022)
11. Copyright Act (R.S.C., 1985, c. C-42). Act current to 2021-12-13 and last amended on 2020-07-01. [Elektronnyj istochnik] laws-lois.justice.gc.ca – Rezhim dostupa: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-42/Index.html> (data obrashcheniya 27.04.2022)
12. R. v. TELUS Communications Co., [2013] 2 SCR 3. [Elektronnyj istochnik] scc-csc.lexum.com – Rezhim dostupa: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/en/item/12936/index.do> (data obrashcheniya 28.04.2022)
13. Security of Information Act (R.S.C., 1985, c. O-5). Act current to 2021-12-13 and last amended on 2019-07-12. [Elektronnyj istochnik] laws-lois.justice.gc.ca – Rezhim dostupa: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/o-5/> (data obrashcheniya 28.04.2022)

**ВАЛЕНТОНИС АРТУРАС СТАНИСЛОВОВИЧ** - кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин, Государственный гуманитарно-технологический университет (candydad7@gmail.com).

**ПИРОГОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ** - старший преподаватель кафедры правовых дисциплин, Государственный гуманитарно-технологический университет (pirogov54@mail.ru).

**VALENTONIS, ARTURAS S.** – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Legal Disciplines, State University of Humanities and Technology.

**PIROGOV, VLADIMIR P.** - Senior Lecturer of the Department of Legal Disciplines, State University of Humanities and Technology

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-131-135

**КОЛИЕВ В.В., ШАХКЕЛДОВ Ф.Г.**

**ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**Ключевые слова:** информационно-телекоммуникационные технологии, идентификация, киберпреступник, кибер-криминалистика, веб-страница, метаданные, металл-оксидный полупроводник.

В статье рассмотрены некоторые особенности выявления и раскрытия преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Определена сущностная характеристика данных деяний, проведен анализ причин и факторов, создающих проблемы при их расследовании. Отмечено, что тенденция к активному использованию злоумышленниками более автоматизированных средств атаки привела к тому, что некоторые из существующих методологий, используемых для отслеживания кибератак в Интернете, оказались неэффективными. Кратко описывается обычный метод оценки того, находится ли подозреваемая компьютерная система в текущих настройках даты и времени или нет, предполагающий использование обычного или логического криминалистического подхода, а не применение каких-либо высокотехнологических знаний в области компьютеров, операционных систем и применения программных средств. Используя этот метод, можно легко определить, работает ли подозрительная

компьютерная система с текущими и правильными настройками даты и времени или нет. Сделан вывод, что документирование отчетов о компьютерных преступлениях является насущной необходимостью.

**KOLIEV, V.V., SHAKHKELDOV, F.G.**  
**FEATURES OF DETECTION AND DISCLOSURE OF CRIMES RELATED TO THE USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES**

**Key words:** information and telecommunication technologies, identification, cybercriminal, cyber forensics, web page, metadata, metal oxide semiconductor.

The article discusses some features of the detection and disclosure of crimes related to the use of information and telecommunication technologies. The essential characteristics of these acts are determined, an analysis of the causes and factors that create problems in their investigation is carried out. It is noted that the trend towards the active use of more automated means of attack by attackers has led to the fact that some of the existing methodologies used to track cyberattacks on the Internet have turned out to be ineffective. A common method for assessing whether a suspected computer system is in the current date and time settings or not is briefly described, using a conventional or logical forensic approach rather than applying any high-tech knowledge of computers, operating systems, and software applications. Using this method, one can easily determine whether a suspicious computer system is running with current and correct date and time settings or not. It is concluded that documenting computer crime reports is an urgent need.

Свободный доступ к сети Интернет и информации, которая в ней размещается, создает высокие риски преступных деяний, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Эти риски усугубляют угрозы безопасности для отдельных лиц и общества в целом. Отчасти это связано с отсутствием адекватных ограничений безопасности для доступа к цифровым ресурсам, отсутствием надлежащих методов идентификации и обнаружения киберпреступников и слабыми правилами цифровой безопасности. Поэтому становится актуальным исследовать, развивать и применять на практике средства [7], которые могут помочь следователям по преступлениям, связанным с использованием информационно - телекоммуникационных технологий, проводить проверки и выявлять киберпреступников.

Вопросы о том, что понимается под термином «киберпреступность», были подняты в конце XX века с аргументами о том, что сам термин на самом деле означает не более чем возникновение вредного поведения, которое каким-то образом связано с компьютером, и оно не имеет конкретного упоминания в законе. Сегодня этот аргумент все еще верен для многих стран, которые все еще имеют в своих конституциях очень расплывчатые понятия о киберпреступности.

Это отсутствие ясности в определении является проблематичным, поскольку оно влияет на все аспекты предотвращения и устранения как самих преступлений, связанных с применением цифровых технологий, так и их последствий, в то время как число субъектов, пострадавших от различных видов предполагаемой киберпреступности растет.

Все страны сталкиваются с одной и той же дилеммой: как бороться с киберпреступностью и как эффективно обеспечивать безопасность своих граждан и организаций.

Большинство преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, не связаны с физическим повреждением или кражей оборудования, а представляют собой скорее интеллектуальные манипуляции в цифровой среде. Это затрудняет отслеживание преступников. Более того, нет ни всеобъемлющей полицейской системы для проверки деятельности таких лиц, ни строгих правил их судебного преследования. Как верно указывает И.К. Сачков, атаки на компьютерные ресурсы в настоящее время все чаще осуществляются с помощью автоматизированных инструментов, называемых «ботами» [4]. Растущая тенденция к использованию более автоматизированных средств атаки также привела к тому, что некоторые из существующих методологий, используемых для отслеживания кибератак в Интернете, оказались неэффективными.

По мнению С.А. Нестеревича, в настоящее время сложность отслеживания и идентификации преступников является одним из главных препятствий, с которыми следователи сталкиваются каждый день [3].

Преступность в компьютерной сфере вынудила компьютерные и правоохранительные профессии совершенствовать новые методы и возможности сбора и анализа доказательств. Вместе с этим, по мнению С.М. Соловьевой, материалы криминалистики и уголовного процесса не отвечают вызовам сегодняшнего дня, в них не отражаются необходимые и назревшие перемены в своем содержании [5].

Эксперт по кибер-криминалистике всегда связан с ограничениями программных средств судебной экспертизы. Экспертиза цифровых доказательств, связанных с компьютерными



преступлениями, является относительно сложной задачей, и для решения вопросов, возникающих при расследовании этих преступлений, требуется экспертный подход. Такие выводы прослеживаются в исследовании многих ученых, среди которых можно выделить В.Р. Гайнельзянову [2]. Она указывает, что для эффективного, всестороннего и объективного расследования уголовных дел указанной категории имеется необходимость усиления взаимодействия между следственными и экспертными подразделениями как в период назначения, так и во время производства судебной компьютерно-технической экспертизы.

В настоящее время, поскольку использование Интернета и просмотр веб-страниц растут в геометрической прогрессии, компьютерные преступления распространяются на сети, и, в свою очередь, преступления в Интернете (киберпреступности) увеличиваются в геометрической прогрессии. Таким образом, следы, неосознанно (или даже сознательно, не осознавая их воздействия), оставленные преступником в компьютере при использовании им Интернета, могут быть потенциальной уликой против него, чтобы доказать его преступление. В обычном случае, при компьютерном преступлении или сетевом преступлении, чтобы скрыть конкретную преступную деятельность, преступник может немедленно удалить соответствующий файл или данные. Но его можно легко извлечь с помощью программных средств судебной экспертизы, проанализировав физическую область диска (как говорят, это нераспределенные кластеры или сектора). К сожалению, в некоторых случаях соответствующий удаленный файл или данные могут быть перезаписаны, и в дальнейшем доказательства могут быть восстановлены не полностью.

Компьютерные криминалистические отчеты в значительной степени основаны на информации о дате и времени файлов, присутствующих в цифровых доказательствах. Как указывает В.И. Воробьев, временные метки - это не что иное, как метаданные файлов, которые отражают время создания, изменения и последнего доступа к конкретному файлу [1].

В некоторых случаях при проведении судебной экспертизы цифровых доказательств, таких как жесткие диски, отметка времени последнего доступа к жесткому диску компьютера может быть задолго до (или после) фактического совершения преступления в системе. Например, если утверждается, что компьютерное преступление было совершено в определенный день, но данные или информация, хранящиеся на жестком диске компьютера, могут не показывать даже одного доступа в этот день, т.е. доступ к жесткому диску закончился за несколько недель или месяцев до инцидента или совершения преступления. Затем эксперт сразу же подозревает, что настройки даты и времени компьютера могут быть намеренно задним числом установлены с использованием некоторых инструментов защиты от криминалистики, таких как «imestomp», который может изменять или удалять временные метки создания, изменения и доступа к файлу.

В этом контексте, если компьютер в целом отправляется на экспертизу, можно изучить дополнительную установку металл-оксидного полупроводника (CMOS), чтобы проверить текущую дату и время этой системы (также верно, что использование инструментов анти-криминалистики для подделки даты и временных меток все еще усложняет анализ).

CMOS - это полупроводниковый чип, установленный на материнской плате, который включает в себя простую функцию синхронизации, которая отслеживает текущую информацию о дате и времени [6].

Однако в реальных случаях только соответствующий жесткий диск изымается и отправляется на экспертизу по одной из следующих причин:

1. Полиции практически трудно доставить всю компьютерную систему в лабораторию для экспертизы. Это требует дополнительной рабочей силы и увеличивает транспортные расходы.

2. Трудно захватить серверные компьютеры организации, компании и т.д. В этом случае идеально использовать только жесткий диск.

3. Если компьютер или материнская плата физически повреждены в результате несчастного случая или преднамеренных действий, только жесткий диск будет отправлен на экспертизу при условии, что он не поврежден.

Следовательно, эксперт должен искать альтернативные методы.

На соответствующих исследуемых жестких дисках следует тщательно изучить сохраненные данные, относящиеся к веб-страницам. При изучении содержимого этих автономных веб-страниц некоторая информация в веб-содержимом может представлять современный период создания этого файла. Более очевидно, что веб-контент может содержать информацию,

относящуюся к конкретному заметному реальному событию, и дата этого события может быть известна всем, например, дата спортивных матчей, президентских выборов в стране и другие.

Некоторые веб-страницы могут даже относиться к электронным новостным газетам, на которых может быть указана сама дата, или дата может быть установлена из содержания новостей. Как только один из этих уникальных веб-материалов был идентифицирован, наблюдение за датой создания этого веб-контента или файла выявило бы факт, касающийся даты создания этого файла. Если дата создания файла предшествует дате этого события, можно сделать вывод, что система работала с более ранними настройками даты и времени. Если дата создания файла позже этого события, система может быть запущена с текущими и правильными настройками даты и времени, и, наконец, можно сделать вывод, что жесткий диск, отправленный на экспертизу, может быть или не быть причастен к этому преступлению.

Аналогичным образом, можно просмотреть веб-страницы, отображающие в своем содержимом настройку рабочего времени, которую можно легко проверить, чтобы определить, сопоставима ли дата создания такой веб-страницы с текущим временем или нет. Кроме того, можно определить, синхронизирована ли настройка часов с временной меткой и часовым поясом веб-сервера, путем тщательного анализа html-скрипта веб-страницы, содержащего настройку часов.

Таким образом, в литературе имеется множество сообщений о том, что компьютерные преступления расследуются с использованием криминалистических программных средств. В доступной научной литературе нет возможности заставить эксперта мыслить дальше обычных процедур судебной экспертизы, основанных на программном обеспечении. Логическое мышление является важным критерием эксперта, и цифровые судебные эксперты не являются исключением. Следовательно, документирование отчетов о компьютерных преступлениях с логическим подходом является насущной необходимостью.

В статье кратко описывается обычный метод оценки того, находится ли подозреваемая компьютерная система в текущих настройках даты и времени или нет. Метод предполагает использование обычного или логического криминалистического подхода, а не применение каких-либо высокотехнологичных знаний в области компьютеров, операционных систем и применения программных средств. Используя этот метод, можно легко определить, работает ли подозрительная компьютерная система с текущими и правильными настройками даты и времени или нет. Эта информация будет иметь большое значение в сенсационных случаях, когда дата создания файлов играет важную роль.

#### Литература и искусство

1. Воробьев В.И. Методы защиты метаданных в формате XML // Онтология проектирования. 2018. № 2. С. 253-264.
2. Гайнельзянова В.Р. Возможности судебной компьютерно-технической экспертизы при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. №1. С. 144-149.
3. Нестерович С.А. Проблемы расследования киберпреступлений, которые стоят перед сотрудниками следственных органов // Вестник науки и образования. 2018. № 8. С. 46-49.
4. Сачков И.К. Автоматизация противодействия бот-атакам // Т-Comm - Телекоммуникации и Транспорт. 2014. № 1. С. 5-9.
5. Соловьева С.М. Применение цифровых технологий в криминалистике // Молодой ученый. 2019. № 51 (289). С. 161-164.
6. Что такое CMOS (дополнительный металл-оксид-полупроводник)? / [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://itisgood.ru/2019/06/04/chto-takoe-cmos-dopolnitelnyj-metall-oksid-poluprovodnik/>.
7. Шахкелдов Ф.Г., Колиев В.В. Методика раскрытия преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий // Право и практика. 2021. № 1. С. 92-95.

#### References and Sources

1. Vorob'ev V.I. Metody zashchity metadannyh v formate XML // Ontologiya proektirovaniya. 2018. № 2. S. 253-264.
2. Gajnel'zyanova V.R. Vozmozhnosti sudebnoj komp'yuterno-tekhnichejskoj ekspertizy pri rassledovanii prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. №1. S. 144-149.
3. Nesterovich S.A. Problemy rassledovaniya kiberprestuplenij, kotorye stoyat pered sotrudnikami sledstvennyh organov // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2018. № 8. S. 46-49.
4. Sachkov I.K. Avtomatizaciya protivodejstvija bot-atakam // T-Comm - Telekommunikacii i Transport. 2014. № 1. S. 5-9.
5. Solov'eva S.M. Primenenie cifrovych tehnologij v kriminalistike // Molodoy uchenyj. 2019. № 51 (289). S. 161-164.
6. Chto takoe CMOS (dopolnitel'nyj metall-oksid-poluprovodnik)? / [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://itisgood.ru/2019/06/04/chto-takoe-cmos-dopolnitelnyj-metall-oksid-poluprovodnik/>.
7. Shakheldov F.G., Koliev V.V. Metodika raskrytiya prestuplenij, sovershaemyh s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij // Pravo i praktika. 2021. № 1. S. 92-95.

**КОЛИЕВ ВАДИМ ВИТАЛЬЕВИЧ** - кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, полковник полиции (vadim.koliev@yandex.ru)  
**ШАХКЕЛДОВ ФРИДРИХ ГРИГОРЬЕВИЧ** - доктор юридических наук, профессор, кафедра криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России (vadim.koliev@yandex.ru).

**KOLIEV, VADIM V.** – Ph.D. in Law, Associate Professor Head of the Department of Criminology, Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel  
**SHAKHKELDOV, FRIDRIKH G.** - Doctor of Law, Professor, Department of Criminalistics and Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (vadim.koliev@yandex.ru).

УДК 343.13

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-135-138

**ПШАВА В.В., СОКОЛОВ А.Б., ГАЛДИНА Э.О.  
К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

**Ключевые слова:** цифровизация, электронный след, цифровые технологии, процессуальные и следственные действия.

В ситуации, когда инновационные процессы меняют облик отечественной юриспруденции, особого внимания заслуживают процессуальные отрасли права, посредством которых реализуются материальные нормы. В попытке найти ответ на дискуссионный вопрос о том, что представляет собой цифровизация уголовного процесса – научную необходимость или дань моде, авторы выделяют как положительные, так и негативные моменты этого неизбежного процесса. Показано, что цифровизация в уголовном процессе представлена несколькими основными моментами: во-первых, «оцифровкой» документов, создающей техническую возможность перехода с бумажных носителей на электронные; во-вторых, появлением различного рода «цифровых» операций в системе уголовного судопроизводства; в-третьих, «нормативной» цифровизацией, связанной с закреплением особого вида доказательств – электронных.

**PSHAVA, V.V., SOKOLOV, A.B., GALDINA, E.O.  
ON THE ISSUE OF DIGITALIZATION OF THE CRIMINAL PROCESS**

**Key words:** digitalization, electronic footprint, digital technologies, procedural and investigative actions.

Innovative processes have overwhelmed domestic jurisprudence, but procedural branches of law deserve special attention, through which material norms are implemented. In an attempt to find an answer to the debatable question of what is the digitalization of the criminal process – a scientific necessity or a tribute to fashion, the authors highlight both positive and negative aspects of this inevitable process. It is shown that digitalization in the criminal process is represented by several main points: firstly, the “digitization” of documents, which creates the technical possibility of switching from paper to electronic media; secondly, the emergence of various kinds of “digital” operations in the criminal justice system; thirdly, “normative” digitalization associated with the consolidation of a special type of evidence - electronic.

Отечественные ученые традиционно исходили из того, что «...развитие естественных наук и научно-технические достижения оказали и будут оказывать влияние на уголовно-процессуальную деятельность» [1, с. 137]. Речь в данном случае, в частности, шла о научно-технической революции. Полагаем, что данное высказывание не может механически применяться к уголовному процессу, к преобразованиям в сфере права. Если провести небольшой исторический обзор, можно отметить, что действительно 1960-70-е годы стали периодом научного прорыва во всех сферах. Осваивался космос, строились дома с использованием новых строительных технологий, небывалых высот достигло наращивание военной мощи. Но все эти аргументы не относятся к предмету нашего изучения. Каким же образом влияет прогрессирующая с каждым днем цифровизация на сферу уголовного процесса.

Научно интересной, но все же слишком преувеличенной, представляется нам позиция современных ученых, которые считают, что переход уголовного процесса на новый уровень – это его конечная точка. По их мнению, с развитием и внедрением достижений научного прогресса в эту сферу деятельности закончилась эпоха уголовного процесса. «В этом новом уголовном процессе нет места классическим следственным действиям, поскольку существующая система следственных действий, созданная в эпоху традиционной преступности, малоприспособлена в современных условиях. Какой смысл в таких следственных действиях, как осмотр, выемка, обыск, когда предметом выступает цифровая информация?» [2, с. 133].

Действительно, для традиционного, классического уголовного процесса все это в новинку. Но эти новеллы аккумулируют в себе полезный опыт прошлого. Нельзя согласиться с тем, что такие «традиционные» преступления, как убийства, изнасилования, хищения чужого имущества, причинение вреда здоровью, оставление в опасности и многие другие кардинально изменятся с развитием современных технологий и цифровизации. А потому, на наш взгляд, классические следственные действия всегда будут лежать в основе процесса расследования любых преступных деяний. Хотя, конечно, трудно отрицать, а тем более, отвергать влияние цифровизации на данную сферу деятельности. Уголовный процесс, как известно, представляет собой урегулированную деятельность уполномоченных субъектов, большая часть из которых – представители государственных органов. Они-то, в первую очередь, и являются «потребителями» продукции научно-технического прогресса. Обновились операционные системы в компьютерах, купленных по государственным закупкам для работников следственных органов; появились информационные

базы, электронный обмен запросами и документами между государственными структурами. Это отразилось на качестве уголовного процесса. Но вряд ли стоит утверждать, что все это – «уголовно-процессуальная революция, новый уголовный процесс». И дело тут даже не в масштабности. Приведенные примеры – это, безусловно, неоспоримые улучшения, но никак не революционные изменения.

Цифровизация в уголовном процессе, на наш взгляд, представлена следующими основными моментами. Во-первых, «оцифровкой» документов, создающей техническую возможность перехода с бумажных носителей на электронные (при этом, к примеру, протокол, составленный следователем в электронном виде, по юридической силе будет равен протоколу, который был бы написан им вручную). Иными словами, внешняя форма выражения не оказала никакого влияния на содержательную сторону.

Второй момент касается будущих перспектив, когда институты, созданные в рамках индустриального общества, в том числе система уголовного судопроизводства, перестанут быть актуальными. Вследствие этого появится новая, так называемая «система мысли», а вместе с ней – новая система уголовного судопроизводства, достойная этого постиндустриального общества [3, с. 56]. При всей, пока еще, неопределенности данной системы, бесспорным является факт ее связи, а может даже и зависимости от цифровизации, поскольку в современном мире с каждым новым витком развития научно-технического процесса человек оставляет все больше «электронных следов», поиск и распознавание которых невозможны без использований достижений цифровизации. «Специальные программные продукты будут применяться для автоматической регистрации выстрелов, распознавания лиц преступников и выявления аномальной городской активности по геотегам» [2, с. 133]. То есть, если наступят времена тотального видеоконтроля, когда камеры будут стоять везде, необходимость в следователе, по мнению ряда ученых, утратит свою значимость, поскольку все будет выведено на экран, и доказывание вины не будет иметь такой важности как в настоящее время.

Другой вопрос заключается в том, что будет с гражданскими правами и свободами в случае такого тотального контроля. Как в подобных условиях будет обстоять дело с неприкосновенностью частной жизни, личных границ. Безусловно, они будут стерты, но зато преступнику не удастся избежать наказания. Тут уже наше общество будет поставлено перед трудным выбором. Думаем, большей части общества не понравится серьезное ограничение конституционных прав. Но ведь нынешние видеорегистраторы, смартфоны, городские камеры видеонаблюдения, видеоролики в сети Интернет уже успешно помогают раскрывать преступления. И их число неуклонно растет. Данные, полученные с таких носителей, тоже приобщаются к доказательствам и могут самостоятельно ими выступать. Однако суть уголовного процесса и процесса доказывания от этого не поменялись.

Третий момент цифровизации уголовного судопроизводства – «нормативный». Он сводится к необходимости закрепления в ч. 2 ст. 74 УПК РФ особого вида доказательств – «электронных». Однако как-то особо выделять их, как нам представляется, нет необходимости. Доказательство не перестанет быть таковым и не утратит свою важность и нужность, представленное в любом виде. Так что если даже и выделить такой вид доказательства, то, скорее всего, это будет являться неким техническим моментом, и речь будет вестись только о форме, но не о содержании. Опять же не совсем ясна цель и сама идея выделения таких видов доказательств.

Если обратиться к содержанию ст. 74 УПК РФ, то можно заметить противоречие между отдельными положениями данной статьи. В ч. 1 речь идет о том, что «Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения...» (обращаем внимание на слово «любые»). А ч. 2 этой же статьи ограничивает положения ч.1 путем закрепления конкретного, при этом, так называемого, «открытого» перечня доказательств, которые признаются таковыми. На наш взгляд, вообще нет смысла в выделении каких-либо специфических видов доказательств при закреплённой законодательной формулировке «любые».

Еще один немаловажный момент – «субъектный». Не все представители государственных правоохранительных органов смогут быстро и безболезненно интегрироваться в новую «цифровую» среду. Понадобится определенный период времени для обучения следователей, дознавателей, прокуроров, судей, которым придется работать в новых условиях с использованием цифровых технологий.

При всем вышесказанном нельзя отрицать неоспоримые плюсы цифровизации в уголовном процессе: хранение неограниченных объемов информации в базах данных, передача информации на неограниченные расстояния, возможность оперировать имеющимися данными – хранить, передавать, анализировать, упорядочивать, корректировать нужные образцы и применять их к конкретному делу, оперативно оформлять процессуальную деятельность. Цифровизация облегчает человеческий труд, чаще умственный.

Электронная сфера успешно внедряется в жизнь человека – как профессиональную, так и обычную – постепенно преобразяя уголовное судопроизводство: «Практика цифровизации уголовного судопроизводства опирается на возможности и достижения электронной техники и программирования. Это позволило создать различные справочно-правовые системы, которые существенно облегчили участникам уголовного судопроизводства быстрый и эффективный поиск справочно-правовой информации, необходимой при производстве по уголовному делу. Введение системы ГАС «Правосудие» сделало более доступной и открытой базу приговоров, выносимых судами общей юрисдикции, повысив уровень транспарентности российского правосудия, а на сайтах вышестоящих судов можно найти решения апелляционной, кассационной или надзорной инстанций, помогающие формировать единообразную судебную практику» [4, с. 97].

Относительно недавно появилась такая цифровая инновация как ведение онлайн судебных заседаний через конференцсвязь. Эта возможность очень помогает, когда проблематично или нет возможности у кого-либо из участников присутствовать на судебном заседании. Между тем, их присутствие является необходимым. Однако при определении того, может ли судебное заседание проводиться дистанционно или нет, следует учитывать ряд факторов. В частности: продолжительность задержек и их вероятное влияние на права обвиняемого; характер слушания (сложность дела и рассматриваемый вопрос; необходимость вызова свидетелей и др.); наличие и качество оборудования и систем, используемых для связи; наличие других факторов, которые могут негативно повлиять на способность обвиняемого эффективно участвовать в судебном разбирательстве. В случае наличия веских оснований для использования дистанционного формата судебных разбирательств, такие слушания должны проводиться только при наличии надлежащих гарантий соблюдения права на справедливое судебное разбирательство.

В 2013-2015 гг. участвующим в процессе лицам стали отправлять СМС-сообщения с датой, местом и временем заседания или вызова к следователю. Это намного ускорило время уведомления и избавило от лишней бюрократии работников правоохранительных органов. Потерпевшему надлежало сообщать свой e-mail для дополнительной связи с ним. С 2016 г. вводится электронный документооборот и возможность подписи документов «усиленной квалифицированной электронной подписью» (ст. 474.1 УПК РФ). Даже эти небольшие шаги в хронологическом порядке указывают на значительный прогресс в деле внедрения цифровых преобразований в уголовный процесс. Из приведенных примеров можно увидеть широкомасштабные перспективы этого неизбежного процесса. Однако еще не вполне понятно насколько результативным он окажется.

Не лишним будет оценить возможные риски, разработать технические задания для создания программ и обеспечить сведение к минимуму негативных последствий. Перевод уголовного судопроизводства в цифровой формат является необходимостью и нормальным подходом в эволюции системы правосудия. Однако, учитывая новаторский характер оцифровки системы правосудия, сторонники ускоренной цифровизации уголовного судопроизводства должны уделять больше внимания соблюдению прав участников судебного разбирательства, независимо от способа и обстоятельств самого уголовного судопроизводства (хоть цифровизация и экономит время, повышает качество документооборота).

Трудно отрицать важность цифровизации в сфере уголовного судопроизводства. Сам по себе этот процесс весьма специфичен, касается некоторых ограничений прав и свобод граждан, и поэтому каждая его стадия должна быть прозрачной. Это обеспечит своеобразный контроль за действиями должностных лиц, станет гарантией реализации прав всех участников. Обеспечит невозможность «подтасовки» фактов и документов.

Нам понятна позиция скептиков, но ведь если не пытаться создавать что-то новое, не пытаться его внедрять в различные сферы нашей жизни – невозможно судить о целесообразности

самой новеллы. То, что уже внедрено в уголовный процесс – во многом доказало свою целесообразность службой на благо людей.

Во избежание недовольства качеством судебной и правоохранительной систем предлагается не избегать внедрения и использования цифровых технологий в сфере уголовного процесса, а создать наиболее благоприятные условия, которые будут способствовать быстрой и наиболее безболезненной интеграции новых технических разработок в классическую парадигму уголовного процесса.

**Литература и источники**

1. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса // Проблемы теории и практики уголовного процесса / под ред. В.А. Панышкина. Воронеж, 2016.
2. Александров А.С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2.
3. Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018.
4. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. №5.

**References and Sources**

1. Alekseyev, N.S., Dayev, V.G., Kokorev, L.D. Ocherk razvitiya nauki sovetskogo ugovolnogo protsesssa // Problemy teorii i praktiki ugovolnogo protsesssa / pod red. V.A. Panyushkina. Voronezh, 2016.
2. Aleksandrov, A.S. Problemy teorii ugovolno-protsessual'nogo dokazyvaniya, kotoryye nado reshat' v svyazi s perekhodom v epokhu tsifrovyykh tekhnologiy // Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess. 2018. № 2.
3. Zazulin, A.I. Pravovyye i metodologicheskiye osnovy ispol'zovaniya tsifrovoy informatsii v dokazyvanii po ugovolnomu delu. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Yekaterinburg, 2018.
4. Voskobitova, L.A. Ugovolnoye sudoproizvodstvo i tsifrovyye tekhnologii: problemy sovmestimosti // Lex Russica. 2019. №5.

**ПШАВА ВЕРОНИКА ВИКТОРОВНА** - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (vero-nika1978@mail.ru).

**СОКОЛОВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ** - кандидат философских наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (sokolov.vodoley@yandex.ru).

**ГАЛДИНА ЭЛЬВИЯ ОЛЕГОВНА** – студента Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (elvia.galdina@yandex.ru).

**PSHAVA, VERONICA V.** – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of criminal procedure law of the North Caucasian branch «Russian state University of justice» (vero-nika1979@mail.ru)

**SOKOLOV, ANDREY B.** – Ph.D, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law of the North Caucasus Branch, Russian State University of Justice (sokolov.vodoley@yandex.ru)

**GALDINA, ELVIA O.** – student of the North Caucasus Branch, Russian State University of Justice.

УДК 343.131

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-138-143

**ШАХКЕЛДОВ Ф.Г.**

**ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В РОССИЙСКОМ  
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

**Ключевые слова:** презумпция невиновности, подозреваемый, обвиняемый, уголовный процесс, пытки, бремя доказывания, задержание, содержание под стражей, приговор суда, доказательства виновности.

Рассматривая принцип презумпции невиновности, автор отмечает, что он связан не только с фигурой обвиняемого. Положения данного принципа в равной мере касаются и подозреваемого – лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело или которое задержано по подозрению в преступлении, либо к которому применена до предъявления обвинения мера пресечения. Осуществлен анализ необходимости данного института в уголовном процессе, факторов, которые вызвали его к жизни и сделали общепризнанной нормой международного права, гарантирующей соблюдение основных прав подозреваемого. Отмечается, что подозреваемый не обязан доказывать свою невиновность. Отказ от дачи показаний, дача заведомо ложных показаний, отказ от участия в доказывании не могут рассматриваться для подозреваемого (обвиняемого) как доказательства его виновности. Автором предложены дополнения в статью 14 УПК РФ.

**SHAKHKELDOV, F.G.**

**PRESUMPTION OF INNOCENCE OF A SUSPECT IN A RUSSIAN CRIMINAL TRIAL**

**Key words:** presumption of innocence, suspect, accused, criminal process, torture, burden of proof, detention, court verdict, evidence of guilt.

Considering the principle of the presumption of innocence, the author notes that it is associated not only with the figure of the accused. The provisions of this principle equally apply to the suspect - a person against whom a criminal case has been initiated or who has been detained on suspicion of a crime, or to whom a measure of restraint has been applied before charges are brought. The analysis of the need for this institution in the criminal process, the factors that brought it to life and made it a generally recognized norm of international law, guaranteeing the observance of the basic rights of the suspect, was carried out. It is noted that the suspect is not required to prove his innocence. Refusal to testify, giving knowingly false testimony, refusal to participate in proving cannot be considered for the suspect (accused) as evidence of his guilt. The author proposed additions to Article 14 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Презумпция невиновности подозреваемого в теории российского уголовно-процессуального права недостаточно исследована. Обычно ее связывают с фигурой обвиняемого

в уголовном процессе. Однако если учесть, что презумпция невиновности производна от общеправовой презумпции добропорядочности российских граждан, пока не доказано обратное, то, очевидно, что невиновным предполагается не только подозреваемый, но и согласно общеправовой презумпции добропорядочности российских граждан любой гражданин нашей страны, что представляется в следующем виде:

Невиновными признаются:

- любой гражданин Российской Федерации;
- любой подозреваемый в совершении преступления;
- любой обвиняемый до тех пор, пока в отношении него не вступит в законную силу обвинительный приговор суда.

Такова логическая последовательность трансформации презумпции добропорядочности граждан страны в презумпцию невиновности обвиняемого. Презумпция же невиновности чаще ассоциируется именно с обвиняемым, очевидно, потому, что к обвиняемому, по сравнению с подозреваемым, принимается самое строгое уголовно-процессуальное принуждение - заключение и содержание под стражей на довольно длительный срок - до 18 месяцев

Причина здесь видимо в том, что в отношении обвиняемого всегда имеется больше доказательств о его причастности к совершенному преступлению, чем в отношении подозреваемого. Поэтому сроки задержания и применения меры пресечения до предъявления обвинения в отношении подозреваемого существенно ограничены: по истечении 48 часов с момента задержания подозреваемый подлежит освобождению, если в отношении его не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, либо суд не продлил срок задержания в порядке, установленном пунктом 3 части седьмой статьи 108 УПК РФ (ч.2 ст. 94 УПК); сроки действия меры пресечения до предъявления обвинения - 10 суток согласно ч.1 ст. 100 УПК РФ и 45 суток в случае подозрения в совершении одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 209, 210, 210.1, 277, 278, 279, 281, 360 и 361 УК РФ (ч.2 ст. 100 УПК РФ). С истечением указанных сроков подозреваемый становится обвиняемым, свидетелем, либо исключается из числа участвующих в уголовном процессе лиц. Основания освобождения подозреваемого предусмотрены ст. 94 УПК РФ.

Вспомним о том, что презумпция невиновности была вызвана к жизни в качестве правового положения как протест против незаконных арестов. Когда в древнеримском уголовном судопроизводстве периода республики обвиняемые, как правило, до суда находились на свободе, то и нужды в презумпции невиновности не возникало.

После включения в УПК РФ 2001 года презумпции невиновности обвиняемого (см. ст. 14 УПК) значительно актуализировался вопрос о ее содержании, что необходимо для ее практического применения. Ибо сама по себе констатация того, что подозреваемый и обвиняемый предполагаются невиновными пока не будет доказано обратное, никого ни к чему не обязывает.

Положения принципа презумпции невиновности в равной мере касаются и подозреваемого – лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело или которое задержано по подозрению в преступлении, либо к которому применена до предъявления обвинения мера пресечения.

Сама фигура подозреваемого упоминается в статье 14 УПК РФ лишь в связи с недопустимостью возложения на него бремени доказывания своей невиновности. Конечно, недопустимость возложения бремени доказывания на подозреваемого занимает важное место в структуре содержания презумпции его невиновности. Это положение реализуется в его праве давать объяснения и показания по поводу возникшего в отношении его подозрения. Возложение на подозреваемого обязанности давать показания означало бы отказ от презумпции невиновности и перенесение на него бремени доказывания. Вот почему за отказ и уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний подозреваемый не несет ответственности. Отказ от дачи показаний, дача заведомо ложных показаний, отказ от участия в доказывании не могут рассматриваться для подозреваемого (обвиняемого) как доказательства его виновности.

В статье 14 УПК РФ ничего не говорится о необходимости истолкования неустранимых сомнений в пользу подозреваемого. Об этом свидетельствует тот факт, что научные изыскания исследователей посвящены презумпции невиновности обвиняемого [1-4]. Однако это положение явилось бы важным элементом содержательной стороны презумпции невиновности подозреваемого. Отсутствие указания в законе на необходимость истолкования неустранимых

сомнений в пользу подозреваемого свидетельствует о не разработанности правового института о презумпции невиновности не только в российском уголовно-процессуальном праве, но и в теории этой отрасли права. Кратковременность пребывания лица в положении подозреваемого, как правило, не может служить оправданием такому положению. Однако в определенных случаях возникшие сомнения не могут быть устранены в период пребывания лица в качестве подозреваемого. Мы можем привести два таких случая.

Первый случай, когда возникли сомнения в психической полноценности задержанного, совершившего убийство. Обойтись амбулаторной психиатрической экспертизой нельзя, требуется стационарное обследование подозреваемого в закрытом психиатрическом учреждении. Такая экспертиза по ведомственным инструкциям может проводиться в течение одного месяца, что перекрывает все сроки пребывания лица в качестве подозреваемого.

Второй случай тоже касается экспертизы, но судебно-медицинской, когда требуется установить возраст несовершеннолетнего подозреваемого при отсутствии документов о возрасте. Производство такой экспертизы тоже выходит за пределы сроков пребывания лица в качестве подозреваемого.

В связи с этими случаями и с учетом их можно говорить об ограниченном действии такого элемента презумпции невиновности подозреваемого, как истолковании неустранимых сомнений в его пользу. Получается, что для этих случаев невозможно истолкование неустранимых сомнений в пользу подозреваемого в виду непродолжительного времени пребывания лица в качестве подозреваемого. Отсюда, можно вывести следующее правило. Истолкование сомнений в пользу подозреваемого возможно только в том случае, если их неустранимость будет выявлена (станет очевидной) в период пребывания лица в качестве подозреваемого (9).

Изложенным не исчерпываются проблемы истолкования сомнений в пользу подозреваемого. Неустранимыми сомнения признаются и в тех случаях, когда собранные по делу доказательства не позволяют сделать однозначный вывод о виновности или невиновности подозреваемого для того, чтобы предъявить ему обвинение, а предоставляемые законом средства и способы собирания дополнительных доказательств исчерпаны.

Как отмечалось в постановлении Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. №7-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород о неустранимости сомнений в доказанности обвинения следует говорить не только в тех случаях. Когда объективно отсутствуют какие бы то ни было новые доказательства виновности или невиновности обвиняемого, но и когда при возможном существовании таких доказательств органы расследования, прокурор и потерпевший не принимают мер к их получению, а суд в силу невозможности исполнения им обвинительной функции, не может по собственной инициативе восполнять недостатки в доказанности обвинения [5].

Вместе с тем, как представляется, содержание презумпции невиновности подозреваемого не может ограничиваться лишь двумя элементами:

1. Возложением бремени доказывания на обвинителя;
2. Истолкованием неустранимых сомнений в пользу подозреваемого.

В этом смысле поддерживаем высказанное ранее авторами мнение о том, что при определении содержания презумпции невиновности нельзя забывать о тех факторах, которые вызвали ее к жизни и, в конечном счете, сделали общепризнанной нормой международного права [6, 7].

Первый фактор. Классическая формула презумпции невиновности была выведена Чезаре Беккария, который видел в ней гарантию против пыток и других злоупотреблений властей при расследовании и рассмотрении уголовных дел [8, с. 260].

Второй фактор. Первое нормативное закрепление презумпции невиновности в ст.9 Декларации прав человека и гражданина, провозглашенной 26 августа 1789 года имела целью стать процессуальной гарантией личной свободы граждан.

Прошло более 200 лет, но пытки и незаконные задержания и аресты в мире до конца не изжиты, хотя повсеместно запрещены. Оба эти фактора наиболее актуальны не столько для презумпции невиновности обвиняемого, сколько для презумпции невиновности подозреваемого.



Поэтому третьим элементом презумпции невиновности подозреваемого должно быть требование недопустимости применения в отношении его пыток для получения сознания. Официальное использование в российском уголовном судопроизводстве пытки было запрещено императором Александром I Указом от 27 сентября 1801 года, хотя до отмены формальной системы оценки доказательств было еще далеко. Однако до тех пор, пока сознание обвиняемого «оставалось лучшим доказательством всего света» вплоть до 20 ноября 1864 года, соблазн обратиться к пыткам продолжал оставаться. Оставался он и потом. Под пыткой понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях [10].

Четвертым элементом презумпции невиновности подозреваемого должно явиться требование о недопустимости заключения его под стражу под доказательства, которые еще к этому моменту не собраны следователем.

Речь вообще идет о недопустимости незаконного и необоснованного помещения подозреваемого в ИВС.

Важнейшим элементом презумпции невиновности подозреваемого должна стать непредубежденность органа дознания, дознавателя, следователя и прокурора в заведомой виновности подозреваемого. Поэтому должны считаться недопустимыми публичные высказывания высокопоставленным лиц в средствах массовой информации типа: «убийцы будут обнаружены через два дня!» или «Преступники задержаны!» и т.п. Эти и подобные высказывания должны, безусловно, рассматриваться как нарушение презумпции невиновности подозреваемого, равно как и обвиняемого.

Богатую практику по обеспечению презумпции невиновности подозреваемого и обвиняемого накопил Европейский Суд по правам человека в г.Страсбурге.

Нарушение принципа невиновности имеет место в том случае, если еще до того, как виновность обвиняемого будет доказана в соответствии с законом, и, в частности, без предоставления ему возможности осуществить свои права на защиту, касающиеся его судебное решение отражает мнение, что он виновен. Это может иметь место даже в отсутствие какого-либо формального решения, дающее достаточно определенное основание полагать, что суд считает обвиняемого виновным» [9, с. 236].

Шестым элементом презумпции невиновности подозреваемого должно явиться его право на защиту. Поэтому право, а не обязанность подозреваемого давать показания означает не только недопустимость возложения на него бремени доказывания, но и его право на защиту, которое также должно являться важнейшим элементом презумпции его невиновности.

Право на защиту многогранно, оно включает в себя целую систему прав подозреваемого:

- право давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении его подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний. При согласии подозреваемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний, за исключением случая, предусмотренного пунктом 1 части второй статьи 75 настоящего Кодекса;

- право на один телефонный звонок родным и близким в течение 3 часов с момента его прибытия к следователю или в орган дознания, а также право лица на обязательное участие адвоката при составлении протокола задержания, если он принимает участие в процессе с момента фактического задержания субъекта (ст. 96 УПК РФ);

- право знать, в чем он подозревается, и получить копию постановления о возбуждении уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения (п. 1 части 4 ст.46 УПК РФ);

- с момента избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста иметь свидания без ограничения их числа и продолжительности с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления интересов подозреваемого в сфере предпринимательской деятельности. При этом запрещается совершение нотариальных действий в отношении имущества, денежных средств и иных ценностей, на которые может быть наложен арест в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом;

- право представлять доказательства в подтверждении своей невиновности.

## ПРАВО

- право заявлять ходатайства и отводы дознавателю, следователю, прокурору;
- право давать объяснения и показания на родном языке;
- право пользоваться услугами переводчика бесплатно;
- право пользоваться помощью защитника с момента, предусмотренного пунктами 2-3.1 части третьей статьи 49 настоящего Кодекса, и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса подозреваемого;
- право знакомиться с протоколами следственных действий, проведенных с его участием и приносить замечания на них;
- участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству, ходатайству его защитника либо законного представителя;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда (см. ст. 46 УПК РФ.);
- защищаться иными средствами и способами, не запрещенными настоящим Кодексом.

Седьмой элемент презумпции невиновности подозреваемого.

Подозреваемый и обвиняемый, какое бы они преступление не совершили, имеют право на содержание их в человеческих условиях, что должно явиться одним из важнейших элементов презумпции невиновности подозреваемого и презумпции невиновности обвиняемого.

На основании изложенного, приходим к следующим выводам.

1. Подозреваемый считается невиновным и не может быть поставлен в положение обвиняемого до тех пор, пока его виновность не будет установлена в порядке, определенном уголовно-процессуальным законом.

2. Презумпция невиновности подозреваемого означает:

А) Непредубежденность органа дознания, дознавателя, следователя прокурора в заведомой виновности подозреваемого.

Б) Бремя доказывания его причастности к преступлению (его вины) возлагается на сторону обвинения. Подозреваемый не обязан доказывать свою невиновность. Молчание подозреваемого не может приниматься за признание им своей вины, является способом защиты.

В) Сомнения в причастности подозреваемого к преступлению могут быть истолкованы в его пользу в том случае, если их неустранимость будет выявлена в период пребывания в положении подозреваемого и могут касаться лишь фактической стороны уголовного дела.

Г) Недопустимость применения к подозреваемому пыток для получения сознания в причастности к преступлению.

Д) Недопустимость заключения подозреваемого под стражу под доказательства, которые еще к этому моменту не собраны.

Е) Предоставление подозреваемому реальной возможности защищаться, в том числе и с помощью защитника.

Ж) Недопустимость содержания подозреваемого в нечеловеческих условиях.

3) Недопустимость нарушения законных прав подозреваемого и обвиняемого, которые подлежат защите на всех этапах процесса. С точки зрения закона и государства, до вступления в законную силу приговора обвиняемый не может фигурировать как виновный во всех следственных материалах и обвинительных документах. В связи с расследованием уголовного дела лицо не может быть уволено с занимаемой должности и не подлежит отчислению из учебного заведения, иначе это будет нарушением презумпции невиновности. Подозреваемый и обвиняемый не могут ограничиваться в гражданских правах. Исключения могут составлять решения соответствующих органов, например, ограничения свободы передвижения, как необходимость равновесия интересов правосудия и прав личности подозреваемого и обвиняемого как способа применения презумпции невиновности, предусмотренные законом [11].

Исходя из вышеизложенного, вносим предложения в действующее законодательство, которое не рассмотрено длительное время.

1. Дополнить пункт 3 статьи 14 УПК РФ вторым абзацем следующего содержания: «Сомнения в причастности подозреваемого к преступлению могут быть истолкованы в его пользу в том случае, если их неустранимость будет выявлена в период пребывания лица в качестве подозреваемого».

2. Дополнить ст. 14 УПК РФ пунктами 5-7 соответствующего содержания: «5. Орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор и суд (судья) не должны быть предубеждены в виновности подозреваемого и обвиняемого.

6. Недопустимо применение пыток к подозреваемому и обвиняемому в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека.

7. Недопустимо содержание подозреваемого и обвиняемого в нечеловеческих условиях» [12].

3. Дополнить пункт 1 вторым абзацем ст.75 УПК РФ следующего содержания:

«Показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу с применением пыток к подозреваемому и обвиняемому в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека».

Таким образом, презумпция невиновности подозреваемого и презумпция невиновности обвиняемого не направлены на то, чтобы действительно виновного в совершении преступления сделать невиновным или смягчить их ответственность, а на то, чтобы обеспечить человеческое (гуманное) отношение власти к подозреваемому и обвиняемому до вступления в отношении их обвинительного приговора в законную силу.

#### Литература и источники

1. Ларин А.М. Презумпция невиновности. М.: Наука, 1982. 152 с.
2. Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / Под ред. проф. В.М. Савицкого. М.: Наука, 1984. 141 с.
3. Савицкий В.М. Презумпция невиновности: что означает? Кому нужна? Как применяется? М.: Норма. 1997. 120 с.
4. Шахкелдов Ф.Г. Презумпция невиновности в уголовном процессе: теория и практика. Краснодар: Изд. «Кубанькино», 2005. 216 с.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 N 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород»// (Консультант Плюс [www.Consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_22840/](http://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22840/))
6. Васильев Л.М. Презумпция невиновности обвиняемого в истории российского права. Волгоград: Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права, 2003.
7. Шахкелдов Ф.Г. Концептуальные аспекты презумпции невиновности в уголовном процессе: генезис и тенденции совершенствования. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Ростов-на/Д, 2006.
8. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях М., Юриздат, 1939.
9. Судебное решение по делу Минелли от 25 марта 1983 года. Series. No. 62. P. 15 -16,18, paras.30 and 37. // Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998.
10. Примечание к ст. 117 УК РФ.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», разъяснения.
12. Шахкелдов Ф.Г. Концептуальные аспекты презумпции невиновности в уголовном процессе: генезис и тенденции совершенствования. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Ростов-на/Д, 2006.

#### References and Sources

1. Larin A.M. Prezumpciya nevinovnosti. M.: Nauka, 1982. 152 s.
2. Strogovich M.S. Pravo obvinyayemogo na zashchitu i prezumpciya nevinovnosti / Pod red. prof. V.M. Savickogo. M.: Nauka, 1984. 141 s.
3. Savickij V.M. Prezumpciya nevinovnosti: chto oznachayet? Komu nuzhna? Kak primenyaetsya? M.: Norma. 1997. 120 s.
4. Shakheldov F.G. Prezumpciya nevinovnosti v ugovolnom processe: teoriya i praktika. Krasnodar: Izd. «Kuban'kino», 2005. 216 s.
5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 20.04.1999 N 7-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij punktov 1 i 3 chasti pervoj stat'i 232, chasti chetvertoj stat'i 248 i chasti pervoj stat'i 258 Ugolovno - processual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zaprosami Irkutskogo rajonnogo suda Irkutskoj oblasti i Sovetskogo rajonnogo suda goroda Nizhnij Novgorod»// (Konsul'tant Plyus [www.Consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_22840/](http://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22840/))
6. Vasil'ev L.M. Prezumpciya nevinovnosti obvinyayemogo v istorii rossijskogo prava. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo instituta ekonomiki, sociologii i prava, 2003.
7. Shakheldov F.G. Konceptual'nye aspekty prezumpcii nevinovnosti v ugovolnom processe: genезis i tendencii sovershenstvovaniya. Avtoref. diss. ... dokt. yurid. nauk. Rostov-na/D, 2006.
8. Bekkariya Ch. O prestupleniyah i nakazaniyah M., Yurizdat, 1939.
9. Sudebnoe reshenie po delu Minelli ot 25 marta 1983 goda. Series. No. 62. P. 15 -16,18, paras.30 and 37. // Gom'en D., Harris D., Zvaak L. Evropejskaya konvenciya o pravah cheloveka i Evropejskaya social'naya hartiya: pravo i praktika. M., 1998.
10. Primechanie k st. 117 UK RF.
11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 19.12.2013 N 41 (red. ot 11.06.2020) «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva o merah presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta, zaloga i zapreta opredelennyh dejstvij», raz'yasneniya.
12. Shakheldov F.G. Konceptual'nye aspekty prezumpcii nevinovnosti v ugovolnom processe: genезis i tendencii sovershenstvovaniya. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk. Rostov-na/D, 2006.

**ШАХКЕЛДОВ ФРИДРИХ ГРИГОРЬЕВИЧ** - доктор юридических наук, профессор, кафедра криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

**SHAKHKELDOV, FRIDRIKH G.** - Doctor of Law, Professor, Department of Criminalistics and Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Shakhkeldov@mail.ru).

**БАХМАДОВ Б.Д.**  
**КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАДИИ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА**  
**ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ВВИДУ НОВЫХ ИЛИ ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ**  
**ОБСТОЯТЕЛЬСТВ**

**Ключевые слова:** УПК РСФСР, УПК РФ, Конвенция, новые, вновь открывшиеся обстоятельства, возобновление, заключение прокурора, пленум.

В статье в общих чертах рассматриваются вопросы становления и развития института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в отечественном уголовном судопроизводстве в советский и постсоветский периоды, месторасположения связанных с ним норм в соответствующих УПК РСФСР, УПК РФ, а также разъяснения пленумов Верховного Суда РФ о применении норм главы 49 УПК РФ. Приводятся статистические данные и примеры из судебной практики. На основе анализа статистических данных показано, что количество возобновленных производств по отношению к числу всего рассмотренных дел составляет незначительную часть. Однако число отмененных или измененных решений по этой категории дел составляет значительную часть, что потребовало обобщения судебной практики и дачи разъяснений о применении соответствующих норм Верховным судом РФ, принявшим постановление Пленума от 14 декабря 2021 г. №43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь, открывшихся обстоятельств по заключению прокурора», в котором судам даны соответствующие разъяснения.

**BAKHMADOV, B.D.**  
**BRIEF DESCRIPTION OF THE STAGE OF RESUMPTION OF PROCEEDINGS IN A CRIMINAL CASE DUE TO NEW OR**  
**NEWLY DISCOVERED CIRCUMSTANCES**

**Key words:** Code of Criminal Procedure of the RSFSR, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, Convention, new, newly discovered circumstances, resumption, conclusion of the prosecutor, plenum.

The article discusses in general terms the issues of the formation and development of the institution of reopening criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances in domestic criminal proceedings in the Soviet and post-Soviet periods, the location of related norms in the relevant Code of Criminal Procedure of the RSFSR, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as explanations of the plenums of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of the norms of Chapter 49 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Statistical data and examples from judicial practice are given. Based on the analysis of statistical data, it is shown that the number of resumed proceedings in relation to the total number of cases considered is an insignificant part. However, the number of canceled or amended decisions in this category of cases is a significant part, which required a generalization of judicial practice and clarifications on the application of the relevant norms by the Supreme Court of the Russian Federation, which adopted Resolution of the Plenum of December 14, 2021 No. 43 “On the application by courts of the norms of Chapter 49 of the of the procedural code of the Russian Federation regulating the resumption of proceedings in a criminal case in view of new or newly discovered circumstances at the conclusion of the prosecutor”, in which the courts are given appropriate explanations.

В советский период первым кодифицированным уголовно-процессуальным законом стал Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (УПК РСФСР, УПК), который был принят постановлением ВЦИК 25 мая 1922 года и этим же постановлением введен в жизнь с 1-го июля 1922 г. [1]. В этом кодексе возобновлению дел была посвящена специальная 27 глава «Производство по возобновлению дела по вновь открывшимся обстоятельствам», включавшая 10 статей (ст.378-387). Для наглядности приведем дословную формулировку ст.378 УПК: «Возобновление дел, по которым состоялись вошедшие в законную силу приговоры народного суда, допускаются: 1) если установлена подложность доказательств, на которых основан приговор; 2) при преступных злоупотреблениях со стороны судей, постановивших приговор; 3) если откроются новые обстоятельства, которые сами по себе или вместе с обстоятельствами, ранее установленными, доказывают невиновность осужденного или участие его в менее тяжком или более тяжелом преступлении, нежели то, за которое он был осужден. Новыми признаются такие обстоятельства, которые не могли быть известны суду при вынесении приговора». Помимо этого, УПК предусматривал порядок возобновления дел, рассмотренных революционным военным трибуналом (ст.452-454), а также производство в порядке высшего судебного контроля Народного Комиссариата юстиции (ст.461 – 462).

Примерно такого же содержания нормы были закреплены и в УПК 1923 г. (ст.373-379; 445-447) [2]. УПК 1960 года содержал главу тридцать первую под названием «Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам», состоящую из семи статей (ст.384-390) [3].

В настоящее время возобновление производства по уголовному делу, ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, является последней – девятой – стадией уголовного судопроизводства, что вытекает из конструкции действующего УПК, из разъяснений Верховного Суда РФ. Не оспаривается этот вопрос в учебной [4] и научной [5] литературе. Эта стадия, наряду со стадиями кассационного и надзорного производства, считается формой пересмотра судебных

решений, вступивших в законную силу. Правовыми основаниями для такого утверждения служит пятнадцатый раздел ныне действующего УПК РФ 2001 г. о пересмотре вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, в который входят глава 47-1 о производстве в суде кассационной инстанции, глава 48-1 о производстве в суде надзорной инстанции и глава 49 о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств [6], которая, определяя процессуальный порядок данного вида судопроизводства, объединяет семь статей УПК РФ (413-419), регламентирующих основания возобновления производства (ст.413), сроки возобновления производства (414), порядок возбуждения производства прокурором (ст.415), действия прокурора по окончании проверки или расследования (ст.416), порядок решения судом вопроса о возобновлении производства по уголовному делу (ст.417), решение суда по заключению прокурора (ст.418), производство по уголовному делу после отмены судебных решений (ст.419).

Основаниями для возобновления производства по уголовному делу в порядке, установленном главой 49 УПК РФ, являются:

- 1) вновь открывшиеся обстоятельства – обстоятельства, которые существовали на момент вступления приговора или иного судебного решения в законную силу, но не были известны суду;
- 2) новые обстоятельства – обстоятельства, неизвестные суду на момент вынесения судебного решения, преступность и наказуемость деяния или подтверждающие наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления.

В соответствии с законом, к числу вновь открывшихся обстоятельств относятся установленные вступившим в законную силу приговором суда:

- 1) заведомая ложность показаний потерпевшего или свидетеля, заключения эксперта, а равно подложность вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий и иных документов или заведомая неправильность перевода, повлекшее за собой постановление незаконного, необоснованного или несправедливого приговора, вынесение незаконного или необоснованного определения и постановления;
- 2) преступные действия дознавателя, следователя или прокурора, повлекшие за собой постановление незаконного, необоснованного или несправедливого приговора, вынесение незаконного или необоснованного определения либо постановления;
- 3) преступные действия судьи, совершенные им при рассмотрении данного уголовного дела.

К новым обстоятельствам закон относит:

- 1) признание Конституционным Судом РФ закона, примененного судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции РФ;
- 2) установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом РФ уголовного дела, связанное с:
  - а) применением Федерального закона, несоответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод; б) иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод;
- 3) наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления;
- 4) иные обстоятельства.

Как видим, во всех УПК в понимании содержания возобновления производства по уголовному делу нет существенных различий. УПК 2001 г. добавил к главе 49 и соответствующим статьям «новые обстоятельства».

Следует отметить, что возобновление производства по уголовному делу в порядке главы 49 УПК РФ можно отнести к наименее законодательно регламентированным стадиям (всего семь статей 413-419), в то время, как кассационному производству посвящены семнадцать статей (401-1 - 401-17), надзорному производству посвящены тринадцать статей УПК (412-1 - 412-13) не

носило распространенный характер, не было единства судебной практики, не было специального постановления Пленума Верховного Суда РФ с разъяснением о применении норм указанной главы УПК, что приводило к не однозначному толкованию норм УПК.

Вместе с тем, в отдельных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, относящихся к другим вопросам уголовного судопроизводства, давались частичные разъяснения, касающиеся вопросов возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора. Например, п.18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. №1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст.125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» содержит следующее разъяснение: «В порядке ст.125 УПК РФ обжалованию подлежит постановление прокурора об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. При этом осужденному, отбывающему наказание в виде лишения свободы и заявившему ходатайство об участии в судебном разбирательстве по жалобе, должно быть обеспечено это право, если судьей такое участие будет признано необходимым для защиты прав личности и достижения целей правосудия. Заявителю должна быть предоставлена возможность изложить в суде свою позицию по рассматриваемой жалобе путем допуска к участию в деле его адвокатов и других представителей, а также иными предусмотренными законом способами.

В тех случаях, когда лицо, отбывающее наказание по вступившему в законную силу приговору, не согласно с решением прокурора, который после проведенной проверки прекратил возбужденное им производство на основании статьи 415 ЦУПК РФ, заинтересованное лицо, в соответствии с частью 3 статьи 416 УПК РФ, вправе обжаловать решение прокурора в суд, правомочный решать вопрос о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, согласно статье 417 УПК РФ, а не в порядке ст.125 УПК РФ» [7, с.2-6].

Другой пример, п.26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. №19 «О применении норм главы 47-1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» дает разъяснение о том, что судам следует иметь в виду, что вновь открывшиеся обстоятельства либо новые обстоятельства, на которые лица, обратившиеся в суд кассационной инстанции, ссылаются в кассационных жалобе, представлении, не могут служить основанием для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке. По указанным обстоятельствам судебные решения могут быть пересмотрены в порядке, установленном главой 49 УПК РФ [8 с. 17-23].

Думается, что будет уместным привести статистические данные по предмету возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств из отчетов судов общей юрисдикции РФ за 12 месяцев 2021 г. различных инстанций:

1) суд первой инстанции – остаток прошлого 2020 г. – 8 производств, поступило в производство 97 материалов, окончено производством – 94, из которых удовлетворены 41, отказано в удовлетворении. (Для сравнения: остаток неоконченных дел – 129785; поступило в суды дел за отчетный период - 782354; рассмотрены по существу с вынесением приговоров – 566430, с прекращением – 159211, с применением принудительных мер к невменяемым – 8019; возвращено прокурору – 13761, передано по подсудности – 22527. Всего окончено – 769548 уголовных дел) [9];

2) суд апелляционной инстанции (ст.413 УПК) – обжаловано приговоров и других постановлений по существу дела – 163, по которым отменены обвинительные приговоры: с вынесением оправдательного приговора – 2, с направлением на новое судебное разбирательство в суд 1-й инстанции – 13, с прекращением уголовного дела со смертью, с примирением потерпевших – 16, с вынесением нового обвинительного приговора – 4. Всего отменено обвинительных приговоров – 38; всего изменено обвинительных приговоров – 33; остальные отмены и изменения касаются постановлений суда. (Для сравнения: число неоконченных дел на начало года – 14480, число поступивших дел за отчетный период – 337312, из которых по апелляционным представлениям – 52257, по апелляционным жалобам – 282905) [10].

3) суд кассационной инстанции – остаток прошлого года – 1, поступило – 3, из которых оставлено без удовлетворения – 1, удовлетворено – 2, снято с рассмотрения 1 дело. (Для сравнения:

остаток неоконченных дел – 4216, поступило за отчетный период – 44225; оставлены без удовлетворения жалобы -25539, представлений – 1200 числу дел; удовлетворены жалобы – 9589, представлений – 5507 по числу дел. Всего рассмотрено по жалобам и представлениям 41832 дел) [11].

4) суд надзорной инстанции - остаток прошлого года 18, поступило – 211, из которых оставлено без удовлетворения жалобы – 22 по числу дел, удовлетворено жалоб – 189. Итого рассмотрено 211 дел. (Для сравнения: остаток прошлого года – 19, поступило – 229, оставлены без удовлетворения – жалоб 23, представлений – 1, удовлетворено жалоб – 204, представлений. Всего рассмотрено 229 дел) [12].

Выборочное изучение судебной практики показывает, что основаниями для возобновления производства по уголовным делам служат, как правило, признание Конституционным Судом РФ применения судами законов, не соответствующих Конституции РФ, нарушение требований Конвенции о защите прав человека и основных свобод и др.

В подтверждение приведем несколько тезисов:

1. Признание Конституционным Судом Российской Федерации закона, примененного судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции Российской Федерации является новым обстоятельством (не известным суду на момент вынесения судебного решения и устраняющим преступность и наказуемость деяния), влекущим возобновление производства по уголовному делу (п.1 ч.1 ст.413 УПК РФ) [13, 2004. №7. с. 13]

2. Приговор и кассационное определение, постановленные с применением закона, признанного не соответствующим Конституции Российской Федерации, отменены с прекращением дела за отсутствием события преступления [14, 2005. №5. с. 20].

3. Нарушение п. 1 и подп. ‘d’ и п.3 ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, выразившееся в непринятии мер по вызову свидетеля в судебное заседание при наличии реальной возможности обеспечить его присутствие и допрос, послужило основанием для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств и отмены обвинительного приговора [15, 2019. №8. с. 10].

4. Нарушение п.1 ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с несправедливостью судебного разбирательства, выразившееся в том, что присяжными заседателями при вынесении обвинительного вердикта были приняты во внимание показания осужденного, полученные под принуждением, явилось основанием для возбуждения производства по уголовному делу в виду новых обстоятельств и отмены судебных решений [16, 2020. №5. с. 15].

5. Постановление прокурора о прекращении производства, возбужденного ввиду новых обстоятельств, признано незаконным, поскольку расследование этих обстоятельств надлежащим образом не было проведено [17, 2021. №6. с. 20-21].

Из приведенных статистических данных следует, что количество возобновленных производств по отношению к числу всего рассмотренных дел составляет незначительную часть. В то же время число отмененных или измененных решений по этой категории дел составляет значительную часть, что требовало обобщения судебной практики и дачи разъяснений о применении соответствующих норм УПК.

В связи с возникшими у судов вопросами и в целях обеспечения единства судебной практики, Верховным судом РФ было принято постановление Пленума от 14 декабря 2021 г. №43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора» [18, 2022. №2. с. 2-5], в котором судам даются соответствующие разъяснения.

Остановимся на некоторых из них:

1. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств является самостоятельной стадией уголовного судопроизводства. Возобновление судом производства по заключению прокурора может осуществляться после вступления в законную силу судебных решений, о пересмотре которых ставится вопрос, независимо от того, были ли они предметом рассмотрения в судах апелляционной, кассационной или надзорной инстанцией (п.1).

2. Предметом судебного разбирательства в случаях, когда такое разбирательство осуществляется в соответствии со ст.417 УПК по заключению прокурора, является проверка законности, обоснованности и справедливости приговора, законности и обоснованности иных итоговых, а также отдельных промежуточных судебных решений... (п.2).

3. Какие обстоятельства признаются вновь открывшимися и новым обстоятельствам и порядок их установления (п.п.3, 4, 5).

4. Какие обстоятельства не могут считаться и не могут относиться новым обстоятельствам (п.п. 6, 7).

5. Порядок обжалования решения прокурора об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (п.п. 8, 9, 10, 11, 12).

6. Порядок рассмотрения судом заключения прокурора о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (п.п.13, 14, 15, 16, 17).

7. Решение судом вопроса о мере пресечения, в отношении обвиняемого, находящегося в местах лишения свободы (п.18).

8. Порядок вступления в силу и обжалование определения, постановления суда, принятых по заключению прокурора (п.19)

9. Порядок усиления наказания или применение закона о более тяжком преступлении при новом рассмотрении и расследовании дела (п.20).

Таким образом, указанные разъяснения Верховного Суда позволят исключить неправильное толкование в следственной и судебной практике норм главы 49 УПК и будут способствовать по заключению прокурора проверке законности, обоснованности и справедливости приговора, законности и обоснованности иных итоговых, а также отдельных промежуточных судебных решений.

### Литература и источники

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден постановлением ВЦИК РСФСР 25 мая 1922 г. // <https://docs.cntd.ru/document/901757376>
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден постановлением ВЦИК РСФСР 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. №7. Ст.106.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (с постатейными материалами). М.: Юрид. лит., 1995.
4. Уголовно-процессуальное право: учебник для вузов /под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Издательство Юрайт, 2013. С.872-894.
5. Камчатов К.В., Чащина И.В., Великая И.В. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. М., 2015.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2022.
7. Постановление №1 Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст.125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. №4. с. 2-6.
8. Постановление №19 Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. «О применении норм главы 47-1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. №9. С. 17-23.
9. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г.
10. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за 12 месяцев 2021 г.
11. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке за 12 месяцев 2021 г.
12. Отчет о работе Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению уголовных дел в надзорном порядке за 12 месяцев 2021 г.
13. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004-2022.

### References and Sources

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR. Utverzhen postanovleniem VCIK RSFSR 25 maya 1922 g. // <https://docs.cntd.ru/document/901757376>
2. Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR. Utverzhen postanovleniem VCIK RSFSR 15 fevralya 1923 g. // SU RSFSR. 1923. №7. St.106.
3. Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR (s postatejnymi materialami). M.: YUrid. lit., 1995.
4. Ugolovno-processual'noe pravo: uchebnik dlya vuzov /pod obshch. red. V.M. Lebedeva. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2013. S.872-894.
5. Kamchatov K.V., Chashchina I.V., Velikaya I.V. Vozobnovlenie proizvodstva po ugolovnomu delu vvidu novyh ili vnov' otkryvshihsyia obstoyatel'stv. M., 2015.
6. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii. M.: Prospekt, 2022.
7. Postanovlenie №1 Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 10 fevralya 2009 g. «O praktike rassmotreniya sudami zhalob v poryadke st.125 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2009. №4. s. 2-6.
8. Postanovlenie №19 Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 25 iyunya 2019 g. «O primenenii norm glavy 47-1 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, reguliruyushchih proizvodstvo v sude kassacionnoj instancii» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2019. №9. S. 17-23.
9. Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu ugovolnyh del po pervoj instancii za 12 mesyacev 2021 g.
10. Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu ugovolnyh del v apellyacionnom poryadke za 12 mesyacev 2021 g.
11. Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu ugovolnyh del v kassacionnom poryadke za 12 mesyacev 2021 g.
12. Otchet o rabote Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii po rassmotreniyu ugovolnyh del v nadzornom poryadke za 12 mesyacev 2021 g.
13. Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2004-2022.

**БАХМАДОВ БАУДИН ДАДАЕВИЧ** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Чеченского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации.



**КУРТЫНОВ И.В., АФАНАСЬЕВ М.А.**  
**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ**  
**ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ТРАНСПОРТЕ**

**Ключевые слова:** преступления экономической направленности, документы, следователь, осмотр документов, экспертиза, специалист, эксперт.

В статье рассматриваются проблемные вопросы организации производства допроса следователем при расследовании преступлений экономической направленности на транспортных предприятиях. Показано, что в практике расследования преступлений, в зависимости от ситуации, на момент проведения следственного действия с участвующими в нем лицами у следователя складываются определенные отношения, носящие бесконфликтный или конфликтный характер. При этом в подавляющем большинстве случаев допросы, производящихся по преступлениям экономической направленности, осуществляются в конфликтной ситуации. Отмечается, что успех допроса обеспечивает наличие высокого уровня профессиональной подготовки у сотрудников органов внутренних дел на транспорте. Поскольку чаще всего, хищения имущества, принадлежащего хозяйствующему субъекту, совершают лица, имеющие опыт по проведению хозяйственных операций, владеющие методами выявления недостатков и хищений и предпринимающие меры по их маскировке, сокрытию и легендированию, действенную помощь следователям могут оказывать специалисты различных областей знаний.

**KURTYNOV, I.V., AFANASIEV, M.A.**

**FEATURES OF THE ORGANIZATION OF INTERROGATION IN THE INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES IN TRANSPORT**

**Key words:** economic crimes, documents, investigator, examination of documents, expertise, specialist, expert.

The article deals with the problematic issues of the organization of interrogation by an investigator in the investigation of economic crimes at transport enterprises. It is shown that in the practice of investigating crimes, depending on the situation, at the time of the investigative action with the persons participating in it, the investigator develops certain relations that are of a non-conflict or conflict nature. At the same time, in the overwhelming majority of cases, interrogations carried out on economic crimes are carried out in a conflict situation. It is noted that the success of the interrogation ensures the availability of a high level of professional training among the employees of the internal affairs bodies in transport. Since, most often, the theft of property belonging to an economic entity is committed by persons with experience in conducting business operations, who know how to identify shortages and theft and take measures to disguise, conceal and legend them, specialists from various fields of knowledge can provide effective assistance to investigators.

Расследованию преступлений свойственны единые принципы уголовного процесса и общие условия предварительного следствия. Установленный уголовно-процессуальным законом порядок судопроизводства един и обязателен по всем преступлениям и для всех судов, органов предварительного расследования и дознания. Эти общие положения не исключают наличия существенных особенностей, характерных для расследования отдельных видов преступлений.

Существуют общие положения, присущие расследованию всех преступлений, независимо от их вида и конкретных обстоятельств совершения. Их можно разделить на следующие группы:

- обязательные требования, закрепленные в уголовно-процессуальном законе (права и обязанности участников уголовного судопроизводства, процессуальный порядок производства следственных действий, процессуальные сроки и пр.);

- криминалистические рекомендации, применяемые в ходе расследования преступления независимо от его вида и индивидуальных особенностей (тактические приемы производства следственных действий и общие методы выявления, фиксации и исследования вещественных доказательств);

- общие положения (принципы), характеризующие в целом методику расследования отдельных видов преступлений (законность, плановость расследования, оперативность и быстрота расследования, эффективность комплексного использования процессуальных, оперативно-розыскных и естественнонаучных средств и методов в ходе расследования преступлений).

Как видим, расследование преступлений, особенно экономической направленности, предполагает комплексное использование методов и средств выявления, раскрытия и расследования преступлений, выработанных юридической наукой и практикой. Основным элементом данной системы выступают следственные действия. Наиболее значимыми из них являются допросы. Допрос производится с целью получения наибольшего объема доказательственной информации, необходимой для установления истины по делу [1, с. 278]. При производстве допроса следователь закрепляет полученную из других источников информацию, проверяет ее, уточняет и конкретизирует сведения, имеющие значение для расследования

преступления. Кроме того, допрос позволяет эффективно проверять выдвинутые следствием версии, изобличать допрашиваемого во лжи, доказать умысел лиц, причастных к совершению преступления, установить причинно-следственную связь между их виновными действиями и наступившими общественно опасными последствиями. В свою очередь, качественная организация подготовки допроса позволяет эффективно разрешать задачи, возникающие перед следователем в ходе расследования, а именно, получить достоверную информацию о фактах, включенных в предмет доказывания.

В зависимости от процессуального положения допрашиваемого, на стадии предварительного расследования различают допрос свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, эксперта (специалиста). Осуществление допроса каждого из данных участников уголовного судопроизводства представляет определенную сложность, что можно объяснить «имеющимся соперничеством интеллекта, интересов, выраженного противостояния в поиске истины» [2, с. 361]. Наиболее ярко о сложности допроса писал Р.С. Белкин, отмечавший: «...Сложность допроса заключается не только в том, что следователю в ряде случаев противостоит человек, не желающий говорить правду и даже вообще не желающий давать показания, но и в том, что в показаниях человека, искренне стремящегося сообщить следователю все известное ему по делу, могут быть ошибки и искажения, заблуждения и вымысел, которые при допросе надлежит своевременно обнаружить и учесть при оценке и использовании показаний» [3, с. 97].

Наука и практика, с целью преодоления «соперничества», выработали множество классификаций тактических приемов по самым разным основаниям. В.И Комиссаров выделил 17 разновидностей таких классификаций [4, с. 71]. Наиболее удачным представляется разграничение, в зависимости от характера, складывающейся ситуации, – конфликтная и бесконфликтная. В практике расследования преступлений, в зависимости от ситуации, на момент проведения следственного действия с участвующими в нем лицами у следователя складываются определенные отношения, носящие бесконфликтный или конфликтный характер [5, с. 6].

В подавляющем большинстве случаев допросы, производящиеся по преступлениям экономической направленности, осуществляются в конфликтной ситуации. Это происходит потому, что очень сложно найти баланс интересов в процессе осуществления следственных действий между следователем и допрашиваемым, т.к. перед ними стоят диаметрально противоположные задачи. Задача следователя – законным путем установить фактические данные, имеющие значение для расследования преступления, а задача допрашиваемого – оградить себя от неудобных вопросов, задаваемых следователем, и в идеале, не предоставить ему сведения, которые могут повредить самому допрашиваемому.

Поэтому, в условиях конфликтной ситуации, важными задачами, стоящими перед следователем, являются предвидение возможности получения недостоверных сведений, вероятностной аргументации допрашиваемым своих недостоверных показаний, а также преодоление противодействия заинтересованных лиц. При этом подготовка следователя к допросу, зачастую, проводится в условиях дефицита времени и наличия минимальной информации о событии преступления.

Для уменьшения негативного воздействия фактора конфликта во взаимоотношениях следователя и допрашиваемого в ходе производства следственного действия следователю необходимо тщательно подготовиться к его производству по следующим направлениям:

- тщательно изучить материалы уголовного дела;
- ознакомиться с иной информацией, имеющей значение для дела;
- определить круг сведущих лиц и выделить в нем лиц, причастных к преступлению;
- скоординировать производство допроса с производством оперативно-розыскных мероприятий;
- осуществить предварительное изучение личности допрашиваемого;
- спланировать ход предстоящего допроса (определить обстоятельства, подлежащие установлению на допросе; определить доказательства, которые целесообразно предъявить допрашиваемому; намечаются вопросы и наилучшая последовательность их выяснения; по мере необходимости составляется письменный план допроса).

В ходе допроса по преступлениям экономической направленности на объектах транспорта необходимо выявить следующие обстоятельства:

- 1) характеристику предмета преступного посягательства;
- 2) специфику хозяйственно-производственной деятельности юридического лица;
- 3) признаки подготовки к совершению преступления;
- 4) место время совершения преступления;
- 5) способ совершения преступления;
- 6) способы образования следов преступления;
- 7) способы сокрытия следов преступления;
- 8) круг лиц, обладающих допуском к информации хозяйственно-производственного значения;
- 9) лиц, неожиданно улучшивших свое материальное положение.

Успешное их выявление возможно только при наличии высокого уровня профессиональной подготовки у сотрудников органов внутренних дел на транспорте. Данная подготовка должна включать в себя наличие у них фундаментальных правовых, криминалистических, специальных знаний, навыков и умений.

В их реализации следователям действенную помощь могут оказывать специалисты из различных областей знаний, привлекаемые для участия в допросах. Привлечение специалистов для производства следственного действия по преступлениям экономической направленности в транспортной сфере является необходимым ввиду выраженной специфики деятельности транспортных предприятий в области технологических и производственных процессов.

Наличие ложных показаний в уголовном деле, как минимум, приводит к необоснованному выдвижению версий, затратам времени на их проверку и к снижению темпов расследования. Выявление ложных показаний представляет определенную сложность. В юридической литературе имеются различные классификации приемов их выявления. Приведу одну из них:

- детализация и конкретизация показаний; предъявление доказательств, противоречащих даваемым либо данным ранее;
- постановка вопросов, логически доказывающих допрашиваемому несостоятельность его объяснений;
- разъяснение значения установления истины по делу для государства и самого допрашиваемого;
- лобовой допрос [6, с. 63].

Практика показывает, что чаще всего, хищения имущества, принадлежащего хозяйствующему субъекту, совершают лица, имеющие опыт по проведению хозяйственных операций, владеющие методами выявления недостатков и хищений и предпринимающие меры по их маскировке, сокрытию и легендированию. При этом надо понимать, что деятельность субъекта экономической деятельности основана на ведении учетного документооборота, в том числе управленческого и бухгалтерского.

Привлечение следователем к допросу специалистов значительно затруднит допрашиваемому осуществление мероприятий по противодействию расследованию. Однако, участие специалиста в допросе и производстве иных следственных действий имеет не только положительные аспекты. Приведу один из отрицательных факторов.

Наличие финансово-хозяйственных документов при раскрытии и расследовании преступлений экономического характера имеет очень важное процессуальное значение. Содержащиеся в них данные играют важную роль не только в качестве объекта исследования, но и в качестве доказательства.

Отмечу, что данному аспекту в криминалистической литературе уделено не очень много внимания. В некоторых случаях упоминается лишь о недостатках анализа интеллектуального подлога в бухгалтерских документах и документах внутреннего оборота. Однако до настоящего времени криминалистикой не выработаны приемы работы следователя с документами, подлежащими учету, не проработаны методы их сопоставления между собой. В сложившейся ситуации следователь вынужденно перекладывает аналитическую работу на ревизоров, специалистов и экспертов. Данный недостаток приводит к тому, что следователь не всегда тщательно исследующий учетную документацию основывает свои выводы на мнениях и заключениях специалистов. Подобное положение нельзя принять верным. Ведь уголовно-процессуальный закон и криминалистические методики раскрытия и расследования преступлений

экономической направленности предполагают взаимосвязанные действия следователей, оперативных сотрудников, экспертов специалистов по выявлению преступлений. При этом правовую оценку действиям лиц на стадии предварительного расследования имеет право давать только лицо, производящее расследование, а не специалист или эксперт. Оставим в стороне выявленную процессуальную проблему оценки доказательств.

Вернемся к тактическим и техническим проблемам организации производства допросов по преступлениям экономической направленности. В условиях поступательного развития науки и техники долгое время идут прения о необходимости широкого внедрения в практику органов предварительного расследования автоматизированного рабочего места следователя с возможностью программирования производства процессуальных и следственных действий, в том числе, и допроса [7, с. 210; 8, с. 62; 9, с. 33]. Сторонники данной точки зрения оперируют статистическими данными, говорящими том, что 70% следователей имеют опыт работы до 4 лет. Следовательно, «Программы допросов подготовки к ним должны стать неотъемлемой частью методического обеспечения расследования отдельных видов и групп экономических преступлений. Сегодня на основе современных достижений криминалистики, уголовного процесса, судебной бухгалтерии, экономики, производственных и технологических особенностей железнодорожного производства, психологии возможно сформировать рекомендации по подготовке и планированию допроса, особенностям выбора его пространственных и временных координат, изучению личности допрашиваемого, подбору участников следственного действия, использованию вещественных доказательств, вплоть до внешнего вида следователя и оборудования кабинета для допроса» [10, с. 260].

Данная точка зрения представляет интерес для обсуждения, хотя бы потому, что она основывается на реальном состоянии дел в кадровом обеспечении следственных подразделений органов внутренних дел. Думается, что для описания истинного положения дел на практике необходимо сказать еще и о том, что нагрузка на одного следователя превышает все возможные нормы. Планирование производства допроса требует от следователя значительных интеллектуальных усилий, умения моделировать и предвидеть ситуацию на момент проведения допроса, восстанавливать события прошлого. С учетом дефицита времени у следователя отсутствует возможность всеобъемлюще посвящать себя процессу подготовки производства следственного действия. При этом, только опыт планирования позволяет, хотя бы частично, компенсировать дефицит времени, сводя к минимуму необходимость проведения дополнительных следственных действий, обеспечивая получение наиболее полных показаний, что создает предпосылки для рациональной организации расследования преступления.

### Литература и источники

1. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 768 с.
2. Шурухнов Н.Г. Криминалистика: учебник. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. 776 с.
3. Белкин Р.С., Лифшиц Е.М. Тактика следственных действий. М.: Новый Юрист, 1997. 176 с.
4. Комиссаров В.И. Теоретические проблемы следственной тактики. Саратов, 1987. 154 с.
5. Замылин Е.И. Тактико-психологические основы допроса в конфликтной ситуации: Учеб. Пособие. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. 72 с.
6. Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: курс лекций. М.: Академия управления МВД России, 2011. 148 с.
7. Моисеев Н.А., Новоселов Н.Г., Серегин М.В., Чиненов А.В. Современная информационная среда как объект оперативно-розыскной деятельности // Евразийский юридический журнал. 2018. № 6(121). С. 316-318.
8. Самыгин Л., Форкер А. Опыт создания алгоритмов расследования преступлений // Криминалистика социалистических стран. М., 1986. С. 209-210.
9. Карагодин В.Н. Разработка и использование программ допроса // Теоретические и практические проблемы программирования процесса расследования преступлений: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1989. С. 61-67.
10. Ченцов Е.В., Щукин В.И. Особенности тактики допроса при расследовании экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 256-262.

### References and Sources

1. Drapkin L.Ya., Karagodin V.N. Kriminalistika: uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2011. 768 s.
2. Shuruhnov N.G. Kriminalistika: uchebnik. M.: MPSI; Voronezh: MODEK, 2011. 776 s.
3. Belkin R.S., Lifshic E.M. Taktika sledstvennyh dejstvij. M.: Novyj YUrist, 1997. 176 s.
4. Komissarov V.I. Teoreticheskie problemy sledstvennoj taktiki. Saratov, 1987. 154 s.
5. Zamylin E.I. Taktiko-psihologicheskie osnovy doprosa v konfliktnoj situacii: Ucheb. Posobie. Volgograd: VYUI MVD Rossii, 1998. 72 s.
6. Lavrov V.P. Protivodejstvie rassledovaniyu prestuplenij i mery po ego preodoleniyu: kurs lekcij. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2011. 148 s.
7. Moiseev N.A., Novoselov N.G., Seregin M.V., Chinenov A.V. Sovremennaya informacionnaya sreda kak ob"ekt operativno-rozysknoj deyatelnosti // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2018. № 6(121). S. 316-318.
8. Samygin L., Forker A. Opyt sozdaniya algoritmov rassledovaniya prestuplenij // Kriminalistika socialisticheskikh stran. M., 1986. S. 209-210.

9. Karagodin V.N. Razrabotka i ispol'zovanie programm doprosa // Teoreticheskie i prakticheskie problemy programmirovaniya processa rassledovaniya prestuplenij: mezhvuz. sb. nauch. tr. Sverdlovsk, 1989. S. 61-67.

10. Chencov E.V., Shchukin V.I. Osobennosti taktiki doprosa pri rassledovanii ekonomicheskikh prestuplenij v sfere zheleznodorozhnogo transporta // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 2. S. 256-262.

**КУРТЫНОВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ** - кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского и уголовного права и процесса Московского международного университета (ММУ) (kurtynov\_igorvla@mail.ru).

**АФАНАСЬЕВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ** – кандидат юридических наук, доцент, Московский международный университет, Московский университет им. А.С. Грибоедова (m\_afanasev@mail.ru).

**KURTYNOV, IGOR V.** – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Criminal and Civil Law of MMU (kurtynov\_igorvla@mail.ru).

**AFANASIEV, MIKHAIL A.** – Ph.D. in Law, Associate Professor, Moscow International University, University of Moscow named after A.S. Griboedov (m\_afanasev@mail.ru).

УДК 343.3

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-153-157

**ГАВРИЛОВ Д.А., ГАВРИЛОВА В.Д.**  
**К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ  
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И НАЦИЗМУ**

**Ключевые слова:** правовая политика, экстремизм, нацизм, информационные технологии, традиционные ценности, гуманистические идеалы.

Статья посвящена анализу кардинальных изменений в правовой политике Российского государства в сфере противодействия экстремизма и нацизма в эпоху глобального информационного общества. Острота и социальная злободневность этой темы дает основания авторам полагать, что функция противодействия экстремизму и нацизму, особенно в среде молодежи, становится самостоятельным направлением правовоспитательной политики РФ и подфункцией в рамках идеологической функции государства. Авторы рассматривают в качестве основных способов противодействия экстремизму и нацизму координирующую, финансовую, идеологическую и специально-юридическую деятельность Российского государства и институтов гражданского общества. Мировоззренческой основой соответствующей правовой политики являются традиционные духовно-нравственные ценности, нуждающиеся в особой защите в целях укрепления безопасности страны.

**GAVRILOV D.A., GAVRILOVA V.D.**  
**ON THE QUESTION OF THE TRANSFORMATION OF THE LEGAL POLICY IN THE FIELD OF COUNTERING  
EXTREMISM AND NAZISM**

**Keywords:** legal policy, extremism, Nazism, information technology, traditional values, humanistic ideals.

The article is devoted to the analysis of cardinal changes in the legal policy of the Russian state in the field of countering extremism and Nazism in the era of the global information society. The acuteness and social relevance of this topic gives the authors reason to believe that the function of countering extremism and Nazism, especially among young people, is becoming an independent direction of the legal education policy of the Russian Federation and a sub-function within the ideological function of the state. The author considers the coordinating, financial, ideological and special legal activities of the Russian state and civil society institutions as the main ways to counter extremism and Nazism. The ideological basis of the relevant legal policy is the traditional spiritual and moral values that need special protection in order to strengthen the security of the country.

В эпоху глобальной трансформации социально-экономических, геополитических, цивилизационных основ мироустройства остро актуализируется потребность в создании и поддержании устойчивой идеологии, системы мировоззренческих ориентаций, связанных с достоверным восприятием, осознанием и пониманием смысла исторических и современных событий. В настоящее время такая острая потребность возникает в Российской Федерации, во-первых, в связи с конституционными новеллами, во-вторых, в связи с беспрецедентным давлением западных санкций на экономическую, политическую, правовую систему Российской Федерации, в-третьих, в свете цифровизации и её негативного влияния на историческую память и сознание молодого российского поколения. В первую очередь, сказанное относится к борьбе против экстремизма и нацизма. Противодействие идеологии экстремизма и нацизма должно быть делом Российского государства, так как информационное пространство мирового Интернета наполнено недостоверными и ошибочными суждениями, мнениями и информацией о деятельности российских органов власти, российского общества и граждан. Идеологическое воздействие на массовое сознание и поведение членов любого общества с помощью информационных технологий весьма существенное, поэтому нуждается в помощи государства: организационной, идеологической, финансовой, правовой.

Важнейшим инструментом правового обеспечения противодействия экстремизму и нацизму является правовая политика – системная целенаправленная деятельность органов государственной власти и институтов гражданского общества, направленная на создание условий для эффективного развития правовой системы, борьбы с правонарушениями и другими

негативными явлениями [1]. Федеральный закон № 114-ФЗ от 25.07.2002 «О противодействии экстремистской деятельности» содержит подробное определение понятия экстремистской деятельности (экстремизма). Однако представляется, что не все опасные и деструктивные компоненты экстремизма, как феномена, нашли законодательное отражение. Для экстремистской идеологии характерно возбуждение ненависти, вражды, ощущения превосходства и исключительности, «второсортности» той или иной социальной группы по отношению к другой, выраженное в крайних нелестных и полярных оценках, направленное против сложившегося правопорядка и противостоящее этому правопорядку. Одним из видов экстремизма правильно, на наш взгляд, названо использование нацистской атрибутики или символики в целях оправдания или пропаганды положений этой идеологии. Особенно велико негативное воздействие этой идеологии на молодежь, из числа которой недружественные страны и организации как раз и формируют с помощью информационных технологий ресурс для проведения антироссийской политики.

Количество преступлений экстремистской направленности мало по сравнению с общим количеством совершаемых на территории Российской Федерации преступлений, однако каждое такое преступление способно вызвать повышенный общественный резонанс и дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку как в отдельном регионе, так и в стране в целом.

Закон РФ о поправке к Конституции РФ № 1-ФКЗ от 14.03.2020 (далее – Закон о поправке к Конституции) ввел ряд понятий, например: а) «система публичной власти», которая согласно ч.3 ст.132 Конституции РФ состоит из органов государственной власти (далее – федеральные органы) и органов местного самоуправления (далее – муниципальные органы); б) «молодежная политика», вопросы которой отнесены к совместному ведению Российской Федерации и регионов наряду с общими вопросами воспитания, культуры науки, образования, физической культуры и спорта (п. «е» ч.1 ст.72 Конституции РФ). Новый предмет совместного ведения был раскрыт в Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 N 489-ФЗ (далее – Закон о молодежной политике). Были определены: а) возрастные границы понятия молодежь – от 14 до 35 лет; б) понятие, направление и цели политики, проводимой в отношении данной группы; в) полномочия органов публичной власти в данной сфере; г) иные аспекты.

Молодежь представляет собой будущее нашего общества, в силу же неопытности она подвержена различным угрозам, среди которых идеологии экстремизма и нацизма. Закреплено, что федеральные, региональные и муниципальные органы взаимодействуют в решении вопросов молодежной политики. Данный вывод следует из анализа Закона о молодежной политике:

а) одной из ее целей выступает формирование у молодежи системы нравственных и смысловых ориентиров, которые позволят противостоять идеологии экстремизма и национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции и другим негативным социальным явлениям;

б) одним из ее направлений является предупреждение экстремизма в деятельности молодежных объединений, антиобщественных действий молодежи и правонарушений.

На наш взгляд, данные положения имеют прямую связь с национальной безопасностью РФ. Так, в условиях усиливающейся нестабильности в мире, роста радикальных и экстремистских настроений, негативного влияния цифровой среды на сущностные аспекты природы человека приобретают особое значение сплоченность и духовный потенциал общества, предотвращение распространения недостоверной общественно значимой информации. Говоря о сплоченности и духовном потенциале общества, выделим меры, принимаемые органами публичной власти для сохранения и защиты традиционных российских ценностей. Представление о примерном перечне данных духовно-нравственных ориентиров можно получить, обратившись к Указу Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», пункту 91 документа. К таким ценностям относится жизнь, права и свободы человека, служение Отечеству, историческая память, справедливость, гуманизм и т.д.

Обратим внимание на такие понятия, как историческая правда и историческая память, имеющие особое значение для РФ. Справедливо говорить о том, что Законом о поправке к Конституции защита исторической правды была обозначена как новое направление государственной политики России (ч.3 ст.67.1 Конституции РФ). Данная новелла является важной мировоззренческой поправкой, в широком смысле это касается всех исторических событий, так или иначе затрагивающих вопрос защиты Отечества и оценку связанных с ней памятных событий и героического духа русского народа [2, с. 66] во избежание фальсификации истории. При этом

федеральные органы провели комплекс мер по сохранению и защите исторической памяти еще в 2014 году. Так, законодатель криминализировал реабилитацию нацизма: в систему уголовного закона была введена статья 354.1. Была установлена ответственность за посягательство на историческую память в отношении событий, имевших место в период Второй Мировой войны.

В судебной практике по ст.354.1 УК РФ в качестве подсудимых, к сожалению, фигурируют и представители молодежи – студенты. Показательны вынесенные в отношении студентов судебные решения: приговор Волгоградского областного суда от 01.03.2021 N 2-10 [3] (далее – приговор Волгоградского суда) и приговор Пермского краевого суда от 06.11.2020 по делу N 2-2 [4] (далее – приговор Пермского суда).

В приговоре Волгоградского областного суда отражены факты, свидетельствующие об искреннем раскаянии подсудимого Б.М.МА. в содеянном (поведение после совершения преступления, публичные извинения перед ветеранами Волгоградской области, удаление из интернета записей, оправдывающих деятельность Гитлера и пр.). При назначении наказания с учетом смягчающих обстоятельств были учтены «и другие имеющие значение данные о личности подсудимого», и орган публичной власти принял во внимание и молодой возраст Б.М.МА.

Однако в приговоре Пермского суда молодой возраст подсудимого Ш. не был учтен. Ш. не признавал свою вину и считал, что А.А. Власов в силу прежних военных заслуг имеет право быть в строю «Бессмертного полка». Суд признал доводы Ш. несостоятельными, поскольку Власов, перейдя на сторону врага и изменив Родине, что подтверждается судебными решениями СССР, боролся за победу идеей нацизма, поэтому демонстрация изображения этого человека наряду с героями, сражавшимися против нацистской Германии, неприемлема и входит в противоречие с исторической правдой и памятью. Орган публичной власти принял во внимание, что субъект: а) в переписке называл День Победы «днем победобесия»; б) заявил, что он бы помог Власову, борющемуся за идеи нацизма, «в той войне»; в) имеет отрицательные характеристики личности. На приговор Пермского суда была подана апелляционная жалоба, в которой адвокат в защиту Ш. отметила, что он имеет право: а) заниматься поиском исторической правды; б) выражать свое мнение по поводу исторических событий. Четвертый апелляционный суд признал эти доводы необоснованными, разделил мнение суда первой инстанции: приговор оставлен без изменения [5].

Данные примеры выявили проблему деформации правосознания молодежи, низкий уровень правовой культуры, поверхностные представления о сущности идеологии нацизма, незнание исторических фактов. Представители молодежи, пытающиеся доказать допустимость альтернативного взгляда на историю, игнорируют традиционные российские ценности и историческую память о жертвах нацизма. Следует согласиться с тем, что пределы для свободной оценки военной истории определены приговором Нюрнбергского трибунала 1946 г., признавшим деяния нацистской Германии преступлениями против мира и человечества и установление федеральным органом уголовной ответственности за реабилитацию нацизма является закономерным [6]. Считаем, что деятельность органов публичной власти в сфере защиты исторической памяти среди молодежи должна быть направлена на пресечение подобных деяний и на формирование позиции, соответствующей приговору Нюрнбергского трибунала 1946 г. Таким образом осуществляется противодействие идеологии нацизма, пресекаются и попытки распространения идеологии экстремизма.

По смыслу п.4 ст.2 Закона о молодежной политике ее меры рассчитаны на создание условий для развития и самореализации молодежи, воспитания, имеющего гражданско-патриотический и духовно-нравственный характер. Так, справедливо говорить, что данный комплекс рассчитан на применение такого метода воспитания и развития личности, как убеждение, состоящее из постоянной разъяснительной работы, формирующей у личности позицию, соответствующую традиционным ценностям РФ.

Сегодня угроза экстремизма воплощается и в информационном пространстве, не только детям и молодежи, но порой и зрелому человеку трудно отличить в интернете правдивую новость от «неправды» – фейка, то есть недостоверной общественно значимой информации. Достаточно актуальным является вопрос о возможности научить общество в целом, в частности детей и представителей молодежи, распознавать фейки. В противном случае последует недоверие органам публичной власти, возникнет риск нивелирования и таких традиционных ценностей, как служение Отечеству, ответственность за его судьбу, патриотизм, гражданственность, историческая правда.

Рассматривая этот вопрос по отношению к современной молодежи, отметим, что такие ситуации происходят в силу недостаточности знаний и неразвитого критического мышления.

В частности, сегодня распространение получили фейки, связанные с дискредитацией Вооруженных Сил РФ, и неподготовленный человек, читая соответствующую информацию из недостоверных источников, порой верит ей. Тем самым подрывается доверие этого лица к Российской Федерации, за повтором подобных ситуаций усиливаются угрозы национальной безопасности РФ и ее единства, как составляющего элемента данной системы.

В качестве примера фейка можно привести следующее. Стало известно, что российский БТР-82А на полном ходу расстрелял грузовик «Богдан» украинских вооруженных формирований. Украинские пропагандисты, в свою очередь, попытались выставить все таким образом, что именно украинские вооруженные формирования нанесли удар по российским. Но для людей, интересующихся машинами и военной техникой, является очевидным, что это фальшивая новость: так, подобные грузовики никогда не поставлялись российским вооруженным силам, в связи с чем на видео украинский грузовик. При этом, действительно, неподготовленному человеку было бы сложно выяснить, является ли новость правдивой или она все-таки фейковая. Разоблачение фейка было освещено в СМИ и на официальном портале «Российская газета», тем самым было предотвращено дальнейшее распространение данной информации. Отсюда для противодействия экстремизму и нацизму необходимо взаимодействие органов публичной власти и принятие комплекса мер, основанного на традиционных российских ценностях и связанного с применением методов убеждения и принуждения, что имеет особое значение для сферы молодежной политики ввиду неопытности данной группы и роста экстремистских настроений.

Говоря о потенциале правовой политики в сфере противодействия нацизму и экстремизму, следует отметить. Правовая политика в этой сфере создает условия для эффективной правотворческой деятельности с учетом действующих стратегий государственно-правового развития по обеспечению национальной безопасности. Правотворческая форма правовой политики выражается в нормах-декларациях, нормах-принципах Конституции РФ, в преамбулах иных нормативно-правовых актов, содержащих актуальное понимание ценностных ориентиров нормативного регулирования. Правоохранительная форма правовой политики нацелена на недопущение проявлений экстремизма в молодежной среде. Правовое просвещение как форма правовой политики так же очень важно для формирования ценностных и поведенческих установок молодежи, формирования высокого уровня правосознания и правовой культуры молодежи, способности к критическому мышлению, позволяющему отграничить правду от фейка.

Таким образом, правовая политика в сфере противодействия экстремизму и нацизму обусловлена необходимостью последовательной защиты прав и свобод молодежи, исторической памяти, правды, информационной безопасности, а также должна включать в себя систематическую деятельность органов публичной власти и институтов гражданского общества, основанную на традиционных российских ценностях и гуманистических идеалах.

#### Литература и источники

1. Малько А.В. Теория правовой политики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 328 с
2. Фалалеева И.Н., Гаврилова В.Д. Защита исторической правды - новое направление государственной политики Российской Федерации // Право и практика. 2021. № 4. С. 65-71.
3. Приговор Волгоградского областного суда от 01.03.2021 N 2-10 // СПС КонсультантПлюс
4. Приговор Пермского краевого суда от 06.11.2020 по делу N 2-2 // СПС КонсультантПлюс
5. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда от 18 января 2021 г. по делу N 55-7/2021// СПС КонсультантПлюс
6. Гаврилов Д.А., Гаврилова В.Д. Правовые основы государственной политики памяти в Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России.2022. № 1(60). С. 172-180.

#### References and Sources

1. Mal'ko A.V. Teoriya pravovoj politiki: monografiya. M.: Yurлитinform, 2012. 328 s.
2. Falaleeva I.N., Gavrilova V.D. Zashchita istoricheskoy pravdy - novoe napravlenie gosudarstvennoy politiki Rossijskoj Federacii // Pravo i praktika. 2021. № 4. S. 65-71.
3. Prigovor Volgogradskogo oblastnogo suda ot 01.03.2021 N 2-10 // SPS Konsul'tantPlyus
4. Prigovor Permskogo kraevogo suda ot 06.11.2020 po delu N 2-2 // SPS Konsul'tantPlyus
5. Apellyacionnoe opredelenie Chetvertogo apellyacionnogo suda ot 18 yanvarya 2021 g. po delu N 55-7/2021// SPS Konsul'tantPlyus
6. Gavrilov D.A., Gavrilova V.D. Pravovye osnovy gosudarstvennoy politiki pamyati v Rossijskoj Federacii // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii.2022. № 1(60). S. 172-180.

**ГАВРИЛОВ ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ** - доцент кафедры философии и теории права Волгоградского государственного университета (gavrilovda@volsu.ru).

**ГАВРИЛОВА ВИОЛЕТТА ДМИТРИЕВНА** – студентка Института права Волгоградского государственного университета.



**НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ СДЕЛОК КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ  
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ НЕДВИЖИМОСТИ**

**Ключевые слова:** нотариат, правоохранительная функция, профилактика преступлений, недвижимость, единая информационная система, регистрация прав.

20-е годы настоящего столетия ознаменовались возросшим уровнем преступности в сфере собственности. Поскольку мошенничество, связанное с оборотом недвижимости, не выделяется в отдельный состав УК РФ, статистика МВД РФ содержит лишь общие данные о количестве зарегистрированных случаев. Одной из причин роста преступлений в сфере недвижимости явилось несовершенство гражданского законодательства, как правило, предусматривающее простую письменную форму для сделок. В настоящей статье рассматриваются преимущества нотариального удостоверения сделок. В результате исследования сделаны выводы, что нотариат, как публично-правовой орган, выполняет не только правоохранительную и профилактически-превентивную функции, но и способен оказать неоценимую помощь в объективном и справедливом расследовании уголовных преступлений и рассмотрении гражданских дел.

LAGODINA, E.I.

**NOTARIAL CERTIFICATION OF TRANSACTIONS AS A WAY TO COUNTER REAL ESTATE CRIMES**

**Key words:** notary, law enforcement function, crime prevention, real estate, unified information system, registration of rights.

The 20s of the present century were marked by an increased level of crime in the field of property. Since fraud related to the turnover of real estate is not allocated to a separate part of the Criminal Code of the Russian Federation, the statistics of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation contains only general data on the number of registered cases. One of the reasons for the increase in crimes in the real estate sector was the imperfection of civil legislation, which usually provides for a simple written form for transactions. This article discusses the advantages of notarization of transactions. As a result of the study, it was concluded that the notary public, as a public legal body, performs not only law enforcement and preventive functions, but is also able to provide invaluable assistance in the objective and fair investigation of criminal offenses and consideration of civil cases.

Во всем мире нотариат – это необходимая составляющая правовой системы демократического государства, для которого характерны развитые экономические отношения. Нотариус играет важную роль в повышении правовой культуры населения и укреплении правовых основ гражданского оборота. В данной статье рассмотрим нотариальную деятельность с позиции ее правоохранительной функции, а также обозначим арсенал правовых средств и гарантий по предупреждению преступлений, которые сегодня способен предложить нотариат. Именно при реализации правоохранительной функции проявляется публичный характер нотариальной деятельности. Правоохранительная функция нотариата характеризует его в целом как институт, осуществляющий публично-правовую функцию по обеспечению законности и правомерности и правомерности действий граждан и юридических лиц в сфере гражданского оборота.

В настоящее время наблюдается всплеск преступлений в сфере недвижимости. По данным исследования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, проведенного в 2020 году, рост преступности при обороте недвижимости увеличился на 18,3 % [1]. Согласно сведениям Федеральной нотариальной палаты, за три последних года российские нотариусы выявили 1234 поддельных документа. Однако официальные данные не отражают всех случаев мошеннических схем, которые предотвращают нотариусы. Большое количество противоправных действий направлено на злоупотребление доверием граждан.

Нотариальное удостоверение сделок предотвращает преступления в отношении недвижимого имущества. Прежде всего, речь идет о сделках, совершаемых в результате введения в заблуждение собственника относительно вида подписываемого документа. В первую очередь, это касается лиц, злоупотребляющих спиртным или наркотическими веществами. Например, полагая что подписывает договор займа, гражданин заключает договор купли-продажи недвижимости. Особое значение имеет пресечение преступлений с жильем в связи с социальной значимостью темы. По мнению профессора М.Н. Илюшиной: «защита жилищных прав требует особого внимания, так как в наибольшей степени подвержена рискам мошенничества» [2, с. 35].

Перед совершением любого юридически значимого действия нотариусом устанавливается личность клиентов, проверяется действительность их паспортов. Далее выясняется воля граждан, в процессе беседы нотариус проверяет, осознает ли гражданин значение своих действий. Нотариус должен объяснить участникам суть и правовые последствия предстоящей сделки, проверить все ее

аспекты на соответствие нормам законодательства и убедиться, что заключение данного соглашения не повлечет за собой нарушения прав других лиц. В том случае, если нотариус сомневается в действительности документов и добровольности участников сделки, он пригласит человека побеседовать наедине и отложит нотариальное действие для дополнительного исследования документов и обстоятельств.

Когда сделки отчуждения проводятся в простой письменной форме процедура установления воли, понимания гражданином правовых последствий заключаемой сделки не проводится. Имеют место факты, когда сотрудники Многофункциональных Центров (МФЦ) принимали для регистрации уже подписанные договоры, что не противоречит нормативным актам. Стороны в присутствии сотрудника должны подписывать только заявления о регистрации права, переходе права собственности на недвижимое имущество.

Согласно официальным статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, количество исков, связанных со сделками с частными домами и приватизированными квартирами, в 2019 году составило 7338, в 2020 г. – 5829, в 2021 г. – 5957. Более того, количество гражданских дел об оспаривании зарегистрированных прав на недвижимое имущество в 2019 г. составило 2701, в 2020 г. – 2345, в 2021 г. – 2485. Говоря о делах искового производства о признании недействительными сделок с земельными участками, указаны следующие данные: в 2019 г. – 1322, в 2020 г. – 1239, в 2021 г. – 1272. Иными словами, в 2019 г. общее количество связанных с недвижимостью исков по указанным выше сравнительным параметрам составило в 2019 г. – 11361 [3], в 2020 г. – 9413 [4], в 2021 г. – 9714 [5]. Таким образом, анализ приведенной информации за последние три года позволяет в очередной раз убедиться в стабильно высокой частоте обращений к крайней мере разрешения спорных ситуаций в сфере недвижимости в виде искового производства.

Действующая система государственной регистрации права на недвижимое имущество не может в полной мере гарантировать защиту прав граждан в обороте недвижимости [6, с. 24]. По мнению профессора Л.В. Щенниковой, «именно в тех случаях, когда потенциально может быть нарушен имущественный интерес «слабых» или «мало защищенных», в обязательном порядке должен быть привлечен для профессионального сопровождения сделки именно нотариус, как истинный гарант законности, профессионально обеспечивающий защиту гражданских прав» [7, с. 82]. Нотариальное удостоверение сделки означает проверку законности сделки, в том числе наличия у каждой из сторон права на ее совершение [8]. Приказом Министерства юстиции №156 от 30 августа 2017 года утвержден Регламент совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и порядок ее фиксирования [9]. Указанный нормативный акт так же определяет перечень необходимых документов для каждого вида нотариальных действий.

Перед удостоверением практически любой сделки нотариус запрашивает сведения о дееспособности участников договора, проверяет не возбуждена ли в отношении клиента процедура банкротства, что имеет огромное значение для защиты прав как покупателей, так и кредиторов. Как известно, в России наблюдается процесс «закредитованности» населения, что повлекло огромное количество дел о банкротстве и соответствующие правовые последствия. Так, на 01 мая 2022 г. на сайте ЕФРСБ зарегистрировано 62341 банкротных дел, что на 10000 случаев больше, чем в 2021 году [10]. Поэтому даже для добросовестных покупателей недвижимости, безусловно, высок риск признания сделки недействительной.

Нотариат осуществляет превенцию прав, свобод и законных интересов граждан. Прежде всего это относится к его роли в обеспечении прав социально незащищенных категорий граждан, например, несовершеннолетних и недееспособных [11, с. 150]. Нотариус обязан проверить принадлежность имущества продавцу, отсутствие арестов, запретов, обременений, правоприязаний третьих лиц. В арсенале нотариата имеется еще один действенный правовой механизм – использование процедуры депонирования. По нашему мнению, представляется, что использование депозитного счета нотариуса весьма привлекательно при расчетах по договорам купли-продажи недвижимости [12, с. 108-114].

Причем использование депонирования возможно не только при удостоверении сделки нотариусом, но и для сделки, совершенной в простой письменной форме. Несомненным преимуществом расчетов через депозит нотариуса является тот факт, что стороны избавляются от

необходимости обналичивать крупную сумму и куда-то ее перевозить. Нотариус лично контролирует исполнение указанных в договоре условий и только после этого осуществляет необходимый перевод средств. Еще один важный плюс депозита нотариуса – его защищенность от банкротства банка. Средства, хранящиеся на публичном депозитном счете, не участвуют в конкурсной массе, а в случае банкротства кредитной организации сразу возвращаются нотариусу, а он переводит их по назначению. К слову сказать, имеются законодательные ограничения при выборе кредитной организации, где нотариус может иметь публичный депозитный счет.

Нотариус не имеет права приступить к работе, не заключив договор страхования ответственности. Нотариальная палата субъекта так же обязана организовывать коллективное страхование своих членов. В 2018 году Федеральной нотариальной палатой создан Компенсационный фонд для выплаты компенсаций лицам, имеющим право на возмещение ущерба, причиненного виновными действиями нотариуса в соответствии с решением суда при недостаточности денежных средств от вышеуказанных источников. Как видим, сделкам, удостоверенным нотариусом, законодательно гарантирована трехступенчатая защита.

Более того, другим важным преимуществом проведения сделки нотариусом является возможность детальной проверки нотариальных документов посредством запроса в Единую Информационную Систему нотариата (далее ЕИС).

В условиях пандемии, да и особенно в нынешних обстоятельствах, весьма востребовано дистанционное удостоверение сделок двумя и более нотариусами. Хочется отметить, что при таком оформлении гарантии нотариального удостоверения усиливаются. Проверка производится двумя нотариусами, и они несут солидарную ответственность. Документы загружаются на сервер Единой информационной системы, процедура удостоверения фиксируется электронно. Участники сделки в присутствии нотариусов подписывают договор в электронной форме, а также экземпляр на бумажном носителе, который хранится в архивах соответствующих нотариусов. Затем электронный документ подписывают усиленной квалифицированной электронной подписью нотариусы. Подписанный договор и прилагаемые к нему документы хранятся в ЕИС. Граждане получают нотариально удостоверенный договор на бумаге, тождественность которого подтверждена нотариусом. Отметим, что данный подход используется не во всех странах.

С 29 декабря 2020 г. на большинстве бумажных нотариальных документов (доверенностях, завещаниях, договорах) появилась специальная машиночитаемая маркировка — уникальный QR-код, способный обеспечить дополнительную цифровую защиту документов от подделок и весьма эффективным и быстрым способом проверки его действительности. Для проверки информации о нотариальном документе необходимо навести камеру мобильного устройства на маркировку. Осуществив переход по ссылке, можно увидеть веб-страницу с результатом проверки документа в ЕИС и информацией о нем. В каждом таком QR-коде зашифрованы основные реквизиты документа: вид нотариального действия, например, удостоверение доверенности на распоряжение недвижимым имуществом; дата и реестровый номер, ФИО нотариуса или лица временно его замещающего, регистрационный номер, нотариальный округ, а также данные об участниках. Формат маркировки и процедура представления информации о нотариальном документе определяются Приказом министерства юстиции РФ [13]. Появление QR-кодов значительно облегчило и ускорило взаимодействие между нотариусами и регистрирующими органами и по сути стало цифровой гарантией защищенности интересов граждан. Следует отметить, что при отсутствии на доверенности QR-кода, сведения об отмене доверенностей также можно проверить с помощью сервиса «Проверка доверенностей по реквизитам» на официальном сайте ФНП.

Сегодня государственные регистраторы законом наделены правом получения информации о содержании нотариального документа по электронным запросам с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия в связи с совершаемыми ими регистрационными действиями. К запросу присоединяется электронный образ проверяемого нотариального документа. Сведения должны предоставляться незамедлительно. Однако пока технически данная возможность не реализована. Что касается удостоверенных нотариально электронных документов, подчеркну, что на них не требуется проставлять маркировку, так как они подписываются усиленной квалифицированной электронной подписью нотариуса – еще одним эффективным инструментом противодействия преступлениям, в т.ч. и в сфере недвижимости. Такие технологические новеллы говорят о совершенствовании всей российской нотариальной

системы, неустанно развивающейся с целью создания максимально удобного и безопасного информационно-правового механизма, способного поддержать актуальные тенденции и ответить на все запросы современного общества. Уровень защиты юридически значимых документов, разработанный и широко применяемый в нотариальной сфере, обеспечивает прозрачность, юридическую чистоту и аутентичность.

Подводя итог, считаем важным обозначить безусловные преимущества межведомственного взаимодействия нотариата и регистрирующих органов. Благодаря налаживанию цифрового партнерства созданы благоприятные условия для защиты интересов субъектов правоотношений в сфере недвижимости. Помимо защиты прав и интересов граждан и организаций нотариат России, безусловно, способен оказать помощь как при оспаривании сделок в гражданском порядке, так и при расследовании преступлений. Запись о каждом совершенном нотариальном действии по-прежнему вносится нотариусом в реестр регистрации нотариальных действий на бумажном носителе, и гражданин оставляет в нем не просто подпись (росчерк), но и пишет полностью свою фамилию, имя, отчество, что, безусловно, может быть полезным при проведении почерковедческих экспертиз. Как правило, сделки составляются в нескольких подлинных экземплярах, один из которых хранится в делах нотариуса (что касается сделок с недвижимостью – постоянно). Экземпляр документа, выдаваемый Покупателю, выполняется на номерных бланках строгой отчетности. И, наконец, не позднее окончания рабочего дня нотариус должен зарегистрировать нотариальное действие в ЕИС нотариата. А некоторые документы (доверенности и завещания) прикрепить в сканированном образе.

Сегодня право нотариуса на использование средств видеофиксации закреплено на законодательном уровне, в соответствии со ст. 42 ОЗН [14]. Каждый нотариус самостоятельно принимает решение об использовании средств видеофиксации с учетом мнения клиентов. Однако в отношении некоторых сделок (совместные завещания, наследственные договоры) законодатель предусмотрел обязательное видео-фиксирование. При этом данная процедура, особенности хранения материальных носителей регламентированы подзаконным актом – Порядком использования нотариусами средств видеофиксации и хранения материалов видеофиксации [15]. Более того, нотариус обязан издать собственный локальный акт, в котором определяет типы материальных носителей, место их хранения и ответственных лиц с целью недопущения разглашения нотариальной тайны. Выдача материалов допускается по требованию суда, нотариальной палаты. Органами следствия материалы могут изыматься только на основании судебного решения, в соответствии со ст. 183 УПК РФ.

Как видим, строгая регламентация нотариальной деятельности, необходимость самостоятельного получения и исследования информации, личная ответственность нотариуса за просчеты и ошибки являются эффективными средствами снижения преступлений в сфере недвижимости.

### Литература и источники

1. Число квартирных мошенничеств в РФ выросло за три года почти на 20% // Интерфакс. [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <https://www.interfax.ru/russia/726549> (дата обращения: 03.05.2022).
2. Илюшина М.Н. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью: новое в правовом регулировании // Семейное и жилищное право. 2018. №2. С. 32-36.
3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 19.05.2022).
4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год [сайт]. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 19.05.2022).
5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год [сайт]. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 19.05.2022).
6. Захарова О.Н., Беляев В.В. К вопросу о нотариальном удостоверении сделок с недвижимым имуществом // Нотариус. 2020. №3. С. 22-25.
7. Щенникова Л.В. Проблемы правового регулирования нотариальной деятельности. Заметки о российском нотариате: монография. Краснодар. Кубанский гос.ун-т, 2012.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022), ст. 163. // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).
9. Приказ Минюста России от 30 августа 2017 года № 156 (ред. от 24.11.2021) «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий...» // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.05.2022).

10. Список сообщений о банкротстве [сайт] // ЕФРСБ. [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <https://bankrot.fedresurs.ru/> (дата обращения: 20.05.2022).
11. Корсик К.А. Некоторые аспекты превентивной функции нотариата // Актуальные проблемы российского права. 2021. №16(5). С. 148-154.
12. Лагодина Е.И. Депозит нотариуса – гарантия прав участников при заключении сделок // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Краснодар, 2018. С. 108–114.
13. Приказ Минюста России от 30.09.2020 № 229 «Об утверждении порядка представления информации о нотариальном документе и формата ее размещения на документе с использованием машиночитаемой маркировки» // [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/8044/> (дата обращения: 20.05.2022).
14. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 26.03.2022). ст. 42. // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).
15. Порядок использования нотариусами средств видеофиксации и хранения материалов видеофиксации (утв. решением Правления ФНП, протокол от 17.11.2015 № 15/15) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).

**References and Sources**

1. Chislo kvartimyh moshennichestvo v RF vyroslo za tri goda pochni na 20% // Interfaks. [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: URL: <https://www.interfax.ru/russia/726549> (data obrashcheniya: 03.05.2022).
2. Ilyushina M.N. Notarial'noe udostoverenie sdelok s nedvizhimost'yu: novoe v pravovom regulirovanii // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. 2018. №2. S. 32-36.
3. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2019 god // Oficial'nyj sayt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF. [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (data obrashcheniya: 19.05.2022).
4. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2020 god [sait]. Oficial'nyj sayt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF // [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (data obrashcheniya: 19.05.2022).
5. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2021 god [sait]. Oficial'nyj sayt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF // [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (data obrashcheniya: 19.05.2022).
6. Zaharova O.N., Belyaev V.V. K voprosu o notarial'nom udostoverenii sdelok s nedvizhimym imushchestvom // Notarius. 2020. №3. S. 22-25.
7. Shchennikova L.V. Problemy pravovogo regulirovaniya notarial'noj deyatel'nosti. Zametki o rossijskom notariata: monografiya. Krasnodar. Kubanskij gos.un-t, 2012.
8. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30 noyabrya 1994 goda № 51-FZ (red. ot 25.02.2022). st. 163. // [Elektronnyj resurs]. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 20.05.2022).
9. Prikaz Minyusta Rossii ot 30 avgusta 2017 goda № 156 (red. ot 24.11.2021) «Ob utverzhdenii Reglamenta soversheniya notariusami notarial'nyh dejstvij...» // [Elektronnyj resurs]. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 22.05.2022).
10. Spisok soobshchenij o bankrotstve [sait] // EFRSB. [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: URL: <https://bankrot.fedresurs.ru/> (data obrashcheniya: 20.05.2022).
11. Korsik K.A. Nekotorye aspekty preventivnoj funkcii notariata // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. №16(5). S. 148-154.
12. Lagodina E.I. Depozit notariusa – garantiya prav uchastnikov pri zaklyuchenii sdelok // Aktual'nye problemy sudebnoj, pravoohranitel'noj, pravozashchitnoj, ugodovno-processual'noj deyatel'nosti i nacional'noj bezopasnosti. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. - Krasnodar, 2018. S. 108–114.
13. Prikaz Minyusta Rossii ot 30.09.2020 № 229 «Ob utverzhdenii poryadka predstavleniya informacii o notarial'nom dokumente i formata ee razmeshcheniya na dokumente s ispol'zovaniem mashinocitaemoj markirovki» // [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/8044/> (data obrashcheniya: 20.05.2022).
14. Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o notariate (utv. VS RF 11.02.1993 № 4462-1) (red. ot 26.03.2022). st. 42. // [Elektronnyj resurs]. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 20.05.2022).
15. Poryadok ispol'zovaniya notariusami sredstv videofiksacii i hraneniya materialov videofiksacii (utv. resheniem Pravleniya FNP, protokol ot 17.11.2015 № 15/15) // [Elektronnyj resurs]. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 20.05.2022).

**ЛАГОДИНА ЕЛЕНА ИВАНОВНА** - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, Кубанский государственный университет ([lagodinanotarius@mail.ru](mailto:lagodinanotarius@mail.ru)).

**LAGODINA, ELENA I.** – Ph.D. in Law, Associated Professor, Department of Criminal Procedure of State and Law, Kuban State University ([lagodinanotarius@mail.ru](mailto:lagodinanotarius@mail.ru)).

УДК 347.9

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-161-165

**ЗЕЛЕНСКАЯ Л.А.**

## **НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**Ключевые слова:** технология, информационные технологии, цифровые технологии, информатизация, цифровизация, судопроизводство.

В статье рассмотрены актуальные вопросы использования научно-технических достижений в виде различных технологий в судопроизводстве: обращено внимание на отсутствие единообразного подхода к определению понятий «информатизация», «цифровизация»; акцентировано внимание на объективную необходимость обязательного законодательного закрепления возможности использования любой технологии; рассмотрены некоторые вопросы соотношения технологий и их практическое значение при совершении отдельных процессуальных действий. В частности, отмечается, что вопрос о сущности технологий, которые используются в судопроизводстве представляет научный интерес не только с точки зрения его теоретического осмысления. Теоретические знания, например, особенностей различных технологий, должны быть использованы законодателем и найти отражение, прежде всего, в конкретных процессуальных правилах, в соответствии с которыми суд и участники процесса совершают процессуальные действия.

**ZELENSKAYA, L.A.**

**SOME ASPECTS OF THE USING VARIOUS TECHNOLOGIES IN JUDICIAL PROCEEDINGS**

**Key words:** technology, information technologies, digital technologies, informatization, digitalization, legal proceedings.

The article considers the relevant issues of using scientific-technological achievements in the form of various technologies in legal proceedings: attention is drawn to the lack of a uniform approach to the definition of the concepts of "informatization", "digitalization"; attention is focused on the objective necessity for mandatory legislative consolidation of the possibility of using any technology; some issues of the correlation between technologies and their practical significance in the performance of individual procedural actions are considered. In particular, it is noted that the question of the essence of technologies used in legal proceedings is of scientific interest not only from the point of view of its theoretical understanding. Theoretical knowledge, for example, the features of various technologies, should be used by the legislator and be reflected, first of all, in specific procedural rules, in accordance with which the court and participants in the process perform procedural actions.

Одной из преобладающих и специфичных тенденций существования современного мира является не просто стремительное развитие и совершенствование различного рода технологий, отличающихся в подавляющем большинстве своём, как правило, высокой технологичностью (вследствие чего их принято называть «высокие технологии»), но и внедрение, использование соответствующих передовых научно-технических достижений во всех сферах социальной жизни, общественных отношениях. Взаимовлияние развития технических и технологических новшеств и использования технологий в обществе, проявляется, с одной стороны, в том, чтобы то, что уже придумано, было востребовано, исходя из целесообразности, безопасности и иных необходимых принципов, а, с другой стороны, само функционирование общественных отношений определяет объективные потребности в тех или иных сферах, где выявляется необходимость разработки и применения новых технологий.

Высказанное замечание в полной мере относится ко всем сферам общественной жизни. Не является исключением и осуществление правосудия. То, что до недавнего времени казалось практически невыполнимым, сегодня уже стало реальностью, например, подача документов в суд, не выходя из дома, участие в судебном заседании посредством использования видеоконференц-связи и т.д. Вопросы использования различных современных технологий в судопроизводстве на сегодняшний день являются одними из самых актуальных в юридической науке. Можно выделить два основных направления, в рамках которых проводятся исследования современными авторами, особо подчеркнув при этом, что как раз-таки оба этих направления представляют собой отражение объективных процессов взаимовлияния развития самих технологий и общественных потребностей в применении их в судопроизводстве.

Первое направление – исследование и анализ проблемных вопросов того, что уже применяется и используется. К этому направлению, соответственно, следует отнести:

- разработку понятийного аппарата – например, соотношение понятий «информатизация», «цифровизация» судопроизводства (правосудия), «электронное судопроизводство (правосудие)», «компьютерные технологии» в судопроизводстве;
- определение принципов использования различных технологий, а также их соотношение с принципами судопроизводства и их взаимное влияние;
- проблемы правового регулирования (включая и отсутствие вообще правовых норм) использования различных технологий в судопроизводстве;
- обсуждение в целом как преимуществ, целесообразности, так и общих проблем, возникающих в процессе использования новых технологий;
- множественные научные исследования посвящены глубокому анализу отдельных разновидностей использования технологических новинок в судопроизводстве, например, использование ВКС в судебном заседании – особенности нормативного регулирования, преимущества, процессуальный порядок и проблемные вопросы, возникающие в судебной практике при проведении судебных заседаний посредством использования видеоконференц-связи различными инстанциями.

Второе направление исследований современных учёных – это определение перспектив развития процесса использования технологий, практической необходимости их применения в судопроизводстве. Работа в рамках этого направления ведётся исходя из имеющегося опыта и всестороннего анализа объективных потребностей в использовании технологий в судопроизводстве не только со стороны судей, участников процесса, но, и, в целом, потребностей общества. В качестве примера разработок в рамках этого направления можно обозначить обсуждение вопросов о возможности использования искусственного интеллекта при рассмотрении и разрешении дел в судах.

Любые вопросы совершенствования судопроизводства путём использования различного рода научно-технических достижений изначально должны быть урегулированы на законодательном уровне, что само по себе не представляется возможным в отсутствие ответов на объективно возникающие вопросы – что используется, каким образом, каковы цели внедрения новых технологий, не противоречит ли их использование основным принципам судопроизводства. Отсутствие правового регулирования, в свою очередь, должно быть объективным препятствием и исключать саму возможность использования. Поэтому проблемы отсутствия регулирования порядка совершения отдельных процессуальных действий участниками процесса, а также в целом проведения судебных заседаний арбитражными судами во время пандемии коронавируса в онлайн-режиме, возможность проведения которых на тот момент вообще не была предусмотрена процессуальным законодательством, обусловили, с одной стороны, обсуждение как теоретических, так и сугубо практических вопросов самой возможности, законности, особенностей процессуального порядка, а с другой стороны, необходимости разработки процессуальных правил использования новых технологий и закрепления их в законодательстве.

Изучая существующие нормативные правовые акты и своеобразную эволюцию вопросов законодательного закрепления понятий в анализируемой сфере, многими авторами было замечено, что изначально использовался термин «информатизация», затем «электронное обеспечение правосудия» и впоследствии «электронное правосудие» [1, с. 72]. Отсутствие единообразного подхода в законодательной сфере обусловило многочисленное разнообразие наименования использования в судопроизводстве достижений научно-технического прогресса среди учёных, занимающихся, в первую очередь, проблемами процессуального права, так, например, аудиопотоколирование как одно из процессуальных действий авторами анализируется в качестве одного из элементов информатизации, цифровизации или же электронного судопроизводства.

Общее понятие «технология» (из греческого языка, учение об искусстве, мастерстве) в русском языке определяется как совокупность способов, методов, операций, последовательность действий, режим и используемые инструменты [2, с. 363-364]. В составе любой технологии, и особо это замечание относится к тем, посредством которых происходит регулирование социальных процессов (социальных отношений, включая и правоотношения), наряду с наличием соответствующей методики использования высокотехнологичного оборудования, предполагается наличие определённых требований к самому человеку – то есть субъекту не только как к потребителю результата, но и непосредственно участвующему в процессе применения технологии.

Информационные технологии, как совокупность действий (то есть процесса как последовательности действий) и методов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации, а также способов осуществления таких процессов и методов, что закреплено на законодательном уровне [3], по своей сущности представляют собой совокупность используемого технического средства, а также соответствующего как программного, так и организационно-методического обеспечения.

Разнообразие инструментов (т.е. технических средств), как и используемой методики (способа), предопределяет существование разновидностей самих технологий, из числа которых в судопроизводстве используются лишь некоторые. Так, например, в зависимости от того, какое конкретно техническое средство используется или какая разновидность связи, информационные технологии могут быть подразделены на компьютерные технологии (используется компьютерная техника) и телекоммуникационные (используется соответствующая разновидность связи – например, интернет). Также следует разграничивать информационные технологии, используемые непосредственно в судопроизводстве, и информационные технологии, которые используются в делопроизводстве в судах, что имеет весьма определённую практическую значимость.

Понятие «информатизации» судов (судебной деятельности, судопроизводства, правосудия) современными исследователями преимущественно определяется посредством указания на то, что это процесс (или деятельность) с обозначением специфики его осуществления [4, с. 389; 5], что, в целом, представляется достаточно убедительным.

При этом, на наш взгляд, особое значение имеет вопрос о том, что процесс информатизации может затрагивать как само судопроизводство, т.е. его непосредственное использование как одного из процессуальных средств, и в этом случае должны быть предусмотрены процессуальные

правила использования технологий, что, в свою очередь, требует обязательного законодательного закрепления, либо это информатизация делопроизводства, что, соответственно, не предусматривает подобного закрепления.

Проблемы информатизации делопроизводства в судах имеют иной, непроцессуальный характер, поскольку это, как правило, вопросы целесообразности использования, обсуждение необходимости дублирования хранения документов в электронном виде и на бумажном носителе, соответствующая квалификация работников аппарата суда и наличие навыков работы с техническими устройствами и т.д. То есть, это всевозможные вопросы оптимизации делопроизводства, которые, в свою очередь, в сущности, не являются судопроизводством, но, в то же время, обеспечивают процесс осуществления судопроизводства.

В отличие от обозначенного, информатизация судопроизводства как процесс применения информационных технологий, представляет собой процесс разработки, внедрения и использования различных систем правовых ресурсов, средств и способов их формирования, обработки и использования. Следует констатировать, что в судопроизводстве наряду с информационными технологиями применяются также информационно-коммуникационные.

Использование информационных технологий направлено на работу именно с информацией, содержащейся в информационной системе (например, базы данных судебных решений, нормативных правовых актов, справочно-правовая система). Внедрение информационно-коммуникационных (телекоммуникационных) технологий, позволило посредством использования соответствующей связи, осуществить в судопроизводстве возможность коммуникации между судом и участниками процесса в тех случаях, когда по различным причинам невозможно использовать личное (то есть непосредственное) общение.

Поскольку каждая из разновидностей технологий обладает своей спецификой, то, соответственно, это необходимо учитывать при закреплении возможности и процессуального порядка использования определённой технологии на законодательном уровне. Так, например, любой технический сбой в процессе осуществления процессуального действия может иметь значение и, соответственно, последствия наличия самого факта обнаружения технических неполадок должны быть должным образом урегулированы в законодательстве, например, если обозначенные неполадки имели место быть во время проведения судебного заседания с использованием видеоконференц-связи, в режиме веб-конференции, а также при осуществлении аудиозаписи протокола судебного заседания. В то же время, использование информационной технологии в процессе подачи искового заявления или поиска информации о рассматриваемом деле, непосредственно не связано с судопроизводством, то есть с осуществлением процессуальных действий, и поэтому возникающие технические неполадки могут и не иметь никаких правовых и процессуальных последствий. При этом из общих правил могут быть исключения, например, если технический сбой при оформлении искового заявления в суд посредством заполнения формы на сайте стал причиной пропуска срока исковой давности.

Цифровизация судопроизводства, то есть использование цифровых технологий, отличающихся, прежде всего, специфичным способом обработки, хранения и передачи информации (в отличие от аналоговых, в которых информация не унифицирована, хранение и передача которой осуществляется в разных формах соответствующих типу носителя) – а именно, оцифровкой информации (преобразованием данных), что позволяет представить её в универсальном цифровом виде, по своей сущности представляет собой одну из разновидностей информационных технологий, вследствие этого, процесс цифровизации представляет собой одну из разновидностей в целом информатизации. Обозначенное, следуя логике, позволяет констатировать, что понятия «информатизация» и «цифровизация» взаимосвязаны, но не являются тождественными.

Основное назначение цифровых технологий в судопроизводстве обосновывается существующей необходимостью использования именно способа оцифровки – представления информации в виде цифровых данных с целью надлежащего обеспечения её дальнейшего хранения, доступа, возможностей использования и передачи. При всех имеющихся преимуществах, использование цифровых технологий в судопроизводстве не подразумевает само по себе полный отказ от иных, например, аналоговых.



Процессуальное законодательство, закрепляя процессуальный порядок совершения процессуального действия в различных формах (например, судебное заседание посредством использования видеоконференц-связи или в режиме веб-конференции), не указывает на техническое средство, сущность и принципы работы используемой технологии или иные характеристики (например, при использовании системы веб-конференции при проведении судебного заседания в ч.1 ст.155.2 ГПК РФ, ч.1 ст.153.2 АПК РФ, ч.2 ст.142.1 КАС РФ закреплено общее правило установления личности лица с использованием информационно-технологических средств, обеспечивающих идентификацию лица без его личного присутствия), что представляется вполне обоснованным, поскольку технологии стремительно развиваются, а, следовательно, изменению (замене) используемой технологии должны предшествовать, соответственно, изменения процессуального законодательства.

При этом вопрос о сущности технологий, которые используются в судопроизводстве представляет научный интерес не только с точки зрения его теоретического осмысления. Теоретические знания, например, особенностей различных технологий должны быть использованы законодателем и найти отражение, прежде всего, в конкретных процессуальных правилах, в соответствии с которыми суд и участники процесса совершают процессуальные действия. В качестве иллюстрации можно привести регулирование особенностей оценки доказательств, например, оценка достоверности фотографии должна отличаться в зависимости от использованной технологии – аналоговой или цифровой - фотография, которая сделана на фотопленке и распечатана на фотобумаге и фотография, которая сделана с использованием цифровой технологии. Это же замечание в полной мере относится и к оценке документов – письменных или электронных (выполненных при помощи цифровой технологии), поскольку невооруженным глазом без проведения экспертизы суду практически невозможно оценить достоверность объектов, выполненных с использованием цифровой технологии.

Подводя итог, следует заметить, что участники процесса судопроизводства, как и подавляющее большинство потребителей современных научно-технических достижений в повседневной жизни, в процессе применения различных технологий не задумываются вообще о сущности, специфике именно технической составляющей, а воспринимают процесс использования любой технологии как объективную данность, существующий способ (или своего рода инструмент) получения информации, общения и т.п., либо применение отдельных технологий может ассоциироваться с определенными техническими устройствами (например, компьютер, смартфон). Тем не менее, знания специфических особенностей (включая принцип действия, сущность, используемый метод и способ) различных технологий должны учитываться законодателем при регулировании вопросов порядка осуществления процессуальных действий, которые могут совершаться с использованием технологий.

#### Литература и источники

1. Карасев А.Т., Савоскин А.В., Мещерягина В.А. Цифровизация правосудия в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. №2.
2. Словарь русского языка в 4-х томах. Т.4. М.: Русский язык, 1988.
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 31.07.2006. №31 (часть I). ст. 3448.
4. Алпаткин И.В., Шумова К.А. Информационные технологии в деятельности арбитражных судов // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. №6.
5. Бугель Н.В., Романова А.С. Информатизация деятельности судов (теоретико-правовой и международно-правовой аспекты) // Ленинградский юридический журнал. 2019. №4 (58). С.145-151.

#### References and Sources

1. Karasev A.T., Savoskin A.V., Meshcheryagina V.A. Cifrovizaciya pravosudiva v Rossijskoj Federacii // Vestnik Ural'skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. №2.
2. Slovar' russkogo yazyka v 4-x tomah. T.4. M.: Russkij yazyk, 1988.
3. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. N 149-FZ "Ob informacii, informacionny`x tehnologiyax i o zashhite informacii" // SZ RF. 31.07.2006. N 31 (chast' I) st. 3448.
4. Alpatkin I.V., Shumova K.A. Informacionny`e tehnologii v deyatel`nosti arbitrazhny`x sudov // Byulleten` nauki i praktiki. 2021. T. 7. №6.
5. Bugel` N.V., Romanova A.S. Informatizaciya deyatel`nosti sudov (teoretiko-pravovoj i mezhdunarodno-pravovoj aspekty`) // Leningradskij juridicheskij zhurnal. 2019. №4 (58). S.145-151.

**ЗЕЛЕНСКАЯ ЛЮДМИЛА АНАТОЛЬЕВНА** - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина (lz10108@rambler.ru).

**ZELENSKAYA, LYUDMILA A.** – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil Proceeding, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

## ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 347.1

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-166-173

ВИЛЬДАНОВА М.М.

**ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД САНКЦИЙ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ ГОСУДАРСТВ**

**Ключевые слова:** обеспечение исполнения обязательств, репо, закрытые паевые инвестиционные фонды; юридические и физические лица, находящиеся под санкциями; бартер, отказ от исполнения обязательств, обстоятельства непреодолимой силы.

В статье рассматриваются особенности правового регулирования обеспечения исполнения обязательств в период санкций недружественных государств. В частности, автор выделяет SDN (Specially Designated Nationals) – блокирующие санкции, применяемые против конкретных физических и юридических лиц, а также объединений и организаций, любое сотрудничество с которыми и операции с их имуществом запрещены. Их имущество на территории США считается заблокированным. При заключении контрактов с SDN-компаниями стороны понимают, на какие риски идут и здесь случайностей практически не бывает. Также особое значение получили SSI (Sectoral Sanctions Identifications) – секторальные санкции, которые ограничивают заключение сделок и операций в отношении компаний, которые работают в финансовом, энергетическом и оборонном секторах экономики России. Обращается внимание на необходимость отыскания оптимальных механизмов создания среды, позволяющей исполнять обязательства вне зависимости от подсанкционности юридических и физических лиц. В частности, для защиты капиталов и бизнеса частных лиц, как правило, существует передача в траст, до которого не могут «достать» даже решения судов. Однако проблема состоит в том, что самые защищенные трасты открываются как раз в тех странах, которые объявили России санкции. Другим механизмом, который применяется в период кризисов для обеспечения сохранения активов юридических лиц, являются сделки РЕПО. В период санкций целесообразно обратить внимание на такие способы их обхода и обеспечения исполнения принятых ранее обязательств, как удлинение хозяйственной цепочки на новых посредников из стран, которые отказались вводить санкции.

VILDANOVA, M.M.

**FEATURES OF ENFORCEMENT CIVIL OBLIGATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE PERIOD OF SANCTIONS OF UNFRIENDLY STATES**

**Key words:** Enforcement of obligations, repo, closed-end mutual funds; legal entities and individuals under sanctions; barter, refusal to fulfill obligations, force majeure circumstances.

The article discusses the features of the legal regulation of ensuring the fulfillment of obligations during the period of sanctions of unfriendly states. In particular, the author singles out SDN (Specially Designated Nationals) - blocking sanctions applied against specific individuals and legal entities, as well as associations and organizations, any cooperation with which and transactions with their property are prohibited. Their property in the United States is considered blocked. When concluding contracts with SDN companies, the parties understand what risks they are taking, and there are practically no accidents here. SSI (Sectoral Sanctions Identifications) - sectoral sanctions that limit the conclusion of transactions and operations in relation to companies that operate in the financial, energy and defense sectors of the Russian economy - have also received particular importance. Attention is drawn to the need to find optimal mechanisms for creating an environment that allows fulfilling obligations, regardless of the sanctioning of legal entities and individuals. In particular, in order to protect the capital and business of individuals, as a rule, there is a transfer to a trust, which even court decisions cannot "reach". However, the problem is that the most protected trusts are opened just in those countries that have announced sanctions to Russia. Another mechanism that is used during crises to ensure the preservation of assets of legal entities is repurchase transactions. During the period of sanctions, it is advisable to pay attention to such ways of circumventing them and ensuring the fulfillment of previously accepted obligations, such as extending the economic chain to new intermediaries from countries that have refused to impose sanctions.

В соответствии со статьей 329 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), под обеспечением исполнения обязательств понимаются залог, неустойка, удержание вещи должника, поручительство, задаток независимая гарантия, обеспечительный платеж. Основные тенденции развития традиционных способов обеспечения исполнения обязательств периодически анализируются в юридической литературе, и в отношении них даются предложения по их совершенствованию [1-3]. Допускается также регулирование обеспечения исполнения обязательств правовыми нормами законодательства и договором. Под договором могут пониматься система договорного участия одних юридических лиц в других со своеобразными структурными особенностями корпоративной схемы юридических лиц, особенностями управления бизнесом.

В период наложения санкций недружественными странами большое распространение получают способы обеспечения обязательств, прямо не предусмотренные в законе. Введённые Канадой, Японией, странами Евросоюза, США и иными странами антироссийские санкции, судя по заявлениям их заокеанских инициаторов, направлены на то, чтобы оказать давление на Россию. Отказываясь от проектов с Западом, Россия разворачивается на Восток и занимается упрочением отношений взаимодействия, в том числе с Китаем. В связи с действиями недружественными государствами, в частности с включением в блокирующие и секторальные списки граждан и

юридических лиц, возникает риск публичного распространения ограничений для основных акционеров и участников, а также группу их дочерних и зависимых обществ. Соответственно, могут существенно снизиться возможности их эффективной деятельности.

SDN (Specially Designated Nationals) – это **блокирующие санкции**, применяемые против конкретных физических и юридических лиц, а также объединений и организаций. Любое сотрудничество с участниками этого списка и операции с их имуществом запрещены. Их имущество на территории США считается заблокированным. При заключении контрактов с SDN-компаниями стороны понимают, на какие риски идут и здесь случайностей практически не бывает. SSI (Sectoral Sanctions Identifications) – это **секторальные санкции**. Они ограничивают заключение сделок и операций в отношении компаний, которые работают в финансовом, энергетическом и оборонном секторах экономики России.

В том случае, если есть крайняя необходимость в завершении каких-либо проектов и убытки при неисполнении договоров крайне велики, то достичь обеспечительного результата при условии наложения санкций недружественными странами возможно только при выводе дочерних предприятий, попавших под удар компаний. Довольно известна ситуация, происшедшая летом 2017 года при поставке в Крым газовых турбин производства Siemens. Оборудование было произведено на совместном предприятии, доля компании в капитале которого была ниже, чем требуют санкционные документы. Есть также примеры на финансовом рынке. Так, ВТБ продал одну акцию своего дочернего Почта Банка и, тем самым, вывел его из-под санкций.

Если рассматривать международную практику, то для защиты капиталов и бизнеса частных лиц, как правило, существует передача в траст. Известно, что до трастов не могут «достать» даже решения судов. Однако проблема состоит в том, что самые защищенные трасты открываются как раз в тех странах, которые объявили России санкции.

В Российской Федерации нет траста, и на практике используются такие формы, как доверительное управление. Так, в Федеральном законе от 29 ноября 2001 года № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (далее - Закон об инвестфондах) дается понятие паевого инвестиционного фонда, как обособленного имущественного комплекса, состоящего из имущества, переданного в доверительное управление управляющей компании учредителем/учредителями доверительного управления при условии объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления, и из имущества, полученного в процессе такого управления, доля в праве собственности на которое удостоверяется ценной бумагой, выдаваемой управляющей компанией. Паевой инвестиционный фонд не является юридическим лицом. Имущество, составляющее паевой инвестиционный фонд, является общим имуществом владельцев инвестиционных паев и принадлежит им на праве общей долевой собственности. Разделение имущества, составляющего паевой инвестиционный фонд, и выдел из него доли в натуре не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных Законом об инвестфондах [4].

Управляющая компания осуществляет доверительное управление паевым инвестиционным фондом путем совершения любых юридических и фактических действий в отношении составляющего его имущества, а также осуществляет все права, удостоверенные ценными бумагами, входящими в паевой инвестиционный фонд, включая право голоса по голосующим ценным бумагам. При этом владельцы инвестиционных паев несут риск убытков, связанных с изменением рыночной стоимости имущества, составляющего паевой инвестиционный фонд.

С одной стороны, передача в доверительное управление в значительной степени отдаляет в большей части дочерних обществ от юридических лиц, находящихся под санкциями, но с другой стороны, по российскому законодательству учредители доверительного управления не перестают быть собственниками, что может быть свидетельствовать о принадлежности к определенной группе лиц или холдингу и, следовательно, негативно сказаться на разбирательстве дела в суде.

Сделки РЕПО (от англ. repurchase agreement, repo) также являются популярным во всем мире механизмом, который применяется в период кризисов и необходимости обеспечения сохранения активов юридических лиц. Под сделкой РЕПО на финансовом рынке понимается временная передача участия лица, являющегося основным/-ми акционером/-ами, находящимся/-имися под санкциями пакета ценных бумаг иному лицу с обратной покупкой его основным акционером/участником через какой-то период времени. В России сделки РЕПО регулируются

Федеральным законом от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (Закон о рынке ценных бумаг) и ГК РФ (статья 454).

Согласно статье 51.3. Закона о рынке ценных бумаг, одна сторона (продавец по договору РЕПО) обязуется в срок, установленный этим договором, передать в собственность другой стороне (покупателю по договору РЕПО) ценные бумаги, а покупатель по договору РЕПО обязуется принять ценные бумаги и уплатить за них определенную денежную сумму (т.е. первая часть договора РЕПО) и по которому покупатель по договору РЕПО обязуется в срок, установленный этим договором, передать ценные бумаги в собственность продавца по договору РЕПО, а продавец по договору РЕПО обязуется принять ценные бумаги и уплатить за них определенную денежную сумму (вторая часть договора РЕПО) [6]. Ценными бумагами по договору РЕПО могут быть эмиссионные ценные бумаги российского эмитента.

Условие договора РЕПО о ценных бумагах считается согласованным тогда, когда стороны по договору определили наименование лица (лиц), выпустившего (выдавшего) ценные бумаги, их вид и количество, а также в отношении акций - категорию (тип), цену ценных бумаг, передаваемых по первой и второй частям договора РЕПО, или порядок ее определения. Кроме того, согласовано должно быть условие о сроке уплаты цены по первой и второй частям договора РЕПО, а также срок исполнения обязательств сторон по передаче ценных бумаг, который может быть определен моментом востребования.

Исходя из антимонопольного законодательства, заключение договоров РЕПО в отношении акций между основным акционером и дочерними обществами требуют получения согласия Федеральной антимонопольной службы, так как указанные сделки будут совершаться между лицами, входящими в одну группу лиц по основаниям, предусмотренным частью 2 статьи 29 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее - Закон о защите конкуренции). При этом, с учетом того, что в результате сделки РЕПО доля акций, принадлежащих основному акционеру, будет утрачена и основание вхождения того лица в группу лиц основного акционера, предусмотренное пунктом 1 части 1 статьи 9 Закона о защите конкуренции, будет утрачено, на вторую часть договора РЕПО также потребуется получение согласия ФАС России в соответствии с пунктом 6 части 1 статьи 29 Закона о защите конкуренции.

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 18 октября 2014 года №1072 «Об установлении величин активов финансовых организаций, поднадзорных Центральному банку Российской Федерации, в целях осуществления антимонопольного контроля», установлены различные величины стоимости активов, а также суммарная стоимость активов финансовых организаций по бухгалтерским балансам на последнюю отчетную дату, предшествующую дате подачи ходатайства, при превышении которых требуется получение предварительного согласия антимонопольного органа на совершение сделок и действий, предусмотренных статьями 27 и 29 Закона о защите конкуренции. Эти суммы бывают разными в отношении различных юридических лиц, осуществляющих соответствующие виды хозяйственной деятельности (к примеру, в отношении организаторов торговли установлена сумма, равная 1 млрд. рублей).

Основными преимуществами договоров РЕПО являются следующие:

- обеспечение независимого статуса юридического лица, позволяющего избежать санкционного воздействия;
- возможность осуществления конкурентного бизнеса на финансовом рынке;
- сохранение контроля и доминирующего влияния основного акционера на дочернее общество;
- возможность гибкого регулирования сроков и особенностей обратной покупки.

Кроме того, в период наложения санкций целесообразно обратить внимание на такие способы их обхода и обеспечения исполнения принятых ранее обязательств, как удлинение хозяйственной цепочки на новых посредников из стран, которые отказались вводить санкции.

Если обратиться к международной практике, то может оказаться полезным иранский опыт. За 40 лет санкций иранский бизнес придумал массу способов обеспечения исполнения обязательств с целью обхода ограничений. Так, стала широко использоваться бартерная торговля, которая кстати была также распространена в России в 90 гг. Бартер применяют при нестабильной экономике, нарушениях в товарно-денежных отношениях, т.е. когда деньги не могут выполнять

свои функции или иной обмен невозможен. Вместе с тем, следует отметить, что основными недостатками чистого бартера являются:

- отсутствие способа сохранения покупательной стоимости и стоимости (сохраняется только конкретная покупательная способность, например, в форме мешка сахара);
- отсутствие единицы платежа;
- необходимость совпадения интересов между сторонами по количеству и качеству товаров.

Бартерную торговлю можно использовать для преодоления санкций с целью защиты от внешних кредиторов, которым гораздо трудней контролировать неденежные сделки.

В России также последнее время стали использоваться такие условия поставки, как поставки нефтепродуктов морским транспортом, при которых не указывается покупатель товара, что снижает риск незаконных арестов российских судов со стороны недружественных стран и соответственно обеспечивает исполнение принятых ранее обязательств.

Если обратиться к практике Ирана, то следует отметить, что Иран в ряде случаев перешел на торговлю со своими партнерами на их национальные валюты. Получил распространение и иной эффективный способ защиты — использование в торговле обеспечения и средств расчетов: золота или криптовалюты. Некоторые эксперты уже поспешили объявить их панацеей.

Наиболее эффективным средством среди криптовалют считаются стейблкоины, которые могут стать заменой доллара или евро и которые сегодня активно выпускаются корпорациями по всему миру. Стейблкоины могут быть обеспечены фиатной валютой, криптовалютой, золотом, драгоценными металлами, нефтью и т.д. Кроме того, Китай и ЕАЭС объявили о начале разработки проекта независимой международной валютно-финансовой системы. Предполагается, что она будет основана на новой международной валюте, которая будет рассчитываться как индекс национальных валют стран-участниц и цен биржевых товаров. Но в ходе внедрения криптовалют на биржах возникли все-таки проблемы с идентификацией российских участников. На биржах исторически и довольно гибко применяется принцип «знай своего клиента». В последнее время применение данного принципа было ужесточено, с чем связана, в частности, блокировка криптобиржей Coinbase несколько десятков тысяч «русских» аккаунтов.

На обеспечение исполнения обязательств направлены формулировки статей гражданско-правовых договоров, в которых квалифицируется внедрение санкций и делается попытка минимизировать убытки российских предприятий. В целях совершенствования договорного права разработан и внесен в Государственную Думу Российской Федерации проект федерального закона № 92282-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – законопроект), призванный защитить стороны договора от негативных последствий санкций и иных мер, предпринимаемых иностранными государствами в отношении российских физических и юридических лиц. Несмотря на то, что инициатива продиктована потребностями оборота и реальных экономических отношений и в целом заслуживает поддержки, сам законопроект вызывает многочисленные вопросы теоретического и практического характера. Своеобразен также формат внесения изменений в гражданское законодательство. Законопроект предполагает введение приведенных положений как статьи 23 Федерального закона от 30 ноября 1994 года № 52 - ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», а не включение соответствующих положений в текст ГК РФ.

В законопроекте предоставляет стороне обязательства право отказаться от договора/от исполнения договора в случае, если другая сторона не исполнила или ненадлежащим образом исполнила обязательство, «поскольку такое исполнение объективно оказалось временно невозможным в условиях недружественных действий иностранных государств и международных организаций, связанных с введением ограничительных мер. При этом та сторона, которая вправе отказать от договора/от исполнения договора, в разумный срок до совершения отказа обязана предупредить другую сторону о намерении реализовать право на отказ. Если иное не предусмотрено законом или договором, способы обеспечения исполнения указанного договорного обязательства продолжают обеспечивать обязанности, которые сохраняются после отказа от договора (от исполнения договора).

В таком подходе возникают проблемы неопределенности толкования: не ясно вообще об отказе от договора идет речь или о временной невозможности исполнения. Если речь идет об отказе, то все-таки такие действия в каждом конкретном случае должны быть проанализированы

судебными органами и обстоятельства, препятствующие исполнению обязательств по договору, доказаны. Следовательно, здесь возможно использование такого гражданско-правового института, как обстоятельства непреодолимой силы.

Напротив, если речь идет о временной невозможности исполнения обязательств в связи с конкретными обстоятельствами, то оговорка может служить обеспечением исполнения принятых ранее обязательств. Конечно, не ясно, каким образом в этой ситуации действовать должнику, т.к. ему такой договор тоже может стать экономически невыгодным. Бесспорно, должник не будет отвечать за нарушение, но и договор его будет по-прежнему связывать (как и предлагаемые законопроектом способы обеспечения), и он может продолжать нести некоторые расходы по его исполнению и находиться в состоянии неопределенности относительно «момента возобновления» действия договора.

В связи с неопределенностью правового регулирования может возникнуть много вопросов на практике. Так, должен ли победивший участник закупки в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ и услуг отдельными видами юридических лиц», если есть санкции, заключить договор и как обеспечить его права. Можно ли ссылаться во время закупочных процедур на невозможность исполнения, если исполнение договора заранее предполагается невозможным. Но с другой стороны, непреодолимой силы против самого заключения договора не существует (особенно если невозможность исполнения временная).

Согласно законопроекту, если невозможность «окончательная», то обязательство просто прекращается. Вот здесь заложена проблема для всего российского бизнеса, поскольку недоказанная невозможность исполнения и просто разрыв обязательств ведет к глубокому кризису системы экономических правоотношений.

При этом естественно нельзя исключить возникновения ситуаций, которые могут квалифицироваться как злоупотребление правом, одного из последствий которого может быть отказ в привлечении контрагента к ответственности за неисполнение/несвоевременное исполнение обязательства. Однако, применение таких последствий со ссылкой на положения пункт 3 статьи 1 и пункт 1 и 2 статьи 10 ГК РФ уже допускается и сейчас. Поэтому возникает мысль о том, нужны ли вообще изменения законодательства в рассматриваемой ситуации.

Следует отметить, что вряд ли можно согласиться с оформлением законопроекта, поскольку представляется, что базовые принципы гражданских правоотношений должны быть урегулированы в ГК РФ, а не в иных нормативных правовых актах.

Если обратиться к традиционным видам обеспечения исполнения обязательств, которые обычно анализируются в российской юридической литературе [7, 8], то особенность их применения несколько изменилась в санкционный период.

Так, в условиях санкций, наложенных на многие крупные российские банки, для бизнеса стало затруднительно или невозможно дальнейшее обеспечение по займам банковскими гарантиями или аккредитивами.

Вместе с тем, в качестве факторов, способствующих обеспечению кредитования малого и среднего бизнеса, является деятельность региональных гарантийных организаций в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 года №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Это работа направлена на обеспечение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства и (или) организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, к кредитным и иным финансовым ресурсам, развитие системы поручительств и независимых гарантий по основанным на кредитных договорах, договорах займа, договорах финансовой аренды (лизинга), договорах о предоставлении банковской гарантии и иных договорах обязательствам субъектов малого и среднего предпринимательства и (или) организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства.

Наиболее последовательно и просто продолжается использоваться на российском рынке такие способы обеспечения, как задаток и обеспечительный платеж, которые как ранее, так и теперь четко работает на практике [9-11]. Обеспечительный платеж нередко называют гарантийным платежом (депозитом), страховым депозитом или обеспечительным депозитом. При возникновении денежного обязательства, обеспеченного внесением должником обеспечительного

платежа, у другой стороны возникает право на зачет требования по данному обязательству к встречному требованию плательщика о возврате обеспечительного платежа. Соответственно, зачет не происходит автоматически, а требуется дополнительная инициатива лица, получившего обеспечительный платеж. Использование такого инструмента распространено на организованных торгах, а также в различных гражданско-правовых договорах, требующих обеспечения.

Обеспечительный платеж следует отличать от задатка. Задаток обеспечивает взаимные обязательства сторон (в случае нарушения договора стороной, получившей задаток, она обязана вернуть его в двойном размере). Обеспечительный платеж обеспечивает лишь обязательства тем, кто его вносит. Далее реализация условия о задатке означает либо присвоение всей суммы задатка, либо истребование его в двойном размере. Уточнение этой суммы возможно по правилам статьи 333 ГК РФ. В случае с обеспечительным платежом сторона, его получившая, вправе произвести зачета только той суммы, которая соответствует реальному размеру возникшего денежного обязательства другой стороны.

Обеспечительный платеж также отличается от залога тем, что объект обеспечительного платежа однороден объекту обеспечиваемого обязательства (т.е. речь идет в обоих случаях речь о денежных средствах), и, естественно, залоговый режим, предполагающий процедуру обращения взыскания на объект залога, здесь неприменим. Объектом обеспечения является денежная сумма, которая переходит в «собственность» кредитора и подлежит возврату в случае невозникновения обеспеченного денежного обязательства.

От аванса обеспечительный платеж отличается тем, что он вносится не за работы, товар или услуги, а на покрытие денежных обязательств внесшего такой платеж лица, возникновение которых в будущем не совсем предопределено. Именно такой характер возникновения обеспечиваемых денежных обязательств препятствует признанию обеспечительного платежа авансированием. Иначе говоря, условие договора должно квалифицироваться как обеспечительный платеж только тогда, когда этот платеж обеспечивает обязательство, которое может возникнуть в будущем.

К правовым нормам, предусматривающим обеспечение исполнения обязательств, которые напротив «плохо прижились» в российской практике, следует отнести нормы, обеспечивающие права граждан при долевом строительстве жилья, например, осуществлении операций по счетам со специальным режимом (в частности, счет эскроу - специальный банковский счет, предназначенный для условного депонирования безналичных денежных средств (пункт 1 статья 860 ГК РФ). Согласно Федеральному закону от 1 июля 2018 года № 175 –ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» с июля 2018 года застройщики были вправе в добровольном порядке начать работать с дольщиками с использованием эскроу-счетов, а с 1 июля 2019 года этот порядок стал обязательным. Таким образом, дольщик должен заключить договор долевого участия в строительстве с застройщиком. Этот договор передается на регистрацию, а после регистрации дольщик должен заплатить цену по договору путем внесения денег на эскроу-счет. Однако, как и в прошлом десятилетии застройщики в настоящее время продают квартиры, коттеджи и таунхаусы, к примеру, в Подмоскowie на основании предварительных договоров (т.е. строят за счет денег инвесторов), оплату получают наличными денежными средствами и вообще отсутствуют какие-либо нормальные рычаги уполномоченных органов, которые обязаны контролировать строительство, осуществляемое часто без утверждения разрешительной документации с последующим, так сказать «узаконением».

Как известно, одна из последних крупных новелл на рынке ценных бумаг была внесена Федеральным законом от 02.07.2021 № 353 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты» и касается создания нового способа обеспечения исполнения обязательств из финансовых договоров (т.е. титульного обеспечения, которое заключается в передаче кредитору и удержания им права собственности на имущество должника). Речь идет о таких финансовых договорах, которые заключены на условиях генерального соглашения (единого договора), соответствующего примерным условиям договоров, предусмотренных пунктом 1 статьи 51.5 Федерального закона от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее - Закон о рынке ценных бумаг), и



(или) договоров, заключенных на условиях правил организованных торгов и (или) правил клиринга.

В обеспечение по финансовым договорам, могут быть внесены:

- эмиссионные ценные бумаги российского эмитента, инвестиционные паи паевого инвестиционного фонда, доверительное управление которым осуществляет российская управляющая компания;

- иностранные финансовые инструменты, обращение которых допускается в Российской Федерации в качестве ценных бумаг иностранных эмитентов (статья 51.1 Закона о рынке ценных бумаг);

- а также денежные суммы в валюте Российской Федерации или иностранной валюте.

Необходимо обратить внимание на особенности прекращения обязательств из таких договоров, заключенных на условиях генерального соглашения (единого договора). В случае прекращения обязательств из договоров исполнение нетто-обязательств осуществляется за счет стоимости обеспечения в порядке, предусмотренном договором о предоставлении обеспечения, причем такое обеспечение является обязательным в силу указанных договоров. Кроме того, как установлено в статье 51.8 Закона о рынке ценных бумаг, одновременно должны соблюдаться следующие условия:

- предметом обеспечения являются права по договору банковского счета, денежные средства (в соответствии с применимым законодательством иностранных государств), ценные бумаги или иные виды имущества, определенные в нормативных актах Банка России;

- лицо, у которого находится предмет обеспечения или которое является держателем предмета обеспечения в интересах сторон договора либо осуществляет учет прав на ценные бумаги, являющиеся предметом обеспечения, действующее в интересах других лиц, является третьим лицом и соответствует требованиям, указанных в нормативных актах Банка России;

- требование о предоставлении обеспечения установлено нормативными актами Банка России, законодательством иностранного государства или объединения иностранных государств.

Имущество, которое осталось у кредитора после прекращения обязательств из финансовых договоров, обеспеченных в изложенном выше порядке, и исполнения нетто-обязательств подлежит включению в конкурсную массу должника. Итак, был установлен новый способ обеспечения исполнения обязательств по финансовым договорам, что дает возможность исполнить/прекратить обязательства, прежде всего, на международных рынках в случае банкротства юридических лиц.

Иногда подобные нормы квалифицируются как предоставляющие преимущества перед иными кредиторами, которые важны для поддержания экономической стабильности в стране и соответствовали международной практике на финансовых рынках. Однако с учетом введенных санкций недружественных государств полагаем, что такое право на внеочередное удовлетворение требований, возникших на международных рынках, по сравнению с российскими кредиторами, становится неоправданным и должно быть скорректировано.

В силу части 1 статьи 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с требованиями законов, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями.

Ввиду распространения в последнее время мошеннических схем на рынке недвижимости в силу указанных выше норм при совершении сделок с недвижимостью довольно часто стал применяться такой вид обеспечения, как подача заявлений гражданами с целью подтверждения их прав на недвижимость. Любой владелец недвижимого имущества может подать заявление о том, что сделки с принадлежащим ему имуществом могут производиться только при его личном участии. При подаче такого заявления в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) будет внесена соответствующая запись. Правила внесения в ЕГРН отметки о невозможности регистрации и основания ее погашения предусмотрены статьей 36 Федерального закона от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Наличие такой записи в ЕГРН является основанием для возврата без рассмотрения заявления, представленного на государственную регистрацию прав другим лицом (не являющимся собственником объекта недвижимости или его законным представителем).



Однако наличие в ЕГРН указанной отметки не препятствует государственной регистрации перехода, прекращения, ограничения права и обременения объекта недвижимости, если основанием для госрегистрации права является: вступившее в законную силу решение суда, требование судебного пристава-исполнителя в случаях, предусмотренных Федеральным законом от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»; и в иных случаях, установленных федеральными законами. Таким образом, указанные выше механизмы обеспечивают права собственников недвижимости.

По результатам анализа порядка обеспечения исполнения обязательств можно констатировать, что в настоящее время в России возникла ситуация, когда потеряна значительная часть золотовалютных резервов, наложены санкции на импорт и экспорт, рушатся логистические цепочки – все это требует срочных мер по мобилизации всей экономике, в том числе в области обеспечения стабильности экономических отношений, в том числе исполнения обязательств.

**Литература и источники**

1. Зинченко С.А. О понятии и классификации способов обеспечения исполнения обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. №12.
2. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г., Ефимова Л.Г. Частное банковское право: учебник. М.: Проспект, 2020.
3. Вильданова М. Особенности обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств в Российской Федерации// Право и практика. 2021. №4.
4. Исмаилов В. Что такое закрытый паевой инвестиционный фонд: история, инфраструктура, назначение // <https://vc.ru/support>.
5. Рогожина Н.Н. Основы экономики недвижимости в схемах: учебное пособие. «РГ- Прогресс», 2018.
6. Плешакова О. Репо: передача титула или залог// <https://zakon.ru> 02.08.2019.
7. Зинченко С.А. О понятии и классификации способов обеспечения исполнения обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006, №12.
8. Вильданова М.М. Некоторые аспекты развития института обеспечения исполнения обязательств в России// Журнал российского права. 2011. № 2.
9. Беляева О.А. Торги: основы теории и проблемы правоприменения: монография. М.: ИЗиСП 2015.
10. Беляева О.А. Альтернативы задатку на торгах // Журнал российского права. 2011. №11.
11. Беляева О.А. Теоретико-правовые основы публичных закупок в современном российском правовом порядке // Современные проблемы развития предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом. М.: «Юстицинформ», 2021.

**References and Sources**

1. Zinchenko S.A. O ponyatii i klassifikacii sposobov obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2006. №12.
2. Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G., Efimova L.G. Chastnoe bankovskoe pravo: uchebnik. M.: Prospekt, 2020.
3. Vil'danova M. Osobennosti obespecheniya ispolneniya grazhdansko-pravovyh obyazatel'stv v Rossijskoj Federacii// Pravo i praktika. 2021. №4.
4. Ismajlov V. Chto takoe zakrytyj paevoj investicionnyj fond: istoriya, infrastruktura, naznachenie // <https://vc.ru/support>.
5. Rogozhina N.N. Osnovy ekonomiki nedvizhimosti v skhemah: uchebnoe posobie. «RG- Progress», 2018.
6. Pleshakova O. Repo: peredacha titula ili zalog// <https://zakon.ru> 02.08.2019.
7. Zinchenko S.A. O ponyatii i klassifikacii sposobov obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2006, №12.
8. Vil'danova M.M. Nekotorye aspekty razvitiya instituta obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv v Rossii// Zhurnal rossijskogo prava. 2011. № 2.
9. Belyaeva O.A. Torgi: osnovy teorii i problemy pravoprimeniya: monografiya. M.: IZiSP 2015.
10. Belyaeva O.A. Al'ternativy zadatku na torgah // Zhurnal rossijskogo prava. 2011. №11.
11. Belyaeva O.A. Teoretiko-pravovye osnovy publicznyh zakupok v sovremennom rossijskom pravoporyadke // Sovremennye problemy razvitiya predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom. M.: «Yusticinform», 2021.

**ВИЛЬДАНОВА МАРИНА МИХАЙЛОВНА** – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ([vildanovamarina@mail.ru](mailto:vildanovamarina@mail.ru)).  
**VILDANOVA MARINA M.** – Ph.D. in Law, Lead Researcher, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation ([vildanovamarina@mail.ru](mailto:vildanovamarina@mail.ru)).

УДК 347.447.7:343.535.1

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-173-177

**МАСЛЕННИКОВА Л.В., ШИРОКАЯ П.А., ОБЛОГИН Д.Д.**  
**СОСТАВ И РАЗМЕР ДЕНЕЖНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ**  
**ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПРИЗНАНИЯ ДОЛЖНИКА БАНКРОТОМ**

**Ключевые слова:** несостоятельность (банкротство), денежное обязательство, неплатежеспособность, неисполненные денежные обязательства, финансовые обязательства.

В статье рассматриваются и анализируются основные критерии определения состава и размера денежных обязательств и обязательных платежей при установлении факта несостоятельности (банкротства) юридических лиц, дается полное раскрытие понятия и критериев оценки состава денежных обязательств в процедурах банкротства, проведен анализ и исследованы подходы различных ученых цивилистов в части сущности правовой природы гражданско-правовых договоров и их влияния на инициацию и проведение процедур банкротства в отношении юридического лица. Отмечено, что неплатежеспособность, являясь одновременно признаком несостоятельности как для юридических, так и для физических лиц, определяется, исходя из общей суммы долга, а также продолжительности временного промежутка в процессе которого соответствующие денежные обязательства не были исполнены. Авторы подчеркивают, что судебная практика при применении положений закона о банкротстве исходит из того, что требование вытекающее из реституции должно рассматриваться вне рамок производства о банкротстве.

**Key words:** insolvency (bankruptcy), monetary obligation, insolvency, outstanding monetary obligations, financial obligations.

This article reviews and analyzes the basic criteria for determining the composition and amount of monetary liabilities and obligatory payments in establishing the fact of insolvency (bankruptcy) of legal entities, gives full disclosure of the concept and criteria for assessing the composition of monetary liabilities in bankruptcy proceedings, analyzed and investigated the approaches of various civil scholars in terms of the essence of the legal nature of civil contracts and their impact on the initiation and conduct of bankruptcy proceedings in relation to a legal entity. It is noted that insolvency, being at the same time a sign of insolvency for both legal entities and individuals, is determined based on the total amount of debt, as well as the duration of the time period during which the relevant monetary obligations were not fulfilled. The authors emphasize that the judicial practice, when applying the provisions of the bankruptcy law, proceeds from the fact that the claim arising from restitution should be considered outside the framework of bankruptcy proceedings.

Особенности процедуры и критерии, на основании которых у суда есть возможность признать участника гражданского оборота несостоятельным (банкротом), достаточно чётко отражаются в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1]. Исходя из буквальной трактовки закона, под правовой категорией несостоятельности понимается признание арбитражным судом неспособности должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и/или об осуществлении оплаты труда лиц по трудовым договорам, в том числе уплате обязательных платежей.

Неплатежеспособность, являясь одновременно признаком несостоятельности как для юридических, так и для физических лиц, определяется, исходя из общей суммы долга, а также продолжительности временного промежутка в процессе которого соответствующие денежные обязательства не были исполнены (п. 2 ст. 3, п. 2 ст. 6, п. 2 ст. 213.3 ФЗ №127) [2, с. 206]. По общему правилу, согласно п.2 ст. 6 Закона о банкротстве, существует минимальная сумма непогашенных долгов перед кредиторами юридического лица. Базовый порог, при котором арбитражный суд может удовлетворить требования заявителя о признании должника банкротом, для юридических лиц составляет наличие денежного обязательства в размере 300 тысяч рублей. Соответствующее денежное обязательство должно возникнуть за определенный период времени до фактического обращения заинтересованной стороны с заявлением о возбуждении процедуры признания должника банкротом. Неисполнение финансовых обязательств должно отвечать «трехмесячному критерию», в соответствии с которым должник не в состоянии удовлетворить в полном объеме причитающуюся ему сумму долга.

При определении состава обязательства под денежным обязательством следует понимать обязанность должника по уплате денежной суммы, исходя из сути заключенного гражданско-правового договора, предусмотренного текстом ГК РФ. Под обязательным платежом понимается совокупность налогов и сборов, а также иных безвозмездных обязательных взносов в бюджет соответствующего уровня.

Основывая свои суждения на имеющейся дефиниции, можно говорить о том, что к наиболее существенно важным аспектам несостоятельности можно относить невозможность исполнения требований кредиторов, работников, уполномоченных органов, а также подтверждение данных фактов в суде. При определении размера обязательств, возникающих у должника перед кредиторами, даже если соответствующие гражданско-правовые отношения осложнены иностранным элементом, общую сумму долга необходимо определять исходя из эквивалентации имеющихся денежных обязательств в соответствии с количеством денежных единиц в валюте Российской Федерации, то есть российских рублях. Учитывая, что все неисполненные обязательства в процедуре банкротства являются денежными, концептуально важным вопросом остается то, каким образом арбитражный управляющий или иной субъект отношений может грамотно квалифицировать и установить реальный состав и размер денежных обязательств перед кредиторами со стороны должника [3, с. 8].

В соответствии с Постановлением Пленума ВС РФ от 24.03.2016 №7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», в состав денежных обязательств по причиненным суммам убытков входят реальный ущерб и упущенная выгода [4]. На практике правоприменителю важно разделять эти два понятия. В дефиниции действующего законодательства «реальный ущерб» представляет собой гражданско-правовой институт сущность которого заключается в необходимости осуществления деятельности со стороны кредитора, направленной на восстановление

нарушенных прав и восстановление поврежденного (утраченного) имущества. В то же время «упущенная выгода» представляет собой форму недополученных кредитором доходов, которые он мог получить при отсутствии негативных последствий, имеющих место ввиду наличия противоправных действий виновной стороны.

При определении денежного состава обязательства, по общему правилу, в соответствии с п.5 ст. 393 ГК РФ суд не имеет права отказать в удовлетворении требований кредиторов на основании того, что отсутствует объективная возможность установить сумму обязательства с разумной степенью достоверности [5]. Однако следует отметить, что обязательства, рассматриваемые в рамках процедуры банкротства, имея денежный характер, могут касаться требования в натуре.

Рядом учёных-цивилистов отдельно рассматривается проблема установления суммы обязательных платежей в процедуре банкротства. Современное ее состояние и проблемы, связанные с правовой регламентацией данного вопроса, подробно разобраны в трудах Васильевой Н.В., активно занимающейся вопросами налогового права [6]. В своих работах она объединила воедино все имеющиеся виды обязательных платежей, которые в той или иной форме фигурируют в статьях Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», Бюджетном и Налоговом кодексах (далее – Закон о банкротстве, БК, НК). Взяв за основу п. 1 ст. 12 НК РФ, ст. 39 БК РФ, ст. 1 Закона РФ «О налоговых органах РФ» и ст. 2 Закона о банкротстве, она приводит следующий перечень денежных обязательств, формирующихся из неоплаченных обязательных платежей: 1) Налоги федерального, регионального и местного уровня, к ним относится НДС, налог на прибыль организаций, водный налог; 2) Сборы, к которым можно относить сбор за пользование объектами животного мира, различные лицензионные сборы; 3) Пошлины в виде таможенных и государственных пошлин; 4) Плата за использование лесного фонда (земель расположенных на землях лесного фонда), за нанесение вреда дорогам федерального значения транспортом массой свыше 12 тонн. Все перечисленные денежные обязательства могут, в той или иной степени, составлять существенную часть общего объёма денежных средств, подлежащих взысканию с должника.

При формировании состава и размера денежного обязательства в процедуре банкротства у правоприменителя часто возникает проблема с решением вопроса о включении или невключении реституционных требований в реестр требований кредиторов. Исходя из исследования Васильевой Н.В., а также сложившейся судебной практики можно с уверенностью говорить о том, что соответствующие обязательства не учитываются, ввиду того, что суть данного правового явления заключается в возврате неосновательно полученного имущества, а не в уплате денежных средств как таковых. Согласно Постановлению Президиума ВАС РФ от 13.11.2001 № 9180 [7], судебная практика при применении положений закона о банкротстве исходит из того, что требование вытекающее из реституции должно рассматриваться вне рамок производства о банкротстве.

Согласно мнению Васильева А.А., изложенному в ряде его работ, посвященных проблематике формирования состава и размера денежных обязательств и обязательных платежей, для целей признания должника банкротом, важным критерием определения денежного обязательства, а также признания его возникшим, считается природа самого обязательства, исходя из которой устанавливаются основания и особенности порядка его возникновения. В виде примеров можно рассмотреть договор займа и кредитный договор.

В случае договора займа, согласно ст. 807, ст. 810 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), право востребования займодавца в части уплаты переданных в собственность заёмщика денежных средств возникает с момента получения контрагентом денежных средств (если дата требования не установлена текстом договора), либо в течение тридцати дней с момента предъявления займодавцем соответствующего требования, либо в момент наступления предусмотренного договором срока [8, с. 18]. По кредитному договору (ст. 819 ГК РФ) кредитная организация, передавая заёмщику денежные средства, имеет право требования их возврата, начиная исключительно с момента наступления срока возврата денежных средств, указанных в договоре, при этом сумма долга будет осложнена обязательным начислением установленных договором процентов. При проведении сравнительной характеристики данных договоров следует отметить, что процедура установления состава и размера денежных обязательств будет различна и при их установлении необходимо исходить из природы заключенного договора.

Подводя промежуточный итог определению состава и размера денежных обязательств, исходя из сущности заключенного между контрагентами соглашения, следует отметить тот факт, что, в случае определения состава и размера денежного обязательства, правоприменителю необходимо учитывать юридическую природу заключенного гражданско-правового договора. В случае использования договора, в силу которого кредитор имеет законное право взыскать в свою пользу с должника денежные средства (в том числе штрафы, пени), которые в свою очередь будут заложены в основу формирования общего объема заявленных требований в вероятной процедуре банкротства, критически важно проводить грамотную оценку совокупности соответствующих требований с целью дальнейшего признания их удовлетворимыми.

На практике кредиторы и арбитражные управляющие сталкиваются с вопросом о формировании состава денежного обязательства, и о выяснении вопроса о том, имеет ли значение момент обращения кредитора с заявлением в суд о признании должника банкротом. Следует отметить, что в редакции Закона о банкротстве от 1998 года, в п. 1 ст. 4, формирование состава и размера денежных обязательств и обязательных платежей для целей признания должника банкротом основывалось на дате обращения заявителя в арбитражный суд. В соответствии с Постановлением Пленума ВАС РФ от 08.04.2003 № 4, положениями абз. 1 п. 1 ст. 4 Закона о банкротстве, для должника и кредитора важнейшее значение имеет момент возникновения права требования и дата наступления срока его исполнения. При этом момент заявления требования об исполнении денежного обязательства или обязательного платежа юридического значения не имеет [9].

Состав и размер денежных обязательств и обязательных платежей, указанных в заявлениях о признании должника банкротом, поступивших в суд после назначения заседания по рассмотрению обоснованности требований первого заявителя, определяются на дату подачи в суд таких заявлений. Требования, заявленные в ходе процедуры наблюдения, определяются на дату введения данной процедуры. Однако состав и размер требований по денежным обязательствам, возникшим до принятия заявления о признании должника банкротом, но заявленным уже после открытия конкурсного производства, определяются на дату открытия конкурсного производства, независимо от срока исполнения таких обязательств.

В случае подачи аналогичного заявления на этапе проведения процедуры финансового оздоровления или внешнего управления, состав и размер такого обязательства будет определяться на дату введения процедуры наблюдения. Если срок исполнения по обязательству возник в период наблюдения, а требование было заявлено в период финансового оздоровления или внешнего управления, то состав и размер обязательства будет определяться в зависимости от стадии процедуры банкротства [10].

Подводя итог, можно говорить о том, что в процессе определения состава и размера денежного обязательства необходимо учитывать правовую природу тех договоров, в силу которых кредитор имеет законное право взыскать в свою пользу с должника денежные средства. В части формирования состава и размера денежных обязательств и обязательных платежей, определяющее значение имеет момент возникновения требования по денежным обязательствам и дата наступления срока их исполнения, дата на момент которой были заявлены соответствующие требования в настоящей редакции закона утратила своё определяющее значение.

### Литература и источники

1. О несостоятельности (банкротстве): федерал. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ: в ред. от 30.12.2021 // СЗ РФ. 2002. № 10.
2. Гражданское право: Учебник: В 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 2012. Т. 1.
3. Васильев А.А. Банкротство и несостоятельность: соотношение понятий // Право и жизнь. 2015. № 29.
4. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 // СЗ РФ. 2016. № 13. Ст. 117.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федерал. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: в ред. от 16.12.2022 // СЗ РФ. 1994. № 32.
6. Васильева Н.В. Система обязательных платежей в Российской Федерации: современное состояние и проблемы правовой регламентации. СПб.: Издательство СПбГУЭФ, 2016.
7. О применении судами некоторых положений главы 9 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.11.2001 № 9180 // СЗ РФ. 2001. № 14. Ст. 18.
8. Витрянский В.В. Исполнение денежных обязательств при банкротстве должника // Право и жизнь. 2013. № 41.
9. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума ВАС РФ от 08.04.2003 № 4 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 11. Ст. 1172.
10. Масленникова Л.В. Правовой статус финансового управляющего // Эпомен. 2021. № 53.

### References and Sources

1. O nesostoyatel'nosti (bankrotstve): federal. zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ: v red. ot 30.12.2021 // SZ RF. 2002. № 10.
2. Grazhdanskoe pravo: Uchebnik: V 2 t. / Otv. red. E.A. Suhanov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: BEK, 2012. T. 1.
3. Vasil'ev A.A. Bankrotstvo i nesostoyatel'nost': sootnoshenie ponyatij // Pravo i zhizn'. 2015. № 29.
4. O primenении sudami nekotoryh polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.03.2016 № 7// SZ RF. 2016. № 13. St. 117.
5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya): federal. zakon ot 30.11.1994 № 51-FZ: v red. ot 16.12.2022 // SZ RF. 1994. № 32.
6. Vasil'eva N.V. Sistema obyazatel'nyh platyezhej v Rossijskoj Federacii: sovremennoe sostoyanie i problemy pravovoj reglamentacii. SPb.: Izdatel'stvo SPbGUEF, 2016.
7. O primenении sudami nekotoryh polozhenij glavy 9 chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii: Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 13.11.2001 № 9180 // SZ RF. 2001. № 14. St. 18.
8. Vitryanskij V.V. Ispolnenie denezhnyh obyazatel'stv pri bankrotstve dolzhnika // Pravo i zhizn'. 2013. № 41.
9. O nekotoryh voprosah, svyazannyh s vvedeniem v dejstvie Federal'nogo zakona «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)»: Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 08.04.2003 №4 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2014. № 11. St. 1172.
10. Maslennikova L.V. Pravovoj status finansovogo upravlyayushchego // Epomen. 2021. № 53.

**МАСЛЕННИКОВА ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВНА** - кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина.

**ШИРОКАЯ ПОЛИНА АЛЕКСЕЕВНА** - магистрант КубГАУ им. И.Т. Трубилина.

**ОБЛОГИН ДЕНИС ДМИТРИЕВИЧ** - магистрант КубГАУ им. И.Т. Трубилина

**MASLENNIKOVA, LYUDMILA V.** – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of International Private and Business Law, I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University (maslennikov@mail.ru).

**SHIRIKAYA, POLINA A.** - master's student, I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University (shirikaya@mail.ru).

**OBLOGIN, DENIS D.** - master's student of I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University (oblogin@mail.ru).

УДК 347.1

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-177-183

**ГОРДЕЕВ П.А., ЛАМБАЕВ Ж.Т.**

## **ПРЕДЕЛЫ ДИСПОЗИТИВНОСТИ В РЕГУЛИРОВАНИИ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В НЕПУБЛИЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ**

**Ключевые слова:** диспозитивность, корпоративные отношения, свобода договора, миноритарии, мажоритарии, публичный интерес, участники корпорации, внешние кредиторы.

Корпоративные отношения, как часть предмета гражданского права, в полной мере подвержены регулированию частноправовым методом диспозитивности, который проявляется в свободе участников корпораций предусматривать условия, направленные на регулирование отношений внутри корпорации по своему усмотрению. Но такая свобода не может быть безграничной. Сравнивая проявления метода диспозитивности в регулировании вещных и обязательственных отношений с корпоративными отношениями, можно выделить некоторые общие черты, а также отличия, отражающие специфику правоотношений внутри корпорации. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать подходы науки и правоприменительной практики к вопросам ограничения диспозитивности корпоративных отношений. Целью исследования является определение пределов диспозитивности и критериев для их определения. Результатом исследования явились выводы о выделении в качестве ограничений диспозитивности в регулировании корпоративных отношений трех оснований: баланса интересов участников корпорации (внутренние), интересов кредиторов (внешние), а также публичных интересов.

**GORDEEV, P.A., LAMBAEV, Z.T.**

**LIMITS OF DISPOSITIVITY IN THE REGULATION OF CORPORATE RELATIONS IN NON-PUBLIC COMPANIES**

**Key words:** dispositivity, corporate relations, freedom of contract, minority shareholders, majority shareholders, public interest, corporation participants, external creditors.

Corporate relations, as part of the subject of civil law, are fully subject to regulation by the private law method of discretion, which manifests itself in the freedom of corporation participants to provide conditions aimed at regulating relations within the corporation, at their own discretion. But such freedom cannot be unlimited. Comparing the manifestations of the dispositivity method in the regulation of property and liability relations with corporate relations, we can highlight some common features, as well as differences that reflect the specifics of legal relations within a corporation. The purpose of this article is to analyze the approaches of science and law enforcement practice in matters of limiting the optionality of corporate relations. The aim of the study is to determine the limits of discretion and criteria for their determination. The study resulted in conclusions about the allocation of three grounds as restrictions on discretion in the regulation of corporate relations: the balance of interests of corporation participants (internal), the interests of creditors (external), as well as public interests.

С момента законодательного закрепления корпоративных отношений в качестве одной из составляющих предмета гражданского права прошло чуть более семи лет. За это время в литературе уже высказано мнение о признании корпоративного права в качестве одной из подотраслей гражданского права [1]. В то же время нельзя не отметить, что проблематика научных исследований в указанной области сместилась в сторону частных вопросов корпоративного права. Однако решение подобных частных вопросов невозможно без определения концептуальной основы правового регулирования корпоративных отношений. Поэтому важным не только с научной, но и практической точки зрения является вопрос о пределах регулирования этих отношений диспозитивным методом.

Предваряя дальнейшие рассуждения, следует сделать замечания общего характера. Во-первых, сама постановка вопроса о возможности регулирования корпоративных правоотношений

диспозитивным методом, на первый взгляд, может показаться неуместной: коль скоро корпоративные правоотношения являются гражданско-правовыми (частноправовыми), то и метод их правового регулирования должен быть диспозитивным. Однако такое понимание было бы безответственным упрощением реальной ситуации. В цивилистической литературе давно было подмечено: то, что правильно для гражданского права в целом, не всегда подтверждается каждой его составной частью, рассматриваемой обособленно [2, с. 182]. Применительно к корпоративным правоотношениям в современной литературе одним из первых обратил внимание на данное обстоятельство А.А. Кузнецов, который пришел к выводу о необходимости презумпции императивности норм, предусмотренных законом в отношении публичных обществ [3, с. 51]. Императивное правовое регулирование характерно также и для корпоративных правоотношений, складывающихся внутри некоммерческих корпораций. По существу, из числа организационно-правовых форм корпораций по российскому праву диспозитивный метод правового регулирования возможен лишь в непубличных коммерческих корпорациях. Однако, и здесь диспозитивность, как будет показано ниже, имеет свои пределы.

Во-вторых, не следует забывать, что диспозитивность не является единственной чертой метода правового регулирования. Напротив, диспозитивность, наряду с имущественной самостоятельностью, дозволительной направленностью, автономией воли и т.д. является лишь одной из черт метода гражданского права [4, с. 69]. Диспозитивность как возможность выбора модели поведения обычно выражается в возможности отступить от тех или иных предписаний закона. Применительно к корпоративным правоотношениям начало диспозитивности проявляется, прежде всего, в содержании учредительных документов корпорации, корпоративных договорах, решениях собраний и т.д.

Для разных видов частноправовых отношений существуют различные пределы диспозитивности. Ограничение диспозитивности на примере вещных и обязательственных отношений в гражданском праве уже являлось предметом научных дискуссий [5, с. 385-406]. Так, интересы участников правоотношений являются основанием для ограничения диспозитивности как в вещных, так и в обязательственных отношениях. Но эти основания имеют разное наполнение. При ограничении вещных прав под частными интересами понимаются интересы лиц, не участвующих в правоотношении (неопределенный круг обязанных лиц). В тоже время для обязательственных отношений под защищаемыми частными интересами понимаются интересы участников правоотношения – сторон договора.

Представляется, что именно диспозитивный метод следует считать исходным в юридическом нормировании корпоративных правоотношений в непубличных обществах. Тем не менее, и здесь диспозитивный метод претерпевает известные ограничения. Так, с одной стороны, для корпоративных правоотношений применимы ограничения, свойственные отчасти обязательственным, а отчасти вещным правоотношениям. С другой стороны, корпоративные правоотношения имеют несколько иные, собственные ограничения. Другими словами, пределами диспозитивности могут выступать: (1) интересы участников корпорации; (2) интересы третьих лиц; (3), публичные интересы.

1. Баланс интересов участников корпоративных отношений. Корпорация как разновидность объединения граждан и юридических лиц предполагает участие в таком объединении нескольких лиц, чьи интересы могут не совпадать. Исключением может быть компания одного лица, которая создается и управляется одним участником. Компании одного лица не являются предметом изучения в настоящей работе, поскольку в них правами участника наделено одно лицо, для которого вопросы поиска баланса интересов с иными участниками отсутствуют.

Наличие у участников корпорации несопадающих интересов влечет необходимость согласования разногласий между ними. Корпоративное право призвано регулировать отношения между участниками таким образом, чтобы не допустить злоупотребления своими правами со стороны кого-либо из участников корпорации.

Общей чертой обязательственных и корпоративных правоотношений является наличие нескольких участников: для корпоративных – это участники корпорации, для обязательственных – кредитор и должник. В указанном смысле целесообразно рассмотреть ограничения корпоративных прав в сравнении с ограничениями обязательственных отношений.

Свобода договора является важным принципом, отражающим диспозитивность гражданского права в целом. По мнению К. И. Забоева, указанный принцип проявляется в свободе заключения договора, а также в свободе при определении характера заключаемого договора и его условий [6]. Однако, более корректной представляется позиция В. Ф. Яковлева, который утверждал, что свобода договора выражается, во-первых, в том, что любой участник гражданского оборота вправе самостоятельно решать – заключать договор или не заключать. Во-вторых, свобода договора выражается в выборе контрагента – лиц, с которыми договор или договоры будут заключены. В-третьих, сами договаривающиеся стороны решают, какой именно договор будет заключен между ними [7, с. 48]. Данная позиция нашла свое закрепление в ст. 421 ГК РФ.

В то же время принцип свободы договора имеет свои ограничения, в частности, при неравных переговорных возможностях, слабая сторона договора имеет право требовать в суде неприменения несправедливых договорных условий, ущемляющих ее права. Интересы слабой стороны являются основным ограничителем свободы договора, а злоупотребления со стороны большинства являются необходимым критерием для установления данного факта.

С учетом того, что корпоративные отношения не являются обязательственными, применять к ним общие правил об обязательствах, в том числе и Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах», возможно лишь по аналогии. Для регулирования корпоративных отношений необходимо формулирование принципа, применимого исключительно к корпоративным отношениям. Существование принципа свободы корпоративных отношений и принципа свободы договора возможно одновременно, поскольку оба эти принципа являются проявлением общегражданского принципа диспозитивности. Содержанием принципа свободы корпоративных отношений может быть свобода создания корпораций, свобода вступления в корпорацию, свобода включения в учредительные документы положений отличных от содержащихся в законодательстве, свобода заключения корпоративных соглашений, свобода прекращения корпоративных отношений. Данная позиция была высказана одним из авторов настоящей статьи ранее. При этом включение такого принципа должно сопровождаться указанием пределов такой свободы.

Несовпадение интересов миноритарных и мажоритарных участников может привести к возникновению корпоративных конфликтов. Применение принципа большинства влечет законную возможность ущемления прав меньшинства. Право призвано регулировать отношения между участниками таким образом, чтобы меньшинство имело возможность защитить свои права против большинства, злоупотребляющего правами.

С другой стороны, возможны случаи злоупотребления со стороны меньшинства, поскольку каждый участник вправе пользоваться принадлежащим ему правом на получение информации о деятельности общества, правом на созыв общего собрания и т.д. Нередки случаи, когда миноритарии, не имея фактически возможности принять участие в управлении корпорацией, действуют недобросовестно, направляя массу требований в общество, тем самым парализуя его основную деятельность. Чаще всего, их целью является не реализация права на участие в управлении корпорацией, а вынуждение мажоритариев выкупить миноритарный пакет акций по стоимости, превышающей рыночную. При этом страдают интересы не только мажоритарных участников, но и корпорации в целом. Таким образом, ограничителем диспозитивности в регулировании корпоративных отношений будет баланс интересов миноритарных и мажоритарных участников корпорации, если другой участник допускает злоупотребления. В данном случае баланс употребляется не в смысле равенства положения обеих сторон, но как равновесное положение, позволяющее корпорации продолжать свою деятельность. Нарушение этого равновесного положения может привести к неблагоприятным последствиям вплоть до гибели корпорации. Данный пример является общим для обязательственных и корпоративных правоотношений. С другой стороны, ключевым отличием корпоративных отношений от обязательственных является «принцип большинства», используемый при принятии решений на общих собраниях участников. Его суть сводится к наступлению правовых последствий при принятии решения на собрании не единогласно, а большинством голосов участников. При этом лица, голосовавшие против данного решения, вынуждены ему подчиниться [8].

Договорные правоотношения возникают лишь в том случае, когда воля всех сторон сделки направлена на возникновение соответствующих такой сделке правовых последствий. Если один

из субъектов гражданских прав будет против заключения сделки, то сделка просто не состоится, а в результате не возникнет правоотношения. Это является одним из проявлений принципа свободы договора – никто не может быть принужден к заключению договора.

Таким образом, ограничением диспозитивности внутри корпорации является необходимость поддержания баланса интересов между участниками корпорации, а критериями для определения в отношении отклонения от баланса являются: принцип большинства, интересы миноритариев при злоупотреблениях со стороны мажоритариев, а также интересы корпорации, при злоупотреблениях со стороны миноритариев.

2. Защита интересов третьих лиц. Участие корпорации в гражданском обороте должно способствовать его развитию, а не создавать риски для добросовестных участников. Коммерческие корпорации как правовая конструкция были созданы с целью вовлечения в предпринимательскую деятельность большего количества участников, а также с целью ограничения ответственности участников по долгам юридического лица. Основой корпоративного права является принцип сепарации, понимаемый как обособление имущества общества от имущества его участников, и ограничение ответственности участников по долгам корпорации в размере стоимости такого имущества [9]. По мнению К.А. Михалева, ограничение ответственности участника является привилегией. Участник может быть лишен этой привилегии при недобросовестном поведении, в том числе при применении конструкции хозяйственного общества в противоречии с ее назначением [10]. Возникает вопрос: как соотносятся права участников общества и права кредиторов. Корпоративные отношения складываются внутри корпорации. Права кредиторов основываются на обязательственных отношениях, в которые вступает корпорация, а не ее участники. В то же время нередки случаи, когда «корпоративную вуаль» используют с противоправными целями, в частности, в ущерб кредиторам.

Стоит отметить, что корпоративное отношение не ограничивается взносом участника в уставный капитал. Основной составляющей корпоративного права является право участия в корпорации и в ее управлении. Таким образом, если рассматривать хозяйственное общество как правовую конструкцию, влияющую на права как участников, так и кредиторов, необходимо отметить, что правовое положение их существенно отличается.

С одной стороны, и те, и другие могут быть кредиторами общества. Участники могут иметь к обществу требования по выплате дивидендов, в связи с чем их нередко называют «внутренними кредиторами». «Внешние» кредиторы становятся таковыми в результате вступления с корпорацией в обязательственные отношения. При этом «внутренний» кредитор часто находится в более выгодном положении, поскольку он осведомлен о действительном положении дел в организации и участвует в управлении ею. «Внешний» кредитор лишен таких льгот, поэтому его положение будет менее защищенным. В целях поддержания баланса интересов доктриной и судебной практикой разработана теория снятия корпоративной вуали, а законодатель и судебная практика выработали механизмы субсидиарной ответственности контролирующих лиц в делах о банкротстве, возможности конкурсного оспаривания сделок с участниками и другие.

В то же время ограничение ответственности участников корпорации не отражает в полной мере существо корпоративного правоотношения. Поскольку такие отношения возникают не только между участниками и корпорацией (например, по управлению последней, внесению вклада в уставный капитал, выплате дивидендов и т.д.), но между участниками (получение необходимого согласия на совершение сделок, принятия решений о выплате дивидендов, порядок управления обществом, корпоративные соглашения и т.д.). Участники вправе предусматривать для себя любые условия в уставе, корпоративном договоре или любом другом корпоративном документе, но данные условия не могут нарушать прав «внешних» кредиторов.

3. Публичные интересы. Публичный интерес является противоположностью частным интересам, а также критерием, отделяющим отрасли частного и публичного права. Категория публичного интереса активно используется в обязательственном праве (признание сделок недействительными), а также в международном частном праве (оговорка о публичном порядке). Кроме того, как указывалось выше, вещные права могут прекращаться в публичных интересах. В результате нарушения публичного интереса сделки могут быть признаны ничтожными. Государство имеет право изъять у частного лица принадлежащее ему имущество в предусмотренных законом случаях, а также не применять положение иностранного



законодательства при регулировании частных правоотношений, осложненных иностранным элементом. Таким образом, публичный интерес определяется, с одной стороны, через правовые принципы или общие представления российского общества о нравственности и морали [11], а с другой стороны, через особую публичную значимость, как основу построения экономической, политической, правовой системы государства.

Категория публичного порядка предполагает придание приоритетного значения основам российского правопорядка, включающего в себя, помимо основ морали, главных религиозных постулатов, главных экономических и культурных традиций, сформировавших российское гражданское общество, и основополагающие принципы российского права [12]. Законодательство не содержит понятия публичного интереса, но в судебной практике было сформулировано следующее определение в целях оспаривания сделок: «под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды» [13]. Указанное понятие может быть применимо как критерий для ограничения диспозитивности в вещных, обязательственных правоотношениях и в международном частном праве. Представляется, что оно в равной мере может быть использовано и для целей настоящего исследования в качестве критерия ограничения диспозитивности в регулировании корпоративных отношений.

При этом стоит конкретизировать случаи, в которых публичный интерес может являться пределом диспозитивности корпоративных отношений:

1) ярким примером ограничения на этапе создания общества можно назвать запрет на создание корпорации с целью осуществления деятельности, противоречащей правопорядку и нравственности. В частности, невозможно создать организацию, деятельность которой направлена на легализацию средств, полученных преступным путем или направленную на финансирование терроризма.

2) запрет органам государственной власти и местного самоуправления создавать корпорации вызван интересами рыночной экономики. С одной стороны, перед публично-правовыми образованиями ставятся цели, отличные от извлечения прибыли, с другой – допуск в качестве участника коммерческих корпораций на рынок органов власти не будет соответствовать антимонопольному законодательству.

3) по аналогии с обязательственными отношениями, корпоративные акты, например, устав, корпоративный договор, а также решения собраний участников могут быть признаны ничтожными по основаниям ст. 168, 169, 181.5 ГК РФ.

4) существо организационно-правовой формы является примером публично-правового интереса, направленного на поддержание стабильности рыночного оборота и предсказуемости регулирования гражданских правоотношений. Совершение участниками действий или включение в корпоративные документы условий, противоречащих организационно-правовой форме, должны считаться недействительными.

5) учеными неоднократно ставилась под сомнение необходимость распределения прав управления между участниками пропорционально размеру их участия (пакету акций или доли в уставном капитале) [14]. Возможность предоставления дополнительных прав определенным категориям акционеров была закреплена в действующем законодательстве. Например, так называемая «золотая акция» дает право государству в независимости от размера пакета акций принимать решения или налагать вето на принятия решений. В то же время непропорциональное распределение голосов порождает правовую неопределенность. Так, например, при изменении состава участников новый участник может иметь 99% уставного капитала, но будет лишен права управлять обществом. Данные условия, с одной стороны, противоречат конструкции хозяйственного общества, а с другой – создают почву для злоупотреблений.

Другими словами, должны считаться противоречащими праву такие действия акционеров, которые хотя и приняты с соблюдением действующего законодательства, а также интересов других участников корпорации и ее кредиторов, но изменяющие корпорацию настолько, что она перестает отвечать духу организационно-правовой формы, в которую облечена.

Например, если предположить, что участники общества с ограниченной ответственностью предусмотрели в уставе или корпоративном договоре условие об отмене исключительного права

на приобретение доли, то сама суть общества с ограниченной ответственностью как организационно-правовой формы искажается. Первоначально корпорации естественным путем сформировались в виде акционерных обществ. Общество с ограниченной ответственностью как разновидность корпоративных объединений, напротив, по меткому выражению А. И. Каминки, представляет собой преимущественно результат кабинетной работы германских юристов [15, с. 399]. Оно было создано в качестве альтернативы акционерным компаниям [16, с. 171], характеризующимся свободой изменения состава участников (акционеров). Оно являлось закрытой корпорацией, созданной с целью предоставления мелким предпринимателям возможности создавать корпорации с небольшим количеством участников и капиталом, но с отсутствующим в акционерных обществах «личностным элементом» [1]. В противоречии с этим условием участники, предусматривая положения об исключении преимущественного права продажи, меняют природу юридического лица. Подобное поведение может повлечь неопределенность в правопонимании. Если участники хотят отменить это право, они свободны выбрать иную организационно-правовую форму, например, акционерное общество.

Таким образом, публичные интересы как ограничение диспозитивности, с одной стороны, содержат запрет на включение в корпоративные документы положений, противоречащих основам построения экономической, политической, правовой системы государства, и, с другой стороны призваны исключить возможность участников предусматривать такие положения, которые существенным образом изменяют организационно-правовую форму.

Проведенный анализ влияния частноправового метода на гражданско-правовые отношения позволяет определить пределы диспозитивности в регулировании корпоративных отношений в сравнении с вещными и обязательственными. Обоснована необходимость доктринального закрепления принципа свободы корпоративных отношений как аналога принципа свободы договора в обязательственных отношениях. В качестве пределов диспозитивности вещных отношений названы интересы третьих лиц и публичные интересы. Ограничениями свободы договора в обязательственных отношениях выступают интересы слабой стороны и публичные интересы. Установлено, что для корпоративных отношений в силу их специфики, пределами диспозитивности являются: баланс интересов участников корпорации, интересы третьих лиц (кредиторов) и публичные интересы.

Баланс интересов участников корпорации – это состояние, при котором участники (миноритарии и мажоритарии) взаимодействуют внутри корпорации на основе соблюдения принципа большинства, а также недопустимости злоупотреблений своими правами. Нарушение такого баланса влечет разрушение корпорации. Интересы внешних кредиторов являются ограничением диспозитивности, поскольку они находятся в менее защищенной позиции перед участниками общества. Согласование участниками условий, которые влекут ущемление прав кредиторов, недопустимо. При этом действующее законодательство предусматривает возможность отменять такие условия только в процедуре банкротства.

Публичные интересы являются последним основанием для ограничения дееспособности в регулировании корпоративных отношений. Данный критерий является общим для ограничения диспозитивности всех видов гражданских правоотношений и выражается в невозможности субъектов предусматривать правоотношения, которые нарушают правопорядок и нравственность, а также принципы правовой системы государства. Для корпоративных отношений примеры публичных интересов могут отличаться от обязательственных или вещных. Так, включение в корпоративные документы условий, противоречащих правовой природе организационно-правовой формы, должно считаться незаконным, а данные условия признаваться неприменимыми.

Таким образом, свобода усмотрения участников корпоративных отношений может быть ограничена в целях поддержания баланса интересов между участниками корпорации, для защиты прав внешних кредиторов, а также публичных интересов, направленных на защиту правопорядка, основ государственного устройства и экономической система нашего государства.

### Литература и источники

1. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.
2. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Курс лекций. Ч. 3. Л., 1965. 347 с.
3. Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве. Краткий очерк. М.: Статут, 2017. 159 с.
4. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. 212 с.
5. Хохлов С.А. Право собственности и другие вещные права // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова. М., 1998.

6. Забоев К.И. Принцип свободы договора в российском гражданском праве. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 227 с.
7. Гражданское право: учебник. В 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2018. 528 с.
8. Кривушева С.С. Решения собраний как юридические факты в российском гражданском праве. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 224 с.
9. Гутников О.В. Ответственность перед кредиторами в корпоративных отношениях: тенденции и перспективы развития правовых норм // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 20-31.
10. Михалева К.А. Защита прав кредиторов хозяйственного общества от использования конструкции общества в противоречии с ее назначением. Дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 235 с.
11. Новикова Н.А. Оговорка о публичном порядке как основание ограничения оборотоспособности интеллектуальных прав // Судья. 2016. № 4. С. 59-61.
12. Гонгало Б.М., Новикова Н.А. Основные тенденции развития частного права в условиях глобальных экономических и политических вызовов XXI века // Право, политика и экономика в современном мире: вызовы XXI века. Доклады исполнительного комитета к Десятой сессии Европейско-Азиатского правового конгресса / под ред. В. Д. Перевалова, В. А. Бублик. Екатеринбург, 2016. С. 89-100.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 75).
14. Степанов Д.И. Выступление на круглом столе «Диспозитивность норм корпоративного законодательства и пределы свободы договора в корпоративном праве» от 04.04.2018. // Запись выступления: <https://www.youtube.com/watch?v=mO6Sn7ip6Qk&t=1184s>.
15. Каминка А.И. Очерки торгового права. М., 2002. 547 с.
16. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2000. 666 с.

## References and Sources

1. Suhanov E.A. Sravnitel'noe korporativnoe pravo. M.: Statut, 2014. 456 с.
2. Ioffe O.S. Sovetskoe grazhdanskoe pravo. Kurs lekcij. Ch. 3. L., 1965. 347 с.
3. Kuznecov A.A. Predely avtonomii voli v korporativnom prave. Kratkij ocherk. M.: Statut, 2017. 159 s.
4. Yakovlev V.F. Grazhdansko-pravovoj metod regulirovaniya obshchestvennyh otnoshenij. Sverdlovsk, 1972. 212 s.
5. Hohlov S.A. Pravo sobstvennosti i drugie veshchnye prava // Grazhdanskij kodeks Rossii. Problemy. Teoriya. Praktika: Sbornik pamyati S.A. Hohlova. M., 1998.
6. Zaboev K.I. Princip svobody dogovora v rossijskom grazhdanskom prave. Dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2002. 227 с.
7. Grazhdanskoe pravo: uchebnik. V 2 t. / pod red. B. M. Gongalo. T. 1. 2-e izd. pererab. i dop. M.: Statut, 2018. 528 s.
8. Krivusheva S.S. Resheniya sobranij kak yuridicheskie fakty v rossijskom grazhdanskom prave. Dis. ...kand. jurid. nauk. Ekaterinburg. 2018. 224 s.
9. Gutnikov O.V. Otvetstvenost' pered kreditorami v korporativnyh otnosheniyah: tendencii i perspektivy razvitiya pravovyh norm // ZHurnal rossijskogo prava. 2014. № 7. S. 20-31.
10. Mihalev K.A. Zashchita prav kreditorov hozyajstvennogo obshchestva ot ispol'zovaniya konstrukcii obshchestva v protivorechii s ee naznacheniem. Dis. kand. jurid. nauk. Ekaterinburg. 2015. 235 s.
11. Novikova N.A. Ogovorka o publichnom poryadke kak osnovanie ogranicheniya oborotosposobnosti intellektual'nyh prav // Sud'ya. 2016. №4. S. 59-61.
12. Gongalo B.M., Novikova N.A. Osnovnye tendencii razvitiya chastnogo prava v usloviyah global'nyh ekonomicheskikh i politicheskikh vyzovov XXI veka // Pravo, politika i ekonomika v sovremennom mire: vyzovy XXI veka. Doklady ispolnitel'nogo komiteta k Desyatoj sessii Evropejsko-Aziatskogo pravovogo kongressa / pod red. V. D. Perevalova, V. A. Bublik. Ekaterinburg, 2016. S. 89-100.
13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25 «O primeneniі sudami nekotoryh polozhenij razdela I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» (p. 75).
14. Stepanov D.I. Vystuplenie na kruglom stole «Dispozitivnost' norm korporativnogo zakonodatel'stva i predely svobody dogovora v korporativnom prave» ot 04.04.2018. // Zapis' vystupleniya: <https://www.youtube.com/watch?v=mO6Sn7ip6Qk&t=1184s>.
15. Kaminka A.I. Oчерki torgovogo prava. M., 2002. 547 s.
16. Tarasov I.T. Uchenie ob akcionernykh kompaniyah. M., 2000. 666 с.

**ГОРДЕЕВ ПАВЕЛ АНАТОЛЬЕВИЧ** – преподаватель кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета ([respectgp@gmail.com](mailto:respectgp@gmail.com)).

**ЛАМБАЕВ ЖАРГАЛ ТУМУНОВИЧ** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Бурятского государственного университета ([lambaev2010@yandex.ru](mailto:lambaev2010@yandex.ru)).

**GORDEEV, PAVEL A.** – Lecturer, Department of Civil Law, Ural State Law University ([respectgp@gmail.com](mailto:respectgp@gmail.com)).

**LAMBAEV, ZHARGAL T.** – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Buryat State University ([lambaev2010@yandex.ru](mailto:lambaev2010@yandex.ru)).

УДК 347.1

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-183-188

## ТАРАСОВА Ю.А. ПОРУНОВА О.Г. К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

**Ключевые слова:** злоупотребление правом, шикана, Гражданский кодекс, принцип добросовестности сторон, недействительность сделки, правовые последствия шиканы, отказ в защите права.

Актуальность исследования вызвана неясностью определения основных характеристик такого института, как «злоупотребление правом» в Гражданском кодексе России. Цель статьи - проанализировать существующее определение злоупотребления правом в Гражданском кодексе России и выявить трудности его квалификации в юридической практике. Ведущими методами исследования являются контент-анализ определения злоупотребления правом в Гражданском кодексе России и анализ судебной практики. Основой исследования является принцип добросовестности в гражданско-правовых отношениях. В результате исследования были рассмотрены преимущества и недостатки определения злоупотребления правом в Гражданском кодексе Российской Федерации. Рассматривались также определения данного явления в некоторых других правовых системах континентального права. Делается вывод о сложности выявления и правовой квалификации действий, являющихся злоупотреблением правом, и значительном вреде,

которые эти действия наносят экономике и обществу в целом. Авторы предлагают расширить санкции, предусмотренные гражданским законодательством к лицам, в действиях которых судом будет усмотрено злоупотребление правом.

TARASOVA, Y.A., PORUNOVA, O.G.

### ON THE PROBLEM OF IDENTIFICATION AND LEGAL QUALIFICATION OF ABUSE OF LAW

**Key words:** abuse of the right, shikana, Civil Code, principle of good faith of the parties, invalidity of the transaction, legal consequences of the abuse of the right, refusal to protect the right.

The relevance of the study is caused by the ambiguity of determining the main characteristics of such an institution as the abuse of law in the Civil Code of Russia. The purpose of the article is to analyze the existing definition of abuse of law in the Civil Code of Russia and find out the difficulties of its qualification in legal practice. The leading research methods are content analysis of the definition of abuse of law in the Civil Code of Russia and analysis of judicial practice. The basis of the study is the principle of integrity in civil law relations. As a result of the study, the advantages and disadvantages of the definition of abuse of law in the Civil Code of the Russian Federation were considered. Definitions of this phenomenon were also considered in some other legal systems of continental law. It is concluded that it is difficult to identify and legally qualify actions that constitute abuse of law and that these actions cause significant harm to the economy and society as a whole. The authors propose to expand the sanctions provided for by civil law to the persons in whose actions the court will reveal the abuse of the right.

Политика любого государства в области правового регулирования общественных отношений ориентирована на строгое выполнение участниками предписаний закона, согласования с ним всех действий и поступков. Но в современном мире, с существенным расширением сферы правомерного поведения, границы, которые разделяют ее с противоправной деятельностью, становятся мобильными.

В российском законодательстве одним из основных принципов исполнения прав является принцип диспозитивности. Он означает, что граждане, владеющие правами, независимы в выборе форм и целей их осуществления. Лицо приобретает и осуществляет свои права своей волей и в своем интересе. Никто не вправе препятствовать субъекту в осуществлении принадлежащих ему прав или принуждать его к их реализации. Лицо не только свободно в активном использовании прав, но и имеет возможность воздерживаться от их реализации. При этом отказ лица от осуществления принадлежащих ему прав в определенный момент времени не влечет за собой прекращение или ограничение этих прав, за исключением случаев, когда законом предусмотрен порядок прекращения права в случае его неиспользования.

Принцип беспрепятственного осуществления прав заключается еще и в том, что принадлежащее лицу право не возлагает обязанность его осуществлять. В этом устанавливается отличие права от должностных полномочий - действий, которые должностные лица не только могут, но и обязаны осуществлять.

Предоставленная законодательством независимость в выборе поведения дает лицу возможность доставить вред интересам иных лиц и общественности, злоупотребить правом, при осуществлении субъективного права. Различая правовые действия по типам – правонарушение и правомерное поведение, – полагаем, что случаи злоупотребления правом не подпадают под признаки ни первого, ни второго. В связи с этим, назрела потребность в установлении точных критериев, сущности злоупотребления правом. Ряд исследователей отмечают, что само выражение «злоупотребление правом» является оксюмороном, поскольку правовая норма призвана обеспечить правовое поведение, тогда как ее использование ведет к обратному. Тем не менее, в большинстве правовых систем мира признается и определяется этот феномен [1, с. 7].

В цивилистике получил широкое употребление термин «шикана» для обозначения заведомо недобросовестного поведения, использование гражданских прав с целью причинить вред. Он был заимствован из германского права и получил нормативное закрепление в п. 226 Германского гражданского уложения (1900 г.), где было указано: «Недопустимо осуществление права исключительно с целью причинения вреда другому» [2, с. 72]. То есть не всякое злоупотребление правом истолковывалось как шикана, а только такое, которое единственной своей целью имело причинение вреда другому.

В некоторых системах злоупотребление правом получает широкое освещение. В Гражданском кодексе Швейцарии содержится предупреждение, что действия в правовом поле, противоречащие принципам доброй воли, не охраняются законом. В Гражданском кодексе Турции подчеркивается, что злоупотребление правами имеет место только в том случае, если причиняется вред другому лицу. Как отмечают А.М. Гридина и М.В. Кононкова, до революции российская правовая система также содержала подобное восприятие данного феномена [3, с. 30]. А во

Франции статьи 1382 и 1383 Гражданского кодекса устанавливают ответственность за любой вред, с тем, чтобы ограничить злоупотребление правом или полномочиями в имущественном праве, договорных обязательствах или в процедурных вопросах.

В определениях шиканы в романо-германском и англо-саксонском праве есть отличия, на которых необходимо остановиться. Некоторые исследователи считают, что феномен злоупотребления правом лежит в основе всего гражданского права англоязычных стран, хотя отдельно он нигде не описывается. Джозеф Перилло утверждает, что злоупотребление правом существует в законодательстве Соединенных Штатов, где оно «Известно под такими терминами, как помеха, давление, недобросовестность, экономические препоны, злоупотребление авторскими и патентными правами, отсутствие экономического смысла в налоговом праве, вымогательство и другие» [4, с. 9].

В российском гражданском праве в современной редакции шикана определяется в статье 10 «Пределы осуществления прав» [5]. Она утверждает презумпцию добросовестности участников гражданских отношений и запрещает осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

Анализ судебной практики показывает, что шикана наиболее возможна в области договорных отношений. Там злоупотребление правом связано с недействительными сделками, которые определяются как «порочные». Правомерные сделки, так же и односторонние, ведут к возникновению и прекращению гражданских правоотношений. Недействительная сделка - не влечет юридических последствий, кроме тех, которые связаны с ее недействительностью (п. 1 ст. 167 ГК РФ). Сделка, не соответствующая требованиям закона или иных нормативно-правовых актов, считается ничтожной. Выражение о несоответствии ничтожных сделок подобным требованиям дает возможность признать, что действия лиц, их совершающих, могут иметь и объективно противоправный, и злонамеренный характер [6, с. 275].

В структуре «порочной» сделки, злоупотребление правом только предопределяет появление документов (актов), безосновательно утверждающих юридический характер сделок как таковых. Но негативные последствия ничтожных сделок применяются к лицам, злоупотребившим правом при заключении и исполнении этих сделок.

Например, по одному из дел арбитражным судом первой инстанции были правильно квалифицированы как злоупотребление правом действия одного хозяйствующего субъекта (общества с ограниченной ответственностью), заключившего договор доверительного управления имуществом с другим хозяйствующим субъектом (акционерным обществом) и принявшего ценные бумаги последнего в доверительное управление. Эти ценные бумаги были арестованы в порядке исполнения сводного исполнительного производства, возбужденного в отношении акционерного общества.

Суд отказал в удовлетворении иска об освобождении имущества от ареста, руководствуясь положениями ст. 10 ГК РФ, поскольку установил, что фактической целью заключения договора явилось сокрытие имущества учредителя доверительного управления от обращения на него взыскания по требованиям кредиторов. Однако суд апелляционной инстанции, оставив это решение в силе, изменил мотивировку, указав на ничтожность договора доверительного управления имуществом в силу ст. 168 ГК РФ, поскольку при заключении этого договора было допущено нарушение требований ст. 10 ГК РФ. Суд заключил, что ввиду ничтожности договора доверительного управления имуществом у истца отсутствует право требовать освобождения ценных бумаг от ареста.

Таким образом, основным средством пресечения злоупотребления правом и санкцией за данное правонарушение является отказ в судебной защите подобных исков и предание гласности истинных мотивов действий правонарушителей.

Пунктом четвертым статьи 10 Гражданского Кодекса РФ предусматривается возможность для лица, чьи права были нарушены в результате шиканы, требовать возмещения причиненных этим убытков. Однако, на наш взгляд, это еще больше ухудшает положение человека, и так пострадавшего от злоупотребления правом, поскольку он вынужден вовлекаться в длительный

судебный процесс с неясными перспективами. Также это осложняет работу судебных органов, поскольку увеличивается количество исков, связанных как с непосредственным нарушением права, так и с его злоупотреблением.

Ситуация из судебной практики. Хмиль О.В. обратился в суд с иском к Давладу Ф.Ф. о взыскании денежной компенсации морального вреда, ссылаясь на следующие обстоятельства: заявитель в порядке частного обвинения обращался к мировому судье судебного участка с заявлением о привлечении Давлада Ф.Ф. к уголовной ответственности по части 1 статьи 116 УК РФ за причинение истцу побоев. В процессе рассмотрения уголовного дела, Давлад Ф.Ф. подал встречное заявление в порядке ст.319 УПК РФ с просьбой привлечь Хмиля О.В. к уголовной ответственности по части 1 статьи 116 УК РФ. В обоснование встречных требований Давлад Ф.Ф. утверждал о том, что Хмиль О.В. нанёс ему побои, то есть совершил преступление. Мировым судьей было принято к рассмотрению встречное заявление Давлада Ф.Ф. и возбуждено в отношении Хмиля О.В. уголовное дело в порядке ст.318-319 УПК РФ.

Приговором мирового судьи от 26.02.2015г. Хмиль О.В. был полностью оправдан, а подсудимый Давлад Ф.Ф. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.116 УК РФ, и ему было назначено наказание в виде штрафа. Кроме того, с Давлада Ф.Ф. в пользу пострадавшего указанным приговором была взыскана компенсация морального вреда, а также расходы на оплату услуг адвоката. Данный приговор вступил в законную силу.

Однако, в дальнейшем, Хмиль обратился с новым иском о компенсации морального вреда, уже по факту необоснованного возбуждения уголовного дела по обращению Давлада Ф.Ф. Истец считал, что ответчик нанёс ему моральный вред, безосновательно обвинив его в совершении преступного деяния. Истец полагал, что ответчик в своём встречном заявлении оболгал его, заставил испытывать нравственные страдания, в буквальном смысле усадив «на скамью подсудимых», тем самым ответчик причинил ему моральный вред, вред личности истца, так как он никогда в жизни не привлекался к уголовной ответственности, не имел и не имеет судимостей, является честным человеком, до встречи с ответчиком работал частным охранником и учится в институте. Весть о том, что возбуждено уголовное дело, предалось общественной огласке, так как в процессе рассмотрения уголовного дела у мирового судьи, истцу пришлось по требованию суда собирать персональные характеристики в отношении себя. Таким образом, истец полагал, что своими действиями ответчик злоупотребил своим правом и нанёс ему моральные и нравственные страдания, попытавшись незаконно привлечь к уголовной ответственности.

Ссылаясь на статьи 10,150,151,1100 Гражданского кодекса РФ, истец просил суд взыскать с Давлада Ф.Ф. в его пользу компенсацию морального вреда и возмещение судебных расходов. Выслушав объяснения истца и его представителя, изучив материалы дела, суд признал исковые требования подлежащими частичному удовлетворению.

Суд апеллировал к Определению КС РФ от 2 июля 2013 года №1058-0. Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на необходимость учета разъяснений, содержащихся в пункте 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Данный пункт гласил, что если при рассмотрении дела суд установит, что обращение лица с заявлением в государственные органы и органы местного самоуправления не имело под собой никаких оснований и было продиктовано не намерением исполнить свой гражданский долг или защитить права и охраняемые законом интересы, а исключительно намерением причинить вред другому лицу, т.е. имело место злоупотребление правом, то компенсация морального вреда возможна [7].

Это в полной мере соответствует правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации о том, что не исключается использование гражданско-правового механизма защиты прав добросовестных участников уголовного процесса от злоупотреблений своим правом со стороны частного обвинителя, когда его обращение в суд с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица не имеет под собой никаких оснований и продиктовано не потребностью защитить свои права и охраняемые законом интересы, а лишь намерением причинить вред другому лицу [8].

Конституционный Суд Российской Федерации указал также, что суды общей юрисдикции вправе и обязаны обеспечивать баланс интересов, при котором равному признанию и защите

подлежало бы как право одного лица, выступающего в роли частного обвинителя, на обращение в суд с целью защиты от преступления, так и право другого лица, выступающего в роли обвиняемого, на компенсацию морального вреда, причиненного ему в результате необоснованного уголовного преследования.

Таким образом, в нашей правовой системе определяющим признаком злоупотребления правом является не только вред, причиняемый другому лицу, или намерение причинения такого вреда, но и другие черты. Для того чтобы деяние было правильно охарактеризовано как злоупотребление правом, одновременно должны совпадать три условия. Прежде всего, правонарушитель действует в правовом поле. На первый взгляд, его действия законны, обеспечены определенными нормами законодательства, однако законные действия нарушителя противоречат первоначальному смыслу правовой нормы и цели ее создания. Наконец, результатом осуществления права, использованного преступником, является причинение вреда другим лицам, государству или обществу.

На наш взгляд, пункт четвертый статьи 10 Гражданского кодекса нуждается в расширении путем включения в его состав перечня мер ответственности за доказанное злоупотребление правом. В частности, одна из таких мер ответственности могла бы выражаться в десятикратном увеличении размера государственной пошлины за рассмотрение иска лица, уличенного в шикане.

### Литература и источники

1. Бондарева Е.О. История становления категории злоупотребление процессуальными правами в отечественном законодательстве // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С. 7-9.
2. Губарь А. С. Шикана как особая форма злоупотребления гражданским правом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. №4. С 64-72.
3. Гридина А.М., Кононкова Н.В. Правовые причины возникновения злоупотребления правом в процессе осуществления субъективных прав // Правовая система России: история, современность, тенденции развития: Сборник материалов VI заочной Всероссийской научно-практической конференции. Сызрань, 2019. С. 29-34.
4. Perillo J. Abuse of Rights: A Pervasive Legal Concept, 27 Pac. L. J. 37 1995 // Available at: [https://ir.lawnet.fordham.edu/faculty\\_scholarship/784](https://ir.lawnet.fordham.edu/faculty_scholarship/784)
5. Гражданский кодекс РФ. Часть I. Ст. 10. // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_5142/62129e15ab0e6008725f43d63284aef0bb12c2cf/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/62129e15ab0e6008725f43d63284aef0bb12c2cf/); (дата обращения 01.04.2022)
6. Федорова О.С. Злоупотребление правом как одна из проблем частного права Российской Федерации // Актуальные проблемы частного и публичного права (к юбилею кандидата юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации М.Г. Марковой): Материалы межвузовской научно-практической конференции. Составитель В.А. Максимов. 2019. С. 271-276.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_52017/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/) (дата обращения 06.05.2022)
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 N 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко» // [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_120644/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120644/)(дата обращения 06.05.2022)

### References and Sources

1. Bondareva E.O. Istoriya stanovleniya kategorii zloupotrebleniya processual'nymi pravami v otechestvennom zakonodatel'stve // YUridicheskie nauki: problemy i perspektivy: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', oktyabr' 2016 g.). Kazan': Buk, 2016. S. 7-9.
2. Gubar' A. S. Shikana kak osobaya forma zloupotrebleniya grazhdanskim pravom // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. 2012. №4. S 64-72.
3. Gridina A.M., Kononkova N.V. Pravovye prichiny vzniknoveniya zloupotrebleniya pravom v processe osushchestvleniya sub"ektivnyh prav // Pravovaya sistema Rossii: istoriya, sovremennost', tendencii razvitiya: Sbornik materialov VI zaочноj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Syzran', 2019. S. 29-34.
4. Perillo J. Abuse of Rights: A Pervasive Legal Concept, 27 Pac. L. J. 37 1995 // Available at: [https://ir.lawnet.fordham.edu/faculty\\_scholarship/784](https://ir.lawnet.fordham.edu/faculty_scholarship/784)
5. Grazhdanskij kodeks RF. Chast' I. St. 10. // SPS «Konsul'tant Plyus». [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_5142/62129e15ab0e6008725f43d63284aef0bb12c2cf/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/62129e15ab0e6008725f43d63284aef0bb12c2cf/); (data obrashcheniya 01.04.2022)
6. Fedorova O.S. Zloupotrebleniye pravom kak odna iz problem chastnogo prava Rossijskoj Federacii // Aktual'nye problemy chastnogo i publicnogo prava (k yubileyu kandidata yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo yurista Rossijskoj Federacii M.G. Markovoj): Materialy mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sostavitel' V.A. Maksimov. 2019. S. 271-276.
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.02.2005 N 3 «O sudebnoj praktike po delam o zashchite chesti i dostoinstva grazhdan, a takzhe delovoj reputacii grazhdan i yuridicheskikh lic» // [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_52017/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/) (data obrashcheniya 06.05.2022)
8. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 17.10.2011 N 22-P «Po delu o provereke konstitucionnosti chastej pervoj i vtoroj stat' 133 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdan V.A. Tihomirovoj, I.I. Tihomirovoj i I.N. Sardyko» // [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_120644/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120644/)(data obrashcheniya 06.05.2022)

**ТАРАСОВА ЮЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА** - кандидат исторических наук, доцент кафедры права, Самарский государственный экономический университет, Сызранский филиал ([sangria80@yandex.ru](mailto:sangria80@yandex.ru))

**ПОРУНОВА ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА** - старший преподаватель кафедры права, Самарский государственный экономический университет, Сызранский филиал ([olga.porunova@rambler.ru](mailto:olga.porunova@rambler.ru))

TARASOVA, YULIYA A. - Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of Law, Syzran Branch of Samara State University of Economics (sangria80@yandex.ru).

PORUNOVA, OLGA G. - Senior Lecturer at the Department of Law, Syzran Branch of Samara State University of Economics (olga.porunova@rambler.ru);

УДК 347.213

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-188-193

**МИХАЙЛОВА С.Ю., АЛЕКСАНДРОВА Н.В., КАРПОВ А.В.  
ЭВОЛЮЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ЦИФРОВОГО ЭЛЕКТРОННОГО  
ДОКУМЕНТА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ:  
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

**Ключевые слова:** пандемия, информационное общество, цифровизация, электронный документ, электронная подпись, цифровые технологии, электронный документооборот.

Статья посвящена рассмотрению юридической природы цифрового (электронного) документа в современном законодательстве России. Рассматриваются особенности юридической природы цифрового (электронного) документа на этапе перехода к цифровизации общества, тенденции правового регулирования с учетом формирования глобального цифрового пространства. Авторами исследованы нормативное определение электронного документа в отечественном законодательстве, некоторые научные концепции, раскрывающие юридическую природу электронного документа, приведены статистические данные и сведения о формировании электронного документа в разные исторические периоды. Обоснован вывод о том, что вопросы установления статуса правового электронного (юридического) документа и, соответственно, электронного документооборота, окончательно не разработаны. Соответственно, требуется принятие специального закона «Об электронном документе», закрепляющего процедуру и принципы, в рамках которых уполномоченные лица совершают электронный документооборот.

**MIKHAILOVA, N.V., ALEKSANDROVA, N.V., KARPOV, A.V.  
EVOLUTION OF THE LEGAL NATURE OF A DIGITAL ELECTRONIC DOCUMENT IN RUSSIAN LEGISLATION:  
HISTORICAL AND LEGAL ASPECT**

**Key words:** pandemic, information society, digitalization, electronic document, electronic signature, digital technologies, electronic document management.

The article is devoted to the consideration of the legal nature of a digital (electronic) document in the modern legislation of Russia. The features of the legal nature of a digital (electronic) document at the stage of transition to the digitalization of society, the trends in legal regulation, taking into account the formation of a global digital space, are considered. The authors studied the normative definition of an electronic document in domestic legislation, some scientific concepts that reveal the legal nature of an electronic document, provide statistical data and information about the formation of an electronic document in different historical periods. The conclusion is substantiated that the issues of establishing the status of a legal electronic (legal) document and, accordingly, electronic document management, have not been finally developed. Accordingly, the adoption of a special law "On Electronic Document" is required, which fixes the procedure and principles under which authorized persons perform electronic document management.

Происходящие в современном мире события и процессы дают нам основания утверждать, что динамическая система человеческой цивилизации в настоящее время находится в точке бифуркации. Пандемия новой короновирусной инфекции COVID-19, сопровождающаяся самоизоляцией, локдаунами, отчетливо «высвечивает» нарастание цифровизации жизни [1]. Более того, как утверждает С.Ю. Глазьев, пандемический кризис «помог укрепиться новому технологическому укладу, ядром которого являются информационно-коммуникационные технологии, которыми мы с вами прямо сейчас пользуемся» [3].

Как нам представляется, в перечень вопросов (надо заметить, так и не решенных к настоящему времени) должен входить вопрос о цифровом документе. При этом следует иметь в виду, что в Российской Федерации термин «цифровой документ» активно используется наряду с термином «электронный документ». В первом случае акцент делается на способе записи информации в документе, во втором случае - на способе его создания и реализации в электронной среде. Как констатирует Г.А. Двоеносова: «до тех пор, пока не произойдет гармонизация терминов «цифровой документ» и «электронный документ», они будут использоваться как синонимы» [4].

Необходимость изучения цифрового (электронного) документа обуславливается тем, что, во-первых, традиционная среда социальной коммуникации все в большей степени замещается цифровым социальным пространством, важной составной частью которого является цифровой документ; во-вторых, происходит цифровизация социальных институтов, включая государственные (электронное правительство), а также право, как самостоятельный социальный институт; в-третьих, на сегодняшний день в интернет-пространстве представлены все виды документов. И, конечно же, мы должны учитывать, что проблема цифрового документа относится к числу наиболее дискуссионных в юридической науке, как в силу своей новизны, так и сложности и многообразности содержания. Это приводит нас к закономерному выводу о необходимости



нового взгляда на такой важнейший атрибут цифрового общества, как цифровой документ, прежде всего, на такую его фундаментальную черту, как юридическая природа [4].

Легальное определение понятия «электронный документ» впервые было зафиксировано в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» и представлен документом электронно-цифровой формы. Трактовка данного понятия и его нормативно-правовой смысл нашли отражение в других актах. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг"» и Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» дополнен (ст.2 п. 11.1) и расширился следующим положением: ««электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах».

Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» не содержит понятия «электронный документ», а понятие «электронная подпись» сформулировано, на наш взгляд, условно: «электронная подпись - информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию» (статья 2). По существу, речь идет о том, что электронный документ, может быть соотнесен с документами в бумажном формате и подписан «от руки» (статья 6). В этом контексте наиболее конструктивным представляется подход к определению понятия «электронный документ», указывающий на электронную подпись, как на признак электронного документа. Нами данное понятие сформулировано в следующем виде: «электронная подпись – документ на информационном носителе, содержащий аббревиатуру или указание на расширение имени пользователя с признаками идентификации со знаком подписанного документа».

Понятие электронного документа, как известно, не имеет единого определения и сегодня, теоретики и исследователи, предлагают свое понимание этой категории существующей концепции. Так, по мнению некоторых «электронная подпись требует наличие информационной системы, поскольку это необходимо в рамках правового оформления и придания документу юридической силы» [6]. Другие теоретики, характеризующие цифровизацию, считают, что «цифровые технологии уже стали частью нашей повседневной жизни, а цифровые права формируют необходимые правовые условия для заключения контрактов в интернете и обеспечивают защиту граждан и компаний при совершении сделок с цифровыми активами. Законодательно регулируются отношения в области использования электронных подписей при совершении гражданско-правовых сделок, оказании государственных и муниципальных услуг, а также исполнении государственных и муниципальных контрактов» [7]. Из этого следует, что нормативные требования и стандарты необходимы для правильной организации работы электронного документооборота, согласно которым соответствующая документация, заверенная цифровой подписью, является равнозначной по юридической силе документам на бумажном носителе. Вместе с тем стандартное применение электронной цифровой подписи при оформлении документов также указано в ГОСТ Р 7.0.970 «Национальный стандарт Российской Федерации».

Все сказанное убедительно подтверждается практикой. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. №57 содержит достаточно четкое разъяснение, что «электронный документ - документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации». На наш взгляд, именно данное определение является правомерным с точки зрения логики: в нем понятие «электронный документ» является видовым понятием по отношению к более общему родовому понятию «документ».

Уместно будет еще раз вспомнить, что в российском законодательстве электронный документ получил широкое распространение как документированная информация, содержащаяся на техническом носителе (устройстве). Полагаем, что в качественном отношении юридическая природа электронного документа является неопределенной и размытой. Это заметно диссонирует

с ростом динамики и плотности правового регулирования электронного документа, о чем наглядно свидетельствуют материалы базы правовых актов «Законодательство в России».

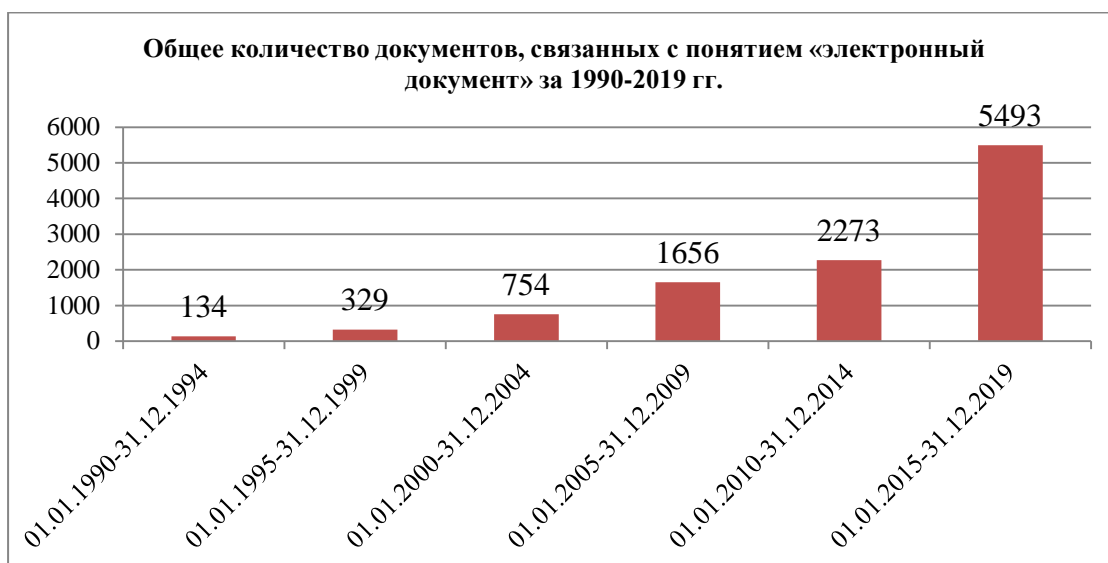
В базе правовых актов «Законодательство в России» на дату проведения исследования в разделе «Федеральное законодательство» было представлено 240 930 документов в виде электронных образов документов с 20 сентября 1937 по 15 февраля 2021 г. [5]. БПА позволяет провести информационный поиск и сравнительно-сопоставительный анализ темы исследования юридической природы электронного документа по различным атрибутам: «Вид акта», «Принявший орган», «Принявший субъект», «Дата подписания, включая номер», «Наименование», «Текст», «Подписи», «Публикации в периодических изданиях», «Состояние», «Ключевые слова», «Наличие текста», «Сортировка результатов» («По наименованию», «По убыванию даты», «По возрастанию даты», «По номеру документа», «По виду документа»).

На начальном этапе с учетом методологии исследования, был проведен информационный поиск по наиболее популярной атрибутике «ключевых слов», связанных с природой электронного документа, представленном в разделе «Федеральное законодательство». В общей сложности в базе представлено 5011 ключевых слов. В нем есть близкая нам дефиниция «электронный». Сочетание ключевых слов «Электронный» с сортировкой результатов поиска по «Возрастанию даты» показал следующий результат: было найдено в общей сложности 881 документ, связанный с дефиницией «электронный». Первым таким документом, с точки зрения хронологии является «Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 27 ноября 1990 № 380-I «Об образовании Комиссии второго внеочередного Съезда народных депутатов РСФСР по контролю за голосованием с использованием электронной системы» [5]. Поиск по атрибутике «электронный документ» в поле «текст» выдал 12922 документа. Самый ранний из них: «Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 07 июня 1990 б/н «О Временном регламенте Съезда народных депутатов РСФСР», где предусматривалось использование на Съезде народных депутатов РСФСР электронной системы голосования, в частности проведение таких действий как регистрация депутатов; запись депутатов на выступления, внесение запросов, предложений и поправок; подсчет голосов и определение результатов голосования; накопление и оперативная выдача справочной и статистической информации о ходе заседаний; формирование и распечатка списков и других документов (с. 39) [5].

Формирование юридической природы электронного документа в российском законодательстве начинает складываться с начала 1990-х гг., основные положения которого были связаны, прежде всего, с регламентом организации работы высшего органа государственной власти - Съезда народных депутатов РСФСР.

Таблица 1. Общее количество документов, связанных с понятием «электронный документ» за 1990-2019 гг.

Период	01.01.1990-31.12.1994	01.01.1995-31.12.1999	01.01.2000-31.12.2004	01.01.2005-31.12.2009	01.01.2010-31.12.2014	01.01.2015-31.12.2019
Кол-во док-тов	134	329	754	1656	2273	5493

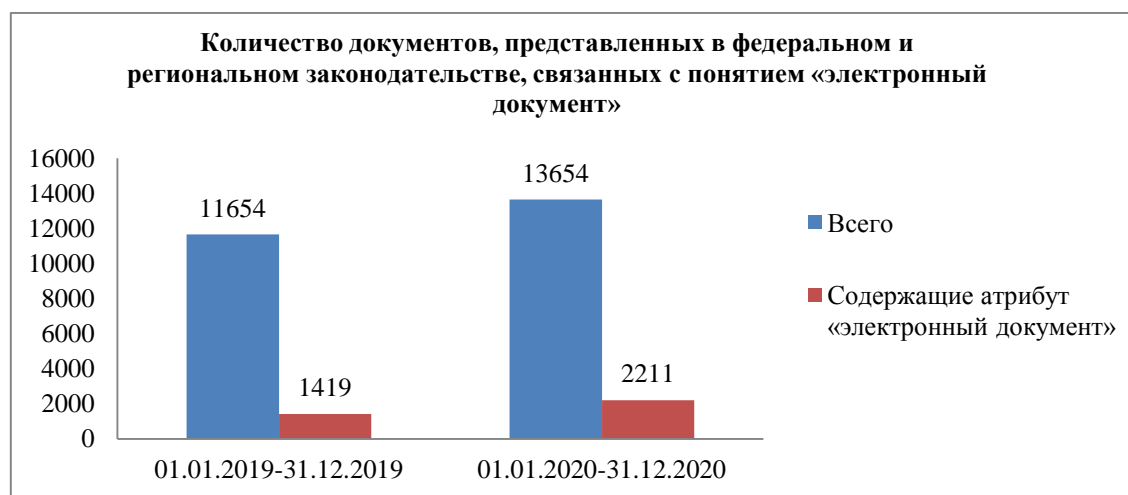


## ПРАВО

Чтобы проследить динамику изменений, возьмем 2019 и 2020 гг. отдельно по тем же параметрам. «Электронный» по возрастанию даты за 2019 г. (период с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2019 г.) – найдено 119 документов. В общей сложности за этот год принято 11 654 документа. При этом с учетом атрибутов поиска в виде контекста «электронный документ» (дата принятия с 01.01.2019 по 31.12.2019 гг.) всего связано 1419 документов [5]. С 1 января 2020 по 31 декабря 2020 г. – без ограничений поиска найдено 13654 документа (в общей сложности). С понятием «электронный» связано уже 158 документов. При этом с учетом атрибутов поиска в виде контекста «электронный документ» (дата принятия с 01.01.2020 по 31.12.2020 г.) связано 2211 документов [5]. С 1 марта 2020 по 1 марта 2021 гг. принято 2145 документов, связанных с понятием «электронный документ» [5].

Таблица 2. Количество документов, представленных в федеральном законодательстве, связанных с понятием «электронный документ»

Период	01.01.2019-31.12.2019		01.01.2020-31.12.2020	
	Федеральное законодательство		Федеральное законодательство	
	Всего	Содержащие атрибут «электронный документ»	Всего	Содержащие атрибут «электронный документ»
Кол-во документов	11654	1419	13654	2211



Поиск БПА «Региональное законодательство». В составе БПА регионов подключены все 85 регионов. Здесь на момент исследования в общей сложности было представлено 3203308 документов (с 23.11.1936 по 26.02.2021 гг.) [5]. Здесь нет возможности поиска по ключевым словам. Но можно осуществлять поиск по «хронологии», «наименованию» и «контексту». За весь имеющийся период: С использованием атрибута поиска «Наименование электронный» связано 6065 документов. Дата принятия с 01.01.2019 по 31.12.2019 гг., контекст «электронный документ» вместе с федеральным законодательством – 1

4514 документов (отсюда можно вычесть федеральное). Всего с 01.01.2019 по 31.12.2019 гг. принято 147524 документа [5].

Дата принятия с 01.01.2020 по 31.12.2020 гг., контекст «электронный документ» вместе с федеральным законодательством – 15478 документов (отсюда можно вычесть федеральное законодательство). Всего с 01.01.2020 по 31.12.2020 гг. принято 148914 документов [5].

Таблица 3. Количество документов, представленных в федеральном и региональном законодательстве, связанных с понятием «электронный документ» за 2019-2020 гг.

Период	01.01.2019-31.12.2019		01.01.2020-31.12.2020	
	Федеральное и региональное законодательство		Федеральное и региональное законодательство	
	Всего	Содержащие атрибут «электронный документ»	Всего	Содержащие атрибут «электронный документ»
Кол-во документов	147524	14514	148914	15478



Таким образом, с учетом полученных результатов, нам представляются обоснованными количественные показатели роста электронного документа, содержащиеся в БПА. Анализ данных, представленных в табл. 1, 2, 3, позволяет сделать вывод о росте и увеличении количества оборота и применения электронного документа в хронологическом порядке в разные периоды принятия электронных документов.

Между тем, с точки зрения рассматриваемых принципиальных положений и гражданского оборота, электронные сделки заменяют письменную форму, если лицо совершило сделку, используя электронные (иные технические) средства, которые позволяют воспроизвести на материальном носителе содержание сделки в неизменном виде (к примеру, распечатать на бумаге) либо использовало какой-либо другой способ, который позволит точно установить лицо, выразившее свою волю на совершение электронного действия.

Проведенное исследование позволяет нам сформулировать следующие выводы. Во-первых, истоки юридической природы электронного документа зародились в конце XX столетия, в период кардинальной социально-экономической и общественно-политической трансформации российского общества, совпавшие с первыми признаками построения информационного общества. Во-вторых, в эволюции юридической природы электронного документа прослеживаются следующие этапы и тенденции (см. графики).

В-третьих, развитие юридической природы электронного документа в значительной степени детерминировано государственным регулированием формирования информационного общества в Российской Федерации. В-четвертых, специфика юридической природы электронного документа в целом выражается в том, что нет универсального определения данного термина.

Учитывая особенности рассматриваемого вопроса, важно подчеркнуть, что с развитием гражданского оборота понимание юридической природы цифрового (электронного) документа не утвердилось, а в существующих исследованиях все еще господствует воззрение, согласно которому, электронный документ тесно взаимосвязан с документированной информацией, представленной в электронном виде, а также соотношение документа (прежде всего электронного) и информации. Согласимся, что сегодня цифровые технологии изменяют общественные отношения и создают глобальные сдвиги для интегрированного перехода к цифровизации практически во всех сферах государственного или частного управления.

Сложно представить в будущем различные системы и технологии в отрыве от использования электронных документов и налаживания соответствующего электронного документооборота. Достаточно важно урегулировать нормативно-правовую сферу функционирования электронных документов и рассматривать их в качестве инструментария, благодаря которым должно значительно сократиться бумажный оборот передачи и приема, обработки документов на разных уровнях и ведомствах.

Трудности в практической деятельности вполне очевидны, но для повышения результативности использования электронных документов, в том числе и электронной подписи, необходимо расширять сферу применения электронного документооборота и внедрять информационно-коммуникационные ресурсы и Интернет технологии.

Представляется уместным, на наш взгляд, указать на тот факт, что для использования электронного документооборота необходимо не только правовое, но и техническое регулирование в котором обязательно должны присутствовать стандарты и технические требования. Но все же законодательное регулирование электронных документов, особенно при заключении электронных сделок и договоров, нуждается в детальной и существенной проработке и дополнении. В ряде исследований, высказана интересная позиция, что «корпоративный договор как правовое явление может быть рассмотрен с позиции регулятора корпоративных отношений, юридического документа, гражданско-правовой сделки или даже инструмента корпоративной формы ответственности» [2].

При модернизации российского законодательства, регулирующего использование электронных документов в предпринимательской деятельности в условиях перехода к инновационной (цифровой) экономике, целесообразно учитывать новейшие методы и принципы регулирования электронного документооборота, предусмотренные в нормативных документах Евразийского экономического союза, Европейского союза, а также в модельных законах в области электронной торговли и электронной подписи Комиссии ООН по праву международной торговли. Полагаем, российская правовая база регулирования данной сферы отношений недостаточна.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что вопросы установления статуса правового электронного (юридического) документа и, соответственно, электронного документооборота, окончательно не разработаны на правовом уровне. Поэтому оборот электронных документов во всех сферах требует принятия специального закона «Об электронном документе». В нем должны быть предусмотрены правовой механизм, закрепляющий процедуру и принципы, в рамках которой уполномоченные лица совершают электронный документооборот.

#### Литература и источники

1. Абрамов А.В., Багдасарян В.Э., Бышок С.О., Володенков С.В., Евстафьев Д.Г., Егоров В.Г., Комлева Н.А., Крамаренко Н.С., Манойло А.В., Михайленок О.М., Петренко А.И., Прокофьев В.Ф. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 3-83.
2. Александрова Н.В., Иванова Е.В. Тенденции развития корпоративного договора в гражданском праве России // Вестник Российского университета кооперации. 2017. №3(29). С.106-109.
3. Глазьев С.Ю. Пандемический кризис помог укрепиться новому технологическому укладу // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 225. № 5. С. 26-35.
4. Двоеносова Г.А. Цифровой документ: старая сущность в новом явлении // История и архивы. 2020. № 1. С. 115-125.
5. Законодательство России. [Электронный ресурс]. URL: [http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?start\\_search&fattrib=1](http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?start_search&fattrib=1) (дата обращения: 03.02.2021).
6. Пашченко И.Ю., Сметанникова С.С. Трансграничная электронная коммерция: правовое регулирование информации о товаре на иностранном языке // International Law Journal 2018. Том 1. №1. С. 38-43.
7. Парфенюк Н.В. Исполнение обязательств сторонами государственного контракта: обзор ст. 309 ГК РФ // International Law Journal 2020. Том 3. №3. С. 19-24.

#### References and Sources

1. Abramov A.V., Bagdasaryan V.E., Byshok S.O., Volodenkov S.V., Evstaf'ev D.G., Egorov V.G., Komleva N.A., Kramarenko N.S., Manojlo A.V., Mihajlyonok O.M., Petrenko A.I., Prokof'ev V.F. Pandemiya COVID-19: konec privychnogo mira? // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2020. № 2. S. 3-83.
2. Aleksandrova N.V., Ivanova E.V. Tendencii razvitiya korporativnogo dogovora v grazhdanskom prave Rossii // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. 2017. № 3 (29). S. 106-109.
3. Glaz'ev S.Yu. Pandemicheskij krizis pomog ukrepit'sya novomu tekhnologicheskomu ukladu // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2020. T. 225. № 5. S. 26-35.
4. Dvoenosova G.A. Cifrovoy dokument: staraya sushchnost' v novom yavlenii // Istoriya i arhivy. 2020. № 1. S. 115-125.
5. Zakonodatel'stvo Rossii. [Elektronnyj resurs]. URL: [http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?start\\_search&fattrib=1](http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?start_search&fattrib=1) (data obrashcheniya: 03.02.2021).
6. Pashchenko I.Yu., Smetannikova S.S. Transgranichnaya elektronnyaya kommerciya: pravovoe regulirovanie informacii o toware na inostrannom yazyke // International Law Journal 2018. Tom 1. №1. S. 38-43.
7. Parfenyuk N.V. Ispolnenie obyazatel'stv storonami gosudarstvennogo kontrakta: obzor st. 309 GK RF // International Law Journal 2020. Tom 3. №3. S. 19-24.

**МИХАЙЛОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА** - доктор исторических наук профессор Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары).

**АЛЕКСАНДРОВА НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА** - кандидат юридических наук, доцент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова.

**КАРПОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ** - кандидат исторических наук, доцент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова.

**MIKHAILOVA, SVETLANA Yu.** - Doctor of History, Professor of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov.

**ALEKSANDROVA, NADEZHDA V.** – Ph.D. in Law, Associate Professor, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov.

**KARPOV, ALEKSEY V.** - Ph.D. in History, Associate Professor, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov.

**МИХАЙЛОВА С.Ю., ИВАНОВА Е.В.**  
**ПРАВОВЫЕ СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ**  
**«ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ»**

**Ключевые слова:** национальная система права, информация, электронный документ, электронная подпись, правовая сущность, правовое содержание.

В статье рассматриваются теоретические аспекты применения на практике и в гражданском обороте электронного документа. Авторы анализируют понятие и правовую природу, нормативное содержание и признаки электронного документа, затрагивают вопросы разнообразия сфер использования электронных документов и их особенности в нотариальной и адвокатской деятельности. Особо отмечается значение электронно-цифровой подписи, которая представляет собой подпись и, в то же время, является средством защиты информации, обеспечивающим подтверждение подлинности электронных документов. Обоснован вывод о возможности рассмотрения электронного документа как целостного правового института. Сочетание признаков и критериев электронных документов, которые еще не устоялись в гражданском обороте, требует соответствующего их правового обеспечения, профессионального подхода, умения работы с цифровыми документами разного уровня и сложности.

**MIKHAILOVA, S.Yu., IVANOVA, E.V.**  
**LEGAL ESSENCE AND CONTENT OF THE CATEGORY "ELECTRONIC DOCUMENT"**

**Key words:** national system of law, information, electronic document, electronic signature, legal essence, legal content.

The article discusses the theoretical aspects of the application in practice and in civil circulation of an electronic document. The authors analyze the concept and legal nature, normative content and features of an electronic document, touch upon the diversity of areas of use of electronic documents and their features in notarial and advocacy activities. The importance of an electronic digital signature, which is a signature and at the same time is a means of protecting information, providing confirmation of the authenticity of electronic documents, is especially noted. The conclusion about the possibility of considering an electronic document as an integral legal institution is substantiated. The combination of signs and criteria of electronic documents that have not yet been established in civil circulation requires their appropriate legal support, a professional approach, and the ability to work with digital documents of various levels and complexity.

Углубление институционализации информационного общества и цифровой экономики в Российской Федерации оказывает существенное воздействие на тенденции развития национальной системы права. Наряду с прочим, оно находит свое очевидное выражение во включении в теорию и практику права категории «электронный документ». Однако на сегодняшний день на доктринальном уровне у российских правоприменителей отсутствует четкое понимание категории «электронный документ». В связи с этим возникает непростая дилемма определения его места в системе права, в том числе его правовых сущности и содержания. В целом, правовая сущность электронного документа является неопределенной и размытой. И здесь можно согласиться с точкой зрения, что в контексте современных научных исследований понятие электронного документа, хотя и используется как устоявшееся, но по сей день исследуется на предмет неоднозначности его содержания [8].

В частности, А.П. Вершинин определяет электронный документ в рамках ФЗ от 27 июля 2006 г. №149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», как информацию, зафиксированную на электронных носителях и позволяющую ее идентифицировать [2, с. 247]. Эта позиция – следствие общего толкования правовой нормы в «классическом» ее понимании. Согласно другому подходу, электронным документом является информация, которая представляется в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком, а также для передачи по сетям и обработки в информационных системах [6].

Ученые солидарны во мнении о том, что «применение электронных документов требует законодательного обеспечения их юридической силы, а именно правовое регулирование вопросов, касающихся работы с электронными документами предполагает юридическое (законодательное) закрепление в нормативных правовых актах понятия «электронный документ» и возможности использования электронных документов наравне с традиционными документами в различных сферах деятельности [12].

Легальное определение понятия «электронный документ» впервые было дано в Федеральном законе от 10 января 2002 г. №1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» [10], который представлен в формате цифрового документа. Электронно-цифровая подпись представляет собой подпись и, в то же время, является средством защиты информации, которое обеспечивает подтверждение подлинности электронных документов. «Уникальность ЭДО проявляется в приравнивании документа, подписанного электронной цифровой подписью, к документу, зафиксированному на бумажном носителе, то есть является ему равнозначным» [10].



Однако в Федеральном законе от 06 апреля 2011 г. №63-ФЗ «Об электронной подписи» определение понятия «электронный документ» отсутствует. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. №57 содержится разъяснение, согласно которому «электронный документ – документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации».

В настоящее время в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. №149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закреплены такие достаточно важные определения как «электронный документ» и «документированная информация». Рассмотрим их содержательный аспект, с целью установить их нормативность. Во-первых, нужно учесть, что «электронный документ - документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах», во-вторых, «документированная информация - зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель» [9].

Раскрывая правовое содержание электронного документа, следует отметить такую характерную черту, как разнообразие сфер использования электронных документов и их практическое значение.

В нотариальной сфере приняты свои требования касательно документооборота. В связи с этим, с 2014 года в законодательство России о нотариате были введены новые нотариальные действия, в том числе:

- 1) удостоверение равнозначности электронного документа документу на бумажном носителе;
- 2) удостоверение равнозначности документа на бумажном носителе электронному документу.

Следует принимать во внимание, что сегодня создана постоянно пополняющаяся база данных юридических документов – от нормативно-правовых актов до решений судов. Более того, стали создаваться базы на основании сайтов отдельных юридических фирм и их практической деятельности. Как следствие: «На этапах развития электронного документооборота, естественно, возникали разные проблемы. Одна из них – подлинность передаваемого электронного документа. Эта проблема частично решилась применением электронной подписи различных уровней защиты» [3].

В сфере адвокатуры не до конца проработаны, и лишь на уровне разработки находятся современные требования, например, в сфере обеспечения адвокатской тайны и безопасности деятельности адвоката с учетом применения информационных ресурсов, баз данных, ЭВМ, в том числе хранения, получения и передачи адвокатами документов в электронной форме. Впервые решение о разработке Комплексной информационной системы адвокатуры России прозвучало в начале 2019 года на IX Всероссийском съезде адвокатов, где рассматривался переход на уровень горизонтальной коммуникации между адвокатурой и органами власти. В дальнейшем примером электронных технологий стало применение в Адвокатской палате Санкт-Петербурга автоматизированной информационной системы (АИС) «Адвокатура». Ее основная цель – автоматизация процесса оформления, подачи и распределения заявок на участие защитников в соответствующем виде (форме) судопроизводства. Данная программа рассчитана не только на адвокатов. Ссуды и прокуратура могут создавать и направлять сюда заявки в электронном виде, а адвокаты могут оформить запрос и получить на него ответ [7].

Вне всякого сомнения, использование таких технологий значительно облегчает адвокатскую деятельность. При этом современные условия развития информационных ресурсов позволяют перейти на систему документооборота в электронной форме, которая эффективно применяется практически во всех видах адвокатской деятельности.

Правовое содержание рассматриваемой категории обуславливает также разнообразие электронных документов. Так, свои специфические особенности имеет ведение электронных документов в гражданском обороте – в деятельности коммерческих организаций, индивидуальных

предпринимателей, государственных органов и учреждений, частных лиц, – которые, применяя «цифровой» документ, осуществляют свои права и обязанности, устанавливают юридические факты и связи и т.д. Весь этот поток формируется на основе сочетания как традиционных бумажных, так и компьютерных технологий.

Важная мысль подчеркивается в исследовании М.В. Ларина, который полагает, что с позиций документоведения самым важным в документе является содержание и, естественно, подтверждение его подлинности и юридической силы через определенные реквизиты, в том числе и подпись, а также возможность идентификации информации документа и самого документа среди других аналогичных информационных объектов [4]. Конечно, важным для ведения документооборота в электронной форме является подтверждение легитимности сведений и данных, составляющих ее основу, поскольку данные вопросы требуют четкого контроля и хранения.

В свете сказанного, достаточно обоснованным представляется мнение, согласно которому: «проблемными аспектами реализации электронного документооборота выступают: отсутствие кодифицированного национального законодательства в сфере использования цифрового и электронного документооборота, недостаточный объем накопленной правоприменительной и судебной практики в области использования электронного документа и электронной подписи, незначительный охват сегментов общественных отношений, в которых используется цифровой документооборот» [11].

Безусловно, в исследованиях есть разные мнения, которые позволяют выделить специфические особенности электронного документа. В одном из них указано, что «электронный документ рассматривается как информационный объект или как объект информационных правоотношений». Особенность электронных носителей, принципиально отличающая их от бумажных носителей, заключается в отсутствии неразрывной связи содержания документа и его носителя. Носитель электронного документа всегда может быть заменен другим электронным носителем (в том числе при сдаче электронного документа в архив) [1]. Таким образом, необходимо учитывать и форматы деятельности в зависимости, от которых, «процедура внедрения современных юридических технологий незаметна, но неумолима и проходит циклично в четыре этапа: юридическая деятельность, оцифровка, создание баз данных, создание алгоритмов» [5].

Представляется, что уместнее было бы рассматривать электронный документ как целостный правовой институт, в основе которого информация и информационные правоотношения, субъекты и объекты, предметная деятельность, ответственность за достоверность, анализ и обработку, передачу, распространение и хранение объекта информации на материальном носителе. Вместе с тем, практическое и теоретическое сочетание признаков и критериев электронных документов, которые еще не устоялись в гражданском обороте, требует соответствующего их правового обеспечения, профессионального подхода, умения работы с цифровыми документами разного уровня и сложности.

### Литература и источники

1. Бородин М.В. Признаки электронного документа как объекта информационных правоотношений // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2014. Т. 14. № 3.
2. Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде: учеб. практ. пособие. М., 2000.
3. Косарев А.Ю. Удостоверение равнозначности электронного и бумажного документов // Нотариальный вестник. 2014. № 11. С. 61-64.
4. Ларин М.В. Электронные документы: теоретические аспекты // Самарский архивист: научный альманах. 2021. № 2. С. 3-9.
5. Мельниченко Р.Г. Электронная адвокатура // Евразийская адвокатура. 2017. № 3 (28). С. 38-41.
6. Печникова Т.В., Печникова А.В. Практика работы с документами в организации: учеб. пособие / Ассоц. авт. и изд. "Тандем". М.: ЭКМОС, 1999. 319 с.
7. Положение «Об автоматизированной информационной системе (АИС) «Адвокатура» Адвокатской палаты Санкт-Петербурга» (утверждено Решением Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга) [Электронный ресурс] Режим доступа: – URL: <http://old.apspb.ru/4560310.php> (дата обращения: 14.04.2022).
8. Сергеева К.А. О современных подходах к понятию электронного документа // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1481-1487.
9. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
10. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
11. Шмианский С.С. Проблемы формирования юридической конструкции «электронный документ» в национальном и международном праве // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2021. №1(19). С. 199-209.
12. Электронные системы документооборота [Электронный ресурс] Режим доступа <http://doc-system.ru>.



References and Sources

1. Borodin M.V. Priznaki elektronnoho dokumenta kak ob"ekta informacionnyh pravootnoshenij // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2014. T. 14. № 3.
2. Vershinin A.P. Elektronnyy dokument: pravovaya forma i dokazatel'stvo v sude: ucheb. prakt. posobie. M., 2000.
3. Kosarev A.Yu. Udostoverenie rovnaznachnosti elektronnoho i bumazhnogo dokumentov // Notarial'nyy vestnik. 2014. № 11. S. 61-64.
4. Larin M.V. Elektronnyye dokumenty: teoreticheskie aspekty // Samarskiy arhivist: nauchnyy al'manah. 2021. № 2. S. 3-9.
5. Mel'nichenko R.G. Elektronnaya advokatura // Evrazijskaya advokatura. 2017. № 3 (28). S. 38-41.
6. Pechnikova T.V., Pechnikova A.V. Praktika raboty s dokumentami v organizacii: ucheb. posobie / Assoc. avt. i izd. "Tandem". M.: EKSMOS, 1999. 319 s.
7. Polozhenie «Ob avtomatizirovannoy informacionnoy sisteme (AIS) «Advokatura» Advokatskoj palaty Sankt Peterburga» (utverzhdeno Resheniem Soveta Advokatskoj palaty Sankt Peterburga) [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: – URL: <http://old.apspb.ru/4560310.php> (data obrashcheniya: 14.04.2022).
8. Sergeeva K.A. O sovremennyh podhodah k ponyatiyu elektronnoho dokumenta// Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2014. №7(44). S.1481-1487.
9. Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2006 g. N 149-FZ «Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii» [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru>.
10. Federal'nyy zakon ot 06.04.2011 № 63-FZ «Ob elektronnoy cifrovoj podpisi» [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru>.
11. Shimanskiy S.S. Problemy formirovaniya yuridicheskoy konstrukcii «elektronnyy dokument» v nacional'nom i mezhdunarodnom prave // Social'no-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal Krasnoyarskogo GAU. 2021. №1(19). S. 199-209.
12. Elektronnyye sistemy dokumentooborota [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa <http://doc-system.ru>.

**МИХАЙЛОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА** - доктор исторических наук, профессор, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова ([mikhailova@mail.ru](mailto:mikhailova@mail.ru)).

**ИВАНОВА ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА** - кандидат юридических наук, доцент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова ([ivanova@mail.ru](mailto:ivanova@mail.ru)).

**MIKHAILOVA, SVETLANA Yu.** - Doctor of History, Professor, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov

**IVANOVA, ELENA V.** – Ph.D. in Law, Associate Professor, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov

УДК 342.9

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-197-201

**ПОРУНОВА О.Г., АВЯСОВ М.А., ТАРАСОВА Ю.А.**

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Ключевые слова:** оценочная деятельность, профессиональная деятельность, оценщик, кадастровая стоимость, рыночная стоимость, пристав-исполнитель, профессиональная этика.

Статья посвящена спорным вопросам правового статуса оценщика, объемов его ответственности за результаты проведенной работы, способов использования результатов деятельности оценщика в гражданском обороте и правоприменительной практике. Авторы проанализировали основные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность оценщиков в российском законодательстве и примеры правоприменительной практики с использованием результатов оценочной деятельности. Они пришли к выводу о том, что сущность деятельности оценщика, занимающегося частной практикой, не соответствует смыслу и понятию «предпринимательская деятельность», поскольку значение результатов деятельности оценщика крайне весомо в правоприменительной практике, что накладывает на представителей данной профессии дополнительные ограничения и ответственность.

**PORUNOVA, O.G., AVYASOV, M.A., TARASOVA, Y.A.**

**CORPORATE TRADITIONS OF THE ROMAN MILITARY ELITE IN REFLECTION OF PLINY THE YOUNGER  
FEATURES OF LEGAL REGULATION OF EVALUATION ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION**

**Key words:** valuation activity, professional activity, valuer, cadastral value, market value, bailiff, professional ethics of valuer.

The article is devoted to the controversial issues of the legal status of the evaluator, the extent of his responsibility for the results of the work carried out, the ways of using the results of the evaluator's activities in civil circulation and law enforcement practice. The authors analyzed the main regulatory acts governing the activities of evaluators in Russian legislation and examples of law enforcement practice using the results of evaluation activities. They concluded that the essence of the activity of an evaluator engaged in private practice does not correspond to the meaning and concept of "entrepreneurial activity," since the significance of the results of the evaluator's activity is extremely significant in law enforcement practice, which imposes additional restrictions and responsibility on representatives of this profession.

С развитием гражданского оборота, появляется все больше объектов частной собственности, нуждающихся в профессиональной оценке. Растет число объектов оценочной деятельности, соответственно, расширяется круг профессионально-ориентированных оценщиков, специализирующихся на оценке одного из видов объектов. В связи с этим, правовое регулирование оценочной деятельности нуждается в постоянном мониторинге и улучшении.

Базовый закон в данной сфере правового регулирования - Федеральный закон от 29.07.1998 N 135-ФЗ (последняя редакция) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» указывает на неотъемлемые признаки предмета своего регулирования. В соответствии с ним, оценочная деятельность является профессиональной, направленной на установление рыночной, кадастровой, ликвидационной, инвестиционной или иной предусмотренной федеральными стандартами оценки стоимости объектов оценки [1].

Одним из направлений оценки является установление оригинальности товаров мировых и российских брендов. Эта проблема становится особенно актуальной в связи с ростом правонарушений в сфере охраны прав на товарный знак и знак обслуживания. Например, в деле № А31-8233/2018 от 31 августа 2018 года Арбитражный суд Костромской области признал продукцию контрафактной на основании оценки ООО «Центр независимой экспертизы и оценки бизнеса» [2]. Продукция исследовалась на предмет производства на мощностях оригинального изготовителя, соответствия требованиям к маркировке и упаковке. В соответствии с законом, оценка является неотъемлемым атрибутом, обязательным элементом в случае «вовлечения в сделку объектов оценки, принадлежащих полностью или частично Российской Федерации, субъектам Российской Федерации либо муниципальным образованиям...» [2].

Закон предусматривает многочисленные ситуации, требующие проведения оценки государственного имущества, в том числе при передаче такого недвижимого имущества в аренду, в залог, при продаже или ином виде отчуждения или передачи в оперативное управление.

Также расширяются цели оценочной деятельности. В настоящее время к ним относятся: страхование, передача прав собственности, проведение различных конкурсов, аукционов и торгов, аренда, права аренды, лизинг, все формы реорганизации предприятия или учреждения, составление брачного контракта, исчисление налогов, пошлин и других сборов, определение доли имущественных права, передача в доверительное управление и другие.

Функции оценщика по Закону «Об исполнительном производстве» выполняет пристав-исполнитель, однако только по отношению к имуществу, стоимость которого не превышает тридцати тысяч рублей. Для оценки более ценного имущества приставы привлекают профессионального оценщика или специализированную компанию [3, с. 207]. При этом под рыночной стоимостью закон понимает наиболее вероятную цену, которую приобретающая сторона готова была бы уплатить в условиях свободной рыночной конкуренции, располагая полной информацией об объекте. Кадастровую стоимость статья 3 настоящего закона понимает как стоимость объектов недвижимости, установленную в результате государственной кадастровой оценки, так и в результате судебного разбирательства споров о кадастровой стоимости.

В ликвидационной стоимости подчеркивается срок экспозиции объекта оборота, меньший, чем предполагается для реализации данного объекта при обычных рыночных условиях. Инвестиционная стоимость рассчитывается в зависимости от инвестиционных целей лица или лиц, готовых ее уплатить. Определение ликвидационной стоимости приобретает особое значение при оценке компании в случае банкротства или некоторых иных видов реструктуризации.

Анализ судебной практики показывает, что именно определение рыночной стоимости объектов вызывает споры. Например, в обобщении судебной практики, опубликованной Минэкономразвития, рассматривается следующий случай: истец требовал выплатить компенсацию за некачественно проведенную экспертизу пострадавшего в дорожно-транспортном происшествии автомобиля, в результате которой стоимость восстановительного ремонта оказалась завышенной. В исковом заявлении указывалось, что экспертиза проводилась по материалам стандартов РД 37 009. 019-89 и РД 37 009. 015-92. В стоимость запасных деталей был дважды включен НДС, а ремонтно-технические работы учитывались несколько раз. Суд первой инстанции с доводами истца согласился и обязал ответчика-оценщика выплатить ущерб, причиненный в результате его деятельности. Однако Апелляционный суд с позицией предшествующей судебной инстанции не согласился, в иске отказал, поскольку указанные стандарты не являются нормативно-правовыми актами, обязательными к исполнению, расчет стоимости проводился, исходя из рыночной конъюнктуры. Не были привлечены мнения других экспертов. Необоснованно были применены нормы закона «О защите прав потребителей», поскольку при выборе приоритета законодательных актов, специальный закон имеет преимущество перед общим. Между тем, действия ответчика соответствовали требованиям Закона «Об оценочной деятельности», который в данном случае является специальным.

Кроме оценки объектов частной собственности, профессиональный оценщик может быть привлечен для осуществления государственной кадастровой оценки. Данный вид оценки необходим для целей налогообложения. Оценщик в таком случае выбирается на конкурсной основе и с ним заключается договор. Закон «Об оценочной деятельности» до 2016 года содержал перечень оснований для обязательной государственной кадастровой оценки. Они включали случаи

различных сделок (сдачи в аренду, залога, продажи или иного отчуждения, передачи в качестве вклада в уставные капиталы, фонды юридических лиц) с объектами оценки, принадлежащими полностью или частично Российской Федерации, субъектам Российской Федерации либо муниципальным образованиям. Экспертная оценка также была необходима в случае возникновения спора о стоимости объекта оценки» [1].

Однако обязательность государственной кадастровой оценки в случае передачи государственной или муниципальной собственности в собственность компаниям-арендаторам зачастую приводила к результату, противоположному целям законодателя при внесении требования об обязательности оценки передаваемого имущества [4, с. 178], поскольку очевидно, что в случае инвестиций в фонды арендуемого объекта, оценка его рыночной стоимости была выше, чем в той ситуации, когда арендатор не вкладывал средства в поддержание объекта в надлежащем состоянии.

Таким образом, обязательность государственной кадастровой оценки из способа сохранения бюджетных средств превращалась в метод передачи государственного имущества недобросовестным арендаторам.

В последней редакции закона «Об оценочной деятельности» уже не содержится перечень оснований для обязательной кадастровой оценки, она проводится по решению государственного органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления не чаще чем один раз в течение трех лет. В настоящее время действие этой статьи также приостановлено.

Государственная кадастровая оценка также может быть оспорена. В частности, пример дела № 3-751/2018, рассмотренного в Верховном Суде Республики Башкортостан, показывает, что владелец или арендатор недвижимости может оспорить оценку кадастровой стоимости в суде. В данном случае административный истец «...» просил Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Республике Башкортостан и Правительство Республики Башкортостан установить кадастровую стоимость зданий, собственником которых он является равной их рыночной стоимости [5]. По мнению административного истца, кадастровая стоимость зданий была необоснованно завышена, что сказывалось на налоге. В результате двух экспертиз оценочных компаний было установлено, что рыночная стоимость указанных объектов не превышает их кадастровой стоимости, что затрагивает права и интересы истца. Суд решил, что его требование обосновано и установил кадастровую стоимость зданий равной их рыночной стоимости.

Рассматривая понятие «оценочная деятельность», закон относит оценочную деятельность к профессиональным видам деятельности. Между тем, как отмечает Д.Ч. Салдихова, само понятие «профессиональной деятельности» не рассматривается ни в законе «Об оценочной деятельности», ни в целом в российском законодательстве [6, с. 153].

Предлагается выделить в понятии «профессиональная деятельность» унифицирующие признаки, к которым, прежде всего, можно отнести образование в данной сфере и осуществление ее физическим лицом. Также в понятие «профессиональная деятельность» вкладывается смысл обеспечения материального достатка для осуществления насущных потребностей. Однако, последнее не является аналогом получения прибыли, что является характеристикой предпринимательской деятельности.

Кроме того, неотъемлемым признаком профессиональной деятельности в государстве является ее социально-значимая роль. А для некоторых профессий – повышенная ответственность за результаты этой деятельности, в случае если она может принести вред материальным или нематериальным интересам использующей данные профессиональные навыки стороны. Поскольку деятельность оценщиков является материально-ответственной, это накладывает дополнительные обязательства на уровень профессионализма и компетентности, а также предполагает повышенную ответственность.

В соответствии с Законом, оценщики должны быть членами саморегулируемой организации оценщиков и предоставлять заказчику достоверные сведения о своем членстве в данной организации, работать в соответствии с законодательством РФ, правилами и стандартами в сфере оценки, соблюдать правила деловой и профессиональной этики, обеспечивать сохранность документов. Саморегулируемая организация должна ставиться оценщиком в известность о

юридическом лице, с которым он заключил трудовой договор. Также оценщик предоставляет по требованию заказчика страховой полис и подтверждающий получение профессиональных знаний в области оценочной деятельности документ об образовании. Оценщик обязан не разглашать информацию, которой он стал обладать в ходе проведения проверки. Отдельные требования предъявляются к хранению копий подписанных им отчетов, копий документов и материалов, на основании которых проводилась оценка. Они хранятся оценщиком в течение трех лет с даты составления отчета и могут предоставляться правоохранительным, судебным, иным уполномоченным государственным органам по их требованию.

В случае возникновения или существования обстоятельств, по которым оценщик не может быть полностью объективен и независим в своих суждениях, он должен уведомить заказчика или работодателя о невозможности проведения оценки.

В настоящее время создано и активно действует 16 саморегулируемых организаций оценщиков (СРО). Деятельность СРО контролируется уполномоченными федеральными государственными органами, в том числе Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) в отношении СРО оценщиков и СРО кадастровых инженеров.

Проверки производятся в целях удостоверения количества членов СРО, выполнения требований к компенсационному фонду, к реализации стандартов проведения оценки и составления отчетов, к осуществлению профессиональной и предпринимательской деятельности членами саморегулируемых организаций.

Однако одним из спорных моментов существующего законодательства является вопрос определения правового статуса оценщика. Закон об оценочной деятельности гласит, что профессиональный оценщик может работать по трудовому договору в специализированной компании, а может заниматься частной практикой. Понятие «частной практики» можно трактовать как предпринимательскую деятельность. Закон не содержит запрета на осуществление профессиональным оценщиком своей деятельности в качестве индивидуального предпринимателя, тем не менее, большинство исследователей склоняются к мнению, что сущность требований к оценщику противоречит смыслу предпринимательской деятельности и может привести к злоупотреблениям [7, с. 41-42; 8, с. 3].

Достаточно жесткие требования Закон предъявляет к результату оценочной деятельности – определению стоимости объекта гражданского оборота, выраженному в форме отчета. Это определяется ролью отчета в качестве самостоятельного объекта гражданского оборота и возможного доказательства в судебном разбирательстве. Отчет должен содержать исчерпывающие сведения об объекте оценки и оценщике (включая номер лицензии и свидетельства о членстве в саморегулируемой организации), основания оценки и заявление о независимости оценщика. Стоимость, указанная оценщиком в отчете, признается достоверной и рекомендуемой для целей совершения сделки с объектом оценки, если законом или в судебном порядке не установлено иное. В связи с этим, важным требованием является четкость формулировок отчета. Согласно статье 11 «Отчет не должен допускать неоднозначное толкование или вводить в заблуждение. В отчете в обязательном порядке указываются дата проведения оценки объекта оценки, используемые стандарты оценки, цели и задачи проведения оценки объекта оценки, а также иные сведения, необходимые для полного и недвусмысленного толкования результатов проведения оценки объекта оценки, отраженных в отчете» [1].

Таким образом, на основании анализа Закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» и других нормативно-правовых актов, выявляется сложная структура содержания гражданских правоотношений с использованием результата оценочной деятельности. Сам результат представлен разнообразными объектами гражданского оборота, и число их растет с развитием торгово-экономических связей.

В данном правоотношении стороны наделяются дополнительными субъективными правами и юридическими обязанностями. Данные права и обязанности определяют строгость нормативно-правовых требований к уровню профессионализма оценщика, соблюдению стандартов оценки и форме отчета об оказании оценочных услуг.

Неопределенным остается правовой статус оценщика как субъекта деятельности в случае ее осуществления физическим лицом в процессе частной практики и на основании трудового договора с соответствующей компанией. Спорным остается вопрос об обязательной оценке

отдельных объектов недвижимого имущества в случае передачи государственной или муниципальной собственности в частные руки.

При всех вышеперечисленных противоречиях, следует полагать, что законодательство, регулирующее оценочную деятельность, должно обеспечивать баланс интересов всех участников отношений, создавая при этом благоприятные условия для деятельности в целом.

**Литература и источники**

1. Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 N 135-ФЗ (последняя редакция) // [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_19586/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/) (дата обращения 01.04.2022)
2. Решение от 31 августа 2018 года Арбитражного суда Костромской области // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.sudact.ru/arbitral/doc/XhqQRYEczkv/?arbitral-txt> (дата обращения 01.04.2022)
3. Мурзин А.Е., Бындова К.Е. Оценочная деятельность профессиональных оценщиков в исполнительном производстве // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей III Международной научно-практической конференции: в 2 частях. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 206-209.
4. Пичуева Е.С. Правовое регулирование оценки земельных участков на современном этапе // Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XI Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. - С. 177-179.
5. Решение Верховного Суда Республики Башкортостан № 3-751/2018 ЗГА-751/2018 ЗГА-751/2018~М-477/2018 М-477/2018 от 30 августа 2018 г. по делу № 3-751/2018/ // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/oka5NWNohirv/?regular-txt> (дата обращения 01.04.2022)
6. Салихова Д.Ч. К вопросу о понятии профессиональной деятельности как основном признаке оценочной деятельности //Актуальные проблемы экономики и права. 2016. №3. С 150-156.
7. Зайцева М.И. Оценочная деятельность как сфера услуг: особенности правового регулирования // Научный поиск. 2017. № 2.1.
8. Кванина В.В. Профессиональная и предпринимательская деятельность // Цивилист. 2011. №2.

**References and Sources**

1. Federal'nyj zakon «Ob ocenочноj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» ot 29.07.1998 N 135-FZ (poslednyaya redakciya) // [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_19586/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/) (data obrashcheniya 01.04.2022)
2. Reshenie ot 31 avgusta 2018 goda Arbitrazhnogo suda Kostromskoj oblasti // [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://www.sudact.ru/arbitral/doc/XhqQRYEczkv/?arbitral-txt> (data obrashcheniya 01.04.2022)
3. Murzin A.E., Byndova K.E. Ocenoch'naya deyatel'nost' professional'nyh ocenochchikov v ispolnitel'nom proizvodstve // Sovremennaya yurisprudenciya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii: sbornik statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 chastyah. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2017. S. 206-209.
4. Pichueva E.S. Pravovoe regulirovanie ocenki zemel'nyh uchastkov na sovremennom etape // Vysokie tekhnologii, nauka i obrazovanie: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii: sbornik statej XI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2021. - S. 177-179.
5. Reshenie Verhovnogo Suda Respubliki Bashkortostan № 3-751/2018 ZGA-751/2018 ZGA-751/2018~M-477/2018 M-477/2018 ot 30 avgusta 2018 g. po delu № 3-751/2018/ // [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://sudact.ru/regular/doc/oka5NWNohirv/?regular-txt> (data obrashcheniya 01.04.2022)
6. Salihova D.Ch. K voprosu o ponyatii professional'noj deyatel'nosti kak osnovnom priznake ocenochnoj deyatel'nosti //Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2016. №3. S 150-156.
7. Zajceva M.I. Ocenoch'naya deyatel'nost' kak sfera uslug: osobennosti pravovogo regulirovaniya // Nauchnyj poisk. 2017. № 2.1.
8. Kvanina V.V. Professional'naya i predprinimatel'skaya deyatel'nost' // Civilist. 2011. №2.

**ПОРУНОВА ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА** - старший преподаватель кафедры права, Самарский государственный экономический университет, Сызранский филиал ([olga.porunova@rambler.ru](mailto:olga.porunova@rambler.ru))

**АВЯСОВ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ** - старший преподаватель кафедры права, Самарский государственный экономический университет, Сызранский филиал ([2848@paso.ru](mailto:2848@paso.ru))

**ТАРАСОВА ЮЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА** - кандидат исторических наук, доцент кафедры права, Самарский государственный экономический университет, Сызранский филиал ([sangria80@yandex.ru](mailto:sangria80@yandex.ru))

**PORUNOVA, OLGA G.** - Senior Lecturer at the Department of Law, Syzran Branch of Samara State University of Economics.

**AVYASOV, MAXIM A.** - Senior Lecturer at the Department of Law, Syzran Branch of Samara State University of Economics.

**TARASOVA, YULIYA A.** - Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of Law, Syzran Branch of Samara State University of Economics ([sangria80@yandex.ru](mailto:sangria80@yandex.ru)).

УДК 347.1

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-201-205

**БЕЛАЯ О. В. КИЦАЙ Ю. А.**

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ИНФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЕГР ЗАГС**

**Ключевые слова:** акты гражданского состояния, цифровая трансформация, клиентоцентричность, Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния, государственные услуги в сфере актов гражданского состояния, единая облачная среда, централизованная система хранения данных, государственная информационная система Калининградской области.

Необходимость и целесообразность внедрения новой системы при получении информации о государственной регистрации актов гражданского состояния не вызывает сомнений. На сегодняшний день, с реализацией проекта по созданию Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния, можно говорить об очевидных и явных преимуществах максимально комфортной и удобной возможности получения услуг в данной сфере. И это не только связано с возможностью получения услуг в день обращения, но и с очевидными плюсами взаимодействия всех участников системы - органов ЗАГС всех субъектов России - в электронной

формате. В работе анализируются очевидные преимущества нового функционала получения информации о государственной регистрации актов гражданского состояния, а также особенности получения информации о государственной регистрации актов гражданского состояния на территории Калининградской области.

BELAYA, O.V., KITSAL, J.A.

### SEPARATE ISSUES IN OBTAINING INFORMATION ON THE STATE REGISTRATION OF ACTS OF CIVIL STATUS ON THE EXAMPLE OF THE USR REGISTRY OFFICE

**Key words:** civil status acts, digital transformation, client-centricity, Unified State Register of Civil Status Records, public services in the field of civil status acts, unified cloud environment, centralized data storage system, state information system of the Kaliningrad region.

The need to introduce a new system when receiving information on the state registration of acts of civil status is beyond doubt. Today, with the implementation of the project to create a Unified State Register of Civil Status Records, we can talk about the obvious advantages of the most comfortable opportunity to receive services in this area. And this is not only due to the possibility of receiving services on the day of application, but also with the obvious advantages of interaction between all participants of the system - the registry offices of all subjects of Russia - in electronic format. The paper analyzes the obvious advantages of the new functionality for obtaining information on the state registration of acts of civil status, as well as the features of obtaining information on the state registration of acts of civil status on the territory of the Kaliningrad region.

На сегодняшний день, внедрение новых технологий становится наиболее востребованным и необходимым процессом нашей жизни в связи с происходящими динамичными цифровыми трансформациями в обществе.

Возможность получения информации о государственной регистрации актов гражданского состояния (далее – АГС) является необходимостью для каждого из нас на протяжении всей жизни. Клиентоцентричность модели построения, которая бы обеспечивала предоставление услуг, адаптированных для каждого, – ключевой приоритет для нашего государства. Председатель Правительства РФ Михаил Владимирович Мишустин в Ежегодном отчете Правительства в Государственной Думе Российской Федерации акцентирует внимание именно на выстраивании всех сервисов государства вокруг потребности населения, где основное - это потребности и нужды простого гражданина [1] - удовлетворенность гражданина получаемыми услугами.

Во исполнение Указа Президента РФ от 15.01.2016 г. N 13 «О дополнительных мерах по укреплению платежной дисциплины при осуществлении расчетов с Пенсионным фондом Российской Федерации, Фондом социального страхования Российской Федерации и Федеральным фондом обязательного медицинского страхования» [2] начался сложный процесс по созданию Единого государственного реестра записей АГС (далее - ЕГР ЗАГС). ЕГР ЗАГС фиксирует все события, начиная с рождения, заканчивая смертью гражданина (более того, преобразованию в цифровой формат подлежали АГС с 01.01.1926 г.). Приоритет по созданию данной системы был отдан Федеральной налоговой службе (ФНС России) - были внесены соответствующие изменения в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 N 143-ФЗ [3].

Фактически, произошли масштабные качественные изменения принципиально нового уровня. С 01.10.2018 г. в органах ЗАГС на территории России был введен в действие новый централизованный ресурс - централизованная система хранения АГС – ЕГР ЗАГС. Для иллюстрации данного факта приведем данные официальной статистической информации:

- по состоянию на начало 2022 года - рассмотрению подлежали уже около 2 000 000 заявлений граждан в органы ЗАГС;

- по состоянию на начало 2022 года - только за сентябрь 2021 г. регистрации подлежали около 200 000 АГС.

Министр юстиции России Константин Анатольевич Чуйченко назвал данные события «действительно прорывными» [4] и акцентировал внимание на основных преимуществах реализации данного проекта, таких как:

- появление возможности межведомственного взаимодействия в электронном виде между органами, предоставляющими государственные и муниципальные услуги;

- появление возможности предоставления услуги в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния по экстерриториальному принципу и др.

Помимо основных преимуществ реализации, считаем необходимым отметить и явное удобство набора возможностей нового информационно-аналитического портала [5]:

Представлена информация о самом проекте ЕГР ЗАГС с описанием всех преимуществ использования в данном разделе.

Раскрытию подлежит информация о сервисах, таких как:

- сервис с предоставлением возможности поиска ближайшего органа ЗАГС (по состоянию на начало 2022 года на территории России количество органов ЗАГС составляет 3 644);

- сервис с предоставлением возможности проверки свидетельства в ЕГР ЗАГС (необходимо заполнить только представленную форму с возможностью выбора типа актовой записи, например, рождение, заключение брака, расторжение брака, установление отцовства, усыновление (удочерение), перемена имени и др.), более того, заполнение оставшихся разделов не представляется сложным, так как даны образцы о месте поиска необходимой информации для заполнения;

- сервис с предоставлением возможности оплаты государственной пошлины (актуальную информацию о размерах можно найти на официальном информационном портале органов ЗАГС, например, так в разделе «документы» ЗАГС (Агентства) Калининградской области данная информация представлена в виде таблицы с кодом бюджетной классификации: 318 108 05000 01 0001 110 за государственную пошлину за государственную регистрацию АГС, совершаемую органами ЗАГС (за исключением консульских учреждений России) и кодом бюджетной классификации 318 108 05000 01 0002 110 за другие юридически значимые действия, совершаемые органами ЗАГС и иными уполномоченными органами (за исключением консульских учреждений России) [6];

- сервис с предоставлением возможности формирования платежного документа (платежный документ за услуги органов ЗАГС или госпошлина). Исключением является – оплата госпошлины за государственную регистрацию АГС и другие юридически значимые действия, совершаемые консульскими учреждениями России за пределами России. Необходимо выбрать соответствующий регион, указать назначение платежа (например, за заключение брака, за установление отцовства за перемену имени, за внесение изменений/исправлений, за выдачу повторного свидетельства, за выдачу справки из архива, за проставление апостиля и др.), необходимую сумму. После указания плательщика (заявителя) и документа, удостоверяющего личность, происходит процесс формирования данного документа, который можно оплатить удобным для гражданина способом: в отделениях банков; в банковских платежных терминалах и банкоматах; в мобильных приложениях банков.

Необходимо отметить важность раздела, предоставляющего необходимую информацию сотрудникам ЗАГС, а также раздела, предоставляющего необходимую информацию о порядке получения сведений.

02.09.2021 было подписано Руководство пользователя «Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА)» (далее - ЕСИА) Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [7]. В данном документе представлены не только общие сведения о ЕСИА, но и подробное описание операций: операций, связанных с регистрацией в системе физических лиц; операций, связанных с созданием учетной записи юридических лиц; операций, связанных с созданием учетной записи индивидуального предпринимателя; операций, связанных с авторизацией в системе; операции, связанных с просмотром и управлением данными, хранящимися в системе и др.

Безусловно, сотрудникам ЗАГС, работающим в системе, необходимо иметь подтвержденную учетную запись (в соответствии с п. 3.1. Руководства пользователя «Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА)» существует три уровня учетной записи: упрощенная, стандартная и подтвержденная). То есть происходит регистрация физического лица (сотрудника ЗАГС) в ЕСИА; далее происходит регистрация органа ЗАГС в ЕСИА; на завершающем этапе происходит привязка учетной записи физического лица (сотрудника ЗАГС) к соответствующему органу ЗАГС.

Проанализировав нормативно-правовые акты ЗАГС (Агентства) Калининградской области, регулирующие вопросы функционирования информационных систем, в ЗАГС (Агентстве) Калининградской области функционируют следующие информационные системы: федеральная государственная информационная система ведения ЕГР ЗАГС; государственная информационная система Калининградской области (далее – ГИС КО) «Записи АГС» [8] (оператором ГИС КО «Записи актов гражданского состояния» является ЗАГС (Агентство) Калининградской области); информационная система ЗАГС (Агентства) Калининградской области.

В целом, с внедрением ЕГР ЗАГС у граждан появилась возможность получения достоверных сведений и необходимых документов. Процесс стал быстрым и простым.

Для примера, приведем обыкновенную цепочку действий «жизненной ситуации», Гражданка А. после вступления в брак, на основании п.1 ст. 32 Семейного кодекса Российской Федерации, реализовала свое право на выбор супругами фамилии и изменила добрачную фамилию на фамилию супруга Б. [9]. После расторжения брака на основании п.3 ст. 32 Семейного кодекса Российской Федерации, Гражданка Б. не восстановила свою добрачную фамилию и сохранила общую. В государственном документе о высшем образовании, который получен ранее уже Гражданкой Б., указана фамилия А.

В соответствии с действующим законодательством, определены документы, которые подлежат обязательной замене при смене фамилии гражданина, например: необходимо произвести замену паспорта гражданина; необходимо произвести замену водительского удостоверения гражданина; необходимо произвести замену полиса ОМС (обязательного медицинского страхования) гражданина и др. Но существует ряд документов, которые не требуют замены и действительны при предъявлении паспорта и свидетельства о браке, например, свидетельство о праве собственности на недвижимость; документы о получении образования; трудовая книжка и др.

Гражданка Б, находясь в разводе, решила продолжить обучение, например, пройти программу повышения квалификации, необходимую для выполнения трудовых функции, и вот здесь могли бы начаться сложности с доказыванием принадлежности государственного документа о высшем образовании Гражданке Б. Но, с реализацией проекта ЕГР ЗАГС, получить необходимый документ [10] можно быстро и вне зависимости от местонахождения.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

- значительные изменения произошли в порядке предоставления сведений. С учетом изменений в законодательстве ряд сведений стал предоставляться оператором информационной системы ФНС России в электронном виде. Акцент в предоставлении сведений от органов ЗАГС сместился в сторону оператора ЕГР ЗАГС – ФНС России и в сторону межведомственного электронного взаимодействия. По этой причине ряд соглашений о предоставлении сведений был расторгнут в конце 2018 года и в 2019 году необходимо было заново перестраивать взаимодействие с рядом ведомств с учетом произошедших изменений.

- в 2019 году произошло существенное изменение в порядке взаимодействия с органами ЗАГС других субъектов Российской Федерации. Согласно Федеральному закону от 23 июня 2016 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» заявитель приобрел право получать повторное свидетельство (справку), подтверждающие факт государственной регистрации актов гражданского состояния, по месту своего обращения в любом органе ЗАГС России вне зависимости от места хранения первого экземпляра записи акта. Надо отметить, что органы ЗАГС Калининградской области, например, одни из первых стали применять эту практику в своей работе.

- работа органов ЗАГС в федеральном программном обеспечении стала производиться в онлайн режиме, в котором подписание записи УКЭП является обязательным условием внесения записи в единый реестр. Был введён дополнительный контроль за подписанием записей актов гражданского состояния УКЭП.

- в рамках создания федерального регистра населения согласно Указу Президента Российской Федерации (Указ Президента РФ от 15 января 2016 г. N 13 «О дополнительных мерах по укреплению платежной дисциплины при осуществлении расчетов с Пенсионным фондом Российской Федерации, Фондом социального страхования Российской Федерации и Федеральным фондом обязательного медицинского страхования»), именно сведения ЕГР ЗАГС являются основой этого федерального ресурса. По этой причине органы ЗАГС явились основным инструментом по созданию данного регистра, и чем был важен именно 2020 год – это последний год проведения работ по конвертации записей актов гражданского состояния и передаче их в ЕГР ЗАГС. Все работы должны были быть завершены до 31 декабря 2020 года. Итоговый плановый показатель о количестве записей актов гражданского состояния, подлежащих конвертации и передаче в ФГИС «ЕГР ЗАГС», например, для Калининградской области составил свыше 2,5 млн записей. Все записи были внесены в ЕГР в установленный срок.



Несмотря на очевидные преимущества получения информации государственной регистрации актов гражданского состояния с помощью ЕГР ЗАГС, необходимо отметить, что их реализация возможна только при условии надлежащего технического функционирования и правового оформления. И здесь мы полностью разделяем мнение В.С. Савчук о том, что решение проблем, связанных с получением информации государственной регистрации актов гражданского состояния возможно лишь при условии исключительно надлежащего функционирования ЕГР ЗАГС [11].

### Литература и источники

1. Отчёт Правительства Российской Федерации в Государственной Думе о результатах деятельности Правительства России за 2020 год от 22 июля 2020// [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/news/40074/> (Дата обращения: 27.03.2022).
2. Указ Президента РФ от 15 января 2016 г. N 13 «О дополнительных мерах по укреплению платежной дисциплины при осуществлении расчетов с Пенсионным фондом Российской Федерации, Фондом социального страхования Российской Федерации и Федеральным фондом обязательного медицинского страхования» // [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/71302334/> (Дата обращения: 27.03.2022).
3. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. N 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (с изменениями и дополнениями) // [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/173972/> (Дата обращения: 27.03.2022).
4. Куликов В. В России сформируют единый регистр со сведениями обо всем населении страны // [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2021/04/14/v-rossii-sformiruyut-edinyj-registr-so-svedeniiami-obo-vsem-naselenii-strany.html> (Дата обращения: 27.03.2022).
5. Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС): Информационно-аналитический портал // [Электронный ресурс] URL: <https://zags.nalog.ru/> (Дата обращения: 27.03.2022).
6. ЗАГС (агентство) Калининградской области: документы // [Электронный ресурс] URL: <https://zags.gov39.ru/docs/> (Дата обращения: 27.03.2022).
7. Руководство пользователя ЕСИА: Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // [Электронный ресурс] URL: <https://digital.gov.ru/documents/6182/> (Дата обращения: 27.03.2022).
8. ГИС Информационный указатель реестра государственных информационных систем Калининградской области // [Электронный ресурс] URL: <https://digital.gov39.ru/activity/digital/gis/> (Дата обращения: 27.03.2022).
9. Семейный кодекс (СК РФ): Статья 32. Право выбора супругами фамилии // [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/10105807/b3975f01ce8b0eb0c9b11526d9b4c7bf/> (Дата обращения: 27.03.2022).
10. Постановление Правительства РФ от 31 октября 1998 г. N 1274 «Об утверждении форм бланков заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния, справок и иных документов, подтверждающих государственную регистрацию актов гражданского состояния» // [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/179628/> (Дата обращения: 27.03.2022).
11. Савчук В. С. К вопросу о последних изменениях законодательства о государственной регистрации актов гражданского состояния и функционирования ЕГР ЗАГС// [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44140365> (Дата обращения: 27.03.2022).

### References and Sources

1. Otchyt Pravitel'stva Rossijskoj Federacii v Gosudarstvennoj Dume o rezul'tatah deyatel'nosti Pravitel'stva Rossii za 2020 god ot 22 iyulya 2020// [Elektronnyj resurs] URL: <http://government.ru/news/40074/> (Data obrashcheniya: 27.03.2022).
2. Ukaz Prezidenta RF ot 15 yanvarya 2016 g. N 13 «O dopolnitel'nyh merah po ukrepleniyu platezhnoj discipliny pri osushchestvlenii raschetov s Pensionnym fondom Rossijskoj Federacii, Fondom social'nogo strahovaniya Rossijskoj Federacii i Federal'nyim fondom obyazatel'nogo medicinskogo strahovaniya» // [Elektronnyj resurs] URL: <https://base.garant.ru/71302334/> (Data obrashcheniya: 27.03.2022).
3. Federal'nyj zakon ot 15 noyabrya 1997 g. N 143-FZ «Ob aktah grazhdanskogo sostoyaniya» (s izmeneniyami i dopolneniyami) // [Elektronnyj resurs] URL: <https://base.garant.ru/173972/> (Data obrashcheniya: 27.03.2022).
4. Kulikov V. V Rossii sformiruyut edinyj registr so svedeniyami obo vsem naselenii strany // [Elektronnyj resurs] URL: <https://rg.ru/2021/04/14/v-rossii-sformiruyut-edinyj-registr-so-svedeniiami-obo-vsem-naselenii-strany.html> (Data obrashcheniya: 27.03.2022).
5. Edinyj gosudarstvennyj reestr zapisej aktov grazhdanskogo sostoyaniya (EGR ZAGS): Informacionno-analiticheskij portal // [Elektronnyj resurs] URL: <https://zags.nalog.ru/> (Data obrashcheniya: 27.03.2022).
6. ZAGS (agentstvo) Kaliningradskoj oblasti: dokumenty // [Elektronnyj resurs] URL: <https://zags.gov39.ru/docs/> (Data obrashcheniya: 27.03.2022).
7. Rukovodstvo pol'zovatelya ESIA: Ministerstvo cifrovogo razvitiya, svyazi i massovyh kommunikacij Rossijskoj Federacii // [Elektronnyj resurs] URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6182/> (Data obrashcheniya: 27.03.2022).
8. GIS Informacionnyj ukazatel' reestra gosudarstvennyh informacionnyh sistem Kaliningradskoj oblasti // [Elektronnyj resurs] URL: <https://digital.gov39.ru/activity/digital/gis/> (Data obrashcheniya: 27.03.2022).
9. Semejnij kodeks (SK RF): Stat'ya 32. Pravo vybora suprugami familii // [Elektronnyj resurs] URL: <http://base.garant.ru/10105807/b3975f01ce8b0eb0c9b11526d9b4c7bf/> (Data obrashcheniya: 27.03.2022).
10. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31 oktyabrya 1998 g. N 1274 «Ob utverzhdenii form blankov zavavlenij o gosudarstvennoj registracii aktov grazhdanskogo sostoyaniya, spravok i inyh dokumentov, podtverzhdayushchih gosudarstvennyu registraciyu aktov grazhdanskogo sostoyaniya» // [Elektronnyj resurs] URL: <https://base.garant.ru/179628/> (Data obrashcheniya: 27.03.2022).
11. Savchuk V. S. K voprosu o poslednih izmeneniyah zakonodatel'stva o gosudarstvennoj registracii aktov grazhdanskogo sostoyaniya i funkcionirovaniya EGR ZAGS// [Elektronnyj resurs] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44140365> (Data obrashcheniya: 27.03.2022).

**БЕЛАЯ ОЛЕСЯ ВАЛЕРЬЕВНА** - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Балтийский федеральный университет им. И. Канта ([Whiteolesya@mail.ru](mailto:Whiteolesya@mail.ru)).

**КИЦАЙ ЮЛИАНА АНАТОЛЬЕВНА** - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Балтийский федеральный университет им. И. Канта ([Juliana\\_kn666@mail.ru](mailto:Juliana_kn666@mail.ru)).

**BELAYA, OLESYA V.** - Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Immanuel Kant Baltic Federal University ([Whiteolesya@mail.ru](mailto:Whiteolesya@mail.ru)).

**KITSAI, JULIANA A.** - Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Immanuel Kant Baltic Federal University ([Juliana\\_kn666@mail.ru](mailto:Juliana_kn666@mail.ru)).

**ВИКТОРОВ В.Ю., МАТВЕЕВ П.А., ТОЛСТОВА И.А., КОВШЕВАЦКИЙ В.И.  
СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА  
ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ**

**Ключевые слова:** гражданское право, институт обязательств, ответственность, причинение вреда, возмещение ущерба.

В статье представлен ретроспективный анализ основных этапов зарождения и развития института гражданско-правовой ответственности. Отмечается, что только в советский период развития гражданского права появился кодифицированный нормативный правовой акт, в котором выделялась глава, посвященная обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда. Действующее гражданское законодательство в полной мере сохраняет преемственность ранее действовавших актов, но, в то же время, продолжает совершенствование института возмещения вреда, дополняя его новыми нормами и детализируя регулирование уже существовавших подинститутов. В главе 59 Гражданского кодекса РФ «Обязательства вследствие причинения вреда» значительная часть правовых предписаний позаимствована из ГК РСФСР 1964 года, но в то же время имеется довольно большое количество норм, которые введены в отечественное гражданское право впервые. К примеру, одним из новшеств является введение института компенсации морального вреда, описанию которого посвящено несколько отдельных статей.

**VIKTOROV, V.Yu., MATVEEV, P.A., TOLSTOVA, I.A., KOVSHEVATSKY, V.I.  
FORMATION OF THE INSTITUTE OF CIVIL LIABILITY FOR CAUSING HARM IN RUSSIAN LAW**

**Key words:** civil law, institution of obligations, liability, infliction of harm, compensation for damage.

The article presents a retrospective analysis of the main stages of the origin and development of the institution of civil liability. It is noted that only in the Soviet period of the development of civil law, a codified normative legal act appeared, in which a chapter dedicated to obligations arising as a result of harm was highlighted. The current civil legislation fully preserves the continuity of previously existing acts, but at the same time continues to improve the institution of compensation for harm, supplementing it with new norms and detailing the regulation of already existing subinstitutions. In Chapter 59 of the Civil Code of the Russian Federation "Obligations as a result of causing harm", a significant part of the legal prescriptions is borrowed from the Civil Code of the RSFSR of 1964, but at the same time there are a fairly large number of norms that have been introduced into domestic civil law for the first time. For example, one of the innovations is the introduction of the institution of compensation for moral damage, which is described in several separate articles.

Гражданско-правовая ответственность традиционно выделяется как самостоятельный вид юридической ответственности, обладающий целым рядом специфических черт. Институт гражданско-правовой ответственности появился сравнительно недавно, хотя правовое регулирование отношений, касающихся имущественной ответственности, было известно еще во времена Киевской Руси. Уже в Русской Правде, которая является древнейшим памятником отечественного законодательства, сказано, что лицо, которое повредило чужую вещь, должно компенсировать ее стоимость. В этом же документе можно встретить упоминание про компенсацию морального вреда. Конечно, наименования «моральный вред» в правовых документах той эпохи, а также позднейших нормативных актах не было, но на основании толкования имевшихся правовых предписаний можно констатировать наличие сходного по содержанию института [1].

На протяжении нескольких столетий после принятия Русской Правды кардинальных изменений в правовом регулировании гражданско-правовой ответственности за причиненный имущественный вред не происходило. Это объясняется тем, что в то время вопросы ответственности за практически любые правонарушения разрешались в рамках уголовного права. Только в середине XVI века в отечественном праве стали появляться отдельные элементы самостоятельной имущественной ответственности за причиненный вред. Но возможности такой ответственности в значительной степени зависели от тяжести причиненного вреда и социального положения потерпевшего. В любом случае виновное лицо подвергалось уголовному наказанию, в дополнение к которому с виновного могла быть взыскана определенная денежная сумма в качестве материальной компенсации потерпевшему. Но такое дополнительное наказание было факультативным, то есть не обязательным к применению. Более того, в случае невозможности виновного лица заплатить денежную компенсацию, то его подвергали телесному наказанию. Тем самым возмещение имущественного ущерба не выделялось в качестве самостоятельного института именно гражданского права, налицо тесное переплетение гражданско-правовых и уголовно-правовых норм. Однако необходимо отметить эволюцию рассматриваемого института, что проявилось в допущении государством замены сугубо уголовного наказания, коим являлись телесные наказания, денежным возмещением причиненного ущерба, которое стало рассматриваться в отношении имущественных преступлений основной целью наказания.

Лишь спустя продолжительное время в российском законодательстве сформировалась самостоятельная отрасль права – гражданское право, в структуре которого выделился институт обязательств, возникающих из причинения вреда. Обособленные нормы данного института впервые были введены в том 10 Свода законов Российской империи, который был издан в 1835 году. Но принципиально важным в новых нормах было то, что гражданско-правовые обязательства являлись следствием, как и прежде, правонарушения. Потерпевший имел право на получение денежной компенсации от нарушителя только при условии, что тот действовал виновно. Законодатель выделял случаи допустимости одновременного наступления гражданско-правовой и уголовной ответственности, а также случаи, когда виновное лицо несло только имущественную санкцию. Стоит отметить, что если в результате неправомерных действий лица, которые не относились к уголовно наказуемым, третьему был причинен имущественный ущерб, то последний имел право требовать возмещения причиненного ему вреда и убытков. В таком принципиальном виде институт гражданско-правовой ответственности за причинение вреда просуществовал до момента прекращения существования Российской империи.

События 1917 года в нашей стране привели к кардинальной перестройке не только общественно-политической и экономической систем, но и сферы законодательства и права. Все ранее принятые нормативные акты были признаны классово чуждыми новому государству и подлежали замене новым законодательством. Первый кодифицированный нормативный правовой акт гражданского законодательства был принят именно в советское время. Речь идет о Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. [4]. В этом кодексе имелась отдельная глава, которая называлась «Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда». Даже из названия главы следовало, что содержащиеся в ней нормы устанавливают порядок возмещения вреда, причиненный только гражданам.

Основополагающее значение для регулирования соответствующих отношений имела ст. 403 ГК РФ, текст которой имел следующий вид: «Причинивший вред личности или имуществу другого обязан возместить причиненный вред. Он освобождается от этой обязанности, если докажет, что не мог предотвратить вреда, либо был управомочен на причинение вреда, либо что вред возник вследствие умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего». Значение процитированной статьи заключается в том, что в ней зафиксированы основы гражданско-правовой ответственности причинителя вреда. По смыслу названной нормы вред личности заключался в нарушении тех или иных персональных свойств и отношений (например, вред здоровью, подрыв репутации и т.д.), если в результате такого нарушения потерпевший нес имущественные потери, которые могли быть многообразными (например, потеря заработной платы, необходимость несения дополнительных расходов и т.д.). На компенсацию морального вреда потерпевшая сторона рассчитывать в то время не могла. Судами признавалось право лица на получение имущественного возмещения только при доказанности наличия причинно-следственной связи между действиями лица и наступившим имущественным вредом. Важно отметить, что вред мог быть причинен не только активным поведением лица, но и его бездействием. В отмеченной статье тем самым фиксируется презумпция ответственности при наличии причинно-следственной связи [5].

Имущественная ответственность, в соответствии с ГК РСФСР 1922 года, исключалась, если причинитель вреда имел право действовать подобным образом. При истолковании положений ст. 403 ГК РФ можно сделать вывод, что управомоченность на причинение вреда была связана с непосредственным содержанием права лица на данные действия. Естественно, что в указанном случае деятельность лица признавалась в целом правомерной. Законодатель не проводил различий между правомерными действиями лица по причинению вреда в собственных или общественных интересах. В первом случае речь шла, например, о праве каждого гражданина защищаться от посягательств на него, а во втором случае, например, выражалось в праве сотрудника милиции задерживать преступников и т.д.

Революционной новеллой ГК РСФСР 1922 года стало допущение возмещения имущественного вреда, причиненного неправомерными действиями сотрудников органов государственной власти. На этот счет имелась отдельная ст. 407 ГК РСФСР 1922 года. Однако, такой вид ответственности допускался только тогда, когда это было особо указано в законодательстве, и при условии надлежащего подтверждения неправомерности действия

должностного лица в судебном или административном порядке. Кроме того, по указанной выше норме допускалось привлечение к гражданско-правовой ответственности государственных учреждений, которые могли рассчитывать на освобождение от ответственности в случае пропуска потерпевшим срока на обжалование их действий. Следует заметить, что учреждения по советскому гражданскому законодательству не являются аналогами современных юридических лиц, которые представляют собой объединение граждан и их имущества для достижения определенной цели. Целью законодателя было противопоставить в целях привлечения к гражданско-правовой ответственности государственные и частные учреждения. Указанная норма являлась проявлением несения государством ответственности за противоправные действия должностных лиц органов власти. В литературе в связи с этим отмечается интересный факт: гражданское законодательство не предусматривало норм, регламентирующих имущественную ответственность частных или общественных учреждений, что создавало ситуацию их безнаказанности за причинение ущерба третьим лицам [6].

Реализация гражданами своих прав на привлечение виновного лица к гражданско-правовой имущественной ответственности осуществлялась по их усмотрению, но в законодательстве были определены некоторые границы свободы физических лиц. Так, согласно ст. 410 ГК РСФСР, возмещение вреда заключалось только в восстановлении положения сторон, которое существовало до факта причинения вреда. На возмещение причиненных убытков потерпевший мог рассчитывать только в случае объективной невозможности подобного восстановления первоначального положения. На основании ст. 411 ГК РФ при определении размера возмещения вреда потерпевшему суд должен руководствоваться данными об имущественном положении сторон. Это означало невозможность полного возмещения причиненных убытков, которые представляли собой максимальную величину денежного присуждения со стороны виновника. Интересно отметить, что в ГК РСФСР достаточно много внимания уделено возмещению вреда лицу, который был застрахован в рамках социального страхования [7].

Проведенный обзор института возмещения вреда в ГК РСФСР 1922 года свидетельствует о том, что ряд оснований для наступления гражданско-правовой ответственности не был регламентирован. Например, отсутствовали специальные предписания, касающиеся возмещения ущерба в случае причинения вреда в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости. Также в кодифицированном акте не было отдельных норм относительно возмещения вреда, причиненного в результате противоправных действий сотрудников правоохранительных органов и суда. Следовательно, в ГК РСФСР 1922 года существовало довольно большое количество пробелов в части случаев гражданско-правовой ответственности за причинение вреда.

Следующий этап развития рассматриваемого института связан с Основами гражданского законодательства СССР и союзных республик 1961 года [8]. В этом акте были представлены нормы, касающиеся обязательств, которые возникают в связи с причинением вреда. В частности, этим вопросам была посвящена гл. 12 Основ «Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда». По сравнению с ранее действовавшей моделью правового регулирования появились нормы, на основании которых устанавливалась возможность привлечь к гражданско-правовой ответственности государство за противоправные действия сотрудников правоохранительных органов и суда. Согласно ч. 2 ст. 89 указанного документа «За вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, соответствующие государственные органы несут имущественную ответственность в случаях и пределах, специально предусмотренных законом».

В развитие положений Основ гражданского законодательства СССР 1961 года был принят ГК РСФСР 1964 г. [9], который был дополнен некоторыми нормами, развивающими институт имущественной ответственности за причинение вреда. В СССР того времени существовали и другие нормативные правовые акты, которые были посвящены регулированию некоторых аспектов рассматриваемого института, например: Постановление Совета Министров СССР от 03.07.1984 г. №690 «Об утверждении Правил возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей» [10]; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 г. об утверждении Положения о порядке возмещения

ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда [11].

Закономерным итогом развития отечественного гражданского законодательства, регулирующего ответственность за причинение вреда, стало актуальное состояние этого института, отраженное в Гражданском кодексе РФ (ГК РФ) [12]. В ГК РФ имеется отдельная глава 59 «Обязательства вследствие причинения вреда». Значительная часть правовых предписаний этой главы была позаимствована из ГК РСФСР 1964 года, но в то же время имеется довольно большое количество норм, которые введены в отечественное гражданское право впервые. Одним из ярких примеров новшеств является введение института компенсации морального вреда, описанию которого посвящено несколько отдельных статей ГК РФ.

Таким образом, институт гражданско-правовой ответственности за причинение вреда формировался в отечественном праве на протяжении многих столетий. Изначально релевантные нормы были фрагментированы, то есть они содержались в нескольких нормативных правовых актах. В то время невозможно было вообще вести речь об оформлении рассматриваемого правового института. Только с течением времени появилась отдельная отрасль права – гражданское право, обязательной составной частью которой является институт обязательств, возникающих вследствие причинения вреда. Первые законодательные нормы этого института следует датировать только 1835 годом, когда был опубликован том 10 Свода законов Российской Империи. Принципиально иное правовое регулирование возмещения имущественного вреда было предусмотрено советским гражданским законодательством. Во времена СССР был принят первый в истории отечественного государства и права кодифицированный нормативный правовой акт в сфере гражданского права, в котором на всем протяжении советской истории всегда выделялась глава, посвященная обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда. Первоначально этот институт не был совершенным и не предусматривал обязательные с современной точки зрения атрибуты, например, возможность компенсации морального вреда. С другой стороны, прогрессивной стороной советского законодательства было предоставление гражданам права требовать от государства возмещения причиненных им убытков вследствие противоправных действий сотрудников правоохранительных органов и суда. Действующее гражданское законодательство в полной мере сохраняет преемственность ранее действовавших актов, но в то же время продолжает совершенствование института возмещения вреда, дополняя его новыми нормами и детализируя регулирование уже существовавших подинститутов.

### Литература и источники

1. Авдеева О.А., Знамеровский Е.В. Правовое регулирование гражданских правоотношений в условиях формирования Древнерусского государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 12. С. 54-59.
2. Попугаев Ю.И. Из историографии отечественного административно-деликтного законодательства дореволюционного, советского и современного периода // Административное право и процесс. 2018. № 1. С. 18-22.
3. Васильева Е.С. Ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов государственной власти в российском законодательстве: история и современность // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4. С. 42-52.
4. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 года «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР.» // Известия ВЦИК. 1922. 12 ноября. № 256.
5. Евстигнеев Э.А. Вопросы соотношения вины и причинно-следственной связи в деликтном праве // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 33-59.
6. Евстигнеев Э.А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 45-83.
7. Кабанова И.Е. Гражданско-правовая ответственность публичных субъектов: вопросы теории и практики: монография / отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2018. 398 с.
8. Закон СССР от 08.12.1961 года «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 525.
9. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964 года) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
10. Постановление Совета Министров СССР от 03.07.1984 г. № 690 «Об утверждении Правил возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей» // СП СССР. 1984. № 24. Ст. 128.
11. Указ Президиума ВС СССР от 18.05.1981 года «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» (утв. Законом СССР от 24.06.1981 года) // Ведомости ВС СССР. N 21, 27.05.1981. Ст. 741.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 года № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

### References and Sources

1. Avdeeva O.A., Znamerskiy E.V. Pravovoe regulirovanie grazhdanskikh pravootnoshenij v usloviyah formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2017. № 12. S. 54-59.

2. Popugaev Yu.I. Iz istoriografii otechestvennogo administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva dorevolucionnogo, sovetskogo i sovremennogo perioda // Administrativnoe pravo i process. 2018. № 1. S. 18-22.
3. Vasil'eva E.S. Otvetstvennost' za vred, prichinennyj nezakonnymi dejstviyami organov gosudarstvennoj vlasti v rossijskom zakonodatel'stve: istoriya i sovremennost' // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 4. S. 42-52.
4. Postanovlenie VCIK ot 11.11.1922 goda «O vvedenii v dejstvie Grazhdanskogo kodeksa R.S.F.S.R.» // Izvestiya VCIK. 1922. 12 noyabrya. № 256.
5. Evstigneev E.A. Voprosy sootnosheniya viny i prichinno-sledstvennoj svyazi v deliktnom prave // Vestnik grazhdanskogo prava. 2020. №1. S.33-59.
6. Evstigneev E.A. Princip general'nogo delikta: sovremennoe sostoyanie i perspektivy primeneniya // Vestnik grazhdanskogo prava. 2017. №4. S.45-83.
7. Kabanova I.E. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' publicnyh sub'ektov: voprosy teorii i praktiki: monografiya / otv. red. M.A. Egorova. M.: Yusticinform, 2018. 398 s.
8. Zakon SSSR ot 08.12.1961 goda «Ob utverzhdenii Osnov grazhdanskogo zakonodatel'stva Soyuzov SSR i soyuznyh respublik» // Vedomosti VS SSSR. 1961. № 50. St. 525.
9. Grazhdanskij kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 11.06.1964 goda) // Vedomosti VS RSFSR. 1964. № 24. St. 407.
10. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 03.07.1984 g. № 690 «Ob utverzhdenii Pravil vozmeshcheniya predpriyatiyami, uchrezhdeniyami, organizatsiyami ushcherba, prichinennogo rabochim i sluzhashchim uvech'em libo inym povrezhdeniem zdorov'ya, svyazannym s ispolneniem imi trudovyh obyazannostej» // SP SSSR. 1984. № 24. St. 128.
11. Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 18.05.1981 goda «O vozmeshchenii ushcherba, prichinennogo grazhdaninu nezakonnymi dejstviyami gosudarstvennyh i obshchestvennyh organizatsij, a takzhe dolzhnostnyh lic pri ispolnenii imi sluzhebnyh obyazannostej» (utv. Zakonom SSSR ot 24.06.1981 goda) // Vedomosti VS SSSR. N 21, 27.05.1981. St. 741.
12. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federatsii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 goda № 146-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 03.12.2001. № 49. St. 4552.

**ВИКТОРОВ ВЯЧЕСЛАВ ЮРЬЕВИЧ** – кандидат философских наук, доцент, Филиал Российского государственного социального университета в г. Клину Московской области (ionow.fran@yandex.ru)

**МАТВЕЕВ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ** – старший преподаватель Филиала Российского государственного социального университета в г. Клину Московской области (matveev.ur@mail.ru)

**ТОЛСТОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА** – кандидат юридических наук, доцент, Филиал Российского государственного социального университета в г. Клину Московской области (i.tolstova2012@yandex.ru)

**КОВШЕВАЦКИЙ ВЛАДИСЛАВ ИГОРЕВИЧ** – кандидат юридических наук, доцент, Филиал Российского государственного социального университета в г. Клину Московской области (kovshevatsky@yandex.ru)

**VIKTOROV, VYACHESLAV Yu.** – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, the Branch of the Russian State Social University in Klin, Moscow Region (ionow.fran@yandex.ru)

**MATVEEV, PAVEL A.** – Senior Lecturer of the Branch of the Russian State Social University in Klin, Moscow Region (matveev.ur@mail.ru)

**TOLSTOVA, IRINA A.** – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor, the Branch of the Russian State Social University in Klin, Moscow Region (i.tolstova2012@yandex.ru)

**KOVSHEVATSKY, VLADISLAV I.** – PhD in Law, Associate Professor, the Branch of the Russian State Social University in Klin, Moscow Region (kovshevatsky@yandex.ru).

УДК 347.413

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-210-215

**ФАДЕЕВ А.В.**

## **К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПОРЯДКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОСТАВЩИКА**

**Ключевые слова:** гражданский договор, договоры поставок, поставщик, закупки, тендер, торги, классификация форм.

Статья исследует процедуру, механизмы и способы урегулирования порядка определения поставщика при осуществлении государственных и муниципальных закупок в рамках Федерального закона 44, а также рассматривает «подводные камни» и юридические коллизии, встречающиеся при регулировании данного вида правоотношений в рамках реализации законных прав. Показано, что важность темы обусловлена вопросами не только хозяйственного и профессионального, но и репутационного характера. Правильное определение поставщика является одним из основных условий при осуществлении закупочной деятельности и реализации договора поставки товаров для государственных и муниципальных нужд. Характеризуя проблемы осуществления прав контрагентов по договору поставки товаров для государственных и муниципальных нужд, автор полагает, что следует повысить штрафные санкции за нарушение законодательства «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

**FADEEV, A.V.**

## **ON THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF THE PROCEDURE FOR DETERMINING THE SUPPLIER**

**Key words:** civil contract, supply contracts, supplier, purchases, tender, bidding, classification of forms.

The article explores the procedure, mechanisms and ways to regulate the procedure for determining a supplier in the implementation of state and municipal procurement within the framework of Federal Law 44, and also considers the "pitfalls" and legal conflicts encountered in the regulation of this type of legal relationship in the framework of the exercise of legal rights. It is shown that the importance of the topic is due to issues not only of economic and professional, but also of a reputational nature. The correct definition of the supplier is one of the main conditions for the implementation of procurement activities and the implementation of the contract for the supply of goods for state and municipal needs. Describing the problems of exercising the rights of counterparties under a contract for the supply of goods for state and municipal needs, the author believes that it is necessary to increase the penalties for violating the law "On Information, Information Technologies and Information Protection".

Современный мир в своём динамичном развитии немислим без осуществления законотворческой деятельности и правильной реализации закона. В данной статье мы рассмотрим

вопросы законодательного регулирования, связанные с определением поставщиков, а также с проблемами, с которыми может столкнуться поставщик при реализации своих законных прав. Их важность обусловлена тем, что в динамично изменяющемся мире, с учётом введения против России санкций, действующее законодательство меняет способы урегулирования правоотношений, и действие закона распространяется на принципиально новые юридические факты. Важность правильного определения поставщика является одним из основных условий при осуществлении закупочной деятельности и реализации договора поставки товаров для государственных и муниципальных нужд.

Дефиниция договора поставки предопределяет его содержательную часть и отношения, на которые действие данных правоотношений имеет распространение. Договор поставки товаров для государственных и муниципальных нужд – это «гражданско-правовой договор, по которому поставщик обязуется передать товары государственному или муниципальному заказчику, либо по его указанию иному лицу, а государственный или муниципальный заказчик обязуется обеспечить оплату поставленных товаров».

По общему правилу, договор поставки состоит в том, что поставщик - продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки производимые или закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием (ст. 506 Гражданского кодекса РФ). А.П. Сергеев в своих работах писал об договорных правоотношениях следующее: «договор поставки товаров для государственных и муниципальных нужд опосредует возмездное перемещение материальных благ в народном хозяйстве, без которого немислимо нормальное функционирование экономики» [2, с. 46].

Порядок поставки товаров оговаривается в ст. 509 Гражданского кодекса РФ. Согласно этой статье, поставка товаров осуществляется поставщиком путем отгрузки (передачи) товаров покупателю, являющемуся стороной договора поставки, или лицу, указанному в договоре в качестве получателя (также грузополучателя). В случае, когда договором поставки предусмотрено право покупателя давать поставщику указания об отгрузке (передаче) товаров получателям (отгрузочные разрядки), отгрузка (передача) товаров осуществляется поставщиком получателям, указанным в отгрузочной разрядке. Все указанные правила распространяются на договор поставки для государственных и муниципальных нужд и обуславливают его правовую природу, то есть определенную юридическую сущность.

Однако следует отметить, что резкий рост отпускных цен производителей, нарушение логистики, разрыв цепочек поставок сделали исполнение многих контрактов невозможным. С этой проблемой сейчас столкнулись предприниматели самых разных отраслей. В этой связи, вероятно, мы увидим применение следующих мер: 1) изменение или расторжение действующих контрактов в связи с воздействием непреодолимой силы; 2) введение дополнительных оснований изменения контрактов; 3) расширение оснований (например, такие как процедура закупки у единственного подрядчика/ исполнителя); 4) списание неустойки поставщикам (подрядчикам, исполнителям). Все эти факторы оказывают влияние на реализацию договорных отношений по государственным и муниципальным закупкам о чём и пойдет речь в представленной статье.

1.1. Реализация процедуры определения поставщика в рамках Федерального закона 44-ФЗ.

Как уже отмечалось, для реализации законного права в рамках Федерального закона N 44-ФЗ от 05.04.2013 года [1] необходимо грамотное и правильное определение поставщика для дальнейшей реализации права с соблюдением принципов добросовестности, а также соблюдение основ Федерального законодательства «О защите конкуренции». Статья 24 N 44-ФЗ закона, регулирует способы определения поставщиков с конкурентными способами реализации, в соответствии с целями закупочной деятельности.

В законе определяются разные классификации способов выбора подрядчика. Торги могут быть конкурентными и неконкурентными, в закрытом и открытом формате, а также в электронном и бумажном формате. В качестве отдельного следует выделить двухэтапный конкурс и тендер с ограничением по участию поставщиков. Поэтому при рассмотрении законодательных аспектов данной процедуры необходимо опираться не только на действие закона о закупочной

деятельности, но и на закон о защите конкуренции. По закону, закупки, которые осуществлены с нарушением конкуренции и конкурентоспособности, будут признаны недействительными.

Рассматривая конкурентные способы определения поставщиков по закону 44-ФЗ, речь следует вести о торгах, которые предполагают в своей основе проведение соревновательного базиса с соблюдением принципов добросовестности, ответственности и отсутствием конфликта интересов, где перед каждым потенциальным поставщиком и заказчиком имеется возможность к подписанию договорного обязательства. Закупочная деятельность в подобном формате предполагает равное обеспечение права и снижения цены, которая была установлена. Отличия между конкурентными способами заключаются в порядке заявок, сроках размещения, а также в критериях отбора. В качестве конкурентных форматов выделяют запросы котировок, аукционы, предложения, конкурсы. Однако следует подчеркнуть, что с 2019 года все тендеры проводятся только через ЭТП.

Главное отличие такой процедуры – ее закрытость. Данные о ней не публикуются в открытом доступе. Сообщаются такие данные определенному кругу лиц (исполнителей), которые способны отвечать требованиям и выполнить условия контракта покупателя. Проводится подобная процедура в таких случаях, когда информационная составляющая о необходимых ТРУ определяется государственной тайной (данные о нуждах государственного уровня непосредственно, относящиеся к государственной тайне, приобретение услуг по страхованию, охране и перевозке драгоценных металлов, музейных коллекций, книг составляющих раритетную ценность), а также обеспечением нормальной работы судей и судебных приставов и работы в оборонной отрасли.

Организатор мероприятия, в свою очередь, поясняет обоснование решения способа определения поставщика, а также то, на основании какого законного основания и фактора выбрана конкретная процедура. Тут необходимо понимать, что заказчик сам устанавливает метод осуществления тендера, но ему придется обосновать свой выбор. Другими словами, важно пояснить, по какому принципу выбран формат, и доказать, что использование такого формата не нарушает прав и законных интересов участников данных правоотношений. Необоснованность закупки определяется во время проведения контролирующими органами соответствующей проверки, в рамках процедуры аудита деятельности.

Как было уже отмечено выше, любые закупки должны проходить на базе ЭТП. Согласно п. 44 ст. 112 закона 44-ФЗ, закупки в традиционном формате проводятся исключительно по решению Правительства РФ для обеспечения деятельности заказчика в чрезвычайных ситуациях, а также вне пределов территории РФ.

1.2. Проблемы осуществления прав контрагентов по договору поставки товаров для государственных и муниципальных нужд.

Контрагент – это термин, который находит применение в гражданско-правовых отношениях и означает одну из сторон, которые договариваются по всем условиям в ходе проведения сделок. Противопоставление сторон является распространенной практикой (то есть обязательства, которые лежат на одной стороне противопоставляются и противоположны другой стороне). Используя этот термин, мы также можем подразумевать, что подрядчик – компания, исполняющая работы по договору. Очевидно, что в случае договора поставки для государственных и муниципальных нужд под контрагентами следует понимать всех субъектов или участников данного конкретного вида договора или контракта.

В исследуемом договоре контрагентами являются те, кто представляют определенную сторону договорных отношений [5, с. 201]. Однако не все физлица или юридические лица в данном случае имеют право быть контрагентами. Во-первых, для этого необходима действующая лицензия. Во-вторых, исключаются недееспособные лица, которые признаны в установленном порядке не имеющими права для исполнения, в том числе для заключения договорных обязательств. Онлайн сервис ФНС помогает нам проверить благонадежность контрагента, с которым мы работаем (для этого нам понадобится ИНН).

Отвечая на вопрос, для чего необходимо проверять на благонадежность, следует, в первую очередь, выделить необходимость снижения рисков и грамотного определения поставщика. Если мы говорим о рисках, то здесь различаются налоговые, финансовые и репутационные. Все эти моменты важно учитывать, вступая в правоотношения с контрагентами. Контрагентами в договоре



закупок для государственных и муниципальных нужд становятся юридические лица, ИП, а иногда физические лица и государственные или муниципальные учреждения (правительство субъекта федерации, управа областного округа и др.).

При исполнении контракта важно учитывать все издержки, которые будут сопровождать его. К таковым относят: транспортные, форс-мажор, хранение, налоговые и прочие. Также следует отметить, что при включении в РНП (Реестр недобросовестных поставщиков) статус контрагента может оказаться под большим и открытым вопросом.

Основания для этого предусмотрены Законом N 44-ФЗ:

1. Первым основанием выступает отказ или победа в конкурсе, если он являлся единственным участником закупки, однако уклонился от обязательств и заключения договора.

2. Вторым, и не менее важным основанием, законодателем считается нарушение сроков подписания контракта.

3. Третий немаловажный аспект – не перечисление денежных средств (отсутствие банковской гарантии) или нарушение срока исполнений этих действий (также законодатель не допускает оформление соответствующей документации с ошибками).

4. Расторжение в судебном порядке.

Уклонением участника от заключения договора закупки, согласно Правилам направления сведений о недобросовестных участниках закупки, считается непредставление обеспечения исполнения (банковской гарантии), соответствующих документов о закупочной деятельности и иное, предусмотренное законодательно в рамках реализации ФЗ -44.

В данной связи необходимо исходить из позиции Конституционного суда, которая изложена в Постановлениях от 30 июля 2001 г. № 13-П [3] и от 21 ноября 2002 г. № 15-П [4], согласно которым «меры государственного понуждения должны применяться с учетом характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных существенных обстоятельств».

Как и в любом другом правоотношении, в договорном обязательстве заказчики имеют свои законные права и обязанности. Согласно Постановлению Правительства №99, право выбирать исполнителя предоставляется заказчикам, которые не только способны предложить лучшую цену, но и обладают набором таких качеств как высокая квалификация, известность на рынке (репутация), опыт, а также соответствующая техническим характеристикам производственная база. Данные требования объективны и предъявляются к работам, связанным с государственным капитальными строительствами, дорожным ремонтом, восстановлением памятников культурного наследия и пр.

В своём личном кабинете на ЭП участники обязаны разместить в установленном порядке документы, которые подтверждают соответствие потенциального поставщика соответствующим параметрам, если такие требования к исполнителю содержатся в извещении. Сделать это необходимо непосредственно до подачи заявки к участию. Если речь идет о случаях, когда объектом заказа выступает интеллектуальный продукт и права на него, то исполнитель обязан предъявить соответствующие патент, приложив к нему лицензионный договор или другой документ, которые удостоверяют право на результаты интеллектуальной деятельности. В случае отсутствия такого документа, процедура становится неисполнимой. Например, это относится к случаям, когда государственное учреждение заказывает произведение литературы или искусства, в том числе прокат фильма или его показ.

Преференции законом о государственных и муниципальных закупках гарантированы определенному ряду категорий экономических субъектов, которые участвуют в закупочной деятельности. Всех потенциальных поставщиков по государственным контрактам законодательство обязывает при подаче заявки внести установленную сумму в счёт заказчика или предоставить банковскую гарантию (документ установленного образца), который гарантирует серьезность намерения со стороны компании участвовать в торгах на конкурсной основе. По окончании процедуры торгов и выборе соответствующего поставщика, остальным участникам возвращается их обеспечение заявки. Рассмотрим ещё один способ обеспечения заявки. К такому способу относится гарантийная сумма – это денежная сумма или банковская гарантия, которая вносится для подтверждения серьезности намерений к заключению контракта. При проигрыше

тендера соответствующая гарантийная сумма является возвратной и будет отправлена обратно адресату.

Стадия исполнения госконтракта, в рамках реализаций требований Закона N 44-ФЗ, состоит из нескольких поочередных законодательно регулируемых этапов, таких как приёмка работ заказчиком, с проведением соответствующей экспертизы, которая подтвердит качество объекта. В таком случае заказчик подтверждает поставку и оплачивает её. Если во время проведения наступают последствия, препятствующие исполнению данных обязательств, то разрешение таких споров лежит в плоскости ст.95 ранее указанного закона.

Одним из важнейших этапов исполнения госконтракта по 44-ФЗ является экспертиза. Эксперты в данном случае привлекаются исключительно независимые, и данные об их выводах и суждениях, высказанных в результате проведения экспертизы, публикуются в ЕИС.

Отметим, что право инициировать расторжение договора в одностороннем порядке имеет каждый из участников, что является немаловажным условием, включенным в документацию. Если стороны не предусмотрели в документах подобных пунктов, придется обращаться в суд. Причины для расторжения контракта по Закону № 44-ФЗ в судебном порядке должны быть достаточно вескими.

Выполнение условий необходимо и важно как для покупателя, так и для исполнителя. Однако на практике запланированные работы могут отклоняться от установленного срока из-за допущенных в процессе выполнения ошибок. При таком урегулировании между участниками наблюдаются разногласия и несогласие с оппонентом. Однозначно в таком случае дальнейшее разбирательство может проводиться в суде. Но разбирательство требует немалых временных затрат и не выгодно потерпевшему. А значит, оба участника должны понимать и осознавать принципы добросовестности исполнения обязательств и каким образом выйти из подобной ситуации, когда по закону можно прибегнуть к одностороннему отказу от исполнения контракта, согласно нормам 44-ФЗ.

Законодательный отказ – допустим. Однако для реализации подобного рода отказа необходимы исключительные условия и существенное нарушение договора одной из сторон. Такой порядок регламентирован в статье 450 ч.2 Гражданского кодекса. В данном случае речь идет сугубо о случаях, когда ущерб от несоблюдения условий соглашения превышает выгоду от исполнения работы. Должна быть зафиксирована ответственность участников соглашения за ненадлежащее исполнение работ, как того требует законодательство ФЗ-44, в части 4 ст.34 статьи настоящего закона.

В части 5 ст. 34 речь идет о важности указания штрафных санкций, которые предусмотрены за нарушение сроков оплаты. Меры, которые перечислены, позволяют реализовать законное право на истребование ущерба и его возмещение в соответствующем порядке. В таком случае процедура расторжения договора, при наличии договоренности, может быть инициирована одним из участников указанных правоотношений.

При отсутствии каких-либо условий, обязанностей, связанных с расторжением соглашения, необходимо отталкиваться от норм ГК РФ и иных законов, которые не вступают друг с другом в противоречие. Односторонний отказ предусмотрен, но, если выполнены условия ст. 95, то есть в случае, когда выявлены существенные нарушения, которые по размеру ущерба превосходят выгоду от выполнения условий договора. Участники изначально между собой фиксируют на договорном уровне право настоять на расторжении договора.

При рассмотрении правоотношений, связанных с реализацией законных прав и интересов поставщиков, а также с грамотным его определением необходимо учитывать различные факторы, а также рассматривать данную проблематику в многоаспектном формате. Как видится, реализация законных прав имеет ряд особенностей, затрагивающих не только отношения, предусмотренные 44-ФЗ, но и отношения, которые урегулированы в рамках смежных законодательных актов, а также ГК РФ, Федерального закона «О защите конкуренции». Данные отношения, ввиду динамичной изменчивости, в том числе с санкционной стороны, следует изучать и реализовывать, опираясь на реалии, с учётом возможных рисков и обстоятельств непреодолимой силы, ввиду которых реализация данных правоотношений является затруднительной, а то и вовсе невыполнимой. При определении поставщика, следует учитывать факторы его добросовестности и обеспечить равное участие всем участникам проводимых торгов.

Безусловно, как уже отмечалось, нарушение условий договора ведет к крайне негативным последствиям, начиная с репутационных рисков и заканчивая большим количеством издержек, в том числе связанных с реальным ущербом и упущенной выгодой при реализации договорных обязательств. Поэтому при реализации данных правоотношений большое внимание уделяется не только грамотному выбору поставщика, но и подбору условий исполнения контракта, которые делают контракт исполнимым.

В целом, рассмотрев вышеуказанные юридические ситуации и казусы, можно сделать закономерный вывод о том, что реализация договорных обязательств осуществляется динамично, но есть ряд рисков, которые стороны должны учитывать при заключении соглашений и рассматривать возможность их исполнения в текущих реалиях, понимая с какими трудностями придется столкнуться при реализации данных положений. В разрешении вопросов исчисления сроков, современное законодательство даёт однозначное толкование, как именно считать сроки, дабы минимизировать негативные последствия. При внесении данных в систему ЕИС необходимо обеспечить должный уровень безопасности данных, предоставляемых в эту систему. Также следует повысить штрафные санкции за нарушение законодательства «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», так как при потере данных, их незаконном сборе и передаче третьим лицам, участники конкурса несут значительный ущерб, который на данный момент несоизмерим с установленными штрафными санкциями, предусмотренными уголовным законодательством. Это тем более важно, что, как показывает судебная практика, проблема картельных сговоров в госзакупках по-прежнему не решена.

#### Литература и источники

1. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N 44-ФЗ // СПС Консультант Плюс.
2. Гражданское право: Учебник. / под ред. Сергеева А.П. 2-е изд. Т. 3. М., 2018.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июля 2001 г. № 13-П // СПС Консультант Плюс.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 ноября 2002 г. № 15-П // СПС Консультант Плюс.
5. Суханов Е.А. Российское гражданское право. М.: Статут, 2016.

#### References and Sources

1. Federal'nyj zakon «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd» ot 05.04.2013 N 44-FZ // SPS Konsul'tant Plyus.
2. Grazhdanskoe pravo: Uchebnik. / pod red. Sergeeva A.P. 2-e izd. T. 3. M., 2018.
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 30 iyulya 2001 g. № 13-P // SPS Konsul'tant Plyus.
4. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21 noyabrya 2002 g. № 15-P // SPS Konsul'tant Plyus.
5. Suhanov E.A. Rossijskoe grazhdanskoe pravo. M.: Statut, 2016.

**ФАДЕЕВ АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ** – аспирант, Московский Университет им. С.Ю. Витте (Alekseyfadeev1996@mail.ru).  
**FADEEV, ALEKSEY V.** – Ph.D. student, Moscow University. S.Yu. Witte (Alekseyfadeev1996@mail.ru).

## МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 340.147

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-215-219

**МАМЕДОВА В.Я.**

### **ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ШУШИНСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ КАК ДОКУМЕНТА МИРА, ДРУЖБЫ И ВЗАИМОПОМОЩИ**

*Ключевые слова:* Шушинская декларация, союзники, сотрудничество, братские государства.

В статье показано значение Шушинской декларации о союзнических отношениях, подписанной между Азербайджаном и Турцией, которая в виде соответствующего межгосударственного документа выступает международно-правовой основой будущих межгосударственных отношений. В отличие от некоторых соседних государств Южного Кавказа Азербайджан, проводя политику неприсоединения, не имел официальных союзников, не является участником каких-либо военных соглашений и не входит в военно-политические блоки. Таким образом, впервые в современной истории страна обрела стратегического партнера и официального союзника в лице братской Турции. Следовательно, подписание Шушинской декларации впервые сделало Азербайджан и Турцию внеблоковыми союзниками и положило начало дальнейшей интеграции и сотрудничеству между двумя тюркскими государствами, что может служить примером для других стран в будущем.

**MAMMADOVA, V.Ya.**

**THE HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE SHUSHA DECLARATION AS A DOCUMENT OF PEACE, FRIENDSHIP AND  
MUTUAL ASSISTANCE**

*Key words:* Shusha Declaration, allies, cooperation, fraternal states.

The article demonstrates the significance of the Shusha Declaration on Allied Relations signed between Azerbaijan and Türkiye, which, in the form of an appropriate interstate document, acts as an international legal basis for future interstate relations. Unlike some neighboring states in the South Caucasus, Azerbaijan, pursuing a policy of non-alignment, had no official allies, is not a member of any military agreements and is not included in military-political blocs. Thus, the country has found a strategic partner and an official ally in the face of fraternal Türkiye for the first time in modern history. Consequently, the signing of the Shusha Declaration made Azerbaijan and Türkiye non-bloc allies for the first time and marked the beginning of further integration and cooperation between the two Turkic states, which can serve as an example for other countries in the future.

15 июня 2021 года навсегда войдет в новейшую историю Азербайджана и Турции как день превращения стратегических связей между двумя братскими государствами в союзнические отношения. В этой связи выбор города Шуши - исторического азербайджанского города, основанного в 1752 году Панахали-ханом, в котором во все времена проживало 98% азербайджанцев, не являлся случайным фактом [11]. С международно-правовой точки зрения Шушинская декларация о союзнических азербайджано-турецких отношениях, являясь международным документом, закладывает правовые основы будущих отношений стран, окончательно оформивших союзнический уровень межгосударственных отношений.

С момента обретения Азербайджаном независимости в октябре 1991 года, его отношения с Турцией последовательно развивались по всем направлениям. Между странами было подписано более тысячи межгосударственных документов, определивших содержание, общее направление и характер взаимоотношений. При этом первым основополагающим документом, послужившим основой для развития межгосударственных азербайджано-турецких отношений, явился «Договор о дружбе и развитии всестороннего сотрудничества между Азербайджаном и Турцией», подписанный в ходе первого официального визита Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева в Турцию 9 февраля 1994 года. Долгое время развитие отношений между двумя странами основывалось именно на этом соглашении [12].

Следующим этапом, поднявшим межгосударственные отношения на более высокий уровень, стало подписание 16 августа 2010 года «Договора о стратегическом партнерстве и взаимной помощи между Азербайджаном и Турцией» [12].

Наконец, в результате подписания 15 июня 2021 года Шушинской декларации Азербайджан впервые в современной истории обрел стратегического партнера и официального союзника, которым является братская Турция [1].

Благодаря политике неприсоединения Азербайджан прежде не входил ни в какие военно-политические блоки и не имел официальных союзников, в отличие от некоторых своих соседей по Южному Кавказу. Следовательно, подписание Шушинской декларации впервые сделало Азербайджан и Турцию внеблоковыми союзниками и послужило последующей интеграции и взаимному сотрудничеству двух тюркских государств, что может служить примером для других стран.

Декларация о союзных отношениях, подписанная президентами Азербайджана и Турции в городе Шуша, объявленном «культурной столицей Азербайджана» после Второй Карабахской войны между Азербайджаном и Арменией, стала важной вехой на пути укрепления дружественных, братских, отношений между двумя соседними государствами. Показательно, что подписание Декларации произошло 15 июня, когда в Азербайджане отмечается День национального спасения. В этот день в 1993 году общенациональный лидер Гейдар Алиев возглавил Верховный Совет Азербайджанской Республики и тем самым спас страну от сепаратизма и государственного переворота [1].

Подписанная в Шуше декларация касается союзнических отношений в различных областях. В ней затрагиваются вопросы взаимопомощи в военной, политической, социальной, культурной, экономической областях, совместного торгово-экономического сотрудничества, молодежной политики, спорта, образования, международной деятельности, развития политических и экономических связей, подчеркивается важность энергетической безопасности, в частности, Южного газового коридора [1].

Глава Азербайджана основной акцент в переговорах сделал на двух важных вопросах: 1) сотрудничестве и взаимодействии в оборонной сфере и 2) вопросу, связанному с транспортными коммуникациями. В этой связи в документе отражена договоренность сторон о проведении необходимых совместных мер в случае агрессии или ее угрозы со стороны третьих государств

против суверенитета, независимости, безопасности, неприкосновенности или территориальной целостности, а также иных посягательств на международно признанные границы любой из сторон. В случае возникновения такой угрозы стороны обязались проводить взаимные консультации, проявлять инициативу и оказывать друг другу необходимую помощь в соответствии с целями и принципами Устава ООН. Эти обсуждения должны быть проведены в срочном порядке и определить объем и форму необходимой помощи. После чего должно быть принято решение об обеспечении нужд обороны для принятия совместных мер и организована согласованная деятельность силовых и командных структур Вооруженных Сил. Кроме того, стороны будут регулярно проводить совместные заседания Совета безопасности по вопросам национальной безопасности, на которых будут обсуждаться вопросы национальной обороны, региональной и международной безопасности, затрагивающие интересы сторон. Декларация также включала вопросы в сфере оборонной промышленности. Взаимодействие и сотрудничество в оборонной сфере являются историческим достижением, еще раз демонстрирующим, что Турция и Азербайджан всегда были и всегда будут обеспечивать безопасность друг друга [1].

Следует отметить, что Декларация о союзе основана на прочном историческом фундаменте Карского договора, подписанного сто лет назад, но до сих пор указывающего общее направление дальнейшего азербайджано-турецкого сотрудничества [10].

Второй важный вопрос, отраженный в подписанной Декларации, касается развития транспортных коммуникаций. Документ содержит пункт, в котором отражены положения, связанные с открытием Зангезурского коридора, представляющего собой транспортную магистраль, связывающую Турцию и Азербайджан автомобильным и железнодорожным транспортом. Так, согласно 9-му пункту соглашения, «по согласованию Сторон будет обеспечено строительство новых транспортных коммуникаций, соединяющих Нахчыванскую Автономную Республику с западными районами Азербайджана» [3]. Это решение вызвало резкую негативную реакцию Армении, расположенной между двумя странами.

Упомянутый в Шушинской декларации Зангезурский автомобильный коридор, проходящий по территории Армении, действовал до начала 1990-х годов, когда сообщение было прервано в результате событий Первой Карабахской войны. По условиям мирного договора, заключенного с участием российской делегации в ноябре 2020 года, планируется строительство автомобильной и железной дороги, которые свяжут Азербайджан и Турцию с территорией Нахичеванской Автономной Республики.

Это решение является следствием новой геополитической ситуации, сложившейся после Второй Карабахской войны. Сегодня не только ведутся переговоры и строятся планы Зангезурского коридора, который соединит не только Турцию и Азербайджан, но и некоторые другие государства железнодорожным и автомобильным транспортом.

На совместной пресс-конференции после подписания Декларации Президент Турции Р.Т. Эрдоган сообщил, что в ближайшее время планируется открыть консульство Турции в Шуше. Кроме того, стороны обсудили различные вопросы реализации совместных проектов реконструкции и строительства в Карабахе. В своем выступлении после церемонии подписания Президент И.Г. Алиев назвал этот день большим историческим событием. Само подписание Декларации поднимает отношения между двумя соседними государствами на самый высокий уровень и гарантирует единство «ближайших стран в мировом масштабе» в будущем [3].

Подписанная в Карабахе азербайджано-турецкая декларация вызвала большой интерес всех государств – не только стран данного региона, но и многих других, заинтересованных в его мирном развитии.

Визит Эрдогана направлен прежде всего на усиление роли Турции в регионе, по мнению некоторых экспертов, не только в Армении, но и в России. Цель, преследуемая этим визитом и подписанием Декларации, – создание наднациональной общности на новой территории, объединение тюркоязычных народов. При этом эксперты отмечают, что Россия не позволила Турции проявить себя в полную силу. В частности, на совместном российско-турецком наблюдательном пункте находится всего 60 турецких офицеров [4].

Встреча на высоком уровне участников азербайджано-турецкого военного диалога, состоявшаяся накануне визита президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана в Баку, вызывает особое беспокойство у противников сближения Азербайджана и Турции. Тем более это касается

двустороннего сотрудничества в сфере безопасности, которое стало одним из основных аспектов соглашения. Ведь как заявил ранее президент Алиев, азербайджанская армия должна превратиться в «урезанную модель турецкой армии», которая считается второй в НАТО и одной из сильнейших в мире. Кроме того, Баку и Анкара регулярно проводят совместные военные учения, отработывая навыки уничтожения диверсионных групп и проведения контртеррористических операций [6, с.6].

Однако не все эксперты склонны признать уместным применение термина «пантюркизм» к турецкой внешней политике. Эта группа специалистов выделяет три цели, которые преследовал Президент Турции во время своего визита в Азербайджан. Прежде всего, это цель укрепления политических связей с Азербайджаном. Во-вторых, он стремился еще раз напомнить о той важной роли, которую сыграла Турция в карабахской войне. В третьих, целью декларации являлось использование политического капитала, полученного Турцией в результате оказания военной помощи Азербайджану [6].

Об отсутствии каких-либо иных намерений и целей свидетельствует тот факт, что в Азербайджане нет турецких военных баз, прекращено заселение освобожденных территорий туркоманами, имеющими традицию закрывать лица у женщин. В то же время, после освобождения Шуши 8 ноября 2020 года Президент страны заложил основу для строительства в городе новой мечети, так как в свое время здесь было 17 мечетей. Наряду с этим, здесь начались реставрационные работы по восстановлению пострадавшего во время войны храма Христа Всеспасителя.

Оба президента призвали все соседние страны превратить карабахский регион в территорию взаимного сотрудничества и мира. В частности, Президент Турции Р.Т. Эрдоган выразил пожелание, чтобы между всеми соседними странами этого региона осуществлялось глубокое сотрудничество. Турция желает, чтобы рука солидарности, протянутая к Армении с добрыми намерениями, была принята и правильно использована для возможности совместного формирования общего будущего. Президенты двух стран рассказали о шестисторонней платформе, в рамках которой в мирных и созидательных целях должны объединиться шесть государств: Азербайджан, Турция, Россия, Иран, Грузия и Армения. По словам президента Эрдогана, «вместе с этой шестисторонней платформой мы хотим спокойствия и мира в регионе. Ради этого шага мы готовы на любые самоотверженности. Г-н Путин готов к этому в той же степени. Благодаря предпринятым в этом направлении шагам регион превратится в регион мира» [7].

В этой связи большое значение приобрел государственный визит премьер-министра Грузии Ираклия Гарибашвили в Анкару в начале июня. Турция видит ключ к развитию регионального сотрудничества в Грузии. Президент Турции считает, что есть реальная возможность укрепить мир в регионе совместными усилиями. В этой связи трехстороннее сотрудничество с Азербайджаном также имеет большое значение. Поэтому турецкие власти поддерживают любое трехстороннее сотрудничество, будь то Грузия-Азербайджан-Армения или Грузия-Азербайджан-Турция. Турецкий лидер также настроен на скорейшее проведение заседания Турецко-Грузинского стратегического совета для обсуждения широкого круга вопросов двустороннего и многостороннего регионального сотрудничества [9].

Таким образом, можно констатировать тот факт, что, вопреки выводам всех критиков Шуминской декларации, ее главной стратегической целью является мирный диалог и равноправное сотрудничество в регионе. Кроме того, можно говорить об усилении ответственности и роли Турции в обеспечении стабильности и жизнеспособности механизма стабилизации [8].

### Литература и источники

1. Президенты Турции подписали Декларацию о правительстве. [Электронный ресурс] / Режим доступа: [https://www.gazeta.ru/politics/2021/06/15\\_a\\_13642226.shtml](https://www.gazeta.ru/politics/2021/06/15_a_13642226.shtml)
2. День национального спасения Азербайджанского народа. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
3. Переговоры Алиева и Эрдогана в Шуше: Итоговые заявления. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://az.sputniknews.ru/politics/20210616/427209124/Erdogan-mozhet-vystupit-v-parlamente-Azerbaydzhana.html>
4. Встреча президента Азербайджана Ильхама Алиева и Турции Реджепа Тайипа Эрдогана в Шуше, 15 июня 2021 года. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.google.az/поиск?qзнак равно>
5. Переговоры Ильхама Алиева и Реджепа Тайипа Эрдогана. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://nedelia.az > новости >>
6. Коммерсантъ. 2021. 16 июня. №101. [Электронной ресурс] / Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4857331>

7. Эрдоган выступит в парламенте Азербайджана. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://az.sputniknews.ru/politics/20210616/427209124/Erdogan-mozhet-vystupit-v-parlamente-Azerbaydzhana.html>
8. Спартак Гасанов, отдел информации 15 июня 2021. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://haqqin.az/news/212560>
9. Визит премьер-министра Грузии в Турцию. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.trend.az/business/economy>
10. Историческое значение Карского договора. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.google.az/search?q=%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F+%D1%88%D1%83%D1%88%D0%B8&sxsrfznak=ravno>
11. История Шуши. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.google.az/search?q=%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F+%D1%88%D1%83%D1%88%D0%B8&sxsrfznak=ravno>
12. Азербайджано-турецкие отношения. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://lib.aliyev-heritage.org/ru/4610295.html>

### References and Sources

1. Prezidenty Turcii podpisali Deklaraciju o pravitel'stve. [Elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: [https://www.gazeta.ru/politics/2021/06/15\\_a\\_13642226.shtml](https://www.gazeta.ru/politics/2021/06/15_a_13642226.shtml)
2. Den' nacional'nogo spaseniya Azerbajdzhanskogo naroda. [Elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
3. Peregovory Alieva i Erdogana v SHushe: Itogovye zayavleniya. [Elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <https://az.sputniknews.ru/politics/20210616/427209124/Erdogan-mozhet-vystupit-v-parlamente-Azerbaydzhana.html>
4. Vstrecha prezidenta Azerbajdzhana Il'hama Alieva i Turcii Redzhepa Tajipa Erdogana v SHushe, 15 iyunya 2021 goda. [Elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <https://www.google.az/poisk?qznak=ravno>
5. Peregovory Il'hama Alieva i Redzhepa Tajipa Erdogana. [Elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <https://nedelia.az/news/212560>
6. Kommersant". 2021. 16 iyunya. №101. [Elektronnoj resurs] / Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/4857331>
7. Erdogan vystupit v parlamente Azerbajdzhana. [Elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <https://az.sputniknews.ru/politics/20210616/427209124/Erdogan-mozhet-vystupit-v-parlamente-Azerbaydzhana.html>
8. Spartak Gasanov, otdel informacii 15 iyunya 2021. [Elektronnoj resurs] / Rezhim dostupa: <https://haqqin.az/news/212560>
9. Vizit prem'er-ministra Gruzii v Turciju. [Elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <https://www.trend.az/business/economy>
10. Istoricheskoe znachenie Karskogo dogovora. [Elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <https://www.google.az/search?q=%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F+%D1%88%D1%83%D1%88%D0%B8&sxsrfznak=ravno>
11. Istoriya Shushi. [Elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <https://www.google.az/search?q=%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F+%D1%88%D1%83%D1%88%D0%B8&sxsrfznak=ravno>
12. Azerbajdzhano-tureckie otnosheniya. [Elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <https://lib.aliyev-heritage.org/ru/4610295.html>

---

**МАМЕДОВА ВАФА ЯГУБАЛИ КЫЗЫ** - кандидат юридических наук, Институт права и прав человека. Азербайджан, Баку.  
**MAMMADOVA, VAFA YAGUBALI** – Ph.D. in Law, Institute of Law and Human Rights. Azerbaijan, Baku (mam@mail.ru).

---

**ТУРКУЛЕЦ А.В., ТУРКУЛЕЦ С.Е.**  
**СОЦИАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОГО**  
**ДИСКУРСА**

**Ключевые слова:** принуждение, насилие, право, ограничение, свобода, воля, философия права.

В статье представлена авторская позиция по определению философско-правовой сущности социального принуждения. Рассмотрены объективные и субъективные факторы, лежащие в основе принуждения. Представлена интерпретация отдельных видов социального принуждения. Определена специфика правового принуждения. Исследование социального принуждения позволило выделить в качестве его важнейших атрибутов регулятивное предназначение, воздействие на волю социальных субъектов и наличие специально уполномоченного субъекта. Вместе с тем, существует ряд характеристик социального принуждения, которые оставляют открытым вопрос о целесообразности его использования в качестве управленческого инструмента: применение силы против воли принуждаемых, осуществление принудительного воздействия меньшинством по отношению к большинству, отсутствие гарантированности результата эффективности его использования.

**TURKULETS, A.V., TURKULETS, S.E.**  
**SOCIAL COMPULSORY IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL AND LEGAL DISCOURSE**

**Key words:** coercion, violence, right, restriction, freedom, will, philosophy of law.

The article presents the author's position on the definition of the philosophical and legal essence of social coercion. The objective and subjective factors underlying coercion are considered. An interpretation of certain types of social coercion is presented. The specificity of legal coercion is determined. The study of social coercion made it possible to single out the regulative purpose, the impact on the will of social subjects and the presence of a specially authorized subject as its most important attributes. At the same time, there are a number of characteristics of social coercion that leave open the question of the appropriateness of its use as a managerial tool: the use of force against the will of the coerced, the implementation of coercive influence by a minority in relation to the majority, the absence of a guarantee of the result of the effectiveness of its use.

Реалии последних лет настойчиво актуализируют необходимость социогуманитарного исследования феномена принуждения. В условиях пандемии, связанной с распространением covid-19, широкомасштабных мер санкционного характера, а также в свете последних военно-политических событий вопросы определения социально-правовой сущности, условий, факторов и последствий принуждения как метода воздействия на поведение и волю социального субъекта приобретают особую остроту и актуальность.

Принудить – значит заставить, навязать свою волю, потребовать исполнения указанного (заданного). Принудить – означает определить меру (границы) существования для того, кто принуждается. Другими словами, принуждение – это создание «ситуации нужды», когда объект принуждения ставится в определенную зависимость от требований принудителя. Принуждение (в плане своей реализации) обязательно включает в себя несколько ограничительных аспектов: а) ограничение физических возможностей, б) ограничение социального взаимодействия, в) ограничение духовного суверенитета.

С точки зрения принуждаемого, принуждение напрямую связано с ограничением его личной свободы в ее различных проявлениях (свобода воли, свобода мысли, свобода вероисповедания, свобода выбора, свобода принятия решений и пр.). Тот, кто принуждается, вынужден исполнять требования извне. Эта «вынужденность» является для объекта принуждения непреодолимым препятствием (барьером), жестко (если не жестоко) регламентирующим его жизненные возможности. С точки зрения принуждающего, принуждение выступает необходимым способом, обеспечивающим его личные права, способом достижения значимых для него целей, способом реализации значимых для него ценностей. Принуждающий оправдывает себя (конечно, только в собственных глазах) ссылками на существующие традиции, на высшие авторитеты, на благородство своих намерений (даже по отношению к принуждаемому), в конце концов, на собственную силу (власть, желание, прихоть).

Принуждение следует отличать от понуждения. Понуждение связано с феноменом «нуждаемости». Однако в отличие от принуждения эта «нуждаемость» в некоторой степени предполагает заинтересованное участие самого понуждаемого. В этом случае для него остается некий люфт свободы. Он может варьировать способы своего реагирования в ответ на сам факт понуждения. Конечно, в реальной практике повседневных людских взаимодействий между понуждением и принуждением существует весьма тонкая грань, которая для самих участников социальных интеракций не всегда очевидна.



В основе формирования «феномена» принуждения лежат несколько факторов. Ряд из них имеет объективный характер, некоторые – субъективный. Объективные факторы формируются по мере осуществления естественно-исторического процесса развития общества. Они непосредственно не зависят от ныне живущих поколений, но представляют собой определенный (опредмеченный) результат людских взаимодействий, некий накопленный (зачастую весьма своеобразный) исторический опыт. Субъективные факторы выражают отношение людей к существующему положению вещей (дел).

Объективные факторы, лежащие в основе принуждения: социальное неравенство между людьми, проявляющееся, как правило, в различии классово-статусных характеристик; гендерные различия (спецификации), сложившиеся в конкретных культурно-исторических реалиях»; так называемая «вторая природа», являющаяся не чем иным как результатом естественно-исторического процесса, в ходе которого общество формирует, поддерживает и преобразовывает (а иногда и разрушает) условия своего существования. Субъективные факторы: личный опыт социализации, персональные атеистические/религиозные предпочтения, индивидуальный эмоциональный склад, психологические спецификации характера, морально-нравственные устремления («жизненное кредо»).

Характеристика конкретных взаимосвязей данных факторов (объективных и субъективных) не является предметом нашего специального внимания. Однако стоит отметить, что в процессе «непосредственного принудительного опыта» (т.е. актуально протекающего акта принуждения) данные факторы вполне могут менять свое значение по отношению друг к другу (конечно, лишь с точки зрения самих взаимодействующих участников процесса принуждения). Эту ситуацию можно обозначить как «инверсионный капкан». Например, когда сугубо личностные особенности принуждающего превращаются в непреодолимые («объективно данные») условия существования для принуждаемого (особенно наглядно это происходит в так называемых карцерных организациях, опыт Беттельгейма [1]). В этом случае субъективное (посредством процесса объективации) воспринимается как нечто объективное.

Возможен и обратный процесс, когда объективное (посредством субъективации) воспринимается как нечто субъективное. Например, общение искренне и убежденно верующего аскета (предельно ограничивающего свои жизненные потребности, насильно принуждающего себя к аскезе) с личным Богом, Духом. Любые внешне данные объективные изменения аскет в данном случае будет воспринимать как личное послание, личное участие Высших сил в его собственной судьбе.

В любом случае у человека, подвергшегося принуждению, зачастую нет возможности (сил, времени, навыков, способностей) проводить гносеологический анализ различий между объективным и объективированным, субъективным и субъективированным. Эта когнитивная грань остается за пределом его сознательного внимания (рефлексии).

Обратимся к интерпретации понятия социального принуждения, предлагаемого отечественными и зарубежными исследователями. Так, в рамках подготовки и реализации грантового проекта в 2012-2014 гг., поддержанного Российский гуманитарным научным фондом руководителем проекта И.В. Лапшиной и ее командой были сформулированы важные отличительные черты социального принуждения, которые можно обобщить в следующем определении: социальное принуждение – это способ социальной регуляции физического/психологического плана при доминировании в применении давления, способствующего принуждению человека (социальной группы) действовать определенным образом, с употреблением техник, нацеленных на внешние/внутренние силы человека и обращающих его к действиям вопреки его согласия, а также направляющих его поведение [2, 3]. В данной авторской модели выделяются следующие виды социального принуждения: государственное, правовое, политическое, идеологическое виртуальное, экономическое и внеэкономическое, эстетическое, силовое, демографическое принуждение.

В работах русского мыслителя И.А. Ильина была предпринята попытка определения содержания социального принуждения. Под таковым он понимал наложение воли на внутренний и внешний мир индивида для пресечения его деятельности [4, с. 8].

В контексте рассматриваемой нами темы наиболее важными проявлениями социального принуждения являются государственное, правовое, политическое и идеологическое принуждение.

Именно данные виды принуждения традиционно становились предметом научного исследования мыслителей на различных этапах исторического развития, поскольку это позволяло им не только выявить сущность социального принуждения и определить условия и факторы целесообразности его применения, но и выявить специфику национального менталитета. В зависимости от того, какие принципы лежат в основе «идеологии принуждения», – коллективизм или индивидуализм, материальное или духовное, национальное или общечеловеческое – можно говорить о приверженности принуждающих и принуждаемых западной или восточной традиции. Вместе с тем, многие русские мыслители, в том числе Н.А. Бердяев, констатировали особый путь развития России, русской культуры и русского народа, находящихся между Востоком и Западом, что обуславливает и особенности как применения, так и последствий указанных видов социального принуждения.

Обращаясь к классикам философской мысли, прежде всего, следует отметить интерпретацию принуждения, данную И. Кантом, связывавшим его с понятием права. Право определенным образом ограничивает внешние действия индивидов, их произвол по отношению друг к другу. Право, по мнению И. Канта, представляет собой взаимное принуждение, совместимое со свободой каждого [5, с. 16]. И. Кант любое ограничение свободы произволом другого называл принуждением. Не всякое ограничение, по мнению философа, является правовым. По Канту, правовое принуждение не есть подчинение одного лица произволу другого, а подчинение закону одного с помощью другого, правомочие применять принуждение к тому, кто наносит ущерб праву, воспрепятствование препятствию для свободы [6]. Гегель так же связывает принуждение с правом. В своей работе «Философия права» он отмечает, что принуждение не только обусловлено правом, но и необходимо в том смысле, что правовое принуждение представляет собой реакцию на принуждение неправомерное (насилие). То есть для снятия неправомерного принуждения или насилия необходимо принуждение правовое [7, с. 142].

Актуальным для сегодняшнего дня является, на наш взгляд, исследование принуждения в творчестве М. Вебера. В своих произведениях он касался проблемы государственно-идеологического принуждения. Так он отмечал, что: «Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство» [8, с. 645]. Отметим, что М. Вебер фактически отождествляет здесь государственно-идеологическое принуждение с легитимным насилием. Данный взгляд на социально-правовое принуждение разделяет большинство современных ученых.

С точки зрения классового подхода, высшей формой социально-правового принуждения является государство со всеми его атрибутами (армия, налоги, правоохранительные органы, государственный аппарат). Так, В.И. Ленин в своей работе «О государстве» отмечает, что «Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы» [9, с. 75].

Современные исследователи сущности социально-правового принуждения исходят из того, что весь комплекс обязанностей гражданина (перед государством) можно рассматривать как модификацию принуждения (в той или иной степени) со стороны государства. И, если исходить из современного принципа равенства обязанностей государства и гражданина друг перед другом, то и обязанности государства по отношению к гражданину можно рассматривать как некое «правовое принуждение» государства со стороны самого гражданина. Данные виды принуждения вписаны в цивилизационное правовое поле, можно сказать «узаконены». И в этом смысле не воспринимаются участниками «принудительного процесса» в качестве таковых. Наоборот, само наличие «узаконенных принудительных мер» рассматривается гражданами в качестве своеобразного гаранта, надежно защищающего их интересы. Это обеспечивает (поддерживает) имеющийся в обществе порядок, установившиеся традиции и обыкновения повседневной жизни.

Другими словами, «правовое принуждение» воспринимается большинством граждан страны как легитимное, т.е. является общепризнанным. Некоторые правоведы справедливо отмечают, что «основной силой, обеспечивающей принудительное действие права, выступает государство, причем, поскольку на современном этапе общественного развития именно государство обладает такой сильной властью, подчиняться которой вследствие невозможности ее

преодолеть приходится другим субъектам, осуществление правового принуждения именно государством оказывается наиболее эффективным» [10, с. 145-146].

Таким образом, основываясь на вышеизложенном, можно предложить следующее определение социально-правового принуждения – это процесс осуществления принудительного воздействия на волю и поведение социальных субъектов уполномоченным на то органом или должностным лицом на основе права с целью обеспечения надлежащего порядка в обществе.

Подводя итог философско-правовому исследованию социального принуждения, следует выделить его важнейшие атрибуты: регулятивное предназначение, воздействие на волю социальных субъектов, наличие специально уполномоченного субъекта. Вместе с тем, существует ряд характеристик социального принуждения, которые оставляют открытым вопрос о целесообразности его использования в качестве инструмента управления: применение силы против воли принуждаемых, осуществление принудительного воздействия меньшинством по отношению к большинству, отсутствие гарантированности результата эффективности его использования.

### Литература и источники

1. Bettelheim Bruno. The Informed Heart. Harmondsworth, 1986.
2. Лапшина И.В., Першонкова Е.А., Дорофеева Г.А. Социально - философский подход к анализу рисков в авторской модели системы социального принуждения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 6-1. С. 256-261.
3. Лапшина И.В., Алексеева А.В. Функциональное измерение модели системы социального принуждения: социально-философский анализ // Успехи современного естествознания. 2013. № 11. С. 182-188.
4. Лапшина И.В. Типы социального принуждения в России и на Западе: сравнительное социально-философское исследование: автореф. дис... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
5. Колотуша В.В. Понятие силового принуждения // Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия. 2008. № 6.
6. Кант И. Соч.: В 6-ти тт. М., 1966. Т. 4. Ч. 2.
7. Гегель. Философия права. Пер. с нем. / Сост.: Керимов Д. А., Нерсесянц В. С. (Вступ. ст. и прим.); Пер.: Левина М. И., Столпнер Б. Г. М.: Мысль, 1990.
8. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
9. Ленин В.И. О государстве / Полн. собр. соч. т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970.
10. Магомедрасулов М.М. О понятии государственно-правового принуждения // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 6.

### References and Sources

1. Bettelheim Bruno. The Informed Heart. Harmondsworth, 1986.
2. Lapshina I.V., Pershonkova E.A., Dorofeeva G.A. Social'no - filosofskij podhod k analizu riskov v avtorskoj modeli sistemy social'nogo prinuzhdeniya // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2015. № 6-1. S. 256-261.
3. Lapshina I.V., Alekseeva A.V. Funkcional'noe izmerenie modeli sistemy social'nogo prinuzhdeniya: social'no-filosofskij analiz // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. 2013. № 11. S. 182-188.
4. Lapshina I.V. Tipy social'nogo prinuzhdeniya v Rossii i na Zapade: sravnitel'noe social'no-filosofskoe issledovanie: avtoref. dis... kand. filoz. nauk. Rostov-na-Donu, 2007.
5. Kolotusha V.V. Ponyatie silovogo prinuzhdeniya // Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 7. Filosofiya. 2008. № 6.
6. Kant I. Soch.: V 6-ti tt. M., 1966. T. 4. Ch. 2.
7. Gegel'. Filosofiya prava. Per. s nem. / Sost.: Kerimov D. A., Nersesyanc V. S. (Vstup. st. i prim.); Per.: Levina M. I., Stolpner B. G. M.: Mysl', 1990.
8. Veber M. Politika kak prizvanie i professiya // Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990.
9. Lenin V.I. O gosudarstve / Poln. sobr. soch. t. 39. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1970.
10. Magomedrasulov M.M. O ponyatii gosudarstvenno-pravovogo prinuzhdeniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2010. № 6.

**ТУРКУЛЕЦ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ** – доктор философских наук, профессор Дальневосточного государственного университета путей сообщения (tual63@mail.ru).

**ТУРКУЛЕЦ СВЕТЛАНА ЕВГЕНЬЕВНА** – доктор философских наук, профессор Дальневосточного государственного университета путей сообщения (turswet@rambler.ru).

**TURKULETS, ALEKSEY V.** – Doctor of Philosophy, Professor of the Far Eastern State University of Railway Transport.

**TURKULETS, SVETLANA E.** – Doctor of Philosophy, Professor, Far Eastern State University of Railway Transport.

УДК 101.1/177

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-223-229

**БАРКОВА Э.В., БУЗСКАЯ О.М.**

## **КАТЕГОРИЯ «ГАРМОНИЯ» В ЭКОФИЛОСОФСКОМ ОСВОЕНИИ СОИЗМЕРИМОСТИ ЧЕЛОВЕКА, КУЛЬТУРЫ, ПРИРОДЫ И КОСМОСА**

**Ключевые слова:** гармония, экофилософия, человек, природа, культура, космос, система, целостность.

Обоснована востребованность актуализации категории «гармония» в современной науке, культуре и общественном сознании в ее экофилософской интерпретации. Проследивая историко-философскую эволюцию представлений о гармонии, начиная с натурфилософских представлений в античной мысли, автор показывает, что XIX век становится рубежом, за которым начинается формирование неклассической картины мира, где утрачивается его гармоническая целостность а, с другой стороны, происходит перенос осуществления гармонии в философии марксизма в будущее, где она выведена из социальной онтологии. Выявлены основные векторы изменения содержания «гармонии» в экофилософской парадигме и связанные с ней возможности гармонизации современного общества и планетарного бытия.

BARKOVA, E.V., BUZSKAYA, O.M.

## THE "HARMONY" CATEGORY IN THE ECOPHILOSOPHICAL EXPLORATION OF THE COMMENSURABILITY OF MAN, CULTURE, NATURE AND SPACE

**Key words:** harmony, ecophilosophy, man, nature, culture, cosmos, system, wholeness.

The relevance of the actualization of the category "harmony" in modern science, culture and public consciousness in its ecophilosophical interpretation is substantiated. Tracing the historical and philosophical evolution of ideas about harmony, starting with natural philosophical ideas in ancient thought, the author shows that the XIX century becomes the boundary beyond which the formation of a non-classical picture of the world begins, where its harmonic integrity is lost and, on the other hand, the realization of harmony in the philosophy of Marxism is transferred to the future, where it is derived from the social ontologies. The main vectors of changes in the content of "harmony" in the ecophilosophical paradigm and the possibilities of harmonization of modern society and planetary existence associated with it are revealed.

В новое историческое время - время перехода к многополярной цивилизации и ноосфере - одной из ключевых проблем России становится оптимизация всех направлений бытия и человеческой жизнедеятельности, целью которой является открытие путей к сбалансированно-гармоничному развитию страны и всех ее жизнеобеспечивающих связей со средой – природной, социальной, культурной, средой мысли и жизни в их единстве. Решение этой многомерно-сложной проблемы предполагает конкретизацию векторов, ведущих к поставленным Россией как субъектом Культуры Мира задачам и предполагающих принятие решений, минимизирующих - в ситуации дефицита времени - ошибки, заблуждения, неадекватные реформы. Философским контекстом такой постановки проблемы является уверенность и, более того, основанная на опыте всей мировой науки убежденность в том, что существует принципиальная соразмерность отношения человека, его целей, планов и среды жизни, что актуализирует возвращение в пространство научной культуры анализа категории «гармония» - одной из самых древних, открытой всеми мифологиями и учениями у истоков становления современной цивилизации.

Методологической парадигмой, на современном этапе цивилизационного развития обеспечивающей исследование перспективных аспектов этой категории, с нашей точки зрения, является экофилософия, понятая в ее предельно широком значении. Под экофилософией здесь понимается направление мысли, изучающее на уровне всеобщего связь субъекта и объекта, или системы «Человек – Мир» в ее целостном жизнесохраняющем измерении. Гармонизация связей и отношений в этой системе, поэтому, становится одновременно и целевой установкой и проблемным полем, где выделяются ключевые с точки зрения сохранения жизни Человека, России и Человечества на Земл элементы, структуры, функции и актуализируются процессы развития, совершенствующие мир человека и сохраняющие сложившийся на планете ЭкоМир с его био- и культурно-разнообразием [1]. Основными принципами экофилософии, которые востребованы при рассмотрении содержания категории «гармония» являются принцип открытой саморазвивающейся целостности, коэволюции и антропный принцип, на основе которых ее философское содержание в различных исторических и научных вариациях связывается с закономерным характером универсальной эволюции и развития мира, внутренней и внешней согласованности всех его частей, а потому с возможностью моделирования в картине мира взаимодействия форм бытия, исходя из их соразмерности [2].

Спонтанно именно из этих принципов как основы и потенциала гармонизации жизни и основы регулирования всех природных, экономических и социально-культурных отношений во все эпохи и во всех культурах исходили теоретики и практики проектов модернизации и оптимизации, открывая пути обновления и совершенствуя, но не разрушая, сложившиеся связи в реформируемых системах.

И именно из такой, хотя и не рефлексированной, экофилософской методологии исходят концепции гармонизации, использующие ее в современном мире как научно-практический ресурс успешных преобразований во всех сферах бытия человека. Отсюда берут свои истоки и идеи инновационности и ценности оригинальности творческих решений, которые в последние годы получили статус самостоятельных социальных и культурных ценностей, став критерием оценок жизненно важных проектов в искусстве, науке, многих областях деятельности. Однако применительно к разным сферам бытия опыт использования процессов гармонизации и работы с фундаментальными связями не идентичен.

Так, гармонию в природе, понятую как согласование внутренних и внешних процессов, всех ее подсистем, форм-элементов и функций, определяющих специфику ее открытой

целостности, можно считать и очевидной, и доказанной в современной науке. Подтверждена она и опытом многих гениальных поэтических открытий, зафиксировавших, как, например, в известных строках Ф.И. Тютчева, что:

Певучесть есть в морских волнах,  
Гармония в стихийных спорах,  
И стройный мусикийский шорох  
Струится в зыбких камышах.  
Невозмутимый строй во всём,  
Созвучье полное в природе, -  
Лишь в нашей призрачной свободе  
Разлад мы с нею сознаём. [3].

Однако анализ результатов опыта социального реформирования и оптимизации социальных процессов - в России и не только в ней - последних десятилетий, которые были ориентированы на гармонизацию интересов, потребностей и отношений в обществе, свидетельствует об обратном: в условиях современных трансформаций продолжают набирать темпы деструктивные процессы, разрушающие и природу, и согласованность в обществе, и гуманизацию мира человека. Вследствие этого правомерно возникает вопрос: если принцип гармонизации и лежащая в его основе идея соразмерности человека и мира не приводят к результатам, соответствующим поставленным целям, то действует ли вообще в сфере современного социума принцип гармоничного устройства мира и соразмерности человека, его мышления и бытия? И если принцип гармонизации все же принципиально и объективно может быть обновлен, то каковы основания, обеспечивающие его осуществление в условиях современного экономико-политического и социального ландшафта современности? И какая «система координат» и философская картина современного мира сегодня наиболее адекватна для формирования устойчивого мирного развития России и шире – всего планетарного бытия?

Для ответа на эти вопросы, прежде всего, вспомним, что все же вся предшествующая история культуры и философии свидетельствует о том, что проблема гармонизации человека и мира, как и устранение на ее основе иррациональных следствий в процессах социальных трансформаций, решалась всеми предшествующими эпохами и их культурами, что актуализирует ретроспективный взгляд на процессы становления категории «гармония».

Исторически первая форма категории «гармония», выделенная в качестве специального предмета мысли, как известно, сложилась еще в античной философии, где ее онтологический смысл был открыт в контексте натурфилософских представлений об организованности Вселенной и всего противостоящего хаосу космоса, о развивающейся целостности мира и человеку в нем как микрокосме, о существовании меры, соразмерности человека и мира, откуда вытекало требование соблюдения меры во всем. Именно к этой традиции восходит и этимология «гармонии», связанная с древнегреческим словом *ἀρμονία*, означавшим соединение, соотношение. Слово *ἀρμόζω* взято из древнегреческого языка, где оно означало прилаживать, подгонять; с ним коррелирует и ряд понятий, таких, например, как латинские *соaptatio*, *convenientia*, с которыми связаны ранние представления о соразмерности частей в структуре целого, о стройности системы [4, с. 323].

В качестве эталона гармоничности человека в древнегреческой натурфилософии, как известно, была выделена телесность, на основе которой был открыт принцип золотого сечения. [5], с чем было связано начало осмысления сущности красоты, прекрасного, которое стало основой формирования эстетики, неотделимой у античных философов была от космологии. Не случайно античное понимание гармонии нашло свое выражение *в идеале* человеческого тела, дошедшего до нас в древнегреческой скульптуре. Воззрение на мир как на гармонично-красивое тело было основой всей античной онтологии и, было обусловлено. по выражению А.Ф. Лосева, гениальной «телесной интуицией» древних [6].

Так, Пифагор и его последователи размышляли о гармоническом устройстве космоса, о гармонии небесных сфер, заданной единством, в которой были сконцентрированы и выражались числовые пропорции. воплощенным в музыке звучащей Вселенной. Пифагорец Филолай полагал, что «все произошло по необходимости и согласно с гармонией». Весь мир, по его мысли, представляет собой последовательность концентрически расположенных вокруг Земли прозрачных полых сфер, к которым прикреплены все небесные светила. А расстояния между ними

точно соответствуют универсальным связям и гармоническим основаниям музыкальной октавы. Более того, этим законом гармонии Вселенной должны сообразовываться и все проявления человеческой жизни, а, более всего, искусство [7].

Тогда как в учении основоположника диалектики Гераклита, гармония – это, прежде всего, борьба и единство противоположностей. «Враждующее соединяется, из расходящихся – прекраснейшая гармония, и все происходит через борьбу». Иначе говоря, гармония – это не внешнее объединение различных вещей, процессов и событий действительности, а их внутреннее единство [8]. Значительный вклад в изучение гармонии внес Платон, предложивший наиболее универсальное толкование гармонии, которое относилось не только к строению мироздания, но и к нравственной и вообще духовной жизни человека [9]. Гармонию, как меру порядка и взаимопереход порядка и беспорядка в трактате «О душе» трактовал и Аристотель [10, с. 312].

В отличие от античной мысли средневековая философия в соответствии с логикой теоцентрически построенной картины мира видела идеал гармонии в образе человека-микрокосма, который в большей или меньшей степени соответствует Творцу, создавшему человека по образу и подобию своему. Тогда как Новое время стало эпохой утверждения принципа рационализма, где на первый план вышли исследования того, как возможно тождество в отношениях идей и отношениях вещей.

Разработка концепции трансцендентального субъекта в немецкой классической философии выявила новый аспект изучения гармонии. Здесь принцип гармонии открывался, прежде всего, как проявление единства мира, но этот вопрос решался в духе соответствия объекта и субъекта, где объект оказывается уже результатом деятельно-творческого субъекта и его мышления, ибо субъект – подлинный источник активности, который фактически творит объект именно в тех параметрах, которые он задал.

Кризис философской установки эпохи Просвещения в первой половине XIX века, связанный с кризисом классического рационализма и отказа от гегелевского принципа «все действительное разумно – все разумное действительно», однако, обнаружил не только утрату онтологии и идеи целостности, как она понималась в предшествующей философии, но и стала основой новых поисков гармонизации и критериев единства мира. Иррационализм философии жизни в этой связи открыл путь к решению этой проблемы в аспекте самопроявления творческой личности, которая находится в потоке становления, и устойчивым здесь выступает лишь творческая функция воли. Но в том же XIX веке философия марксизма возвращаясь к универсальности в решении проблемы единства мира и закономерно-целостного развития общества, обосновывает перспективы будущего и гармонизации интересов субъектов на основе социальной справедливости и всестороннего развития личности.

Таким образом, формирование неклассической картины мира, в которой в конечном счете утрачивается его целостность, всеобщность и единство, с одной стороны, и перенос осуществления принципа гармонии в философии марксизма в будущее, с другой, выводят категорию гармонии из социально-онтологической проблематики философии. Именно в этом контексте и продолжается, главным образом, развитие проблемного поля исследования категории «гармония» в современной западной и отечественной философии.

Так, в самых доминирующих направлениях философии XX века - экзистенциализме, персонализме, постмодернизме, происходит отказ от принципа объективности в представлении о согласовании *всех* аспектов реальности, в связи с чем сделан акцент на субъективном измерении жизни и субъекте как создателе образов и концепций гармонии. Внутренне открытый человеку мир сосредоточен здесь в самом субъекте, его смыслах и культурных текстах, тогда как внешний мир оказывается как бы вынесенным «за скобки». И в это внешнее для личности существование попадает не только природа, но и общество, и материальная культура, и история. С другой стороны, не случайно, как своеобразная «защитная» реакция на такую модель, возникает интерес к исследованию процессов, связывающих людей с жизнью – процессов коммуникации, языка, общения, феномена понимания, системности, структур и т.д. Тем не менее, и в этих системных исследованиях философская проблема гармонии оказывается неустраиваемой и не актуализированной.

В отечественной философии советского периода и в современной зарубежной науке проблематизация гармонии сохраняется только в границах эстетики, где она продолжает развитие

традиций западноевропейской эстетики XVII-XVIII веков, но исследуется в рамках пространства культурологии, теории искусства и не переводится из этих сфер в пространство онтологии.

Так, В.П. Шестаков, определяя эстетическую гармонию, связывает ее с «эстетическим переживанием, эстетической оценкой. Она доставляет чувство непосредственного удовольствия, бескорыстного наслаждения при ее восприятии» [11, с. 16]. Гармония, по В.П. Шестакову, - как категория эстетики, означает устойчивую и художественно значимую целостность, которая является динамическим результатом качественного различия и противоположности элементов, составляющих целостность. Структура гармонии художественного произведения вместе со своим содержанием здесь имеет символическую природу, а потому основа гармонии связывается с идеалом, целями субъекта, тогда как сама реальность как целое лишена гармонии, хотя и обладает своим устойчивым порядком своего функционирования. Однако отнесение гармонии к пространству эстетики и области искусства, дистанцированных от универсалий онтологии, – философская позиция лишь последних столетий.

Вероятно, сегодня наступает время пересмотра содержания этой философской категории с позиций экофилософии, и, говоря о ней, содержательный акцент может быть перенесен на характер связи человека с космосом, природой, культурой и обществом, на исследование их гармонизации и пере-открытие *качества связей*, выражающих бытие как целостность. Переходя в пространство связи и соотношений целого и частей, гармония как качество реформирования современного бытия становится основой формирования *меры*, благодаря которой любое образование приобретает свою относительную завершенность и устойчивость. Но эта устойчивость всегда подвижна, процессуальна, и ее динамика предполагает поиск форм постоянного «укрощения» современных форм хаоса, включая формы социального хаоса, через его подчинение определенной мере, пределу, сохраняющему данную целостность.

Тем не менее, категорию «гармония» в ее экофилософском измерении невозможно модернизировать, идентифицируя с понятием «симметрии» или другими понятиями, непосредственно связанными с категориальным аппаратом системного подхода. Дело в том, что в пространстве системы отсутствуют феномены бесконечного, беспредельного, а «хаос», сегодня в синергетике тесно связанный с понятием «порядка», не выражает смысл беспредельного как актуальной бесконечности.

В этом аспекте едва ли возможно согласиться с позицией Ю.А.Урманцева, который утверждал, что «древнегреческое понятие гармония соответствует современному «симметрия». Отстаивая этот тезис, он полагает, что от замены слова «гармония» словом «симметрия» древнегреческое учение гармонии выигрывает как в смысле диалектичности и современности, так и в смысле его глубины [12, с. 15-16]. Односторонность такого подхода определяется тем, что симметрия выражает лишь внешнюю упорядоченность, не связывая конечное и бесконечное, временное и вечное, в связи которых формируется сама эта симметрия как частное проявление гармонии.

Развитие современного информационного общества, которое действительно не регулируется соотношением конечного и бесконечного, оказывается снятым границами существующей уже системы и типа организации, в которых отсутствуют непосредственно не проявленные компоненты – бесконечность как не снимаемое измерение бытия человека, пространство возможностей, планы, мечты, виртуальные структуры, принципиальная незавершенность творческих процессов. Но именно поэтому в рамках основанного на таком системном мировидении невозможно решить современные проблемы. Э. Тоффлер, напомним, рассматривая взаимодействия между глобальным постиндустриализмом как сферой становления и уже установленными связями индустриальной системы, или между отношениями между Третьей и Второй волнами цивилизации писал: «Сверхборьба между силами Второй (индустриальной – Э.Б.) и Третьей (постиндустриальной) волн проходит, как ломаная линия, через класс и партию, через возрастные и этнические группы... Она реорганизует нашу политическую жизнь и придает ей новые черты. И вместо гармоничного, бесклассового, бесконфликтного, неидеологического общества будущего она нацеливает на расширяющиеся кризисы и глубокую социальную смуту в ближайшем будущем» [13, с. 691]. Основа этих конфликтов – в стремлении разных общественных групп контролировать открывающиеся ресурсы и возможности, используя их в своих интересах. В системно организованном обществе, таким образом, вместо многостороннего освоения

беспредельного происходит постоянный процесс внешнего и внутреннего упорядочивания как соотношения категорий «хаос» и «порядок», что не предполагает критерия гармонизация.

Находясь, однако, в поле действия объективных и всеобщих законов мироздания, современное общество не может выйти реально из потока становления, основанного на связи в самом бытии бесконечного и конечного, и, потому, должно с ним соотноситься. В этом аспекте синергетическая парадигма – в отличие от экофилософии - лишь частично соответствует более многомерно-богатому сложному процессу саморазвития объективного мира, в котором кроме порядка и хаоса существует еще и гармония и дисгармония, рождение и расцвет, устойчивость и изменчивость.

Е.Я. Режабек прав, утверждая, что «организм, который гармонично устроен, в состоянии более равномерно распределить работу по борьбе с энтропией между всеми своими тканями и подсистемами и тем самым обеспечить максимальный эффект выживаемости. Вот в чем состоит феномен становления системы целостностью, феномен развития системы на основе выработанного ей же самой специфического генного содержания, диктующему фенотипу свои законы. Но этап господства системы над собственным внешним бытием служит лишь завершающей и достаточно кратковременной ... фазой исторического существования» [14, с. 68].

Поскольку гармония в социокультурном развитии выражает его общее качество, то она может быть соотнесена не только с организацией общественной системы, но и с ее субъектом, деятельностью, на основе которой *субъект культуры* всегда осуществляет универсальное определение и переопределение объективной реальности в ее гармонизации. Но субъект культуры и сам определяется внешней средой, в которой выражены возможности и состояние общества, уровень его развития. Как носитель человечески-культурной меры, или предела, которые исторически меняются, субъект формирует пространство, в котором разворачивается логика движения объектной стороны (бытия и организации) общества. Именно он своей жизнедеятельностью связывает конечное и бесконечное, в которых выражается отношение «человек-мир», взятое в его исторической форме.

Если же таким субъектом оказывается система, а не открытая саморазвивающаяся целостность, то в ней соотносятся лишь порядок и хаос, пропуская отношения гармонии и дисгармонии. Именно поэтому востребованным становится восстановление статуса субъекта, способного в своем мышлении, деятельности и проектировании будущего соотноситься не только с обществом как системой, но и с миром как источником проявлений бесконечного, с целостностью бытия.

И уникальное место в этой целостности занимает *искусство как форма самоопределения человека*. В самом деле,

Есть беспощадное условие  
Для всех небес, для всех лесов:  
Лицо - не птичье, не волжье,  
А отклик на далекий зов,  
Прорыв путями потайными  
Сквозь безымянность, забытье,  
Возврат дыхания на имя,  
На собственное, на свое.  
Из безымянности туманной  
Нас к жизни вызвал сильный свет.  
И отклик, отклик постоянный -  
Вот что такое наш портрет! [15].

Сегодня же, подчеркнем, существует прямая связь между утратой гармонии и человеческого измерения в современном искусстве, с одной стороны, и технизацией общества и исчезновением в нем его согласованно-гармонической основы, с другой. Какие бы оригинально-инновационные методы не использовались для конструирования образов и сюжетов в современном искусстве, включая компьютерную графику, они не достигают того уровня целостности, внутренней гармонии, выразительности, и потому притягательной силы, которые присущи классическому искусству. Мощное воздействие искусства на человека и общество всегда было и будет основано не просто на творческой деятельности субъектов, но на деятельности



субъектов, которые ориентированы на открытие форм красоты, гармонии, включая ее драматические и трагические формы, вне которых не существует органическую целостность жизни. В этом же проявляется и одна из наиболее характерных черт гармонии: для человека она одновременно представляет жизненно важный и содержательный, и ценностный компонент бытия, связывая субъективную сторону с объективной.

Носителем именно такого типа связи является субъект экофилософского космопланетарного мировоззрения, а основной формой его гармонизации с миром выступает антропный принцип, который устанавливает связи между макросистемами и свойствами нашей Вселенной и микромиром, микрокосмом-человеком, способным к освоению, осмыслению бытия и наблюдению за жизнью Вселенной.

Таким образом, выявление сегодня роли и миссии человека-субъекта как посредника и общей формы связей между космосом, природой, мировой культурой и обществом, как средоточия первой и второй природы становится незаменимой и важнейшей гарантией сохранения Земли и ее многополярной цивилизации [16]. Только на этой основе открываются и новые возможности гармонизирующего мир воздействия энергии культурно-гуманистического импульса современной экофилософии, идущего от человека и человечества как мыслящего и регулирующего бытие субъекта, жизнь которого принципиально соизмерима и согласована со всеми сферами бытия.

### Литература и источники

1. Баркова Э.В. Введение в экофилософию: избр. тр. - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. 407 с.
2. Денисов А.П., Баркова Э.В. Онтологический смысл категории "гармония" в античной философии // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2022. Т. 12. № 1 (37). С. 157-165.
3. Тютчев Ф.И. Певучесть есть в морских волнах // <https://rustih.ru/fedor-tyutchev-pevuchest-est-v-morskix-volnax>
4. Лосев А., Шрагин Б. Гармония / Философская энциклопедия. Т.1. М.: Советская энциклопедия, 1960. С. 323-324.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: Искусство. 1992. 656 с.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: АСТ. 2021. 448 с.
7. Боднар О.Я. Золотое сечение и неевклидова геометрия в природе и искусстве. Львов: Свит, 1994.
8. Асмус В.Ф. Античная философия Учебное пособие. М.: Изд-во: Высшая школа, 1976. 544 с.
9. Платон. Соч.: в 3 т. Т.1. М.: Мысль. 1976.
10. Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т. 2. М., 1978.
11. Шестаков В.П. Гармония как эстетическая категория. М.: Наука. 1973. 256 с.
12. Урманцев Ю.А. Симметрия в природе и природа симметрии. М., 1974.
13. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ. 2010. 800 с.
14. Режабек Е.Я. В поисках рациональности (статьи разных лет): научное издание. М.: Академический проект, 2007. 383 с.
15. Мориц Ю. Есть беспощадное условие // [https://451l.net/yunna\\_morits/est\\_besposchadnoe\\_uslove.html](https://451l.net/yunna_morits/est_besposchadnoe_uslove.html)
16. Философские проблемы экоориентированного развития человека, природы и многополярной цивилизации: Мат-лы II ежегодной международной конференции. М.: Изд-во РЭУ имени Г.В.Плеханова, 2022. 201 с.

### References and Sources

1. Barkova E.V. Vvedenie v ekofilosofiyu: izbr. tr. - Volgograd: Izd-vo VolGU, 2021. 407 s.
2. Denisov A.P., Barkova E.V. Ontologicheskij smysl kategorii "garmoniya" v antichnoj filosofii // Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova. Vstuplenie. Put' v nauku. 2022. T. 12. № 1 (37). S. 157-165.
3. Tyutchev F.I. Pevuchest' est' v morskix volnax // [https://451l.net/yunna\\_morits/est\\_besposchadnoe\\_uslove.html](https://451l.net/yunna_morits/est_besposchadnoe_uslove.html)
4. Losev A., Shragin B. Garmoniya / Filososfskaya enciklopediya. T.1. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1960. S. 323-324.
5. Losev A.F. Istoriya antichnoj estetiki. Rannaya klassika. M.: Iskusstvo. 1992. 656 s.
6. Losev A.F. Dialektika mifa. M.: AST. 2021. 448 s.
7. Bodnar O.Ya. Zolotoe sechenie i neevklidova geometriya v prirode i iskusstve. L'vov: Svit, 1994.
8. Asmus V.F. Antichnaya filosofiya Uchebnoe posobie. M.: Izd-vo: Vysshaya shkola, 1976. 544 s.
9. Platon. Soch.: v 3 t. T.1. M.: Mysl'. 1976.
10. Aristotel'. Soch.: v 4-h t. T. 2. M., 1978.
11. Shestakov V.P. Garmoniya kak esteticheskaya kategoriya. M.: Nauka. 1973. 256 s.
12. Urmancev Yu.A. Simmetriya v prirode i priroda simmetrii. M., 1974.
13. Toffler E. Tret'ya volna. M.: AST. 2010. 800 s.
14. Rezhabek E.Ya. V poiskah racional'nosti (stat'i raznyh let): nauchnoe izdanie. M.: Akademicheskij proekt, 2007. 383 s.
15. Moric Yu. Est' besposchadnoe uslov'e // [https://451l.net/yunna\\_morits/est\\_besposchadnoe\\_uslove.html](https://451l.net/yunna_morits/est_besposchadnoe_uslove.html)
16. Filosofskie problemy ekoorientirovannogo razvitiya cheloveka, prirody i mnogopolyarnoj civilizacii: Mat-ly II ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii. M.: Izd-vo REU imeni G.V.Plekhanova, 2022. 201 s.

**БАРКОВА ЭЛЕОНОРА ВЛАДИЛЕНОВНА** – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (barkova3000@yandex.ru).

**БУЗСКАЯ ОЛЬГА МАРАТОВНА** – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (buzskaya@mail.ru).

**BARKOVA ELEONORA V.** – Doctor of Philosophy, Department of history and philosophy, Plekhanov Russian University.

**BUZSKAYA, OLGA M.** – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics.

**ИОГАНН РАУ****СОН И СНОВИДЕНИЯ, ИХ ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ ЖИЗНИ**

**Ключевые слова:** архетипы, дефицит сна, коллективное бессознательное, индивидуальное бессознательное, интуиция, информация, лимбическая система, мозг (головной), память, представления, проблема, Ремсон, префронтальный Кортекс, сон, сновидения, субъективное, творчество, шизофрения.

Сон и сновидения в жизни человека - обычные явления. Каждый знает, что они есть и на нас действуют, но это знание сводится лишь к описанию, констатации и личностной каждый раз интерпретации. Но, возразят иные, есть и стремительно развивается коллективная интерпретация научных сообществ на основе объективно фиксируемых данных приборов. Отметим тривиальное: не весь сон есть сновидение, о чем предупреждают нас и все естественные языки. О сне ныне науке известно все больше объективных данных, о сновидениях, сугубо субъективном, сугубо индивидуальном по своему содержанию явлении известно не более, чем тысячи лет назад. Это же относится и ко всему субъективному в человеке, всему комплексу бессознательного, подсознательного и сверхсознательного в нем. Сновидение - наиболее яркая и емкая форма бессознательного, в которой многие исследователи усматривают скрытые импульсы творчества, интуиции, преодоления логики рационального мышления, внезапных озарений. Общечеловеческими являются проблемы здорового, достаточного сна и здоровых сновидений. Дефицит сна, его нерегулярность и прерывистость, несоответствие бодрствования и отдыха-сна - причина нарушения здоровья или стабильно плохого настроения у миллионов людей планеты. В современных технико-технологических обществах вследствие непрерывного ускорения ритма жизни большинство взрослого населения спит недостаточно и некачественно. Это же касается и сновидений: они все более наполнены кошмарами, сумрачно-тревожным настроением и мрачными предчувствиями.

**RAU, JOHANNES****SLEEP AND DREAMS, THEIR SIGNIFICANCE FOR LIFE**

**Key words:** archetypes, sleep deficit, collective unconscious, individual unconscious, intuition, information, limbic system, brain (brain), memory, ideas, problem, Remson, prefrontal Cortex, sleep, dreams, subjective, creativity, schizophrenia.

Sleep and dreams in human life are common phenomena. Everyone knows that they exist and act on us, but this knowledge comes down only to description, ascertainment and personal interpretation each time. But, others will argue, there is and is rapidly developing a collective interpretation of scientific communities based on objectively recorded data from instruments. Note the trivial: not all sleep is a dream, as all natural languages warn us about. More and more objective data are now known to science about sleep, about dreams, a purely subjective, purely individual phenomenon in its content, no more than thousands of years ago. The same applies to everything subjective in man, to the whole complex of the unconscious, subconscious and superconscious in him. A dream is the most vivid and capacious form of the unconscious, in which many researchers see hidden impulses of creativity, intuition, overcoming the logic of rational thinking, sudden insights. The problems of healthy, sufficient sleep and healthy dreams are common to all mankind. Sleep deficiency, its irregularity and discontinuity, the discrepancy between wakefulness and rest-sleep is the cause of health problems or a consistently bad mood in millions of people on the planet. In modern technical and technological societies, due to the continuous acceleration of the rhythm of life, the majority of the adult population sleeps insufficiently and of poor quality. The same applies to dreams: they are increasingly filled with nightmares, gloomy and disturbing mood and gloomy forebodings.

Каждое живое существо нуждается во сне в разных его видах и длительности. Трехпальчатый ленивец дремлет десять часов в сутки; летающие собаки спят до 15 часов, а малые коричневые летучие мыши - до 20 часов; жирафам хватает сна от 4 до 5 часов, у дельфинов спит попеременно половина мозга, а другая половина бодрствует с тем, чтобы дельфины могли в любое время плавать и нырять. Птицы-фрегаты могут спать во время полета. Некоторые виды атлантических акул (*Ammenhaie*) спят штабелями на дне морском. Если сон определяется как состояние, в котором снижена мобильность организма и его реакции на внешние раздражители, состояние, которое легко может быть прервано (исключения - зимняя спячка и кома), тогда и у безмозглых живых существ обнаруживается чередование циклов активности и покоя (планктон, грибки дрожжей и др.). На основе этих фактов можно сделать вывод: основная функция сна, если взять его первоначальные формы, - это не организация памяти и не облегчение обучения, а сохранение жизни. Любое живое существо на Земле, независимо от размеров, простоты или сложности его организации, не может быть активным 24 часа в сутки, ему необходимо и время покоя, сна, прерыва активности.

Нельзя сказать, что философы не уделяли внимания этой проблеме. Так, Аристотель в работе «О сне и бодрствовании» (350 д.р.Хр.) задавался вопросом, что организм делает во сне, когда наше самосознание и собственная воля отсутствуют и почему. В течении последующих тысячелетий кое-что прояснилось, но никто не смог ответить на поставленные Аристотелем фундаментальные вопросы. И вот в 1924 году немецкий невролог и психиатр Ганс Бергер (*Hans Berger*) изобрел электроэнцефалограф, который фиксировал электрическую активность головного мозга, его отдельных частей. Появилась возможность составлять символическую картину этой активности (EEG) как в бодрствовании, так и во сне и сновидениях. Теперь сон и сновидения можно было фиксировать и расследовать на конкретно-научных данных (электрические сигналы),

а не на основе философских рассуждений. В течении последнего столетия появились и новые возможности получать зримые сигналы от мозга спящего и видящего сны человека. Ответ на фундаментальные вопросы, поставленные Аристотелем, приобретал некоторые научные черты. Все полученные знания о сне, подтверждают его значимость для сохранения жизни психического и физического здоровья. Смена бодрствования и сна - один из центральных элементов биологии человека, приспособление к жизни на вращающейся планете с ритмичной сменой дня и ночи.

Общее определение сна - это регулярно возвращающееся состояние покоя, снижения до минимума активности, поддерживающей возможность продолжения жизни у любого живого существа (от вирусов и одноклеточных до организмов с высокоразвитой нервной системой). Спящее существо крайне ограниченно реагирует на внешние воздействия. Этим, в частности, сон отличается от гипнотического состояния. У живых существ формы сна, их продолжительность, одноразовость или прерывистость, однородность или разнокачественность стадий сна различаются существенно. Здоровый человек переходит из бодрствования в так называемый «нормальный» сон, после которого наступает стадия сна «парадоксального», примечательного сновидениями в нем. После изобретения электроэнцефалографии (EEG) изучение всех изменений в организме спящего существа, в том числе, и человека, сильно продвинулось вперед. В гораздо меньшей степени, если вообще, это коснулось содержания сновидений. Здесь господствуют более или менее убедительные интерпретации. Объективно достоверных фактов о содержании сновидений нет, да и быть не может: оно абсолютно субъективно. Есть только рассказы о них тех, кто их видел (если запомнил). Научное исследование 4 субъективного — вечный парадокс: оно, несомненно, есть, но о том, что оно есть по-своему не визуальному содержанию, мы только воображаем. По своей загадочности оно несопоставимо даже с «темной» дырой, или с Богом.

Относительно алкоголя как снотворного, то исходя из общих данных о его воздействии на организм человека надо констатировать, что это яд, который может быть и дезинфекцией, и побудителем сонливости или активности и даже, как и любой яд, подкрепителем здоровья. Все зависит дозы, желательной малой, и регулярности ее приемов. Есть люди, которые после стакана водки крепко засыпают, и есть другие, которые после такого стакана не то, чтобы заснуть, но и на следующий день нормально бодрствовать и трудится. Нам известны люди - трезвенники, умершие до 60 и не от какой-то неизлечимой болезни или несчастного случая, и люди, прожившие 100 и более лет (и дамы среди них), сызмальства потреблявшие алкоголь в самых разнообразных его видах. Каждый человеческий организм уникален и по реакции на алкоголь. И каждому человеку можно посоветовать консультации с врачом и прислушиваться внимательнее к собственному организму как в бодрствовании, так и в сновидениях.

Определение сновидения у Фрейда и Юнга - классиков в этой области исследований - во многом не совпадают и даже противоречат. Так, Юнг не разделяет абсолютно бодрствование и сновидение [1; 2]. Фрейд в «Тотем и Табу» - одной из самых известных и любимых своих работ, к которой он постоянно возвращался и которую цитировал, иначе характеризует сон и сновидение. Фрейд не сомневался в возможности рационального исследования, объяснения любого феномена психики сознательных состояний человека. По отношению к бессознательному эта уверенность исчезает, а возможность бессознательного мышления (*unbewußte Denken*) принималась им как факт повседневности. И, что еще более значимо, осознанные мысли могут переходить в неосознанные, а затем проявиться в новом, порою неузнаваемом виде. Это и происходит в мгновенья сновидений и это касается не только мыслей - малой части психики значительных состояний человека. Не забудем и того, что Фрейд обозначает бессознательное, как первичную систему психики человека, а осознанное - как вторичную. Сила и, можно сказать, несокрушимость первичной системы в ее базировании на принципе удовольствия - неудовольствия, приятного - неприятного (*Lustprinzip*) [3, s. 290; 4, s. 604, 618]. Несокрушимость данного принципа в его общепонятности. Фрейд включал бессознательное в инстанцию Оно (*Es*), характеризуя бессознательное и Оно посредством своей теории инстинктов. Поведение на основе последних принципиально отличается от действий на основе логики рациональности. Инстинкты представлены им как связующее звено между телесным и психическим в человеке [5, s. 214]. Неосознанные желания и фантазии он толковал как репрезентацию инстинктов. Наряду со знаменитым в широкой публике сексуальным инстинктом и который по своей значимости есть инстинкт размножения, продолжения рода, а не просто удовольствия от сексуальных утех, Фрейд

говорит и о других важнейших в жизни инстинктах - самосохранения, смерти и др. Через такие инстинкты Фрейд ищет объяснение возникновения социальных норм и морали таким, например, как эдипов комплекс, запрет на инцест и др. [6]. Рассматривая энергию основного инстинкта (Grundtrieb) - эроса как либидо, он указывает на то, что сексуальное возбуждение есть лишь часть либидо [7, s. 14]. Общий вывод Фрейда - бессознательное активно действует на наше сознание, рассудок и разум, но особенно сильно его воздействие на психику человека во сне и в сновидениях. Французский философ Поль Рикер (Ricoeur 1913 – 1980) в своей оригинальной систематизации философии объединил трех весьма непохожих друг на друга мыслителей: Маркса, Ницше, и Фрейда по произвольно избранному им признаку. Они были определены как «философы подозрения». За что же такая немилость со стороны философа-электика? Они, мол, отрицают роль личности и сознательно действующего субъекта в глобальных исторических процессах. На место активных действий личностей и субъектов действия ставится поведение масс. У Маркса это поведение определяется, мол, общественно-экономической формацией, у Ницше - безличной волей, у Фрейда - безличными Оно и Сверх-Я (über-Ich). Все трое являются, таким образом, наиболее глубокими философскими критиками французского Просвещения.

Некоторые функции сновидений выполняет, полагал Фрейд, мифы, сказки, предания и т. п. Эти формы безличной народной памяти есть выражение вытесненных желаний социальных групп. Такие мечтания находят свое выражение не только в вербальной, но и в символической формах. Весь пласт этого коллективного бессознательного достоин научного изучения как дополнение писанной истории. Важнейшие компоненты этого бессознательного выступают и как общенародный культ формирующий устойчивые ценности. «Если бы мы могли сполна выкачать из сознания свое культурное содержание, то не только лишились бы высших духовных ценностей, но - и просто сознания. Для нас не было бы никаких координат» полагал и знаменитый российский мыслитель [8, с. 37].

У К. Юнга мысль об унаследованном филогенетическом (phylogenetischer) опыте становится ключом для понимания «коллективного бессознательного», которое он толковал как более глубокий слой «личного бессознательного» и считал его содержанием, главным образом, архетипы [9]. Он интерпретирует, как и Фрейд, символическое существование формой выражения бессознательного как «язык бессознательного». Для Фрейда миф есть выражение вытесненных желаний, которые проявляются символически. Источник всех культур ищется в первичных событиях (Ureignissen), постоянное повторение которых характерно и для последующих времен и для современности. Понимание современности возможно лишь если (Interaktions- und Expressionsformen) будут дешифрованы на основе их происхождения (фундаментальных источников - событий /Ureignissen/). Здесь уместно напомнить размышления о связи мифов и снов в трудах К.М. Рильке, Т. Манна, Д. Джойса (J. Joyce).

В работе «Метаморфозы и символы либидо» (1912) Юнг критикует учение Фрейда о либидо и выдвинул собственную концепцию коллективного бессознательного. Окончательное оформление эта концепция получила в теории архетипов. Идея коллективного бессознательного оформлялась в концепцию под влиянием немецких романтиков, Шопенгауэра, Ницше и по ходу критики Фрейда. Коллективное бессознательное недостаточно понимать как свойство, присущее отдельным человеческим группам, но и как общечеловеческое коллективное бессознательное. В символах всех мифов и религиозных учений является истинная природа общей памяти людей. Психика рассматривается как система взаимодействия бессознательного и сознательного дополняющих друг друга на фундаменте бессознательного. Юнг связал концепцию архетипов с противостоянием «обезбоживания» в технической цивилизации. Технизированный Запад обесценивает религиозную веру и прочие традиции, замещая их повсюду голым рационализмом и материализмом как бы забывая то человеку существо не только рациональное, но и чувственное, и эмоциональное, и духовное и что без взаимодействия этих его составных он становится частичным человеком. В связи с подобными размышлениями Юмом была создана с опорой на некоторые идеи Лейбница «концепция «синхроничности».

В 1899 выходит важнейшая для нашей темы книга Фрейда «Толкование сновидений». После разрыва с Юнгом (1913) концепция Фрейда стала более логически стройной, последовательной: личное бессознательное; доминирование сексуальности — продолжение рода; эдипов комплекс; свободные ассоциации, подобные сновиденческим, для лечения некоторых

неврозов. Позднее он дополнил фундаментальное сексуальное влечение (продолжение рода /либидо/) деструктивным или агрессивным влечением. В работе «Я и Оно» он рассмотрел подробно и структуру бессознательного, что позволяет и ныне более осмысленно различать понятия «бессознательное» (регулировка деятельности органов человеческого тела без участия сознания), «подсознательное» (заученные действия, о которых не помнят, некоторые проявляются автоматически при определенной ситуации, память тела) и «сверхсознательное» (творение новых мыслей и идей, логика явления которых никому еще не удалось объяснить. Иначе гениев расплодилось бы великое множество). Все психологические феномены поддаются рационально-логически-вербальному постоянному наличию «бессознательного мышления». Из некоего такого скрытого резервуара мыслей только некоторые становятся осознанными в то время, как другие (большинство) остаются неосознанными или, сверкнув в сознании, становятся вновь неосознанными [4, s. 518]. Кошмарные сны, в которых вам напоминает о ваших неизгладимых проступках или преступлениях и вина ваша неустраима, этот комплекс сновидческих чувств и переживаний объясняется страхом перед «авторитетом» (закон, государство, Бог) и «сверх- Я» (признаться в том, что вы совершили означала бы «потерю лица» не только перед современниками, но и перед другом и женой) [3, s. 253].

Фрейд выделял две главных функции культуры: 1) защита человека от природы (внешней и внутри человека, животного в нем) и 2) регуляция отношений между людьми. В сновидении эти функции культуры, особенно первая, либо существенно ослаблены, либо исчезают, и человек в сновидении может стать «животным» [3, s. 445, 448, 481]. В данном контексте принципиально важное значение имеет самостоятельность мозга. Каждые сутки или в других временных интервалах наш мозг отключает наше самосознание. В течение многих часов, а порою и суток мы обездвижены. Даже дрожать мы не можем. Однако наши глаза под закрытыми веками совершают быстрые движения, о которых мы, придя в сознание, не имеем ни малейшего представления. Но в случае запомнившихся сновидений мы понимаем, что глаза наши видели и без участия нашего самосознания. При сне в движении находятся и мельчайшие мускулы среднего уха хотя вокруг может царить абсолютная тишина. Физического звука нет, а уши слышат. Периодически во сне и при сновидениях возбуждаются, как у мужчин, так и у женщин половые органы.

Сон и сновидения остаются, говоря кратко, загадкой, как для науки, так и для философии.

В 2017 году Нобелевская премия по медицине была присуждена трем ученым, которые открыли в клетках нашего организма внутренние часы, отвечающих за синхронизацию нашей жизни с суточным появлением и исчезновением солнечного света. Если биоритм организма выбивается из заданного этими часами расписания, возникают повышенный риск заболевания диабетом, проблемами с кровообращением, дементность (слабоумие) и др. Для детей достаточно длительный и здоровый сон играет особо важную роль и потому, что в эти часы организм насыщается важнейшими гормонами роста и протеинами, подавляющими инфекции. Сегодня неравновесие между образом жизни людей и циклами солнечного освещения распространяется как эпидемия, особенно в технологически высокоразвитых странах. «Дело выглядит так, что мы принимаем участие в глобальном эксперименте относительно негативных последствий увеличивающегося дефицита сна» [10].

Наше тело не любит утомительного состояния между бодрствованием и сном, предпочитает или глубокий сон, или активное бодрствование.

Большая часть населения Германии в нормальные рабочие дни уделяет ночному сну семь часов. Это в среднем на два часа меньше того, что немцы спали в 19 веке и на полчаса меньше, чем они спали в 70-х годах прошлого века. Главную причину этого сокращения специалисты видят в распространении электрического освещения дополняемое телевизорами, компьютерами и смартфонами. В нашем беспокойном обществе сон нередко рассматривается как противник деятельности, активности даже как кратковременный перерыв самой жизни. Томас Эдисон, изобретатель лампы накаливания, считал сон абсурдностью, «дурной привычкой» и полагал, что люди когда-либо, используя достижения науки смогут обходиться без сна, экономить это время для деятельности. Сегодня ночь с достаточным временем сна стала такой же редкостью как от руки написанное письмо. Мы стараемся перехитрить естественный жизненный ритм с помощью снотворных и литрами выпиваемого кофе, что, конечно, не улучшает здоровья.

В ночь со здоровым сном, последний проходит от четырех до пяти стадий, каждой из которых специалисты приписывают особую ценность.

Стадии 1 – 2 - когда мы засыпаем, наш мозг остается активным и стартует некий процесс переработки своего содержания. Мозг без нашего ведома какие-то наши воспоминания сохраняют и какие-то из них отбрасывает. Наш организм не любит, как уже упоминалось, промежуточных состояний между сном и бодрствованием, они не приносят отдыха, не освежают. Здоровый организм в данной ситуации радикален и действует по «или - или». Выбрав сон, мы затемняем помещение, «обеззвучиваем» слух, ложимся и закрываем глаза. Если наш биоритм соответствует кругообороту света и темноты в окружающей вас природе, если наши мочевые органы продуцируют мелатонин - сигнал «Ко сну!», если и другие системы нашего организма действуют правильно, тогда наши нейроны переходят в стадию сна. И важнейшее условие - вы должны были во время активностей бодрствования устать.

Тело человека содержит не менее 86 миллиардов клеток-нейронов. Они коммуницируют между собой посредством электрических и химических сигналов. Во время бодрствования поведение нейронов напоминает плотную толпу людей, в которой все говорят, но никто никого не слышит. Новые впечатления-воспоминания закрепляются во сне нашим мозгом автоматически, нами не осознаваемо. Как это происходит, выявляется, в частности, в одной из лабораторий Университета Тцукуба (Токио). Если же они посылают сигналы одновременно и ритмически — это указывает на то, что мозг оборачивает свою активность вовнутрь, подальше от хаотической информации бодрствования. Одновременно EEG показывает равномерные волновые сигналы, показания органов чувств затухают. Мы засыпаем. Специалисты называют эту фазу сна «Стадия 1», поверхностная фаза начала сна, которая длится около 5 минут. После этого из глубин мозга поступает невероятное число электрических сигналов, которыми буквально «обстреливается» кора головного мозга. В этом внешнем слое головного мозга, из которого управляются сенсорные и моторные функции человеческого тела, является, как полагают специалисты, и местом пребывания сознания и самосознания.

Эти «залпы», длящиеся пол секунды и фиксируемые EEG, свидетельствуют о том, что началась вторая стадия сна. Долго предполагалось, что во сне наш мозг менее активен по сравнению с бодрствованием; на деле он весьма актив, но только по-другому. Электросигналы, показываемые EEG, стимулируют кору головного мозга с результатом, того, что недавно полученная нами информация сохраняется и, вероятнее всего, соединяется без нашего ведома со знаниями в долгосрочной памяти. Если человеку за день перед сном были поставлены новые ментальные или физические (телесные) задачи, то интенсивность указанных выше нейронных «залпов» на кору головного мозга во сне усиливается. На следующее утро после таких «обстрелов» часто поставленные задачи проясняются или всплывает из памяти путь их решения. Во сне выстраиваются связи, до которых мы в бодрствовании могли бы и не дойти. О возможности таких решений люди давно, до появления EEG, уже догадывались интуитивно. Отсюда и полушуточное пожелание «проблему переспать» или полностью отвлечься от нее на какое то время. Мозг спящего человека не только упорядочивает в бодрствовании накопленную информацию, он активно делит информацию на ту, которую надо сохранить и ту, которую можно отбросить. При этом мозг спящего человека действует не так рассудительно, как мозг бодрствующего. Во сне наша память активизируется необычайно сильно, но мозг в этом состоянии между хорошими и плохими воспоминаниями, хранящимися в долгосрочной памяти. Исследования показали: если мы заснули после некоторого драматического происшествия, растет вероятность, что оно надолго сохранится мозгом. Если, например, солдаты после тяжелой акции еще 6-7 часов бодрствуют, это способно ослабить или предотвратить посттравматическое состояние.

В конце стадии 2 активность нейронных «залпов» быстро снижается, ритм работы сердца замедляется, температура тела снижается, осознаваемый контакт с внешним миром исчезает. Мы погружаемся в глубокий сон.

В 3-4 стадии сна у человека особую роль в состоянии покоя играет глубокий сон. Этот сон в некоторых отношениях подобен коме, состоянию, угрожающему жизни. Но этот сон также важен для нашего мозга как питание для тела.

Четвертая стадия сна распознается, главным образом, посредством EEG через медленные дельтаволны. Другие отличия от стадии 3 считаются мало существенными, и поэтому многие

исследователи объединили стадии 3 и 4 в одну. В фазе глубокого сна наши клетки продуцируют большинство гормонов роста для костей и мускулов. Сон играет важную роль для иммунной системы, для нормальной температуры тела и кровяного давления. Без нормального по длительности и качеству сна нам труднее контролировать выражения наших эмоций и настроений, раны заживают более медленно. Многие животные умирают от лишения сна до того, как могли бы умереть от лишения пищи. Хороший, нормальной длительности сон уменьшает возможность появления слабоумия, а чрезмерно длительный сон увеличивает ее. И, конечно же норма длительности имеет индивидуальные, возрастные, половые и другие особенности. Стадия 4 (глубокий сон, подобный коме) протекает, как правило, без сновидений. Известны случаи, когда спящий в этой стадии не испытывал боли.

В греческой мифологии боги Гипнос (сон) и Танатос (смерть) рассматривались как братья-близнецы. Греки в этом сравнении подметили существенное сходство между этим и двумя состояниями тела человека.

«Стадия 4 стоит недалеко от комы или смерти. Она способствует, правда, отдыху, восстановлению сил, но нельзя слишком долг пребывать в этом состоянии» [11]. В стадии 4 мы пребываем не более 30 минут, затем активный до этого мозг, отключается и мы, как правило, просыпаемся. Даже многие люди со здоровым сном просыпаются неоднократно, не замечая этого. Они засыпают мгновенно снова.

В высокоразвитых технически и технологически странах сотни миллионов взрослых страдают от хронического недосыпания: длительность их сна не достигает минимума для нормального человека — 7 часов. С недосыпанием связаны миллионы автоаварий в таких странах. Число таких аварий увеличивается до 20% и более в понедельник, после перехода на летнее время, количество инфарктов сердца увеличивается в такие понедельники на такой же примерно процент, что, несомненно, связано с несовпадением биоритма с искусственной перестановкой времени бодрствования и отдыха. Примерно одна треть человечества страдает в течении своей жизни минимум одной диагностированной помехой сна. Например, при «Синдроме взрывов в голове» (Exploding-Head-Syndrom) человек слышит при засыпании и пробуждении громopodobные звуки в голове. При «Сонном параличе» (Schlafparalyse) человек после сна несколько минут не способен шевелиться.

При Синдроме спящей красавицы (Dornröschen-Syndrom) человек спит несколько недель или даже лет с краткосрочными просыпаниями. После преодоления этой болезни человек возвращается без особых побочных последствий к нормальному ритму бодрствования и сна.

Главной же проблемой остается бессонница. В технически и технологически развитых странах она достигает от 1,5 до 4% взрослого населения (число людей, регулярно принимающих снотворное). Страдающие бессонницей длительное время не могут заснуть или ночью просыпаются на длительное время. А часто и то, и другое вместе. Почему же такая масса людей выбита из нормального чередования бодрствования и сна? Возможно, что биологическая эволюция человека (ее никто не отменил) все более не совпадает с изменениями в обществе. Но та же эволюция предусмотрела временные изменения в соотношениях бодрствования и сна в экстраординарных ситуациях на уровне отдельного человека или сообщества. В здоровом мозгу человека есть контрольная инстанция, активная во всех стадиях сна. Она может нас разбудить при возникновении опасности для вас самих или для близких людей. Проблема заключается в том, что большинство нынешних сигналов тревоги, лишаящие сна, не имеют никакого отношения к актуальной опасности для жизни: страх и беспокойство перед экзаменом, проверкой, внезапно возникшие финансовые или экономические трудности и т. д. До индустриальной революции, которая принесла с собой твердое рабочее время и пользование будильниками, люди могли компенсировать недостаток сна в одни дни обильным сном в другие. Сегодня это за исключением выходных дней, да и то не для всех, возможно.

Есть люди, которые бахвалятся тем, что они всюду и всегда, при любых условиях могут заснуть. Но это, как правило, признак не особых хороших достоинств человека, а его хронического недосыпания. Это в особенности касается тех, кому менее сорока лет. От дефицита сна в первую очередь страдает мозг. Первый регион мозга, начинающий терять функции контроля, это «префронтальный Кортекс» (präfrontale Kortex). Его рассматривают как центр принятия решений и решения проблем. Не выспавшиеся люди легко раздражаются, больше зависят от настроения,

чаще действуют иррационально. «Недостаток сна влияет, по всей видимости, в определенной степени на каждую когнитивную функцию» [12].

Пленные и преступники признаются во всем, если им долго не давать спать.

Люди, постоянно спящие ночью менее 6 часов, имеют повышенный риск к депрессиям, психозам, проблемами с сердцем. Недостаток сна связан и с болезненным ожирением (Adipositas). При недостатке сна желудок и другие органы продуцируют слишком много гормона голода хрелина (Chrelin) и мы едим более необходимого. Краткие дозы сна днем и прием снотворного дают лишь кратковременное облегчение. Достоверно установлено, что женщины более склонны принимать снотворное, чем мужчины (у женщин примерно 5%, у мужчин - 3% опрошенных) Регулярный прием снотворных заметно различается от возраста, причем скачок в количестве принимаемого начинается с сорока лет. В зависимости от возраста снотворное принимают: 20-39 лет - 1,8%, 40-49 - 4,9%, 50-59 - 6,00%, 60-69 - 5,5%, 70-79 - 5,7%, после 80 - 7,0%. В данной связи сложился настоящий бизнес на сне. С 2016 по 2021 год расходы на помощь сну выросли в глобальном масштабе на 9,1% - с 17,8 миллиардов долларов до 27,5 миллиардов долларов. Доходы давали продажи матрасов, снотворных, устройств по улучшению сна (Schlafapnoegeräte), научно-медицинские исследования по предупреждению болезней от недостатка сна и др. Стоимость бессонницы колоссальна. Потери в миллиардах долларов ежегодно (уровень 2020) составили в США - 2,28, Японии - 2,92, Германии - 1,56, Англии - 1,86, Канаде - 1,35 [13, s. 63].

«Для многих привлекательно манипулировать сон посредством медикаментов или приборов. Но мы понимаем сон еще недостаточно с тем, чтобы рисковать и изменять искусственно фазы сна» [14].

Наше бодрое самочувствие зависит в свете рассматриваемого вопроса от двух факторов: 1) от слабости позывов ко сну, питаемыми некими снотворящими веществами, которые во время бодрствования накапливаются в мозгу; и 2) от биоритма, т. е. Внутренних часов, которые приводят активность мозга и тела в соответствии с влиянием на нас солнечного или производного от него света (в особенности от источников коротковолнового синего или синеватого цвета — разного рода экраны технических устройств).

РЕМ-сон (REM-Schlaf /Rapid Eye Movement/) - это фантастическое психотическое состояние, в котором мы видим сны, летаем или падаем. Мы наблюдаем эту нашу активность, но не вмешиваемся в нее. Проснувшись и позднее, мы можем помнить об этих снах или не помнить. Рем-сон характерен кратким просыпанием. Если мы просыпаемся естественно, т. е. без будильника, то наш сон прерван в момент последнего сновидения. Рем-сон показывает, что наш головной мозг может быть активным, функционировать своеобразно, независимо от чувственных данных извне. С материалистической философской точки зрения такая автономность головного мозга, пусть кратковременная или даже мгновенная, загадка. Психологические объяснения в целом сводятся к следующему. Во время бодрствования головной мозг загружен контролем множества органов нашего тела, или данных, частей тела. Мы в бодрствовании работаем, перемещаемся, контактируем с другими, воспитываем детей и т. д. Во сне эти внешние для головного мозга хлопоты отпадают, и он может заняться самим собой, творя сновидения. Поэтому ряд исследователей полагает, что во мгновенья Рем-сна, сновидений в нем, мы обладаем тончайшей чувствительностью, гибкостью, неслышанной свободой воображения, ассоциаций. Рем-сон показывает, на что способен человек в креативности, творчестве, добре и зле [14].

Рем-сон был открыт 1953 году, т. е. более 15 лет после описания стадий 3 и 4 сна. Обнаружили его Е. Азеринский (Eugene Aserinsky) и Н. Клейтман (Nathaniel Kleitman), университетские исследователи из Чикаго. Мало заметные сигналы на EEG первоначально принимались за вариант стадии 1 и не уделяли им особого внимания. Эти сигналы были приняты за варианты от сигналов сна стадии 1; их посчитали не особенно важными для понимания сна. Но характерные быстрые движения глаз под закрытыми веками и взбужание в это же время половых органов привели исследователей к выводу, что это особый отрезок сна — время интенсивных сновидений. Это открытие было поворотным моментом в исследованиях сна и сновидений.

Обычный сон начинается стадией 1, длится до стадии 4, прерываемый краткими просыпаниями и Рем-фазой, длящейся от 5 до 20 минут. С каждым циклом длительность Рем-фазы может увеличиваться вплоть до удвоения. В целом у взрослых Рем-сон занимает примерно пятую часть сна. Остальные 80% сна обозначают как Не-Рем-сон (Non-REM-Schlaf /NREM/). На уровне



клеток организма синтез протеина достигает наивысшего уровня во время Рем-сна, что позволяет всему телу нормально функционировать. Рем-сон сильно влияет на наше настроение в бодрствовании и на объем памяти. Многие специалисты полагают, что в стадиях Рем-сна мы становимся сумасшедшими, сновидение есть психотическое состояние, в котором нас одолевают галлюцинации и фантастические представления. Мы видим то, чего нет и не может быть на самом деле; мы не удивляемся тому, что время, место и даже люди изменяются внезапно и так же внезапно появляются и исчезают, что время может идти вспять, а причина и следствие меняться местами; умершие родственники и знакомые становятся живыми и пытаются воздействовать на вас. Сновидения вызывали изумление не только у мыслителей всех древних культур, колдунов и предсказателей всех времен, выдающихся исследователей новейшего времени (Фрейд, Юнг и др.). Сновидения толковались, главным образом как послания богов или как сигналы из сферы бессознательного в нашей индивидуальной психике или из коллективно бессознательного.

В наши дни многие специалисты более не интересуются картинами сновидений и переживаниями их спящим человеком, т. е. сугубо субъективными аспектами сновидения. Причина снов — сложнейшего психического явления (у человека и психического и духовного явления) трактуется как природный феномен, естественно-научно: сновидения есть результат бомбардировки коры головного мозга нейронами и эмоции, сопровождающие этот процесс, не имеют с научной точки зрения никакого значения. Только у проснувшегося человека мозг начинает искать значение сновидения и из различных деталей его собирает целостную картину для обоснования этого значения.

Другие современные исследователи сновидений заметно оптимистичней в оценке содержания снов. «С помощью снов оценивается значимость для вас вновь во время бодрствования поступившей информации и ее полезность для вас в будущем» [15].

И даже, если после пробуждения вы ни о какой картинке сновидения не помните, оно было, что показали объективные сигналы приборов. Отсутствие памяти о сновидении некоторые специалисты считают даже признаком хорошего, здорового сна. Сновидение находится так глубоко в головном мозгу, что его трудно достоверно распознать только через сигналы EEG. Но при помощи новейшей техники и технологии мы можем судить о физических и химических «событиях» в мозгу. Сновидения имеются и во время NREM - сна, прежде всего в стадии 2, но это лишь как бы преддверие настоящего сновидения. Лишь REM - сновидение дает нам представление о силе ночного сумасшествия -сновидения.

Сновидения нередко как мгновенные молниеподобные отблески. На деле они длятся почти во всей REM -фазе, т. е. Примерно 2 часа за ночь. По ходу старения человека это время сокращается. Новорожденные дети спят в сутки до 17 часов половина, из которых они проводят в состоянии, подобном REM -сну. 26 месячные зародыши спят целый месяц. Такая длительность REM-сна позволяет теоретикам сравнить мозг с компьютером, который тестирует свои программы (Software) прежде, чем он может начать переработку данных (online). Этот процесс, который называют Telenzephalisation, т. е. «созревание» передних частей двух полушарий головного мозга, что считается началом способности мыслить.

Во время REM -сна тело человека не реагирует на свою температуру и она сохраняется на максимально нижнем уровне и человек находится в бессознательном состоянии. Пульс учащается, мы дышим неравномерно, наше тело обездвижено (исключения - глаза, уши, сердце и диафрагма), но, как и в глубоком сне, мы можем храпеть, но не способны регулировать кровяное давление. И в этом состоянии мозг может убеждать нас через сновидение, что мы летаем и сражаемся с драконами. Во время REM -сна рациональная логика не работает. Производство двух хемикатов (серотонина и норадреналина), необходимых для логически упорядоченного мышления, заблокировано. Без этих веществ наши способности обучаться и вспоминать существенно ограничены; мы находимся в химически измененном состоянии сознания.

Но это состояние не подобно коме, которая имеет место при глубоком сне: наш мозг в REM -сне весьма активен и поглощает столько же энергии, как и при бодрствовании.

REM -сон управляется лимбической системой- глубоко лежащем регионе мозга, в котором укоренены самые дикие и низменные инстинкты. Лимбическая система является опорой нашего сексуального инстинкта, агрессивности и страха. Но она же поддерживает наши такие высокие чувства как дружба, радость и любовь. Иногда нам кажется, что мы имели больше кошмарных

снов, чем приятных. Но это не совсем так. Вероятнее всего, что страшные сновидения включают систему контроля опасности, и мы просыпаемся.

Кратковременный сон в период бодрствования не спасает от дефицита сна, но имеет кратковременное освежающее воздействие. У японцев есть термин «инемури», который значит «спать во время присутствия». Человек коротко засыпает на месте, где спать не принято. Но учитывается усталость напряженно работавшего до этого человека. «Инемури» может даже повысить уважение к человеку, который работа до изнеможения. Засыпают на краткое время и члены многих парламентов мира, и лекторы во время выступлений ( на долю секунды, которую аудитория принимает за время поиска удачной формулировки) и даже солдат в плотной колонне походного марша, пока он бессознательно чувствует свое ритмическое движение в массе. Предельная усталость может заставить человека уснуть на мгновение.

Глубоко в стволе головного мозга имеется утолщение, которое во время Рем-сна особенно активно. Его электрические импульсы направлены на тот регион мозга, который контролирует мускульную активность глаз и ушей. Под нашими веками глазные яблоки быстро и неупорядоченно двигаются, в действии находится и внутреннее ухо. Эти движения указывают на наличие сновидения. Действуют и регионы мозга, ответственные за движение. Поэтому, предполагается, мы по ходу сновидения нередко летаем или стремительно падаем. Сновидения могут быть и цветными, если человек не слеп от рождения.

REM -сновидение наполнено сильнейшими эмоциями, у женщин набухают кровяные сосуды половых органов, у мужчин возникает эрекция при каждом таком сне, независимо от его содержания. По ходу сновидений мы часто убеждены, каким бы сон фантастичным не был, что мы бодрствуем. Тогда после просыпания могут возникнуть чувства стыда, гнева, раскаяния и др., хотя мы в действительности постыдных или преступных деяний и не совершили. При состоянии «парасомния» («Parasomnie»), переживающего сновидение нет полного обездвиженности. И спящий становится опасным: его тело реально лягается, боксирует, матерно ругается и др., но его глаза закрыты, а глазные яблоки делают быстрые движения.

Как и глубокий сон REM- фаза оканчивается кратким просыпанием. Если нас не будит будильник, то просыпание происходит с окончанием последнего сновидения. Воздействие дневного света на наши глаза приводит, как правило, к просыпанию. REM-сон в целом показывает, что наш мозг может действовать независимо от нашего самосознания, в отсутствии данных большинства внешних и внутренних органов чувств.

Ночью, т. е. в темное время суток, организму подавляющего большинства людей требуется сон. Его систематическое отсутствие ведет к трудно излечимым заболеваниям.

1 В бодром состоянии наш мозг полностью занят: надо контролировать все органы и части организма, сопровождать поездки, совершать покупки, воспитывать детей, вести беседы, дискуссии и т. д. В REM- фазе мозг от всех этих обязанностей освобожден и пускается в «свободное плавание», порождающее фантастические сновидения. В них каждый воспринимает себя Особенно умным, одаренным, наделенным тонкой чувственностью, абсолютно свободным. Эти сновидения показывают, вероятно, необычные возможности человека в состоянии бодрствования [16].

### **Творчество, интуиция и сновидение**

Уже к 20 веку в мировой философии развернулась дискуссия о том, что лежит в основе творчества и интуиции — бессознательные процессы (сновидения, в частности) или сознательная деятельность, волевой акт, предполагающий целеполагание и свободу. И по сию пору преобладает первый подход, основывающийся на простой констатации — мы не знаем, как мы творим. Если бы знали то сделали бы конвейерную линию по штамповке творцов. Главная трудность в том, самих творцов новая идея является внезапно и он не может объяснить другим, как и откуда она появилась, он не может других научить творить, как это делает он сам. Пояснить он может только ремесленные стороны своей деятельности, доступные всем для обучения.

Сновидения наполнены представлены, не поддающимися, в отличие от понятий, словесному оформлению. Эти представления есть, скорее, картинки, главное содержание которых словами выразить невозможно. Представление есть нечто среднее между ощущениями и мыслью; они образуют область предмыслия, которая не дает знания, но без которой знание не возникает.

Представления можно рассматривать как результат восприятия не предметов, а как отражение духовных состояний субъекта представлений [17].

Представление (фантазия) - это активный посредник между чувственностью и рассудком [18]. Сновидения сопровождаются представлениями, которые можно определить как «авантюрное мышление» (Ф. Бертлег) или как «дивергентное мышление» (Дж. Гилфорд). В сновидениях многое внезапно появляется «из ничего». Это напоминает заключительную часть творческого акта, когда новое просверкивает как молния из ничего. Это «из ничего» считали результатом «продуктивного воображения» И. Кант, Ф.Шеллинг, немецкие романтики. Но спрашивается - является ли воображение мышлением, сознательной, рациональной его формой? Вряд ли.

От З. Фрейда идет все возрастающее в современной философии подчеркивание роли бессознательного в творчестве. В особенности бессознательного сновидений (фантастические свойства, невероятные события и ситуации, изменение пространственных соотношении, течения впемени, исчезновение противоположностей и др.) Утро вечера мудренее; переспать проблему - такие истины давно известны, как мы отмечали, и простым людям, и исследователям.

У последних он нередко называется «инкубация идеи» - это сознательный временный отказ от попыток решения задачи или более ясного понимания проблемы, переключение сознательной мыслительной деятельности на другие вопросы. Сон и сновидения - такое же переключение: сознательное на время уступает место бессознательному. В сновидениях нередко происходит интуитивное понимание существа проблемы, помогающее перевести ее в задачу. Поясним: при задаче все возможные решения уже найдены и хранятся в коллективной памяти и их эрудиту надо только найти или о них вспомнить; при проблеме никакого решения не существовало как и не было осознание сути проблемы. В бессознательном состоянии сновидения легче отвлечься от обыденного механизма решения задач в состоянии бодрствования и пережить «озарение» (Г. Уоллес). Ключевой момент творческого процесса - озарение (инсайт) возникает и в сознательном, и в бессознательном состояниях. В последних случаях противоречивость или непроясненность проблемной ситуации сменяются ощущением гармоничности и полноты решения - озарения. Инсайт сопровождается необычайно чистыми, сильными, раскованными эмоциями, которые в бодрствовании ученого редко наблюдаются. В этом состоянии господствует убеждение в абсолютной верности открывшегося решения, хотя автор его ни только не обосновать, но и вербализовать в полной мере не может. И эти эмоции у самокритичного ученого (а какой настоящий ученый не только фанатик своей правды, т. е. не отождествляет свою выстраданную правду с объективной истиной).

Самокритичность - тяжелое препятствие. Особенно в сновидении.

Многие свойства сновидений проявляются в болезнях психики и духа. Например, при шизофрении. Наше «Я» при ней раздваивается, свойства пространства становятся неопределяемыми, внутреннее и внешнее становятся неразличимыми, может появиться страх к продолжению жизни и склонность к самоубийству. Шизофреники полагают, что их чувства, мысли и действия известны другим, которые их разделяют или отрицают. Эти состояния сопровождаются фантастическими образами-представлениями: необычные существа, сверхприродные силы (колдовство) и др. Больные слышат голоса неизвестных им людей (в сновидениях это голоса людей знакомых) которые комментируют их действия и состояния. Мысль движется по необычным правилам, которые невозможно определять как логические, повышенная восприимчивость (Ideosynkrasie) к отдельным словам и звукам и вестям (безобидные, шутливые замечания могут вести к разрыву отношений, телевизионные сообщения приобретают личное и тревожное значение; настроение может мгновенно меняться от радостного к трагическому, желание покоя так же быстро сменяется настроением гиперактивности.

Гуссерль полагал, что мыслительные творческие процессы протекают в нас бессознательно, как в сновидениях, о которых мы не помним, и мы довольствуемся результатами этого процесса, просыпая весь генезис и формы его функционирования. Чисто свободное воображение бывает только в сновидении [19, s. 326].

Сновидения - одна из сфер психического опыта человека и их уникальность не в бессознательности: многое бессознательно происходит в нашей голове и в состоянии бодрствования. В сновидениях время обратимо или отсутствует; пространство сокращается, расширяется или исчезает как форма локации предметов, которые могут внезапно появляться и

исчезать в сновидении где и когда угодно. Поэтому то французский мыслитель Ален и писал: «Не лес, в котором я прогуливаюсь во сне, находится в моем теле, а мое тело в лесу» [20, p. 61].

Сновидения (как и сказки) дают нам представление о возможностях человека. «То, что наиболее истинно в индивиде - говорит Валери, - то, в чем он больше всего является самим собой, есть его возможное, выявляемое его историей весьма неопределенно ... Моя попытка сводилась скорее к тому, чтобы постигнуть и описать на свой манер Возможное некоего Леонардо, чем Леонардо истории». Речь идет у Валери о «внешнем горизонте» (Гуссерль) созерцания любого объекта в данном случае Леонардо да Винчи [21, s. 1203-1204].

Интуиция определяется, как правило, способностью прямого, ничем не ограниченного постижения истины, как безотчетное, неясно откуда появившееся озарение отдельным человеком в понимании сущности предметов или событий. Некоторые рассматривали интуицию как определенного рода высшие понятия, которые усматриваются некоторыми людьми непосредственно, безотчетно (Аристотель). Другие выдающиеся мыслители представили огромное разнообразие толкований интуиции: интуиция способна констатировать лишь факты (Дунс Скотт); она есть смутное представление (Оккам); особая форма ясного и внимательного ума (Р. Декарт); настоящее мышление рассудочно и разумно, а не интуитивно, она лишь последующее звено между предметом мысли и самим мышлением (И. Кант); непосредственное знание, т. е. интуиция, невозможно (Г.В.Ф. Гегель); подлинное знание - результат не рассудочных, логически правильных сознательных действий, настоящее знание - результат незаинтересованного созерцания, т. е. интуиции (А. Шопенгауэр); и даже «симпатия» к объекту (Анри Бенгсон). Мнения интуитивистов 20-го века (Ницше, Дильтей, Гуссерль и др.) выделяли роль бессознательных процессов, в том числе, и в сновидениях, в мышлении и творчестве.

Во всех подходах к интуиции подчеркивается неосознанность механизма появления ее и не отрицается взаимодействие чувств, разума и опыта облегчающее такое внезапное озарение. Мгновенные озарения могут превращаться в постоянные созерцания [22, с. 60]. Интуиция, категориальное созерцание, т. е. усмотрение сущности Внимание сосредоточивается в одном лишь примере или свойстве, которые и являют сущность всей вещи (события). Процедура такого мгновенного усмотрения (созерцания) сущности была представлена Гуссерлем во 2 томе «Логических исследований», а Ф. Достоевским во сне «Идиота», в котором внезапно явилась бесовская сущность его любимой Настасьи Филипповны. В связи с этим соображениями Гуссерль делает радикальное с точки зрения классической логики заявление о возможности созерцания-восприятия общего без определения его в абстрактных понятиях [23, s. 634].

Иронически высказался по поводу подобной радикальности Анри Бергсон, характеризующий абсолютное познание сущности как «познание, схватывающее свой объект изнутри, воспринимающее его таким, как он сам воспринимал бы себя, если бы его восприятие и бытие составляли одно и то же...» [24, p. 303].

Понятно, что такое сущностное самопознание вещи возможно только в сновидении или в другой форме забытья.

### Литература и источники

1. Jung K.G. I -88, IY 263 – Von den Wurzeln des Bewußtseins. Zürich 1954
2. Freud S. IV-83, 266 – Intraduktion a la Psychoanalyse. Paris 1962
3. Freud S. Studirnausgabe. Fr./M. 1974, Bd. IX.
4. Freud S. Gesammelte Werke. Neuausgabe. Fr./M. Bd II/III.
5. Freud S. Studirnausgabe. Fr./M. 1974, Band X.
6. Freud S. Gesammelte Werke 1968 Bd. IX: Njnm und Tabu; Übrt den Traum; Die Traumdeutung . In GW, Bd II/III
7. Freud S. Abriß der Psychoanalyse. Das Unbehagen in der Kultu. Fr./M. 1987/
8. Флоренский П. Богословские труды. Сборник 17. М., 1977.
9. Jung C.G. Gesammelte Werke, Bd. 9.1, 1976.
10. Stickgold, R. Direktor des Ctnter For Sleep and Cognition an der Harward Medical School.
11. Perlis, Michael - Direktor des programms „Bihavioral Sleep Medicine“ fn der University of Pennsylvania.
12. Cirelli, Chiara. Neurowissenschaftlerin am Wisconsin Institute for Sleep and Consciousness.
13. Center for Disease Control and Prevention (USA); BCC Research; RAND Europe; National Geographic 2021.
14. Ellenbogen, . Jeffrey. Schlafwissenschaftler an der Jhons Hopkins University.
15. Stickgold vjn der Harward. Medical School.
16. Projektleiter Michael Perlis von der University of Pennsylvania.
17. Locke J. An Essay co ncerning Human Understanding.Oxford 1985, Hrs.P.N. Nidditch, II. 1, §§ 2-5.
18. Kant I. Kritik der Urteilstkraft, Hamburg 1990, §22.
19. Husserl E. Analysen zur passiven Synthesis. „Husserliana“. Bd. 11 Haag 1966.
20. Alain. Elemente de la philosophie. Paris 1969.

21. Valery P. Oeuvres Completes. Paris 1957, Bd. 1.
22. Свасьян К. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. М., 2010.
23. Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd. 2. Elemente einer phänomenologischen Aufklärung der Erkenntnis. Halle 1901.
24. Bergson H. Ecrits et paroles. Bd. 2 Paris 1959.

**РАУ ИОГАНН** – доктор философии, профессор; Научный форум по международной безопасности при Академии штабных офицеров Бундесвера (Гамбург) и Академии защиты Отечества (Вена).

**RAU, JOHANNES** - Doctor of Philosophy, Professor; Scientific Forum on International Security at the Academy staff officers of the Bundeswehr (Hamburg) and the Academy of defending the Homeland (Vienna) (rau100@mail.ru).

УДК 141.201

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-241-244

## **ПОНИЗОВКИНА И.Ф. КОНЦЕПЦИЯ ДЕБИОЛОГИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА: ТУПИК ИЛИ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

**Ключевые слова:** дебиологизация человека, проектирование человека, ноосфера, трансгуманизм, целостность человека, постчеловек, космизация человечества.

В статье раскрывается содержание понятия дебиологизации, а также рассматриваются основные философские подходы к современной проблеме дебиологизации человека, связанные с телесно-биологическим преобразованием человека, его уходом в виртуальную среду и духовным «пересотворением» человека. Автор выявляет предпосылки, суть, характер и значение каждого из трех основных вариантов дебиологизации, раскрывая взаимосвязь процесса дебиологизации человечества с его метафизическим будущим, космическим предназначением и перспективами развития. Подчеркивая опасные тенденции трансгуманизма и ухода в виртуальную реальность, которые являются отражением симуляционных процессов, способных завести человечество в тупик, автор подчеркивает перспективность лишь третьего пути дебиологизации – через развитие духовной составляющей.

**PONIZOVKINA, I. F.**

**THE CONCEPT OF HUMAN DEBIOLOGIZATION: A DEAD END OR THE FUTURE OF HUMANITY**

**Keywords:** human debiologization, human design, noosphere, transhumanism, human integrity, post human, human cosmization.

The article reveals the content of the concept of debiologization, and also examines the main philosophical approaches to the modern problem of human debiologization related to the bodily and biological transformation of a person, his departure into a virtual environment and the spiritual "re-creation" of a person. The author reveals the prerequisites, essence, nature and significance of each of the three main options for debiologization, revealing the relationship between the process of debiologization of humanity with its metaphysical future, cosmic destiny and development prospects. Emphasizing the dangerous trends of transhumanism and withdrawal into virtual reality, which are a reflection of simulation processes that can lead humanity to a dead end, the author emphasizes the prospects of only the third way of debiologization - through the development of the spiritual component.

В связи с изменившимися социальными, культурно-технологическими условиями существования цивилизации в XXI веке, наметилась новая постановка проблемы сущности человека и его предназначения. На повестку дня научно-философских изысканий сегодня выходит проблема дебиологизации человека. Эти размышления стали закономерным итогом, с одной стороны, развития идеологии гуманизма и философии антропоцентризма в западноевропейской интерпретации, а с другой – нового этапа в становлении общества – информационно-техногенного, ноосферного развития.

Разберемся с дефиницией понятия «дебиологизация». По мнению известного российского философа П.С. Гуревича, под дебиологизацией следует понимать «проектирование человека без его биологической природы» [3]. Этимология понятия подсказывает нам, что дебиологизация – это явление, когда биологическая, естественная природа в развитии и совершенствовании человека отходит на второй план в силу разных причин или преодолевается тем или иным образом.

В силу различных причин преодоления биологической зависимости человека, в подходах к проблеме дебиологизации, исключая откровенно фатальные, апокалиптические сценарии [16], можно выделить три основные точки зрения. Самый распространенный подход связывает этот процесс с привычной телесно-биологической организацией человека как отжившей, «устаревшей» формой его существования, которую можно и нужно модернизировать. Действительно, природно-биологическая основа человеческого существования имеет много пороков. И если причислять человека к сообществу животных - семейства гоминид в отряде приматов, как делают обычно биологи, то человеческий индивид представляет собой биологически слабое, хрупкое существо (начиная от набора инстинктивного инструментария и заканчивая несовершенством органов чувств), у которого мало шансов выжить в животном мире. «Человек – самое беспомощное из всех животных...» [12]. Более того, британский писатель Артур Кестлер считал человека ошибкой биологической эволюции, поскольку у человека отсутствует генетическая программа,

ограничивающая уничтожение особей своего вида, характерная для животного мира [4].

Однако в современном мире именно к чувственно-телесной, природно-биологической стороне существования человека приковано особое внимание как исследователей, так и широкой общественности. Наблюдается примат телесного над духовным. Этому способствует процесс формирования общества потребления. Смысл жизни и критерий успешности человека всё чаще начинают искать в физиологическом комфорте (продуктовой корзине, удобствах проживания и т.п.). Высокое и духовное часто низводят до физиологического уровня. Так, идеи становятся «вкусными», мысли – «кислыми» и т.д. Эти обстоятельства во многом определили направление дебиологизации по пути трансгуманизма, пытающегося преодолеть биологическую обусловленность и ограниченность человека. Можно сказать, что речь идет о технологических возможностях создания постчеловека (post human), наделенного заранее заданными свойствами, новыми природными сверхвозможностями, вплоть до бессмертия. Здесь можно выделить несколько направлений трансгуманистических проектов. Это путь создания, массового изготовления и затем рыночного распространения «запчастей» человеческого организма (отдельных органов, костей, хрящей и др.), перманентно обновляющих человека. Другой путь предполагает исследования в области биотехнологий, замедляющих старение организма (клеток, обменных процессов и т.п.). Также ведутся споры по возможному процессу киборгизации людей – путем чипирования, генетической модернизации, биоинженерного вмешательства.

Этот путь дебиологизации соответствует основным установкам постмодернизма, склонного пересматривать всё устоявшееся (в том числе и плоть человека) и перетасовывать качества природного субстрата человека, лишая его целостности и превращая систему его отличительных природных свойств в хаос [9, с. 308-314]. Поэтому этот путь вызывает большие сомнения и справедливые возражения, ведь он может привести к исчезновению самой сути человека. Исследователь Кутырев В.А. называет трансгуманизм «концом человека» [6, с.69], его геноцидом и плясками на собственных похоронах [7, с.65].

Второй подход к дебиологизации выявился с приходом и значительным развитием компьютеризации и цифровизации, что позволило заменить телесную данность человека на другие реальности, часто носящие симуляционный характер. В первую очередь, дебиологизация подразумевает переход существования человеческого индивида с материально-биологических на виртуальные слои универсума. Тело стало терять свою природно-материальную сущность и приобрело в современную эпоху символический смысл, стало определенным знаком своего времени, часто в результате фантастического симуляционного редукционизма. Человек как бы отделяется от своей реальной биологической оболочки и формирует желаемый виртуальный образ, часто не один. Это приводит к распаду целостности человека: социобиологического и виртуального. Добавляет новых проблем мощное наступление искусственного интеллекта на сферу специфически человеческого. Человек всё чаще и с большим удовольствием становится жителем виртуального пространства, где с легкостью может «решать» свои повседневные житейские проблемы. Но решение главного смысложизненного вопроса идентичности в таких условиях является затруднительным для человека.

Уходя из сферы реального биологического состояния в пространство симулякров (Жан Бодрийяр), человек формирует социальное пространство неподлинных копий, в которых уже невозможно ориентироваться. Это «вопрос об истинности – истинности того, что ты есть, что делаешь и на что способен...» [13, с.76]. Оторванный от реальной социальной среды индивид лишен возможности и необходимости совершать реальные социальные поступки, которые являются надежными показателями и характеристиками его Личности. Такие симулятивные практики сегодняшней цифровой реальности, таким образом, не только отчуждают сущность индивида, но и делают существование человечества на просторах космического информационного пространства бессмысленным и случайным. Кроме того, становятся реальностью идеи прошлого века. С одной стороны, оживает проблема кибернетического бессмертия человека, связанного с переносом на неорганические компьютерные носители полной информации об индивиде. [14]. С другой стороны, на первый план сегодня выходит проблема искусственного интеллекта как второго, более совершенного, чем люди, поколения «мыслящих неантропоморфных существ». Некоторые исследователи связывают с этой концепцией общую идею космической эволюции, в которой человек не замыкает цепочку разумного.

Думается, в связи с этим необходимо выделить третью концепцию дебиологизации, с которой автор статьи связывает целесообразность онтологического появления человека как космического существа. Суть её – в необходимости перенесения акцента в раскрытии сущности человеческого существования с биологических параметров на социально-духовные, которые в современную эпоху потребления и господства материальных ценностей отошли на второй план. «Пересотворение» человека должно заключаться не в улучшении его биологического субстрата, который играет не главную сущностную роль в определении подлинно человеческого, а во всестороннем раскрытии его специфически человеческих качеств. В биологической беспомощности, по мнению Э. Фромма, заключается первопричина и основа раскрытия подлинно человеческого в человеке [12]. Такова диалектическая сущность человеческого бытия.

Действительно, биологический субстрат – лишь основа для раскрытия сущностных родовых качеств человека: человек – не животное, его сущность лежит за пределами биологических признаков. В этом смысле подлинная дебиологизация должна заключаться не в переформатировании биологических параметров, а в развитии надприродных его качеств. Основатель немецкой классической философии И. Кант предложил философские основы для решения этой проблемы. Он видел человека жителем двух миров: с одной стороны, природного мира, где правит человеком биологическая необходимость, а, с другой стороны, человек – существо сверхприродное, божественное, сущность и спасение которого состоит в преодолении природно-биологической необходимости и опоре на духовно-нравственные принципы. Судьба феральных людей, росших и формировавшихся вдали от человеческого общества, свидетельствует о коренном отличии человека от животных: при благоприятных физиологических данных в нем не проявляются «автоматически» родовые признаки человека (наличие абстрактного сознания, второй сигнальной системы, моральных установок и т.д.) без связи с себе подобными, с социумом. Это свидетельствует о принципиальной значимости сверхприродных, социально-духовных черт для установления человеческой идентичности. Именно на формирование последних и должно быть направлено внимание человечества для успеха дальнейшего прогрессивного развития, преодоления глобальных угроз и, в конечном счете, воплощения своей космической миссии.

Известный отечественный мыслитель, академик И.Т. Фролов в свое время продолжил тему космизма, возникшую в конце XIX-начале XX вв. в России, и так писал о будущей космизации человечества: «выход в будущем в бесконечные просторы Вселенной изменят во многом наши представления... Это приведет к осознанию космического предназначения и ответственности человека и человечества, бессмертия которого также заключено в бессмертии его разума и гуманности» [10, с.625-626]. Целесообразность создания различных форм материи и жизни приводит к мысли о космическом предназначении человека. В чем оно заключается? Исполнило ли человечество свою миссию? Космизм (К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский и др.) считал, что в ходе эволюции природа породила человека не только как венец всей живой биологической материи, но и с целью познать саму себя, реализовать духовный потенциал, одухотворить Вселенную. «В процессе развития суперсистемы «Вселенная» в ней может возникнуть Разум, способный оценивать состояние Системы и целенаправленно влиять на его изменение» [8, с.314] Одухотворение Вселенной способно сделать её развитие целенаправленным и изменить весь характер эволюции Космоса. Каков он будет, зависит от уровня духовно-нравственного самосознания Человека, его планетарного сознания и ответственности [5, с. 91-96]. В этом смысле прав был русский философ Н.А. Бердяев, что «завоевание духовности есть главная задача человеческой жизни» [2, с.320]

Таким образом, существует несколько смыслов понятия «дебиологизация», связанных с проблемой целостности человека [1]. Два из них – через трансгуманизм и уход в виртуальную реальность – являются по сути отражением симуляционных процессов, способных завести человечество в тупик. По крайней мере, в XXI веке вполне очевидны и уже дают о себе знать риски социальных кризисов и антропологических катастроф как их следствия.

Лишь третий путь дебиологизации – через развитие духовной составляющей – выявляет подлинную сущность человеческого бытия и его место в структуре и развёртывании космического Универсума [15]. «Существует некий трагический парадокс современной научно-технической цивилизации: над человеком нависла смертельная угроза самоуничтожения, он может в любой момент исчезнуть с лица Земли, что будет *противоестественно* для человека разумного. С другой

стороны, человек сам, своим разумом создал эту противоестественную ситуацию, а теперь начинает всё острее осознавать необходимость «высокого соприкосновения» разума с самим собой, *разума*, соединенного с гуманностью, т.е. необходимость *мудрости*» [11, с.253].

### Литература и источники

1. Баркова Э.В. Введение в экофилософию. Волгоград: ВолГУ. 2021. 407 с.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1994.
3. Гуревич П.С. Основы философии. Глава 10.4. Проблемы человеческой природы. М.: Издательство «КноРус», 2015. // <https://iknigi.net/avtor-pavel-gurevich/105831-osnovy-filosofii-pavel-gurevich/read/page-22.html>
4. Кестлер А. Человек — ошибка эволюции. // Время и мы. 1977. № 17. С. 161-174.
5. Костин П.А. К изучению современных проблем исследования ответственности. // Онтологическое измерение слова в горизонтах экофилософии культуры. Сборник статей по итогам круглого стола (с международным участием). М., 2022. С. 91-96.
6. Кутырев В.А. Обретение и утрата человека в контексте философской антропологии // Личность. Культура. Общество. 2001. Т.III. №3.
7. Кутырев В.А. Философский образ нашего времени. Смоленск, 2006.
8. Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле. // Наука. Общество. Человек. М.: Наука, 2004.
9. Понизовкина И.Ф. Проблема целостности человека и подходы к ней // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 308-314.
10. Фролов И.Т. Избранные труды. М., 2003. Т.3. С.625-626.
11. Фролов И.Т. На пути к единой науке о человеке. // Российская политическая энциклопедия. М., 2010.
12. Фромм Э. Человек для себя // <https://fil.wikireading.ru/67140>
13. Фуко М. Забота о себе. М., 1998.
14. Баркова Э.В. Социально-гуманитарное познание: методологические и содержательные параллели. М: Аквилон, 2019.
15. Баркова Э.В. Экология человека как научный проект и основа духовно-культурной безопасности современной России // Экология человека и проблемы цифровизации современного мира. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции. М.: РУСАЙНС, 2020. С. 6-15.
16. Турицын И.В. Историософские и футурологические идеи Н.Н. Моисеева и их методологическое значение // Современная научная мысль. 2019. № 6. С. 7-11.

### References and Sources

1. Barkova E.V. Vvedenie v ekofilosofiyu. Volgograd: VolGU. 2021. 407 s.
2. Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka. M., 1994.
3. Gurevich P.S. Osnovy filosofii. Glava 10.4. Problemy chelovecheskoj prirody. M.: Izdatel'stvo «KnoRus», 2015. // <https://iknigi.net/avtor-pavel-gurevich/105831-osnovy-filosofii-pavel-gurevich/read/page-22.html>
4. Kestler A. Chelovek — oshibka evolyucii. // Vremya i my. 1977. № 17. S. 161-174.
5. Kostin P.A. K izucheniyu sovremennyh problem issledovaniya otvetstvennosti. // Ontologicheskoe izmerenie slova v gorizontah ekofilosofii kul'tury. Sbornik statej po itogam kruglogo stola (s mezhdunarodnym uchastiem). M., 2022. S. 91-96.
6. Kutyrev V.A. Obretenie i utrata cheloveka v kontekste filosofskoj antropologii // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2001. T.III. №3.
7. Kutyrev V.A. Filosofskij obraz nashego vremeni. Smolensk. 2006.
8. Moiseev N.N. Chelovek vo Vselennoj i na Zemle. // Nauka. Obshchestvo. Chelovek. M.: Nauka, 2004.
9. Ponizovkina I.F. Problema celostnosti cheloveka i podhody k nej // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2020. № 3. S. 308-314.
10. Frolov I.T. Izbrannye trudy. M., 2003. T.3. S.625-626.
11. Frolov I.T. Na puti k edinoj nauke o cheloveke. // Rossijskaya politicheskaya enciklopediya. M., 2010.
12. Fromm E. Chelovek dlya sebya // <https://fil.wikireading.ru/67140>
13. Fuko M. Zabota o sebe. M., 1998.
14. Barkova E.V. Social'no-gumanitarnoe poznanie: metodologicheskie i sodержatel'nye paralleli. M: Akvilon, 2019.
15. Barkova E.V. Ekologiya cheloveka kak nauchnyj proekt i osnova duhovno-kul'turnoj bezopasnosti sovremennoj Rossii // Ekologiya cheloveka i problemy cifrovizacii sovremennoogo mira. Sbornik statej po itogam Vserossijskoj nauchnoj konferencii. M.: RUSAJNS, 2020. S. 6-15.
16. Turicyn I.V. Istoriosofskie i futurologicheskie idei N.N. Moiseeva i ih metodologicheskoe znachenie // Sovremennaya nauchnaya mysl'. 2019. № 6. S. 7-11.

**ПОНИЗОВКИНА ИРИНА ФЕДОРОВНА** – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова ([irina-ponizovkin@mail.ru](mailto:irina-ponizovkin@mail.ru))

**PONIZOVKINA, IRINA F.** – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics ([irina-ponizovkin@mail.ru](mailto:irina-ponizovkin@mail.ru)).

УДК 177.9

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-244-248

**САХАРОВА М.В.**

## **ВАГОНЕТКОЛОГИЯ: РАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР, ЦЕННОСТИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ**

**Ключевые слова:** Филиппа Фут, проблема вагонетки, рациональность, рациональный выбор, ценности, справедливость.

В статье рассматриваются основания рационального выбора, совершаемого индивидами в моральных дилеммах типа «проблема вагонетки», а также проводится сравнение с основаниями выбора в пользу того или иного справедливого устройства общества. Автор анализирует, с одной стороны, сильные стороны концепции Ф. Фут, с другой – ее недостаточность и аргументирует тезис о связи рационального выбора и системы ценностей. Автор приходит к выводу о непреодолимых сложностях, стоящих на пути использования искусственного интеллекта, поскольку алгоритмы, по которым принимают решения люди, имеют принципиальные отличия.

**SAKHAROVA, M.V.**

**TROLLEYOLOGY: RATIONAL CHOICE, VALUES AND VIEWS OF JUSTICE**



**Key words:** Philippa Foot, trolley problem, rationality, rational choice, values, justice.

The article addresses the problem of the reasons for the rational choice made by individuals in moral dilemmas such as the «trolley problem», as well as a comparison with the reasons for choosing in favor of one or another principle of justice society. The author analyzes, on the one hand, the strengths of the concept of Ph. Foot, on the other hand, its limits and argues the thesis of the connection between rational choice and the system of values. The author comes to the conclusion about the insurmountable difficulties that stand in the way of using artificial intelligence, since the algorithms by which people make decisions have fundamental differences.

В 1967 году в журнале «Oxford Review» вышла статья с малопонятным не посвященной публике названием: «Проблема аборта и доктрина двойного эффекта» [1; рус. пер.: 2]. Несмотря на сложность и теоретичность, статья не только стала популярной, но и положила начало новой дисциплине – вагонеткологии. Автор статьи - английский философ Филиппа Фут предложила читателям провести мыслительный эксперимент, представив себя на месте водителя потерявшего управление трамвая. Впереди на путях работает пять человек, которые неминуемо погибнут, если водитель не свернет на другой путь. Однако на другом пути тоже работает один человек, и он тоже погибнет. Что мы должны выбрать в подобной ситуации? Свернуть или нет? Сколько людей должно погибнуть – один или пять? [2, с. 131]. Кажется, что с тех пор практически ни одна статья о моральном выборе не обходится без упоминания этого эксперимента, получившего название «проблема вагонетки». Последователи и критики Ф. Фут предложили модификации эксперимента – «Толстяк», «Толстый злодей», «Ответвление» и др. В культуре дилемма, предложенная Фут, нашла свое отражение в фильмографии (например, в фильмах «Мост» 2003 г., «Я робот» 2004 г.), видеоиграх (в игре Prey решения, принимаемые индивидами, служат основанием отнесения их к расе людей [3]), в настольных играх («Трамвай смерти» (ориг. «Trial by Trolley»)). Проблема принятия решения и оснований нашего выбора стала предметом рассмотрения не только классических этики и философии, но и когнитивистики, нейротики и др. молодых дисциплин.

Последняя волна интереса к вагонеткологии связана с дискуссиями вокруг искусственного интеллекта. Так как беспилотный транспорт, военные беспилотники, умные дома и другие аналогичные проекты уже стали реальностью, очень остро стоит проблема алгоритмов, по которым искусственный интеллект должен принимать решения в спорных случаях. «Успешная фиксация принципов, которые управляют нашими этическими реакциями на происходящее в мире, обещает то, что, по крайней мере в теории, компьютеры можно будет запрограммировать так, чтобы они реагировали как люди» [4, с. 163]. Если мы разберемся с собственными моральными принципами и основаниями выбора, у нас есть шанс запрограммировать машины так, чтобы они вели себя как люди. Интересно, что, с одной стороны, российские эксперты считают замену судьи на машину «не просто невозможным, но и опасным» [5, с. 190-191], а с другой – число россиян, поддерживающих идею робота-судьи, растет. Исследователи объясняют это недоверием к судьям-людям [6]. Помимо «честности», у машины с искусственным интеллектом есть и другие преимущества, например, устойчивость в стрессовых ситуациях: «Машины с искусственным интеллектом – будь они беспилотными поездами или вооруженными роботами – могли бы “вести себя” даже лучше людей... “Решениям” машины не будет мешать выброс адреналина» [4, с. 164].

Однако нужно договориться о принципах. Какое решение приняло бы большинство людей, окажись они на месте водителя трамвая из мыслительного эксперимента Ф. Фут? С 2016 по 2020 гг. 40 миллионов людей из 233 стран мира отвечали на этот вопрос на специально созданной онлайн-платформе Moral Machine. Авторы опроса надеялись таким образом понять, каких решений ждут люди от машин и внести тем самым «вклад в разработку глобальных, социально приемлемых принципов машинной этики». Однако опрос показал, что существуют существенные культурные различия в этических суждениях [7]. Сложность определяется не только культурными различиями, но и тем, что можно назвать входными данными – факторами, влияющими на наш выбор: их слишком много. Ф. Фут в своей статье доказывает, что различие прямых и косвенных намерений (предвиденных желательных и предвиденных, но нежелательных последствий) несущественно для рационального морального выбора, хотя и имеет место. С ее точки зрения, гораздо важнее понять и соотнести уровень ответственности «за то, что мы позволяем» и «за то, что мы делаем» [2, с. 133-134]. Еще важнее провести различие между тем, «что мы должны людям в виде помощи, и тем, что мы должны им в качестве невмешательства», т.е. между негативными

обязанностями («необходимо воздерживаться от таких вещей, как убийство или грабеж») и позитивными («заботиться о детях или пожилых родителя») и др. [2, с. 133-136]. Но этим список не ограничивается. Одна и та же позитивная обязанность может быть как «строгим долгом» (кормить собственных детей), так и «актом милосердия» (кормить голодающих детей Африки) [2, с. 138]. А в основании всего лежит еще и уверенность в том, что мы правильно помыслили последствия наших действий, уверенность в том, что что-то произойдет или нет, если мы вмешаемся или не вмешаемся в ход событий.

По сути, речь идет о том, чтобы решить, какие факторы из этого множества для вас важнее. Эссе Фут – это своеобразный самоанализ человека второй половины XX века. Сам текст, как, впрочем, и выбор, который осуществляют люди, наглядно демонстрирует то, что нас определяет – рациональность. Мы выбираем, просчитывая разные варианты. И, пожалуй, анализ, представленный в статье, скрупулезное взвешивание каждого фактора и наше отношение к нему – характерная черта нашего времени и нашего мышления.

Ярким примером *рационального* выбора является позиция самой Фут: «Поэтому мы можем без противоречия [выделено – авт.] думать, что водитель должен ехать по дороге, на которой стоит только один человек» [2, с. 137]. Одна смерть лучше двух. Поэтому в ситуации ограниченного количества лекарства, я должен спасти пятерых пациентов, разделив его между ними, вместо того чтобы отдать его пациенту, которого спасет только все имеющееся в наличии лекарство. «Если это единственный выбор, то мы чувствует себя обязанными позволить умереть одному, а не многим» [2, с. 132]. Простая калькуляция.

Не совсем так. В основе этой калькуляции лежит определенная система ценностей и важное для нашего случая представление о ценности человеческой жизни. Сама необходимость делать такой выбор, основываясь на том, что жизнь – это ценность, это маркер нашего времени. Знаменитое спартанское «Со щитом или на щите» не предполагало такого выбора. Различие между системами ценностей и местом, которое занимает в ней человеческая жизнь, хорошо видно при сравнении двух произведений эпохи Возрождения – «Государя» Н. Макиавелли (1513 г.) и «Утопии» Т. Мора (1516 г.). В число принципов идеального государя Макиавелли ценность человеческой жизни не входит. В книге много примеров, в которых именно убийство позволяет правителю достичь желаемой цели – власти и сохранения целостности государства [8]. В «Утопии», напротив, ради сохранения жизни своих граждан утопийцы могут лгать своим врагам, подкупать, сеять вражду между ними. «Другие народы не одобряют такого обычая торговли с врагом и его покупки, признавая это жестоким поступком, основанным на нравственной низости; утопийцы же вменяют это себе в огромную похвалу, считая подобное окончание сильнейших войн совершенно без всякого сражения делом благоразумия. Вместе с тем они называют такой образ действий и человечным, и милосердным» [9, с. 172]. Выбор и в том, и в другом случае рационален.

Интересно, что Фут не только анализирует основания выбора в ситуации моральной дилеммы, но и дает свою оценку выбору других людей. Выше уже упоминалось, что пустить трамвай на запасной путь, убив одного человека, вместо пяти кажется ей «непротиворечивым решением». В ее системе ценностей человеческая жизнь (в количественном измерении) оказывается одним из решающих факторов. Поэтому, анализируя ситуацию с вынужденной гистерэктомией, она выбирает спасти мать ценой жизни плода. Одна смерть лучше смерти двух, тем более когда один из двух – это не родившийся еще ребенок. А вот позиция католиков (противников аборт) кажется ей нерациональной: «Если учитывать уверенность в результате, здесь католическое учение об абортах должно вступать в противоречие с убеждениями большинства *разумных* [выделено – авт.] людей» (139). Почему же католики неразумны, ведь их позиция аргументирована? Видимо, потому, что их система ценностей, определяющая выбор, не признается Фут верной.

В книге Д. Эдмондса «Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо?» описывается случай, когда католичка родила сямских близнецов. Без операции близнецам грозила смерть, но во время операции один из них должен был умереть. Родители отказались от операции: «У каждого есть право на жизнь, тогда почему мы должны убивать одну из дочерей, чтобы дать возможность выжить другой? На это Божья воля» [4, с. 161-162]. В качестве аргумента все то же право на жизнь, но оно «стоит» чуть меньше, чем право Бога решать. Но нас в данном случае интересует другой нюанс этого дела. События происходили в Великобритании, и

врачи оспорили решение родителей в суде – и выиграли. Решение родителей-католиков в отличие от доводов врачей было признано «неразумным». Операция была проведена.

Американский социолог Р. Мертон выделил два типа ценностей – одобряемые обществом цели и одобряемые обществом средства их достижения [10, с. 300]. Анализируя поведение людей, необходимо учитывать и то, и другое, но цели – более значимы. Ф. Фут это признает: «Его намерение в строгом смысле касается двух вещей: того, что он стремится к целям, и того, что он выбирает средства к целям. О последних можно сожалеть, но тем не менее желать их ради достижения цели...» [2, с. 128] Не думаю, что ее рассуждения принципиально отличаются от рассуждений Макиавелли, если, конечно, не трактовать его концепцию упрощенно. Ведь не призывал он к аморальности, не воспевал ее. Он просто трезво оценивал ситуацию и считал, что идеал (а был он сторонником республики) недостижим [см. об этом 11]. И в этом смысле выбор *всегда* рационален, на то он и выбор. Но то, что мы считаем рациональным, определяется нашей системой ценностей и целями, которые мы перед собой ставим. Поэтому позиция католиков в отношении абортов для Фут и выглядит неразумной. Для католика важнее не нарушить волю Бога, для Фут – сохранить жизнь человека.

Но совершенно разная рациональная логика (тавтология в данном случае оправдана) может привести нас не к противоположным, а к одному и тому же выводу. В 2019 году на экраны вышел фильм испанского режиссера Г.Г. Урриттии «Платформа». Многоэтажная тюрьма с шахтой по середине, по которой передвигается раз в сутки платформа с едой. Движение начинается с верхних этажей, поэтому те, кто оказался наверху, могут полностью удовлетворить свои потребности, тем же, кто ниже, еды достается меньше, а с определенного этажа – не достается ничего. Когда главный герой фильма узнает, что внизу есть уровни, на которые не доходит еда, он предлагает своему сокамернику сказать об этом людям сверху. «Скажем им *разумно* потреблять пищу и передать то же самое 46 уровню, 45...». В ответ его обвиняют в коммунизме и грозятся убить. А ведь его рассуждения вполне рациональны, но только с точки зрения достижения определенной цели – выживания всех людей, находящихся в этой тюрьме. Если наша цель, чтобы выжили все, то ограничить потребление каждого, распределив ресурсы поровну, рационально, и, возможно, это единственное эффективное средство. Но если цель другая, например, индивидуальное выживание, то рациональнее будет наесться самому, создавая запасы жира, так как неизвестно, на каком этаже ты окажешься в следующем месяце (распределение по этажам рандомно).

Кажется, что разные цели автоматически ведут нас к разным выводам. Совсем необязательно. Американский философ Джон Ролз попытался доказать предпочтительность социалистических или близких к ним принципов, основываясь на рациональном выборе людей-индивидуалистов. В своей книге «Теория справедливости» он проводит мыслительный эксперимент, накидывая на людей «занавес неведения». «Никто не знает своего места в обществе, своего классового положения или социального статуса. Никто не знает своей удачи в распределении естественных дарований и способностей, своих умственных способностей и силы, и т.п.». Более того, никто не знает даже экономической ситуации в обществе, уровня цивилизации и культуры, поколения, к которому будут принадлежать и т.д. [12, с. 127]. При этом Дж. Ролз рассматривает всех людей именно как рациональных существ. Они ставят перед собой цели, у них даже есть «рациональный жизненный план», хотя какой именно в ситуации занавеса, они не знают, но они знают, что возможности «ранжируются в зависимости от того, насколько они служат ее целям» [12, с. 132]. Более того, он считает, что для человека «рационально хотеть большей доли», а также «стараться защищать свои свободы, расширять свои возможности и усиливать средства для реализации своих целей, какими бы они не были» [12, с. 132]. Этакая, вполне либеральная, концепция максимизации своей «прибыли».

И вот эти люди, с точки зрения Дж. Ролза, в ситуации неведения выберут в качестве основных принципов организации общества, во-первых, принцип равенства прав и обязанностей, а во-вторых, принцип дифференциации. Согласно данному принципу, тот, кто от природы одарен, может пользоваться своим талантом только при условии, что он улучшает ситуацию тех, кому не сопутствовала удача. Справедливость требует, чтобы талантливые имели более высокий доход только при условии принесения пользы наименее преуспевающим [12, с. 98]. «Пытаясь выиграть для себя наивысший индекс основных социальных благ», неравенство можно допустить – случайность приобретения таланта компенсируется выгодой, которую он приносит тем, кому

талант не достался [13]. То есть в ситуации, когда люди не знают, какое именно место они займут в обществе, они вполне рационально рассуждают, что можно чем-то пожертвовать, но обеспечить себе гарантированно определенный уровень жизни. [14]. Кем бы я ни родился, моя ситуация не будет принципиально хуже ситуации других. Рассуждения Ролза коррелируют с обоснованием скандинавской модели социализма: мы жертвуем частью своей свободы, обеспечивая себе такую подушку безопасности. Рационально? Вполне.

Рассмотренные примеры приводят нас к выводу о непреодолимых сложностях, стоящих на пути использования искусственного интеллекта. Алгоритмы, по которым принимают решения люди, принципиально отличаются, а «средняя температура по палате» слишком ненадежная вещь, чтобы придавать ей статус «объективно правильной».

### Литература и источники

1. Foot Ph. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect // Oxford Review, 1967. №5. P. 5-15.
2. Фут Ф. Проблема аборта и доктрина двойного эффекта // Философия и общество. 2018. №2(87). С. 124-141.
3. Лисяный А. Prey с философской точки зрения: как игра решила многовековую проблему морали // Игры на DTF. [Электронный ресурс.] <https://dtf.ru/games/72671-prey-s-filosofskoy-tochki-zreniya-kak-igra-reshila-mnogovekovuyu-problemu-morali>
4. Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? М.: изд-во Института Гайдара, 2020. 264 с.
5. Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник юридической науки. 2021. №5. С. 188-191.
6. Человеческое замещение: как искусственный интеллект становится полем политической борьбы (интервью с В. Вахштайном) // Теория и практика. [Электронный ресурс.] <https://theoryandpractice.ru/posts/17126-chelovekozameshchenie-kak-iskusstvennyy-intellekt-stanovitsya-polem-politicheskoy-borby>
7. The moral machine experiment // Springer Nature. 2018. // <https://politics.media.mit.edu/papers/Rahwan.pdf> ]
8. Макиавелли Н. Государь. М.: Азбука-классика, 2020.
9. Мор Т. Утопия. М.; Л.: Academia, 1935. 240 с.
10. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности: Современные буржуазные теории. М.: Прогресс, 1966. С. 299-313.
11. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. 448 с.
12. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: изд-во Новосибирского ун-та, 1995. 536 с.
13. Сингер П. «Я верю в рациональное убеждение...» // Новая газета. 16.11.2018. №127. [Электронный ресурс.] <https://novayagazeta.ru/articles/2018/11/16/78600-ya-veryu-v-ratsionalnoe-ubezhdenie>
14. Баркова Э.В. Введение в экофилософию. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. 407 с.

### References and Sources

1. Foot Ph. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect // Oxford Review, 1967. №5. P. 5-15.
2. Fut F. Problema aborta i doktrina dvojnogo efekta // Filosofiya i obshchestvo. 2018. №2(87). S. 124-141.
3. Lisyanij A. Prey s filosofskoj tochki zreniya: kak igra reshila mnogovekovuyu problemu morali // Iгры на DTF. [Elektronnyj resurs.] <https://dtf.ru/games/72671-prey-s-filosofskoy-tochki-zreniya-kak-igra-reshila-mnogovekovuyu-problemu-morali>
4. Edmonds D. Ubili by vy tolstyaka? Zadacha o vagonetke: chto takoe horosho i chto takoe ploho? M.: izd-vo Instituta Gajdara, 2020. 264 s.
5. Momotov V.V. Iskusstvennyj intellekt v sudoproizvodstve: sostoyanie, perspektivy ispol'zovaniya// Vestnik yuridicheskoy nauki. 2021. №5.
6. Chelovekozameshchenie: kak iskusstvennyj intellekt stanovitsya polem politicheskoy bor'by (interv'y u V. Vahstajnom) // Teoriya i praktika. [Elektronnyj resurs] <https://theoryandpractice.ru/posts/17126-chelovekozameshchenie-kak-iskusstvennyy-intellekt-stanovitsya-polem-politicheskoy-borby>
7. The moral machine experiment // Springer Nature. 2018. // <https://politics.media.mit.edu/papers/Rahwan.pdf> ]
8. Makiaavelli N. Gosudar'. M.: Azbuka-klassika, 2020.
9. Mor T. Utopiya. M.; L.: Academia, 1935. 240 s.
10. Merton R. Social'naya struktura i anomiya // Sociologiya prestupnosti: Sovremennye burzhuznyye teorii. M.: Progress, 1966. S. 299-313.
11. Batkin L.M. Ital'yanskoe Vozrozhdenie: problemy i lyudi. M.: RGGU, 1995. 448 s.
12. Rolz Dzh. Teoriya spravedlivosti. Novosibirsk: izd-vo Novosibirskogo un-ta, 1995. 536 s.
13. Singer P. «Ya veryu v racional'noe ubezhdenie...» // Novaya gazeta. 16.11.2018. №127. [Elektronnyj resurs.] <https://novayagazeta.ru/articles/2018/11/16/78600-ya-veryu-v-ratsionalnoe-ubezhdenie>
14. Barkova E.V. Vvedenie v ekofilosofiyu. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2021. 407 s.

**САХАРОВА МАРИЯ ВИКТОРОВНА**, - кандидат философских наук, доцент, общеуниверситетская кафедра философии и социальных наук, Московский городской педагогический университет (SakharovaMV@mgpu.ru).

**SAKHAROVA, MARIA V.** - Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Social Science, Moscow City Pedagogical University (SakharovaMV@mgpu.ru).

УДК 1(091):177.9

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-2-248-254

**КОСТИН П.А.**

## **ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФИЛОСОФСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**Ключевые слова:** ответственность, парадигма, язык, общественное сознание, общественная идеология, общественная психология, обыденное сознание, кризис, культура, элита, патриотизм, тезаурус.

Одним из важнейших измерений парадигмы социальной ответственности в общественном сознании является ее философско-лингвистическое измерение. Рассматриваются социально-философские и философско-лингвистические аспекты процесса

вытеснения парадигмы социальной ответственности на периферию общественной психологии, идеологии и попытки замещения ее парадигмой социальной безответственности во второй половине 1980-х-1990-е гг. Анализируется «парадокс» сохранения установки социальной ответственности на быденном уровне общественного сознания, в сфере частной жизни. Освещена отрицательная роль западных и некоторых видных отечественных представителей социально-гуманитарного знания, в том числе лингвистов, ряда элитарных научных коллективов в организации и стимулировании кризиса в сфере социальной ответственности в постсоветской России. Отмечены основные направления их деструктивной деятельности, активного противодействия позитивной созидательной работе в сфере социальной ответственности. Обозначены возможные направления позитивной созидательной работы в данной сфере в философско-лингвистическом аспекте, например, формирование общепризнанного тезауруса.

KOSTIN, P.A.

### THE PROBLEM OF SOCIAL RESPONSIBILITY IN MODERN RUSSIA: PHILOSOPHICAL AND LINGUISTIC ASPECT

**Key words:** responsibility, paradigm, language, social consciousness, social ideology, social psychology, everyday consciousness, crisis, culture, elite, patriotism, thesaurus.

One of the most important dimensions of the paradigm of social responsibility in the public mind is its philosophical-linguistic, philosophical-linguistic dimension. The socio-philosophical and philosophical-linguistic aspects of the process of pushing the paradigm of social responsibility to the periphery of social ideology and attempts to replace it with the paradigm of social irresponsibility in the second half of the 1980s-1990s are considered. The “paradox” of maintaining the installation of social responsibility at the ordinary level of public consciousness, in the sphere of private life, is analyzed. The extremely negative role of Western and some prominent domestic representatives of social and humanitarian knowledge, including linguists, a number of elite research teams in organizing and stimulating the crisis in the field of social responsibility in post-Soviet Russia, is highlighted. The main directions of their destructive activity, active opposition to positive creative work in the field of social responsibility are noted. Possible directions of positive creative work in this area in the philosophical and linguistic aspect are outlined, for example, the formation of a generally recognized thesaurus.

Вследствие того, что парадигма социальной ответственности занимала столь важное место в советском общественном бытии и сознании, начиная с середины 1980-х годов по ней, как по мишени, извне и изнутри наносились мощные информационно-пропагандистские удары. Кризис парадигмы социальной ответственности [2, 3] стал одной из составных частей общего идеологического кризиса в позднем СССР. Среди самых существенных причин последнего выделяется фактическая капитуляция и выход нашей страны из информационно-пропагандистской, психологической войны [6, 14] развязанной Западом. Крушение парадигмы социальной ответственности в Советском Союзе в начале 1990-х гг. было обусловлено наступлением общей, в том числе, идеологической катастрофы [15, 20].

Одним из важнейших измерений парадигмы социальной ответственности в общественном сознании является ее философско-лингвистическое, философско-языковое измерение. Ниже речь идет о философско-лингвистическом аспекте изменений парадигмы социальной ответственности, начиная с середины 1980-х гг., о вытеснении понятия социальной ответственности из актуального массового тезауруса советского общества, попытке его последующей деструкции с целью дальнейшего уничтожения практической составляющей парадигмы социальной ответственности как принципа жизнедеятельности людей, о насаждении понятия и принципа социальной безответственности в общественном сознании и попытках исправить это положение дел.

В конце 1980-х гг. были «успешно» торпедированы механизмы традиционной пропаганды, трансляции в массы идеалов социальной ответственности и скомпрометирована собственно сама социально ответственная деятельность советских, партийных, комсомольских, научно-образовательных и других организаций, выполнявших идеологические и пропагандистские функции. Одна за другой предпринимались результативные попытки дискредитировать или маргинализировать верных своему долгу лиц, противодействовавших информационному, пропагандистскому, психологическому натиску Запада, который, в том числе, был направлен на разрушение парадигмы социальной ответственности в советском общественном сознании, вытравление из него понятия социальной ответственности.

Идея социальной ответственности как одна из определяющих, доминировавших в советском общественном сознании идей, была вытеснена на периферию общественного сознания и замещена идеей социальной безответственности под занавес так называемой «перестройки». Советская парадигма социальной ответственности, казалось, была как бы обезглавлена. Парадигма социальной безответственности определяла якобы отсутствовавшую, но в реальности, на деле – существовавшую, крайне агрессивную, звериную, эгоистическую идеологию многих представителей новой гражданской элиты России в 1990-е гг., она направляла действия значительной части ее гражданской элиты, которые привели к стремительной социально-экономической [1, 17], политической [12], экологической [4, 5] и культурной [9, 11] деградации

нашей страны. Процессы деградации не удавалось ни притормозить, ни, тем более, остановить вплоть до начала XXI века.

В отечественной социально-гуманитарной науке пока не сформулирован окончательный ответ на вопрос, почему и как во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. внешние и внутренние, тайные и явные враги нашей страны с такой относительной легкостью сумели удалить из ядра общественного сознания понятие социальной ответственности и навязать в качестве новой «нормы» общественной и государственной жизни столь многим гражданам установку социальной безответственности. Следует отметить, что, несмотря на это, поразительную стойкость, подлинную социальную ответственность продолжало проявлять в своем патриотическом служении [13] России абсолютное большинство представителей Армии и Флота, сотрудников органов безопасности и правопорядка, рядовых тружеников оборонного комплекса, медицинских работников, учителей, лиц духовного звания, рядовых работников культуры и др.

Однако необходимо признать, что слишком многие на общественном, государственном уровне стали следовать в это время установке социальной безответственности. Социальная безответственность большинства населения на данном уровне проявилась в фаталистическом, почти равнодушном отношении к судьбе государства, государственной собственности и т.д. Таким было отношение масс к событиям, имевшим место на общегосударственном уровне, к происходившему в общественном сознании нашей страны (например, к уничтожению системы ценностей, духовных благ социалистического общества), в ее общественном бытии, например, в национальной экономике, даже если это прямо и крайне отрицательно сказывалось на самых существенных обстоятельствах жизни конкретных людей. Хорошо известно, что социальная безответственность части гражданской элиты на общегосударственном уровне обернулась, в частности, уничтожением или резким сокращением количества материальных благ, имевшихся в распоряжении людей (заработная плата, пенсия, стипендия, сбережения (если они наличествовали), бесплатное государственное жилье (с учетом очереди на его получение), преимущественно, бесплатное здравоохранение и образование, отдых за льготную цену, возможность заниматься спортом, бесплатный культурный досуг и пр.).

Парадокс заключается в том, что в сфере частной жизни абсолютное большинство наших законопослушных сограждан продолжало руководствоваться установкой социальной ответственности. На быденном уровне, как известно, роль *идеи, понятия* социальной ответственности относительно ниже, чем на общественном или государственном уровне, в сфере общественной или государственной жизни, в общественной идеологии. В общественной идеологии в это время закрепились и «царствовала» идея социальной безответственности.

Определяющее значение для характеристики значительной доли общественной практики «новой» России имело то, что за пределами своего частного мира в последнее десятилетие XX века большинство наших соотечественников не проявляло себя социально ответственно. Разумеется, «угнетение», вытеснение понятия, идеи социальной ответственности из ядра общественной идеологии, попытка его разрушения было лишь одной из причин такого положения дел. Относительное «внешнее» бездействие большинства в сфере социальной ответственности, его кажущаяся полная безучастность, пассивность, равнодушие объяснялись, в первую очередь, прагматическими соображениями.

В 1990-е гг. в условиях абсолютного господства антинародной, криминализованной значительной части гражданской элиты России риск социально ответственного поведения на общественном и государственном уровне для рядового гражданина был слишком велик. Многие наши соотечественники, в том числе, осуждавшие в частном общении социально безответственную деятельность части гражданской элиты России, приняли и признали победу и доминирование установки социальной безответственности в общественном бытии и общественной идеологии, как данность. Большинство граждан России продолжали быть социально ответственными, но только в частной жизни, как частные лица, возможно, благодаря полученному воспитанию, наличию крепких моральных устоев, иногда как бы по инерции, порой, интуитивно выбирая верный путь и т.п. Наши сограждане как частные лица, в своей повседневной деятельности, даже в годину страшных испытаний 1990-х гг. сохранили на быденном, бытовом уровне традиционную установку социальной ответственности [18].

Установка социальной безответственности на общегосударственном уровне была насильственно «привита» большинству бывших советских людей теми, кто стал бенефициарами политического и экономического развала нашей страны. Несомненно, это было сделано ими, в том числе, для того, чтобы дополнительно застраховать себя от призрачной, но допустимой возможности привлечения к ответственности за содеянное в конце 1980-х – 1990-е гг. К началу 2000-х гг. социальная безответственность представляла собой одну из самых серьезных угроз для нашей Родины. На первый план по своей значимости вышла проблема социальной безответственности большей части бизнеса, прежде всего, многих представителей крупного бизнеса, перекачивавших активы России на Запад.

Реальная борьба с социальной безответственностью активизировалась в России только в начале XXI века. Борьба с социальной безответственностью должна была опираться, в частности, на результаты позитивных созидательных усилий, направленных на философско-лингвистическое обеспечение развития и закрепления вновь в общественном сознании парадигмы социальной ответственности. Например, разработка тезауруса социальной ответственности для постсоветской России могла стать неотъемлемой частью важного, имеющего общегосударственное значение дела, – формирования нового словаря основных категорий патриотически ориентированной общественной идеологии. (Работа над тезаурусом патриотической *государственной* идеологии исключена в условиях до сих пор не отмененного запрета государственной идеологии, согласно Конституции 1993 г.).

В страшные годы новой Смуты великолепно проявила себя способность нашей страны к сопротивлению негативному деструктивному воздействию извне. Достойна восхищения прочность российской культуры, продемонстрированная патриотической ее частью в условиях тотальной войны против России. Казалось, что на научной основе должно быть «реанимировано» и должным образом развито до уровня понятия, идеи, «рационализировано» представление о социальной ответственности, сохранявшееся большей частью нашего народа на обыденном уровне, в общественной психологии, в качестве одного из традиционных оснований совместной жизнедеятельности. Идеологическое «наполнение» новой парадигмы социальной ответственности, определение понятийного «каркаса» социальной ответственности в XXI веке – это задачи, которые должны были выполнить ведущие представители социально-гуманитарного знания России, уполномоченные научные и образовательные организации, прежде всего, государственные или финансируемые государством. Реальный ход событий в этой области в первое двадцатилетие нового века «посрамил» прогностические способности даже самых больших, крайних скептиков. Многие деятели социально-гуманитарного знания, занимающие высокие позиции в элитарных научных и образовательных учреждениях социально-гуманитарного профиля, участвовавшие в организации идеологического кризиса и катастрофы в СССР, не только не раскаялись в содеянном и не включились в позитивную созидательную работу, но тайно или явно ее саботировали, зачастую, активно противодействовали этой работе.

Культура и языки народов России, прежде всего, русская культура и русский язык подвергались и подвергаются атакам не только извне. Проводниками разрушительных атак в течение последних десятилетий являются, в том числе, высокопоставленные сотрудники государственных научных и образовательных учреждений. Многие лица и учреждения, на которых государством была возложена миссия охраны, защиты, сбережения и осмысления лучшего в нашей культуре и языке, положительного созидательного развития отечественной культуры, языков народов России, в том числе, русского языка, тайно или открыто продолжают работать на противников нашей Родины, ее культуры. В «лучшем» случае, они ограничиваются тем, что констатируют, регистрируют происходящие кризисные, а порой, катастрофические процессы в культуре и языковой практике. Враги нашей страны и культуры продолжают попытки вернуть ее на путь регресса, деградации, примитивизации, «варваризации». Это относится, прежде всего, к русскому языку, проявляясь, например, в усилиях, направленных на резкое количественное сокращение и качественное изменение (ухудшение) словарного запаса для массового употребления, снижение уровня грамотности многих представителей молодежи и т.д.

Многие ответственные лица и уполномоченные организации не исполняют свой долг по борьбе с негативными процессами в культуре и философско-лингвистической сфере, противодействию этим процессам. Порой они ограничивались констатированием происходящих

негативных процессов, но значительно чаще опасные негативные процессы, происходящие в нашей культуре и философско-лингвистической сфере, если не прямо поддерживаются, то замалчиваются или интерпретируются в ином, выгодном для интерпретаторов свете. Так, скажем, хорошо, умело организованные, управляемые с Запада через своих платных агентов в России разрушительные процессы выдаются за «естественные», «стихийные» процессы, с которыми, в том числе, поэтому якобы бесполезно пытаться, не стоит бороться. Агенты влияния Запада продолжают заверять доверчивую российскую аудиторию в том, что у нашей культуры отсутствуют враги, даже после 24 февраля 2022 г. Демонстративно игнорируется, отвергается наличие серьезных угроз для языков народов России, прежде всего, для русского языка, государству рекомендуется воздерживаться от подлинной поддержки, эффективной помощи классической культуре, языкам народов России, в том числе, русскому языку.

Нередко разрушительная, антикультурная, антиобщественная, антигосударственная работа маскируется под работу, направленную якобы на поддержку культуры и языков народов России, в первую очередь русского языка. Речь идет о таких мероприятиях, как диктанты, конкурсы, фестивали и т.д., организуемых так называемой «пятой колонной» на средства, выделяемые из государственного бюджета. Например, отмечалась исключительно антироссийская позиция авторов текстов, которые из года в год предлагаются на подобных диктантах, субсидируемых государством. Многие были сделаны для изгнания произведений выдающихся авторов из школьной программы по литературе, вытравления смысла из процедуры экзамена по литературе, сведения к абсурду такой формы самостоятельной творческой работы школьника, как сочинение.

Полная безнаказанность в течение последних десятилетий стимулировала работу лингвистической «пятой колонны», лишь небольшая часть представителей которой сбросила маски после 24 февраля 2022 г. Предательские удары наносились не только по историко-культурному наследию России (ее исторической памяти, канонам классической отечественной культуры), механизмам необходимого регулирования языка и пр. Враги лгали и клеветали, пытались испортить репутацию выдающихся деятелей нашей культуры, ее полноправных представителей, патриотов, авторитетных носителей Слова (писателей, ученых-гуманитариев, священнослужителей, театральных деятелей и др.), опорочить их, даже пытались нанести ущерб их жизни и здоровью. За более чем тридцать лет, миновавших после 1991 г., вспоминается лишь несколько случаев, когда профессоров, имеющих и иное гражданство (помимо российского), систематически грязно оскорблявших народ России, ее культуру и русский язык, очернявших историю нашей страны, распространявших ложь и клевету, отстраняли от высокооплачиваемой работы в государственных элитарных вузах, академических учреждениях.

Многими представителями элиты лингвистической науки агрессивно насаждалась новая постмодернистская система псевдоценностей [10] (это сопровождалось попытками отмены традиционной иерархии ценностей и норм [16], утверждением пресловутой политкорректности, псевдотолерантности [19], псевдосвободы [7], тотальной иронии, несерьезности и т.п.). Так, к примеру, псевдосвобода должна, с их точки зрения, проявляться в «реабилитации» площадной брани, она должна реализовываться посредством публичного использования бранных слов, несмотря на то, что это является нарушением закона. На разные лады настойчиво повторялись и повторяются призывы к легализации площадной брани, которая, как заверяли и продолжают это делать, придает якобы «яркость», «образность» тексту, «украшает» кинофильм, пьесу, телевизионную передачу, передачу по радио и пр.

Критике подверглись традиционные «механизмы» необходимого регулирования языка, классические словари, учебники и пр., на средства западных «филантропов» псевдоучеными и предавшими отечественную культуру специалистами создавались и выпускались огромными тиражами негодные, вредоносные учебники, словари, искажающие смысл и значения слов, псевдонаучная макулатура. Это имело колоссальное отрицательное значение, поскольку государство в 1990-е годы почти отказалось от поддержки классической культуры России, русского языка и литературы, литературы и языков большей части народов России. Коммерциализация сферы культуры привела к очень резкому росту цен на книги, тиражи классики сократились в среднем на 2-3 порядка, классическая литература почти перестала поступать в библиотеки, причем в условиях, когда вместе с рядом предприятий и организаций закрылось большинство библиотек при клубах и домах культуры.



Щедро оплачивалась пропаганда «специалистами» американизации в сфере повседневного общения, в рекламной деятельности, велась систематическая работа по насаждению моды на использование без нужды английских слов, слов-«суррогатов», англоязычных сокращений, аббревиатур в СМИ и интернете. Чудовищный вред нанесли злоупотребления в сфере передачи информации и коммуникации, в том числе, через социальные сети [8], в которых культивируется, в основном, только дурное, провоцируется ненависть, оскорбления, раздуваются конфликты, в особенности, конфликт нового и традиционного, причем обновление провозглашается самоцелью, вне зависимости от того, происходят ли изменения к лучшему или к худшему и т.п. Под давлением агентов влияния Запада находится институт семьи, семейное воспитание и образование.

Неблагоприятные процессы идут вокруг России, на ее границах, многие представители отечественного социально-гуманитарного сообщества с удовлетворением констатируют разрушение единого культурно-языкового пространства. Война объявлена классической российской культуре и русскому языку во многих бывших республиках СССР, бывших странах Организации Варшавского договора и СЭВ, осуществляется насильственный переход на латиницу в ряде бывших республик СССР. «Пятая колонна» ученых-гуманитариев приветствовала незаконные репрессии, направленные против носителей русского языка и классической российской культуры в бывших союзных республиках, запрет обучения на русском языке, прекращение работы СМИ на русском языке и т.д.

В связи с отмеченным выше представляется уместным задать следующие риторические вопросы. Что было бы, к примеру, если, например, российские врачи и медицинские работники не занимались бы профилактикой и борьбой с болезнями, а тайно помогали их распространению или ограничивались констатацией и учетом их воздействия на людей, общество? Что было бы, если сотрудники других служб жизнеобеспечения нашего общества и государства вели бы себя в сфере своей ответственности так, как ведут себя многие высокопоставленные представители «социально-гуманитарной» науки, к которым относятся и некоторые лингвисты? Ущерб, нанесенный последними нашему обществу и государству, нашей культуре и языкам народов России, прежде всего, русскому языку еще предстоит оценить. От результатов нормального, социально ответственного функционирования многих представителей элиты российского социально-гуманитарного, в том числе лингвистического сообщества, в немалой степени зависит не только состояние науки о языке в нашей страны, но и общественного сознания, нашей страны.

Парадигма социальной ответственности должна вновь занять одно из определяющих мест в общественном сознании России. Определяющее значение в философско-языковом, философско-лингвистическом аспекте для обеспечения эффективного функционирования парадигмы социальной ответственности имеет наличие общепризнанного терминологического «словаря», тезауруса, в котором было бы представлено позитивное, созидательное истолкование значений важнейших категорий, лежащих в основании парадигмы социальной ответственности. Такой словарь должен рассматриваться в качестве необходимого фундамента для понимания смысла, сути парадигмы социальной ответственности, использоваться для систематического, последовательного ее воплощения на практике, в процессе социально ответственной, патриотически ориентированной, общественно полезной деятельности людей.

### Литература и источники

1. Абрамова А.В. Система выгод и затрат в экономике как признание этико-экологических принципов // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО», Тульское образовательное пространство. 2020. №3. С.79-81.
2. Баркова Э.В. Масштаб личностного развития в целевых установках проектирования экокультуры информационного общества // Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества. Труды Международной научно-теоретической конференции. М., 2015. С. 5-8.
3. Баркова Э.В. Жизнетворческая миссия экофилософии в горизонте тенденций современности // Право и практика. 2017. № 1. С. 148-157.
4. Безвесельная З.В. Некоторые направления и задачи развития философской мысли на пороге экологического кризиса // Право и практика. 2020. №1. С.190-194.
5. Бузская О.М. Мировоззренческий потенциал контекст-технологий в продвижении экофилософской картины мира // Право и практика. 2019. №3. С.242-246.
6. Гусейнов Ф.И. Сознание человека информационного общества // Личность в условиях глобальных социокультурных трансформаций цифровой информационной общества: сборник статей по итогам Международной научной конференции 2 декабря 2020 года; сборник статей / кол. авторов – М.: РУСАЙНС, 2021. С. 46-49.
7. Ивлева М.И. О спиритуалистической концепции свободы личности // Социально-гуманитарные знания. 2008. №6. С.317-323.

8. Ивлева М.И. Социально-философский анализ феномена социальных сетей в творчестве К. Фукса // Социально-гуманитарные знания. 2020. №5. С.262-266.
9. Киндзерская М.А. Ленинская политика в области музейного строительства и охраны культурно-исторического наследия страны // Социально-гуманитарные знания. 2020. №5. С. 70-74.
10. Малахова Е.В. Проблема личной и социальной ответственности в информационном обществе // Личность в условиях глобальных социокультурных трансформаций цифрового информационного общества: сборник статей. М.: РУСАЙНС, 2021. С. 139-144.
11. Мамедова Н.М. Проблема универсалий в культуре // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2014. №203. С.56-61.
12. Мармазова Т.И. Философско-политический анализ функций политики сквозь призму цивилизационного дискурса // Право и практика. 2020. №1. С.179-184.
13. Новикова Е.Ю., Галухин А.В. Экономический патриотизм как мировоззрение // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. С.171-175.
14. Понизовкина И.Ф. Информационная революция: достижения и противоречия в науке // Социально-гуманитарные знания. 2018. №9. С.26-32.
15. Рузанов С.А., Соколов М.В. К вопросу истории общественно-политического движения в Российской Федерации в 1991 – 1999 гг. // Социально-гуманитарные знания. 2020. №5. С.164-170.
16. Савинченко Т.И. Этические аспекты формирования многоэтничного государства России в процессе территориального расширения // Российская идентичность: социокультурный контекст: сборник научных статей по итогам Международной научной конференции 15 ноября 2019 г. М.: РУСАЙНС, 2019. С.200-204.
17. Самсин А.И., Пономарев М.А. Философия управления: учебное пособие / под ред. М.Н. Кулапова. М.: РУСАЙНС, 2017.
18. Скатерщикова А.В. Индивидуализм в современном обществе: традиции и перспективы // Социально-гуманитарные знания. 2019. №9. С.58-64.
19. Фоменко М.В. Место толерантности в системе ценностей формирующейся личности // Российская идентичность: социокультурный контекст: сборник научных статей по итогам Международной научной конференции 15 ноября 2019 г. / кол. авторов. М.: РУСАЙНС, 2019. С.243-246.
20. Яблочкина И.В., Рузанов С.А. Отечественная история: учебник / под общ. ред. И.В. Яблочкиной. М.: «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2017.

### References and Sources

1. Abramova A.V. Sistema vygod i zatrat v ekonomike kak priznanie etiko-ekologicheskikh principov // Vestnik GOU DPO TO «IPK i PPRO TO», Tul'skoe obrazovatel'noe prostranstvo. 2020. №3. S.79-81.
2. Barkova E.V. Masshtab lichnostnogo razvitiya v celevykh ustanovkakh proektirovaniya ekokul'tury informacionnogo obshchestva // Sociokul'turnye sredy i kommunikativnye strategii informacionnogo obshchestva. Trudy Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii. M., 2015. S. 5-8.
3. Barkova E.V. Zhiznetvorcheskaya missiya ekofilosofii v gorizonte tendencij sovremennosti // Pravo i praktika. 2017. № 1. S. 148-157.
4. Bezvesel'naya Z.V. Nekotorye napravleniya i zadachi razvitiya filosofskoj mysli na poroge ekologicheskogo krizisa // Pravo i praktika. 2020. №1. S.190-194.
5. Buzskaya O.M. Mirovozzrencheskij potencial kontekst-tehnologij v prodvizhenii ekofilosofskoj kartiny mira // Pravo i praktika. 2019. №3. S.242-246.
6. Gusejnov F.I. Soznanie cheloveka informacionnogo obshchestva // Lichnost' v usloviyah global'nykh sociokul'turnykh transformacij cifrovogo informacionnogo obshchestva: sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 2 dekabrya 2020 goda; sbornik statej / kol. avtorov – M.: RUSAJNS, 2021. S. 46-49.
7. Ivleva M.I. O spiritualisticheskoy koncepcii svobody lichnosti // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2008. №6. S.317-323.
8. Ivleva M.I. Social'no-filosofskij analiz fenomena social'nykh setej v tvorchestve K. Fuksa // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2020. №5. S.262-266.
9. Kindzerskaya M.A. Leninskaya politika v oblasti muzejnogo stroitel'stva i ohrany kul'turno-istoricheskogo naslediya strany // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2020. №5. S. 70-74.
10. Malahova E.V. Problema lichnoj i social'noj otvetstvennosti v informacionnom obshchestve // Lichnost' v usloviyah global'nykh sociokul'turnykh transformacij cifrovogo informacionnogo obshchestva: sbornik statej. M.: RUSAJNS, 2021. S. 139-144.
11. Mamedova N.M. Problema universalij v kul'ture // Nauchnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoj aviacii. 2014. №203. S.56-61.
12. Marmazova T.I. Filosofsko-politicheskij analiz funkcyj politiki skvoz' prizmu civilizacionnogo diskursa // Pravo i praktika. 2020. №1. S.179-184.
13. Novikova E.Yu., Galuhin A.V. Ekonomicheskij patriotizm kak mirovozzrenie // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2020. № 5. S.171-175.
14. Ponzovkina I.F. Informacionnaya revolyuciya: dostizheniya i protivorechiya v nauke // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2018. №9. S.26-32.
15. Ruzanov S.A., Sokolov M.V. K voprosu istorii obshchestvenno-politicheskogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii v 1991 – 1999 gg. // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2020. №5. S.164-170.
16. Savinchenko T.I. Etilicheskie aspekty formirovaniya mnogoetnichnogo gosudarstva Rossii v processe territorial'nogo rasshireniya // Rossijskaya identichnost': sociokul'turnyj kontekst: sbornik nauchnykh statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 15 noyabrya 2019 g. M.: RUSAJNS, 2019. S.200-204.
17. Samsin A.I., Ponomarev M.A. Filosofiya upravleniya: uchebnoe posobie / pod red. M.N. Kulapova. M.: RUSAJNS, 2017.
18. Skatershchikova A.V. Individualizm v sovremennom obshchestve: tradicii i perspektivy // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2019. №9. S.58-64.
19. Fomenko M.V. Mesto tolerantnosti v sisteme cennostej formiruyushchejsya lichnosti // Rossijskaya identichnost': sociokul'turnyj kontekst: sbornik nauchnykh statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 15 noyabrya 2019 g. / kol. avtorov. M.: RUSAJNS, 2019. S.243-246.
20. Yablochkina I.V., Ruzanov S.A. Otechestvennaya istoriya: uchebnik/ pod obshch. red. I.V. Yablochkinoj. M.: «REU im. G.V. Plekhanova», 2017.

**КОСТИН ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ** – старший преподаватель кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (pkostin5@mail.ru).

**KOSTIN, PETR A.** – senior lecturer, Department of history and philosophy, Plekhanov Russian University.

КАЗАРЯН Ш.Е., ГРИГОРЯН А.Э.

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ  
СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ**

**Ключевые слова:** преподавание иностранного языка, общая педагогическая теория, прагмалингвистическая компетенция, межкультурная коммуникация, речевые акты.

В статье рассмотрена необходимость формирования прагмалингвистической компетенции студентов неязыковых специальностей вузов, как неотъемлемой части коммуникативной компетенции, обеспечивающей успех межкультурного общения. Авторы раскрывают лингвистические характеристики компонентов компетенции, предлагают комплекс заданий, способствующих формированию прагмалингвистической компетенции на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе. Студенты не всегда могут соотнести языковые структуры с конкретной коммуникативной задачей в случае недолжного внимания к прагмалингвистическому аспекту общения. Показаны основания методик, способствующих в процессе обучения иностранному языку развитию умения правильно использовать и точно интерпретировать языковые структуры.

KAZARYAN, Sh.Y., GRIGORYAN, A.E.

**FORMATION OF PRAGMA-LINGUISTIC FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE OF STUDENTS OF NON-LINGUISTIC  
HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS**

**Key words:** teaching a foreign language, general pedagogical theory, pragma-linguistic competence, intercultural communication speech acts.

The article justifies the necessity to form higher school students' pragma-linguistic competence as an integral component of communicative competence that ensures successful intercultural communication. The authors provide a linguistic description of the competence components, propose a set of tasks promoting formation of pragma-linguistic competence in foreign language classes at non-linguistic universities. The disregard of pragma-linguistic aspect of the intercourse may result in the fact that students cannot always correlate the language structures with a specific communicative task in the given situation. In the process of teaching a foreign language it is essential to provide students with the skills enabling them to use and interpret language structures accurately.

Межкультурное общение предполагает контакт языков на лингвистическом и культурологическом уровнях. Прагматика является той областью, где они взаимодействуют. Когнитивно-деятельностный подход к изучению и преподаванию иностранного языка предполагает знание правил прагматической интерпретации, то есть правил, которые приписывают с учетом особенностей прагматического контекста каждому высказыванию статус определенного речевого акта, а также поиск моделей, по которым происходят планирование, производство и понимание речевых актов.

В процессе овладения иностранным языком студенты неязыковых вузов усваивают материал, который демонстрирует функционирование языка в естественной среде, речевое и неречевое поведение носителей языка в разных ситуациях общения. Недостаточное внимание к прагматическому аспекту общения приводит к тому, что студенты, овладевая языковыми структурами не всегда соотносят их с конкретной коммуникативной задачей в определенной ситуации. Отсутствие прагматических компетенций приводит к тому, что студенты не всегда могут соотнести языковые структуры с конкретной коммуникативной задачей [1].

Термин «компетенция» был введен американским лингвистом Н.А. Хомским. Он предложил использовать понятие «компетенция» для характеристики человека к выполнению какой-либо деятельности. Согласно автору, компетентный говорящий способен понимать и продуцировать неограниченное число правильных в языковом отношении предложений. В основе такой способности лежат усвоенные человеком языковые знаки и правила их соединения между собой. При этом он разграничивал два понятия: «компетенция» - знание языковых знаков и правила их соединения и исполнение (performance) – способность пользоваться такими знаками в речевом общении. Именно употребление, по его мнению, есть проявление компетенции в различных видах деятельности, связанное с мышлением и опытом человека [5].

В современной литературе компетенция рассматривается как «конечный результат процесса образования», а «компетентность» - как компетенция в действии. Прагмалингвистическая компетенция определяется как желание и умение ориентироваться в ситуации общения и строить высказывания в соответствии с коммуникативным намерением говорящего и возможностями собеседника, умение выбрать эффективный способ выражения мысли в зависимости от условий общения и поставленной цели. Прагматическая компетенция предполагает способность использования языковых средств в определенных функциональных целях в соответствии со схемами профессионального взаимодействия. Она включает: 1) дискурсивную компетенцию (знание правил построения высказываний, их объединения в текст);

2) функциональную компетенцию (использование устных и письменных высказываний для выполнения различных коммуникативных функций); 3) компетенцию схематического построения речи (умение последовательно строить высказывание в соответствии со схемами взаимодействия). На основе прагматической компетенции достигается успех в решении коммуникативных задач: информирования, побуждения, выражения мнения, оценки, установления контакта, а также эффективность воздействия сообщения на поведение собеседника в желаемом направлении [6].

Цель обучения прагмалингвистической компетенции – научить студентов неязыковых вузов правильно использовать лингвистические средства не только с точки зрения норм иностранного языка, но и в соответствии с коммуникативным намерением, с учетом профессиональной ситуации, контекста профессиональной деятельности и профессионально значимых задач.

В большинстве неязыковых вузов реализация этих задач осложняется рядом объективных и субъективных факторов. Недостаточное количество аудиторных занятий по иностранному языку, низкая мотивация обучающихся и значительная дифференциация уровня языковой подготовки выпускников школ. Тем не менее для достижения этой цели преподавателям следует использовать два типа заданий: коммуникативно-прагматические и интерактивные. Коммуникативно-прагматические задания предполагают тренировку по выбору и использованию социокультурных стратегий в речевом поведении в соответствии с обозначенными коммуникативными целями, содержанием и особенностями контекста.

К коммуникативно-прагматическим заданиям относятся:

- распознавание и реализация прагматической цели речевого поведения носителя языка;
- употребление этикетных формул речевого поведения в адекватном социокультурном контексте;
- прогнозирование коммуникативной приемлемости выбираемых языковых и речевых средств оформления высказываний;
- замена неадекватного варианта речевого поведения культурно-адекватным;
- использование невербальных средств речевого поведения;
- выбор и реализация приемлемого в социокультурном плане речевого поведения [4, с. 5].

Интерактивные задания направлены на использование и дифференциацию адекватными социокультурными стратегиями с целью моделирования аутентичного речевого поведения в ситуациях межкультурного общения. Такого рода задания способствуют формированию коммуникативной гибкости речевого поведения в различных социокультурных условиях общения. Необходимо научить студентов анализировать реакцию собеседника на то или иное высказывание и на основе этой информации определять дальнейший ход общения.

Итак, в первую очередь студенты должны обладать навыками отработки обратной реакции на высказывание с использованием ранее изученного лексического материала. По структуре организации предпочтительно, чтобы это была работа в паре, нацеленная на активизацию диалогической речи в соответствии с одной из возможных функций коммуникативного акта. В течение непосредственной групповой работы преподаватель должен выполнять функцию наблюдателя и фиксатора языковых и неязыковых коммуникативных паттернов участников. По завершении дискуссии представитель каждой мини-группы должен выступить с кратким сообщением, обобщающим результаты командной работы. На завершающей стадии целесообразно установить зависимость вида и способа обратной реакции от социокультурной составляющей коммуникации.

В процессе практической реализации идеи формирования иноязычной компетенции студентов неязыковых вузов можно выделить существенные требования к основным методическим моментам, которые обеспечивают прагмалингвистическую составляющую процесса обучения. Обучение такому виду компетенции проходит в ситуациях общения, которые должны быть реальными, проблемными. Такие ситуации следует тщательно продумывать в реальной жизни и внедрять в учебный процесс полностью или фрагментарно. Такие ситуации стимулируют студентов использовать иностранный язык в качестве способа решения той коммуникативной задачи, которую ставит именно ситуация [3]. Кроме того, в реальной ситуации

решаются металингвистические задачи, а это уже говорит о навыках выбора речевых средств согласно целям и задачам в рамках коммуникативной компетенции.

Реальная ситуация побуждает студентов использовать свой социокультурный опыт и знания. [7]. Исходя из этого, ситуация может быть непредсказуемой, непланируемой и меняющейся. Поэтому такая ситуация всегда нова, интересна и актуальна для студента. Можно с уверенностью сказать, что подбор профессиональных ситуаций общения мотивирует студентов, а это очень важный аспект успешности обучения иностранным языкам. Крайне необходимо дать студентам возможность мыслить, решать какие-либо проблемы, рассуждать над возможными путями решения этих проблем с тем, чтобы студенты акцентировали свое внимание на содержании своего высказывания, чтобы в центре внимания была мысль, а язык выступал в своей прямой функции – формирование и формулирование этих мыслей.

Таким образом, можно заключить, что прагмалингвистическая компетенция является важнейшим компонентом коммуникативной компетенции, владение которой обеспечивает успех общения, способствует взаимопониманию и препятствует образованию негативных стереотипов. Учет социокультурного контекста, в котором происходит общение, ценностей иноязычной культуры, прагматических норм и правил, использование стратегий вежливого коммуникативного поведения, умение верно интерпретировать коннотативные компоненты лексической единицы и смысл высказывания позволяют избежать неудач в общении, обусловленных расхождениями языковых систем, различиями в коммуникативном поведении и разными социокультурными ценностями. [8]. Перспективным направлением представляется изучение возможностей формирования прагмалингвистической компетенции на основе современных цифровых технологий, лингводидактического потенциала электронных ресурсов и компьютерных баз данных для уточнения содержания и методики формирования прагмалингвистической компетенции в учебном процессе.

### Литература и источники

1. Василина В.Н. Формирование иноязычной прагматической компетенции студентов на занятиях по практике устной и письменной речи // Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О.И. Уланович (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2012. С. 96–103.
2. Колесников А.А. Функциональная роль обратной связи в структуре речевой деятельности // Иностранные языки в школе. 2011. № 1. С. 20–27.
3. Мерзликina О.В. Испанский язык для преподавателей иностранного языка. Учебное пособие. М., 2020.
4. Починок Т.В. Формирование социокультурной компетенции как основы межкультурного общения // Иностранные языки в школе. 2007. № 7. С. 2–6.
5. Хомский Н.А. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.
6. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика. М., 2007.
7. Баркова Э.В. Онтологическое измерение слова в горизонтах экофилософии культуры // Онтологическое измерение слова в горизонтах экофилософии культуры. Сборник статей по итогам круглого стола (с международным участием). М., 2022. С. 5–19.
8. Баркова Э.В. Философия межкультурных коммуникаций в стратегиях развития современного мира // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2016. № 1 (13). С. 5–16.

### References and Sources

1. Vasilina V.N. Formirovanie inoyazychnoj pragmaticheskoj kompetencii studentov na zanyatiyah po praktike ustnoj i pis'mennoj rechi // YAzyk, rech', obshchenie v kontekste dialoga yazykov i kul'tur: sb. nauch. tr. / Belarus. gos. un-t; redkol.: O.I. Ulanovich (otv. red.) [i dr.]. Minsk: Izd. centr BGU, 2012. S. 96–103.
2. Kolesnikov A.A. Funkcional'naya rol' obratnoj svyazi v strukture rechevoj deyatel'nosti // Inostrannye yazyki v shkole. 2011. № 1. S. 20–27.
3. Merzlikina O.V. Ispanskij yazyk dlya prepodavatelej inostrannogo yazyka. Uchebnoe posobie. M., 2020.
4. Pochinok T.V. Formirovanie sociokul'turnoj kompetencii kak osnovy mezhkul'turnogo obshcheniya // Inostrannye yazyki v shkole. 2007. №7. S.2-6.
5. Homskij N.A. Aspekty teorii sintaksisa. M., 1972.
6. Shchukin A.N. Obuchenie inostrannym yazykam: teoriya i praktika. M., 2007.
7. Barkova E.V. Ontologicheskoe izmerenie slova v gorizontah ekofilosofii kul'tury // Ontologicheskoe izmerenie slova v gorizontah ekofilosofii kul'tury. Sbornik statej po itogam kruglogo stola (s mezhdunarodnym uchastiem). M., 2022. S. 5-19.
8. Barkova E.V. Filosofiya mezhkul'turnyh kommunikacij v strategiyah razvitiya sovremennogo mira // Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova. Vstuplenie. Put' v nauku. 2016. № 1 (13). S. 5-16.

**КАЗАРЯН ШУШАНИК ЕРВАНДОВНА** – доцент кафедры иностранных языков № 2 РЭУ имени Г.В. Плеханова (suzy24.10@mail.ru)

**ГРИГОРЯН АРМИНЕ ЭДУАРДОВНА** – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 РЭУ имени Г.В. Плеханова (grigarm7@yandex.ru).

**GAZARYAN, SHUSHANIK Ye.** - Associate Professor of the Department of Foreign Languages No. 2 of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov (suzy24.10@mail.ru).

**GRIGORYAN, ARMINE E.** – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages No. 2, Russian Economic University named after G.V. Plekhanov (grigarm7@yandex.ru).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

# ПРАВО И ПРАКТИКА

Ежеквартальное издание

## Учредители:

АНО «Научно-исследовательский институт истории,  
экономики и права»  
НО «Кубанская коллегия адвокатов адвокатской палаты  
Краснодарского края»

## Издательство

АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права»

119192, Москва, Мичуринский проспект, 16, к.267

E-mail: info@helri.com. Официальный сайт: www.helri.com

Тел. +7 (495) 227-24-13

Подписано в печать 25.06.2022г.

Формат 64x92/8 Тираж 500 экз. Заказ № 10